

56
15-42
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

35

1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

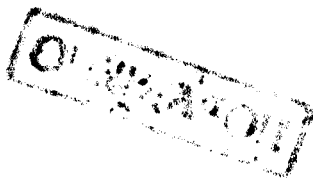
А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ДК
56
—
Б-42

В
ВИЗАНТИЙСКИЙ
ВРЕМЕННИК

Том 35

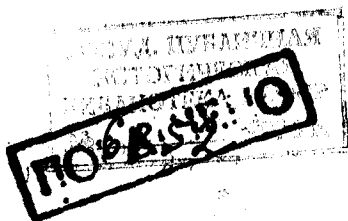
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1973

РЕДАКЦИОННАЯ:

доктор исторических наук *З. В. Удальцова* (отв. редактор),
действительный член Академии художеств СССР *М. В. Алпатов*,
доктор филологических наук *Е. Э. Гранстрем*,
доктор исторических наук *А. П. Каждан*,
член-корреспондент АН Грузинской ССР *С. Г. Каухчишвили*,
доктор исторических наук *Г. Л. Курбатов*,
член-корреспондент АН СССР *В. Н. Лазарев*,
доктор исторических наук *Е. Э. Липшиц*,
кандидат исторических наук *Г. Г. Литаврин* (зам. отв. редактора),
кандидат исторических наук *Р. А. Наследова* (отв. секретарь),
доктор исторических наук *Е. Ч. Скржинская*,
доктор исторических наук *М. Я. Сюзюмов*

Вся
собой
пробле
сохран
методо
В. И.
годах
связа
странс
В с
В. И.
Марк
и реп
с луч
демок
не от
высту
зывает
от и
«усто
сочин
наки
хран
а ра
ческ
Е
выст
было
он
ком
чес
воп
из
кул
ино

СТАТЬИ

М. Я. СЮЗЮМОВ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ВИЗАНТИИ И ЗАПАДА

Всякий переход к новым формам общественной жизни представляет собой сочетание деструктивных и конструктивных мероприятий. Встает проблема, от каких элементов старого строя следует отказаться и что сохранить для развития нового общества, т. е. возникает теоретико-методологический вопрос о преемственности в историческом процессе. В. И. Ленин дважды обращался к этой проблеме: первый раз в 90-х годах прошлого века, когда в среде русской интеллигенции велись споры, связанные с переходом России к капитализму, второй раз — когда перед страной стояла задача построения социалистического общества.

В статье «От какого наследства мы отказываемся», написанной в 1897 г., В. И. Ленин резко выступил против обвинений, будто русские ученики Маркса «не желают состоять ни в какой преемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наследства» и что они (ученики) порвали с лучшими традициями передовой части русского общества и «прервали демократические нити»¹. В. И. Ленин писал, что «ученики» нисколько не отказываются от наследия западных и русских просветителей, но выступают против признания капиталистического строя упадком, отказываются от веры в самобытность русского экономического строя вообще, от идеализации крестьянской общины, от подкрашивания деревни и «устоев». Народники, замечал В. И. Ленин, «во всем важным вопросам сочиняли всякие самобытные глупости, тогда как «ученики» никогда не накидывались на наследство, завещавшее европейские идеалы»². Однако хранить наследство, по В. И. Ленину, означало, не ограничиваться им, а развивать его на основе изучения противоречий уходящего с исторической сцены данного общества.

В первые годы строительства социализма В. И. Ленин решительно выступал против тенденции прямолинейного отрицания всего того, что было в старом обществе. Тенденцию отвергать всякую преемственность он назвал «детской болезнью левизны»³. В. И. Ленин подчеркивал, что коммунизм может быть построен только на прочном фундаменте человеческих знаний, завоеванных при капитализме. В частности, касаясь вопроса о старой школе, он отмечал: «Мы должны различать, что является из того, что было в старой школе, необходимым для коммунизма»⁴.

История представляет собой единый процесс развития человеческой культуры, когда достижения прошлого переходят к новым поколениям, иногда через эпохи упадка, неравномерного развития, когда отстающие

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 508 и 544.

² Там же, стр. 544.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 33.

⁴ Там же, стр. 303.

страны воспринимают опыт передовых. Ф. Энгельс писал о «великой исторической связи, без установления которой история в лучшем случае являлась бы готовым к услугам философов сборником примеров и иллюстраций»⁵. Все это общеизвестно и понятно, когда мы говорим о современности. Но когда речь идет о далеком прошлом, зачастую на первый план выдвигаются теории спонтанного, самобытного развития, а порою не признается даже последовательность прогрессивного чередования социально-экономических формаций.

Чем обусловлены подъем, а затем упадок Византии и ее гибель? Эта проблема интересовала еще Монтескье, Лебо и Гиббона, но до сего времени нельзя считать, что мы в состоянии ответить на вопрос: почему же, когда и в чем Византия отстала от Запада? В историографии есть тенденция строить выводы, так сказать, ex eventu: если в конечном счете прогрессивный, капиталистический строй развивался не в недрах Византийской империи, а на Западе, если не в Византии, а именно в Западной Европе XIV—XV вв. появляются важные научные открытия, то классическим следует признать западный феодализм. Таким образом, для перехода к феодализму закономерными и необходимыми оказываются этнические изменения вплоть до геноцида, и уничтожение Римского государства, разрушение городов, замена римского права варварскими Законами, уничтожение централизации, упадок культуры. Институты же, специфические для Византии, обстановка, существовавшая там в переходное время, порою признаются причиной отставания, а в дальнейшем и гибели Византии: централизация, бюрократия, устойчивость правовых отношений, недостаточно быстрое развитие феодальных институтов западного («классического») типа.

Конечно, в основе подобного вывода лежит методологически и логически неправомерный прием: исходная обстановка принимается за конечную причину, специфика — за закономерность, несмотря на то, что на протяжении почти 800 лет обстановка и в Византии и на Западе изменилась. Как известно, под влиянием различных факторов при одном и том же способе производства одни общества могли быстрее двигаться вперед, другие отставать. Конкретные явления закономерного процесса находятся не в прямой функциональной зависимости от конечной причины, но только в корреляционной. Факторы самого различного порядка оказывают порою совершенно противоположное влияние; даже вопреки конечной причине, но тем не менее в общей статистической корреляционная связь несомненна.

В чем же специфическая особенность общественного строя Византии по сравнению с Западом? В первую очередь надо сказать о централизации государственного управления, развитом бюрократическом аппарате. В историографии высказывается мнение, будто централизация в Византии породила общественное безразличие к судьбам империи, безразличие моральное и гражданское. Априори принимается за аксиому, что при феодальном способе производства не должно быть ни централизации, ни бюрократии. Но так ли это? Безусловно, феодальная иерархия была необходима для господства над трудящимися при слабости или отсутствии центральной власти, но это — специфика так называемого «германского способа производства». К. Маркс употреблял этот термин, нужно думать, не имея в виду феодальной формации в целом. Он хотел лишь подчеркнуть, что иерархическая структура общества является отличительной особенностью развития германцев; тем более, что при жизни К. Маркса внутренняя история Византии и других стран, кроме Западной Европы, была еще мало исследована.

Действительно ли феодальному способу производства обязательно присуща феодальная иерархия? Для ответа на этот вопрос вернемся к

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 21, стр. 287—288.

ленинскому определению преемственности. Из него вытекает, что при создании нового общества нужно учитывать три момента: 1) проводить деструктивные акции, т. е. разрушать все, что мешает рождению нового строя, и вести борьбу с пережитками, характерными для отживающего общества; 2) использовать достижения человечества, существовавшие при старом строе; 3) проводить конструктивные мероприятия по устройству нового общества. В эпоху перехода от античного мира к средневековью было совершенно неясно, что нужно ломать, что сохранять и в чем состояло то новое, которое шло на смену старому. «Сила вещей» (δύναμις τῶν πραγμάτων) и обстановка разрешали эти проблемы стихийно, бесплано, повинуясь создавшимся новым условиям — как социально-экономическим, так и внешнеполитическим.

Но историки должны разобраться в первую очередь, что можно считать пережитками, которые нужно было тогда преодолеть для перехода к новому, прогрессивному строю. Обычно полагают, что основным пережитком являлось рабство и все институты рабовладельческого общества. Но при этом совершенно упускают из виду те архистаринные пережитки, которые принесли с собой варвары: трибализм, семейно-родовые связи, препятствовавшие развитию товарного обращения, примитивные формы суда (котелок и файда), архаическую психику (война считалась почетным промыслом). Без преодоления, с одной стороны, господства в производственных отношениях рабства, с другой стороны — варварской дикости нельзя было построить феодализм как прогрессивный по сравнению с рабовладельческим общественный строй.

Как же обстояло дело с преодолением пережитков старого общественного строя в Византии? Основной пережиток — рабство, на наш взгляд, уже к концу ранневизантийского периода, т. е. к VI в., был в основном пройденным этапом. Рабство сделалось нерентабельным уже с того момента, когда после *Constitutio Antoniana* стала широко предлагаться, как более дешевая, свободная рабочая сила. Применение труда рабов в производстве, характерное для античности, было в основном изжито. Но раб использовался в политических целях: обилие рабов в домах знати придавало ей общественный вес; рабы, кроме того, ценились и использовались для личных услуг. Однако римское право сохранило в своих установлениях этот институт полностью: в дальнейшем, при формировании феодального строя, некоторые особенности института рабства оказали воздействие на складывание наиболее тяжелых форм зависимости. Рабство и все с ним связанные тенденции (вместо положений *do ut des, do ut facias* — пользоваться правом *dominium*) адаптировались и были очень устойчивым пережитком в период феодализма. Но все же рабство в Византии настолько уже оказалось преодоленным, особенно в сельском хозяйстве, что некоторые остатки его не могли препятствовать развитию феодализма.

Можно ли централизацию считать пережитком, препятствующим развитию феодализма? Ведь и на Западе по мере дальнейшего развития феодализма усиливалась борьба против феодальной раздробленности, причем народные массы поддерживали централизаторскую политику королей (как, например, в XII в. во Франции). Что же касается бюрократического аппарата, признаваемого основным пороком римского общества, который якобы тормозил прогресс, то нужно сказать, что историки зачастую находятся под впечатлением источников, полных жалоб на чиновников, которые нарушали законность, занимались взяточничеством и произвольными поборами. Однако сущность бюрократического государственного аппарата и состоит в том, что чиновник должен исполнять предписания и законы, но при этом, пусть хотя бы и в идеале, на каждого чиновника можно приносить жалобу за незаконное действие — вплоть до императора. А на кого и кому можно было жаловаться крепостному крестьянину *jure primae noctis*, кроме господ бога. А на произвол

ордалий, «Божьего суда» даже и богу нельзя было жаловаться! Бюрократия при всех ее недостатках была все-таки в известном смысле прогрессивней, чем патриархальный локальный произвол. Разветвленный бюрократический аппарат, упорядоченная система налогового обложения — все это вполне заменяло феодальную иерархию в такой стране, как Византия, где государство извлекало централизованно, через налоговую систему прибавочный продукт. Что бюрократия не препятствовала развитию феодального способа производства, свидетельствует политика средневековых монархий Западной Европы, где уже в XII в. предпринимались попытки возродить бюрократический аппарат. Система бюрократического управления являлась не пережитком, а крупным достижением позднеантичного мира, необходимым для дальнейшего развития средневекового общества.

Можно ли пережитком считать римское право, которое для развития феодализма будто бы следовало заменить варварскими Пrawdами? Во-первых, римское право нельзя назвать правом рабовладельческого общества — выдающиеся юристы III в. уже считали рабство противостественным институтом. Это — право переходного периода. Во-вторых, на Западе в продолжение всего средневековья шла борьба элементов римского права (иногда в форме канонического) против ордалий и кутюмов; университеты Западе уже в XI в. изучали все тонкости *Corpus Juris Civilis*. Римское право в условиях классового общества — не пережиток, а крупнейшее достижение позднеантичного строя.

В связи с великим переселением народов и варварскими завоеваниями порядки родо-племенного общества создавали сложный комплекс пережитков, которые на Западе приходилось изживать в течение многих столетий. Укрепившаяся роль семейно-родственных связей создавала на местах устойчивость общественных отношений. В Византии же варвары не смогли захватить власть, и архистаринные пережитки их родо-племенного строя, которые властно действовали на Западе, не имели особого влияния в империи. В Западной Европе эти пережитки, столкнувшись с великой цивилизацией позднеантичного мира, не скоро были преодолены, что привело к тому, что Запад на много столетий отстал в своем развитии от Византии.

Но может возникнуть вопрос, следует ли эти старинные институты считать пережитками, если исторически из них якобы развивались все феодальные институты средневековья? Разумеется, пережитки нелегко изживаются, тем более что в процессе закономерного развития некоторые пережиточные институты так или иначе адаптируются при построении нового общества. Это касается родо-племенной общины, принципов «верности» и *файды*, и поединка, вошедшего в виде дуэли в понятие «дворянской чести», а также почести войны и признания трудовой деятельности «неблагородной» для знатного человека. Но это не значит, что именно из таких пережитков развился феодализм.

При наличии развивавшихся элементов феодальных отношений в поздеримском обществе весь процесс феодализации на Западе заключался не в развитии этих пережитков, а в преодолении их или адаптации.

Если же говорить о влиянии пережитков, то наибольшее воздействие на институты феодального общества оказали не родо-племенные связи, а именно рабство, хотя оно и приспособлялось к новым условиям. Запад оказался во власти пережитков как рабовладельческого, так и дорабовладельческого обществ.

Что же касается античной культуры, то ее достижения неисчислимы как в сфере науки, литературы и искусства, так и в области ремесла, строительного дела, мореплавания, а особенно — в области права. К тому же античный мир сам порождал экономические основы для перехода к феодальному строю — и фактически Кодексы Феодосия и Юстиниана по-

ложили начало оформлению юридического статуса феодально-зависимого населения в деревне и свободных ремесленников в городе.

При характеристике феодальной формации следует помнить, что она — более прогрессивна, чем рабовладельческая. Нельзя ограничиться противопоставлением одного строя другому, простой констатацией того, что в рабовладельческом обществе средства производства и объекты труда в основном принадлежали рабовладельцу, тогда как в феодальном обществе они обычно находились в личной собственности трудящегося, а объекты приложения труда или находились во владении, или передавались для хозяйствования непосредственному производителю; при этом прибавочный продукт переходил собственнику объектов приложения труда. На наш взгляд, для определения прогрессивности того или иного общественного строя необходимо учитывать развитие культуры в целом, те достижения прошлого, которые сделали возможным переход к новому обществу, т. е. наличие преемственности. Трудно представить, чтобы общественный строй, описанный Григорием Турским или Раулем Глабером, был более прогрессивным, чем строй, знакомый нам хотя бы по письмам Плиния или по речам Либапия. Позднеантичные традиции сохранились на Западе VI—IX вв. в технике сельского хозяйства и отчасти в рецептах ремесла и в денежном обращении. Мы не можем считать общественный строй раннесредневекового Запада прогрессивным лишь до времени расцвета городов. Это был провал, гигантский скачок назад. «Представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, — говорил В. И. Ленин, — недиалектично, ненаучно, теоретически неверно»⁶.

Остановимся на третьей, главной конструктивной задаче того времени — построении нового. Для людей средневековья рождение элементов нового общества (колонат, новые формы сеньориальной эксплуатации, частная власть, основанная на крупном землевладении, изменение роли рабов), естественно, не могло быть осознанным процессом. Господствующие классы стремились извлекать максимум пользы для себя и вводили новшества прежде всего потому, что видели в них выгоду. Правительство Позднеримской империи экономическими и социальными мероприятиями старалось сохранить господствующие социальные отношения, и его нововведения имели целью лишь укрепление старого.

В то же время народные массы стремились к новому, да и верхушка понимала, что оставлять все по-прежнему невозможно, — нужно было «новое». Стихийные протесты против существующего проявлялись раньше всего среди трудящихся масс. В. И. Ленин говорил о революционной инициативе масс, о том, что не было в истории такого движения, которое бы не начиналось со стихийных, неорганизованных взрывов. Но это движение было направлено не только против рабства. Народные массы недовольны были другим. Мы знаем, как быстро развивалась античная цивилизация, каких вершин достигла наука, доступная меньшинству, как возводились новые города с театрами, водопроводами, как быстро увеличивалась интеллигенция и росло число праздных сторонников Эпикура, как разрасталась торговля и усиливалась роскошь господствующих классов. И все это осуществлялось за счет труда народных масс. Темпы развития цивилизации не соответствовали темпам создания средств существования и уровню производительных сил общества. Это несоответствие возможно было в таком строе, где вместо хозяйственных принципов *do ut des* и *do ut facias* преобладал принцип *dominium*.

Античная культура ложилась тяжким бременем на трудящихся. Римская империя жила «не по карману». Отсюда понятно, почему протест против рабовладельческого строя в народных движениях направлялся

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 6.

не только против института рабства, но принял характер тотального отрицания всей античной культуры. Так, в первоначальном христианстве отвергалось все — как рабство, так и роскошь, и ученость, и искусство. В противовес идеям эпикуреизма верхушки общества в массах стали утверждаться идеалы воздержания, аскетизма, мирские наслаждения предавались проклятию; получили распространение идеи греховности мира, идеи эсхатологии. Прямолинейное отрицание всего общественного строя стало исходным пунктом христианства как движения. Но если отрицание выражалось ясно, то позитивные цели движения оказались расплывчатыми. Говорили о любви и братстве людей, выступали против имущественного неравенства, но все это являлось негативным элементом идеологии.

Каким же должно быть новое общественное устройство, оставалось неясным, особенно при таких положениях, как «кто не работает, тот пусть и не ест!» или же распределение *καθότι χρείαν* («по потребности»).

Эсхатологические чаяния в дальнейшем уступали место сотериологии, движение превращалось в массовую организацию. Цели движения воплощались в богооткровенную доктрину, в принятии которой осуществлялось и обновление мира, и спасение личности. Социальное движение протеста фактически заменялось борьбой за доктрину. И борьба против «старого», и введение «нового» сделались достоянием церкви, как борьба против язычества с его философией и мировоззрением. Использование же достижений прошлого в культуре и науке стало ограничиваться только теми элементами античной культуры, которые не шли вразрез, а наоборот, могли способствовать защите христианской доктрины. Все достижения использовались только в свете христианского учения; новое, за которое велась борьба, — это проникновение христианства во все поры общественной и личной жизни. Поскольку христианская доктрина была расплывчатая, церковь, умевшая приспособливаться, ограничивалась освящением в основном только того нового, что выдвигалось жизнью в интересах господствующих классов.

Теперь рассмотрим, как развивались те элементы нового способа производства, которые обнаруживались в империи уже в IV—V вв.: единоличное хозяйствование с помощью собственных средств производства, сеньориальная эксплуатация. Как развивалось крупное землевладение, основанное на мелком производстве? Прогрессировал ли колонат как характерный институт эксплуатации мелкого самостоятельного хозяйства крестьянина, уплачивавшего ренту крупному землевладельцу? На первый взгляд, произошло нечто парадоксальное: те институты, те тенденции, которые действительно приводили к «новому», не только не воспринимались, а сходили с авансцены общественной жизни, причем в законодательстве отмечалась борьба против таких институтов, как патронат, оказывалось покровительство митрокомии.

В IV—VI вв. перейти сразу же в полной мере к феодальному способу производства было невозможно. Позднеантичная цивилизация, как мы видели, была слишком непосильной для трудовых масс. К тому же эпоха великого переселения народов создавала «военную экономику» в стране с добавочными налоговыми обложениями, с реквизициями, грабежами. Все это делало невыносимо тяжелыми условия жизни крестьян. Они разбегались из-за непосильных тягот и постоянных войн, у них пропал стимул к интенсивному ведению хозяйства. Могли ли быть рентабельны сеньориальные формы эксплуатации, когда крестьянство было доведено до нищеты, измучено, хозяйственно дезориентировано? Между тем рента предполагала самостоятельное ведение крестьянского хозяйства. Поэтому для укрепления феодальных производственных отношений необходимо было поднять крестьянское хозяйство. Эта перестройка длилась около трех-четырех столетий и пришлась на так называемый «дофеодальный

период»⁷. Специфика Запада состояла в том, что тогда отсутствовали централизованные государства: усиливалась частная власть, укреплялись местные обычаи, «кутумы», складывалась феодальная иерархия.

Таким образом, налицо разные формы процесса феодализации — в Византии, стране с централизованным управлением, и в этнически, политически и экономически раздробленной Западной Европе. Феодальный способ производства развивался и в централизованных и в раздробленных странах параллельно. Классическим же — благодаря более полной преемственной связи с античностью — можно считать, на наш взгляд, путь развития феодализма в Византии.

Что же касается города, то процесс его формализации начался в Византии, как нам кажется, уже с IV в. Античные коллегии стали принимать производственный характер. Сохраненные от античности секреты ремесленного производства обусловили высокий уровень техники. Отцы церкви VI в. неоднократно восхищались искусством кораблестроения, украшенными рисунками цветными тканями, различного рода механизмами. Город стал центром свободного ремесла⁸ с сильными тенденциями к утверждению монопольных прав ремесленных объединений. Законы Льва I и Зенона говорят о наличии столь развитых тенденций такого рода, что правительству приходилось принимать экстренные меры против подобных «монополий». В конце IX в. в Византии раньше, чем где-либо, правительство сознательно покровительствовало ремесленным, промышленным и торговым объединениям. Византийские корпорации, подобно западным цехам, были союзами владельцев эргастриев. Состав объединений в разных странах был различен — в зависимости от характера клиентуры. Там, где был устойчивый сбыт ремесленных изделий, как в Западной Европе, цехи на длительное время принимали для обучения подмастерьев и учеников. Там же, где конъюнктура была очень неустойчивой, как в Константинополе, где она зависела от интенсивности международных торговых связей, там вместо подмастерьев, тесно связанных с цехом, нанимались мистии на небольшой срок.

Поскольку в феодальной деревне в основном преобладало натуральное хозяйство, роль средневекового города, особенно в раннее средневековье, заключалась в том, чтобы продукт этого хозяйства превращался в товар. Город становился центром развития товарного обращения, средоточием материальной и духовной культуры.

* * *

Позднеантичный мир политически объединяла абсолютная монархия. Религия — язычество — фактически находилась уже в стадии разложения, и эпикурейцы — Лукреций и Лукиан — сумели дискредитировать политеизм, на смену которому пришло обожествление цезарей. Гражданские же отношения регулировались римским правом. С перенесением центра на Восток начался новый период развития и императорской власти, и римского права («вульгаризация»).

На эволюцию права оказывали постоянное воздействие изменения как в сфере социально-экономической жизни, так и в сфере идеологии. Христианство долгое время стояло в стороне от римского права, стремясь создать свои нормы быта и свое церковно-общинное судопроизводство. Но уже в III в. христианство отбрасывает целый ряд экстремистских положений, а в IV в. намечается подлинный союз двух доктрин — римского права и христианства. Руководивший христианским движением епископат сумел найти связь с правящей прослойкой, смог согласовать

⁷ См. М. Я. Сюзюмов. Дофеодальный период в Византии. — АДСВ, VIII, стр. 3 сл.

⁸ Liban, XI, 258.

христианскую мораль с нормами римского права. Тем самым он способствовал превращению христианства в силу, которая фактически получила в свои руки возможность монопольно, при полном содействии гражданской власти заняться перевоспитанием масс в духе христианской доктрины.

Но христианская доктрина требовала еще в значительной степени уточнения формулировок, особенно в связи с новым господствующим положением церкви. Оформление доктрины длилось до середины IX в. Не столько вера в бога и благочестие, сколько полное признание всех положений христианской доктрины считалось спасительным для души, благополучием для личности и государства. Таким оформлением доктрины, которая являлась обязательной в государстве, занялись церковная верхушка и правительство. Творцы доктрины разрабатывали ее наукообразно; в сфере вероучения они не оставляли места народной идеологии и с нескрываемым презрением относились к народным массам. Уже в ветхозаветных книгах неоднократно пастырь противопоставлялся овцам. Особенно четко это противопоставление проводилось христианской элитой — епископами, богословами: «Паси овцы моя!» Когда Златоуст вернулся после первой ссылки по настоянию народных масс в Константинополь, он в проповеди торжественно говорил: «Овцы без пастыря сами постояли за правду!» И никому не казалось обидным такое сравнение! Народ — послушное стадо. Он не имеет права выдвигать свои положения веры: «Почто мниши себя пастырем, будучи овцою?» Пастырь должен учить. Известно изречение Тертуллиана: *populus non sequendus, sed docendus est*, т. е. «за народом не нужно следовать, народ нужно воспитывать!» Общественная мысль, поставленная под контроль церкви, сделалась ее монополией. Вся жизнь страны включалась в рамки доктрины.

Христианство нуждалось в единстве. Но как раз в период окончательного оформления доктрины не было единства в верхушке христианских доктринеров, мелочных, гордых тем, что именно они действуют под влиянием божественного откровения, нетерпимых к любой поправке, любой оригинальной мысли. Споры шли о том, как понимать истину, в чем основа учения и как бороться за его чистоту против всяких извращений? Доктрина «символ веры», христологические термины выдвигались, естественно, не народными массами, а богословами, но за массами оставалось право принять или отвергнуть ту или иную доктрину. Началась демагогическая борьба за массы.

Вожди христианства понимали, какую мощную материальную силу представляет доктрина, овладевшая массами, какую страшную взрывчатую силу представляют брошенные в массы слова. Период византийской истории с IV до середины IX в. — это период демагогии как со стороны императорской власти, так и со стороны духовенства. Античная демократия давно исчезла. Полисно-муниципальное самоуправление создавало иллюзию частичной демократии. Правда, эта демократия не давала возможности широких выступлений, а была локально ограничена. Стремясь приобрести влияние в борьбе против городской верхушки, обиженной тем, что власть в городах передана чиновникам, Константин ввел так называемые «возгласы» (*acclamations*), которые дали массам возможность, главным образом во время цирковых представлений, восхвалять или порицать правителя. Само собой разумеется, эти *acclamations* включали некоторые конкретные требования (протесты против дороговизны, нехватки продуктов питания, за что отвечала местная курия). «Возгласы» фактически сводили на нет муниципальное самоуправление и власть городской знати. Не случайно Либаний придавал им большое значение, подчеркивая, что они обычно организовывались правителем.

Но в гораздо более широких масштабах подобная «демократическая» политика проводилась церковью. В пору нелегального существования,

христиане создавали общины, заботясь о том, чтобы как можно резче отмежеваться от язычников. Примитивные общины потребительского характера по мере распространения христианства превращались в церковные приходы (впервые в Александрии — «лавы»). А в период христологических споров, когда создавалась прочная христианская доктрина в приходах решалась судьба той или иной формулировки вероучения. Епископы умели нащупывать в приходах связь с определенными прослойками населения, увязывать нюансы доктрины с интересами определенных владельческих групп и широкими слоями городского населения.

Мы не можем недооценивать эту «демократию», которой народные (в основном городские) массы пользовались в IV—IX вв. От организованных по приходам масс зависело, кандидат какого направления получит кафедру местного епископа. Сочувствуя тому или иному богословскому тезису, массы фактически могли критически относиться и к правительству. Так или иначе, желая иметь поддержку в массах, правительство вынуждено было иногда удовлетворять ходатайство церковников по некоторым вопросам гражданского порядка. Самый факт, что от народных масс зависело, победит ли то или другое направление, означал, что приходские массы играли серьезную роль в решении важных государственных проблем. Церковными лозунгами можно было прикрывать направления местной классовой борьбы, сепаратистские цели, определять оппозиционное настроение или же поддерживать правительство.

Повседневно занимаясь воспитанием масс, церковь получила особую власть над правительством, и в результате любой император должен был определять свое отношение к господствующей христианской доктрине. Союз церкви с правительством привел к тому, что основным предназначением императора стало охранять чистоту церковной доктрины. А так как церковь проникла во все поры гражданской жизни, то автократия — абсолютная власть императора — была по существу ограничена. Всякое нарушение доктрины давало возможность церковникам опираться на массы, защищать интересы определенных прослоек знати под флагом охраны чистоты вероучения. Так, даже весьма сдержанные симпатии Анастасия к монофиситам вызвали волнения столичного населения, а четвертый брак Льва VI — тяжелые потрясения в империи.

Доктрина господствовала над всем. Даже там, где можно было получить определенную выгоду, забота о чистоте вероучения превалировала. Когда император Никифор II, чтобы покончить с влиянием ислама, хотел провозгласить священную войну с причислением убитых в этой войне христиан к сонму мучеников, церковь решительно воспротивилась, ссылаясь на церковные догмы. Когда Византия, теснимая турками, находилась на пороге гибели, патриарху Филофею не удалось объявить туркам священную войну. Опираясь на принятые в IV в. догматы, церковь не допустила ценой хотя бы небольшого компромисса союза с западным христианством против турок, сорвала все попытки организовать совместную борьбу против турецких завоевателей: народные массы, воспитанные в духе борьбы за чистоту вероучения, не шли ни на какие уступки. Подобное воздействие доктрины на все сферы жизни и политики, однообразный характер идеологической мысли сделали общественный строй Византии удивительно устойчивым, но не допускали никакого самостоятельного мышления. В православии сконцентрировались и борьба с пережитками старого общества (язычество), и освоение античных достижений, оно же освящало новые общественные институты. А поскольку христианская доктрина, хоть и в трансформированном виде, была связана с античным миропониманием, связь с античностью в Византии никогда не ослабевала.

Сохраняя элементы античной учености, византийская общественная мысль была пронизана гордым самосознанием. Характерное для византийцев презрительное отношение к варварам распространилось и на хри-

стианский Запад. И возник удивительный синтез: соединение канонов вселенских соборов и римского права, мучеников житий святых и Гомера, гомилий и риторики породило типичных византийцев — Григория Нисского и Юстиниана, Фотия и Константина Багрянородного, Пселла и Метохита, Евстафия Фессалоникийского и Никиту Хониата. Культура и политические идеи древности, трансформированные христианством, увязывались с новым способом производства. Византия представляла собой единство противоречий: большой континент — Малая Азия, несколько неудобный для внутренних связей из-за отсутствия широких рек, плоскогорье, очень выгодное для скотоводства; Балканы, пригодные для возделывания зерновых культур, виноградников, горного дела, и с их исключительно удобной для морской торговли извилистой береговой линией со множеством торговых приморских городов. Все это создавало благоприятные условия для объединения страны на основе политической и культурной централизации. Сознание величия прошлого приводило к его идеализации. Задачей императорской власти стала не только защита чистоты православия, но и соблюдение старинных обычаев управления государством τῶν παλαιῶν ἔθων πολιτείας τήρησις. Так, Зонара хвалит Алексея Комнина за его решительные мероприятия против павликиан, но порицает за пренебрежительное отношение к старинным обычаям.

Все произведения общественной мысли в Византии отличаются дидактическим характером. Их авторы ставят своей целью воспитывать общество в духе православия. В VI в. дьякон Агапит написал трактат об обязанностях царя и подданных в условиях неограниченной монархии. Литературный стиль этого произведения искусственно сохранял старинные выражения; говорить «по аттически» считалось высшей похвалой.

Соединение христианства с античной мифологией особенно проявилось в риторике. О каждом явлении было принято говорить в тех же выражениях, в каких говорили и писали прежде. Письма составляли по сборникам образцов на манер писем древних авторитетов. Подобно тому, как дикая маслина благодаря прививке преобразуется в садовую, византийцы, интерпретируя древних мыслителей в духе христианской доктрины, пытались «облагородить» античную философию, а в этом, по словам Феодора II Ласкариса, видели прогресс.

Сложнее всего обстояло дело с изобразительным искусством. Ярость христианских фанатиков обрушивалась прежде всего на изображения богов и мифологических сцен. Изменить сюжеты и в то же время сохранить античный реализм было трудно в условиях борьбы против язычества. В античных изображениях богов было слишком мало божественного и слишком много обиденного, человеческого, чтобы вызвать у верующих религиозные эмоции. Однако окончательное оформление христианской доктрины требовало, чтобы искусство полностью подчинилось ей. Победа церкви в конце концов выразилась в признании важной роли иконы в воспитании в народных массах религиозных чувств.

Священное писание, труды отцов церкви, решения соборов считались непререкаемой истиной. С другой стороны, считая себя наследниками эллинской мудрости, византийцы, полагали, что они, как носители высочайшей культуры, могут презрительно относиться к остальному миру. Это порождало самоуверенность, самовлюбленность, исключало какое-либо критическое отношение к основам мирозерцания. Если на Западе Блаженный Августин создал теорию, противопоставлявшую человеческое государство государству божьему, то в Византии такого противопоставления не существовало: император рассматривался как наместник бога, а государство — от бога. На Западе критическое отношение к светскому государству проникло в папскую курию. Острая критика светской власти порождала иногда идеи о суверенитете народа над государем и праве народа выступать против деспотов. Это была принципиальная

критика, тогда как в Византии критике подвергались лишь императоры еретики, нарушавшие чистоту христианского учения, вводившие новшества подрывавшие старинные устои.

* * *

Мы вплотную подошли к вопросу о том, как могло случиться, что Византия, которая стремилась сохранить многие достижения прошлого, которая была родиной нового, типичного для средневековья мировоззрения, Византия, в недрах которой уже созревали элементы феодального способа производства, особенно в городе, где достигнуты были немалые успехи в ремесле, торговле, финансовом деле, где существовала относительно высокая степень грамотности населения и передовое гражданское право, — эта Византия стала отставать от Запада, сохранявшего многочисленные пережитки архистаринного прошлого, утратившего основные достижения античного мира, от Запада, где долгое время не только народные массы, но и знать были неграмотными.

Не сразу и не во всем Византия начала отставать от Западной Европы. Нет такого определенного момента, который следовало бы считать переломным. В основном Византия развивалась закономерно, так же как и Запад. Речь шла только о темпах развития, а они зависели от разных факторов, от общей исторической обстановки, от случайностей, которые иногда оказывали значительное влияние на направление общественного развития. Мы не можем сказать, что Византия до начала XI в. отставала в чем-либо от Запада. Наоборот, катастрофа, постигшая в середине V в. Запад, углубила культурный разрыв между Византией, сумевшей стабилизировать положение, и полностью разгромленной западной половиной Римской империи. Однако крестьянство в Византии IV — VI вв. подвергалось жестокой эксплуатации и нищало. Византийские императоры в какой-то степени сознавали это и стремились поддержать свободную крестьянскую общину — митрокомию. Одновременно уменьшалось число лиц непроизводственных профессий. Византийское правительство разгромило просветительский центр в Александрии и городские школы. Первый серьезный кризис в поступательном развитии Византии произошел в VII в., когда империи пришлось защищаться от новой волны великого переселения народов.

Этот поток шел уже не через Европу, а из глубин Азии и затронул Переднюю Азию и Персидское государство. Борьба Персии с Византией осложнилась вмешательством Западнотюркского каганата, уйгуров и войнами в Китае. Ожесточенные столкновения Византии и Персии из-за торговых путей переплелись с нападениями тюрков на персов, аваров на Византию, с событиями в Центральной Азии и в Китае. Л. Н. Гумилев назвал эти события «мировой войной VII в.»

Внутренний кризис и напряженная внешняя обстановка привели одновременно к гражданской войне в Византии и двустороннему натиску славян и аваров — с северо-запада, персов — с востока.

Классовая борьба, засвидетельствованная немногочисленными, но выразительными источниками (доктрина Якова, Чудеса Димитрия) была ожесточенной и привела к страшным опустошениям и прорыву оборонительной линии на Дунае. Падение режима Фоки не облегчило ситуацию. Благодаря ослаблению сторон Аравия, не участвовавшая в военных действиях, получила возможность политически объединиться и повести стремительное наступление на Византию и Иран. Византия утратила положение самой могущественной средиземноморской державы. Она лишилась некоторых торговых путей, привычные доходы из Сирии и Египта перестали поступать в имперскую казну. Не могло быть и речи о сохранении прежней пышности и великолепия. Пришлось отказаться

в какой-то мере и от той цивилизации, бремя которой уже не в силах были нести массы.

Границы империи долгое время оставались открытыми, вести крупное хозяйство стало почти невозможно. Система простасии рухнула, и из-за отсутствия патронов патронируемые общины стали свободными. Укрепление хозяйственной деятельности крестьян теперь все больше становилось реальным. Свободная митрокомия стала основой сельского хозяйства — ценой значительного упадка городов. Даже в Константинополе долгое время не могли отремонтировать водопровод. Создается впечатление, что византийское общество второй половины VII в. поражено каким-то культурно-политическим шоком.

Соппротивление народных масс завоевателям стихийно привело к организации фемного строя, при котором крестьянин сделался воином, а крестьянское хозяйство — материальной основой армии. Состоятельный крестьянин, став стратиотом, превратился в привилегированное лицо.

В идеологической жизни Византии страшный удар по авторитету империи заставил церковь и правительство усилить охрану чистоты христианского учения, особенно когда христианство столкнулось с исламом.

Ненависть же к культуре господствующих классов нашла свое классическое выражение в движении павликиан, которые считали творением дьявола все атрибуты богатства, всю культуру, основанную на гнете трудящихся. Протест против церковных сокровищ (*tes sasrae*) и внешний, обрядовой красоты мы видим и в иконоборчестве. Для «оздоровления» общества того времени считали необходимым уменьшить число лиц непроизводственных профессий. Это нашло свое выражение и в закрытии иконоборцами патриаршей школы, и в борьбе с бродячим монашеством, и в мероприятиях иконоборцев против монахов, и в сокращении монастырей, и в стремлении Феодора Студита превратить монастыри в трудовые коммуны.

Кроме того, обострилась борьба за чистоту учения. Обе стороны — иконоборцы и иконопочитатели — одинаково считали свое вероучение последовательно-православным.

Когда крестьянство в период преобладания свободной общины окрепло (в Константинополе наблюдалось даже изобилие продуктов питания, привозимых из деревни), когда стала развиваться новая провинциальная знать, отрицание павликианами античной культуры казалось уже экстремизмом, который только заставил иконоборцев капитулировать перед городской знатью, сохранявшей традиции античной культуры. Эпоха иконоборчества носила двойственный характер: с одной стороны, это темные века, когда ослабло внимание к достижениям античного мира; с другой стороны, это время плодотворного воздействия восточных влияний. Разгром Византии арабами, создание ими мощного халифата подорвали самомнение византийцев — началось использование восточной культуры, тем более что сирийское и александрийское ремесло арабами не было уничтожено, а продолжало развиваться, обогащаясь благодаря прямым связям с Восточной Азией, — откуда были заимствованы как новые виды производства (бумага), так и ряд достижений науки (цифры).

В условиях иконоборчества декоративное искусство как бы заполняло создавшийся вакуум. Ислам, не допуская скульптуры и ограничивавший живопись миниатюрами в книгах, определял прикладной характер искусства. Но подобное отрицание античного наследия с его антропоморфизмом не могло иметь успеха в Византии. Византийское искусство лишь в одном сделало уступку иконоборцам — оно отказалось от скульптуры, что в дальнейшем затруднило победу реализма в византийском искусстве. Скульптура холодна, дает меньше эмоций; со своей реально выраженной пространственностью она почти несовместима с мистикой, которая после победы иконопочитания все глубже проникала в Византию, отставшую

от Запада, где живопись и скульптура оказались под эгидой католической церкви. Для византийской культуры отказ от скульптуры — одного из величайших достижений античного искусства — явился серьезной потерей.

С укреплением деревни в Византии учение павликиан потеряло влияние в массах, и павликианство сошло со сцены. После социально-экономической стабилизации византийского государства в середине IX в. начинается восстановление культурных достижений прошлого: организуется высшая школа, усиленно изучаются произведения античных авторов, происходит рецепция римского права, создаются энциклопедии, сборники, словари.

В то же время церковь укрепляет и систематизирует обрядово-бытовую сторону религии: православные приходы теперь забывают догматические споры, церковное воспитание в основном обращает внимание на обрядовую сторону — литургику; поклонение святым получает календарное распределение, гомилии теряют свое значение.

Богословские споры уже не касались деревни. Доктрина стала массовой традицией, поскольку богослужение в Византии можно было проводить и на своем языке с некоторой примесью греческих выражений. Середина IX в. — середина XI в. — время наибольшего культурно-политического влияния Византии как на Западе, так и на Востоке, в славянских странах.

В Византии ядро правящего класса не составляли завоеватели из одного племени, как на Западе. Там господство франков, лангобардов или готов основано было на тесной спайке завоевателей, которые, присоединив к себе остатки римской знати, образовали новый класс эксплуататоров. Эта связь стала принимать форму феодальной иерархии. В Византии же угнетение трудящихся осуществляла бюрократия, которая в X в. достигла особенного развития. В Византии не существовало поместных привилегий для знати — в ряды правящей бюрократии могли попасть люди любого происхождения. Ценились личное богатство и образованность, которая необходима была чиновникам. Естественно, знатные семьи стремились дать детям как общее, широкое образование, так и специальное — юридическое, медицинское, богословско-философское. Поэтому в своей «Тактике» Лев VI, подчеркивая, что любой способный человек может занять командную должность в армии, тем не менее советовал все же назначать полководцев из знатных семейств.

Военное дело, являвшееся при феодальном строе достоянием всего народа, также подчинялось бюрократическому порядку — в смысле вооружения, создания укреплений, военных дорог, кораблей и т. д. Но к X в. налицо признаки отставания Византии именно в военном деле. Византийское военное искусство стало книжным делом, в сочинениях авторов прошлого искали секреты военных побед. Никогда не имевшие военной практики, Лев VI или Михаил Пселл оказывались учителями военного дела, получив военные знания из трудов античных авторов по стратегии и тактике. Этот книжно-бюрократический характер военного дела отчасти и привел в X в. к отставанию от Западной Европы.

В «Книге церемоний» описывается централизованный порядок постройки и вооружения боевых кораблей: все осуществлялось с помощью системы подрядов и оплаты труда ремесленников. Подобным же образом производилось и строительство укреплений. А на Западе, где, по «варварской» традиции, война считалась профессией-промыслом, любой более или менее состоятельный землевладелец сам с помощью зависимых людей, без участия бюрократии строил себе замок. Подготовка к войне, военное обучение, снаряжение являлись его частным делом. Фактически это была более упрощенная, беззастенчивая эксплуатация зависимого населения; крестьянство быстрее и более жестоко закабалялось на Западе, чем в Византии.

Отсталость в военном деле византийцы почувствовали в своих итальянских владениях уже в IX в. Катастрофическое отставание византийской армии от западных рыцарских дружин византийцы признали уже в XII в., особенно при Мануиле Комнине, который понимал, что византийцы не выдержат борьбы против объединенных западных рыцарей. Это определило поворот к «западнической» политике. В Византии стали вводить западные обычаи, ценить европейских авантюристов, привлекаемых на военную службу и к тому же использовавшихся для подавления народных масс. Континентальная борьба за расширение границ, т. е. за создание крупных владений магнатов, с конца X в. и в первой половине XI в. отвлекла внимание от постройки флота. Отставание же в морском деле привело к тому, что Византия начала утрачивать свою важнейшую роль посредника между Востоком и Западом — эта функция перешла к итальянцам.

При изучении причин отставания Византии следует остановиться и на внешних факторах.

Характерной чертой византийской истории была внезапность наиболее опасных войн, связанных с появлением новых племен. Феодалные, локальные войны в Европе не грозили полным уничтожением населения — менялись лишь владельцы замков и личности сеньоров, а иногда (как в войнах Англии и Франции) только верховный сеньор. К гибели культуры или крутой ломке общественного строя такие войны не вели.

Совсем иначе обстояло дело в Византии, которой грозили внешние враги с севера и особенно с востока. На смену арабам пришли турки, сельджуки и османы. Их нашествия грозили самому существованию византийского государства, они несли с собой истребление мужского населения, порабощение женщин и детей, коренные этнические перемены. В Византии такая угроза существовала с конца IV в. до второй трети V в. включительно, с VII до середины VIII в., с середины XI в. до конца империи. Иными словами, Византия нуждалась постоянно в развитии военной экономики, тогда как на Западе таких нашествий племен начиная с середины VIII в. не было (за исключением восточной части Западной Европы, куда вторгались венгры и татаро-монголы). Понятно, что в подобных условиях в Византии существовал все время повышенный налог, возникали трудности в организации товарного обращения, разорялось крестьянство, да и господствующий класс так или иначе ощущал на себе тяготы этой военной экономики.

Манцикерт стал настоящей трагедией для Византии. Это внешнеполитическое событие сыграло решающую роль и для внутренней истории, совершенно изменив соотношение сил между классами; более сильное свободное крестьянство Малой Азии было ослаблено отторжением от Византии восточной части полуострова. Торговые пути с Востоком пришли в упадок. Закавказье было потеряно. Византия стала при Комнинах греко-славянским государством, а не греко-кавказским.

После Манцикерта не менее роковым для дальнейших судеб Византии стал май 1082 г., когда император Алексей Комнин купил венецианскую помощь в ущерб византийскому ремеслу и торговле. Даровав Италии беспрецедентные в истории Византии привилегии иностранцам, империя стала своего рода хинтерландом Италии. Укрепление связей с итальянскими городами, безусловно, оживило сбыт туда византийского сырья. Это было выгодно земледельцам и компрадорской прослойке городов, оживившейся в XII в. Но при этом утрачивалась самостоятельность в сфере производства, которое в основном переходит в руки венецианцев и генуэзцев. Существовавшее в Византии регулирование ремесленного производства и торговли было выгодно корпорациям: оно давало им монополию в том или ином виде производства, привилегии в отношениях с иностранцами. Подъем экономики провинциальных горо-

дов не был длителен: города переходили в руки землевладельческой знати и к концу XII в. этот процесс в основном завершился.

События 1204 г. явились прямым следствием политики 1082 г. Отдав венецианцам господство над экономикой страны, Византия уже не могла отнять у них привилегии.

Крестоносные завоеватели Константинополя в 1204 г. не сумели захватить в свои руки экономику страны, и латинские государства фактически не смогли придать блеска балканским территориям. Поскольку византийское общество все-таки оставалось значительно более образованным, чем завоеватели, то в сфере развития науки и общественно-политической мысли Византия ничего не могла от них получить. Только в Никейской империи византийский народ в последний раз попытался использовать культурные традиции для обновления разложившегося при Комнинах и Ангелах общества. Основная задача внутренней политики Никейской империи состояла в том, чтобы изъять экономику из рук итальянцев не путем военного конфликта, а благодаря развитию собственного производства, при социальной опоре на мелких собственников. Необходимо было также возродить самосознание общества и укрепить пришедшую в упадок образованность. Никейские императоры были реалистически мыслящими политиками. Чувство реальности отличает как политику, так и религиозные и философские воззрения того времени. Однако в общем направлении развития византийской культуры не произошло существенных сдвигов. Доктрина православия по-прежнему возвышалась над всем. И у Никифора Влеммида, и даже у самого Феодора II Ласкариса видно, как теоретическую мысль сковывала боязнь запятнать христианское учение. Можно думать, что это отразилось и на так называемом Палеологовском ренессансе, ознаменовавшемся необычайным взлетом в искусстве. Реалистические тенденции лимитировались стремлением не нарушать чистоту учения, не отходить от внешне-обрядовой, эмоциональной, с мистическим налетом традиции в искусстве. После перехода Константинополя в руки византийцев при Михаиле VIII идея чистоты православия подверглась пересмотру. Михаил VIII, Георгий Акрополит и Иоанн Векк пошли на компромисс с папой во имя возвышения и укрепления империи — шаг, неслыханный в истории Византии. Однако суровое правление Михаила было непопулярно, и народные массы и клир фанатично вступились за чистоту вероучения. Ненависть к засилью венецианцев и генуэзцев подогревала эту борьбу, не давая правительству возможности маневрировать во внешней политике.

В XIV в. передовые люди византийского общества уже понимали, что отстают от Запада не только в военном и морском деле, в торговле и производстве, но даже и разработке богословских доктрин, которые на Западе аргументировались более основательно; западные богословы более смело подходили к широким проблемам. Приходилось учиться у Фомы Аквинского — появились переводы его труда. Слабее было арабское влияние. Хотя византийцы оставались непосредственными соседями арабов, однако, если не считать медицинских книг, труды арабских философов не оказали на византийцев такого воздействия, как на ученых Запада. «Классицизм» в Византии в XIV в. стал еще более ощутимым — он оставался там интеллектуальной силой до тех пор, пока Запад не овладел полностью достоянием античного мира.

После Мириокефалона Византия стала страной, население которой было исключительно греческим. Это совсем изменило сущность Византии как государства. В римском праве *cives romanus* не зависел от национального происхождения. Византия — греческое государство — не считало себя греческой империей. И это безусловно снижало силу национального сопротивления внешним врагам. Самое слово «эллинский» употреблялось как архаизм. Эллинский патриотизм должен был проявиться особенно в

годы смертельной опасности для греческой народности, но универсализм римских традиций смягчал эти тенденции.

Критический дух и творческая оригинальная мысль развивались на Западе в различных сферах духовной жизни. Юристы Запада, принимавшие Юстинианов кодекс, — легисты — спорили с февдистами, номиналисты — с реалистами, сторонники папской власти — со сторонниками императорской власти. В Византии же философы по-прежнему занимались спором Аристотеля с Платоном, не делая каких-либо выводов. Трудно было изменить внутреннюю политику и в последний век существования Византии, традиционализм не допускал крупных поворотов. Это особенно проявилось, когда Апокавк, патриарх Иоанн Калека и Анна Савойская пытались найти союзников среди городского населения.

Противники реформ Апокавка стали опираться на исихазм, чтобы сохранить в неприкосновенности существующий строй. По В. И. Ленину, неподвижность народных масс позволяет удержаться отсталой политической власти⁹. Исихазм своей мистикой добивался именно полной пассивности масс. От нее в момент грозной опасности выиграли только турки. Их наступление имело целью в первую очередь разгромить славянские государства на Балканах, чтобы тем самым отгородить Византию от Запада и потом добить ее. Этот стратегический план турок фактически поддерживали исихасты. Всякая связь с Западом предавалась анафеме со стороны фанатически настроенных масс, в первую очередь монашества. И Византия погибала, в то время как исихасты старались узреть «Фаворский свет» петем «умственной молитвы».

Достаточно вспомнить, какую бескомпромиссную позицию занял Кантакузин, когда турки уже укрепились на Балканском полуострове. Лучше погибнуть, чем поступиться чистотой учения, — таково кредо Кантакузина — свергнутого императора, озлобленного монаха, того самого, который говорил: «Если не мне, то пусть никому!» (Gregoras, III, p. 181).

Совсем иные идеи проповедовал Плифон. Пламенный поклонник античной Греции, эллинизма, он стремился порвать с христианством и возродить подлинного Платона, т. е. вернуться к язычеству, облеченному в форму платонического учения. Но эта борьба за чистоту эллинизма была пустой затеей: путь к прогрессивному мышлению лежал через реформацию церкви. Плифон же практически стоял на позиции той же борьбы за чистоту доктрины, только не христианской, а платоновской.

Подлинное спасение Византии заключалось в ликвидации экономической и культурной отсталости. И Виссарион Никейский совершенно правильно считал, что для этого необходим союз с Западом. Виссарион предлагал приглашать из европейских стран мастеров, чтобы изучить передовые технические приемы. Виссарион по существу призывал отказаться от борьбы за чистоту православия, а также и от бесплодных попыток возродить учение Платона.

В ранний период своей истории Византия добилась расцвета, потому что преодолела главный экономический пережиток — рабство — и сохранила основные достижения античного общества, т. е. то, что необходимо было для перехода к новой формации. Но новое трансформировалось затем в отвлеченную, оторванную от экономического базиса доктрину, борьба за чистоту которой фактически привела к застою мысли. В то же время постоянно действовавшие отрицательные внешнеполитические факторы во многом обусловили гибель Византии.

⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 363.

Г. Л. КУРБАТОВ

РАЗЛОЖЕНИЕ АНТИЧНОЙ ГОРОДСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ
В ВИЗАНТИИ IV — VII ВВ.

Никто не отрицает того факта, что византийский город больше, чем какой-либо другой, сохранил преемственную связь с античным, античные традиции в важнейших проявлениях городской жизни. Но тем труднее и необходимее провести ту в силу этих обстоятельств более трудно выявляемую грань, которая отделяет традиции, так сказать, от античного существования города, определить тот момент, когда город по своему характеру и существу окончательно перестает быть античным и сохранившееся наследие живет в нем уже как традиция.

Известно, что многие исследователи, и среди них, например, А. П. Рудаков, рассматривали византийский город на всем протяжении его истории как античный¹. Разумеется, такая точка зрения современного исследователя удовлетворить не может, как и еще распространенное в недавнем прошлом в советской литературе мнение о вживании античного по характеру ранневизантийского города в новые феодальные условия в Византии². Ни у кого сейчас не вызывает сомнения положение о том, что город неотделим от деревни и процессы, происходившие в аграрных отношениях, одновременно воздействовали на город, что их развитие было неразрывно взаимосвязанным. Очевидно, лишь обратившись к кардинальным чертам или признакам античного города и проследив их отмирание, мы сможем провести грань, которая кладет конец античному городу Византии и дает начало существованию античных традиций уже только как традиций в городской жизни. Перечисление тех или иных проявлений преемственности, даже при всей их многочисленности, в целом еще мало что дает для каких-либо обобщающих выводов, если речь не идет о явлениях, определяющих сущность античного города, и, наоборот, с их учетом только и становится возможной оценка реальной значимости преемственности и традиций.

Выяснению характера ранневизантийского города немало вреда принес однобокий подход к нему как преимущественно центру товарного производства. Но это во многом было связано с тем, что таким был едва ли не общий подход к позднеимперскому городу, подход, навеянный рядом разного происхождения, но прочно сложившихся в науке традиций, частично воспринятых и нашей византинистикой. Эти традиции уходят своими корнями в XIX в. Одна — это остатки модернизаторского подхода к городу как центру товарного производства; другая заключалась в том, что на

¹ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917.

² М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. Свердловск, 1948; ср. ВВ, V, 1952, стр. 294.

основе изменений в политических] отношениях в городе в период Империи и именно исходя из этого материала делались определенные выводы об эволюции городских социально-экономических отношений, изменении условий существования города. Такая переоценка значения чисто товарных, обнаженно экономических связей города с округой продолжает сохраняться и в современной литературе. Хотя для античного общества характерен достаточно высокий уровень товарных, товарно-денежных отношений, тем не менее не они определяли существо античного города. Развитые товарные отношения города с округой еще ничего не дают для квалификации его характера или изменения этого характера. Факт отсутствия или наличия развитых товарных отношений с этой точки зрения ничего не доказывает. Доказывает другое, на что обращал внимание К. Маркс, говоря о специфике античного города — существовании его прежде всего как коллектива, городской гражданской общины земельных собственников и землевладельцев, т. е. о неразрывных социально-политических связях, которые связывают город и деревню³. Для античного города именно данная черта была доминирующей. Этого нельзя забывать потому, что, хотя в то время возникновение города было результатом дальнейшего развития отделения ремесла и торговли от сельского хозяйства и становление городской общины опиралось на эти процессы, сама консолидация землевладельческого населения в городскую общину во многом и обуславливала превращение ее в центр ремесла и торговли⁴.

Товарные отношения внутри полиса были в известной мере самостоятельны, но не независимы. Они составляли определенную часть, определенные компоненты самой внутриполисной системы отношений и были во многом ей подчинены. Эти товарные отношения преломлялись через систему социально-политических связей, характерных для античного полиса, и частично регулировались ими, и без учета роли этой системы бесполезно делать какие-либо сопоставления и выводы. Античный город по самому своему происхождению и сущности был значительно менее «независимым» центром товарного производства, чем феодальный. И в этом смысле был недалеко от истины Э. Кондураки, когда писал о характерном для античности «городском образе жизни», который поддерживал товарно-денежные отношения⁵.

Именно недооценка значения этих связей и привела к упрощениям и известной модернизации в подходе к позднеантичному и ранневизантийскому городу, который рассматривался как просто центр товарного производства, оценивался в своих прямых товарных и рыночных связях и отношениях с округой.

Никто не будет отрицать весьма существенных отличий позднеантичного и ранневизантийского полиса от классического — они, разумеется, были. Но есть и главное, общее, что их объединяет и заставляет рассматривать позднеантичный город не как нечто принципиально и качественно новое, а как иной этап эволюции античного. Мы имеем в виду прежде всего органическую связь города, и именно городской общины, с земельной собственностью и земледелием, роль города в руководстве и контроле над поземельными отношениями, и это типично античная черта⁶.

Внегородскую земельную собственность имел и средневековый город, но она все же не играла определяющей роли в жизни городской общины, не являлась основным источником ее доходов. Нужно сказать, что до не-

³ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. М., 1940, стр. 13—14.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. 3, стр. 20—21.

⁵ Э. Кондураки. О натуральном и денежном обмене. — ВВ, XIV, 1959, стр. 34.

⁶ Ср. И. Ф. Фихман. Городское и императорское землевладение в Оксирихе IV—VI вв. — ПС, 23(86), стр. 114: «Наличие земельного фонда, принадлежащего античному городу как целому, было существенной его особенностью».

давнего времени значение городской земельной собственности (*fundi civitatum* и т. д.) позднеантичного города явно недооценивалось. Была широко распространена точка зрения, что к IV в. большая часть земельной собственности городов перешла в частные руки, была расхищена и присвоена куриалами⁷. На основании этого делался вывод о том, что благополучие городов уже с конца II—III в. в основном зависело от собственных податей и расходов магистратов⁸. Ошибочность такой точки зрения очевидна. Ее происхождение понятно: с замкнутостью и наследственностью пребывания в куриях эксплуатацией большей части городских земель занимались куриалы; превращение их в наследственных держателей большей части земельной собственности города в известной степени вуалировало ее принадлежность городу, на основании чего и делались выводы о ее расхищении. Тенденции в этом направлении несомненны, но степень их развития, вернее — ее оценка, оказалась ошибочной. Знаменитая фраза из речи Либиана: «Вы, куриалы, обрабатываете большую часть земель города (*ἄγρος τῆς πόλεως σκεδὼν ἅπαντας*)», что последнему обеспечивает поступление дохода»⁹ — подтверждает не только то, что большую часть земель города держали куриалы, но и то, что она совершенно бесспорно признавалась собственностью и важнейшим источником доходов собственника — города. Мы не будем говорить о соотношении расходов города и куриалов на муниципальные нужды. Это вопрос спорный, и весьма возможно, что доходы куриалов от находившихся в их пользовании городских земель в достаточной мере покрывали и их так называемые частные расходы на городские нужды¹⁰. Следует отметить и другое: часть городских земель и имущества была непосредственно приписана к определенным городским учреждениям и обеспечивала их деятельность прямо, натуральным путем или благодаря получаемым с них доходам¹¹. Эти имущества находились в ведении облеченных соответствующими функциями куриалов и, таким образом, непосредственно обеспечивали поддержание тех или иных видов городской жизни и деятельности. Мы уже не говорим о других видах доходов городов, которые нуждаются в отдельном изучении. Важно то, что внегородская земельная собственность города продолжала оставаться одним из важнейших и очень значительных источников доходов городской общины¹². И этот факт нельзя недооценивать ни с экономической, ни с социальной, ни с политической точки зрения. Общая земельная собственность в определенной мере свя-

⁷ См. Г. Л. Курбатов. Разложение рабовладельческих отношений и проблемы внутреннего развития византийского города V—VI вв. — «Вестник ЛГУ», сер. истор., вып. X, 1956.

⁸ В нашей литературе см., например: А. Б. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.—Л., 1949.

⁹ *Liban.*, XXXI, 16; стр. LII, 33.

¹⁰ На территории городской округи земли делились на: 1) владения муниципальных собственников, мелких и средних землевладельцев, находившиеся под контролем городской общины и входившие полностью в подвластную городу муниципальную территорию; 2) собственность куриалов, неразрывно связанную с выполнением ими муниципальных обязанностей; 3) коллективную земельную собственность городской общины (*οὐσία τῆς πόλεως*, *fundi civitatum*, *τότοι τῆς πόλεως* и т. д.).

¹¹ Так, дрова для общественных бань поставлялись с городских лесных участков, масло для освещения общественных мест, муниципальных учреждений и спортивных школ — из городских имений, вероятно поделенных также между различными муниципальными учреждениями. Некоторые обеспечивавшие их деятельность имущества прямо считались или являлись собственностью этих учреждений, например те, которые снабжали необходимым различными видами празднеств и зрелищ (*agonotheticae possessiones*). У Антиохии и Апамен, например, были специальные луга (*CJ*, XI, 61(60), 1—2; *de publicis pratis Apsamenis*), обеспечивавшие выпас и прокорм лошадей для ипподрома (*ἵπποτροφεύτης*). Вероятно, эта собственность росла и существовала как собственность учреждений, в принципе считаясь общегородской муниципальной, в связи с практикой целевых дарений городу, дарений с определенным назначением.

¹² А. Н. М. Jones; *The Later Roman Empire* (284—602). ..., v. I—II. Norman., 1964, p. 641.

зывала, сплачивала городскую общину. Не говоря уже о коллективных доходах, мы не можем не учитывать и того существенного факта, что та или иная (и, возможно, немалая) часть земельных собственников города была держателями его земель. Не будем касаться и еще чрезвычайно тесно связанного с городом муниципального землевладения, подконтрольного городской общине. Темпы его упадка к IV в., по-видимому, также преувеличены.

Естественно, что сокращение городской земельной собственности и муниципального землевладения самым определенным образом сказывалось на состоянии городских общин. Мы не будем касаться этих процессов, поскольку они хорошо изучены, особенно упадок муниципального землевладения. Остановимся лишь на том, что едва ли не самым сокрушительным ударом по благополучию городов считаются конфискации части городской земельной собственности государством в начале IV в.¹³ Известно, что тогда у городов были отобраны, перешли в императорские и частные имущества земли, которые эллинистические и прочие монархи в свое время подарили городам. Бесспорно, эти земли были значительны, и их конфискация существенно сократила городской земельный фонд.

Едва ли ее можно связывать только со стремлением императорской власти увеличить собственные земельные фонды. Вероятно, причин было много и некоторые из них носили экономический характер. Известны и не нуждаются в перечислении данные об упадке муниципального землевладения, росте числа пустующих и заброшенных земель. Весьма возможно, что конфискации имели целью передать часть земель независимым собственникам, способным обеспечить их обработку, сократить территорию городских земель, обработку которых в той или иной мере не обеспечивала городская община. Иными словами, это была мера, не столько сознательно направленная на подрыв городского землевладения, земельной основы античного города, сколько вызванная его состоянием и необходимостью обеспечить надлежащую эксплуатацию контролируемых им земель.

Конфискации, естественно, отразились на состоянии многих городских общин. Но едва ли следует преувеличивать их значение. У городов осталась земельная собственность всех видов иного происхождения. Известно, что многие города вообще возникали самостоятельно, и их земельные фонды лишь пополнялись дарениями и пожалованиями. Нельзя недооценивать удельного веса этого фонда так сказать, «частной» собственности города. Он был очень значительным, и факты показывают, что до конца II в. города активно покупали земельную собственность, дарения городам со стороны богатых землевладельцев были достаточно частыми и т. д. Приведенное выше свидетельство Либания показывает, какую роль играла городская земельная собственность в жизни города во второй половине IV в., т. е. после конфискаций.

Известно также, что часть отобранных земельных имуществ была затем возвращена городам, но, мы бы сказали, на новых основах. Доходы с них должны были обеспечивать строительство и поддержание городских укреплений. Хотя эксплуатация их и осуществлялась куриалами — представителями городской общины, они, очевидно, уже считались не собственностью города, а выделенной городам собственностью государства (*civitatribus in commune remissa sunt*)¹⁴. И, вероятно, именно на этом основании, в отличие от, так сказать, «частной» собственности города, расхождением поступлений с них распоряжался представитель императорской администрации, тогда как средства с сохранявшейся собствен-

¹³ См., например; *R. His. Die Domänen der römischen Kaiserzeit*. Leipzig, 1896, S. 37—40; *A. H. M. Jones. Op. cit.*, v. I, p. 415; v. II, p. 732, 737.

¹⁴ См. по этому вопросу: *Г. Л. Курбатова. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1971, стр. 175.*

ности города прямо поступали в муниципальную кассу. Таким образом, в определенной части своих расходов города становились как бы «пенсionерами» государства, получателями части доходов с государственных, а не своих имуществ. Эта эволюция весьма симптоматична именно с точки зрения усиливавшегося и шедшего по разным направлениям отрыва города от его прямой и непосредственной собственности на землю, от прежней земельной основы, определявшей его античный характер.

Упадок внегородской земельной собственности города и муниципального землевладения достаточно подробно освещен в литературе. В V в. он идет весьма интенсивно — сокращается число состоятельных муниципальных землевладельцев; законодательство свидетельствует об усиливающейся продаже городами их земельной собственности для покрытия городских расходов, и правительство бессильно ее приостановить, поскольку все чаще эта распродажа обуславливалась определенными обязанностями, задолженностью¹⁵. К VIII в. внегородская земельная собственность города и муниципальное землевладение, по-видимому, фактически исчезают или утрачивают значение. Исчезает деление земельных собственников на независимых и муниципальных как одно из важных общественно-политических делений. Город в принципе как особая объединяющая часть землевладельцев городская община утрачивает свою мощную внегородскую земельную собственность и контроль над округой и поземельными отношениями в ней¹⁶. Все эти функции отходят к государственной администрации.

Но если процесс отрыва античного города от его земельной основы в главных чертах известен в связи с изучением аграрных отношений, то значительно менее разработанным и освещенным является вопрос о развитии аналогичных процессов внутри города, т. е. о перерождении его внутригородского античного характера. Эволюция внутригородской собственности по существу не привлекала еще достаточного внимания. При ее изучении также возникают многие вопросы, аналогичные тем, которые были связаны с внегородской, и прежде всего — были ли в первой половине IV в. одновременно с государственными конфискациями земельных имуществ городов проведены и соответствующие конфискации внутригородской собственности городской общины, которая также в известной части могла рассматриваться как наследие и достояние императорской власти.

Изучая характер позднеантичного — ранневизантийского города, мы не можем пройти мимо античной коллективной собственности внутри него — как земли, так и других имуществ. Именно принадлежность большей части внутригородской земли общине позволяла осуществлять планировку, характерную для античных городов, строительство крупных площадей, достаточно широких улиц, общественных зданий, так же как большие коллективные доходы с внегородских земельных и прочих имуществ города давали возможность поддерживать высокий уровень городского благоустройства, общественного строительства. Нельзя забывать и о том, что немало не только сугубо общественных по своему характеру и назначению построек города являлось коллективной собственностью городской общины. Городу до IV в. и в IV в., очевидно, принадлежала и довольно большая часть важных доходных имуществ и построек в городе — участков, домов, мастерских и зданий под мастерские, помещений, сдававшихся в наем под лавки и склады, выстроенных городом торговых рядов и т. д., являвшихся важными источниками доходов го-

¹⁵ См., CJ, IV, 61. «De vendendis rebus civitatis».

¹⁶ М. Я. Сюзюмов. Византийский город (середина VII — середина IX в.), — ВВ, XXVII, 1968, стр. 52: «Налоговое обложение землевладельцев и деревни происходило независимо от их принадлежности к городской общине».

родской общины¹⁷. Аренда ремесленниками и торговцами муниципальных помещений и мест, строительство на внутригородской земле, являвшейся собственностью города, — все это очень тесно связывало жизнь и деятельность значительной части населения города с античной городской организацией. Известно, что постройки, возводившиеся частными лицами без разрешения на городской земле, являвшейся собственностью города, согласно закону, становились собственностью последнего¹⁸.

Некоторые земли в городе являлись частной собственностью; они продавались и передавались по наследству, город не получал с них платежей. Преобладали, однако, земли, принадлежавшие самому городу. Использование их контролировалось муниципальной организацией: она давала разрешение и определяла характер пользования ими, диктовала условия застройки, если давала разрешение на строительство. Построивший становился собственником здания, но земля, на которой оно стояло, продолжала оставаться собственностью города, и владелец строения, как держатель участка, на котором находилась его собственность, вносил соответствующие платежи городу¹⁹.

Эта внутригородская собственность обеспечивала эффективный контроль городской общины, ее реальное руководство в деле муниципального строительства и благоустройства. Строительство великолепной разветвленной системы общественного водоснабжения, цистерн, фонтанов, общественных бань и других подобных сооружений в наиболее удобных для этого местах и было возможно потому, что большая часть пригодных для этого участков являлась собственностью городской общины и могла использоваться ею.

Таким образом, когда речь идет об античном и позднеантичном городе, мы не можем не считаться со значением как «внешней», внегородской (преимущественно земельной) собственности, так и «внутренней», внутригородской. Если «внешняя» в основном обеспечивала главные поступления городской общины — деньги, продукты, часть необходимых материалов, обеспечивала реальный контроль и влияние (благодаря массе контролируемых ею мелких и средних муниципальных землевладельцев, наличию собственных муниципальных запасов продуктов) муниципальной организации на городском рынке, его известную стабильность, стабильность снабжения города²⁰, то вторая в большей мере обеспечивала поддержание городского «вида» жизни, городского облика античного города со всеми присущими ему особенностями и отличиями.

Думается, что этот вопрос немаловажен для изучения и более правильной оценки характера социальных отношений и движений в городе. Их часто не рассматривают через призму внутривосполненных отношений и связей. А между тем последние играли немалую роль. По мнению П. Пети, симпатии Либания к антиохийским хлебопекам основывались на том, что они в массе своей сохранили приверженность к язычеству²¹. Но если мы учтем, что они были чрезвычайно тесно связаны с муниципальной собственностью (аренда городских мельниц и других муниципальных имуществ), с муниципальной организацией, куриалами (поставки зерна, дров, установление цен и т. п.)²², то станет ясной их более тесная связь со всей позднеантичной полисной организацией, ее имуществами и интересами, а соответственно — и причины симпатии Либания, борца за

¹⁷ См., например: CJ, XI, 70(69): *vel domus vel ergasteria iuris civilis* и др.; CTh, XV, 1, 9; Nov. Th., 23.

¹⁸ CTh, XV, 1, 9.

¹⁹ CJ, VIII, 11(12), 3.

²⁰ См., например: Г. Л. Курбатов. К вопросу о корпорации хлебопек в Антиохии IV в. — ВДИ, 1965, № 1.

²¹ P. Petit. Libanius et la vie municipale à Antioche aux IVe siècle après J. C. Paris, 1955, p. 131.

²² Г. Л. Курбатов. К вопросу о корпорации хлебопек..., стр. 142–153.

сохранение всех прав и основ полисного строя, к ним, а отсюда отчасти и связанная с этим сохранявшаяся их приверженность к язычеству.

По существу мы можем в основных чертах проследить во II — VII вв. два неразрывно связанных и параллельных процесса — упадок городской земельной собственности вне города и внутри него.

Обеднение городской общины прежде всего выразилось в свертывании ее деятельности в сельской округе города, сокращении там строительства, ведшегося муниципальной организацией или при ее поддержке и участии²³. В городе это нашло свое проявление также в постепенном сокращении муниципального строительства, уменьшении размеров и ухудшении качества общественных сооружений, строившихся на городские средства. В связи с этим не только возрастает роль частных пожертвований, но и соответственно личное влияние жертвователей и дарителей.

Строится не столько то и так, что и как нужно городу, сколько то, на что отпустили деньги жертвователи, и зачастую под влиянием их собственных вкусов. Воздействие на подобное строительство городской общины уменьшалось, что и вело ко все большему отходу от установленных норм и принципов, общих градостроительных планов и установок, к нарушению строгого стилевого единства, характерного для классического полиса.

Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что города имели свои каменоломни, карьеры, мастерские по производству строительных материалов, муниципальных ремесленников (CJ, VI, 1.5) и многое другое, что в определенной мере обеспечивало высокий уровень и стандарт общественного строительства. С обеднением городов эти возможности сокращались. Археологический материал свидетельствует об ухудшении в III в. качества и сокращении объема общественного строительства²⁴.

Одновременно мы можем отметить и усиливающийся процесс перехода занятых частными постройками городских участков в собственность хозяев зданий. Самый факт собственности общины на значительную часть внутригородской земли, занятой частными постройками, был в принципе, вероятно, чрезвычайно важным с точки зрения возможности общины влиять на строительную деятельность собственников зданий, требовать соблюдения благоприятных для города условий, не производить нежелательных для него перестроек и пристроек. С переходом участков в собственность домохозяев последние становились более независимыми от города. Мы уже не говорим о том, что с продажей занятых частными зданиями участков в известной мере сокращались и постоянные доходы города. Чтобы сохранить свои доходы в условиях, когда городская община уже не могла обеспечить развитие общественного строительства, последняя, видимо, начинает сдавать богатым собственникам под застройку те участки в центральных и лучших районах, которые раньше являлись незанятыми общественными «площадями». Очевидно, в III в. усиливается частное строительство на общественных городских землях, которое вело к определенному сокращению «общественных» пространств в городе. Думается, что наряду с «внешними» факторами — строительством стен, ограничивавшим возможности роста или даже сокращавшим его прежние размеры, и это обстоятельство способствовало тому, что застройка городов становилась более тесной, менее планомерной, более «средневековой»²⁵.

Обеднение муниципальных организаций вело к тому, что они не только зависели от дарителей, но и вынуждены были поощрять строительство

²³ Археологически извори на европейската цивилизация». — «Археология», 1969, № 1, стр. 68.

²⁴ См., например: Т. Иванов. Градоустройството през римската и късноантична епоха. — «Археология», 1967, № 4, стр. 26—28.

²⁵ А. П. Каждан. Византийская культура. М., 1969, ст. 19. Римский форум в Коринфе в VII—VIII вв. был застроен «массой мелких жилищ, мастерских и лавок».

общественных сооружений частными лицами на городской земле, предоставляя им в награду различные льготы. Вероятно, в III в. довольно значительная часть и обветшавших общественных построек городов, которые не могли их поддерживать, перешла в собственность частных лиц. Так, один из папирусов содержит предложение богатого жителя купить у города большое непригодное строение в центре²⁶.

Судя по всему, кризис III в. и связанная с ним разруха тяжело сказались на благосостоянии и финансах городов. Восстановительные работы в конце III — начале IV в., правда, были проведены во многих из них, но в целом зафиксировано, что для этого периода характерно более бедное городское общественное строительство. Многие сооружения были восстановлены далеко не в прежних размерах, причем использовался худший материал.

Что касается конфискации городских земельных владений со времени Диоклетиана, то они коснулись не только внегородских земель и имуществ, а, вероятно, в той же мере затронули и внутригородскую собственность города и осуществлялись по тому же принципу и на тех же основаниях. Можно полагать, что равным образом города потеряли и аналогичные внутригородские имущества, здания и сооружения, в том числе и доходные, которые пополнили фонд государственных имуществ, были заняты и перестроены под государственные учреждения, мастерские (CJ, VIII, 11 и др.) и хранилища. Иными словами, мы можем, видимо, говорить о том, что масса новых государственных учреждений, создававшихся по мере бюрократизации империи, государственных складов, мастерских, казарм в значительной степени размещалась в помещениях, прежде принадлежавших городу, а затем ставших государственной собственностью²⁷.

Таким образом, эти конфискации способствовали увеличению государственной собственности в городе, с одной стороны, а с другой, вероятно, способствовали сохранению ряда сооружений, которые города были сами не в состоянии поддерживать и ремонтировать. Мы лишь косвенно можем судить о размерах этих изъятий из муниципальной собственности, но, как показывает материал Александрии, они, по-видимому, были значительными и распространились на все виды построек. Вероятно, это, в частности, и привело к конфликту, связанному с убийством александрийского епископа Георгия, предложившего увеличить или ввести дополнительный побор со съемщиков прежних муниципальных строений. В таком случае этот конфликт еще раз свидетельствует о реальном экономическом значении муниципальной собственности и влиянии ее на социально-политические отношения в городе.

Видимо, когда эти имущества находились в собственности города, ими пользовались многие жители на, очевидно, достаточно выгодных и им, и городу условиях. Неизвестно, были ли они уже конфискованы к тому времени, когда развернулись драматические события, но Георгий предложил государству собирать с них побор как с бывшего муниципального достояния²⁸. Мы, правда, не знаем, был ли этот побор больше прежних или представлял своего рода добавку к ним, но, судя по реакции алек-

²⁶ T. Franc. An Economic Survey of Ancient Rome, v. II. p. 259, 276.

²⁷ Вероятно, многие государственные мастерские просто представляли собой расширенные и перестроенные прежние муниципальные, иногда оставленные в ведении куриалов. Весьма возможно, что это их происхождение нашло отражение и в текстах некоторых законов, где упоминаются общественные мастерские (*ergasteria publica*), но подчеркивается их государственный, а не муниципальный характер: *ad ius pertinentes publicum*. Законодательство в тех случаях, когда это имеет значение, четко разделяет *ergasteria iuris civilis* и *ergasteria iuris civitati*. Ср. CJ, XI, 32.3 и CTh, XV, 1.9.

²⁸ *Amm. Marc.*, XXII, 11, 8—9.

сандрийцев, приходится предположить последнее, ибо вряд ли они прежде пользовались этими строениями абсолютно безвозмездно.

Можно отметить и другое: города — вероятно, за исключением крупных или достаточно богатых — уже не могли поддерживать старых общественных сооружений. Законодательство очень отчетливо фиксирует это явление в IV в. Многие общественные сооружения не поддерживаются должным образом и не ремонтируются. Отчасти это было связано с сокращением поступлений в муниципальную казну. Закон императора Константина (CTh, XII, 11, 1 — 314—340) сообщает, что держатели городской земли плохо и неисправно платят городам и пытаются не только присваивать городскую собственность, но даже и продавать ее. По-видимому, это в равной мере относится и к внутригородской собственности города, и, очевидно, выражалось в том, что ее владельцы пытались рассматривать как свою собственность земельные участки, на которых были расположены их строения. Ситуацию, отражающую положение с внегородской и внутригородской земельной собственностью, раскрывает указ Юлиана от 362 г. (CTh, X, 31,1): «Мы приказываем возвратить городам общественные земельные владения, чтобы они сдавались в аренду по справедливым ценам и чтобы тем самым всем городам могло быть обеспечено восстановление».

Обращает на себя внимание и инициатива частных лиц по отношению к городской собственности. Так, один из эдиктов (CTh, XV, 1,9) упоминает о людях, очевидно, в достаточной степени самостоятельно построивших дополнительные этажи над помещениями мастерских, являвшихся собственностью города. Характерно, что эдикт признает, несмотря на явно незаконный характер такой застройки, их право собственности на эти этажи.

Закон Юлиана от 362 г. (CJ, VIII, 11 (12), 3) свидетельствует о дальнейших уступках частным собственникам. Речь в законе, очевидно, идет о предшествующем периоде правления Констанция, когда права собственности городов нарушались достаточно активно. Стремившийся укрепить собственность городов и вернуть им прежние имущества, Юлиан, видимо, столкнулся с тем фактом, что многие за это время построили те или иные здания на городской земле. Но одновременно Юлиан видел, что города не могут своими силами обеспечить строительство общественных или доходных строений. Вероятно, не желая вступать в конфликт с собственниками, но стараясь укрепить права городов и обеспечить их поступления (CTh, XVI, 9-CJ, VIII, 11, 3—362), он признал право собственности отдельных лиц на постройки (*ἰδιον αὐτοῦ ἔχοντο*), возведенные ими на земле — собственности города (*εἰς τόπον τῆς πόλεως*), «если это не вредит» городам и украшает их²⁹. Тем самым Юлиан в известной мере поощрял и частное строительство — правда, «украшающее» город. По сути дела это говорит лишь о том, что такое «украшение» уже было не по силам городской общине и приходилось идти на уступки частным лицам³⁰. Это особенно отчетливо видно на фоне статей, свидетельствующих об упадке, свертывании общественного муниципального их строительства, обветшании и разрушении общественных зданий города в IV—V вв. (CTh, XV, 1—26). Судя по законодательству, во второй половине IV в. учащаются случаи, когда частные лица пытаются присвоить общественные постройки (CJ, VIII, 11 (12) 15—398). При этом значительную часть внутригородской собственности городской общины следует рассматривать не только как дополнительный источник доходов, возникавший в основном в результате дарений. Это была собственность в зна-

²⁹ J. Levy. West Roman vulgar law. The Law of Property. Philadelphia, 1951, p. 271.

³⁰ Не случайно даже об Антиохии Либаний писал, что «частные дома» «возрастают и затеяют своим блеском и величием» общественные постройки, а последние «объяты неприглядностью» (XLII).

чительной части обеспечивавшая поддержание городской жизни, городского благоустройства, функционирование важнейших городских и общественных учреждений.

В результате покупки, дарений, завещаний города могли приобрести самые различные доходные имущества. Но в принципе они стремились сохранить за собой прежде всего те, которые определяли жизнедеятельность городской общины. И на первом месте стояло не столько извлечение доходов от разных видов городской собственности, сколько обеспечение благодаря этой собственности важнейших общегородских нужд. Именно собственность города, а не покупка городской общиной тех или иных продуктов, сырья и изделий обеспечивала существование соответствующих общественных фондов, запасов городской общины. Собственные лесные угодья там, где только это было возможно, позволяли снабжать общественные учреждения города, прежде всего общественные бани, дровами. Другое дело, на каких условиях дровосеки осуществляли заготовку и доставку. Но общественные бани имели постоянный источник снабжения, а лица, занимавшиеся заготовкой и доставкой дров, своими частными доходами также оказывались связанными с муниципальной собственностью.

Аналогично обстояло дело с торговлей печеным хлебом, да и вообще со снабжением города в целом. Антиохийские мельницы, например, вероятно, принадлежали городу, и ими лишь пользовались или их арендовали хлебопеки³¹. Эта собственность города давала возможность контролировать производство печеного хлеба, а не только его продажу, точно так же как наличие собственных зерновых и прочих продовольственных запасов и фондов, поступавших из городских имений, не только удовлетворяло соответствующие нужды различных муниципальных учреждений, но и позволяло массой натурального продукта, а не одними распоряжениями и контролем поддерживать соответствующий уровень цен на городском рынке³².

Мы уже не говорим о том, что в основном муниципальной собственностью являлись городские и пригородные садовые и огородные участки. Это обеспечивало контроль города над огородниками и в принципе приводило к тому, что важнейшие для жизни города корпорации были чрезвычайно тесно связаны с муниципальной организацией и в значительной мере зависели от нее. Многие необходимые для городского хозяйства отрасли, по-видимому, непосредственно находились в ведении городской общины, в том числе и ремесленные мастерские, которые могли работать на продажу, но основной задачей которых было все же производство необходимых для городского благоустройства и строительства изделий и материалов. Мастерские—собственность городов упоминаются многими источниками, в том числе и законодательством IV—V вв.³³ Весьма возможно, что часть из них в результате конфискаций перешла в собственность государства и пополнила число государственных мастерских, оставшихся под управлением и в ведении муниципальных организаций.

Думается, что наличие собственного городского производства и эффективный контроль муниципальной организации, ее собственность на карьеры, разработки и сырье — все это было одним из важных факторов, одной из основ развития и осуществления широкого общественного городского строительства, обеспечения его высокого качества, как стандарта производимых для него материалов, а частично и снабжения городского рынка. Таким образом, античный город имел и свою строительную базу, опять-таки прочно существовавшую на основе его собствен-

³¹ Г. Л. Курбатов. К вопросу о корпорации...

³² Там же, стр. 152.

³³ Nov. Th., 23; CTh, XV, 1.9 и др.

ности. И значительная часть занятых в этой сфере и в мастерских города ремесленников была прямо связана с муниципальной организацией. При этом не только политическая значимость городской общины, а прежде всего ее реальные позиции в экономической жизни города привязывали и подчиняли ремесленников к античной муниципальной организации, ограничивая роль и значение их профессионально-производственных объединений, корпораций.

Возрастание значения корпораций в IV—V вв., как теперь признается большинством исследователей, было не только и, может быть, не столько связано с государственной и фискальной политикой, фискальными интересами государства, а имело свои внутренние причины. И одна из них заключалась в падении значения в жизни города общегородской коллективной собственности, в развитии и укреплении за ее счет частной и корпоративной собственности.

Мы можем проследить, как упадок внутригородской собственности города был связан с общим упадком городской собственности в целом. Можно предполагать, что упадок внегородской и внутригородской собственности города не был одновременным и параллельным. В городе он протекал медленнее в силу необходимости поддержания муниципального хозяйства. Законодательство, на наш взгляд, позволяет выделить ряд этапов этого процесса. Если III в. характеризуется бесспорным сокращением общественного и развитием частного строительства на земле, принадлежащей городу, то в IV в. налицо упадок строительства и деятельности общественных муниципальных учреждений. Законы, ограничивавшие разрушение построек и расхищение украшений (CTh, XV, 1, 1 сл.)³⁴, прямо свидетельствуют не только об их обветшании, но фактически и о том, что они перестают функционировать. Если в первой половине IV в. многие из них лишь ветшали и законодатели стремились как-то оградить их от разрушения, то во второй половине IV в. правительство уже разрешает сносить и использовать для строительных нужд материалы заброшенных и разрушавшихся муниципальных сооружений. Вероятно, уже в IV в. многие из них переходят в частные руки, становятся собственностью церкви, государства. Мы говорим о сооружениях не только обществу иного, но и хозяйственного муниципального значения. Сокращение натуральных муниципальных поступлений, муниципальных запасов, естественно, вело к тому, что муниципальные склады и хранилища пустовали. Они либо разрушались, либо переходили в руки государства или частных лиц. Но в IV в., как показывает законодательство, еще сильна тенденция сохранять нужные городу внутригородские имущества и собственность на землю за городом. Продавались здания, но не земля под ними, сохранялись в собственности города лавки и мастерские или помещения под них.

V век, судя по законодательству, — это уже период активной распродажи внутригородской собственности — самой земли, лавок и мастерских. Именно тогда, по-видимому, и переходит в частные руки большая часть внутригородской общественной собственности. В V в. учащаются попытки уклоняться от платежей, т. е. по существу присваивать городскую собственность. Не случайно, что в законах V в. все чаще говорится о внутригородских имуществах — участках, домах, лавках, мастерских. 23-я новелла Феодосия сообщает, что те из них, которые «удерживаются» разными лицами даже в течение 30 лет, должны быть возвращены городу (*civitatibus restituendis*). Характерно, что некоторые из них, вероятно, могли удерживаться и более или менее законно — за долги городской общины частным лицам. Так, 17-я новелла Феодосия говорит о *petitiones*, домогавшихся передачи им в виде возмещения за долги города

³⁴ Огромный титул CTh, XV, 1 — *De operibus publicis*.

городской собственности. Если 17-я новелла была издана в 443 г., то новелла 469 г. (*De vendendis rebus civitatis*) как бы продолжает эту эволюцию. Она официально разрешает городам в необходимых случаях для обеспечения общегородских нужд продавать менее необходимую собственность (*domus vel annonas civiles aut quae libet aedificia*). Тем самым с середины V в. открылся широкий путь к распродаже внутригородской собственности, и, вероятно, как раз в этот период многие городские участки под частными домами, городские доходные дома, лавки и мастерские, помещения которых являлись собственностью города, и перешли в руки частных лиц и корпораций.

В V в. укрепляется и возрастает собственность корпораций (СTh, XVI, 4. 1,5; CJ, X, 3.5) — как частная, так и общая, очевидно, прежде всего в связи с переходом к ним тех имуществ, помещений и сооружений, которые раньше принадлежали городу и которыми они пользовались за плату, находясь под контролем городской общины. Все это укрепляло их самостоятельность по отношению к муниципальной организации и, соответственно, вело к ослаблению контроля над их деятельностью, к падению регулирующей роли городской общины. В таких условиях могли реализоваться ставшие характерными для данного периода тенденции к установлению монопольных цен. Невозможность реальных санкций, реального воздействия городской общины превращало ее административный контроль в фикцию. Мы ясно видим это, например, на организации снабжения города хлебом. Муниципальные запасы и ресурсы куриалов позволяли регулировать цены на зерновой и, соответственно, печеный хлеб. Связь хлебопеков с курией, благодаря пользованию муниципальной собственностью, гарантировала выполнение ими решений муниципальной организации. Но ее роль и влияние на цены с сокращением натуральных поступлений стали сходить на нет. Хлебопеки оказались в зависимости от землевладельцев и получили возможность сами устанавливать цены на хлеб. Для контроля над ними требовалась теперь более сильная и авторитетная власть — государственная.

Полисная система контролируемого рынка, базировавшаяся на собственных ресурсах города и его собственности, рухнула. Складывались совершенно новые отношения, не контролируемые городской организацией. Товарные связи города вышли из-под ее контроля. Снабжение города, прежде гарантированное полисной организацией, утратило стабильность. Понадобились иные, государственные рычаги, но они уже были более административными, чем экономическими, какими некогда являлись рычаги, находившиеся в руках курии³⁵. Естественно, что в этих условиях корпорации, обеспечивавшие снабжение города, обретали не только большую самостоятельность, но и играли большую роль в его жизни, что и находит яркое отражение в источниках V—VI вв.

Но в целом эта возрастающая нестабильность снабжения, рост цен и спекуляций, естественно, как и многие другие процессы, вели к постепенному свертыванию широко распространенной и хорошо налаженной в античном городе торговли печеным хлебом. В условиях частых колебаний цен становилась более выгодной домашняя выпечка из закупленного после урожая — и по наиболее дешевым ценам — зернового хлеба. Она распространяется и в богатых частных городских домах, и в монастырских и церковных хозяйствах в городе, и, вероятно, среди более бедных городских собственников. Эти же причины толкали городское население к переходу на более широкое натуральное снабжение продуктами с городских и пригородных участков.

Все это еще раз показывает, что античная собственность города была чрезвычайно важным фактором обеспечения всей жизни городской общины,

³⁵ Г. Л. Курбатов. К вопросу о корпорации. . . , стр. 153.

в частности, и потому, что в определенной мере подчиняла ее интересам и товарно-денежные отношения в городе, и обмен между городом и деревней.

Нужно сказать, что сокращение не только внегородской, но и внутригородской муниципальной общественной собственности решающим образом влияло на отношения в городе, его дальнейшее развитие. Городская община утратила реальный контроль над городскими собственниками, как только они стали собственниками большей части земли в городе. В этих условиях становился все менее эффективным общегородской контроль над строительством, что фактически вело к произволу в застройке, нарушениям прежней строгой планировки. Достаточно сказать, что именно тогда появляются комплексы частных построек, перекрывающие улицы ³⁶.

Богатые дома теперь превращались в настоящие внутригородские усадьбы со своими системами водоснабжения, банями, всем комплексом необходимых сооружений, которые раньше строились преимущественно для города в целом, а теперь — для отдельных домов и семей. Аналогично обстояло дело и со стремившимися к определенной замкнутости и изоляции монастырскими и церковными учреждениями в городе. С сокращением общегородской собственности и обеднением муниципальной организации город все более превращался в совокупность владений независимых друг от друга частных собственников, что вынуждало совершенно иначе, чем раньше, решать важнейшие общегородские проблемы (а решать их становилось все труднее). Вместо прежних общественных муниципальных расходов из общих доходов города получают распространение разного рода системы складничества, долевого участия — как в закупке продовольствия, так и для проведения необходимых городских работ ³⁷.

Отдельные виды муниципальной собственности и доходных имуществ сохранились, например имущества, связанные с обеспечением зрелищ. Но фактически они перестали быть собственностью городской общины, обособились от нее и превратились в собственность партий, занимавшихся организацией зрелищ, составили совершенно особые имущества, уже не считавшиеся собственностью античной городской организации ³⁸.

В той мере, в какой город сохранился, он все более становился государственным. С сокращением его собственных имуществ и ресурсов и усилением контроля над ними со стороны центральной власти они по существу превращались в особую часть государственных поступлений, выделявшихся на нужды городов. Отсюда смешение городской и государственной собственности, фактическое поглощение первой последней, которое в конечном счете и привело к тому, что соответствующие функции перешли к государственной администрации. Новелла императора Льва III (740 г.) не оставляет в этом никаких сомнений ³⁹. А основой этого процесса было развитие в важных административных центрах ⁴⁰ государственной собственности, государственного производства, размещение в них постоянных гарнизонов и т. д. Аналогично, по-видимому, эволюционировали и те античные полисы, которые угасали и превращались в крепости. В них государственная военная собственность постепенно вытесняла частную, гражданскую и муниципальную; они все более становились крепостями, в которых античное самоуправление уступало административную власть военному командованию.

³⁶ См., например, К. Маджаров. Магнатский дом в Абрите. — ИП, 1956, № 12, кн. 1, стр. 88—91.

³⁷ Г. Л. Курбатов. Основные проблемы... стр. 181—182.

³⁸ Там же, стр. 187.

³⁹ Там же, стр. 201.

⁴⁰ На это указывает возрастающее число законов, касающихся государственной собственности и имуществ в городах. См., например, СТb, XV, 1.35; CJ, VIII 11; X, 2 и др.

Несколько иначе, по-видимому, складывалась судьба приходивших в упадок полисов, которые не представляли интереса для государства ни с экономической, ни с административной, ни с военной точек зрения. Известно, что государственная власть стремилась приобрести имущества там, где у нее была особая заинтересованность. В равной мере она не сохраняла и распродавала эти имущества там, где они не представляли для нее интереса, частным лицам (см., например, СТ¹, 10. 2, 2). Таким образом, государство, по-видимому, распродавало свою собственность в ненужных ему и приходивших в упадок городах, способствуя тем самым дальнейшему развитию этого процесса, и стремилось увеличить ее там, где считало необходимым ⁴¹.

Фактически самым крупным собственником в городе в течение IV—VI вв. становится церковь, в ее руки перешла большая часть прежней античной общегородской собственности. Первым крупным шагом был переход к ней связанных с городской собственностью и полисной организацией храмов и храмовых имуществ. Дарения и покупки, поддержка церковью общегородских учреждений по существу превратили ее в собственника многих, в том числе и общественных, имуществ города. Муниципальная благотворительность превратилась в церковную, и церковные хранилища, вероятно, не просто пришли на смену муниципальным, а скорее всего церковь приобретала и использовала обветшавшие строения. Церковь становилась главным собственником в городе, и именно с этим, а не только с ее моральным авторитетом связаны ее возросшая реальная власть в городе и контроль над городской жизнью. Но, выполняя некоторые общественные функции, церковь отнюдь не становилась общегородской, зависящей от местной власти организацией ⁴². Наоборот, мы видим при Юстиниане дальнейшее упрочение прав собственности церкви и церковно-монастырских учреждений на их имущества, в том числе и разного рода благотворительные учреждения, монастырские больницы и лечебницы, приходившие на смену прежним муниципальным (см., например, С¹, I, 3.53 (54) — 533; I, 3.34 (35) — 472) ⁴³.

Города, которые угасали как полисы, процесс вытеснения старых, античных форм собственности более развитыми и полными формами частной и корпоративной собственности — там, где одновременно не развивалась государственная, в конечном счете мог привести к превращению в совокупность владений нескольких частных собственников. И такого рода факты подтверждают раскопки в ряде областей ⁴⁴. В одном случае город представлял собой лишь несколько частных владений. В другом, когда он утрачивал военное значение, даже крепость переходила в собственность церкви и становилась своего рода хозяйственным двором и складом церковного центра, который нельзя назвать иначе, поскольку все поселение сделалось собственностью церкви. Античная собственность, являвшаяся важнейшей основой античного и позднеантичного города, по существу трансформировалась и исчезла в Византии в течение VII в. Там, где она не превратилась в иную — частную, церковную, корпоративную или государственную, она, по-видимому, просто перестала существовать или, в лучшем случае, рассматривалась как определенный вид государственной собственности.

⁴¹ См., например: М. Я. Сюсюмов. Экономика пригородов византийских крупных городов. — ВВ, XI, 1956, стр. 61.

⁴² Там же, стр. 62—63.

⁴³ С¹, I, 3.53(54): et res omnes sacrosanctum asceterium, seu monasterium pleno habea dominio.

⁴⁴ А. П. Каждан. Византийская культура. М., 1268, стр. 16; М. П. Инадзе. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси. 1968, стр. 266 и др.

Г. Е. ЛЕБЕДЕВА

КОДЕКСЫ ФЕОДОСИЯ
И ЮСТИНИАНА ОБ ИСТОЧНИКАХ РАБСТВА

Проблема рабства — одна из основных и важнейших проблем истории поздней Римской империи — ранней Византии. Роль рабов в жизни ранневизантийского общества, а следовательно, и характер последнего по-разному оцениваются как зарубежными, так и советскими исследователями. Все это делает необходимым и актуальным дальнейшее изучение роли рабства и его эволюции в жизни ранневизантийского общества IV—VI вв. Вопрос об источниках рабства становится при этом ключевым, исходным для решения данной проблемы¹.

Кодексы Феодосия и Юстиниана, содержащие свыше 500 законов о рабах, дают очень важный материал, касающийся рабства вообще и источников рабства в частности².

В подходе к изучению вопроса об источниках рабства можно констатировать определенные сдвиги. Центр тяжести исследования все более перемещается от непосредственного их изучения к выяснению отношения к ним государства, степени заинтересованности различных кругов общества в их использовании. Именно в этом направлении изучались в последние годы наиболее важные статьи Кодексов Феодосия и Юстиниана, вокруг этих вопросов развернулись наиболее острые дискуссии³.

¹ См. *Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова*. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971, стр. 14—26; *Е. М. Штаерман*. Рабство в III—IV вв. н. э. в западных провинциях Римской империи. — ВДИ, 1951, № 2, стр. 98—99; *еже*. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, стр. 506; *А. Р. Корсунский*. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V вв. — ВДИ, 1954, № 2, стр. 49; *Е. Э. Липшиц*. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии. — ВДИ, 1955, № 4, стр. 65; *З. В. Удальцова*. Положение рабов в Византии в VI в. (преимущественно по данным законодательства Юстиниана). — ВВ, XXIV, 1964, стр. 5—6; *еже*. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане. — ВВ, V, 1952, стр. 17; *еже*. Италия и Византия в VI в. М., 1959, стр. 459 сл.; *Е. С. Голубцова*. Сельская община в Малой Азии (III в. до н. э. — III в. н. э.). М., 1972, стр. 111. *W. L. Westermann*. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955, p. 84; *A. H. M. Jones*. The Later Roman Empire. Norman, 1964, p. 794, 851—856; *M. I. Finley*. Slavery in classic al antiquity. Views and controversies. Cambridge, 1960.

² *Corpus Juris Civilis*, t. II. Codex Justinianus, ed. Krueger. Berolini, 1954 (далее—CJ); *Codex Theodosianus* ed. Th. Mommsen et E. Meyer. Berolini, 1905 (далее—CTh). См. *Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова*. Указ. соч., стр. 24; *З. В. Удальцова*. Положение рабов..., стр. 3—5; *еже*. Законодательные реформы Юстиниана. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 9—10; *L. Wenger*. Die Quellen des römischen Rechts. Wien, 1953, S. 539.

³ По мнению одних исследователей, сокращение использования различных источников рабства происходило потому, что «потребность в притоке новых рабов не ощущалась» (*Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова*. Указ. соч., стр. 16). Ср. *Е. Э. Липшиц*. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазиатских провинциях Византии. — ВВ, XIII, 1958, стр. 37;

Источники рабства можно разделить на внешние (захват рабов-военнопленных, импорт рабов) и внутренние (естественный прирост рабов и «обращение в рабство... вследствие различных неблагоприятных обстоятельств и условий жизни» — *servi autem nascuntur aut fiunt*)⁴. С развитием колоната постепенное снижение интереса к сохранению рабства бесспорно. Однако этапы этого процесса дискуссионны. Не приходится спорить с выводами о сокращениях в I—III вв. значения внешних источников рабства и, соответственно, возрастания внутренних⁵. Однако мысль о том, что падение интереса к внешним источникам связано только с внутренними, хозяйственными мотивами, ослаблением значения рабского труда, нам представляется спорной, так же как и стремление связывать упадок рабства и рабовладельческого хозяйства с чисто внешними причинами, сокращением притока рабов извне и с вздорожанием рабской силы⁶. Очевидно, правильнее говорить о взаимодействии внешних и внутренних факторов.

В современной историографии данного вопроса можно выделить ряд проблем. Прежде всего — вопрос о внешних источниках рабства и степени заинтересованности в их использовании⁷. Старая концепция, которой придерживался У. Уэстерманн, придавала особенно большое значение внешним источникам⁸. Упадок рабства во многом объяснялся сокращением притока извне дешевой рабской силы, ростом цен на рабов и стоимости самого рабского труда⁹. Однако некоторые исходные пункты этой теории (в частности, повышение цен на рабов и др.) были — и достаточно обоснованно — поставлены под сомнение.

Изучение внутренних, экономических аспектов развития рабства¹⁰ показало, что не только внешние, но и внутренние факторы влияли на изменение отношения к внешним и внутренним источникам рабства. В ряде работ, где исследовался рабский труд, была показана не только возможность увеличения производительности этого труда при определенных формах его организации, но и обусловленное ими возрастание интереса к большему использованию внутренних источников рабства, т. е. к внутреннему воспроизводству рабской силы¹¹. Таким образом, сокращение использования внешних источников рабства могло быть и, очевидно, было обусловлено не только внешними факторами (влияние которых, на наш взгляд, также никак нельзя сбрасывать со счетов), но и внутренними¹². Причем влияние последних нельзя прямо связывать только с кризисом рабства и прямым падением заинтересованности в использовании труда рабов вообще. С распространением определенных форм ор-

Д. Ангелов. О некоторых проблемах социально-экономического развития Юго-Восточной Европы во II—V вв. и перехода от античности к средневековью. — «XIII Международный конгресс исторических наук. Доклады». М., 1970, стр. 6 и др. По мнению других, в империи и в поздний период ощущалась «нехватка рабов» (А. Н. М. Jones. *Op. cit.*, p. 855).

⁴ *Corpus Juris Civilis*, t. I, *Institutiones*. Berolini, 1954 (далее — *Inst.*), I, 3, 4; W. W. Buckland. *The Roman Law of Slavery*. Cambridge, 1908, p. 396—397.

⁵ Для I—III вв. см. А. П. Корсунский. Указ. соч., стр. 49; для IV—V вв. см. W. L. Westermann. *Op. cit.*, p. 96.

⁶ См. А. Н. М. Jones. *Op. cit.*, p. 851—852; Критику этих точек зрения см., например, А. П. Каздан. Кризис и падение Римской империи. — ВДИ, 1966, № 1, стр. 131 сл.

⁷ H. Volkman. *Die Massenversklavungen der Einwohner eroberter Städte in der hellenistisch-römischen Zeit*. Mainz, 1961, P. I, S. 115—242.

⁸ W. L. Westermann. *Op. cit.*, p. 101.

⁹ *Ibid.*, p. 3. Аналогичной точки зрения придерживаются и многие современные исследователи. См., например, А. Н. М. Jones. *Op. cit.*, p. 852.

¹⁰ В. И. Кузищин. Проблемы производительности рабского труда в римском сельском хозяйстве II в. до н. э. — I в. н. э. — «V Международный конгресс экономической истории». М., 1970; см. выше, прим. 1.

¹¹ См. М. Я. Сюзюмов. Трудовые конфликты в Византии, стр. 72—73.

¹² М. Е. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 14—25.

организации хозяйства становилось все более возможным и экономически целесообразным, способствующим повышению производительности труда рабов, более разумным внутреннее воспроизводство рабской силы, использование рожденных и выращенных в имении рабов¹³.

Развернувшаяся в последнее время дискуссия о производительности рабского труда и изучение соответствующих материалов показали, что отнюдь не были исчерпаны и активно использовались хозяйственно-организационные пути повышения производительности этого труда (углубление специализации и т. п.)¹⁴. При том, что происходил естественный упадок мелких рабовладельческих хозяйств и рост средних и крупных, возможности для более эффективного разделения труда, использования рабов разных возрастов, специализации и пр. возрастали, а не уменьшались. Все это, при падении стабильного внешнего поступления дешевой рабской силы, делало экономически целесообразным и расширение внутреннего воспроизводства рабской силы (более раннее использование труда малолетних рабов на разного рода легких, вспомогательных работах, более значительных по объему в средних хозяйствах, более ранняя и более глубокая специализация и т. д.)¹⁵.

Таким образом, некоторое снижение интереса к внешним источникам рабства совсем необязательно должно рассматриваться как прямое свидетельство кризиса рабовладельческих отношений и их упадка.

В то же время не следует и переоценивать возрастание интереса и увеличение размеров внутреннего воспроизводства рабов. Внешние источники всегда были одним из важнейших средств пополнения рабов и одним из бесспорных показателей характера общества и степени развития рабовладельческих отношений в нем, ибо пополнение рабской силы извне было необходимым при существовании развитых рабовладельческих отношений. Поэтому мы не можем сбрасывать их со счетов.

Даже исследователи, признающие относительный рост использования внутренних источников, связывают роль внешних источников с эволюцией рабовладельческих отношений¹⁶. Значение внешних источников рабства, и прежде всего военного захвата рабов, по-видимому, нельзя определить только на основании прямого анализа и суммирования фактов о том, как использовались военнопленные. Этот материал позволяет сделать самые различные выводы. По мнению одних, он свидетельствует, что интерес к внешним источникам рабства к началу IV в. упал и большинство военнопленных уже тогда обращалось в колонов¹⁷. По мнению других, указанная граница передвигается к IV — началу V в., когда внешние источники уже утратили свое значение¹⁸. По мнению третьих, еще и в VI в. они оставались важным источником поступления именно рабской силы в империю¹⁹.

¹³ Там же, стр. 56; В. И. Кузицин. Указ. соч., стр. 18.

¹⁴ См., например: S. Lauffer. Die Sklaverei in der griechisch-römischen Welt. — «XI-e Congrès International des Sciences historiques. Stockholm, 21—28 VIII 1960. Rapports, II. Antiquité», Göteborg — Stockholm — Uppsala, 1960, S. 71—97; Критику его выводов о производительности рабского труда см. Г. Г. Дилигенский. Проблемы истории античного рабства на XI Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме. — ВДИ, 1961, № 2, стр. 124—138.

¹⁵ М. А. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 14—15.

¹⁶ Там же, стр. 24; А. Н. М. Jones. Op. cit., p. 855. W. L. Westermann. Op. cit., p. 84 и др.

¹⁷ Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 24.

¹⁸ Е. Э. Липшиц. Указ. соч., стр. 65; Д. Ангелов. Указ. соч., стр. 5—6 и др.

¹⁹ З. В. Удальцова. Положение рабов в Византии в VI в., стр. 5—6; «завоевательные войны Юстиниана обеспечили постоянный и широкий приток рабов в империю». См. ее же. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане, стр. 17; ее же. Италия и Византия в VI в., стр. 459. Ср. А. Н. М. Jones. Op. cit., p. 853; Procopii Caesariensis Bellum Vandalicum, rec. J. Haury. Lipsiae, 1905, II, 21, 14.

Речь, однако, идет не столько о суммировании тех или иных фактов, сколько о том, как общество относилось к внешним источникам рабства, насколько оно было заинтересовано в них.

Аналогично ставится вопрос и о внутренних источниках рабства. Каковы они? Каково было их значение и отношение к ним? Насколько активно стремились их использовать именно для увеличения числа рабов?

В последний период существования рабовладельческого общества, естественно, большое значение имело пополнение рабочей силы за счет свободных. Но можно ли говорить о тенденции к тому, что свободных старались обратить именно в рабов? Можно ли говорить о том, что общество IV—VI вв. все же стремилось использовать имевшиеся у него возможности для сохранения рабовладельческих отношений, или общие тенденции были уже иными? Вопрос об отношении к порабощению свободных в этом аспекте, на наш взгляд, приобретает особенно большое значение и как определенный показатель принципиального отношения к рабству.

Все это определяет задачи и построение статьи. Автор ставил своей целью не только суммировать данные законодательства об источниках рабства, но и максимально широко привлечь другие законы о рабах, выяснить отношение общества, отраженное в законодательстве, к рабству, к различным его источникам и к характеру их использования.

Поскольку исследователи по-разному оценивают роль различных источников рабства к концу III — началу IV в., автор был вынужден обратиться к законам II—III вв., чтобы сопоставить их с законодательством IV—VI вв.

Ни у кого не вызывает сомнения, что IV и последующие (после кризиса III в.) столетия представляют собой особый период истории, в котором роль рабства стала уже несколько иной и, очевидно, соотношение и значение его источников также могли отличаться от предшествующей эпохи.

Источники рабства I—III вв. изучались многими исследователями. В советской литературе самой последней работой, касающейся этого вопроса, является монография Е. М. Штаерман и М. К. Трофимовой, во многом суммирующая существующие точки зрения. Работа важна для нас еще и тем, что Е. М. Штаерман широко опирается на юридические источники — Дигесты и законы римских императоров II—III вв. Она особенно обращает внимание на то, что в ту эпоху утрачивается интерес к захвату рабов-военнопленных, и это характерно для настроений II—III вв.²⁰ По мнению Е. М. Штаерман, в литературе данный перелом отражается достаточно резко и служит показателем того, что в тогдашнем обществе уже «потребности в притоке новых рабов не ощущалось»²¹.

Автор связывает это как с вызванным хозяйственной эволюцией возрастанием роли внутренних источников рабства, так и с падением его значения вообще. По мнению Е. М. Штаерман, эта тенденция нашла выражение и в усиливающемся обращении военнопленных не в рабов, а в колонов. В главе «Источники рабства» автор отмечает, что в источниках III в. нередко прямо не упоминается об использовании пленных именно как рабов, что часть из них явно расселялась в качестве колонов, свободных поселенцев, включалась в состав армии и т. д.²² Ценным является наблюдение, что меньше военнопленных в качестве рабов использовалось в сельском хозяйстве и больше, вероятно, направлялось на другие работы.

В то же время Е. М. Штаерман признает, что имеется достаточно свидетелств о превращении военнопленных в рабов и о направлении

²⁰ Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 16.

²¹ Там же, стр. 24.

²² Там же.

их как таковых и в сельское хозяйство. Даже при том, что в некоторых источниках, прежде всего в SHA, не говорится прямо об обращении военнопленных в рабов, они в равной мере не сообщают и об обращении их в колонов. Поэтому, хотя Е. М. Штаерман и правильно определяет общую тенденцию, общий вывод о том, что преимущественно «колоны из числа пленных поступали в провинции, но приток рабов за счет пленных должен был резко сократиться для всей империи» к концу III в.²³, вызывает известные сомнения. В. Велков на тех же материалах SHA приходит к более скромным выводам²⁴.

К тому же едва ли можно использование значительной части пленных варваров в качестве колонов или даже свободных связывать только с падением потребности в притоке рабов. Сопоставление материалов III—IV вв. показывает, что многое зависело и от соотношения сил и возможностей.

Когда империя была сильна и могла не считаться с другими обстоятельствами, большая часть пленных обращалась в рабов и поступала на рынки империи; когда ее положение было более трудным, ей приходилось мириться, так сказать, с более «льготными» условиями. Такие колебания в IV в. и их зависимость прослеживаются достаточно отчетливо. Таким образом, несомненная заинтересованность и тенденция к обращению части военнопленных в рабов, в том числе и сельских, не ограничиваются III в., и вопрос о том, насколько указанная тенденция ослаблялась «падением потребности», а не «отсутствием возможности» обращать большое число пленных в рабов, — достаточно спорный. Во всяком случае, и на материалах III в. видно, что обращение военнопленных в рабов несколько усиливается к концу III в., когда империя начинает укрепляться. Свидетельства же о пленных-рабах, направляемых в хозяйства и имения, приводимые в работе Е. М. Штаерман, относятся не столько к первой половине — середине III в., сколько к концу III в., ко времени Клавдия II и Аврелиана²⁵. Таким образом, по-видимому, в I—III вв. не только сокращалась потребность во внешнем пополнении рабов, но и возможности такого пополнения. Когда же они расширялись, они в достаточной мере реализовывались.

Другим внешним источником служила торговля — импорт рабов. В III в. ввоз рабов существовал. Однако он заметно сократился, а по мнению некоторых исследователей, даже более или менее заглох «в связи с общим ослаблением заграничных связей»²⁶. Хотя его сокращение и можно отчасти объяснить не столько сокращением потребностей, сколько обстановкой, не благоприятствовавшей внешней торговле, его следует учесть. Заметное оживление покупки и ввоза рабов в IV в.²⁷ свидетельствует о том, что этот источник не утратил и в IV в. своего реального значения; и спад в импорте рабов в конце II—III в. можно скорее объяснить внешними, чем внутренними обстоятельствами. Поэтому больше приходится говорить о его влиянии на развитие рабства внутри империи, чем о том, что этот спад вызван падением спроса.

В целом, по-видимому, можно утверждать, что и в III—IV вв. внешние источники рабства — в одни периоды в большей степени войны, в другие торговля — были если уже не столько постоянными то, во всяком случае еще достаточно важными.

²³ Там же.

²⁴ В. Велков. Рабство в Тракия и Мизия през античността. София, 1967, стр. 114—118.

²⁵ Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 24. Ср. В. Велков. Указ. соч., стр. 118. Ср., например, свидетельство Аммиана (XXVI, 10, 2): *mancipiis, captivis, locupletata ret... quingentos servos... in privatam villam Valeriani congeret*.

²⁶ Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 24.

²⁷ W. L. Westermann. *Op. cit.*, p. 137; В. Велков. Указ. соч., стр. 121—122; *Expos. totius mundi*, 122 и др.

Исследователи констатируют возрастание в I—III вв. значения внутренних источников рабства по сравнению с внешними, прежде всего естественного прироста рабов²⁸. В известной мере, он, вероятно, стимулировался и определенными особенностями развития производства.

Возможности широкого использования труда малолетних рабов на вспомогательных, элементарных работах, специализация рабов — все это, очевидно, в какой-то мере окупало убытки от их выращивания и воспроизводства в хозяйстве (например, приобретение ими за этот период более высокой квалификации делало выгодным и их домашнее воспроизводство по сравнению с покупкой взрослых необученных рабов). Видимо, все эти факторы и явились важным стимулом поощрения и развития внутреннего воспроизводства рабов, создания семей рабов²⁹, что само по себе явилось дополнительным стимулом повышения их заинтересованности в производительности труда.

Естественно, что в этих условиях интерес к внешним источникам приобретения рабов мог несколько упасть. Поэтому приобретает особое значение вопрос об эволюции «естественного воспроизводства». Тесная связь рабов с хозяйством и домом господина предполагала планирование воспроизводства рабов с учетом нужд и перспектив развития этого хозяйства. Именно данное обстоятельство на определенном этапе, по-видимому, и толкало к созданию более стабильной внутренней основы для пополнения рабской рабочей силы.

По мере выведения рабов на пекулий, с ростом их хозяйственной самостоятельности их естественное воспроизводство должно было стать более стихийным, менее контролируемым и регулируемым господином и, соответственно, более зависимым от общих условий жизни в широком смысле слова. До II — первой половины III в. мы наблюдаем еще первую стадию этого процесса, когда рабы были более тесно связаны с господским хозяйством и их владельцы имели больше возможностей влиять на воспроизводство рабской силы³⁰. Об этом говорят законы, отражающие прямую заинтересованность и заботу рабовладельцев о воспроизводстве рабской силы. Законы о рабницах и их детях явно отражают не только возросшее значение внутреннего воспроизводства, но и в известной мере активное воздействие на него господ.

В связи с проблемой внутреннего воспроизводства рабов, естественно, встает вопрос и о роли специального внутреннего, местного «производства» рабов на продажу для удовлетворения потребностей других хозяйств. Есть основания полагать, что и оно получило известное распространение. В то же время в III в., особенно во второй его половине, по-видимому, намечается переход ко второй стадии развития. Появляются законы о детях рабов, подброшенных без ведома и согласия господина, и о правах господ на таких детей, свидетельствующие о растущей самостоятельности семей рабов³¹.

С другой стороны, важным показателем не только возросшего значения внутренних источников рабства, но и его сохранения вообще является

²⁸ W. L. Westermann. Op. cit., p. 137; для IV—V вв. см. А. Р. Корсунский. Указ. соч., стр. 49; ср. И. С. Свенцицкая. Земельные отношения в Западной Малой Азии эллинистического и римского периодов. Автореферат. докт. дисс. М., 1971, стр. 19.

²⁹ По выводам У. Уэстерманна, большая часть «доморожденных» рабов происходила от семейных союзов рабов (W. L. Westermann. Op. cit., p. 118).

³⁰ О распространении в I—III вв. вывода рабов на пекулий см., напр., G. Härtel. Die Widerspiegelung von Symptomen der Krise der Sklaverei im Rechtsdenken der Römer in der Zeit von Gajus bis Modestinus. — «Wiss. Zeitschrift. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe». 19. H. 3. Karl-Marx-Universität. Leipzig, 1970, S. 467—468.

³¹ CJ, XIII, 51 (52) 1 (224 r.): Si invito vel ignorante te partus ancillae... tuae expositus est.

расширение способов порабощения свободных граждан. Самый факт широкого порабощения свободных подтверждается законодательством. «У юристов сплошь и рядом фигурируют свободные, находящиеся в рабстве на законном основании» (*qui bona fide serviunt*)³². Прежде всего, по-видимому, возрастает порабощение свободных за долги³³.

Различные формы порабощения свободных были и раньше распространены в восточных провинциях³⁴, но в изучаемый период они распространились на другие территории, а кроме того, затронули более широкие слои граждан. Е. М. Штаерман обращает внимание на то, что в середине II в. узаконивается «ранее безусловно запрещавшаяся самопродажа совершеннолетнего свободнорожденного римского гражданина»³⁵. По постановлению Адриана такая самопродажа законно превращала свободного человека в раба. Право самопродажи распространилось и на женщин. Полное рабство самопродавшихся подтверждается последующими законами (CJ, VII, 16.5) — закон Александра Севера)³⁶. Даже добившись свободы, они не могли рассчитывать на то, что будет учтено их прежнее состояние и, как и остальные рабы, при отпуске на волю они не возвращались к прежнему статусу, «от которого отказались», и становились либертинами (Dig., I, 5.24; IV, 4.9; XL, 12.7)³⁷.

Рабами становились и дети тех женщин, которые продали себя в рабство (т. е. дети, рожденные после самопродажи) (Dig., XLI, 13.3; 14.2). Возможно, что эти жесткие постановления первоначально имели целью несколько ограничить самопродажу свободных, так как, по-видимому, подобная практика получала все более широкое распространение. Под ее воздействием правительство было вынуждено все же идти на уступки. Постепенно в течение III в. снизился возрастной ценз для самопродажи: с 25 до 20 лет (Dig., I, 5.5, 1). С этого же времени возникает и проблема, связанная с порабощением лиц, выкупленных из плена (Dig., XLIX, 16.8). Ульпиан впервые упоминает о праве фактически порабощать свободных, выкупленных у варваров. Лицо, их выкупившее, вправе заставить их работать на себя, пока они не возместят суммы выкупа (Dig., XXVIII, 1.20, 1).

Целый ряд данных свидетельствует и о росте насильственного порабощения и «злонамеренного» удержания в рабстве свободных (Dig., XLIII, 29.4, 1; IV, 6.11). Законодателям приходилось выступать против попыток прямого порабощения свободных в связи с тем, что, по всей вероятности, участились случаи, когда свободные исполняли разные «рабские службы». Так, император Гордиан (CJ, VII, 14.3) вынужден был разъяснять, что свободнорожденную рабская служба «не делает рабыней». В письме Валериана и Галлиена речь идет о восстановлении статуса человека, который был принужден признавать себя рабом: *Nec si volens scripsisses servum te esse, non liberum, praeiudicium iuri tuo aliquid comparasses* (CJ, VII, 16.6).

Очевидно, насильственное порабощение свободных к середине III в. принимает очень значительные размеры, поскольку родственникам таких рабов не только официально разрешалось, но «даже вменялось в обязанность» начинать тяжбу об их освобождении. По мнению Е. М. Штаерман, «к концу III в. порабощение свободных приняло еще большие масштабы,

³² Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 18.

³³ См., например, W. L. Westermann. Op. cit., p. 135.

³⁴ А. Б. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—II вв. н. э. М. — Л., 1949, стр. 205; А. П. Каздан. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи. — ВДИ, 1953, № 3, стр. 87. И. Ф. Шифман. Рабы в документах из Дура-Евронос. — Сб. «Античное общество». М., 1967, стр. 81—85.

³⁵ Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 23.

³⁶ ... non alias... quam si participandi pretii gratia consensum servituti dedisse probetur.

³⁷ Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 23.

хотя юридически они далеко не всегда признавались в полном смысле этого слова рабами, а скорее находящимися во временном рабстве»³⁸. В рабство фактически попадали и выкупленные у «варваров» пленные, которые до выплаты ими суммы выкупа считались находившимися *in potestate* господина, который имел право держать их в оковах и принуждать работать. Если они бежали, то их возвращали господину. Нередко господа отказывались отпустить их, даже если им возмещалась сумма выкупа. Этот источник рабства, вероятно, приобрел большое значение в период внешних и внутренних войн III в.³⁹

По существу к этому времени относится и начало самообращения в рабство, не связанного непосредственно с формальными материальными обязательствами, официальной самопродажей. Ранее государство запрещало самообращение в рабство без материальных оснований или приговора суда. Отныне же оно становится законным, если кто-либо выразил подобное желание. Возможно, что закон императора Клавдия относился не к очень распространенной в его эпоху ситуации, но его постановление о свободнорожденной женщине, вступившей в связь с рабом, было «первым государственным актом, признававшим за свободным человеком право изменять свой статус на рабский... добровольно»⁴⁰. Тем самым это постановление открывало широкие перспективы для «добровольного» обращения свободных в рабство. Этот закон интересен и в том отношении, что он свидетельствует о растущем примирении государства и общества с практикой широкого обращения свободных граждан в рабов, с полным признанием их рабского юридического статуса.

В III в. становится обычным порабощение граждан в ходе внутренних, гражданских войн.

Более широкое распространение получает и продажа детей. Если раньше продажа детей имела место преимущественно в отсталых и окраинных провинциях империи, снабжавших центральные области малолетними и взрослыми рабами, то в III в. она делается повсеместной и более или менее законной (CJ, VII, 16.1). Императоры IV в. ссылались на право продажи новорожденных уже как на узаконенную практику (CTh, VIII, 10.1). Государство чаще допускало превращение свободных в рабов и за разного рода преступления. Например, Антонин Пий разрешил продавать как рабов детей женщин, приговоренной к работам в рудниках (Dig., XL, 5.24, 6).

Таким образом, можно согласиться с выводом Е. М. Штаерман, что в этот период «возрастало значение порабощения свободных»⁴¹, хотя многие из новых, дополнительных источников в III в. только начинали играть сколько-нибудь существенную роль. В то же время многие факты и законодательные данные, касающиеся порабощения свободных, рост штрафов за похищение и присвоение чужих рабов свидетельствуют о том, что в целом интерес к приобретению рабов был достаточно сильным.

Появившийся в последнее время ряд работ показывает в I—III вв. и активизацию внутренней торговли рабами, в частности пополнение числа рабов в центральных областях империи за счет окраинных областей, районов с менее развитыми рабовладельческими отношениями, где усиление общеимперского спроса и ухудшение положения свободного населения приводило к росту продажи малолетних детей и родичей на рабских рынках империи.

Следует отметить, что изменение соотношения и значения источников рабства в I—III вв. нашло отчетливое отражение в эволюции терминов, обозначающих рабов, в законодательстве и других источниках. Там все

³⁸ Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя..., стр. 506.

³⁹ Там же, стр. 507.

⁴⁰ Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 207.

⁴¹ Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя..., стр. 507.

реже для обозначения рабов употребляются термины, связанные с их происхождением, т. е. порабощением в результате войн (*captivus*).

В то же время в I—III вв. распространяются термины, обозначающие рабов местного, домашнего происхождения и воспитания. Таков термин *verna*, *vernae*, широко употреблявшийся для обозначения рабов, рожденных в поместье, доме, иногда, более широко, — в данной местности⁴². Ряд исследователей относит его к рабам, рожденным от рабов из имения, господина и рабыни или свободного и рабыни и воспитанным в имении, доме. Возможно, этим термином обозначались рабы местного происхождения, но вскормленные и выращенные в доме. Некоторые полагают, что верны — также и малолетние дети свободных. Однако большинство ученых склоняется к тому, что это рабы внутриместного, домашнего происхождения, «домородные рабы»⁴³. Многие исследователи считают, что эти рабы в I—II вв. в значительной мере пополняли состав рабского населения. По мнению В. Велкова, верны во II в. были одним из наиболее важных источников рабов⁴⁴.

Таким образом, и термины, определяющие рабов, указывают на распространение домашнего воспроизводства рабской рабочей силы. Внимание, уделяемое законодательством потомству рабынь, дает основание предполагать, что в этот период такое воспроизводство достигло значительных размеров⁴⁵.

Не менее важным показателем является распространение терминов *freptos* и *alumnus*. Оба эти термина — довольно широкие. Они обозначали «вскормленников», т. е. не обязательно рожденных в доме, а вообще всех рабов, взятых в малолетстве и воспитанных в доме господина. В принципе они также обозначали рабов местного происхождения (как полагает И. С. Свенцицкая), т. е. «внутренних». Это могли быть купленные, взятые на воспитание, даже подброшенные дети рабов (по мнению А. Кэмерона, большинство *freptoi* — дети рабынь)⁴⁶.

Таким образом, эта категория может служить показателем, с одной стороны, производства рабов «на продажу», с другой — и, вероятно, в большей степени — отдачи и подбрасывания рабами своих детей, что могло получить более широкое распространение в условиях большей свободы рабов.

Но важно и другое — то, что обе группы могли «комплектоваться» и за счет свободных: малолетних, подброшенных, отданных, проданных обедневшими родителями^{46а}. Это была очень удобная форма порабощения свободных, так как согласно законодательству всякий, кто воспитывал подброшенных детей, независимо от их происхождения, мог законно считать их своими рабами⁴⁷.

⁴² W. L. Westermann. Op. cit., p. 124; I. Biczunska-Malovist. Niewolnicy urodzeni w domu (*oikogeneis*) i charakter pracy niewolniczej w Egipcie rzymskim. — «Przegląd Historyczny». 1959, str. 453—457; В. Велков. Указ. соч., стр. 51, 111 (разработка вопроса о статусе детей свободных женщин, становившихся рабынями). Согласно Dig., I, 5.5, 2, дети, зачатые свободной, но рожденные рабыней, должны считаться свободными, так как дети не должны страдать из-за несчастий матери. См. G. Härtel. Op. cit., S. 464.

⁴³ В. Велков. Указ. соч., стр. 111.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Показательно, например, постановление III в., согласно которому императорская рабыня, родившая пятерых детей, автоматически получала свободу (Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 136).

⁴⁶ A. Cameron. *Ἐρπτός* and related terms in the inscriptions of Asia Minor. Manchester, 1939, p. 27—62. См. также W. L. Westermann. Op. cit., p. 30; ср. Е. С. Голубцова. Указ. соч., стр. 109, 111—112.

^{46а} И. С. Свенцицкая. Указ. соч., стр. 19.

⁴⁷ См. Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., стр. 17; СTh, V, 9.1 (331 г.). Ср. Н. Мухин. Отношение христианства к рабству в Римской империи. Киев, 1916, стр. 32—33; В. Велков. Указ. соч., стр. 118.

Распространение «вскормленников» и «воспитанников», следовательно, было связано с обеднением свободных. Именно в такой форме порабощение свободных, вероятно, и приняло весьма широкие размеры, став одним из каналов «внутреннего» пополнения числа рабов за счет свободных.

Все исследователи констатируют распространение данной категории рабов в I—III вв., в том числе и в крестьянских хозяйствах ⁴⁸. Мы говорим категории, так как в особую группу выделялись все местного происхождения рабы, которые не могли быть проданы за границу или, возможно, даже за пределы той области, где они родились.

Приведенные термины совершенно определенно отражают характерную для I—III вв. тенденцию к воспроизводству или, во всяком случае, «выращиванию» рабской рабочей силы внутри рабовладельческого хозяйства. Они встречаются во всех видах источников I—III вв., в том числе и в законодательных — Дигестах и ранних статьях Кодексов. Принципиальная связь их распространения в I—III вв. с определенными особенностями развития рабовладельческого строя представляется бесспорной. Поэтому естествен вопрос: не означало ли заметное сокращение и даже исчезновение указанных терминов в памятниках IV—VI вв., в том числе и в законодательных, угасания этой тенденции, определенного изменения характера и соотношения источников рабской рабочей силы? Многие исследователи фиксируют сокращение этого специального «воспроизводства рабов» ⁴⁹.

Весьма возможно, что с упадком средних рабовладельческих хозяйств и их стабильного спроса специальное выращивание рабов в IV в. постепенно свертывается. Не исключено, что это было также связано и с усилившимся выведением рабов на пекулий, т. е. с распространением и поощрением «естественного воспроизводства» рабов внутри рабских семей, в связи с чем падало значение их «вскармливания», «воспитания» в доме, хозяйстве господина. По-видимому, именно поэтому в законодательстве IV—VI вв. верное почти не фигурируют — о них упоминает только один закон (CJ, III, 32, 102—290).

Показателем определенной заинтересованности в сохранении рабов и достаточно активной защиты прав рабовладельцев является закон 224 г. Несмотря на известную тенденцию законодательства Юстиниана к освобождению подброшенных малолетних рабов, в Кодексе, тем не менее, был включен этот старый закон императора Александра, по которому господин имел полное право вернуть подкинутого ребенка своей рабыни в том случае, если тот был подкинут без его воли и согласия ⁵⁰. В таком случае он лишь возмещал расходы, затраченные на содержание и воспитание ребенка. Значит, право востребования подброшенного раба, видимо, не было существенно ограничено во времени (CJ, VIII, 51(52).1).

Таким образом, законодательные источники говорят о совершенно определенной заинтересованности господ в пополнении и воспроизводстве рабской силы, а то, как государство решало возникавшие по этому поводу конфликты, свидетельствует о том, что оно твердо оберегало права господ на потомство рабынь.

По мнению ряда исследователей, значение внутреннего естественного прироста рабского населения к IV—V вв. даже возросло ⁵¹.

⁴⁸ И. С. Свенцицкая. Указ. соч., стр. 19. Ср. ее же. Рабы и вольноотпущенники в сельских местностях провинции Азии. — ВДИ, 1968, № 4, стр. 127; Е. С. Голубцова. Указ. соч.; ее же. Специфика социальных отношений в сельских общинах на городской земле Малой Азии I—III вв. — ВДИ, 1969, № 1.

⁴⁹ А. Н. М. Jones. Op. cit., p. 794.

⁵⁰ Si invito ignorante te partus ancillae tuae expositus est. . restitueris.

⁵¹ А. Р. Корсунский. Указ. соч., стр. 49. Исследования демографического плана показывают, что естественный прирост в массе населения существенно не сократился в IV—V вв. По сохранившимся эпиграфическим и другим данным видно, что и в рабских семьях было по нескольку детей.

В то же время для этого периода характерна еще известная ограниченность пополнения числа рабов из свободных, продажи и самопродажи свободных в рабство, подбрасывания детей. Терминология отражает рост этих источников рабства с конца II и в III в., как и стихийного самовоспроизводства рабов на пекулии (о чем, в частности, говорит увеличивающееся число законов о подброшенных «без ведома господина» детях-рабах), очевидно, прежде всего рабов, живших и работавших самостоятельно, а не в доме и хозяйстве господина (CJ, VIII, 5, 1.52, 1 (224 г.).

Таким образом, мы можем говорить о немаловажной роли внешних источников рабства в I—III вв. и о росте значения внутреннего воспроизводства рабской силы⁵², что находит отражение в развитии терминологии, касающейся «доморожденных рабов». Нельзя не заметить существенного падения интереса к приобретению рабов и в то же время усиления внимания к внутренним источникам рабства. В какой мере этот «крен» определялся внутренними, хозяйственными обстоятельствами, а в какой — просто реальными возможностями приобретения рабской силы извне, вопрос спорный, и на него законодательный материал, естественно, не дает исчерпывающего ответа.

Анализ конкретного материала и терминологии позволяет также прийти к заключению, что для этого времени характерно более «плановое» воспроизводство рабов в хозяйстве, т. е. именно «выращивание» рабов. Поэтому многие статьи и касаются прав на «доморожденных», «вскормленных» рабов. В то же время большинство законов свидетельствует о том, что хотя стихийное, не контролируемое или мало контролируемое господином «воспроизводство» (вернее — «самовоспроизводство») рабов приобрело несколько большее распространение (по-видимому, с развитием выведения рабов на пекулий, ростом самостоятельных рабских семей государство вынуждено было чаще рассматривать вопросы о подброшенных «без ведома» господина детях рабов и допускать, что господин долгое время мог вообще не знать об этом), все же в целом в течение этого периода, судя по законодательству, господа сохраняли достаточный контроль за воспроизводством рабов.

Практика же порабощения свободных лишь к концу III в. начинает становиться сколько-нибудь массовой. Для I—III вв. едва ли можно говорить о порабощении свободных жителей империи как о важном источнике рабства.

Чем же отличались источники рабства в IV—VI вв. от источников предшествующего периода? Каково было значение каждого из них? Каково было соотношение войны и торговли как внешних источников рабства? Каково было соотношение «планового» и стихийного воспроизводства рабов? Продолжала ли возрастать роль внутренних источников рабства, или она оставалась стабильной, или, наоборот, падала? Не менее важной является и проблема других внутренних источников рабства. Возрастало, оставалось прежним или сокращалось порабощение свободных и как это отразилось в терминологии законодательства?

Большая группа законов Диоклетиана и Константина, посвященных этим вопросам, достаточно четко разделяет оба периода. Именно их законы, вошедшие в Кодекс Юстиниана, преобладают в соответствующих титулах. Их определяющий характер несомненен, поскольку, как правило, последующие законы лишь дополняют, детализируют и развивают, но редко существенно меняют их.

Особенно ясно значение их видно в части, касающейся порабощения свободных. Именно они позволяют говорить о конце III — начале IV в. как о рубеже в развитии отношения к порабощению свободных. По мне-

⁵² Е. М. Штаерман. Античное общество, модернизация истории и исторические аналогии. — Сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ». кн. 1. М., 1968.

нию Е. М. Штаерман, «с середины II в. была узаконена самопродажа в рабство совершеннолетних римских граждан, а в начале IV в. — продажа в рабство детей»⁵³. Постановления Диоклетиана и отчасти Константина во многом продиктованы необходимостью разъяснений в связи с многочисленными жалобами и апелляциями на порабощение со стороны бывших свободных (по происхождению) и их родственников. Вся эта группа законов, включая многочисленные апелляции и разъяснения к ним императоров, говорит о распространении в III в. различных путей обращения в рабство свободных, но в то же время свидетельствует, насколько еще не было изжито представление о том, что происхождение от свободных граждан, пребывание в их числе является серьезным препятствием для юридического изменения статуса свободного на раба (но не для фактического порабощения). Эти же законы показывают, что для лиц, в рабскую зависимость от которых попадали обращенные в рабство свободные, было характерно не только стремление фактически удерживать их в рабском положении, но и юридически оформить и закрепить их рабский статус, признать их рабами по положению.

Диоклетиановское законодательство не было активно направлено против порабощения свободных. Оно скорее ставило своей целью внести юридическую ясность в те сложные и новые пути порабощения свободных, которые получили распространение в III в. и стали весьма актуальными уже к концу этого столетия. По существу оно легализовало их. Лейтмотив, который проходит через законы Диоклетиана, таков: статус свободнорожденных граждан непрочен, он по многим причинам может измениться, и юридическое обращение свободных в рабов возможно во многих случаях⁵⁴.

Диоклетиан окончательно узаконил многие пути порабощения свободных, и в этом отношении с ним связан новый этап развития законодательства, касающегося данной области. Последующие законодатели относились к законам Диоклетиана и Константина как к своего рода исходным нормам.

Мы считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что, на наш взгляд, нельзя неразрывно связывать вопрос об отношении в обществе к рабству с вопросом об отношении к освобождению рабов. Поощрение освобождения рабов, по нашему убеждению, не может служить главным показателем отношения к рабству вообще, желания его свести на нет или ограничить. Поощрение освобождения рабов, его распространение характерно и для периода господства развитых рабовладельческих отношений. Оно вовсе не говорило об их ослаблении. Освобождение являлось одним из способов повысить стимул к работе у рабов; кроме того, оно позволяло, максимально используя их, заменять их новыми, избавляясь от обязанности содержать рабов в старости. Своевременный отпуск рабов давал возможность господам наиболее интенсивно эксплуатировать их в пору наибольшего расцвета их сил. Своевременно отпущенные рабы могли обзавестись хозяйством и не только обеспечить свое существование, но и продолжать еще какое-то время приносить известные доходы господину. Важны не столько сроки рабства, сколько самый факт его необходимости⁵⁵.

О подлинном отношении к рабству, таким образом, больше говорит не столько отношение к отпуску на волю, сколько к самому порабощению. Оно вскрывает глубоко принципиальное отношение к рабству и дает представление, насколько именно рабское состояние как статус, а не рабское

⁵³ См. Е. М. Штаерман. Античное общество..., стр. 665.

⁵⁴ CJ, IV, 19.10; VII, 16.17; VII, 16.28.

⁵⁵ См., например, CJ, VI, 7.2 (326 г.); Si manumissus ingratus circa patronum suum extiterit... rursus sub imperia dicionemque mittatur; VI, 7.4. (426 г.): ad servitutis nexum procul dubio reducentur.

реальное положение было необходимо для общества. Вольноотпущенник — не колон. Он был обременен особыми дополнительными обязательствами в отношении патрона, и права последнего на него были значительно большими, вплоть до права обратного возвращения в рабство, и не только его, но и его детей⁵⁶. Таким образом, сохранение тенденции к тому, чтобы значительная часть эксплуатируемых непосредственных производителей материальных благ прошла через это состояние, свидетельствует о значении рабства, рабского состояния как регулятора социально-экономических и общественных отношений, о том, что и положение вольноотпущенников продолжало оставаться достаточно жестко ориентированным на их прежнее, рабское положение.

Анализ законов Кодексов Феодосия и Юстиниана показывает, что внутреннее воспроизводство рабов было важнейшим и активно поддерживавшимся источником их восполнения. Об этом прежде всего свидетельствуют многочисленные законы, касающиеся детей рабынь, прав господ на них и т. д. Почти все подобные законы из Кодекса Феодосия были включены в Кодекс Юстиниана. Законы, затрагивающие эти вопросы, издаются вплоть до VI в. включительно, что свидетельствует об их актуальности и важности.

Через все эти законы в целом проходит явная заинтересованность рабовладельцев и государства в увеличении рождаемости рабов. Мы уже упоминали об императорском постановлении освобождать императорских рабынь, родивших пятерых детей⁵⁷. Законодательные запрещения разрушать семьи рабов способствовали их укреплению и, очевидно, благоприятствовали росту рождаемости. Значительное количество законов, касающихся детей рабынь, исходящих преимущественно из факта наличия у них обычно нескольких детей, служит тому известным подтверждением. Из рассматриваемых в них конфликтов явственно вырисовывается стремление собственников или их наследников по возможности сохранить большую часть детей рабынь в рабстве⁵⁸. Воля завещателя, как правило, определялась отнюдь не прямыми хозяйственными соображениями, а чаще соображениями морального плана, не очень строго учитывавшими

⁵⁶ CTh, IV, 10.1 — CJ, VI, 7.2 (332 г.); CTh, IX, 6.2 (376 г.); CTh, IV, 10.2 — CJ, IX, 1.21; VI, 7.3 (423 г.); CTh, IV, 10.3 — CJ, VI, 7.4 (426 г.). Обращает на себя внимание изменение акцента в законодательстве. Для I—III вв. он делался на сохранении свободы, полученной однажды (см., например: *G. Härtel. Op. cit.*, S. 466), в законодательстве V—VI вв. — на обязательствах вольноотпущенника и на праве господина вернуть его обратно в рабство. Постановления ранних императоров предлагали прибегать к такого рода мерам в крайних случаях, исходя, очевидно, из редкости и ценности свободы, раз данной (*W. W. Buckland. Op. cit.*, p. 423). О том же говорит и указ Юстиниана 529 г. (CJ, VI, 4.3); *sola natalium restitutio inducit*. Характерно и то, что в порядке наказания за бегство господ могли обращать своих бежавших, но возвращенных колонов в рабов (CTh, V, 17.1: *in servilem condicionem ferro ligari conveniet... ut officia, quae liberis congruunt, merito servilis condemnationis compellantur implere*).

⁵⁷ *Ulp., De jur. fisci*, 13.

⁵⁸ CJ, VII, 4.16 (530 г.); CTh, II, 25.1. Ср. CJ, III, 33.11 — 39 (334 г.). Константин вновь расширил возможности возвращения в рабство в случае, если вольноотпущенники *iactantia vel contumacia cervicis crexerit* и даже если *levis offensae contraxerit culpam* (CTh, IV, 10.1; CJ, VI, 7.2). Мнение Буклэнда о том, что эта проблема была практически несущественной (*W. W. Buckland. Op. cit.*, p. 4—24), недостаточно убедительно. Зачем тогда понадобилось Константину расширить число поводов, по которым вольноотпущенники могли быть обращены в рабство? Последующие императоры также уделяли этому вопросу значительное внимание (см. CJ, VI, 7.3—4) и также не ограничивали условий его применения, как и Новеллы. Характерно, что в них идет речь уже и о детях вольноотпущенников (*filiis libertorum*). В юстиниановской переработке законов (CJ, VI, 7.2) речь идет и о детях вольноотпущенников, которые родились после освобождения их родителей, а не только до освобождения, что, по-видимому, и стало предметом разногласий. Закон распространяет право возврата в рабство за неблагодарность, «непочтение» и на них: *filiis etiam qui postea nati fuerint servituri, quoniam illis delicta parentum non nocent, quos tunc ortos esse constiterit, dum libertate illi potirentur*.

хозяйственную целесообразность. Поэтому с этой точки зрения показательно не столько настроения отпускающего на свободу своих рабов, сколько его наследников и преемников.

Несмотря на различные облегчения в деле освобождения рабов и в положении рабынь-матерей, главным оставалось то, что и по законодательству Юстиниана все дети рабынь, независимо от статуса их отца, оставались рабами господина их матери⁵⁹.

Эволюция законодательства о детях рабынь была во многом связана с возрастающей хозяйственной самостоятельностью как городских, так и, особенно, сельских рабов, ослаблением контроля за их частной, семейной жизнью со стороны собственника и администрации имения. В связи с этим реальными становились браки между рабами разных собственников, рабами, адскрипциями и колонами, рабами и свободными (сюжеты, которым вынуждено было уделять возрастающее внимание законодательство IV—VI вв.)⁶⁰. В таких условиях, и это видно из законодательства, воспроизводство рабов становилось все более стихийным, все менее контролируемым господином, что и порождало новые конфликтные ситуации, с которыми приходилось иметь дело законодателям. Законы говорят о распространенности рабского труда в самых различных сферах производства и обслуживания. Они не свидетельствуют о сколько-нибудь серьезном падении в IV—V вв. заинтересованности во внутреннем воспроизводстве рабов. Многие из законов, толкуемых именно в последнем смысле, были обязаны своим появлением тому, что в IV—VI вв. возрастало число браков свободных с рабами, господ с рабынями. Поэтому многие законы VI в. связаны именно с такого рода ситуациями и поощряют освобождение детей рабынь и самих рабынь, живших в фактическом браке со своим господином. «Либерализация» законодательства Юстиниана по этим вопросам касалась преимущественно большего обеспечения освобождения по завещаниям, прав на свободу лиц, родившихся после освобождения их матерей, рабынь, проживших всю жизнь в фактическом браке с господином, и их детей. В то же время законодательство оставалось предельно жестким в отношении статуса лиц, рожденных до освобождения их матерей. Они по-прежнему продолжали оставаться рабами. Поэтому при оценке отношения к рабству первую группу законов следует, видимо, выделить из остальных законов, которые твердо охраняют права наследников и собственников на рабов и их потомство.

Лишь законодательство самого Юстиниана (и то в известной мере) может считаться переломным по сравнению с предшествующим периодом⁶¹. Линия на поощрение освобождения рабов, в том числе и новорожденных, признание свободного статуса подброшенных детей, даже если они были по происхождению рабами, — все это было началом глубоких сдвигов в отношении к рабству⁶². Но даже с учетом этого мы можем прийти к выводу, что в IV—VI вв. естественный прирост рабского населения был главным и очень важным источником пополнения числа рабов, и на основании законодательства едва ли можно предполагать существенное сокращение его значения в IV—V вв.

К числу внутренних источников рабства относится и официальное обращение в рабство государством. Оно означало реальное и правовое

⁵⁹ CJ, XI, 43.24 (580 г.); CTh, III, 32.7. См. З. В. Удальцова. Прагматическая санкция Юстиниана об устройстве Италии. — СА, XXVIII, 1957, стр. 325.

⁶⁰ CTh, VI, 12.1 (314 г.); CTh, XII, 1.6 — CJ, I, V, 5.3 (318—319 гг.); CTh, IV, 12.3 (320 г.); VI, 12.4 (5) (334 г.); VI, 6.3; ср. CJ, V, 27.1 (336 г.).

⁶¹ CTh, XII, 5(6) (362 г.); CTh, X, 20.3 — CJ, XI, 8.3 (365 г.); CTh, VI, 6(7) (365 г.); CJ, VI, 4.2 (367 г.); CJ, XI, 68.4; CJ, VI, 1.8 (389 г.); CTh, X, 6.2 (395 г.); CTh, IV, 12.7(8) (398 г.); CTh, XII, 19.1 (400 г.); CJ (V, 5.7 (454 г.) CJ, XI, 68.1 (Зенон); CJ, XI, 48.21 (530 г.).

⁶² CJ, VII, 4.14 (530 г.); VII, 57.6 (530 г.); VI, 35.88; VII, 4.16 (530 г.); VIII, 51(52), 3.

обра
тусо
Воз
с ро
гово
суда
важ
«раз
в ко
VI в
ще о
учас
воль
и их
lia c
facti
и за
14.4)
Х
мене
ного
С рос
хозя:
В
всего
денц
смер:
вени
му ч
Прич
и им
«разд
ные 1
потог
осуж
Что
госуд
ство
прест
В но
ных
пред
хотя
Р;
в IV-
63
импер
64
65
ской 1
66
67
68
69
CTh, 1
70
71
72
чить

обращение человека в раба, принудительное наделение его рабским статусом (*servitus roepae*) на срок, на все время жизни, наследственно⁶³. Возможности такого рода порабощения с конца III в. возросли в связи с ростом социальных конфликтов в обществе. Часть законов того времени говорит об обращении в рабство за различные преступления против государства и общества (CJ, IX, 40.2 и др.)⁶⁴. Из них, пожалуй, наиболее важным является закон Диоклетиана об обращении в рабство пойманных «разбойников» — *latrones* (CJ, VII, 18.2). Текст этого закона был включен в кодекс Юстиниана и, следовательно, сохранял свое значение в IV—VI вв. Известно, что под «разбойниками» (*latrones*) понимались все вообще обездоленные и принимавшие активное участие в борьбе с властями — участники крестьянских, сепаратистских и прочих движений, т. е. довольно значительный круг людей. Согласно закону, не только им, но и их потомкам навечно отказывалось в освобождении (*De latronum familia descenditibus ex largitione principali vel auctoritate fiscali servis factis retro principes libertatem denegari decreverunt*). Рабами становились и захваченные во время внутренних конфликтов мятежники (CJ, VII, 14.4), хотя официально это законодательством не санкционировалось⁶⁵.

Хотя этот источник не был особенно важным и постоянным, тем не менее его значение, очевидно, в III—IV вв. несколько возросло. Из данного источника пополнялись государственные и императорские рабы. С ростом и расширением собственного государственного и императорского хозяйства он частично восполнял его потребности в рабской рабочей силе.

Возросло и обращение в рабство за уголовные преступления, прежде всего за наиболее тяжелые. Вообще в законодательстве имели место тенденции к замене наказания за ряд преступлений, ранее каравшихся смертной казнью, обращением в рабство⁶⁶. Такого рода наказания, естественно, распространялись прежде всего на низшие слои свободных, и поэтому число рабов такого происхождения едва ли было незначительным⁶⁷. Причем рабы-преступники использовались не только в государственных и императорских хозяйствах. Закон (CJ, XII, 18.2) показывает, что они «раздаривались» и частным собственникам. Рабами считались и осужденные на работы в государственные рудники⁶⁸. Соответственно иногда и их потомство разрешалось продавать как рабов. Судя по законам IV—V вв., осуждение на работу в рудниках было распространенным явлением⁶⁹. Что касается осужденных на срок, то они оказывались временными государственными рабами⁷⁰. Неизвестно, в какой мере обращение в рабство (признание юридически рабского статуса осужденных государством преступников) было при Юстиниане отменено (*Nov. Just.*, XXII, 1.8)⁷¹. В новелле 23-й речь идет только об отмене рабского статуса лиц, сосланных в проконесские каменоломни. Эта особая оговорка дает основание предполагать, что распоряжение могло иметь чисто локальное значение⁷², хотя его появление, несомненно, симптоматично.

Ряд нарушений, получавших все более широкое распространение в IV—VI вв., по закону превращал свободных в рабов частных собствен-

⁶³ Е. М. Штаерман. Рабство в III—VI вв. н. э. в западных провинциях Римской империи, стр. 89.

⁶⁴ Е. Э. Липшиц. О путях формирования. . . , стр. 39.

⁶⁵ Е. М. Штаерман. Рабство в III—IV вв. н. э. в западных провинциях Римской империи, стр. 99.

⁶⁶ W. W. Buckland. *Op. cit.*, p. 403, ff.

⁶⁷ *Ibid.*, p. 405—406.

⁶⁸ *Ibid.*, p. 456.

⁶⁹ CTh, IX, 17.1 (340 г.); CTh, VIII, 5.17 (364 г.); CTh, IX, 10.4 — CJ, IX, 12.8; CTh, XIX, 5.65, § 3 — CJ, 1.5.5 (428 г.).

⁷⁰ W. W. Buckland. *Op. cit.*

⁷¹ Е. Э. Липшиц. О путях формирования. . . , стр. 39.

⁷² Для окончательного решения этого вопроса необходимо было тщательно изучить обстановку и обстоятельства издания этого закона.

ников. Так, свободная, вышедшая замуж за чужого (частного) раба, как и ее потомство, становились рабами господина ее мужа (CTh, IV, 12). Основные колебания по этому вопросу в законодательстве связаны с тем, необходимо ли официальное предупреждение (*denuntiatio*), прежде чем признать женщину рабыней, а ее детей рабами. Чаше эта процедура упрощалась, т. е. облегчалось признание их рабами⁷³. Согласно новелле Юстиниана (XII, 9.10), свободный, вступивший в брак с чужой рабыней, становился рабом господина своей жены⁷⁴. Что касается обращения в рабство за сожительство свободной с рабом, то Юстиниан отменил его, постановив, что свободная женщина не может изменить свой статус⁷⁵.

Ряд других получавших все более широкое распространение в IV—VI вв. нарушений по закону также вел к обращению свободных в рабов частных собственников⁷⁶.

Одновременно мы можем отметить и возрастающее обращение в рабство за разного рода задолженность (CJ, VIII, 16 (17)). Во II—III вв. практически возрастает отдача в рабство за долги⁷⁷.

Хотя проданный в рабство с торгов «должник» (*addictus*) оставался свободнорожденным и мог впоследствии выкупить себя, но «с момента продажи он становился рабом»⁷⁸. Причем государство далеко не всегда само использовало, а охотно передавало рабов — должников фиска частным собственникам, пополняя число их рабов. Необходимо отметить, что как в отношении рабов — должников государства, так и частных лиц дело касалось не только и, может быть, не столько их жен и детей, сколько самих взрослых и трудоспособных свободных. Таким образом, они пополняли число пригодных как по возрасту, так и по подготовке к труду рабов.

Более важным источником рабства в III—IV вв. становится и самопродажа в рабство свободных и продажа свободными своих детей. Все это — два различных случая, два варианта, предусматривающих определенные различия и нуждающиеся для IV—VI вв. в отдельном рассмотрении. Однако, судя по тому, что подавляющее большинство законов, касающихся этих ситуаций, относится к III—IV вв., с этого времени начинается более широкое развитие этих процессов.

Формально самопродажа свободных была узаконена уже с середины II в.⁷⁹, но фактически лишь с III и, особенно, с IV в. получает более широкое распространение. Самопродавший лишается свободы после получения им суммы⁸⁰ и, как сознательно продавший себя в рабство, права претендовать на статус свободного по освобождении. Он становился вольноотпущенником, как и раб, получивший свободу.

В IV—VII вв., судя по данным источников, самопродажа в рабство становится чрезвычайно распространенным явлением, включая и самопродажу на определенный срок⁸¹.

⁷³ CTh, VI, 12.1, 1—7; W. W. Buckland. Op. cit., p. 412—413.

⁷⁴ См. З. В. Удальцова. Рабство и колонат в византийской Италии во второй половине VI—VII в. — «Византийские очерки». М., 1961.

⁷⁵ CJ, VII, 24.1 (531—534 гг.).

⁷⁶ W. L. Westermann. Op. cit., p. 135.

⁷⁷ В частности, сюда включается и отдача частным собственникам своих детей в рабство за долги. По существу, это одна из форм применения указа Константина 329 г. о продаже детей, согласно которому родители сохраняли право их выкупа, уплачивая вместо последнего сумму долга. Таким образом, юридически эти дети законно становились рабами по своему положению до момента их выкупа. Римское право предшествовавшей поры в принципе было против порабощения за долги (W. L. Westermann. Op. cit., p. 135). В VI в. это — распространенное явление (*ibidem*). См. З. В. Удальцова. Положение рабов..., стр. 7; А. П. Каждан. О некоторых спорных вопросах..., стр. 87.

⁷⁸ CTh, IV, 8.6; CJ, VII, 18.1; Н. Мухин. Указ. соч., стр. 35.

⁷⁹ Е. М. Штаерман. Античное общество..., стр. 665.

⁸⁰ CJ, VII, 16.5 (Александр Север).

⁸¹ См., например, Н. Evert-Kappesowa. Studia nad historia wsi bizantyńskiej w VII—IX wieku. Lodz, 1963; CJ, VI, 45.1 (294 г.)

Одн
в поле
детей
вызван
раупер
ности
право
своих
В I
Феодос
ми. В
и два
измене
XI, 27
CTh, I
В 2
щающ
это при
В 329
лям то
За
мание
выкуп
котору
рыноч
ребенк
дением
офици
взамен
Упс
мере с
можно
и об уч
цену,
ния ма
не пра
в рабст
число
О р
нения,
Юстин
Ранее а
ривать
прямо
bus sui
Хар
попытк
III, 3.
82 С
III, 1 (3
83 С
serviti
на.— ВВ
84 П
положен
рабство
ления с
85 С

Однако наиболее широкое распространение в IV—V вв. приобретает в полной мере узаконенная в начале IV в. продажа свободными своих детей (*filium filiamque, sanguinolentos*) в рабство⁸². Как правило, она была вызвана бедственным положением семей свободных (*si quis propter nimiam paupertatem*), желанием спасти семью от голодной смерти, от задолженности частным лицам, задолженности по государственным налогам. Но право главы семьи открывало широкие законные права отца на продажу своих детей в законное рабство⁸³.

В Кодексе Феодосия содержатся три статьи Константина, одна статья Феодосия от 391 г. и одна Валентиниана III о продаже детей их родителями. В Кодекс Юстиниана вошел один эдикт Диоклетиана и Максимиана и два закона Константина из Кодекса Феодосия, причем с несколько измененным текстом. Какова эволюция этого законодательства (CTh, XI, 27.1 — 315 г.; XI, 27.2 — 322 г.; V, 10.1; CJ, IV, 43.2 — 329 г.; CTh, III, 3.1 — 391 г.; Nov. Val., XXXII, 1 — 451 г.)?

В 294 г. Диоклетиан и Максимиан издают эдикт, формально запрещающий продажу детей их родителями (CJ, IV, 43.1 — 294 г.). Однако это принципиальное положение осуществить практически было невозможно. В 329 г. император Константин разрешает продавать своих детей родителям только *propter nimiam paupertatem* (CTh, V, 10.1 — CJ, IV, 43.2).

За родителями сохраняется право их выкупа. Обращает на себя внимание не особенно благоприятное отношение законодателя к интересам выкупающих родителей: они должны были выплатить не прежнюю цену, которую получили, допустим, даже с какой-либо добавкой, но прямую рыночную цену своего ребенка на данный момент или дать взамен этого ребенка раба⁸⁴. Кстати сказать, данный закон является лишним подтверждением подлинно рабского состояния проданного ребенка, если за него официально требовалось возмещение рыночной цены или прямая отдача взамен раба (*aut mancipium pro huiusmodi praestet*).

Упоминание не только о выкупе, но и замещении рабом в известной мере свидетельствует не только о возможности наличия раба, т. е. возможном изменении материального положения его родителей, но также и об учете желания владельца ребенка получить взамен не возмещение — цену, а именно раба⁸⁵. Возможность изменения материального положения массы бедствующих свободных в лучшую сторону была, судя по всему, не правилом, а исключением, и, следовательно, большая часть проданных в рабство детей, очевидно, так и продолжала оставаться в нем, пополняя число взрослых рабов.

О росте значения этого источника в V—VI вв. свидетельствуют изменения, внесенные в закон Константина при включении его в Кодекс Юстиниана. Прежде всего, расширяется сфера действия этого закона. Ранее адресованный жителям Италии и, следовательно, могущий рассматриваться лишь как косвенно относящийся к другим провинциям, он теперь прямо адресуется всем жителям империи — «провинциалам» (*provincialibus suis*. — CJ, IV, 43.2).

Характерно, что уже в эпоху Феодосия предпринимаются известные попытки ограничения прав купивших. Эдикт Феодосия от 391 г. (CTh, III, 3.1) разрешал родителям при определенных условиях возвращать

⁸² CTh, XI, 27.1 (315 г.); XI, 27.2 (322 г.); V, 10.1; CJ, IV, 43.2 (329 г.); CTh, III, 1 (391 г.); Nov. Valentin, XXXII, 1 (451 г.).

⁸³ CJ, IV, 43.2; *venditione in hoc tantummodo casu valente emptor obtinendi eius servitii habeat facultatem*; З. В. Удальцова. Законодательные реформы Юстиниана. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 3.

⁸⁴ Последнее положение не исключает как возможности изменения материального положения родителей к моменту выкупа, так и того, что ребенок мог быть продан в рабство при наличии у семьи по крайней мере одного раба, необходимого для прокормления семьи.

⁸⁵ Cp. W. L. Westermann. Op. cit., p. 135.

обратно своих детей, не возмещая купившим даже затраченной на них суммы. По повелле Валентиниана III (для Италии), продажа детей считалась практически допустимой, если она была вызвана крайней бедностью, хотя юридически недействительной сделкой; но для получения своих детей родители должны были возратить покупную сумму с надбавкой 1/5 части в виде возмещения убытков. Т. е. и этот закон предусматривал возмещение и, видимо, для большинства исключал практическую возможность освобождения своих детей (Nov. Val. XXXII, 1 — 451 г.).

Характерно, что ни одно из этих «ограничивающих» постановлений не вошло в Кодекс Юстиниана. Юстиниановское законодательство прямо узаконивало и регламентировало продажу в рабство в случае крайней бедности родителей⁸⁶, стремясь, явно в связи с распространением подобной практики, придать ей официально оформленный характер во избежание могущих возникнуть при сугубо частных сделках сложных юридических конфликтов. Торговля детьми теперь разрешалась только через открытую продажу. Правда, закон расширил круг лиц, имевших право выкупа, не ограничивая его родителями. Выкупить себя из рабства мог и сам проданный или любое третье лицо, пожелавшее внести выкупную сумму⁸⁷. Однако в целом закон скорее свидетельствует о распространении продажи детей и ее более официальной регламентации, чем о свертывании, сокращении.

Законодательство Юстиниана более четко регламентирует и право продажи детей, сохраняя его только в отношении новорожденных. Запрещение продавать более взрослых, совершеннолетних детей нельзя объяснить только тенденцией к ограничению рабства.

Продажа совершеннолетних детей, видимо, широко практиковавшаяся ранее, запрещается родителям (CTh, VIII, 46.10 — 323 г.). Но отчасти, вероятно, не столько в силу какого-либо особого принципиального отношения к самому факту их продажи в рабство, сколько в связи с некоторым ограничением прав отца в семье. В законе говорится, что это имело место потому, что отцам «прежде полагалось право и власть над жизнью и смертью детей»⁸⁸. Теперь же в отношении совершеннолетних такая продажа не могла совершаться только волею отца (patria potestas). По-видимому, требовалось собственное согласие продаваемых, и, таким образом, продажа совершеннолетних свободных в конечном счете подпала под действие закона о самопродаже.

Окончание следует.

⁸⁶ CTh, V, 10.1; CJ, VI, 43.2 (329 г.)

⁸⁷ Г. Е. Лебедева. К вопросу об освобождении рабов в Кодексах Феодосия и Юстиниана. — «XXII Герценовские чтения. Исторические науки». Ленинград, 1969, стр. 187.

⁸⁸ CJ, VIII, 46.10.

В
рани
ческо
всего
В
ског
древ
пор с
свое
Е
един
тенде
соци
зант
М
вавш
форм
дале
эле
Н
сом д
феода
и дет
У
пов р
нисто
идеол
импер
феода
ние н
визант
формы
тийски
о госу
Уж
Ф. Дэл

Г. Г. ЛИТАВРИН

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ
В ВИЗАНТИИ X — XI ВВ.

Византийская империя — единственное государство в Европе эпохи раннего средневековья, в котором детально разработанные нормы классического права частной собственности подданных были одним из столпов всего официального правопорядка в обществе.

Византийская империя, кроме того, — единственная страна европейского средневековья, в монархическом строе которой сохранились черты древних азиатских деспотий, где подданные лишь постольку и до тех пор обладали собственностью, поскольку и пока это было угодно деспоту, своеобразной собственностью которого они были сами.

Естественно поэтому, что без изучения судеб этого антагонистического единства, без глубокого осмысления эволюции столь противоречивых тенденций историческая наука не может достаточно полно осветить ход социально-экономического и общественно-политического развития Византийского государства.

Мы не намерены здесь поднимать заново столь всесторонне дискутировавшуюся проблему «азиатского способа производства» или «азиатских форм феодализма» — мы остановимся лишь на одном вопросе, который далеко не идентичен указанной проблеме, но составляет один из ее важных элементов: на вопросе о государственной собственности в Византии.

Нет необходимости излагать здесь и весь ход связанной с этим вопросом дискуссии в советском византиноведении о первых этапах развития феодальных производственных отношений в Византии — последовательно и детально эта дискуссия изложена в книге З. В. Удальцовой¹.

Упомянутая дискуссия в советской литературе касалась форм и этапов развития феодализма. Скоро, однако, с включением в нее византинистов западноевропейских стран она приняла гораздо более острый идеологический характер: проблема квалификации общественного строя империи была поставлена в плане решения альтернативы — этатизм или феодализм. Закономерным следствием этого было пристальное внимание не только к таким вопросам, как характер и особенности крупного византийского землевладения, юридический и фактический статус париков, формы их эксплуатации, но и к вопросам о социальной сущности византийских налогов (централизованная рента или реализация прав суверена), о государственной собственности на землю и о видах ее эксплуатации.

Уже почти столетия назад крупнейший немецкий византинист Ф. Дальгер отметил существование в Византии X—XI вв. «императорских

¹ З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, стр. 178 сл.

доменов», на которых жили «парики», уплачивавшие в казну налоги². Однажды этот исследователь даже определил их как Staatsparoiken, т. е. «государственных париков», но ничего не сказал об их отличии от других свободных налогоплательщиков³. Другой крупнейший специалист, югославский византист Г. А. Острогорский, в 1948 г. высказал мысль, что частновладельческие земли, до того как они стали собственностью отдельных лиц, были полной собственностью государства, что «в условиях развитого феодализма, в сущности говоря, нет повинностей государственных и феодальных, и, во всяком случае, между ними нет непереходимой грани»⁴. Болгарский историк Д. Ангелов также писал об императорских доменах как о бесспорном явлении и считал, что на них трудились парики особой категории, хотя и не показал, в чем состояла ее специфика⁵.

Далее обе стороны этой двуединой проблемы (государственная собственность и государственные крестьяне) трактовались в научной литературе то порознь, то вместе, пока к началу 60-х годов не выкристаллизовались две противоположные концепции (мы имеем здесь в виду прежде всего историографию стран социалистического лагеря, так как в западной литературе вопрос об общественном строе в Византии так и не вышел за рамки формально-юридической контроверзы: феодализма не было, ибо не было развитой вассальной системы).

Концепцию всеобщей государственной собственности в Византии конца IX—XI в. как собственности феодальной и государственных крестьян как крепостных короны разработали почти одновременно советский византист А. П. Каждан и Г. А. Острогорский.

В 1952 г. А. П. Каждан впервые сделал вывод, что нечастновладельческие крестьяне являются феодально зависимыми, как налогоплательщики казны, прикрепленные к своему податному тяглу⁶. Более детально он развил эту идею через четыре года⁷ и окончательно обосновал в 1960 г.⁸ Согласно взглядам А. П. Каждана, раньше чем восторжествовала вотчинная система эксплуатации, имел место более чем трехсотлетний период централизованной феодальной эксплуатации постепенно прикрепленного к тяглу налогоплательщика через государственный аппарат — период преобладания централизованной феодальной ренты, сходной по своей социальной сущности с рентой-налогом, характерным для восточных деспотий. Налицо были три главных фактора, придавших прежнему налогу характер централизованной феодальной ренты: 1. Утверждение государственной собственности на все земли империи; 2. Прикрепление налогоплательщиков к земле; 3. Отказ от присущих ранее (до «аграрного переворота» VIII—X вв.) византийской податной системе строгих принципов и норм исчисления и взимания налога и преобладание местного обычая, столь характерного для рентных отношений.

Г. А. Острогорский тщательно аргументировал сходную теорию в 1954 г., акцентировав внимание на «крепостной» зависимости крестьян-налогоплательщиков от государства. По мнению этого ученого, если бы

² F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung, besonders des 10. und 11. Jh. — «Byzantinisches Archiv», 9, 1927, S. 25, 47, 63, 149, 151; *idem*. Ein Fall der slavischen Einsiedlung im Hinterland von Thessalonike im X. Jh. — SKAW Phil.-Hist. Kl., N. 1, 1952, S. 7.

³ F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 219.

⁴ Г. А. Острогорский. Византийские писцовые книги. — ВВ, 9, 2, 1948, стр. 235, 238.

⁵ Д. Ангелов. Принос к поземлените отношения във Византия през XIII век. — ГСУ, Ист.-филол. фак-тет, кн. 2, 1952, стр. 74.

⁶ А. П. Каждан. Крестьянские движения в Византии и аграрная политика императоров Македонской династии. — ВВ, V, 1952, стр. 77 сл.

⁷ А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв. — ВВ, X, 1956.

⁸ А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 138—168.

мы признали, что свободных крестьян, обязанных военной службой государству, было много и что они не были прикреплены к земле, нельзя было бы и говорить «об истинном развитии феодальных институтов в Византии»⁹.

Концепции, развитые Г. А. Острогорским и А. П. Кажданом, нашли и сторонников, и противников. Часть византинистов-марксистов усмотрела в этой теории удачное решение казавшегося ранее трудно устранимым противоречия: с одной стороны, налицо вполне сложившееся поместье с зависимым крестьянством, с другой — бесспорные данные о массе свободных от частной зависимости деревень налогоплательщиков казны¹⁰.

Мы также разделяли представление о IX—X столетиях как о периоде централизованного государственного натиска на крестьянство, возражая, однако, против характеристики налога в эту эпоху как феодальной централизованной ренты, против мнения о государственном прикреплении налогоплательщиков как феодально зависимых, несвободных людей и против попыток усмотреть в колебаниях уровня налогов свойство, присущее именно феодальной ренте. Известной непоследовательностью в нашей позиции было согласие с выводом о существовании в Византии X—XI вв. государственной собственности на все земли империи¹¹.

Высоко оценив труд А. П. Каждана, безусловно остающийся на сегодняшний день наиболее фундаментальным исследованием поземельных отношений в Византии IX—X вв., М. Я. Сюзюмов признал справедливым заключение автора, что X столетие было в империи веком «аграрного переворота», когда оформилась не просто крупная земельная собственность, а именно — феодальная¹². Однако по всем тем пунктам концепции А. П. Каждана, которые мы привели ранее, М. Я. Сюзюмов высказал решительное несогласие: не было ни всеобщей государственной собственности на землю, ни прикрепления крестьян к земле, ни централизованной феодальной ренты, ни коренных перемен в принципах византийского налогообложения¹³.

О сохранении в Византии вплоть до ее гибели в XV в. основных принципов податной системы сделала заключение и К. В. Хвостова¹⁴.

Несогласие со взглядами Каждана и Острогорского было высказано и в зарубежной историографии (острие этой критики там было обращено против Острогорского). Греческий историк И. Караяннопулос выдвинул ряд веских возражений против тезиса о прикреплении налогоплательщиков к тяглу, показав, что аргументирован этот тезис материалом источников недостаточно. Уплата налогов и выполнение отработочных повинностей в пользу казны, по мнению этого исследователя, не может служить показателем несвободы: в противном случае все налогоплательщики,

⁹ Г. Острогорски. О византийском дравном сельцама и војницама. Две повеље из доба Јована Цмиска. — Глас САН, 214, Одељење друштвених наука, књ. 3. Београд, 1954, стр. 39 сл.; G. Ostrogorski. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956, p. 22.

¹⁰ См., например: М. М. Фрейденберг. Аграрные отношения в Византии в XI—XII вв. Автореферат канд. дисс. М., 1952, стр. 7; К. А. Осипова. Аллиленгий в Византии в X в. — ВВ, XVII, 1960, стр. 35; *ея же*. Система класм в Византии в X—XI вв. — ВО, 1971, стр. 174.

¹¹ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960 стр. 42—57; *ея же*. Рец. на: А. П. Каждан. Деревня и город... — ВИ, 1960, № 9; *ея же*. Темпове и специфика на социално-икономическото развитие на България в сравнение с Византия (от края на VII до края на XII в.). — ИП, 1970, № 6, стр. 29.

¹² М. Я. Сюзюмов. Рец. на: А. П. Каждан. Деревня и город... — ВВ, XXI, 1962, стр. 213.

¹³ М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону. — ВВ, X, 1956, стр. 41—44; *ея же*. Рец. на: А. П. Каждан. Деревня и город... стр. 211—215.

¹⁴ К. В. Хвостова. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии XIV—XV вв. М., 1968, стр. 108 сл.

независимо от времени и места, должны рассматриваться как несвободные люди¹⁵.

Вывод о прикреплении налогоплательщиков к тяглу отверг и Н. Зворонос, по мнению которого отнюдь не все крестьяне, уплачивающие в казну падали, — «парики государства»¹⁶⁻¹⁷. П. Лемерль считает верной догадку Ф. Дэльгера: государственные парики — лишь крестьяне, трудившиеся в поместьях казны¹⁸.

Среди критических замечаний названных выше авторов наиболее обстоятельные принадлежали И. Караяннопулосу и М. Я. Сюзюмову. Первый доказывал, что в двух грамотах последней четверти X в., послуживших основанием для вывода о крепостничестве в Византии, на самом деле такого рода данных не содержится. Второй, отвергая тезис о всеобщей государственной собственности, бегло сослался на Конституцию Юстиниана I, на новеллы Льва VI и на новеллу Василия II об отмене сорокалетней давности. При этом если критика первого была по преимуществу деструктивной (отвергая, он ничего не предложил взамен), то весьма конструктивные контррешения второго, к сожалению, вопреки обыкновению, не были тщательно обоснованы материалом источников.

Сомнения (также неаргументированные) в существовании всеобщей государственной собственности высказал и болгарский ученый Д. Ангелов. Родовая собственность, пишет он, в отличие от кому-либо предоставленной вассалом собственности казны, не могла быть отнята, а если, тем не менее, такого рода случаи имели место, то император выступал при этом не как собственник всех земель страны, а как суверен¹⁹.

Неудивительно поэтому, что А. П. Каждан, знавший о взглядах М. Я. Сюзюмова и И. Караяннопулоса прежде, чем завершил работу над упомянутой выше монографией, в сущности пренебрег их замечаниями, поскольку возражения критиков не были детально аргументированы²⁰.

Охарактеризовав разные, хотя и тесно связанные друг с другом стороны концепции А. П. Каждана и Г. А. Острогорского, мы, однако, остановимся лишь на одном моменте — на вопросе о государственной собственности, который в монографии А. П. Каждана подвергся особенно детальной разработке и в решении которого мы раньше ошибались.

Обратимся к источникам, прежде всего к тем, на которых основано представление о всеобщей собственности государства на землю страны.

По мнению А. П. Каждана, в «Податном уставе» исчезло всякое различие между налогом (публичноправовым явлением) и пактом (частноправовым арендным платежом — автор называет его «рентой»), что может быть понято лишь в том случае, если допустить наличие юридической теории, согласно которой все земли государства, находящиеся в пользовании-владении частных лиц, рассматриваются как сданные им правительством в аренду²¹. Византийское право, утверждает автор, «рассматривало всякую недвижимость (курсив наш. — Г. Л.) как принадлежавшую госу-

¹⁵ J. Karayannopoulos. Рец. на: G. Ostrogorski. Quelques problèmes... — BZ, 50, 1957, S. 171, 181.

¹⁶⁻¹⁷ N. Svoronos, in: «Archives de l'Athos, V. Actes de Lavra. I. Paris, 1970, p. 107; idem. Société et organisation intérieure dans l'empire byzantin au XIe siècles principaux problèmes. — «Proceedings of the XIIIth international Congress of byzantine Studies». London, 1967, p. 315.

¹⁸ P. Lemerle. Recherches sur le régime agraire à Byzance. — «Cahier de civilisation médiévale». 2, 1959, p. 273.

¹⁹ Д. Ангелов. Рец. на: А. П. Каждан. Деревня и город... — BS, 25,1, 1964, p. 116—118.

²⁰ См. А. П. Каждан. О социальной природе византийского самодержавия. — НАА, 1966, № 6.

²¹ Cp. J. Danstrup. The State and landed Property in Byzantium to c. 1250. — CM, 8, 1946, p. 241.

несвобод- дарству и лишь уступленную императором лицу, которое выполняет госу- дарственные повинности»²².

Действительно, в «Податном уставе» сказано буквально: «И взыскиваемый в налоговом округе пакт является государственным каноном...»²³. Но, во-первых, из контекста никак не следует, что здесь имеется в виду взыскание пакта за аренду частной земли. Уже Ф. Дэльгер, комментируя это место, считал, что речь идет, несомненно, об аренде государственной земли²⁴. Упомянутые авторы, надо думать, понимают приведенный пассаж точно так же. Но непонятно, почему они не усматривают различия между каноном и пактом, о котором сказано несколько ниже: канон вдвое меньше пакта²⁵. Во-вторых, речь в «Податном уставе» идет не просто о сдаче государством земли в аренду частным лицам, а о сдаче таких участков, которые были конфискованы государством после 30-летнего отсутствия хозяина или наследников этой заброшенной земли, как это с очевидностью следует из фрагмента «Трактата о налогообложении», изданного И. Караяннопулосом²⁶. Лишь ликвидировав частный титул собственности на участок, казна стала сдавать его в аренду — причем за плату, вдвое превышающую канон, именно потому, что право собственности на землю принадлежит теперь государству, а не частному лицу, уплачивавшему ранее канон²⁷ (см. подробнее об этом ниже).

Далее. Юридической теории о принадлежности государству всякой недвижимости не существовало. Утверждая обратное, А. П. Каждан имеет в виду новеллу Льва VI № 114, но мы иначе толкуем ее важное в данной связи место. Приведем его в контексте: «Владеющему недвижимостью позволено невозбранно и беспрепятственно продавать (ее), кому хочет; поскольку всякая недвижимость облагаема димосием, царственность моя разрешает покупать (ее) производящему уплату государственных тягот» (πᾶν γὰρ ἀκίνητον ὑποδημισίον ὃν ἐκφωρεῖ ἡ βασιλεῖα μου τῷ τῇν κατὰβολὴν ποιούμενῳ τῶν δημόσιακῶν βάρων ἐξωυεσθαι)²⁸.

Ничего похожего на тезис о том, что «всякая недвижимость принадлежит государству», здесь не содержится. Речь в новелле идет о том, что со всех недвижимостей в государстве взимаются налоги и перемена собственника не возбраняется, поскольку на покупателя переносятся «тяготы», связанные с обладанием недвижимостью. Т. е. юридическая теория состояла не в утверждении принципа азиатской деспотии (вся недвижимость страны — собственность деспота), а в признании классического принципа римского права: «кто владеет — платит» налог, ибо это — священный долг каждого гражданина²⁹. Короче эта мысль сформулирована в «Пире»: «За обладанием имуществом следуют налоги» (τέλη)³⁰.

Следующий аргумент А. П. Каждана — новелла Василия II об отмене сорокалетней давности. Казна, говорит император, имеет право восстановить свою собственность на любое имущество независимо от времени, когда ее право было нарушено, хотя бы это случилось во времена Октавиа-

²² А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 139—140.

²³ F. Dölger. Beiträge..., S. 123. 1—2...

²⁴ Ibid., S. 155.

²⁵ Ibid., S. 123. 6—7.

²⁶ J. Karayannopoulos. Fragmente aus dem Vademecum eines byzantinischen Finanzbeamten. — Polychronion. Festschrift F. Dölger. Heidelberg, 1966, S. 322, 324. Вопреки утверждению Ф. Дэльгера (F. Dölger. Beiträge..., S. 155) этот участок уже не принадлежит к ипототе деревни (он стал «идиостатон»), а к ридзе он причисляется только при исчислении эпифоты, как всякие идиостата, отделившиеся от деревни.

²⁷ В связи с этим мы никак не можем согласиться с Г. А. Острогорским, утверждавшим, что μῆτε γῆν ἰδίαν ἐχόντων и μῆτε γῆν δημοσιακὴν κατέχόντων — являются тавтологией (G. Ostrogorski. Quelques problèmes..., p. 31).

²⁸ Jus, III, p. 220.

²⁹ См. М. Я. Сюзюмов. Дофеодалный период. — АДСВ, 8, 1972, стр. 9.

³⁰ Jus, I, XV, 7, p. 44.

на Августа, независимо от того, кто был в этом повинен, сам ли похититель или правительственные эпопты и василики, ибо они нередко проявляют нерадение, корыстолюбие и дурные наклонности и лишь немногие из них неукоснительно выполняют царские повеления³¹.

А. П. Каждан понимает эту новеллу в том смысле³², что «практически» император «мог претендовать на любой земельный надел»³³.

Однако мысль Василия II состояла отнюдь не в том, что он имел право притязать на все и любые недвижимости, а в том, что незаконно похищенное у казны (в том числе — землю) фиск может вернуть независимо от сроков давности. Сам А. П. Каждан среди памятников юридического происхождения признает для X—XI вв. достоверной именно «Пиру», поскольку она действительно отражала «действующее право Византийской империи» той эпохи³⁴. Но в «Пире» проблема, затронутая в новелле Василия II, толкуется как раз так, как мы ее интерпретировали.

В случае овладения собственностью казны через «недобросовестный акт» (*κακή πίστις*), пишет Евстафий Ромей, права фиска признаются в силе не с момента обнаружения истины, а с момента их поспрапия³⁵. Для захватчиков имущества казны, говорит юрист в другом месте, «время не устраняет возможности возбудить процесс» с целью привлечения их к суду, ибо похититель государственного имущества не может сослаться на срок давности; при этом ответствен не только он сам, но и его наследники, хотя бы они ничем не воспользовались из похищенного у казны³⁶.

Какие же это притязания императора на любой надел? Василий II грозился отнять не что угодно и у кого угодно, а только то, что было захвачено или получено у казны вопреки официальному закону или с несоблюдением его точного смысла.

А. П. Каждан ссылается в качестве доказательства своей точки зрения также на то, что нередкими бывали случаи, когда раздел имущества или уточнение границ между участками осуществлялись в соответствии с высотой доли налога, что византийские чиновники во время кадастровых ревизий производили «передел крестьянской земли в соответствии с суммой платимых каждым падатей». «При этом, — говорит автор, — византийское право исходило из того, что именно выполнение повинностей было определяющим, первичным»: не платить подать и не иметь земли было синонимом³⁷.

Синонимом это было действительно, но именно потому, что первичным было обладание имуществом, а вторичным — уплата за это налога — отнюдь не наоборот: внесение налога никак не предполагало немедленного предоставления имущества от казны. Для этого нужно было это имущество у казны купить или получить в аренду, или добиться в качестве держания под уплату канона, или обрести в качестве дара императора с четко обозначенными условиями владения.

Что касается переделов крестьянской земли при кадастровых ревизиях, то мы не будем на этом тезисе задерживать свое внимание, отослав читателя к нашей статье и новейшей литературе вопроса, там цитируемой³⁸. Ныне является признанным, что никаких периодических сокращений или расширений чиновники фиска для участков крестьян во время ревизий не производили — эти участки давно были частной собственностью нало-

³¹ Jus, III, p. 315.

³² Cf. F. Dölger. Рец. на: D. Zakythinos. Etatismes byzantin et expérience hellénistique («Mélanges H. Grégoire», 2, 1950). — BS, 45, 1952, p. 194.

³³ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 140, прим. 78.

³⁴ Там же, стр. 17.

³⁵ Jus, I, XXXVI, 1, p. 155.

³⁶ Jus, I, VIII, 10, p. 23. См. также: I, XXXVI, 14, p. 159.

³⁷ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 140.

³⁸ См. G. G. Litarrin. Les terres à l'abandon selon le «Traité fiscal» du Xe s. et leur importance pour le fisk. — «Etudes balkaniques», 3, 1971, p. 30.

гоплательщиков с четко означенными границами ^{38a}. Суммирование всей земли деревни (ипотаги) и всей суммы канона с нее (ридзы) предполагало предварительную индивидуальную оценку каждой стаси и обмер каждого индивидуального участка: узнав, сколько долей номисмы приходится на модий, определяли и налог каждого в соответствии с размером его *собственного* участка, а не сокращали или расширяли этот участок за счет земель общины (или «государственной»?) соответственно с суммой налога, уплачиваемого домохозяином.

Напротив, если крестьянин не мог уплатить налога за свою землю согласно определенной чиновниками норме, его могли принудить для уплаты долга казне продать часть земли, могли взвалить на общину обязанность доплатить недостающее в силу круговой поруки, могли предоставить обнищавшему — после соответствующих хлопот — временную отсрочку платежей (куфисмос), могли изъять пустующие более 30 лет участки вместе с частью угодий общины. Но в X—XI вв. ему уже не нарезали надела, соответствующего платимому им канону. Никаких пределов земли община этого времени уже не знала.

Разделы же и размежевания границ (примеров этого немало в «Пире») производились по суду в соответствии с размерами налога, платимого каждым из тяжущихся, только в тех случаях, когда не было других данных для решения спора. При этом предполагалось, что некогда, когда доли налога каждого из совладельцев или соседей устанавливались фиском, эти доли были определены в точной зависимости от размеров имущества. Ни о чем ином такой способ размежевания не говорит.

Наконец, еще один аргумент А. П. Каждана: ссылка на жалобу болгарского архиепископа Феофилакта Ифеста, что деревня, не записанная в каких-либо практиках и давно принадлежавшая архиепископии, была у нее отнята императором ³⁹. А. П. Каждан поясняет, что хотя Феофилакт недоумевает, он не ставит под сомнение «право императора конфисковать земли подданных», ибо оно (право казны конфисковать земли без суда) принадлежало императору в силу закона, признающего его верховным собственником всей земли государства: недаром архиепископ пишет, что эта деревня может быть подарена императором или его вельможами-наместниками кому угодно или так же просто может быть отнята властями у любого из «архонтов» ⁴⁰.

М. Я. Сюзюмов, рассматривая этот аргумент А. П. Каждана, полагает, что письмо Феофилакта не может быть доказательством прав собственности императора на частные земли, потому что конфискация в данном случае противоречила церковным законам, согласно которым земли церкви являются неотъемлемыми ⁴¹. В свое время мы проследили по переписке Феофилакта все перипетии, связанные с отнятой у него деревней, и установили, что об этом идет речь не в одном (изложенном выше) письме, а в нескольких письмах архиепископа ^{41a}. Тексты других писем на этот счет не оставляют, по нашему мнению, сомнений в том, что Феофилакт приобрел «пресловутую землю» незаконно, что он, кроме этой деревни, «ничем казенным» более не владеет. Слабость его протестов именно этим и объяснялась: обнаружив, пишет он, «у тогдашнего практора, благодаря моему скромному увещанию, готовность услужить, я владел ею», т. е. деревней. Теперь архиепископ схвачен за руку и готов «не противиться», но просить «даровать ...деревеньку» церкви. Ранее эта деревня

^{38a} См. А. П. Каждан. Византийская культура. М., 1968, стр. 39.

³⁹ PG, t. 126, col. 533D — 536A.

⁴⁰ См. А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 141 и прим. 84; стр. 142.

⁴¹ М. Я. Сюзюмов. Рец. на: А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 214.

^{41a} М. Я. Сюзюмов, рецензировавший нашу книгу, упустил это обстоятельство из виду (см. ВВ, XXII, 1963, стр. 298—304).

была поселением свободных налогоплательщиков — закабалил ее архиепископ постепенно благодаря патронатному договору с крестьянами ⁴¹⁶

Под «практиками», в которые деревня не была внесена, в данном случае следует усматривать не ординарные кадастры для свободных сельских общин, а описи земли государственных учреждений. Теперь, после того как она конфискована у архиепископа, деревня стала собственностью казны („казенной“): ее могут подарить любому или снова отобрать, если дар сделан без предоставления прав полной собственности.

А. П. Каждан, касаясь самого термина, которым архиепископ обозначил акт конфискации земли у архиепископии (котнята — *ἀποσπασθέν*) отмечает, что выражение *ἀποσπᾶν* в таком смысле известно уже «Податному уставу»⁴². Мы бы, однако, добавили при этом, что данный термин в упомянутом документе употреблен для обозначения конфискации именно такой земли, которая была обретаена через совместное мошенничество правительственного чиновника и землевладельца, через нарушение закона ⁴³.

Итак, мы рассмотрели все аргументы в пользу тезиса о существовании в Византии X—XI вв. всеобщей государственной собственности на землю и признали их недостаточно убедительными. Однако, как следует уж из сказанного, подлинно государственные земли в эту эпоху существовали и казна признавалась их полноправным собственником. Какие же это были земли?

Для А. П. Каждана это государственная собственность, так сказать в узком смысле — подлинно государственная или императорская земля (поместья), что в сущности синонимично, так как между царской и казенной землей отсутствовало всякое различие ⁴⁴. Несколько иначе смотрит на дело М. Я. Сюзюмов: в принципе, пишет он, оба вида земель обнимались понятием «государственная собственность», «которой бесконтрольно распоряжался император», но «разница... тем не менее была» и заключалась в том, что императорские земли — это земли с организованным хозяйством, а государственные состояли из конфискованных земель, на которых казна не вела собственного хозяйства ⁴⁵.

Обратимся к источникам, фиксируя при этом главное внимание, в соответствии с целями, поставленными в данной статье, не на различия между государственной и царской землей, а на отличия обеих этих категорий собственности от земель частных и общинных.

В «Податном уставе» и в «Трактате о налогообложении» Караяннопoulosа в качестве основы нормального функционирования византийской податной системы названы два главных условия: любая недвижимость, облагаемая налогами, должна иметь своего юридического собственника (юридическое лицо), на имя которого она вписана в кадастры; эта недвижимость, кроме того, должна подвергаться эксплуатации, т. е. так или иначе приносить какой-то доход своему владельцу. Основным, однако, из этих условий является именно первое: доходный участок мог ускользнуть от внимания чиновников и не попасть в писцовую книгу, оставаясь вне налогообложения, пока его не обнаружат при ревизии, но даже полностью заброшенная и потерявшая плодородие парцелла не могла избежать налогообложения, если она внесена в кадастры на имя ее собственника, который не сумел своевременно добиться от казны податного послабления, отсрочки или полного изъятия. Во всех случаях осуществления налоговых льгот в первую очередь выяснялось, кто владелец не приносящей дохода недвижимости, находится ли он в пределах досягаемости для

⁴¹⁶ См. Г. Г. Литавин. Болгария и Византия, стр. 84—87.

⁴² А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 141.

⁴³ F. Dölger. Beiträge..., S. 121, 14—22.

⁴⁴ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 129—130.

⁴⁵ М. Я. Сюзюмов. Рец. на: А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 214.

фиска, сколь долго отсутствует, известно ли — хотя бы примерно — место его пребывания, кто его наследники и каковы их права. Собственник недвижимости — главный ответчик перед фиском. Лишь после истечения 30 лет с момента, когда налог был официально снят с заброшенного участка, могли быть проведены меры по его конфискации в пользу казначейства. Конфискация означала передачу титула собственности на участок от частного лица, покинувшего землю, казне.

Оба налоговых трактата, рассказывая об этой операции, не содержат ни малейшего намека на какого-либо иного господина крестьянской земли, кроме самих крестьян; они отдают часть дохода со своих хозяйств только государству⁴⁶, обходясь при этом безо всяких посредников, кроме официальных представителей фиска.

Оба налоговых трактата ориентированы не на разрозненных собственников самостоятельных участков (идиостата) и не на подвластные частным лицам зависимые деревни париков, а на свободные крестьянские поселения налогоплательщиков — собственников индивидуальных участков и совладельцев угодий, являющихся общинной собственностью. И при этом, наконец, оба трактата проводят строжайшее различие между землями государства и землями частных лиц (как членов, так и нечленов общины), между землями казны и общинными угодьями (землей общины как юридического собственника).

Лежащий между деревнями участок и не входивший в ипотажу ни одной из них не признается их собственностью, хотя и ἀδέσποτον, т. е. «бесхозный». Его собственник — казна. Он может быть испрошен кем-либо у правительственного эпопта при условии платить канон, он может быть возделан и самовольно, но также — при обнаружении этого — облагается канонем и переводится в разряд идиостатон⁴⁷. О передаче титула собственности новому владельцу при этом трактаты не говорят, как и о юридическом статусе владения (кроме обложения канонем). Было бы опрометчиво торопиться с заключением, что этот участок становился частной собственностью лишь за обязательство уплачивать канон. Ведь в таком случае в X в. не возникла бы и проблема крестьянского малоземелья: населения было довольно редким, отнюдь не сплошные территории были обработаны или попали в собственность частных лиц и в угодья общин-деревень. Также невозможно пока сделать вывод, что государство, довольствуясь канонем с этого участка, как и с любого частновладельческого надела жителя деревни, выступало по отношению к новому хозяину участка лишь как суверен.

Заброшенная земля, у которой нет ни хозяина, ни наследника в течение 30 лет, отмежевывается и конфискуется государством — она становится собственностью казны, ибо «казне (δημόσιον) дается позволение делать с класмой, что она хочет (ὅ βούλεται). Ибо, если говорят, что василевс даровал такую землю тому-то или тому-то из всей обнаруженной класмы, то это значит, что 30 лет миновало»⁴⁸. До отчуждения земля, получившая статус класмы, вносится «в практик» (опись) секрета (геникона?)⁴⁹. Кажется, мы можем без риска ошибиться резюмировать: класма переходит в собственность государства (δημόσιον), и распоряжается этой собственностью император (василевс).

Класма, как и бесхозный участок, о котором выше шла речь, может оказаться возделанной и обретенной «владельцев» (νομείς)⁵⁰. В таком случае канон на нее восстанавливается, однако относительно титула собственности мы здесь также пока ничего не знаем.

⁴⁶ Мы отвлекаемся в данном случае от солемниев; см. о них стр. 71—72.

⁴⁷ F. Dölger. Beiträge..., S. 116. 24—43.

⁴⁸ Ibid., S. 119.33—37.

⁴⁹ Ibid., S. 116.13.

⁵⁰ Ibid., S. 120.10—12.

Бывали «нередко» (πολλάκις)⁵¹, как сказано в «Трактате о налогообложении», случаи, когда государство сдавало в аренду или продавало не только класмы, но и симпафий (т. е. земли, находящиеся в заброшенном состоянии менее 30 лет). Однако титул собственности купившего класму такого рода оставался условным — владение ею при обязательстве уплачивать канон «находится под угрозой востребования ее наследниками» (ὅπο ζήτησιν τοῖς κληρονόμοις)⁵², а в случае продажи симпафий и возвращения законного наследника «теряют покупатели купленное», документ о сделке ликвидируется и неудачник имеет право требовать от казны возвращения попусту затраченных денег⁵³.

Иными словами, отчуждение симпафий было условным, до истечения 30 лет их подлинным юридическим собственником остается прежний хозяин; документ о продаже обретет право свидетельствовать о титуле собственности только после названного срока. Мало того, опоздавший наследник не имеет права на безвозмездное овладение своей бывшей землей: он ее может только купить у государства, пользуясь при этом правом предпочтения. «Трактат» указывает довольно высокую плату: 24 номисмы за землю, с которой ранее взыскивался канон в размере одной номисмы⁵⁴.

Если имело место при продаже или дарении класм мошенничество и эппот, совершая отчуждение, указал в документе меньшее количество земли, чем действительно отдал, «излишек» возвращают казне (προσεκυρώθη τῷ δημοσίῳ)⁵⁵, не уплачивая при этом покупателю — участнику мошенничества — цену «излишка», как разъяснено в «Уставе»⁵⁶.

Приводя эти данные, мы отчасти сказали о судьбе класм, ставших собственностью казны: они дарились и продавались государством, т. е. императором, через правительственных чиновников — эппотов. Титул собственности при продаже целиком переходил к тому частному лицу, которое покупало класмы. Что касается получателя дара, то здесь дело обстояло сложнее: все зависело от того, какое юридическое лицо получало дар и каковы были условия дара.

Кроме того, государство могло в течение неопределенного срока сдавать класмы в аренду (краткосрочную и долгосрочную) на весьма выгодных для себя условиях (с 10 модиев — 1 номисма)⁵⁷, иногда — жителям этого же села⁵⁸, или отдавать (ἀνατεθεῖν) какому-либо ведомству (секрету)⁵⁹ («посвящать» — ἀφοσιῶνται, сказано в другом месте)⁶⁰. Класма может оказаться и в ведении какого-нибудь «царского епискеписиса» (ἐπισκεψίς βασιλική)⁶¹ или какой-либо куратории, которой дарит (ἀποχαρίζεται) ее василевс (эпискеписис приравнивается при этом к секрету). Важно при этом, что при передаче класмы правительственным или царским учреждениям предполагалось, что эти учреждения как юридические лица оказываются обладателями титула собственности на эту класму («секрет имеет власть продавать ее и отдавать, куда хочет» — ἔχει ἐξουσίαν πωλεῖν αὐτὸ τὸ σέκρετον καὶ ἐκδιδόναι, ὅπου βούλεται)⁶².

Орфосис имеет в рассматриваемых трактатах два значения: восстановление канона на заброшенные земли, имевшие статус симпафий и класм, и восстановление отсутствовавшего собственника земли в его правах.

⁵¹ J. Karayannopoulos. Fragmente..., S. 322, 28f.

⁵² Ibid., S. 323.78—85.

⁵³ Ibid., S. 322.58—323.63.

⁵⁴ Ibid., S. 321.23—322.28.

⁵⁵ Ibid., S. 322.38—42.

⁵⁶ F. Dölger. Beiträge..., S. 121, 16—21.

⁵⁷ Ibid., S. 123.1—6.

⁵⁸ J. Karayannopoulos. Fragmente..., S. 321.9.

⁵⁹ F. Dölger. Beiträge, S. 116. 17.

⁶⁰ Ibid., S. 119.31.

⁶¹ Ibid., S. 120.19.

⁶² J. Karayannopoulos. Fragmente..., S. 321.12.

Однако при этом проводится одно важное различие: восстановление налога и восстановление собственника в его правах — не всегда единый процесс. Временное или постоянное право владеть заброшенным участком предполагает восстановление налога, но не всегда влечет восстановление права собственности. Мы уже упоминали, что класмы (как и новь) могли быть испрошены кем-либо под условием уплаты канона или заняты самовольно. Канон эти люди в таком случае должны были платить безусловно. Но вряд ли они обретали в такие случаях право собственности на класму и новь, ибо в «Трактате» разъяснено, что даже собственники и их наследники «не восстанавливаются» [в праве собственности] после 30 лет [отсутствия]» (οὗ γὰρ ὀρθοῦται μετὰ τὴν λ'ετία) ⁶³. Для этого надо было выкупить право собственности у казны, одного согласия на уплату канона было для этого недостаточно.

Мы думаем, что это различие имело принципиальное значение в византийской действительности, гораздо более существенное, чем различие между казенной и императорской землей, которой в равной мере самовластно, как пишет М. Я. Сюзюмов и как мы видели из данных «Трактатов», распоряжался василевс.

В связи с этим мы хотели бы обратить внимание на оставляемую в историографии до сих пор в тени дефиницию «Податного устава», проводящего реакую грань между двумя видами плательщиков канона в империи. [После заполнения [сборщиком налогов] всей налоговой графы приписки «уплатил такой-то» содержит указание на перемену имени [плательщика], от [имени] предшествующего владельца — к [имени] его наследника, зафиксированную тогдашним анаграфевсом, если приписка делается для деревни геникона; а если речь идет о практиках диикитов, то указывается плательщик, хотя бы он был наследником, и не требуется приписка, кроме единственной — «уплатил» ⁶⁴.

Забегая несколько вперед, скажем, что речь идет здесь не просто о различии в технике ведения налогового учета, а о юридически различных категориях налогоплательщиков: одни из них определены как жители «деревни геникона» (налогового ведомства), а другие — как вписанные в описи местных чиновников (диикитов). Уточнение прав на владение землей для первых необходимо ежегодно (от кого и кому они перешли, кто из чиновников это удостоверил), для вторых этого не требуется.

Мы считаем первых держателям и государственной земли (земли геникона), не имеющими на нее титула полной собственности (подобно зависимым держателям земли крупных собственников), а вторых — свободными собственниками (членами или нечленами общин).

В новелле Романа I Лакапина от 922 г. сказано совершенно ясно, что класмы (κλασματικοὶ τόποι), подобно некоторым иным владениям, принадлежат димосию (казне) ⁶⁵. Новелла Константина VII Багрянородного упоминает о несправедливом обычае продажи казной участков стратиотов, утративших способности нести лично военную службу, но император не позволяет этому обычаю обрести силу закона, как «зверскому и жестокому» ⁶⁶. Этот император причислял к динатам не только епископов, но и богоугодные заведения, которые скупали крестьянские и стратиотские участки ⁶⁷. В новелле Никифора II Фоки от 962 г. вновь говорится о том, что эпопты и василики («царские люди») продавали воинские участки, и император опять запрещает делать это ⁶⁸. По-видимому, речь снова

⁶³ Ibid., S. 322. 25.

⁶⁴ F. Dölger. Beiträge..., S. 123.8—14.

⁶⁵ Jus, III, p. 240.

⁶⁶ Ibid., p. 264.

⁶⁷ Ibid., p. 262—263.

⁶⁸ Ibid., p. 285—286.

шла о стратиотах, имущественное состояние которых не позволяло им нести воинскую службу.

Согласно другой новелле этого же императора, казна имела право конфисковать земли тех армянских воинов, которые отсутствовали более 3 лет, а земли перебежчиков к сарацинам — немедленно. Эти конфискованные земли казна передавала отличившимся стратиотам или другим лицам, несшим «общеполезные обязанности», и перебежчикам из стана врагов. Если же они были отданы царскому монастырю или иным кураториям, а также знатым лицам в виде пожалований и милости (дара), а также если эти земли были проданы эпоптами через либеллы, то в случае возвращения наследников армянских воинов эти документы о продаже или хрисовулы о даре теряли силу: наследники имели право получить владения своих отцов не только после 3 лет, но и после 30 лет отсутствия. Те из вернувшихся армян, которые были в земле врагов, теряли свой владения (такова кара за их поступок), но им предоставлялись «иные места»⁶⁹.

Нетрудно заметить и здесь, сколь разное отношение государства к землям, составлявшим частную собственность армянских воинов, и к землям, пожалованным государством в качестве дара монастырям и частным лицам, не несущим какую-либо службу. Конфисковывались частные земли только за предательство; земли воинов, бросавших службу более чем на 3 года, несмотря на конфискацию, могли быть возвращены наследникам этих воинов в течение 30 лет. Сами перебежчики, вернувшись, могли получить «иные места». Напротив, те, кто получил земли, конфискованные казной у частных лиц, в виде дара, не могли быть уверены, что власти не отнимут их снова. Титул полной собственности им не давался. В этом — суть.

По новелле Никифора II Фоки о монастырях, казна не возбраняла благочестивым людям, принявшим схиму, строить в «пустынных местах» кельи и лавры, оговаривая, однако, запрещение выходить за пределы монастырской ограды для овладения землей⁷⁰ — она была государственной.

В «Пире» нередко употребляется термин *θημοσιαχὴ κτήματα* в смысле *βασιλικὰ, κτήματα*, и наоборот. «Частные» имущества (*ιδιὰ*) вассалов и августы, говорится там, — это «имущества кураторий и епископсисов», находящиеся в ведении «казны» (*θημοσίου*)⁷¹. *Τὰ θημοσια*, сказано в другом месте, — это те *θημόσια*, которые казна (*θημοσιος*) имела и приобрела прежде, чем (этот) вассал вступил на трон. Когда же он обрел царство, то присоединялись к нему также класмы и имущества, приобретенные в бою (*τὰ ἐξ ἀδωρίων*)⁷².

Мы согласны с А. П. Кажданом, собравшим немало сведений о «государственной» и «царской» земле⁷³, что практического различия источники здесь не проводят⁷⁴, но его оппоненты правы в том, что эта земля — не вся территория страны, а лишь те ее пространства, которые не находились в частной собственности отдельных лиц и крестьянских общин. Юридический статус этих земель был, однако, весьма различен. Титул полной собственности на нее государство теряло только в случае продажи или дара в «полную собственность». Сдача же ее в аренду, в вечное держание под условием уплаты канона, передача церкви, монастырям или благо-

⁶⁹ Jus. III, p. 290—291.

⁷⁰ Ibid., p. 296.

⁷¹ Jus. I, XXV, 1, p. 155.

⁷² Ibid., XXXVI, 2, p. 156. Мы предполагаем, что *ᾠδωρία* — производное от латинского *adorior* — «вести наступательные действия».

⁷³ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 127—141.

⁷⁴ Иски относительно земель императора и августы, сказано в «Пире», вчиняются «димосию» (Jus. I, XXXV, 2, p. 155—156). Другой выразительный пример приведен А. П. Кажданом (Деревня и город..., стр. 130. Подробно см.: Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия, стр. 167—175): по акту Лавры от 1104 г. монахи отдали казну (*θημοσίῳ*) проаствий в обмен на три царских (*βασιλικῶν*) проаствия.

творительным учреждениям, а тем более правительственным ведомствам, а также воинам в награду за службу, в дар отдельным лицам и т. п. не лишали казну прав *dominus eminens*, хотя конкретные права получателя и казны могли быть при этом разнообразны и специально определены в каждом отдельном случае.

Иными словами, мы считаем, что такой сторонник и автор теории «государственной собственности» на все земли империи, как Дж. Данstrup, прав в том, что государство продолжало сохранять право верховного контроля над теми землями, которые оно передавало в руки частных лиц и духовенства⁷⁵. В X—XI вв. юридический статус большей части земель «дарованных государством» частным лицам (не говоря уже о духовенстве), не был, по нашему мнению, идентичен статусу родовых частнособственнических земель: право верховной собственности в последнем случае оставалось в руках государства.

Что касается другого разногласия, отмеченного выше: рос или сокращался в течение X—XI вв. фонд государственных земель, то, видимо, здесь не может быть однозначного ответа. Л. Брейе полагал, что этот фонд в указанное время рос⁷⁶, А. Андреадис и Дж. Данstrup придерживались прямо противоположного взгляда⁷⁷. А. П. Каждан склонен скорее поддерживать Л. Брейе⁷⁸. По нашему мнению, бывали периоды, когда этот фонд расширялся в силу двух главных причин: 1) крупные конфискации после подавления многочисленных заговоров и мятежей знатной провинциальной военщины или столичной аристократии; 2) завоевание соседних с империей земель, как это оговорено и в «Пире» Евстафия Ромея⁷⁹.

Когда в 934 г. византийцы взяли Мелитину, она была превращена вместе с округой в императорскую кураторию⁸⁰. Еще в 1960 г. мы высказали предположение, что императорский фонд значительно пополнился с завоеванием Болгарии (в 971 г. ее северо-восток захватил Цимисхий, в 1018 г. всю страну — Василий II)⁸¹. Ныне мы повторяем это с полной уверенностью. Неясным остается только, все ли земли Болгарии и вообще всех присоединенных территорий рассматривались при этом как земли казны (следуя Евстафию Ромею — «все добытое мечом принадлежит государству») или только те, которые и ранее в Болгарии, в период ее самостоятельного существования, не принадлежали частным лицам или были собственностью представителей болгарской династии и крупных вельмож, подвергшихся конфискации и высланных из Болгарии.

Прямое упоминание о государственной земле в завоеванной Болгарии мы усматриваем в сообщении Яхьи Антиохийского, что управлять «имуществами» в нее были направлены василики⁸² («царские люди»), о которых как о распорядителях землями казны, наряду с эпоптами упоминается в приведенных выше свидетельствах новелл.

Прямое указание на это мы усматриваем и в типике монастыря Богородицы Милостивой, где сказано, что эта обитель была воздвигнута *ἐν τόπῳ βασιλικῷ* («на царском месте»)⁸³, и в практике передачи земли этому монастырю, когда 10 дворов *δημοσιακοὶ πάροικοι* («государственных парик-

⁷⁵ J. Danstrup. The State..., p. 231.

⁷⁶ L. Brehier. Les institutions de l'Empire byzantin, II. Paris, 1948, p. 266.

⁷⁷ A. Andréadès. Deux livres récents sur les finances byzantines. — BZ, 28, 1928, p. 295; J. Danstrup. The State..., p. 224.

А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 137.

⁷⁸ Jus, I, XXXVI, 2, p. 156.

⁸⁰ Theoph. Cont., p. 416, 23—417. 2. См. об этом также: А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 131.

⁸¹ Г. Г. Лутаерин. Болгария и Византия..., стр. 138—151.

⁸² В. Розен. Император Василий II Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883, стр. 59.

⁸³ L. Petit. Le monastère de Notre Dame de Pitié en Macédoine. — ИРАИК, VI, 1900, p. 90.

ков») оказалось в окружении переданных монастырю земель — из категории класм⁸⁴. О царских табунах, пасшихся в Северо-Восточной Болгарии и отправляемых ко двору ежегодно по 60—100 голов, сообщает и знатный хронист — участник IV крестового похода Робер де Клари⁸⁵.

Найдены в Болгарии и печати «логофета стада» — управителя секретаря, ведавшего конными императорскими заводами⁸⁶.

Мы приводили все эти свидетельства в подкрепление нашего мнения о том, что фонд императорских доменов пополнился с завоеванием Болгарии в 1018 г.⁸⁷ Нам непонятно, почему А. П. Каждан, бегло заметив, что местонахождение печатей — не аргумент, и не сказав ни слова об упомянутых письменных свидетельствах, счел наш вывод «лишь догадкой»⁸⁸, хотя этот же автор в тогда же выпущенной монографии без указания на «Пиру», на основе свидетельства об овладении Мелитиной в 934 г. заключал, что «новые земли... в результате завоеваний... включаются в состав домена»⁸⁹.

После царствования Василия II (с конца 1025 г.) и до конца рассматриваемого в нашей статье периода (начало 80-х годов) фонд государственных (царских) земель имел, несомненно, постоянную тенденцию к сокращению не только в результате территориальных потерь империи, но и вследствие политики земельных пожалований императоров.

Строго говоря, пожалования государственных (императорских) земель кураториям, хотя те и имели право как правительственные (в «Пире» они названы императорскими) учреждения полностью распоряжаться ими, а также церкви и монастырям нельзя рассматривать как сокращение фонда этих земель. Но это верно на практике лишь относительно кураторий. Хотя церкви и монастыри, не подвластные частным лицам, были также в некотором роде царскими и император сохранял право контроля и верховной собственности⁹⁰, мы не знаем крупных секуляризаций в период 976—1081 гг.

Мало того, и пожалованные частным лицам через хрисовулы государственные земли в качестве милости, дара, награды или как обеспечение определенного вида службы в строгом смысле не были полностью потеряны для казны. Именно эта юридическая теория, по которой на переданные без эквивалентного возмещения (продажной цены) земли государство сохраняло право верховной собственности, ярко проявилась в двух актах правительства, отделенных друг от друга более чем семидесятилетием.

В 985 г., отстранив от власти паракимомена Василия Нофа, еще недавно всемогущего временщика, Василий II объявил, что отныне он подвергает пересмотру все хрисовулы и дарственные грамоты правительства, выданные во время всевластия Нофа, как акты, зачастую не имевшие законной силы. Лишь удостоверенные подписью Василия II, как признанные им, могли впредь сохранить законную силу⁹¹.

⁸⁴ L. Petit. Op. cit., p. 43. Г. Острогорский ошибается, толкуя указанный термин попросту как «налогоплательщики казны» и заявляя, что ни о каких «императорских поместьях» в этом районе не известно (G. Ostrogorski. Quelques problèmes, p. 2). Неважно в данном случае, были ли «поместья», важно, как мы видели, что была «императорская земля».

⁸⁵ Robert de Clari. La conquête de Constantinople. — «Poèmes et récits de la ville de France», XVI. Paris, 1939, p. 137—138.

⁸⁶ Г. Г. Литаурин. Болгария и Византия..., стр. 142.

⁸⁷ Там же, стр. 141, 151.

⁸⁸ А. П. Каждан. Рец. на: Г. Г. Литаурин. Болгария и Византия..., стр. 101.

⁸⁹ А. П. Каждан. Деревня и город ..., стр. 137.

⁹⁰ В недавно опубликованной работе А. П. Каждан неоднократно подчеркивает экономическую несамостоятельность византийских монастырей, их подчиненность государству как фактор, «в корне» отличавший их от западных аббатств (А. П. Каждан. Византийский монастырь. . . , стр. 69—70).

⁹¹ Jus, III, p. 317.

В
насты
владе
дарст
На
извест
венно
прест
То
в этот
прави
двор)
Но
ми да
приме
фимен
владе
предст
В час
ранее
были
Насел
являв
собств
Им
между
ность
эти зе
в цар
казны
за эти
ник, и
в год
предп
подоб
щая н
полур
заяско
Мы
1) либ
венно
стала
завед
дворе
шего о
ших в
Им
близ М
уровен

92
Жули
93
214—21
94
95
малой с
в царск

5 Виза

из катего- В 1057—1058 гг. Исаак I Комнин конфисковал много владений мо-
Болгарии настырей и частных лиц, несмотря на хрисовулы, предъявленные на эти
и знатный владения, ибо рассматривал включенные в эти документы дарения госу-
я секретаря дарственных земель как незаконные акты своих предшественников⁹².
его мнения Известием о том, что конфискации подверглась родовая недвижимая собст-
лем Болга- венность, исключая случаи измены и осуждения за государственные
о заметив преступления.

слова об Точно так же у нас нет ни одного свидетельства того, что император
шь догад- в этот период пожаловал не только частному лицу, но и духовенству или
указания правительственному учреждению хотя бы одну деревню (или даже один
й в 934 г. двор) со свободными крестьянами — собственниками своей земли.

ключаются Но как же в таком случае быть с упомянутыми нами же выше примера-
ми дарений со стороны императора целых сел с крестьянами, хотя бы
рассматри- пример с дарением монастырю Ксенофонта Василием II метоха с 12 проска-
государст- фименами⁹³ или пример с даром Андронику Дуке в 1073 г. обширных
цию к со- владений с несколькими поселениями Михаилом VII Дукой? Ответ нам
перии, но представляется теперь нетрудным: это были государственные земли.
их) земель В частности, земли Андроника, принадлежавшие казне, были переданы
(в «Пире» ранее ведомству богоугодных заведений Востока. Недаром по их периметру
атся ими, были расставлены пограничные камни с надписями «Царская граница»⁹⁴.
ние фунда- Населены эти земли были государственными крестьянами (париками),
тураторий, являвшимися наследственными держателями казенной земли, а не ее
или также собственниками.

и верхов- Именно поэтому государство не усматривало юридического различия
в период между положением этих крестьян до передачи их в «полную собствен-
государст- ность» частного лица и их положением после этой передачи. До того, как
беспечение эти земли попали в секрет богоугодных заведений Востока, они входили
потеряны в царский епискеписис Алопекон (комплекс более обширных владений
переданные казны или императора). Роль чиновника секрета, осуществлявшего надзор
государство за этими владениями и сбор доходов с крестьян, играл местный священ-
вух актах ник, именуемый прокуратором, получавшим в качестве руги 3 номисмы
стипендией в год⁹⁵. Крайне низкая оплата труда прокуратора исключает всякое
государст- предположение, что роскошный дворец в имении был предназначен для
подобного чиновника. О прежней судьбе поместья свидетельствует и царя-
ще недав- щая на всей центральной усадьбе печать запустения. Многие постройки
подвергает полуразрушены, инвентарь уничтожен, запасы посевного зерна для «хо-
ства, вы- зяйского домена» мизерны, сад запущен, рабы умерли.

ие закон- Мы полагаем, что здесь возможны две гипотезы, одинаково вероятные:
анные им, 1) либо это имение принадлежало некогда видному частному лицу, собст-
венность которого как государственного преступника была конфискована,
стала царским епискеписисом, а затем передана в секрет богоугодных
заведений; 2) либо эти земли никогда не были частной собственностью,
дворец же был выстроен для видного правительственного лица, управляв-
шего обширным комплексом императорских поместий, постепенно пришед-
ших в упадок после передачи их упомянутому секрету.

de la ville Имение лежало в плодородной долине во Фракийской феме,
близ Милета. Тем не менее множество крестьян в нем были крайне бедны,
уровень же эксплуатации, видимо, был весьма высок.

., стр. 101.

дчеркивает 92 Attal., p. 61, 6—17; Εβδ. Τσολάκη. Η συνέχεια τῆς χρονολογίας τοῦ Ἰωάννου
енность го- Σουλίστ. Θεσσαλονίκη, 1968 σελ. 104. 6—17.

И. Каждан. 93 Actes de l'Athos, I. Actes de Xénophon, publ. par L. Petit. — ВВ, X, 1903, p. 25,
214—216.

94 ММ, VI, p. 4.

95 ММ, VI, p. 15. Церковные каноны запрещали духовным лицам, соблазняясь
малой синифией, играть роль прокураторов частных поместий, но разрешали эту роль
в царских имениях, если того хотел император (PG, t. 138, col. 89A — B).

Этот акт десятки раз оказывался в центре внимания исследователей, неизменно отмечавших, что в крестьянских платежах здесь не наблюдается существенных отличий от платежей свободных крестьян, но что в акте странным образом нигде не упомянуты размеры земельных держаний крестьян как важнейший фактор налогообложения⁹⁶.

Что касается первого заключения, то справедливость его еще предстоит проверить; второе же обстоятельство нам ничуть не представляется странным; точно так же ни в одном из других актов мы не находим указаний на размеры крестьянских участков и держаний. Причина этого состояла, по нашему мнению, в том, что сама имущественная классификация крестьян (зевгарат, воидат, апор) включала указание и на размеры их держания. О том, как различались государственные и императорские поместья в X—XI вв. (и в юридическом, и в хозяйственном отношении), мы к сожалению, осведомлены крайне слабо, несмотря на то, что А. П. Каждан собрал на этот счет почти весь наличный материал. Никаких данных, которые подтвердили бы вероятную гипотезу М. Я. Сюзюмова о том, что императорские поместья — это организованные хозяйства, а государственные земли — просто пустоши, мы не обнаружили.

О формах эксплуатации государственных земель нам известно крайне мало. Если судить по акту 1073 г., какая-то часть государственных поместий отводилась под домениальную запашку и, помимо денежных сборов с крестьян, давала натуральный доход: для посева были предназначены 260 модиев пшеницы, 150 модиев ячменя, 5 модиев бобов и 5 модиев льняного семени⁹⁷. Согласно геометрическому трактату XIII в., на модий площади в Византии (на добрых землях) высевали 2 сыпучих модия⁹⁸, т. е. 410 модиями (260 + 150) засеяли бы 205 модиев земли (около 20 га)⁹⁹.

Из письма патриарха Николая I Мистика (901—907 и 912—925) известно, что клир св. Софии снабжался пшеницей из владений Великой церкви — пересылали ее в Константинополь прокураторы церковных владений¹⁰⁰. Прокуратор владений богоугодных заведений Востока не получал натурального довольствия: в акте четко определено, что ему «в качестве анноны» выдается одна номисма «вместо 12 модиев пшеницы»¹⁰¹. Следовательно, указанный в акте запас зерна на питание: 124 модия пшеницы, 60 модиев ячменя и 8 модиев льняного семени — был предназначен не для чиновников-управителей, а для работников-париков, проживавших в специальном помещении при центральной усадьбе¹⁰². На упомянутом зерне могли бы прожить 6—8 человек в течение года, т. е. столько работников, сколько действительно могло справиться с возделыванием домена в 20 га.

Остальное зерно, полученное при сборе урожая с этих 20 га, было, несомненно, отпущено в пункты, удобные секрету благочестивых заведений (при урожае сам-6 это составило бы до 2,5 тыс. модиев)¹⁰³.

⁹⁶ См., например: П. Безобразов. Патмосская писцовая книга. — ВВ, VII, 1900, стр. 75, 85 сл.

⁹⁷ ММ, VI, р. 6.

⁹⁸ Ф. И. Успенский. Византийские землемеры. — «Труды VI Археологического съезда», II. Одесса, 1888, стр. 298.

⁹⁹ П. Безобразов подчеркивает, что почвы в районе Милета были плодородными, но считает (в противоречии с упомянутым геометрическим трактатом), что один модий высевали на один модий земли, отводя, таким образом, под домениальную запашку 420 модиев. Этот ученый полагает, что названный в акте совокупный доход — 307 номисм — не весь доход имения, определяемый им примерно в 830—750 номисм (П. Безобразов. Патмосская писцовая книга, стр. 105—106).

¹⁰⁰ V. Grumel. Les registres des actes du patriarchat de Constantinople, I. 2, Constantinople, 1936, № 772.

¹⁰¹ ММ, VI, р. 15.

¹⁰² Ibid., р. 6.

¹⁰³ Урожай в таком случае при пересчете на наши меры составил бы примерно 50 пудов с гектара.

Еще большую площадь (около 600 модиев) управители имения сдавали в аренду соседнему монастырю и соседним крестьянам ¹⁰⁴.

Специфической формой организации государственных поместий были, конечно, конные заводы, все хозяйство которых подчинялось этой главной цели и требовало, несомненно, значительного числа работников-париков, не занятых ведением собственного самостоятельного полнонадельного хозяйства. В частности, кони разводились и в передаваемом Андронику Дуке имении. Отдавая все Андронику, царь оговаривает, что не передаются только кони ¹⁰⁵. Подобной же особой формой была, например, эксплуатация владений некоторых прибрежных сел, подчиненных распорядителю императорского стола (ὁ ἐπὶ τῆς τραπέζης) — они поставляли для дворца рыбу ¹⁰⁶. Великая церковь, например, имела владения, главной обязанностью которых была поставка капусты ¹⁰⁷.

Что касается прочих правительственных учреждений и богоугодных заведений (странноприимных домов, больниц, сиротских приютов, богоделен, домов призрения престарелых и т. п.), то их хозяйства на государственной земле, по-видимому, мало отличались от того имения, которое было передано Андронику Дуке. В основе его лежал зависимый крестьянский двор, обязанный уплатой денежных платежей и, видимо, натуральных поставок, часть земли обрабатывалась как домениальная трудом зависимых дворовых париков, часть сдавалась в аренду.

А. П. Каждан, говоря о функциях правительственного чиновника, управлявшего императорскими поместьями и носившего наименование ὁ ἐπὶ τῶν οἰκησίων, приводит любопытную надпись на одной из сохранившихся печатей этого должностного лица по имени Ставракия: Δός, κύριε, ἀώνη[ν], т. е. «Дай, господи, аннону!» Нам представляется удачной догадка А. П. Каждана, что одной из главных функций этого чиновника был сбор натуральных поставок — анноны. Автор считает, что этой догадке противоречит факт определения Ставракия в легенде печати не только как ὁ ἐπὶ τῶν οἰκησίων, но и как ὁ ἐπὶ τῶν βαρβάρων ¹⁰⁸. Но, на наш взгляд, вполне логично предположить, что Ставракий действовал как управитель императорских имений на завоеванной территории с иноплемennым населением («варварами»), — в таком случае оба определения легенды печати не противоречили бы, а дополняли друг друга.

Такую в сущности аннону поставляли присоединенные при Василии II грузинские земли (χωραί) в качестве опсония (натурального довольствия) для войск, формируемых здесь для обороны фемы Йвирия от турок-сельджуков. Константин IX Мономах «отнял» эти «государственные земли» у войска (δημοσίων χωρῶν, ἀφείλετο ταύτας) ¹⁰⁹, заставив их вносить подати в казну и лишив тем самым область защиты ¹¹⁰.

Не может быть, по нашему мнению, в данном случае никаких сомнений, что завоеванные земли (или их часть? — ср. стр. 62) стали землями короны. Вряд ли, однако, здесь имелись какие-либо хозяйства, подобные имению Варис: государственные парики вносили продукты в счет налогов на содержание войска.

Мы считаем, что именно эти земли казна и имела право отдавать в пожалования, в дар, награду и в обмен на частновладельческие земли. Об обмене частных владений на земли казны неоднократно сказано в типике

¹⁰⁴ MM, VI, p. 6, 7, 12, 15.

¹⁰⁵ Ibid., p. 5.

¹⁰⁶ Const. Porphyg., De cerim., p. 488. 18.

¹⁰⁷ V. Grumel. Les registes..., № 782.

¹⁰⁸ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 136—137.

¹⁰⁹ Attal., p. 44. 19—22.

¹¹⁰ Cedr., II, p. 608. 20—23; ср.: «Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века». Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина. М., 1972, стр. 152.28—154. 1, 376.

Бакуриани¹¹¹, в актах Лавры¹¹², в хронике Скилицы¹¹³ и у восточных авторов-современников¹¹⁴, в письмах Феофилакта¹¹⁵. Во всех этих случаях нельзя, по нашему мнению, усматривать передачи частным лицам земель со свободными крестьянами — отдавались территории с государственными париками, статус которых как не собственников, а держателей своих участков признавался идентичным статусу частновладельческих париков¹¹⁶.

И это — не только юридическая теория, которая, как бывало с правовыми доктринами в империи, могла не иметь практического значения, а повседневная практика. Как частновладельческий парик не мог продать свое держание лицу, которое отказалось бы от парических обязанностей, так и государственный крестьянин мог отчуждать свой участок лишь с согласия господина. «Пира» фиксирует случай, когда земля одного из благочестивых учреждений оказалась сданной в длительную аренду без разрешения сакеллы, т. е. ведомства, которому были подчинены управляющие землей чиновники. Евстафий Ромей определил, что земля должна быть возвращена законному владельцу независимо от того, сколько с тех пор прошло времени (срок давности в данном случае не мог узаконить сделку)¹¹⁷.

Даже войны, поселенные на государственной земле, обозначались иногда термином, обычным для частновладельческого крестьянства, — проскафимены¹¹⁸. А в акте Лавры от 1104 г. об обмене земли монастыря на государственную (императорскую) землю государственный парик выступает как ценность, равнозначная мельнице или пустующему участку¹¹⁹.

Конечно, случаи самовольного овладения государственной землей были. Такой случай мы усматриваем в акте от 1023 г. из Южной Италии, в котором сообщается, что около 40 лет назад умерший монах Иона раскорчевал и расчистил некое место, а затем передал его монастырю. Затем, на рубеже XI—XII вв. игумен Косьма, собрав пришельцев и бедняков, основал на этом месте деревню. Когда некие соседи возбудили дело против монастыря, пытаясь отнять у него землю, катепан Италии признал права монахов законными¹²⁰. Т. е. признал именно тот катепан, которого назначил Василий II, воспрещавший самовольное овладение землями казны и бесконтрольное поселение на частных землях неимущих крестьян в качестве свободных от налогов париков.

Однако случаи такого рода не означали нарушения существовавшей системы: государственные (императорские) земли независимо от того, в какой форме они подвергались эксплуатации, независимо от того, подвергались ли они эксплуатации или лежали втуне, резко отличались от частновладельческих. Но среди самих частновладельческих земель существовали две категории, одна из которых (земли крупных собственников, эксплуатировавших труд зависимых людей) по своей социальной сущности, как мы полагаем, была ближе к государственным землям, чем ко второй категории частновладельческих земель (земли крестьян свободных).

Социально-общественный и юридический статус частновладельческих и государственнозависимых париков был почти идентичен: они не являлись

¹¹¹ Typicon Gregorii Pacuriani, ed. S. Kauchtschischvili. Tbilisis, 1963, p. 28.11.

¹¹² K. Lake. Early Days of Monasticism in Mount Athos. Oxford, 1969, p. 103.

¹¹³ Cedr..., II, 464, 11—16.

¹¹⁴ См. В. А. Арутюнова. Византийские правители Эдессы в XI в. — ВВ, 34, 1973.

¹¹⁵ См. Г. Г. Литавин. Болгария и Византия..., стр. 86—87.

¹¹⁶ Почти так формулирует свой вывод и Г. Острогорский (Ostrogorskiy. Quelques problèmes..., p. 24), понимая, однако, под государственными париками вообще всех крестьян, не принадлежащих частным лицам.

¹¹⁷ Jus, I, XV, 9, p. 44—45.

¹¹⁸ А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей... Топикá, I, Киев, 1895, стр. 695.

¹¹⁹ Г. Г. Литавин. Болгария и Византия, стр. 171—172.

¹²⁰ A. Guillou, W. Holzmann. Zwei Katepanenurkunden aus Tricarico... «Quellen und Forschungen...», XLI. Tübingen, 1961, S. 27.

собственниками своих участков со всеми вытекающими отсюда последствиями. Определяя эту зависимость как феодальную для первых, мы признаем ее по существу такой же и для вторых, но никак не для свободных налогоплательщиков казны. Но при такого рода заключении возникает как будто проблема новой датировки этапов феодализации. Если отказ от выводов А. П. Каждана и Г. А. Острогорского вел к опасности «запоздать» с определением эпохи утверждения феодальных отношений, то не ведет ли наш вывод, напротив, к перенесению этого рубежа в слишком ранний период. Ведь и парики, и императорские земли, на которых были основаны подчиненные короне монастыри, упоминаются уже в самом начале IX в.¹²¹

Нам представляется, что наши выводы не ведут к серьезным теоретическим затруднениям. Основным критерием периодизации по-прежнему останутся этапы вызревания феодального поместья, так как оно определяло и представляло главную тенденцию, генеральный путь эволюции аграрных отношений в империи. Формы эксплуатации государственных владений уподоблялись формам эксплуатации частных землевладельческих хозяйств, феодализируясь не ранее имений магнатов, а вслед за феодализацией этих имений. Это тем более понятно, что фонд государственных земель в течение IX—XI вв. почти непрерывно был источником формирования крупных частных поместий.

Прежде чем ответить на вопрос о том, каков был главный источник формирования феодального землевладения, мы должны дать оценку правительственным мероприятиям императоров Македонской династии, в течение столетия пытавшихся помешать процессу поглощения крестьянской собственности крупным землевладением.

Как известно, дореволюционные русские историки, как и многие современные за рубежом, делали выводы о некоей внеклассовой защите государством мелкого крестьянского землевладения. А. П. Каждан дал очерк развития этой проблемы в литературе, показав, что полное и обоснованное переосмысление вопроса было осуществлено лишь в марксистской историографии: меры правительства преследовали цели сохранения контингента крестьян для их централизованной эксплуатации господствующей группировкой феодализирующейся аристократии через государственный аппарат¹²². По мнению А. П. Каждана, эти меры не столько препятствовали развитию феодализации, сколько ей способствовали¹²³.

Возражения в ответ на эту идею были высказаны как в зарубежной, так и в советской литературе. Н. Зворонос разделяет мнение историков-марксистов о целях законодательства императоров Македонской династии, но он считает, что они были гораздо более широкими, что императоры сознавали угрозу всей государственной структуре со стороны крупных собственников, и хотя эффективность законодательства «оставалась, очевидно, весьма ограниченной», эти меры сыграли свою роль. Они не были оставлены совсем, как полагает А. П. Каждан, после смерти Василия II, а продолжали применяться и в середине и в третьей четверти XI столетия. При этом Н. Зворонос вполне основательно ссылается на «Пиру», не оставляющую на этот счет никаких сомнений, на «Синописис законов» Михаила Пселла и на схолии XI в. к «Василикам»¹²⁴.

М. Я. Сюзюмов также полагает, что мероприятия императоров Македонской династии сыграли сдерживающую роль в истории развития крупного землевладения в империи. Обращаясь к А. П. Каждану, М. Я. Сюзюмов спрашивает: «Неужели феодалам-динатам после запрета скупать у крестьян земли стало легче укреплять крупное феодальное землевла-

¹²¹ Theoph., p. 486, 30. См. об этом: А. П. Каждан. Деревня и город., стр. 94.

¹²² Там же, стр. 174—175.

¹²³ Там же, стр. 188.

¹²⁴ N. Svoronos. Société., p. 376—379.

дение? Неужели феодальные отношения усилились в результате того, что многим бедным крестьянам возвращена была земля бесплатно, как это явствует из новелл? Мы полагаем, что из того факта, что государство — орудие класса эксплуататоров, вовсе не следует отрицать отдельные попытки маневрирования со стороны византийской автократии». Конечно, продолжает М. Я. Сюзюмов, эти законы не могли остановить процесса, хотя бы потому, что богатая прослойка в общинах получила возможность законно, через право протимисиса, создавать крупные поместья¹²⁵.

Мы не можем не присоединиться к этому мнению: и сами новеллы, и «Пира» содержат немало примеров разрушения феодальных имений, созданных в обход законодательства. Оно не остановило, но затормозило процесс феодализации. Другой вопрос — сколь прогрессивно оно было или сыграло ли вообще прогрессивную роль.

Мы считаем неоправданной тенденцию в византиноведении свести весь ход феодализационного процесса в Византии в основном к разложению общины, к утверждению идеи о решительном преобладании пути эволюции «снизу» как наиболее естественном исторически и экономически закономерном и т. д. Эту идею никто, кроме М. Я. Сюзюмова, не ставил под сомнение, хотя для Византии она никогда и никем не была доказана на материале источников, как и всякая идея, претендующая на установление «преобладания» каких-либо исторических феноменов над другими путем спекуляций при крайне ограниченном фактическом материале.

Помимо чисто теоретических (весьма и весьма общих) соображений, основным доводом в пользу этой теории является в сущности *argumentum ex silentio*: в официальных византийских документах фиксируются по преимуществу отношения государства с частными лицами, а не отношения между частными лицами. Поэтому от нашего внимания ускользает главный процесс — процесс создания собственности одного лица за счет собственности рядом находящихся многих лиц (имущественная дифференциация, разложение общины). Мы ничуть не против этой идеи как позиции (она достаточно проверена на материале средневековых стран Западной Европы), но мы против нее как антиципации одного и того же вывода при любых условиях, в любую эпоху и в любой стране. Если мы выстроим в две колонки факты обоего рода: свидетельства об имущественной поляризации внутри общины и данные об обретении земель и доходов за счет ее в целом или от щедрости государя, то мы получим право скорее на противоположный, но столь же сомнительный вывод.

А. П. Каждан осуществил колоссальный труд по изучению путей формирования господствующего класса Византии в X—XII вв. Он с не оставляющей сомнений убедительностью показал, что так называемая «вертикальная подвижность» социальных сил была одним из основных факторов имперской системы и ее живучести: господствующие слои, даже близкие к трону самодержца, абсорбировали без особых препятствий множество удачливых лиц самого низкого происхождения¹²⁶.

Однако в приведенном А. П. Кажданом материале имеется одна, на наш взгляд, чрезвычайно важная и не прокомментированная автором деталь: среди многочисленных случаев создания феодальных родов их «основателями»-простолюдинами насчитываются буквально единицы, когда богатство простолюдина предшествовало его успехам на имперской службе. В подавляющем большинстве случаев зависимость была обратной: от первых успехов на службе — к постепенному созданию богатства.

¹²⁵ М. Я. Сюзюмов. Рец. на: А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 215—216.

¹²⁶ А. П. Каждан. Состав господствующего класса Византии в X—XII вв. (в печати); см. его же. Характер, состав и эволюция господствующего класса в Византии XI—XII вв. Предварительные выводы. — ВЗ, 66, 1973, S. 47—60.

В другом месте мы надеемся показать, сколь различны были условия жизни и деятельности индивидов и классов на феодальном Западе и в Византии с ее самодержавным строем. Теперь общепризнанно, но недостаточно оценено, что в пресловутых новеллах императоров Македонской династии как «динаты» определены не только действительно богатые люди, а даже схоластики — низшие воинские чины и праторы — низшие налоговые чиновники¹²⁷; состояние их вряд ли превышало состояние полнонадельного крестьянина-зевгарата (50 номисм), но они обладали властью над зевгаратом — в этом была их сила.

Мы не ставим под сомнение вывод, что основным путем феодализации был путь экспроприации мелкой крестьянской собственности. Но мы сказали бы, что это был путь не через расслоение и разрушение общины, а через ее оскудение и закабаление. Государство препятствовало проникновению динатов в общину, мешало росту их внутри общины, но оно само лишало общины их земель, конфискуя заброшенные земли в качестве класм и создавая рядом со свободными деревнями, теряющими общинные земли и часть фонда, находившегося в личной собственности ее членов, динатские частные поместья и свои государственные имения, мало от частновладельческих отличавшиеся. Кольцо создаваемых казной идиоста — частновладельческих имений — сжимало общину все туже, пока не абсорбировало ее целиком. Ее жители превращались в неимущих и «неплатежных», превращение которых в частновладельческих париков регулировалось, но не возбранялось законом. Закон, в частности, разрешал продавать или принуждать к продаже земли должников, особенно должников казны. И срок при этом был тем меньше, чем беднее был должник, так как он мог израсходовать на себя свое последнее имущество¹²⁸.

Так, «закрывая дверь» феодализации, даже самые суровые из императоров — «гонителей» динатов — широко открывали ей «окно».

Остановимся коротко на переходной форме собственности между государственной и частной, которую французская исследовательница Э. Гликаци-Арвейлер, давшая обзор ее эволюции, определила как «уступку не-вещных прав» или «условные дарения»¹²⁹.

Еще в 1948 г. Г. А. Острогорский писал, что земельное пожалование в Византии «означало не только и не столько перенесение владельческих прав, сколько перенесение с государства на феодала права на получение с жалуемых земель сеньориальной ренты»¹³⁰. Возвращаясь к сказанному выше, мы целиком разделяем этот вывод применительно к раздаче государством в дар или обусловленное службой держание казенной (императорской) земли. Путь эволюции, как показал Г. Острогорский, в целом состоял при этом в переходе от «невещных прав» к правам на землю, а от них — к условной собственности на нее. Основной спор вызвала не эта констатация, а то, что Г. Острогорский обозначил ее как путь эволюции пронии. А. П. Каждан считал, что прония — это посотис или солемний (количество дохода), дарованный во временное пользование — неважно с чего, а как земельное пожалование прония неизвестна до второй половины XII в.¹³¹ М. Я. Сюзюмов полагал, что прония создавалась разными путями, а не только из передачи прав на сбор дохода; но передачей

¹²⁷ Jus, III, p. 263.

¹²⁸ Jus, I, XV, 16; XVII, 11; XXVI, 27; LVIII, 1.

¹²⁹ H. Glykatzí-Ahrweiler. La concession des droits incorporels. Donations conditionnelles. — «Actes du XIe Congrès d'études byzantines. Ochrid, 1961, II. Beograd, 1964, p. 108—114.

¹³⁰ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 234.

¹³¹ А. П. Каждан. Рец. на указ. соч. Г. Острогорского, стр. 228; его же. К вопросу об особенностях феодальной собственности..., стр. 226.

же земли она стала лишь при Мануиле I (1143—1180)¹³². К. В. Хвостова¹³³, как и мы в свое время¹³⁴, поддерживала в основном мнение Г. Острогорского, который недавно вновь отстаивал свои прежние взгляды¹³⁵. Э. Гликаци-Арвейлер определила проноию как дарение доходов с любого имущества, равнозначное дарению париков или ренты¹³⁶.

Ныне мы имеем, кажется, право сказать, что споры вокруг самого термина для XI в. должны быть оставлены, так как мы располагаем теперь четким юридическим определением этого понятия, зафиксированным во фрагменте «Трактата о налогодобложении» от X—XI вв., опубликованном недавно И. Караяннопулосом.

Под заголовком: *Τίνα εἰσὶ τὰ προνοιατικά* («Что значит проноиатские») — там сказано: *Τὰ ἐφ' ὅρφ τῆς τοῦ ἀνθρώπου ζωῆς δωρούμενα παρὰ τοῦ βασιλέως* [«Это» дарованные василевсом на срок жизни человека]¹³⁷. Следовательно, это слишком широкое понятие, чтобы на первых этапах его развития, по крайней мере до Комнинов (1081 г.), мы смогли точно определить его значение. Оно обнимает и солемнии всякого рода, если они ограничены во времени (на одного человека), и харистики, и василикаты (обычно выдавались на срок жизни человека).

Но вместе с тем приведенная формулировка позволяет из суммы приведенных выше взглядов отобрать (применительно уже к XI в.) ряд мнений, вполне оправдавшихся. Такими выводами мы считаем: проноия — пожизненное условное дарение и доходов, и самой земли уже в XI столетии, причем и при условии управления и военной обороны крепостей (Михаил Дука в 1078 г. определял, что крепости предоставляются как дар *ἐφ' ἐνὶ πρόσωπῳ* — «на одно лицо»¹³⁸. (Г. А. Острогорский); проноия — временный солемний и харистикий, но как дарение париков или ренты она может выступать лишь на государственных землях и в поместьях крупных собственников (А. П. Каждан, Э. Гликаци-Арвейлер).

Для наших целей в данном случае важно другое — констатировать, что солемнии и проноии уже в X—XI вв. жаловались как точно фиксированная сумма налоговой квоты или как доход с точно фиксированной территории или доходного объекта, независимо от того, государственная или частновладельческая это была собственность. Доход при этом понимался как вся масса или — чаще — часть установленных ранее для казны платежей.

Иными словами, солемнии и проноии (в виде налоговых пожалований) уже в XI в. распространялись на свободных налогоплательщиков государства и служили, таким образом, мостом, сближающим (чем далее, тем все более тесно) принципиально различные понятия собственности императорской и частной.

Э. Гликаци-Арвейлер повторяет как новый давно сделанный в марксистской историографии вывод¹³⁹, что сбор налогов со свободных крестьян частным лицом неизбежно вел к усилению частнопровых отношений в ущерб публичноправовым, так как частное лицо было вынуждено волею обстоятельств заменить государственных чиновников на этой территории лично подчиненным ему персоналом, исполнявшим те же функции¹⁴⁰.

¹³² М. Я. Сюзюмов. Внутренняя политика Андроника Комнина, стр. 60; *его же*. Некоторые проблемы истории Византии, стр. 116.

¹³³ К. В. Хвостова. Особенности аграрноправовых отношений..., стр. 207 сл.

¹³⁴ Г. Г. Литаеврин. Болгария и Византия..., стр. 144—158.

¹³⁵ G. Ostrogorsky. Die Pronoia unter den Komnenen. — ЗРВИ, 42, 1970, стр. 41—54.

¹³⁶ Н. Glykatzzi-Ahrweiler. La concession..., p. 408, 440—441.

¹³⁷ J. Karayannopoulos. Fragmente..., S. 322. 56—57.

¹³⁸ Jus, III, p. 230.

¹³⁹ См., например: Г. Г. Литаеврин. Болгария и Византия..., стр. 224—231; *его же*. Реп. на: Г. Цанкова-Петкова. За аграрните отношения... — ВВ, XXVIII, 1968, стр. 263—264.

¹⁴⁰ Н. Glykatzzi-Ahrweiler. La concession..., p. 110, sq.

В
нало
ному
испу
Адри
с по
Арве
лова
ства
обор
пари
деле,
полу
пода
μένων
В
стие
прони
какое
лями
госуд
бодни
отны
рика
Т:
лова
ному
через
неред
ствен
цию
И
дали
взгля
тате
феоде
занти
(по с
совог
ным
стни
в фол
лица
стков
стны
и бес
В
А. П.
кото
ствен
ката
ми и

14:
14:
14:
14:

В доказательство тенденции к превращению в париков тех свободных налогоплательщиков, которые должны были впредь платить налоги частному лицу, сотни раз ссылались на знаменитую петицию монахов Лавры, испугавшихся, не стали ли они париками брата императора Алексея I Адриана, которому была дана привилегия взимать в свою пользу налоги с полуострова Касандра, где лежали владения Лавры¹⁴¹. Э. Гликай-Арвейлер полагает, что испуг монахов — доказательство того, что пожалование налогов с правом получившего льготу собирать их своими средствами — недавнее явление¹⁴². Мы считаем, что дело обстоит как раз наоборот: практика уже показала, что сбор частным лицом налога ведет к парикии свободных ранее поселян. Отсюда — испуг монахов. В самом деле, о виде солемния, когда, например, само благочестивое учреждение, получившее пожалование, «вместо диикита» (*ἀντὶ τοῦ διοικήτου*) собирало подати «с неких не подвластных ему деревень» (*χωρίων τιῶν μὴ ὑποκειμένων τῷ αὐτῷ*), сообщается уже в «Податном уставе»¹⁴³.

В связи со всем сказанным мы можем теперь иначе истолковать известие Никиты Хониата о широком недовольстве при Мануиле I раздачей проний¹⁴⁴. Оно было вызвано не тем, что этот император перестал делать какое-либо различие между государственными и патримониальными землями, а тем, что он перестал в своих пожалованиях отличать деревни государственных париков, сидевших на казенной земле, от земель свободных налогоплательщиков. Раздача в пронию свободных, подчиненных отныне госнодину пронии, означала уподобление их государственным парикам, что было равноценно частнофеодальной парикии.

Таким образом, путь, кратко намеченный Г. Острогорским: от пожалования налогов — к правам на землю, а от прав на землю — к условному феодальному землевладению — занял всего около столетия, а еще через полстолетия прония превращается в наследственную, сливаясь нередко с гониконом (родовым владением), тогда как остатки государственных земель стали истинно царскими поместьями, имевшими тенденцию к распадению на семейные апанажи — княжества.

Итак, отвечая на первый вопрос — об источниках формирования феодальных вотчин — мы, видимо, можем сделать вывод, что устоявшийся взгляд на возникновение крупных владений преимущественно в результате имущественной дифференциации крестьянской общины и вызревания феодальных элементов в самих ее недрах нуждается в уточнении. В Византии, где государственная власть в X—XI вв. была сильна и всемогуща (по сравнению со странами Западной Европы), ее роль как орудия классового господства в развитии византийского феодализма проявилась главным образом не в том, что она создала систему государственного «крепостничества» для реализации «коллективной феодальной собственности» в форме «централизованной ренты-налога», а в пожалованиях частным лицам фонда государственных земель, в конфискации запустевших участков общинников, в укреплении над свободными крестьянами власти частных лиц через передачу им прав на сбор налогов с сельских округов и бесконтрольное ими управление.

В значительной мере благодаря трудам Г. А. Острогорского и А. П. Каждана мы можем теперь, видимо, отказаться и от того вывода, который вытекал из их концепции: на огромных пространствах «государственной земли» общинники-крестьяне, даже стратиоты, в том числе катафракты, которых А. П. Каждан первым назвал мелкими вотчинниками и «рыцарями западного типа», закрепощены, а в феодальных поместьях

¹⁴¹ Lavra, N 39.

¹⁴² Ibid., p. 109.

¹⁴³ F. Dölger. Beiträge., S. 117, 42—118.3.

¹⁴⁴ Nic. Chon., p. 272—273.

зависимые парики, исчисляемые едва тремя—шестью десятками, пользуются правом свободного перехода.

Роль государства в экспроприации самими феодалами крестьянской земли не может более, на наш взгляд, трактоваться в прямом противоречии со смыслом новелл императоров Македонской династии. Центральная власть в данном случае выступала как тормоз феодализации — в том числе и по отношению к процессу распада общинного землевладения. Совсем другой вопрос — насколько эта политика была удачной и являлась ли она прогрессивной.

Признавая огромное значение пути феодализации «снизу», мы, тем не менее, не можем признать за ним решающую роль в условиях византийской государственности по сравнению с феодализацией «сверху» (в только что уточненном смысле).

Итак, в X—XI вв. государственная (и царская) собственность еще весьма строго отличалась от частной и общинной (корпоративной) и охватывала лишь те земли, которые лежали за пределами частновладельческого сектора; внутри этой собственности казны наметилось развитие иерархии, возникла тенденция к утверждению права собственности государства и на земли мелких налогоплательщиков, но более отчетливые формы эти явления приобрели лишь в XII столетии.

В
ского
филос
образ
лет В
знако
ритети
вить 1
Плато
В
традиц
Арист
Пр
окруж
сариог
в Виз
Арист
ков².
Пл
унии и
церков
давшей
нако, 1
скую п
и флор
демии,
Платон
поры б

¹ Ис
за их ер
с привер
дор Мет
Аристот
роннико
особенно
обычно «
доксы (I.
² N.
bizantini
dell'uma
pensiero
5, 1968,

З. В. УДАЛЬЦОВА

ФИЛОСОФСКИЕ ТРУДЫ ВИССАРИОНА НИКЕЙСКОГО И ЕГО ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ИТАЛИИ

1. ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ВИССАРИОНА

Виссарион, видный церковный деятель и политик, глава латинофильского течения в Византии в XV в., был не только ученым-теологом, но и философом-гуманистом. В Византии он получил блестящее философское образование, завершенное в школе Георгия Гемиста Плифона. С юных лет Виссарион изучал произведения греческих философов, хорошо был знаком с трудами как Аристотеля, общепризнанного философского авторитета того времени, так и Платона. Уроки Плифона должны были оставить глубокий след и внушить Виссариону особую любовь к философии Платона.

В первой половине XV в. в Византии продолжалась многовековая традиционная борьба на философском поприще между приверженцами Аристотеля и Платона ¹.

Продолжателем учения Платона в Византии считался Гемист Плифон, окруженный горячими адептами платонизма, среди которых был и Виссарион. Противником Плифона выступал вождь православной партии в Византии той эпохи — Георгий Схолярый, убежденный приверженец Аристотеля, имевший в свою очередь немало последователей и учеников ².

Плифон, остававшийся во время Флорентийского собора по вопросу об унии на православных позициях, затем в сущности порвал с официальной церковью, увлекшись созданием новой религиозной системы, возрождавшей античный политеизм. Плифон — грек и патриот — тяготел, однако, к Западу. Он одним из первых перенес учение Платона на итальянскую почву. Его пребывание во Флоренции, сближение с Козимо Медичи и флорентийскими гуманистами и, наконец, основание Платоновской академии, как известно, сыграло огромную роль в распространении учения Платона в Италии. С учением великого греческого философа Италия до той поры была знакома чрезвычайно мало, и то не по подлинным произведе-

¹ Иоанн Итал и его школа в XI—XII вв., осужденные господствующей церковью за их еретические взгляды, склонялись к платонизму и вели ожесточенную борьбу с приверженцами Аристотеля, на защиту которых встала православная церковь. Феодор Метохит, виднейший платоник XIV в., также активно выступал против учения Аристотеля в защиту Платона. Позднее борьба продолжалась между Варлаамом, сторонником платонизма, и Паламой, главой исихазма, и приняла в середине XIV в. особенно ожесточенные формы. Важно отметить, что на стороне платоников выступали обычно «западники» (например, Варлаам), а на стороне Аристотеля — православные ортодоксы (Палама), действовавшие под эгидой ортодоксальной церкви.

² N. Tomadakis. Oriente e Occidente all'epoca del Bessarione. — «Rivista di studi bizantini e neoellenici», 5 (XV), 1968, p. 29—40; A. Pertusi. In margine alla questione dell'umanesimo bizantino; il pensiero del cardinale Bessarione e i suoi rapporti con il pensiero di Giorgio Gemisto Pletone. — «Rivista di studi Bizantini e neoellenici», n.s., 5, 1968, p. 95—104.

ниям, а по работам александрийских неоплатоников. Дело Плифона продолжал во Флоренции Марсилио Фичино.

По возвращении из Италии Плифон опубликовал написанный им еще во Флоренции нашумевший трактат «О том, чем отличается Аристотель от Платона». В нем Плифон противопоставил философскую систему Платона философии Аристотеля, осыпав последнего резкой бранью. Эта книга с новой силой разожгла вековой спор между аристотеликами и платониками³.

В дальнейшем борьба была перенесена на итальянскую почву, вызвала огромный интерес среди итальянских гуманистов, но велась главным образом греками, переселившимися в Италию после завоевания Константинополя турками.

В Италии авторитет Аристотеля был очень высок уже многие столетия и его философия принята католической церковью. Интерес к Платону проснулся там сравнительно недавно и из-за отсутствия переводов Платона и слабого знакомства итальянцев с греческим языком распространялся в Италии медленно. Но передовые люди Италии — гуманисты — с чрезвычайным пылом стремились познать философию Платона (вспомним хотя бы, как Петрарка сожалел о незнании греческого языка, которое закрывало ему доступ к тайнам философии Платона и мешало читать Гомера в подлиннике).

Видное место в развернувшейся на итальянской почве борьбе аристотеликов и платоников занял Виссарион. Однако позиция Виссариона в этой борьбе была двойственной. По своему воспитанию и ученым симпатиям Виссарион был безусловно приверженцем Платона. В его философских трудах ясно видно, что он предпочитает Платона другим философам. Но Виссарион не решается критиковать Аристотеля, а наоборот, относится к нему с большим пиететом и защищает от резких нападков врагов⁴. Как объяснить такую позицию Виссариона?

В то время философская мысль двигалась зачастую между двумя полюсами — Аристотелем и Платоном, и удаление от одного неизбежно означало сближение с другим. Борьба платоников и аристотеликов принимала столь острые формы, что быть защитником Платона означало быть врагом Аристотеля. Виссарион же, будучи платоником, старался не показаться врагом Аристотеля и всячески подчеркивал свое уважение к его авторитету. Можно предположить, что политические мотивы играли первостепенную роль в таком поведении Виссариона. Виссарион, вступив в лоно католической церкви, был особенно осторожен в выражении взглядов, противоречащих учению римского престола. А для католической церкви Аристотель являлся непререкаемым авторитетом, учение которого не противоречило христианству. Платон же внушал безусловное недоверие церковникам, и его философия считалась враждебной христианскому вероучению.

Для Виссариона было далеко не безопасным открыто выступить в защиту Платона. Новообращенный католик должен был постоянно помнить о своем неустойчивом положении в курии и подозрительном отношении к нему, как греку по рождению. Однако научные симпатии Виссариона влекли его к Платону, и он принимает решение реабилитировать любимого философа в глазах римской курии. Поэтому в своих основных философских произведениях Виссарион старается доказать, что Платон ближе Аристотеля подходит к христианству, насколько это вообще было воз-

³ Bessarion Studies, I—III.—«Medieval and Renaissance Studies», 5, 1964; A. Vast. Le cardinal Bessarion. Paris, 1878.

⁴ P. Moraux. D'Aristote à Bessarion. Trois exposés sur l'histoire et la transmission de l'aristotelisme grec. Quebec, 1940; R. Rocholl. Bessarion. Studien zur Geschichte der Renaissance. Leipzig, 1904.

можно для язычника тех времен. Таким образом, Виссарион видит главную задачу в том, чтобы примирить философию Платона с христианством.

Однако не исключено и другое: Виссарион, глубоко изучивший обоих великих философов древности, отдавал дань искреннего уважения Аристотелю, стремясь найти точки соприкосновения между ним и Платоном⁵.

Не вдаваясь в детали философской борьбы XV в., мы лишь коснемся кратко истории спора между сторонниками Платона и Аристотеля и постараемся осветить позицию Виссариона в этой борьбе. Как уже говорилось, начало полемики положил Плифон своим трудом «О том, чем отличается Аристотель от Платона». Восхваляя в нем Платона и нападая на Аристотеля, Плифон, в частности, затрагивал учение о разумности действий природы и искусства, защищая учение Платона о разумной деятельности как природы, так и искусства в противоположность Аристотелю, отрицавшему этот тезис, хотя и считавшему, что природа и искусство действуют с определенной целью.

Против Плифона выступил в умеренных тонах аристотелик Феодор Газа, утверждавший, что природа и искусство действуют слепо, что разум совсем не участвует в их деятельности. Феодор Газа отослал свое сочинение Виссариону и просил дать о нем отзыв. Виссарион сделал это в первом философском труде — «О природе и искусстве» («De natura et arte»)⁶.

Впоследствии первоначальный набросок был дополнен и расширен уже в связи с полемикой Виссариона и Георгия Трапезундского. По утверждению Виссариона, и природа и искусство действуют разумно, но этот разум — «божественный», «универсальный», который заложен во всех действиях и творениях природы и управляет ею⁷.

В ответе Газе Виссарион выступил открыто как сторонник Платона и неодобрительно отзываясь о труде Феодора Газы⁸. Это в свою очередь повлекло за собой выступление в защиту Аристотеля Георгия Трапезундского. Человек талантливый, но неустойчивый во взглядах и крайне неуживчивого характера, Георгий Трапезундский, некогда близкий ученик Виссариона, но потерявший его расположение, не решаясь выступить открыто против влиятельного кардинала, сделал вид, что считает автором «De natura et arte» не самого Виссариона, а Феодора Газу. Георгий составил весьма ядовитый памфлет против Платона и его последователей. В этом памфлете проявилось много личного недоброжелательства по отношению как к Виссариону, так и к Феодору Газе, который оказался более удачливым, чем Георгий, и с которым у него были личные счёты.

Ответ Виссариона Георгию дан в продолжении «De natura et arte». В законченном виде «De natura et arte» выражает те же взгляды на разумную деятельность природы и искусства, как и первоначальный набросок, но здесь Виссарион более осторожен.

Защищая Платона, Виссарион не хочет ниспровергать авторитет Аристотеля. Он утверждает, что в конечном счете оба философа говорят об одном и том же, только с различных точек зрения. Оба они считают, что разумный двигатель природы лежит вне ее, но Аристотель полагает, что изучение этой вне природы стоящей причины движения есть дело не физика, а метафизика, и как физик рассматривает лишь пассивную причину деятельности природы. Платон же утверждает, что природу нельзя познать вне связи и без изучения той высшей причины, которая ею управляет и сообщает ее действиям разумность. Это положение Платона особенно импонирует Виссариону. Хотя Виссарион показывает, что каждый философ

⁵ P. Moraux. Op. cit., p. 78.

⁶ Bessarionis cardinalis Sabini patriarchae Const. De natura et arte adversus Georgium Trapezuntium Cretensem Liber Sextus, 1503.

⁷ Ibid., cap. 1.

⁸ Ibid., cap. 2.

по-своему прав, предпочтение он явно отдает Платону и сурово осуждает Георгия за нападки на великого философа. Заканчивает он труд такими словами: «А мы будем, разумеется, удивляться Аристотелю, но также и восхищаться Платоном и по возможности будем стараться извлечь пользу из учения того и другого»⁹.

Эта фраза обычно трактуется как свидетельство философского эклектизма Виссариона. По нашему мнению, она скорее говорит о желании Виссариона защитить Платона и поставить его рядом с Аристотелем, авторитет которого был очень велик. Ведь перед приведенной фразой Виссарион пишет: «Выдающиеся умы полагали, что нельзя быть совершенным философом, не углубившись в философию обоих названных философов... Георгий же думает совершенно иначе и полагает, что доктрину Платона нужно презирать и порицать...» Таким образом, данное место трактата Виссариона является опять-таки доказательством симпатий автора к Платону.

Но на этом полемика не утасла. В защиту Платона выступил греческий ученый Михаил Апостолий, который весьма резко нападал на Феодора Газу и критиковал учение Аристотеля. Книга Михаила Апостолия не понравилась Виссариону резкостью суждений и крайностями в негативной оценке философии Аристотеля. Против Михаила Апостолия выступил побуждаемый Виссарионом умеренный аристотелик Андроник Каллист, сторону которого принял Виссарион. Свое отношение к спору между Михаилом Апостолием и Андроником Каллистом Виссарион выразил в письме к Михаилу Апостолию¹⁰, в котором видны умеренность Виссариона и его стремление примирить Аристотеля с Платоном. Он осуждает Михаила Апостолия за резкие нападки на Аристотеля и советует глубоко изучать обоих философов, считая их мудрейшими людьми. Это письмо используется обычно в качестве главного аргумента в пользу философского эклектизма Виссариона. Однако в письме к Михаилу Апостолию Виссарион обнаруживает лишь нежелание вступить в открытый конфликт с господствующей церковью, и этим объясняется его осторожность в оценке Аристотеля. Но, несмотря на умеренность Виссариона, за ним в Италии сохранялась слава приверженца Платона. Пока Виссарион был в силе, эта слава не могла принести ему особого вреда, но во время опалы при Павле II, чувствуя, что его положение в курии колеблется, Виссарион должен был попытаться смыть с себя обвинение в приверженности к учению философа, считавшегося врагом католической церкви.

И когда старый противник Виссариона Георгий Трапезундский выступил в труде «Сравнение Платона и Аристотеля»¹¹ не только с суровой критикой, но даже с клеветой на философию Платона, желая сделать приятное папе Павлу II, крайне ортодоксально настроенному, и бросить тень на правоту последователей Платона, которого он изобразил как самого ярого и опасного врага христианства, — вот тогда-то для Виссариона уже оказалось недостаточным, защищая Платона, одновременно хвалить Аристотеля. Перед ним возникла необходимость реабилитировать Платона и таким образом оправдать самого себя в глазах курии. Ядовитые нападки Георгия Трапезундского не могли оставить равнодушным такого поклонника Платона, как Виссарион, и вызвали с его стороны решительную отповедь клеветнику.

В 1462 г. Виссарион пишет основное философское сочинение — «Против клеветника на Платона», приобретшее впоследствии большую популярность. Здесь он открыто выступает как ярый сторонник платонизма¹².

В введении Виссарион излагает цель своего труда, а именно: защитить Платона от клеветнических нападок Георгия и указать, в каких пунктах

⁹ *Bessarionis... De natura et arte*, cap. 4.

¹⁰ PG, t. 161, col. 688—692.

¹¹ *Ibid.*, col. 754—787.

¹² Напечатано в изд. Альда Мануция в 1503 и 1506 гг.

философия Платона заслуживает предпочтения перед философией Аристотеля. В изложении материала Виссарион придерживается метода, уже применявшегося в его догматико-полемических сочинениях¹³: он опровергает Георгия Трапезундского статья за статьей, неотступно следуя за ходом мыслей противника. В первой главе Виссарион опровергает тезис Георгия Трапезундского, будто у Платона отсутствовала законченная философская система¹⁴. Виссарион придерживается господствовавшей долгое время теории о разделении философии Платона на эсотерическую и экзотерическую. Он доказывает, что Платон или совсем не касался «высших» вопросов, или излагал их крайне туманно, не желая, чтобы его мысли стали достоянием толпы. Поэтому в тайны своей системы он посвящал только избранных и излагал ее устно. Если философская система Платона не сохранилась, то это вовсе не доказательство ее отсутствия, но лишь свидетельство того, что она не была записана Платоном, а излагалась им устно в тесном кругу избранных друзей и учеников.

В этом утверждении сказалось влияние александрийских неоплатоников, которые весьма искусно использовали теорию об эсотеричности и экзотеричности философии Платона, приписывая греческому философу собственные идеи.

Вопрос позднее был разрешен иначе, и подобное деление философии Платона теперь отрицается, но в эпоху Виссариона, да и длительное время после него эта теория имела весьма большое распространение.

Далее Виссарион излагает заслуги Платона в различных областях человеческого знания и сравнивает достоинства его философии с учением Аристотеля. Виссарион доказывает, что в вопросах риторики и диалектики Платон выше Аристотеля, зато Аристотелю можно отдать предпочтение перед Платоном в естественных науках, особенно в физике. Что же касается математики, то в ней Платон опять-таки сильнее Аристотеля. Таким образом, Виссарион, являясь приверженцем философии Платона, стремился доказать, что Платон во многих областях знания значительно превосходил Аристотеля, уступая ему лишь в естественных науках, которые, по мнению Виссариона, занимают в иерархии наук второстепенное положение.

Во II книге Виссарион опровергает главное обвинение Георгия Трапезундского, что Платон враждебен христианской религии, обвинение столь опасное для самого Виссариона. В этой части труда Виссарион пытается примирить философию Платона с христианством и доказать, что Платон ближе стоял к христианам, чем Аристотель. Здесь наиболее ярко проявились политические тенденции Виссариона. Стараясь доказать, что отцы восточной церкви очень высоко оценивали Платона и считали его философские взгляды весьма близкими к христианству, Виссарион приводит ряд доказательств этого положения.

Прежде всего, у Платона, как утверждает Виссарион, есть мысли, предвосхищающие будущее христианское учение о троице¹⁵⁻¹⁶. В основу всей философии Платон кладет учение о первом начале всего сущего (бог), от которого происходит первое бытие (первоначальный разум), а от них обоих — мировая душа. Все же они в конечном счете едины. По мнению отцов восточной церкви, которое приводит Виссарион, в этой триаде Платона и содержатся зародыши учения христианства о троице.

Виссарион доказывает, что Платон был монотеистом, и лишь опасения, как бы его не постигла судьба Сократа, заставляли его внешне придерживаться политеизма. Монотеизм Платона выступает яснее, чем монотеизм

¹³ J. Gill. East and West in the Time of Bessarion. Theology and Religion. — «Rivista di studi bizantini e neoellenici», n. s., 5, 1968, p. 3—27.

¹⁴ Bessarionis. In calumnatores Platonis, lib. I, cap. 1.

¹⁵⁻¹⁶ Bessarionis. In calumnatores Platonis, lib. II, cap. 15, 41 sq.

Аристотеля. Бог у Платона более реален, жизнен, бог Аристотеля — абстрактен и метафизичен.

Затем Виссарион переходит к учению о происхождении мира, в котором Платон опять-таки оказывается ближе к христианству, чем Аристотель, так как учит о происхождении «всего из ничего» по воле бога. Виссарион излагает учение Платона о провидении, бессмертии души, всюду стараясь сблизить его с христианством. При этом Виссарион иногда даже поступает научной совестью и приписывает Платону идеи, которых нет у греческого философа.

Однако Виссарион подчеркивает, что ни Платон, ни Аристотель и никто из языческих философов не мог сформулировать свои мысли так, как это сделано в христианском вероучении, внушенном свыше, ибо человеческий ум, даже самый могучий, не в силах самостоятельно дойти до истины, выраженной в христианстве. В третьей и четвертой книгах своего сочинения Виссарион опровергает высказанное Георгием Трапезундским обвинение Платона в безнравственности и порочности, доказывая чистоту нравов великого философа. В заключение он едко высмеивает непоследовательность самого Георгия, меняющего суждения, как хамелеон окраску. Виссарион напоминает, что еще недавно в предисловии к своему переводу «Законов» («*Nómoi*») Платона Георгий восхвалял греческого философа, которого теперь хулит. Сам же Виссарион отнюдь не церемонится с противником и категорически заявляет, что «вместо сокровищ, которых он ждал, нашел в книге Георгия одни лишь уголья»¹⁷.

Книга Виссариона имела огромный успех. Ее восторженно встретили итальянские гуманисты, многие из которых, например Марсилио Фичино, Франческо Филельфо, Иоанн Аргиропул, с похвалой отзывались о ней в письмах к Виссариону. Такой прием труда Виссариона, в общем весьма умеренного, но все же являющегося апологией Платона и косвенно задевающего средневековую схоластику, доказывает все возрастающий интерес итальянских гуманистов к великому греческому философу.

Виссариону и его друзьям принадлежит немалая заслуга в деле распространения идей Платона в Италии, однако нельзя ее преувеличивать, как это сделал А. Васт¹⁸, считавший, что Виссарион первый перенес философию Платона на итальянскую почву и познакомил с ним итальянских гуманистов.

В исторической науке распространено мнение об эклектизме Виссариона. Его придерживается ряд видных исследователей, изучавших философские взгляды нашего ученого¹⁹.

Однако анализ основных философских произведений Виссариона, главным образом его трудов «Против клеветника на Платона» и «О природе и искусстве», доказывает с очевидностью, что он был отнюдь не эклектиком, а последователем идеалистической философии Платона. К философии великого греческого мыслителя Виссарион тяготел и по своим научным симпатиям, и благодаря воспитанию и полученному образованию. В этом отношении Виссарион продолжает традиции видных византийских ученых, приверженцев платонизма — Иоанна Итала, Феодора Метохита, Варлаама, Плифона и др. Известная дань уважения, которую воздает

¹⁷ *Bessarionis Op. cit.*, lib. III, cap. 1.

¹⁸ A. Vast. *Op. cit.*, p. 123 sq.

¹⁹ J. Hache. *Disputatio, qua Bessarionis aetas, vita, merita scripta exponuntur*. Harlemi, 1840, S. 70, sq., A. Huit. *Histoire du Platonisme à Byzance et en Italie à la fin du Moyen Age*. Paris, 1907, p. 27 sq. Католический ученый Г. Гюи ставит в заслугу Виссариону его стремление примирить Аристотеля с Платоном и особенно Платона — с учением католической церкви; он считает, что Виссарион стоял выше борьбы между сторонниками Аристотеля и Платона и благодаря этой надпартийности и беспристрастности сумел примирить противников, «успокоить волны будущего моря»; с тех пор ученые, по его примеру, стали не противопоставлять Платона Аристотелю, а сближать их.

Виссарион другому греческому философу — Аристотелю, обычно противопоставляемому Платону, отнюдь не свидетельствует об эклектизме Виссариона и об отсутствии у него определенных философских симпатий, а скорее обуславливается политическими соображениями. Кроме того, примирительные тенденции Виссариона, обычно приводимые как доказательство его эклектизма, проявляются главным образом не в основных философских трудах, а в более второстепенных — например, в письме к Михаилу Апостолию, которое можно рассматривать не столько как философский труд, а как полемическое выступление, имеющее определенную политическую подкладку.

Что же касается «надпартийности» Виссариона, то она нам кажется весьма иллюзорной, и ее можно считать плодом недоразумения. Виссарион всю жизнь находился в гуще партийной борьбы, и когда разгорелся словесный турнир на философском поприще, он принял в нем деятельное участие на стороне платоников.

Таким образом, Виссарион как философ, хоть и не был оригинален, хоть и не создал какой-либо новой философской системы, все же, будучи приверженцем платонизма, больше привлекавшего гуманистов, чем средневековая схоластика, оказался в рядах передовых людей XV в. и внес своими трудами известную лепту в развитие философской мысли.

2. ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВИССАРИОНА И РОЛЬ ЕГО В ИСТОРИИ ИТАЛЬЯНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Долгое время в науке господствовало мнение, что византийские греки сыграли лишь «служебную роль» в истории Ренессанса, что уже «мертвая» византийская культура не могла внести ничего нового в сокровищницу человеческих знаний и даже самые выдающиеся представители этой культуры могли быть в лучшем случае лишь «передатчиками» знаний греческого языка, греческой литературы и философии итальянским гуманистам²⁰. В настоящее время эта точка зрения уже несостоятельна. Византия в эпоху средних веков являлась страной с более высокой культурой, чем западноевропейские государства. В XIV—XV вв., несмотря на политический и экономический упадок, она, однако, переживала возрождение науки и искусства, центром которого стал Пелопоннес^{20а}. Это византийское «Возрождение» оказало немалое влияние на развитие итальянского гуманизма. Мы не ставим своей целью разрешить весьма сложный и спорный вопрос о византийском гуманизме и его отношении к итальянскому гуманизму, т. е. вопрос о том, было ли общим, единым Возрождение, охватившее Средиземноморье, или же следует говорить о самостоятельном византийском и итальянском «Возрождении». Для нас, во всяком случае, несомненно взаимное влияние итальянского и византийского гуманизма и весьма выдающаяся роль греческой образованности в истории итальянского Ренессанса. Немалые заслуги в этой истории принадлежат выдающемуся византийскому ученому-гуманисту Виссариону²¹.

Виссарион приехал в Италию в то время, когда там уже пышным цветом расцвело гуманистическое движение. XV век был особенно плодот-

²⁰ См. W. Voigt. Die Wiederbelebung des classischen Altertums. Berlin, 1880.

^{20а} См. И. П. Медведев. Мистра. Л., 1973.

²¹ А. Гюй без оснований утверждает (op. cit., p. 23), что дряхлеющая культура Византии уже якобы не могла дать ничего нового в области развития человеческой мысли и что Виссариона привлекал живой и деятельный Запад, где он нашел благодарную почву для применения и развития своего гения. Но французский ученый забывает, как многим обязано итальянское Возрождение этой «мертвой культуре» и как много нового и живого внесли в него такие выдающиеся представители византийского гуманизма, как Виссарион.

творен для развития гуманизма. Мощное умственное движение, охватившее передовые слои итальянского общества, не могло не оказать влияния на такого мыслителя, как Виссарион. Он уже во время первого своего пребывания в Италии завязал связи со многими выдающимися итальянскими учеными-гуманистами, связи, которые затем он развил и сохранил на всю жизнь. Но с другой стороны, сам Виссарион как крупный ученый, представитель византийского гуманизма, приобщившийся с юных лет к научным занятиям, получивший всестороннее образование — сперва в Константинополе, а затем в школе Плифона в Мистре — центре византийского «Возрождения», человек, прекрасно знавший греческую литературу, историю, философию, в свою очередь способствовал развитию итальянского гуманизма, внес ценный вклад в сокровищницу человеческого знания.

Виссарион не только познакомил многих итальянских гуманистов с произведениями греков и содействовал росту интереса к греческой культуре, но и сам весьма деятельно участвовал в распространении гуманистических знаний.

Таким образом, рассматривая гуманистическую деятельность Виссариона, мы должны подчеркнуть взаимное влияние и обмен знаниями между итальянскими гуманистами, познакомившими Виссариона с латинской литературой и введшими его в круг гуманистических занятий и интересов, господствующих в ту эпоху в Италии, и Виссарионом, который был выдающимся гуманистом и чрезвычайно способствовал знакомству итальянских ученых с высокой византийской культурой.

Круг научных интересов Виссариона совпадал с интересами итальянских гуманистов. Особенно их сближала любовь и огромный интерес к древности. Прекрасный знаток греческой философии, истории и литературы, Виссарион с огромным интересом углубился в изучение малоизвестного ему мира латинской древности.

Первые шаги Виссариона на итальянской почве, конечно, и должны были начаться с изучения латинского языка и латинской культуры. С этой задачей Виссарион при его блестящих способностях и эрудиции справился довольно быстро и так хорошо, что стал даже делать переводы с греческого на латинский язык и вскоре прекрасно ориентировался в латинской литературе. Немалую помощь Виссариону в его первоначальных занятиях оказали его друзья — итальянские гуманисты. Но одновременно сам Виссарион в беседах с учеными-гуманистами знакомил их с греческой наукой и литературой, старался внушить им любовь и интерес к греческой древности. Вокруг Виссариона мало-помалу образовался сперва небольшой, а в дальнейшем значительно расширившийся и приобретший громкую славу кружок ученых, писателей, риториков и любителей древности. Этот кружок получил позднее название «Академия Виссариона».

Влияние Виссариона в среде итальянских гуманистов возрастало постепенно, по мере того как увеличивался его вес и положение в римской курии, в связи с ростом его богатства и влияния, наконец, по мере того, как сам Виссарион все больше проявлял научные дарования на поприще гуманистической деятельности. Виссарион уже во время своего пребывания в Риме стал главой блестящей плеяды греческих и латинских ученых²². В дальнейшем он занял выдающееся положение среди итальянских гуманистов, написав ряд интересных и ценных научных трудов. При папах Николае V и, особенно, Пие II дом Виссариона в Риме являлся центром кружка гуманистов, где собирались видные ученые, писатели, художники, артисты и т. д.²³

²² R. Loenertz. Pour la biographie du cardinal Bessarion. — OCP, 1944, 10, p. 116—149; Th. N. Vlachos. Bessarion als päpstlicher Legat in Venedig in Jahre 1469. — «Rivista di Studi bizantini e neocellenici», n. s. 5, 1968, p. 123—125.

²³ R. Rocholl. Op. cit., S. 99; A. Vast. Op. cit., p. 165.

Кроме того, вокруг Виссариона толпилось немало бедного люда, причастного к науке и добывающего себе пропитание главным образом перепиской ценных книг. Все они искали помощи у влиятельного кардинала. Эта толпа состояла как из духовных, так и из светских лиц, которые образовали нечто вроде свиты или клиенты знаменитого мецената. По утверждению Капраники, Виссарион не терпел у себя в доме льстецов и болтунов, которых он называл «ядом и бичом курии»²⁴.

Он оказывал большую денежную помощь и протекцию многим ученым, литераторам, художникам, и даже видные итальянские гуманисты прибегали к его покровительству.

В эпоху своего наивысшего процветания при Пие II Виссарион, занимая блестящее положение в римском обществе, располагал крупными материальными средствами. Его дворец на Квиринале, некогда принадлежавший роду Колонна, был расширен, обставлен с большим вкусом и украшен редкими произведениями искусства.

Правда, по словам Платины²⁵, Виссарион не любил пышности и роскоши; он вел образ жизни, отличавшийся простотой и умеренностью, особенно по сравнению с расточительством и изнеженностью многих католических прелатов. В частной жизни и привычках Виссариона сказались, видимо, суровая закалка, полученная еще в юности, в бытность его простым монахом в Целлопоннесе. Виссарион был необычайно деятелен и никогда не оставался праздным. Любимым его занятием в свободное от церковных и политических дел время было чтение. В эти часы его никогда не видели без книги в руках. Любил также Виссарион вести ученые беседы на самые разнообразные темы. Пиры и пустые увеселения не привлекали его, хотя он отличался гостеприимством и приветливостью и дом его всегда был полон гостей — главным образом из числа видных ученых-гуманистов, художников, писателей, артистов. Квиринальский дворец кардинала стал резиденцией его «Академии», где встречались выдающиеся гуманисты того времени. Среди друзей Виссариона мы находим итальянских гуманистов Лоренцо Валла, Поджо Браччолини, Флавио Бьондо, Франческо Филельфо, ученого и покровителя ордена миноритов Франческо Ровере, Иоанна Гатти, Валерия Витербского и др.

Близкими друзьями Виссариона были кардинал Павии Яков Амманати и Кампани, с которыми Виссарион до конца дней вел оживленную переписку, являющуюся весьма ценным источником для изучения частной жизни кардинала и его гуманистической деятельности. Дворец Виссариона был убежищем для многих ученых греков, переехавших в Италию в начале XV в. или бежавших туда после падения Константинополя: Михаила Апостолия, Андроника Каллиста, Феодора Газы, Константина Ласкариса и др. Одно время у Виссариона бывал и Георгий Трапезундский, сделавшийся впоследствии врагом кардинала. В доме Виссариона начинал свою карьеру в качестве его секретаря тогда еще бедный юноша, а впоследствии известный гуманист и папский секретарь Никколо Перотто. Под руководством Виссариона Никколо Перотто выучил греческий язык и перевел для Виссариона греческую легенду о его патроне — египетском анахорете Виссарione.

Никколо Перотто впоследствии прославился своими переводами, особенно переводом Полибия. При покровительстве Виссариона Перотто стал епископом Сипонто и занял выдающееся место при папском дворе.

Платина — автор известных биографий пап (его настоящее имя Sassi) — входил также в кружок Виссариона. Виссарион оказывал ему покровительство и однажды даже освободил из тюрьмы. Платина на всю

²⁴ N. Capranica. Op. cit., p. 252; C. H. Clough. Cardinal Bessarion and Greek at the Court of Urbino. — «Manuscripta», 1964, 8, p. 160—171.

²⁵ PG, t. 161, col. XCV, CXVI.

жизнь сохранил глубокую благодарность к Виссариону и написал панегирик, воспевающий жизнь и труды этого видного политического и церковного деятеля ²⁶.

Платина был другом Марсилио Фичино и убежденным платоником, в чем, видимо, сказалось влияние Виссариона. При Сиксте IV Платина стал библиотекарем Ватикана и принес немало пользы в собирании и приобретении новых ценных книг.

Домицио Кальдерини, ученый, известный переводами Марциала, Овидия, Стация и Ювенала, также начинал свою карьеру в качестве секретаря Виссариона. Известный библиотекарь Ватикана Манетти был близок к Виссариону. Влияние на него Виссариона сказалось, видимо, в том, что он перевел на латинский язык труды греческих отцов церкви Евсевия, Григория Нисского, Григория Назианзина, Василия Великого и др.

При слабом знакомстве итальянцев с греческим языком «Академия Виссариона» должна была стать одним из центров изучения греческого языка и греческой литературы наряду с Флорентийской академией, и в этом отношении ее роль в истории итальянского Ренессанса весьма значительна.

Со многими видными гуманистами своего времени Виссарион вел ученую переписку, например с Гварино, Джованни Ауриспа, Витторино да Фельтре и другими. Особенно выдающееся место в «Академии Виссариона» занимали такие итальянские гуманисты, как Лоренцо Валла, Поджо Браччолини и Флавио Бьондо.

Лоренцо Валла, знаменитый своим нашумевшим памфлетом «О Константиновом даре», а также обширным трудом «*Elegantiae latinae linguae*», посвященным вопросам латинской грамматики и имевшим большой успех среди гуманистов, принимал активное участие в деятельности «Академии Виссариона».

Поджо Браччолини, который занимался античной литературой и искусством и которому посчастливилось сделать ряд весьма ценных открытий трудов древних авторов (пять неизвестных речей Цицерона, отрывки из поэмы Лукреция «О природе вещей» и «Аргонавтики» Валерия Флакка, сочинения Аскония, Кальпурния, Колумеллы, Аммиана Марцеллина, Петрония и др.), также был близок к Виссариону ²⁷, как и Флавио Бьондо, прославившийся археологическими изысканиями и изучавший археологию и топографию древнего Рима; он написал известное сочинение «*Roma triumphans*», где описывались римские древности и труды по топографии современных ему Италии и Рима («*Roma instaurata*», «*Italia illustrata*») ²⁸.

В «Академии Виссариона» Поджо Браччолини читал свои переводы и показывал найденные им труды древних авторов, Лоренцо Валла заражал духом свободомыслия и критики, Флавио Бьондо принес в Квиринальский дворец знания археолога и вкус знатока древностей.

Именно здесь разгорелся спор между аристотеликами и платониками. Именно здесь рождались новые идеи, обсуждались и критиковались литературные и научные труды, переводы древних авторов, велись ожесточенные ученые дискуссии. «Академия Виссариона» стала вторым центром платонизма в Италии после Флорентийской академии.

Виссарион был крупным меценатом, подобно Антонио Панормиту в Неаполе, Паоло Малатеста в Мантуе, Чекио Симонетти в Милане и т. д. Располагая значительными доходами с подчиненных ему церковных владений и занимая высокое положение в курии, Виссарион имел возможность раздавать пенсии ученым и артистам, покупать у них за немалые деньги книги или поручать им переписку ценных манускриптов и переводы

²⁶ PG, t. 161, col. 112 sq.

²⁷ R. Rocholl. Op. cit., S. 102—103.

²⁸ M. Tiraboschi. Storia della letteratura Italiana, t. VI. Roma, 1937, p. 1—11

античных авторов, а главное — оказывать покровительство при папском дворе. При его поддержке Поджо Браччолини предпринял перевод Диодора Сицилийского, Лоренцо Валла получил 500 золотых за перевод Фукидида, Гварино — 1500 золотых за перевод Страбона. При протекции Виссариона Николай V поручил Филельфо перевод «Илиады» и «Одиссеи», обещав ему за это 10 тыс. золотых и дом в Риме. Особенно Виссарион поддерживал ученых греков, которые жили в его доме и получали от него денежные субсидии.

Обладая тонким вкусом и блестящей эрудицией, Виссарион являлся строгим и беспристрастным ценителем произведений науки и искусства. К его мнению весьма прислушивались гуманисты, которые часто посылали ему свои труды, надеясь, впрочем, и на его милость. По словам А. Васта, Виссарион был «подобен Сципиону, окруженному блестящей толпой ученых, поэтов и клиентов»²⁹. Его мнение было столь веским, что он являлся арбитром во всех спорах «Академии», и бурные ссоры, нередкие в те времена среди ученых, прекращались при его появлении. По словам одного немецкого ученого, Виссарион «был выше на голову всех гуманистов и превосходил их своими делами и своей жизнью»³⁰. Похвала эта, конечно, слишком высока, но все же фактом остается то, что Виссарион занимал видное место среди итальянских гуманистов.

Как же проявил себя Виссарион в других областях научной деятельности? Прекрасный знаток греческой литературы и греческой образованности, он, естественно, должен был попробовать свои силы как переводчик древних авторов.

И действительно, он познакомил Италию с некоторыми до тех пор неизвестными греческими авторами.

Громкую славу Виссариону принес перевод 14 книг «Метафизики» Аристотеля³¹. Побудили Виссариона к этому труду папа Николай V и король неаполитанский Альфонс I. Имевшиеся переводы Аристотеля были крайне плохи, и перед Виссарионом стояла нелегкая задача, с которой он блестяще справился: он дал весьма точный перевод Аристотеля, выдержавший ряд изданий. Виссарион познакомил Запад с подлинным Аристотелем, известным до него главным образом по парафразам Аверроэса и Александра Афродисийского. Одновременно Виссарион перевел «Метафизику» Теофраста. Есть упоминание еще об одном переводе философского труда *Epitome disciplinarum Platonis* Алкиноя³², но, к сожалению, этот труд до нас не дошел.

На латынь Виссарион перевел Ксенофонта, причем сделал это с большой точностью и изяществом, что лишний раз доказывает, насколько хорошо овладел Виссарион латинским языком.

Интересны переводы речей Демосфена. Уже сам выбор их говорит о политических тенденциях Виссариона — о его стремлении найти в истории пример, достойный подражания. Например, речи Демосфена о помощи жителям Олинфа против Филиппа Македонского должны были напомнить Западу о необходимости помогать Византии в ее борьбе с турками.

Сам занимаясь переводами, Виссарион побуждал к этому и других ученых, оказывая им материальную поддержку. В частности, по его настоянию Георгий Трапезундский перевел книгу Василия Великого против Евномия, которой Виссарион предпослал предисловие, прибавив даже свой, правда не совсем удачный, перевод молитв Василия. Выбор для перевода именно книги Василия определялся также политическим и кон-

²⁹ A. Vast. Op. cit., p. 304.

³⁰ R. Rocholl. Op. cit., S. 104.

³¹ S. Bernardinello. I testi Bessarionei della Metafisica di Aristotele. — «Rivista di studi bizantini e neoellenici» n. s. 5, 1968, p. 128—145.

³² PG, t. 161, col. 28 sq.

фессиональным соображениями, так как в этом труде отстаивался латинский взгляд на исхождение святого духа ³³.

Таким образом, выбор Виссарионом греческих авторов для перевода весьма симптоматичен и имеет чисто политическую подкладку, помогая ему в философской и в теологической борьбе.

Наряду с работой над философскими и богословскими произведениями, а также переводами на латинский язык греческих авторов, Виссарион, видимо, немалое внимание уделял поискам утерянных трудов древних писателей. К сожалению, об этой деятельности Виссариона сохранились весьма скудные сведения. Его современник Константин Ласкарис сообщает, что Виссарион нашел в монастыре в Отранто утерянную поэму писателя IV в. Квинта Смирнского и что там же им были сделаны и другие открытия; ему также принадлежит честь открытия поэмы Колуфа (VI в.) ³⁴.

Виссарион еще с юных лет чрезвычайно любил книги и всю жизнь занимался их перепишкой и приобретением. Эта любовь к книгам с течением времени превратилась у него в настоящую страсть. Став кардиналом и заняв видное общественное положение, он, естественно, располагал гораздо большими возможностями, чем прежде. Долгие годы неутомимо разыскивал он и приобретал самые редкие и ценные экземпляры рукописей различных авторов. В подчиненных ему монастырях (например, в Гротта-Феррата) он доставал нужные книги или заставлял монахов переписывать для него рукописи. Он широко использовал знакомства с итальянскими гуманистами, которые оказывали ему услуги в поисках, переписке и исправлении манускриптов. Во время многочисленных путешествий Виссарион никогда не упускал случая приобрести какую-либо редкую книгу. Например, немало книг вывез он из Германии. Особенно же много их Виссарион приобрел после падения Константинополя, спасая культурные сокровища своей родины ³⁵.

Не стесняясь в средствах, Виссарион тратил значительные суммы на приобретение и особенно на переписку книг. С большой заботливостью Виссарион относился к выбору как кодексов для переписки, так и к выбору хороших переписчиков. Занимался он и проверкой и исправлением рукописей, либо лично сверяя кодексы, либо привлекая к этому видных ученых. Так мало-помалу создавалась библиотека Виссариона, послужившая основанием знаменитой библиотеки св. Марка в Венеции. В библиотеке Виссариона собралось довольно много книг. Разнообразие их свидетельствует о разносторонности и широте интересов Виссариона. Естественно, что в ней широко представлены книги богословского и философского характера. Во время ожесточенной богословской полемики с греками Виссарион, по-видимому, особенно интересовался и преимущественно приобретал труды греческих полемистов, главным образом латинофилов (Иоанн Векк, Никифор Влеммид, Варлаам, Нил — архиепископ Фессалоникский, Мануил Хрисолор, Николай Мефонский и др.). В библиотеке имелись также труды латинских схоластиков и отцов церкви ³⁶.

³³ В новейшей литературе основное внимание уделяется религиозным воззрениям Виссариона и его богословским трудам: *J. Décarreaux. Les grecs au Concile de l'Union Ferrare—Florence 1438—1439. Paris, 1970*; *J. Gill. Constance et Bâsile—Florence. Paris, 1965*; *idem. Le concilio di Firenze. Firenze. 1967*; *idem. Konstanz und Basel—Florenz. Mainz, 1968*; *idem. The Freedom of the Greeks in the Council of Florence.* — «University of Birmingham Historical Journal», 1970, 12, p. 226—236.

³⁴ PG, t. 161, col. 945.

³⁵ *E. Mioni. Bessarione bibliofilo e filologo.* — «Rivista di studi bizantini e neoellenici», n. s. 5, 1968, p. 61—83; *N. Valentinelli. Bibliotheca manuscripta Sancti Marci Venetiarum*, t. 1—6. Roma, 1868.

³⁶ PG, t. 161, col. 701 sq. (каталог библиотеки Виссариона); *Cento codici Bessarionei. Catalogo di Mostra a cura di Tullia Gasparrini Leporace ed. E. Mioni. Venezia, 1968.*

О ф
щие кн
мого ф
того, у
дора, с
фраста.
На
многих
ла, Евр
Висс
сочинен
не огр
чаются
не и да
Фол
сноречи
дельца
гения
лиотеки
ученым
жение
общест
честотн
личной
ние, чт
Вероят
в руки
подейс
библио
Когда
ции. Де
никах,
библио
ближе
беглеца
сильно
к Вене
там вли
крестов
библио
неции
начало
сарии
ную ро
которые
дело В
участни
разных

³⁷ P
neoeellen

³⁸ H
536—563

of Bessar
on's Libr

1961, 5,
³⁹ P

⁴⁰ И

О философских интересах Виссариона свидетельствуют соответствующие книги. Поклонник Платона, Виссарион собрал все сочинения любимого философа, причем некоторые — во многих экземплярах. Кроме того, у него были толкования платоновских диалогов Прокла, Олимпиодора, сочинения неоплатоников (Плотина и пр.), а также Аристотеля, Феофраста, Арриана, Секста Эмпирика и других философов³⁷.

На полках виссарионовской библиотеки мы находим и произведения многих античных поэтов, как греческих, так и латинских: Гомера, Софокла, Еврипида, Аристофана, Никандра, Квинта Смирнского и др.

Виссарион, видимо, вообще интересовался античностью. Он собирал сочинения греческих историков, ораторов, ученых, причем его интересы не ограничивались гуманитарными науками. В его библиотеке встречаются труды по сельскому хозяйству, математике, астрономии, медицине и даже военному делу.

Фолианты виссарионовской библиотеки служат безмолвными, но красноречивыми свидетелями огромной эрудиции и широты интересов их владельца³⁸. К чести Виссариона, эти ценнейшие творения человеческого гения не были мертвым капиталом. Виссарион очень гордился своей библиотекой и охотно разрешал пользоваться ее сокровищами друзьям — ученым-гуманистам. Еще важнее то, что на склоне лет, чувствуя приближение смерти, Виссарион решил сделать свою замечательную библиотеку общественным достоянием. Может быть, немалую роль при этом сыграло честолюбивое желание увековечить и прославить свое имя основанием публичной библиотеки. Но не исключено, что одной из причин было и опасение, что собранные им сокровища после его смерти будут расхищены. Вероятно, особенно не желал Виссарион, чтобы его библиотека попала в руки враждебно настроенного к нему папы. А возможно, на Виссариона действовал пример Флоренции и Рима, где были основаны публичные библиотеки. Так или иначе Виссарион решил создать такую библиотеку. Когда возник вопрос о городе для нее, Виссарион остановился на Венеции. Даже сделавшись «латинянином», он не забывал о своих соотечественниках, и, желая, чтобы не только латиняне, но и греки пользовались его библиотекой, он не мог избрать лучшего места, чем Венеция — город, ближе всех связанный с Византией и ставший приютом для греческих беглецов, где влияние византийской культуры чувствовалось особенно сильно. Кроме того, личные симпатии и связи привлекали Виссариона к Венеции. В этом городе он пользовался большим почетом и приобрел там влияние и авторитет еще во время своего посольства для организации крестового похода. Итак, в 1468 г. Виссарион официально передал свою библиотеку Венецианской республике. Ценнейший дар был принят в Венеции с огромной радостью. Этим, как уже говорилось, было положено начало библиотеки св. Марка³⁹. Созданием знаменитой библиотеки Виссарион оставил по себе неизгладимую память в Италии и сыграл крупную роль в развитии гуманизма, хотя нельзя считать, как делают некоторые авторы⁴⁰, что это — чуть ли не единственный вклад Виссариона в дело Возрождения. Мы уже видели, что Виссарион был самым деятельным участником гуманистического движения, подвизаясь в самых разнообразных сферах.

³⁷ F. M. Pontani. *Epicedi inediti del Bessarione*. — «Rivista di studi bizantini e neoellenici», n. s., 5, 1968, p. 105—121.

³⁸ H. D. Safrey. *Notes autographes du Cardinal Bessarion*. — Byz., 35, 1965, p. 536—563. J. Th. Papademetriou. An unnoticed manuscript of Thucydides in the hand of Bessarion. — «Θυσσουργματα», 7, 1970, p. 272—288; L. Zabowsky. Manuscripts from Bessarion's Library formed in Milan Bessarion Studies, I. — «Medieval and Renaissance Studies», 1961, 5, p. 108—131.

³⁹ PG, t. 161, col. 702.

⁴⁰ W. Voigt. *Op. cit.*, S. 117.

Немало сделал Виссарион и в области строительства: под его руководством был вновь отстроен и реставрирован ряд церквей, остающихся до сего времени ценными памятниками искусства ⁴¹.

Заслугой Виссариона является возрождение Болонского университета, некогда процветавшего, но в XV в. пришедшего в упадок. Виссарион, по свидетельству Платины ⁴², во время своего посольства в Болонью много внимания уделил университету: он пересмотрел его статут, привлек туда новых знаменитых профессоров, оказал материальную помощь студентам университета.

До самой старости Виссарион сохранил живость характера, энергию и продолжал неутомимую деятельность. Однако тревожения последних лет его жизни, связанные с опалой при Павле II и Сиксте IV, непрерывные научные занятия и весьма утомительные путешествия, особенно поездка во Францию, подорвали здоровье Виссариона. Он скончался, возвращаясь из Франции, в Равенне 18 ноября 1472 г. Николай Капраника в надгробной речи поведал о последних минутах Виссариона ⁴³. Уже на смертном одре, окруженный друзьями и приближенными, Виссарион сказал якобы, что жил и умирает последователем латинского учения, и прочел символ веры с прибавлением *filioque*. Это свидетельство кардинала-католика Капраники, не лишенное известной тенденциозности, дало возможность А. Васту, трогательно описав смерть Виссариона, восславить его верность католической церкви ⁴⁴.

Тело Виссариона было перевезено в Рим и торжественно похоронено в капелле св. Евгения, где Виссарион еще при жизни воздвиг себе гробницу. Гробница Виссариона, сохранившаяся до нынешнего времени, отличается простотой и строгостью; на надгробном камне выгравированы две надписи на латинском и греческом языках.

⁴¹ Расширение и украшение монастыря Гротта-Феррата, базилики св. апостолов в Риме, капеллы св. Евгения.

⁴² PG, t. 161, col. CIX.

⁴³ M. Capranica. Op. cit., p. 254.

⁴⁴ A. Vast. Op. cit., p. 430—431; S. Antoniadis. Della condotta del cardinale Bessarione (Saggio di interpretazione psicologica).— «Rivista di Studi bizantini e neoellenici», n. s., 5, 1968, p. 87—94.

Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ

ПСЕЛЛ В ОТНОШЕНИЯХ С СОВРЕМЕННОКАМИ

(Пселл и семья Кирулариев)

Отношения между Михаилом Пселлом и Михаилом Кируларием¹ давно волновали воображение историков. Виной тому — главным образом два обстоятельства: во-первых, оба византийца — крупные исторические и культурные деятели, во-вторых, в отношениях этих людей угадывалось кипение политических страстей, эпизоды, полные внутреннего накала и драматизма. В настоящей статье нас интересует не столько внешняя канва, сколько мотивировка событий и действий, внутренний механизм драмы, разыгравшейся в середине XI в.

Отношения Пселла и Кирулария можно восстановить в основном по следующим источникам.

1. Речь против Кирулария, написанная Пселлом по заказу императора Исаака Комнина и предназначенная для произнесения в синоде в конце 1058 г. Речь так и не была произнесена, ибо Кируларий умер, не дождавшись суда. Подробный русский пересказ сделан П. Безобразовым². Полный греческий текст с французским переводом впервые напечатан Брейе³ и с некоторыми исправлениями перепечатан в «Малых сочинениях», изданных Курцем и Дрекслем⁴.

2. Энкомий Пселла Михаилу Кируларию, произнесенный в одну из годовщин смерти последнего (Bibl. gr., IV, р. 303—387). Время произнесения речи можно ограничить периодом правления Константина X (1059—1067)⁵.

3. Письмо Пселла Кируларию (Bibl. gr., IV, ер. 159). В письме упоминаются «солнце» и «луна», т. е. император и императрица, под которыми могут иметься в виду Константин IX Мономах и Зоя или Исаак Комнин

¹ Михаилу Кируларию — «виновнику» разделения восточной и западной церквей — посвящена огромная литература. Это избавляет нас от необходимости пересказывать биографию патриарха. Из последних работ на русском языке назовем статью: М. Сюзюмов. Разделение церквей в 1054 г. — ВВ, 1956. Там же содержится сравнительно полная библиография вопроса. Более новая литература указана в кн.: «История Византии», т. 2. М., 1967, стр. 449, прим. 43 к гл. 10. Специально отношениям Пселла и Кирулария посвящена статья: A. d'Alès. A Byzance: Psellos et Cérulaire. — «Études SJ», 168, (1921), р. 178—204, к сожалению, оставшаяся нам недоступной.

² См. ЖМНП, ч. 265, 1889, стр. 32—84.

³ См. REG, 16 (1903), р. 375—416; 17 (1904), р. 35—76. Ряд серьезных критических замечаний к толкованию Брейе текста речи см. E. Kurtz. Ist Psellos so schwer zu übersetzen? — ВВ, 13, 1906.

⁴ Psellos. Scripta minora, I. Milano, 1936, p. 232—328.

⁵ П. Иоанну (Psellos et le Monastère Tá Naxsoy. — ВЗ, 44, 1951, S. 288) и вслед за ним А. Михель (A. Michel. Schisma und Kaiserhof im Jahre 1054. — «1054—1954. L'Eglise et les églises», 1954, p. 434) относят эту речь ко времени патриаршества Ксифилина (т. е. после января 1064 г.). Попытка Сикутриса определить более точно время произнесения речи (1062—1063) малоосновательна (см. J. Sykutris. Zum Geschichtswerk des Psellos. — ВЗ, 30, 1929/30, SS. 63—64).

и Екатерина. Первое более вероятно, поскольку в письме содержатся жалобы на неблагоприятные перемены в судьбе автора — видимо, намек на преследования партии Лихуда — Пселла в конце 40-х годов со стороны логофета Иоанна. Возможно, его и имеет в виду Пселл, когда пишет о «преследующем..., который уже наступает мне на пятки» (р. 412, 22—23). Следовательно, наиболее вероятное время составления письма — до 1050 г. (год смерти императрицы Зои).

4. Письма Пселла Кируларию (Bibl. gr., V, ep. 56, 57, 58⁶). Во всех трех письмах содержатся намеки на монашество отправителя. Это дает основания датировать их 1055—1058 гг. — временем между принятием Пселлом схимы и опалой патриарха.

5. Письмо Пселла Кируларию (Bibl. gr., V, ep. 160). В письме выражается благодарность и осторожный упрек в связи с рыбой, присланной патриархом не прямо, а через своего племянника. Письмо можно сопоставить с посланием Пселла к племяннику патриарха (Scr. min., II, ep. 214), где писатель благодарит адресата за присылку рыбы от дяди-патриарха. Поскольку письмо к племяннику датируется временем Феодоры, к тому же периоду следует отнести и это послание патриарху⁷.

6. Письмо Пселла Кируларию, недавно опубликованное Г. Вейсом (Forschungen..., S. 46—49). Поскольку в письме говорится о царствовании императрицы (Феодоры) и об отсутствии Пселла в столице, можно предполагать, что оно написано сразу после пребывания писателя на Вифинском Олимпе в 1055 — начале 1056 г. Письмо содержит ретроспективный экскурс об отношениях Пселла и Кирулария и потому представляет первостепенный интерес для наших целей.

7. Сочинение, адресованное Пселлом Кируларию (Bibl. gr., V, ep. 207). Сочинение это находится в рукописи среди писем и таковым считается всеми исследователями (в «Истории Византии», т. 2, стр. 280, оно названо «открытым письмом»). Такому жанровому определению мешают два соображения: а) в тексте содержится прямое обращение к императору (р. 511, 27: «Ты, божественный император»). Такого рода обращение естественно ожидать не в письме, а в речи, к тому же произнесенной в присутствии императора⁸; б) переходная фраза: «Но возвратим снова нашу речь на свой путь» (р. 511, 30—31) — весьма характерна у Пселла для произведений, предназначенных для устного произнесения. Скорее всего, это сочинение — не письмо, а конспект или запись речи, произнесенной или подготовленной к произнесению Пселлом.

Ученые расходятся в датировке этого произведения. Одни относят его к 1053—1054⁹, другие — к 1057—1058 гг.¹⁰ Никаких доказательств в подтверждение той или иной точки зрения привести невозможно.

Два письма Пселла Кируларию (Bibl. gr., V, ep. 59; 164) датированы быть не могут. Два других письма адресованы патриарху без указания его имени. Первое из них (Bibl. gr., V, ep. 162) написано от имени учителя

⁶ Напечатанное у Сафы под № 56 письмо по другой рукописи (Cod. Barocc., 131) издано в Scr. min., II, ep. 208.

⁷ П. Безобразов («Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл». М., 1890, стр. 22—23) ошибочно относит это письмо ко времени Константина Мономаха, как и Г. Вейс (G. Weiss. Forschungen zu den noch nicht edierten Schriften des M. Psellos. — «Byzantina», IV, 1970, S. 28, Anm. 63).

⁸ А. Михель (Schisma und Kaiserhof..., S. 432) считает, что θαύτα βασιλῆα — ироническое обращение к патриарху. Контекст исключает такое толкование: Пселл призывает императора «затушить пожар», разожженный патриархом.

⁹ H. Mädler. Theodora, Michael Stratiotikos, Isaak Komnenos. — «Progr. Plauen», 1884, S. 14; W. Fischer. Studien zur byzantinischen Geschichte des elften Jahrhunderts. — «Progr. Plauen», 1883, S. 18, Anm. 2.

¹⁰ B. Rhodius. Beiträge zur Lebensgeschichte und zu den Briefen des Psellos. — «Progr. Plauen», 1892, S. 16—17; П. Безобразов. Указ. соч., стр. 84 сл.

школы Диаконисы, и авторство Пселла вообще сомнительно ¹¹. Второе (Bibl. gr., V, ep. 139) может быть атрибуировано Кируларию лишь предположительно ¹².

8. Сочинение, озаглавленное «Как делать золото», обращенное к патриарху Михаилу (Vat. gr. 672, fol. 73). Представляет собой, видимо, трактат по алхимии.

9. Письма Пселла племянникам Кирулария. У Михаила Кирулария было два племянника — сыновья умершего около 1041 г. старшего брата Михаила — Константин и Никифор ¹³. Время рождения братьев — около середины 30-х годов; по словам Пселла, они едва помнили отца (Bibl. gr., IV, p. 351). Оба брата были отданы патриархом в обучение Пселлу (Bibl. gr., IV, p. 352), затем занимали ряд высших государственных должностей, в 1058 г. подверглись опале вместе с патриархом, а после смерти Кирулария были восстановлены Исааком Комнином в прежних должностях ¹⁴. В леммах ряда писем Пселла указаны следующие должности и титулы адресатов: великий друнгарий (Константин) — Bibl. gr., V, ep. 83; Scr. min., II, ep. 214 (издано по Vatic. gr., 712 и Barber. gr., 240);

великий друнгарий (Константин) — Bibl. gr., V, ep. 83; Scr. min., II, ep. 214 (издано по Vatic. gr., 712 и Barber. gr. 240); ὁ ἐπὶ τῶν χρίσων (Константин) — Bibl. gr., V, ep. 157; оно же — Barber. gr., 240, fol. 163 ¹⁵; лемма Scr. min., II, ep. 214 по Barber. gr., 240, fol. 163; севаст — Scr. min., II, ep. 214, в Vat. gr., 712; протопродр и друнгарий (Константин) — Bibl. gr., V, ep. 1; друнгарий (Константин) — Barber. gr. 240, fol. 164; продр (Константин) — Scr. min., II, ep. 31; магистр и сакеларий (Константин) ¹⁶ Bibl. gr., V, ep. 45; γενητός (без имени) — Bibl. gr., V, ep. 117; 174.

Как видно из перечня, на долю Никифора остается, быть может, только титул γενητός. Многообразие должностей и титулов Константина, по всей вероятности, отражает его продвижение по иерархической лестнице ¹⁷.

Помимо упомянутых, братьям Кирулариям, вероятно, были направлены и других два письма, в леммах которых не сохранилось имени адресата: А) Bibl. gr., V, ep. 186. В письме Пселл сетует: «Я лишен тебя и бра-

¹¹ Н. Скабаламович. Византийская наука и школы в XI в. — «Христианское чтение», 1884, стр. 730 сл.

¹² Михель (Schisma und Kaiserhof. ., S. 429) малоубедительно связывает содержание этого письма с событиями схизмы 1054 г.

¹³ Имя Никифора указано в лемме одного из неопубликованных писем Пселла (Barber. gr., 240, fol. 164—165): Τῷ δρουγγαρίῳ καὶ ἀταδέλφῳ αὐτοῦ κορυφὴ Νικηφόρῳ. P. Canart. Nouveaux inédits de Michel Psellos. — REB, 25, 1967, p. 54, № 1. В переводе леммы этого письма Г. Вейс (G. Weiss. Forschungen..., S. 29) допускает неточность, полагая, что послание адресовалось друнгарию Никифору, брату адресата предыдущего письма. На самом деле лемму нужно понимать: «друнгарию и его брату киру Никифору». Как явствует даже из тех выдержек, которые приведены самим Вейсом, письмо было направлено сразу обоим братьям.

¹⁴ Johannes Zonaras. Epitome historiarum, ed. Th. Büttner — Wobst, 1897 (далее — Zon), III, p. 670.

¹⁵ В парижской рукописи, по которой текст издан у Сафы, письмо леммы не имеет. Адресат назван ὁ ἐπὶ τῶν χρίσων в тексте послания (p. 411. 21—22). К Константиному письмо отнесено только в Cod. Barber.

¹⁶ В анафеме латинских послон Михаилу Кируларию лета 1054 г. упоминается также сакеларий патриарха Константин (C. Will. Acta et scripta, quae de controversiis eccl. gr. et lat. saec. XI composita extant. Lipsiae et Marp., 1869, p. 154). Возможно, он идентичен племяннику Кирулария.

¹⁷ Икономидис (N. Oikonomides. Le Serment de l'Impératrice Eudocie. — REB, XXI, 1963, p. 119—120) приписывал должность логофета геникона также Константину. Друнгарий и протопродр Константин известен среди чиновников Михаила VII. См. F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches, II, Berlin—München, 1925, № 1004. Родюс полагал, что Константин — адресат Пселла — это будущий император Константин Дука, женатый на племяннице Кирулария Евдокии (B. Rhodus. Beiträge..., S. 14). Ошибку Родюса повторяют некоторые современные исследователи. Возможно, что племянника патриарха Михаила нужно видеть также в друнгарии и протопродре Константине, владельце проастия Кале, близ Константинополя (Scr. min., I, p. 357—359).

та твоего — прекрасной пары, которых я не променяю ни на какое блаженство» (р. 472, 13—14). Ниже Пселл говорит о том, что в его душе найдется место и для другого «племянника» (р. 472, 34) («племянник» — обычное обращение Пселла к Константину Кируларию). Датировать письмо можно только очень условно второй половиной 50-х годов: Пселл упоминает о принятии им монашества (р. 472, 21—22). В) *Scr. min.* II, ер. 85, направленное *ὁ ἐπὶ τῶν χρίστων* (должность эту занимал Константин). В письме помимо воспоминаний о старинной дружбе содержатся сетования на то, что Пселл не может заступиться за адресата и вызволить его из ссылки (ситуация напоминает послание *Scr. min.*, II, ер. 31).

В хронологическом отношении письма эти следует распределить примерно следующим образом: а) *Bibl. gr.*, V, ер. 208. Братья являются еще учениками Пселла. Время написания: конец 40-х — начало 50-х годов; б) *Scr. min.*, II, ер. 214. В письме упоминается «госпожа-императрица» (Феодора). Время написания — 1055—1056 гг.; в) *Bibl. gr.*, V, ер. 1; 83; 84. В письмах речь идет о свадьбе Константина, посетить которую Пселл не может из-за своего монашеского звания. *Terminus post quem* для письма — лето 1054 г. (время принятия схимы Пселлом); г) *Bibl. gr.*, V, ер. 184. Написано позже предыдущих, поскольку упомянута уже «госпожа» — жена Константина; д) *Bibl. gr.*, V, ер. 85; 86. Письма связаны по содержанию и не могли быть написаны ранее середины — конца 60-х годов: у Константина уже достаточно взрослый сын, для которого Пселл может писать «ученые» письма (*Bibl. gr.*, V, р. 329—330); е) *Scr. min.*, II, ер. 31. В письме упомянуты «император, императрица, кесарь и патриарх», на милость которых может рассчитывать адресат. «Кесарь» у Пселла — обычно Иоанн Дука. Таким образом, письмо могло быть написано при Константине Дуке или в первые годы царствования Михаила Дуки, в период активной придворной деятельности кесаря Иоанна. Остальные письма не поддаются даже приблизительной датировке¹⁸.

Как видно, в хронологическом отношении источники об отношениях Пселла и Кирулария распределяются весьма неравномерно. Только два письма относятся ко времени Константина Мономаха, остальные письма датируются более поздним временем.

Несмотря на обилие материала, восстановить перипетии отношений Пселла и Кирулария непросто. Причина этого — не только хронологические лакуны в источниках, но и их односторонность (писем Кирулария к Пселлу не сохранилось), предопределенная жанром тенденциозность эпитахия и «Обвинения», а также сугубо этикетный характер большинства писем. Последние два обстоятельства заставляют постоянно прибегать к методу «взаимной коррекции» источников.

Когда Пселл впервые познакомился с Кируларием, неизвестно. Можно предполагать, что это произошло еще в юношеские годы писателя. Во всяком случае, Пселл хорошо помнил старшего брата патриарха (*Bibl. gr.*, IV, р. 522), умершего до 1041 г. (*Bibl. gr.*, IV, р. 320). В те времена совсем еще молодой Пселл занимал мелкие государственные должности, а приближавшийся к 40-летнему рубежу Кируларий успел попасть в опалу за участие в заговоре против императора Михаила IV (*Bibl. gr.*, IV, р. 313). Когда в 1043 г. Кируларий взшел на патриарший престол, а Пселл вскоре после этого стал ипатом философов, императорским фаворитом и воспитателем племянников патриарха, контакты между ними стали уже неиз-

¹⁸ Кроме того, сохранилось еще три неопубликованных письма Пселла племяннику Кирулария. Помимо уже упомянутого *Barber. gr.*, 240, f. 164v—165, которое Вейс (*Forschungen...*, S. 29) весьма правдоподобно датирует концом 1059 г., также *Barber. gr.*, 240, f. 165. (*P. Canart. Nouveaux inédits...*, р. 54, п. 2; р. 60, п. 26). Вейс датирует его весной 1069 г. (*Forschungen...*, S. 30). С первыми двумя письмами мы имели возможность познакомиться по рукописи, фотографии которой были любезно присланы П. Шрайнером.

ла- бежны. В энкомии Пселл, естественно, склонен идеализировать свои от- ай- ношения с Кируларием [автор был «ближайшим человеком» к патриарху ыч- (Bibl. gr., IV, p. 332), имел возможность вблизи наблюдать за жизнью мо Кирулария (ibid., p. 339, 369), Кируларий восхищался красноречием ми- сателя (ibid., p. 355)]. Исходя из априорных соображений, можно думать, 85, что отношения этих людей не могли быть безмятежными: пытаюсь сохра- н). нить расположение Кирулария, фаворит Константина Мономаха попал в ва- в нелегкое положение — отношения между патриархом и императором из ухудшались стремительно^{18а}. Лавировать между светским и духовным ри- владыками Пселлу должно было быть непросто. Свидетельствующий об ще этом пассаж энкомии нуждается в комментарии не только из-за обычной ов; для византийского писателя нарочитой неопределенности выражений, но та» и потому, что в данном случае истина специально затемняется Пселлом: 83; «Пусть мой рассказ пренебрежет туманной истиной, даже если след ее тл и промелькнул незаметно...», — замечает автор (Bibl. gr., IV, p. 356, сь- 14—15). Пселл пишет: «Он (Кируларий. — Я. Л.) ревновал мою природу ь- из-за того, что я склонялся к низшему и появлялся при дворе. Я же со ь- своей стороны желал действовать в противовес ему (а этого не следовало эр- делать) и склонялся в другую сторону. Если позже у нас и случались эр- малодушные речи (*μικροφυχίας λόγος*)), то тут-то он и нашел для себя пред- ов: лог, в отношении этого я оправдаю себя позже и в другом сочинении, ь- сет ведь сейчас я пишу не исследование, а энкомий. Единственное, о чем я 31. скажу здесь, это то, что он ко мне, если можно так выразиться, отнесся не на столь философски, как я к нему ... Если он черпал из моих источников ь- (имеется в виду красноречие. — Я. Л.), то я не припадал к потокам его ь- достоинств, не отведал и не воспользовался ничем полезным. Наше вза- ь- од- имное доброе расположение друг к другу сделало крен в другую сторону, не и завистливый язык еще более усилил наше расхождение ... Волна смысла ь- тогда многих и меня чуть не потопила...» (Bibl. gr., IV, p. 355—356).

ях Пассаж этот находится в контексте рассказа о времени Константи- ва на Мономаха, но представляет собой род отступления — «забегания впе- ма ред» (в конце Пселл пишет: «Но пусть моя речь вернется назад, ибо она ь- слишком зашла вперед». — Ibid., p. 356, 22—23). Трудно сказать, что кон- ь- кретно имеет в виду Пселл под «креном в другую сторону» в отношениях ий с Кируларием и «волной, чуть не потопившей его самого». Возможно, это и- уже события схизмы 1054 г. или даже обстоятельства более позднего ва- времени, связанные с низложением патриарха. Интересно, однако, что при- к чину охлаждения Пселл считает давней и видит в «ревности» Кирулария: патриарх недоволен тесными отношениями Пселла с императорским дво- ром.

но О том, что расхождения между духовным владыкой и философом на- ь- чались при Мономахе, свидетельствует также самое раннее из опублико- ь- ванных писем Пселла Кируларию (Bibl. gr., V, ep. 159). Послание при- ь- надлежит к числу традиционных в византийской эпистолографии — это ь- жалоба на пренебрежение со стороны адресата. Тем не менее, сквозь эпи- ь- стографический этикет проглядывает реальное содержание. Кто-то ь- преследует автора («преследующий меня ... уже наступает мне на пят- ь- ки»), счастье изменило ему («судьба переменялась ко мне и то, что я скола- ь- чивал понемногу, рухнуло сразу и вопреки всем ожиданиям». — Ibid. ь- р. 412), патриарх от него отвернулся, а поступки его истолковываются ь- превратно («Если я вижу больше других, то меня считают не в меру усерд- ь- ным, человек простодушный, я приобрел славу ловкача, красноречие мое ь- кажется злокозненным, философские писания вызывают подозрение, то, ь- что я люблю беседовать с тобой, дает основание приписывать мне сует- ь- ность; когда я достойно переношу несчастья, меня обвиняют в пренебре-

^{18а} См. в Энкомии самого Пселла (Bibl. gr., IV, p. 326, 334, 341, 357).

жении, а если малодушно сетую, то — в дерзости» — (Ibid., p. 413). Тот же мотив (выраженный к тому же в аналогичной синтаксической конструкции!) звучит также в позднем письме Пселла, где автор уже ретроспективно касается отношений с Кируларием этого периода: «Я выражал дружбу, а меня ненавидели, я любил, а меня отвергали, я говорил прекрасно, но слушали меня дурно ...» (G. Weiss. Forschungen..., S. 46.32—34). Там же рассказывается и о некоем клеветнике, оболгавшем Пселла перед патриархом. Можно, однако, думать, что Пселл не был только «несправедливо обиженным». Его собственное отношение к патриарху уже в то время далеко от идиллического восхищения. Это ясно из письма, направленного Пселлом своим ученикам — племянникам патриарха (Ibid., V, ep: 208). «Пусть образцом для вашего родственного содружества будет божественный союз, я имею в виду вашего отца и дядю», — поучает братьев писатель. Коротко характеризуя членов этого «божественного союза», Пселл отдает явное преимущество умершему отцу перед здравствующим и занимающим патриарший престол дядей и к тому же кокетливо просит братьев не «предавать» его патриарху (p. 522). Письмо заканчивается призывом следовать *отцовским* (курсив наш. — Я.Л.) добродетелям. Надо хорошо представлять себе эзопов язык византийской риторической прозы, чтобы оценить значение высказываний подобного рода.

Итак, намеки энкомия получают подтверждение в двух письмах, более или менее определенно датируемых временем Константина Мономаха: расхождение и взаимное недовольство философа и патриарха имеют место уже в 40-х — начале 50-х годов.

Было бы весьма интересно узнать о позиции Пселла в событиях схизмы 1054 г. К сожалению, никаких определенных сведений об этом не сохранилось¹⁹, помимо одного упоминания имени писателя, содержащегося в постановлении Константинопольского синода от 20 июля 1054 г. Это было жаркое время в Константинополе. Патриарх неистовствовал против легатов римского папы, предавших его анафеме, как еретика. Император лавировал, пытаясь умиловить западных послов и в то же время окончательно не поссориться с Кируларием. Примерно около 20 июля он отправил патриарху письмо с сообщением, что им наказаны некоторые (отнюдь не главные) его «обидчики». Послание Мономаха передавал «ипат философов и вестарх Константин» (без сомнения Пселл). Возможно, это случайность: на месте Пселла мог быть любой иной чиновник. Вероятней, однако, другое: согласившийся на компромисс, император отправляет в числе передающих примирительное послание человека, который может рассчитывать на милостивый прием сурового Кирулария. Как известно, основной смысл сообщения у византийцев часто не содержался в письме, а устно передавался через письмоносца — таким образом, личность последнего приобретала большое значение! Не играл ли Пселл роль буфера в отношениях светского и духовного владык? Предположение это тем правдоподобней, что в дальнейшем новому императору, Михаилу Стратиготику, Пселл советует примириться с патриархом (Scr. min., II, p. 88). Уже испытывающий неприязнь к личности Кирулария Пселл, тем не менее, не хочет разрыва с патриархом. Напротив, в конце царствования Мономаха в отношениях между ними наступает период краткого потепления (*βραχύς ὁ ζέφυρος*. — G. Weiss. Forschungen..., S. 47.40 ff.), который, однако, быстро кончился с восшествием на престол Феодоры. Вновь жа-

¹⁹ Выяснить эту позицию в специальной большой статье, уже цитированной нами, пытается Михель, однако большинство построений ученого — не более как вероятные гипотезы, чисто логическим путем выведенные одна из другой. Михель пытается представить, как должен был бы действовать Пселл в определенных исторических ситуациях. Однако, как известно, человеческое поведение отнюдь не всегда подчиняется предписаниям тривиальной логики.

лется философ на некоего «сикофанта», оболгавшего его перед патриархом, в то время как сам Пселл находился вдали от столицы (πόρρω καὶ ἄλλεως). Возможно, это новое охлаждение нашло отражение и в письме, датируемом временем Феодоры (Bibl. gr., V, ep. 160). Пселл жалуется на пренебрежение со стороны Кирулария, мечтает увидеть его, соглашается на роль пса, которому достаются куски с патриаршего стола (p. 415). Остальные письма этого периода (Bibl. gr., V, ep. 56—58) представляют собой изысканно-риторические благодарности за присланную патриархом рыбу, выражают надежды на благосклонность адресата. Попытаться извлечь из этих этикетных посланий реальное содержание — занятие почти безнадежное.

Только одно произведение Пселла этого периода, обращенное к Кируларию, представляет собой явный и открытый разрыв этикета и потому заслуживает особого внимания (Bibl. gr., V, ep. 207). Отсутствие оснований для точной датировки и незнание реальных обстоятельств, вызвавших его появление, не позволяют расшифровать многие содержащиеся в нем намеки, тем не менее смысл ясен: Пселл высказывает свое истинное отношение к патриарху; неприязнь, раньше выражавшаяся лишь в туманных намеках, неожиданно выходит наружу. По форме речь — иронический «синкрисис», объектами которого являются сам Пселл и Кируларий. Внешне автор преисполнен почтения к патриарху и презрения к себе, в действительности он всячески унижает Кирулария и превозносит себя. Ироническая оболочка нередко вообще уступает место прямому обличению. Противопоставление предваряется общей презумпцией: «Ты небесный ангел..., я же таков, как есть, разумная природа, соединенная с телом..., я признаю, что я человек, существо изменчивое и непостоянное..., ты же — один из всех, неколебимый и неизменный» (Bibl. gr., V, p. 506). Между этими людьми «горы, моря и материки». Все противоположно в них (p. 507, 16). Род Кирулария славен, Пселла — безвестен. Знания и мудрость Кирулария приобретены без всяких усилий с его стороны (ἀντιστήμι καὶ αὐτοσφία). Пселл, напротив, «много времени провел над книгами, изучил философию и риторику» (p. 507). Кируларий считает науки «пустой болтовней», Пселл их изучает. Кируларий внушает людям ужас, ненавидит их, несет не мир, но меч; Пселл страдает ближним и не может даже видеть чужих страданий (p. 510). Кируларий, «демократический муж» (δημοκρατικὸς ἀνὴρ), ненавидит монархию, в то время как Пселл — принципиальный сторонник единовластия (p. 512).

В приведенном противопоставлении создается четкий нравственный и интеллектуальный образ константинопольского патриарха — человека невежественного, злого, нетерпимого и самовластного²⁰.

Заранее отказываясь даже от постановки вопроса о соответствии персонажа прототипу, постараемся выяснить, насколько оценка Пселла соответствует его действительному отношению к патриарху.

Нам может помочь метод «взаимной коррекции» источников, о котором говорилось выше. Материал же для этого дает «Энкомий» — произведение, написанное через несколько лет после речи, при иной политической ситуации и относящееся уже к иному жанру. Если в первом случае целью Пселла было унижить патриарха, то во втором — возвеличить. В соответ-

²⁰ Именно такой созданный Пселлом (совпадающий в ряде деталей с характеристиками западных средневековых источников) образ Кирулария восприняла западная историография XVIII—XIX и частично XX в. Не последнюю роль в этом играли причины конфессионального свойства. Очень активно (из вполне понятных соображений) против этого выступали некоторые православные историки церкви. См., например, анонимную брошюру «Михаил Кируларий, патриарх константинопольский» (Киев, 1854). Даже у такого трезвого ученого, как Н. Скабаланович, «невежественный, злой и нетерпимый» Кируларий становится «твердым, неколебимым, хладнокровным» (Н. Скабаланович. Разделение церквей при патриархе Михаиле Кируларии. — «Христианское чтение», 1885, стр. 737).

ствии с этой задачей Кируларий в энкомии выступает как носитель всех добродетелей, душевные и телесные доблести которого воссияли уже в младенческом возрасте (IV, р. 308)). Среди достоинств патриарха — любовь к учености и словесности (р. 354—355), кротость (р. 344), доступность и привлекательность (р. 352) и т. д. Во всех этих свойствах Кируларию решительно отказывал Пселл — автор речи, произнесенной за несколько лет до того.

Тем не менее на втором плане энкомия присутствует иной образ патриарха, резко контрастирующий со стандартизированной фигурой «первого плана». Этот образ «второго плана» чаще проявляется не в риторических описаниях, а в деталях и нюансах. Вот некоторые примеры. Говоря о риторических занятиях патриарха, Пселл отмечает его пристрастие не к «внешней красоте» и не к «убедительности» речи, а к истине и твердости, собственным философии (р. 310): стремление Кирулария к неприкрашенной истине оттеняет суровость его нрава. Константин Мономах, который всем прочим людям являлся приветливым и обаятельным, в отношениях с патриархом нередко оказывался «мрачным и ошетинившимся»²¹. Император в данном случае так, видимо, реагирует на поведение Кирулария. Далее Пселл уже без обиняков пишет о мрачности, суровости и гневливости самого Кирулария, объясняя, впрочем, эти свойства стремлением патриарха воспитывать людей в добродетели (р. 342—343).

Противоречие образов «первого и второго планов» особенно наглядно в той части энкомии, где содержится сравнение (синкрисис) Кирулария с его старшим братом, пользующимся явным предпочтением писателя. Вот вкратце пункты этого противопоставления: Кируларий превосходит брата в устремлении к высшему; Кируларий сосредоточен и малодоступен для собеседника; его брат обладает приятной внешностью, в его облике отражена душа, лик его исполнен харит. Ум Кирулария строгий, у брата острый, речь Кирулария искусная, у брата бойкая. Одежда и образ жизни Кирулария простые, у брата пышные. Брат женился и имел детей, Кируларий старался жить «выше природы». Природа старшего брата более земная, и он предпочел светское образование. Кируларий все свои занятия, в том числе и политические, оставил ради дел духовного свойства (р. 310—311). «Второй» образ Кирулария скорее напоминает портрет патриарха в разобранной выше речи, нежели персонаж первого плана того же энкомия. Реальный прототип как бы вступает в противоречие с идеальной схемой, которая на него накладывается. Конфронтация героев (Кирулария и самого Пселла, Кирулария и его старшего брата) в обоих случаях проводится по одному четкому принципу: противопоставляются «духовный» и «светский» типы человека. Принцип этот назойливо проводится Пселлом постоянно. Не выходя за пределы круга отношений с семьей Кирулария, можно сослаться на уже упомянутое сравнение Кирулария с его старшим братом в письме к племянникам патриарха (Bibl. gr., V, ep. 208), а также на сопоставление самих племянников, содержащееся в энкомии²².

Во всех четырех «синкрисисах» сравниваются не отдельные разроз-

²¹ σύννοος καὶ παφρικός (р. 325). Вместо παφρικός возможно, следует читать παφροντικός. Сочетание этих двух причастий нередко встречается у Пселла (Chron., I, р. 2) и других авторов (Attal., р. 65, 14—15).

²² Старший брат — божественный муж, который не допускает к устам своим худую речь, не открывает уши для мерзких речей, всегда одинаков, не меняется в зависимости от обстоятельств, человек, ценящий прямоту и не знакомый с ложью, не вызывающий подозрений ни в ком другом и не подозревающий других, простой душой, не заботящийся о внешнем и ненавидящий суету. Второй брат, напротив, «приятного нрава и обаятелен в беседе, обладает умением проникать в души и по внешним признакам заключать о внутреннем содержании. Это человек, доступный не для всех, а только для тех, кого выбрал сам, заключающий дружбу не сразу и не со всяким, а только с теми, которых хорошо знает и испытал... Он умен, как никто другой» (Bibl. gr., V, р. 352).

ненные свойства, а два типа людей, в каждом из которых сочетаются определенные взаимосвязанные и взаимообусловленные свойства личности. Для духовного типа характерны: неизменность, суровость, непреклонность, пренебрежение внешним и земным, устремленность к высшему, самоуглубленность, отсутствие интереса к людям и дружбе.

Для «светского» типа характерны: изменчивость, умение приспосабливаться к обстоятельствам, занятия земными делами, приветливость и ласковое отношение к людям, любовь к прекрасному, увлечение науками и риторикой. Такой принцип разделения людей для Пселла — своеобразный стереотип в оценке современников. Сочувствия к «светскому типу» Пселл почти никогда не скрывает, хотя резкость противопоставления в каждом случае различна. В речи, с которой мы начали свои рассуждения, Кирулария и Пселла разделяет непроходимая пропасть.

То, что мы называли «стереотипом», — без сомнения, отражает реальную ситуацию в духовной жизни византийской интеллигенции XI в. В период подъема светской культуры и «христианского гуманизма» формируется категория людей (и сам Пселл — ее наиболее яркий представитель), у которых широта образования сочеталась с терпимостью и определенным вольномыслием. В то же время продолжает развиваться идеология религиозного фанатизма и аскетизма.

Изображенный Пселлом Кируларий чрезвычайно напоминает, например, другую известную фигуру того времени: старшего современника патриарха — Симеона Богослова. Проповедь абстрактной христианской любви к человечеству оборачивалась у Симеона суровостью и недоброжелательством к конкретному человеку, фактическому отказу от любви к ближнему. Как и у Кирулария, нелюбовь к человеку сочеталась у Симеона с презрением к наукам²³. То и другое одинаково отвлекает от служения богу! Совпадения между Симеоном и Кируларием объясняются не только общим идеологическим климатом эпохи: ученик Симеона, тоже известный богослов — Никита Стифат, был ближайшим соратником Кирулария!

Заключительный этап отношений Пселла и Кирулария приходится на 1058 г. и носит драматический характер. Трагизм событий, связанных с изгнанием и смертью патриарха, привлекает к ним постоянное внимание историков, и потому эпизод этот непременно освещается даже в общих работах по византийской истории. Уже это делает излишним подробное его изложение. К концу 1057 г. отношения между Исааком Комнином и Кируларием стали напряженными до предела. Исаак действовал решительно. Воспользовавшись удобным случаем, он велел схватить патриарха и отправить его на остров Приконис. Поскольку непримиримый Кируларий отказался добровольно оставить престол, император назначил суд, который должен был собраться в небольшом местечке фракийского Херсонеса. Однако до суда дело не дошло, поскольку патриарх скоропостижно скончался. Роль Пселла в этих событиях была первостепенной. Об этом прежде всего свидетельствует тот факт, что составить обвинительное заключение против патриарха было поручено именно ему. Однако советами философа император Исаак явно пользовался и раньше. Намек на это содержится у Атталиата. По его сообщению, Исаак отправил к заточенному на острове Кируларию «наиболее ученых митрополитов» с заданием убедить узника добровольно отказаться от престола, причем такой совет подали императору некие «высокопоставленные лица, которым хорошо были известны доблести патриарха, но которые применялись (забавы льстецов!) к обстоятельствам» (Attal., p. 64—65). Зная нелюбовь Ат-

²³ См. А. П. Каждан. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X—XI вв. Симеона. — ВВ., XXVIII, 1, 1977, p. 18. Ср. Я. Любарский. Пселл в отношениях с современниками (Мавропод, Ксифилин, Лихуд). — «Палестинский сборник», 23, 1971, стр. 125—143.

талиата к Пселлу, можно предположить, что под «высокопоставленными лицами» имелся в виду и первый философ империи ²⁴.

Эпизод с обвинением Кирулария — обычно самый сильный аргумент тех биографов Пселла, которые акцентируют внимание на «моральной» неполноценности великого средневекового писателя ²⁵. Действительно, роль прокурора на процессе, исход которого предreshен заранее, еще никогда — несмотря на значительную трансформацию нравственных установок общества — не делала чести ни одному историческому деятелю ²⁶. Содержание обвинительного заключения подтверждает самые нелестные оценки Пселла современными исследователями. Этот обширный документ, несмотря на все риторические издержки, составлен со строгостью юридического акта. Уже в преамбуле против Кирулария выдвигается пять основных пунктов обвинения, разворачивающихся затем в обширное произведение, занимающее около ста страниц нового издания. Каждый, во всяком случае из первых четырех, пункт достаточен для того, чтобы лишить патриарха не только престола, но и жизни. В вину патриарху ставятся: 1) покровительство неким двум хиосским монахам, а вместе с ними и женщине по имени Досифея, устраивавшим запретные оргии и прорицавшим будущее. Статья обвинения — нечестие (*ἀσεβεια*); 2) злоумышление сразу против двух императоров — Михаила Стратиготика и Исаака Комнина с целью захвата царской власти. Статья обвинения — узурпация (*τυραννίς*); 3) подстрекательство к убийствам, имевшим место в дни перехода власти от Михаила Стратиготика к Исааку Комнину. Подстрекательство приравнивается к убийству; 4) разрушение храма. Статья обвинения — святотатство (*ἱεροσυλία*); 5) издевательство над священным писанием, недостойное поведение в церкви, злопамятство, мстительность, недоброжелательство к людям, занятия алхимией. Эти различные обвинения объединяются под статьей *ἀδιαφορία*.

Уже первые ученые, исследовавшие текст этого обвинительного заключения, обнаружили белые нитки, которыми шит этот документ, почти целиком состоящий из натяжек или прямой лжи. Кируларий, например, не противодействовал захвату власти Исааком, а напротив, спешествовал ему, о чем говорят все историки, в том числе и Пселл. Разрушение церкви (речь идет о церкви св. Андрея в Константинополе) на самом деле было ее перестройкой. В вину патриарху Пселл вменяет те «грехи», в которых был в первую очередь повинен сам (занятия алхимией, неоплатонической философией и т. п.).

Нет нужды еще раз произносить филиппики против Пселла или, наоборот, подыскивать ему оправдания. Гораздо интереснее постараться понять атмосферу, в которой должно было происходить судилище, и в связи с этим проникнуть в логику и метод обвинений, выставленных философом, взявшим на себя роль прокурора. Для того и другого речь дает достаточно материала.

²⁴ Атталиат ни разу не называет Пселла по имени, хотя в нескольких случаях имеет в виду именно его.

²⁵ См. Я. Любарский. Михаил Пселл. Личность и мировоззрение. — ВВ, 30, 1969, стр. 76 сл.

²⁶ Первым разоблачителем Пселла оказался... сам Пселл. В энциклике он пишет: «Император созвал всех мудрых и ученых людей и воспользовался их помощью для борьбы с патриархом. Ни один здравомыслящий человек не бросит им упрека, во-первых, потому, что любой поступок может быть истолкован двояко, как хороший и как дурной..., во-вторых, потому, что хотя большинство из соучастников и были самого лучшего мнения о предприятиях патриарха перед лицом суровых испытаний, тем не менее воля императора, чтоб они судили так, а не иначе, заставила их согласиться с его мнением (Bibl. gr., VI, p. 370). Эти самооправдания скорее напоминают саморазоблачения, о чем писал еще П. Безобразов (Указ. соч., стр. 83). Любопытно сравнить слова Пселла с только что цитированным высказыванием Атталиата (Attal., p. 64—65). Две совершенно различные оценки «классического» византийского сервизизма!

Прежде всего, не надо думать, что предполагавшийся суд был бы простой расправой над уже поверженным противником. Не случайно император при аресте патриарха боится возмущения горожан, не случайно он старается не довести дела до суда, а когда это не удается, назначает заседание синода вне Константинополя; не случайно, наконец, обвинение поручается самому ученому философу и самому искусному оратору — Михаилу Пселлу. Твердая позиция Кирулария после ареста не только была плодом упрямства или фанатической убежденности, но и основывалась, видимо, на трезвом расчете: патриарх собирался на заседании синода дать императору бой, исход которого еще не был окончательно предпрешен. Кируларий мог, видимо, рассчитывать на демарши своих сторонников во время суда; во всяком случае, Пселл, готовя проект речи, учитывал такую возможность. В тексте «Обвинения» содержится несколько обращений к возможным защитникам патриарха (р. 265, 275, 299, 307, 309). Слова Пселла можно было бы принять за простой риторический прием, но в одном месте предполагаемый прокурор прямо говорит о разногласиях в синоде: «К тому же среди части нас существуют противоречия — некоторые с нами, некоторые с противной стороной. Одни из осторожности не голосуют беспристрастно, другие дерзко и неразумно возражают, при этом не выдвигают доводов (а что могли бы они сказать!), а только понапрасну шумят и будоражат собрание. Эти немислимые глупости они выражают в речах сбивчивых и бесформенных, и нечестивцам при этом кажется, будто они поступают благочестиво, бесчеловечным — будто действуют человеколюбиво, а совершающим величайшее бесстыдство — будто соблюдают осторожность» (р. 311).

Чтобы парализовать возможных защитников, Пселл пишет: «Присутствуют здесь и такие, кто собирается встать на его (патриарха.— *Я. Л.*) защиту. Мне стыдно за них. Более того, я боюсь, как бы, рассчитывая безболезненно извлечь копьё из другого, они еще больше не разбередили бы зазубринами его раны и, неумело вытаскивая копьё, не вонзили бы его в самих себя — в этом случае они сами уже не будут иметь защитников: их пример всех облагоразует. Не воображайте, будто вы жалуете патриарха, а мы — дерзкие и наглые. Мы не менее вас любим этого мужа, а более всех император...» (р. 265).

В приведенном отрывке интересна не столько прямая угроза по адресу противников (у них-то самих уже не найдется защитников, расправа над ними, по мнению автора, дело решенное!), сколько его заключительные фразы: оказывается, по настоящему любит патриарха не тот, кто его обороняет, а тот, кто... на него нападает.

Мысль эта находит дальнейшее развитие: пусть лучше духовный владыка на земле потеряет престол, чем лишится вечного блаженства на небе (р. 327). Кирулария разоблачают и преследуют как бы ради его собственной пользы. Так возникает своеобразная «логика наизнанку», подмена понятий, характерная для всего обвинения. Апогея этот «метод» достигает в конце — в заключительном аккорде речи, цель которого — устрашение инакомыслящих. «Если вы выберете первое (оправдание патриарха.— *Я. Л.*), то выражайте свою волю письменно, чтобы император имел оправдание, когда его подвергнут по этому поводу суду и строгому допросу. Пусть тогда церковь снова распахнет двери для языческих сборищ, прориданий, треножников, дабы восторжествовал дух, противный божественному. Но если вы не допустите этого, то смело все сообща голосуйте за низложение патриарха» (р. 326—327).

Не говорим о том, что несогласным предлагается дать письменное свидетельство своего несогласия: в тех условиях это безусловно опасная акция. Гораздо интересней, как Пселл пытается облегчить внутреннюю борьбу тем, кто еще колеблется и боится. Философ внушает таким членам синода две мысли. Первая: голосуя против Кирулария, они подают свой

голос не столько против конкретного патриарха, сколько против утверждения в святых церквях языческих оргий и, таким образом, против «нечестия» вообще. Благодаря лукавой логике малодушие превращается в «борьбу за идею». Вторая: сторонники патриарха, голосующие против него, проявляют не трусость, а, напротив, мужество. В речи так и сказано: смело голосуйте (ἁρρόβουντος ... ψηφισασθε — р. 326—327). Оба эти утверждения должны были успокоительно действовать на совесть и даже приподнимать в собственных глазах тех, кто в душе уже решился на предательство.

Как уже отмечалось, так и не произнесенное «Обвинение» очень подорвало репутацию Пселла среди новых исследователей его творчества. Не имея намерения подыскивать моральные оправдания Пселлу, укажем лишь на необходимость рассматривать «Обвинительную речь» в контексте всей истории отношений обвинителя и обвиняемого. Пселл — отнюдь не простое орудие в руках мстительного императора. Расхождения между философом и патриархом имели глубокие корни, и в этом смысле речь была лишь заключительным этапом давней вражды. Если же характер выдвинутых обвинений не вяжется с образом самого обвинителя, то причина этого не в особом «коварстве» Пселла и тем более не в резкой перемене его мировоззрения, а в специфической идейной атмосфере Византии, где идейная борьба требовала уличения противника в «отступлении» от общеобязательных догм. Впрочем, своих прежних претензий к Кируларию Пселл не забыл, а как бы отстранив на второй план, сконцентрировал их в последнем, пятом параграфе речи (статья обвинения ἀδικοφῶρῖα). Кируларий, утверждает философ, недоброжелателен к людям, злобен, злопамятен, подозрителен, груб; он не любит красноречия и презирает философию, душа его недоступна прекрасному. Перед нами вновь (в том же наборе качеств) возникает фигура того Кирулария, которому противопоставлял себя Пселл в первой своей речи, подготовленной для произнесения против патриарха.

Однако в «Обвинении» все акценты смещены. Первая речь (независимо от повода, по которому она появилась) была орудием идейной борьбы, вторая — доносом, где здравый смысл заменен «логикой наизнанку», а юридическая четкость — ее внешней имитацией. Вполне возможно, что Пселл стремился повергнуть не только строптивого врага императора, но и религиозного фанатика, стоявшего на пути светской византийской культуры. Однако средства, которые он собирался при этом применить, явно компрометировали цель.

Через несколько лет после смерти патриарха, уже при императоре Константине X Дуке, женатом на племяннице Кирулария, Пселл произносит большой торжественный панегирик в честь бывшего противника. Как и следовало ожидать, патриарх в нем оказывается и самым красивым, и самым ученым, и даже самым милостивым. Таковы были не только законы жанра, но и требования ситуации! Мертвых врагов часто бывает выгодней считать друзьями!

На этом можно было бы закончить рассмотрение отношений Пселла и Кирулария, однако среди писем Пселла сохранилось несколько посланий писателя племянникам патриарха, Константину и Никифору. Молодые люди, судя по всему, были весьма близки патриарху, и переписка с ними добавляет интересные штрихи как к истории связей философа и патриарха, так и к характеристике духовной жизни византийцев того времени. Переписка с племянниками Кирулария продолжалась в течение долгого времени. Первое письмо написано в конце 40-х, последнее — не ранее середины 60-х годов. В отличие от чреватых переменами и катаклизмами отношений с Кируларием связь Пселла с его племянниками носила ровный характер, письма, которые им направил философ, по своему духовному настрою составляют единое целое.

Чел
мотив
Уже в
радост
его (П
gr., V
родств
около
Та же
среди
други
ся тес
Пселл
возмо
с душ
наков
различ
гом ед

Мь
к кото
на «ид
(этим
тие л
зован
учени
лым м
шиеся
перен
слова
им о с
они ве
высок
учител
ния д

Ка
торой
тизм
письм
«Каже
скорее
Клян
ываю
побеж
страт
смягч
ных г

тракта
в данн
бе» —
положе
сам Пс
что тра
28

более с
осужда
tione d

Через всю эту переписку, длившуюся не менее двух десятилетий, лейт-мотивом проходит мысль об особой духовной близости корреспондентов. Уже в первом послании, озаглавленном «О дружбе»²⁷, Пселл выражает радость по поводу того, что братья всем другим сочинениям предпочитают его (Пселла) писания, и считает это проявлением «родства душ» (Bibl. gr., V, p. 514). «Если есть определенный тип душ..., если есть какое-то родство душ и какие-то присущие им свойства,— повторяет Пселл уже около 1054 г.,—то наши души познали друг друга» (Bibl. gr., V, p. 323). Та же мысль звучит и в одном из последних писем Пселла, датированных серединой 60-х годов (Scr. min., II, ep. 31, p. 46—47). Как и в некоторых других случаях, у Пселла мотив дружбы и «духовного родства» оказывается тесно связанным с темой учености и науки. Уже в первом послании Пселл выражает желание постоянно жить с братьями, преподнося им всевозможные науки. «Науки,— проповедует писатель,— смыывают грязь с душ и делают их природу чистой и воздушной. Если кто начинает одинаково мыслить о вещах значительных, то скоро и в малом уничтожается различие их мнений. Вместе избрав науку, сделайте ее нерушимым залогом единомыслия».

Мысль автора выступает здесь обнаженно: согласие людей того типа, к которому причисляет себя и племянников патриарха Пселл, зиждется на «идейных» основах: они единомышленники в своей преданности науке (этим словом мы очень неточно передаем античное и византийское понятие λόγος, под которым следует понимать всю систему культуры и образованности того времени). Мысль эту Пселл высказал в письме к своим ученикам-юношам. Через много лет Пселл направляет им, уже зрелым мужам, послание, в котором увещевает стойко переносить обрушившиеся на них беды, находя утешение в словах и мыслях: «Мужественно переносите несчастья, и пусть ничего не заставит вас забыть надлежащие слова и мысли» (Barber. gr., 240, fol. 164 v.). Бывший учитель напоминает им о своей дружбе и о беседах, как философских, так и веселых, которые они вели в лучшие времена. Еще через одно десятилетие отец семейства, высокопоставленный чиновник Кируларий просит бывшего учителя направлять ученых по содержанию и прекрасные по форме послания для наставления его подросткового сына (Bibl. gr., V, p. 329—330).

Как можно судить по содержанию и тону писем, «наука» (λόγος), о которой писал Пселл, отнюдь не ограничивалась комментаторским педантизмом, свойственным византийской учености. В только что упомянутом письме Пселл, неожиданно оборвав изложение ученых сюжетов, заявляет: «Кажется мне, что ты не очень-то склонен к предметам благородным, а скорее к тем, которым свойственна красота, врожденная или внешняя. Клянусь твоей святой душой, и я той же чеканки, что и ты. И меня очаровывают красивые цветы и прелести как трав, так и слов; и меня не так побеждают пэониец Демосфен и лаодикиец Аристид, как лемносец Филострат — особенно своими описаниями статуй,— который в состоянии смягчить камень, расплавить металл и исторгнуть слезы даже из железных глаз» (Bibl. gr., V, p. 329)²⁸.

²⁷ Произведение это, опубликованное Сафой среди писем, на самом деле является трактатом, который, как обычно в средневековье, был адресован определенным лицам, в данном случае — братьям Кирулариям. Свидетельство этому — как леммы («О дружбе» — в Paris. gr., 1182, «Слово, назидующее о дружбе» — Vat. gr., 672), так и местоположение произведения в обоих кодексах среди речей, трактатов и т. д. Кроме того, сам Пселл называет свое сочинение λόγος (p. 514, 20, 23), а не ἐπιστολή. Характерно, что трактат о дружбе Пселл направляет именно братьям Кирулариям.

²⁸ Напомним, что увлечение «медоточивым Филостратом» в ущерб знакомству с более серьезными авторами (в том числе упомянутыми здесь Демосфеном и Аристидом!) осуждается Пселлом в произведении «О стиле некоторых сочинений» (Psellos. De operatione daemonum, ed. Boissonade. Norimb., 1838, p. 48 sq.).

Эстетизм (на языке византийских авторов — «почитание харит», в отличие от почитания муз, символизирующих более серьезные предметы) свойствен не только литературным вкусам, но и вообще жизнеотношению Пселла в том виде, в котором оно нашло выражение в письмах к племянникам патриарха. Характерно, что одно из очень немногих описаний природы, встречающихся у Пселла, содержится в его письме именно к Константи́ну (Scr. min., II, p. 256).

К этим трем мотивам, характерным для переписки Пселла с Константи́ном и Никифором (культ дружбы, уважение образованности, эстетизм), логично добавляется и непрменный интимный тон посланий. В трех письмах философа к Константи́ну речь идет о бракосочетании последнего (Bibl. gr., V, ep. 1; 83; 84). Недавно принявший схиму, Пселл очень хочет посетить свадьбу, однако монашеское обличие не позволяет ему сделать этого. Всяческими способами пытается Пселл найти удобную лазейку и успокоить как возможное недовольство окружающих, так и собственное чувство долга — впрочем, не очень сильное. В конце концов философ даже предлагает Константи́ну «насилъно» задержать его, когда он «ненадолго» заглянет на торжество (Bibl. gr., V, p. 321). Последнее письмо из этого цикла заканчивается весьма знаменательным признанием: «Душа у меня веселая и падкая до удовольствий. Если я встречаюсь с харитами, то бываю тотчас покорен ими, { моя мысль расслабляется, и я как бы подставляю лицо веянию зефира... » (Bibl. gr., V, p. 324).

Образ писателя, раскрывающийся в этом послании, весьма далек от догматического ригоризма. Как Пселл, так и Константи́н — люди, ценящие жизненные радости не меньше ученых занятий. Связь между ними — отношения ученых единомышленников, не лишенная, однако, черт дружбы эпикурейско-горацианского типа. «Разве ты не понял шуточный смысл письма, — увещевает писатель Константи́на в другом послании, — разве ты не знаешь, что я составляю письма наподобие любовных посланий, ибо размовка возбуждает влюбленных больше, чем поцелуй, потому природа и создала розу с шипами, чтобы люди одновременно вдыхали аромат и возбуждались..., разве мы не так беседуем друг с другом и насмеемся друг над другом?» (Bibl. gr., V p., 467). Диапазон чувств, выраженных в письмах Пселла племянникам Кирулария, достаточно обширен и явно выходит за рамки обычного эпистолярного этикета. Можно указать, например, на элегическое послание (Scr. min., II, стр. 214), традиционная риторика которого не может скрыть искренности чувства, или на поздравительное послание в связи с рождением сына, полное умиления перед ребенком (Bibl. gr., V, ep. 157). Стил переписки Пселла с племянниками патриарха одновременно напоминает и отношения ученой дружбы с людьми типа Иоанна Мавропода, и светские дружеские связи с оттенком эпикуреизма, проявившиеся в посланиях кесарю Иоанну Дуке.

Знаменательно, что отношения такого рода устанавливаются у Пселла с племянниками патриарха Михаила Кирулария — нравственного и интеллектуального антипода Пселла. Водораздел, проходящий через всю элиту византийского общества, пересекает и семью Кирулариев.

Вас
путей
древне
средне
геогра
Восточ
морям
стала
говли
ластьк
дам на
ным м
Так
там им
единст
генуэз
досия)
читель
и Чем
смогли
их в
Каффы
были
ную с
и Черн
побере
нуэзде

1 С
тарини
Е. С. S
2 Р
(Canbal
XIV в.
mercato
3 Р
первы
чало, ч
бились
в Солд
venitien
p. 67 (r
баро и

Е. Ч. СКРЖИНСКАЯ

ВЕНЕЦИАНСКИЙ ПОСОЛ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

(по надгробию Якопо Корнаро, 1362 г.)

Важнейшее значение в системе широко раскинутых водных торговых путей Средиземноморья имела в XIV в. Тана, лежавшая на левом берегу древнего Танаиса — Дона, при его впадении в Азовское море¹. Эту средневековую итальянскую колонию отличало исключительно выгодное географическое положение: она глубоко вдавалась в территорию Юго-Восточной Европы и водные пути по Средиземному, Черному и Азовскому морям через Тану ближе всего подходили к Поволжью. Поэтому Тана стала транзитной станцией на одном из главных путей европейской торговли с Востоком: она непосредственно соприкасалась с обширной областью степей и с Золотой Ордой, а через эти степи шла дорога к городам на Нижней Волге и к берущим отсюда начало длиннейшим сухопутным магистралям в регионы Средней и Дальневосточной Азии².

Тана — преимущественно венецианская колония, хотя уже в XIV в. там имели свой квартал и генуэзцы. Однако для венецианцев Тана была единственной крупной восточной станцией, тогда как главной базой генуэзцев в Северном Причерноморье всегда оставалась Каффа (Феодосия) — большой укрепленный город с прекрасной бухтой — и значительная часть крымского побережья с крепостями Солдайей (Судак) и Чембалом (Балаклава). Венецианцы, несмотря на упорные усилия, не смогли обосноваться ни в одном из крымских портов: татары не допустили их в Солдаю, а предоставленная им небольшая гавань Провато (близ Каффы) не соответствовала их — венецианцев — торговым интересам³. Они были вынуждены отказаться от намерения иметь, подобно генуэзцам, прочную станцию в Таврике и сосредоточили свою деятельность на Азовском и Черном морях, с одной стороны, в Тане, а с другой — на малоазийском побережье, в Трапезунде. Таким образом, несмотря на присутствие генуэзцев, Тана была преимущественно колонией Венецианской республики.

¹ Очерк истории Таны XIV—XV вв. см. в кн.: Е. Ч. Скржинская. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971, стр. 29—64; Е. Ч. Скржинская. Storia della Tana. — «Studi Veneziani», t. X. Firenze, 1968, p. 1—55.

² Как известно, подробное описание пути из Таны в Китай (Gattaio) до Пекина (Canbalessco) сделано знатоком средневековой восточной торговли — флорентийцем XIV в. Франческо Бальдуччи Пеголотти: Francesco Balducci Pegolotti. La Pratica della mercatura. Ed. by Allan Evans. Cambridge — Mass., 1936, p. 21—23.

³ Генуэзцы имели явное преимущество в Крыму, но венецианцы, хотя и не непрерывно, держали своих консулов как в Солдае, так и в Каффе. Это, однако, не означало, что венецианцы имели от татар право на данные места — такого права они добились только в Тане. Сведения о венецианских консулах в Крыму (в конце XIII в. в Солдае, в XIV—XV вв. в Каффе) см. Fr. Thiriet. Délibérations des assemblées vénitiennes concernant la Roumanie, t. I. Paris, 1966, p. 55 (rubr., 124), p. 60 (rubr. 144), p. 67 (rubr. 176, 178), p. 221—222 (doc. 572—574), а также Е. Ч. Скржинская. Барбаро и Контарини..., стр. 191 и 213.

Не в пример генуэзским колониям в Крыму, изобилующим историческими памятниками — архитектурными, археологическими и большой группой эпиграфических⁴, от средневековой Таны не сохранилось следов ее прошлого (если не считать незначительных остатков крепостных ворот)⁵. К тому же на месте итальянской Таны (иначе — татарского Азака) ныне расположен город Азов, что, конечно, препятствует проведению систематических раскопок.

Единственным пока памятником реальной Таны XIV в. является мраморная надгробная плита 1362 г.

В 1889 г. в Азове при прокладке водопроводных труб нашли на дне канавы несколько обломков мраморной плиты. Будучи сложены, они составили высокую стелу (ее размеры $184 \times 92 \times 9$ см) с высеченной на ней латинской надписью и со следами изображения герба. Этой плитой, как видно из текста надписи, было отмечено место погребения консула Таны Якопо Корнаро, скончавшегося в августе 1362 г.

В 1890 г. по решению Археологической комиссии в Азове были произведены раскопки на том самом участке, где за год до того нашли плиту Корнаро⁶. Здесь обнаружили глубоко вбитые в землю сваи, которые служили для укрепления фундаментов каменных построек. Подобный прием при возведении домов в Тане был обязателен ввиду заболоченности почвы: в документе 1333 г. о застройке отведенной татарами для венецианцев территории указывалось на необходимость повысить уровень строительной площадки и укрепить фундаменты сваями⁷.

Вокруг частично сохранившегося фундамента здания (вероятно, это была церковь) лежали человеческие скелеты и разрозненные кости, а также попадались обломки мраморного карниза грубой работы. По-видимому, раскопки открыли местное кладбище или следы погребений привилегированных лиц, которых обычно хоронили близ стен храма. В связи с этими наблюдениями археологи сочли возможным утверждать, что плита с надписью консула Корнаро вплоть до раскопок XIX в. оставалась на своем первоначальном месте. Добавим только следующее: толщина плиты незначительна (9 см), и потому едва ли она лежала на могиле: более вероятно, что эта довольно тонкая стела была вделана в стену церкви над местом погребения консула.

После раскопок все фрагменты плиты — они сохранились до нашего времени, их всего девять — были переданы в Донской войсковой музей в Новочеркасске; ныне плита Корнаро хранится в том же городе, в Музее истории донского казачества.

Найденное более 80 лет назад надгробие Якопо Корнаро никогда не исследовалось и не было научно издано. В связи с его находкой о нем были даны лишь краткие сведения в уже упомянутом Отчете Археологической комиссии за 1890 г., где сообщалось о раскопках в Азове, на месте этой находки. Кроме того, небольшая заметка редакции о плите Корнаро, основанная на материале, который был доставлен есаулом Х. И. Поповым, известным краеведом Ростовской области (ум. в 1925 г.), помещена

⁴ E. Skrzinska. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée (Théodosie, Soudak, Balaklava). — «Atti della Società Ligure di storia patria», vol. 56. Genova, 1928; E. Ч. Скржинская. Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма. — Сб. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 155—175 (То же на итальянском языке: E. Skrzinskaja. Iscrizioni genovesi di Sudak. — «Miscellanea storica ligure», vol. III. Milano, 1963, p. 57—67).

⁵ В 1935 г. около ворот были произведены раскопки экспедицией Ростовского областного бюро охраны памятников. См.: «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. Краткие отчеты и сведения под редакцией В. В. Гольмстен». М. — Л., 1941, стр. 206—208.

⁶ «Отчет Археологической комиссии за 1890 год». СПб., 1893, стр. 40—44.

⁷ Diplomatarium Veneto-Levanticum, t. I. Venezia, 1870, p. 243—244, doc. 125, a. 1333.

в «Труд
да в Ха
писи сл
точност
лось и
Корнар
зительн
женная
комисси
рисунк
сии¹⁰ (

В в
упомян
рик и
Б. В. Ж
в русск
лению,
слова и

Сущ
плиты
тографи
Новоче
составл
остался
ся в ви
гих таб
из них;
не было

Нади
довольн
ной и п
научног

Нади
строки
концом
на глад

Общ
стве ре
строк бе
ниях (к
(около

Пись
Северно
цах эпи
в течени
изучать
их при
вековых

⁸ «Тр
стр. 519.

⁹ «От
¹⁰ См

Альбом),
¹¹ Б.

времен до
директора
надписи,
сулом в I

в «Трудах XII Археологического съезда в Харькове»⁸; транскрипция надписи сделана неумело и страдает неточностями. Никогда не публиковалось и изображение самой плиты Корнаро, но была сделана приблизительная прорисовка надписи, приложенная к «Отчету Археологической комиссии»⁹ и повторенная в «Альбоме рисунков» из отчетов той же комиссии¹⁰ (о дефектах прорисовки см. ниже).

В наше время о плите Корнаро упомянул в популярной книжке историк и археолог Нижнего Подонья Б. В. Лунин, приведя текст надписи в русском переводе; перевод, к сожалению, неполно и неточно передает слова и стиль эпитафии XIV в.¹¹

Существует неплохое изображение плиты Корнаро, отпечатанное с фотографии для каталога экспонатов Новочеркасского музея. Этот каталог, составившийся Х. И. Поповым, остался незаконченным; он сохранился в виде несброшюрованных немногих таблиц и пояснений к отдельным из них; пояснение к плите 1362 г. не было, по-видимому, написано.

Надгробие Якопо Корнаро с его довольно пространной, содержательной и представляющей интерес для историка надписью заслуживает как научного анализа, так и соответственного опубликования.

Надгробная надпись Корнаро расположена на 8 строках; две последние строки пересечены верхней частью герба, спускающегося заостренным концом значительно ниже текста. Поверхность плиты под гербом оставлена гладкой, без букв или изображений.

Общий вид надписи красив и изыскан. Он свидетельствует об искусстве резчика, о его уверенной манере, его твердой, умелой руке. Линии строк безупречно прямые, буквы отстоят друг от друга на равных расстояниях (кроме, конечно, лигированных пар букв) и одинаковы по высоте (около 4 см); слова разделены точками.

Письмо определяется как известный, широко распространенный в Северной и Средней Италии, вполне выработанный в своих лучших образцах эпиграфический шрифт. Он сформировался в XIII в., господствовал в течение всего XIV в. и отчасти применялся в начале XV в. Его можно изучать на множестве памятников: по надписям на постройках, на предметах прикладного искусства, на надгробных плитах, уцелевших в средневековых церквях итальянских городов. При разном уровне техники и

Рис. 1. Надгробие Якопо Корнаро в Тане. 1362 г. Музей истории Донского казачества, Новочеркасск.

⁸ «Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902 г.», т. II, М., 1905, стр. 519.

⁹ «Отчет Археологической комиссии за 1890 год», стр. 41, рис. 20.

¹⁰ См. «Отчеты Археологической комиссии за 1882—1898 гг.» СПб., 1906 (далее — Альбом), стр. 23, рис. 127.

¹¹ Б. В. Лунин. Очерки истории Подонья и Приазовья, кн. I. От древнейших времен до XVII столетия. Ростов-на-Дону, 1949, стр. 162. По сообщению нынешнего директора Музея истории донского казачества в Новочеркасске, русский перевод надписи, цитируемый Б. В. Луниным, был сделан «императорским российским копусом в Венеции» (по-видимому, вскоре после помещения плиты в музей).

художественности исполнения это эпитафическое письмо обычно повторяло установившиеся формы как в дукте отдельных букв, так и в общем виде шрифта.

Рисунок букв выдержан; есть варианты, но они редки. Например, две формы *g*: округлая или заостренная внизу (*egregius*, *Gaçarie*); две формы *t*: обычная капитальная или со спускающимися до нижней строки боковыми элементами перекладины (*iacet*, *mandato*, *requiescat*); две формы *u*: обычная или подобная *v* (*ducali*, *totum*, *egregius*). Изящны слегка спускающиеся под строку тонкой загнутой линией правые элементы букв *h* (слово *hic*), *m* (*comes*), *n* (*consul*). Типичны для эпитафического письма XIV в. в Италии формы букв *e* (закрытое *e* — *die*, *iacet*), «*l*» (поднятое почти до верхней строки — *consul*, *nobilis*, *honorabilis*, *ducali*), *m* (с изогнутыми боковыми элементами — *comes*, *mandato*)¹².

Повторяем, что до сих пор не опубликована ни одна фотография плиты с надписью 1362 г., но издана только рисованная от руки копия надписи (без сопровождающего исследования)¹³. Эта прорись, к сожалению, искажает строгий и точный рисунок букв: на ней они кажутся выведенными не твердой, дрожащей рукой; там, где в оригинале прочерчены тонкие, почти волосные линии, в прориси они даны грубовато, с излишними выходами за пределы строки, отчего нарушается ровность строк, придающая надписи аккуратность и элегантность. Общий вид письма на прориси получается как бы «растрепанный», лишенный ясности и твердых красивых линий.

Приводим свою транскрипцию надписи Якопо Корнаро:

1. MCCCLXII · die · XVIII · mensis · augusti
2. hic · iacet · egregius · et · nobilis
3. vir · dominus · Iacobus · Cornario · honorab
4. ilis · comes · Arbensis · et · de · duca
5. li · mandato · ambasi · ator · et · consul
6. in · Tana · et · per · totum · inperium · Gaçarie · qui
7. obiit · anima · cuius · in
8. pace · requiescat

Перевод:

1. В 1362 году, в день 18-й месяца августа.
2. Здесь лежит превосходный и благородный
3. муж, господин Иаков Корнарио, достопочтенный
4. граф Арбский и по мандату
5. дожа посол и консул
6. в Тане и во всей империи Газарии. Он
- 7—8. умер, да упокоится душа его в мире.

Относительно герба, замыкающего текст эпитафии, трудно что-либо сказать, так как его поверхность сглажена (или же резчик не успел ее заполнить). Незаконченный герб представляет собой щит, разделенный на две половины вертикальной линией: это так называемый — в итальянской геральдике — *scudo partito*¹⁴. В верхнем углу правой половины щита¹⁵ видны намеки на какое-то, теперь едва заметное украшение (цветок или часть короны?). Род Корнаро — один из виднейших в Венеции — делился

¹² Отметим, что на большинстве итальянских надписей XVI в. буква *c* обычно бывает тоже закрытая, но в шрифте надписи Корнаро она везде открытая.

¹³ «Отчет Археологической комиссии за 1890 год», стр. 41, рис. 20 (прорись); Альбом, стр. 23, стр. 127 (повторена та же прорись).

¹⁴ См., например, *Guelfo Guelfi. Vocabolario araldico ad uso degli italiani*. Milano, 1897. (Manuali Hoepli), № 662: «scudo partito — diviso per metà da una linea verticale passante per il centro».

¹⁵ Правая и левая стороны определяются в геральдике не от зрителя, а от герба,

на пять в
Корнаро
1362 г., п
На одной
рода, изоб
Может бы
Корнаро.

Вернем
обычных
итальянск
относятся
кроме име
лям посел
ционных
почти ник
надгробия
anima гес
также име
кроме них
историка;
го, переда
правителя
ки — ее п
еще усили

Из рас
теты, поч
наибольш
вызывает

Нескол
нейших и
Через три
Марко Ко
nobilis vir
деятельнос

гой — в ка
шим совет

Именно
стве и одн
соответств

Деятел
консулом
не вполне
между Вен
лись не по
лет. Срок

¹⁶ J.-B.

1884. p. 463

¹⁷ E. Sk

¹⁸ Arbe

Кварnero у

и Veglia (Kr

¹⁹ Доже

²⁰ Имею

т. е. венециа
Азовского м
представил в
délérations
лее — Thirie

на пять ветвей; каждая из них имела свои особенности на гербе. Герб Корнаро действительно был *scudo partito*, как это и показано на плите 1362 г., причем половины его должны были быть золотой и лазоревой. На одной из разновидностей герба Корнаро, относящегося к ветви этого рода, изображалась корона, расположенная на обеих половинах щита¹⁶. Может быть, такой именно герб и должен был украшать надгробие Якопо Корнаро.

Вернемся к тексту эпитафии. Он не совсем похож на текст надписей обычных надгробных плит, которые нередко встречаются на территории итальянских колоний, например, в Крыму. Они в большинстве своем относятся к рядовым людям, и, как правило, кратки, не содержат ничего, кроме имени умершего (известного в течение некоторого времени жителям поселка, где он умер, или его соседям по городской улице) и традиционных слов об «упокоении» его души; на подобных «памятниках» почти никогда не ставили даты смерти. Такова среди других надписей надгробия некоего Иоанна Робеллы: *Hic iacet Iohannes Robella, cuius anima requiescat in pace*¹⁷. Эпитафия консула-посла Якопо Корнаро также имеет два указанных элемента (имя и заупокойную формулу), но, кроме них, содержит еще и другие сведения, ценные для современного историка; это — хронологическая дата и несколько определений умершего, переданных точно и даже с подробностями. Поэтому надпись Корнаро, правителя Таны и полномочного представителя Венецианской республики — ее посла, — отличается чертами официальности и парадности, что еще усиливается ее тщательным исполнением.

Из расширенного, хотя и традиционного, текста эпитафии (дата, эпитеты, почетные титулы и служебные звания, заключительная формула) наибольший интерес, кроме даты, всегда имеющей существенное значение, вызывает имя умершего со всеми его определениями.

Несколько слов о Якопо Корнаро. Он принадлежал к одному из знатнейших и древнейших домов Венеции — *Cornario*, *Cornaro* или *Corneg*. Через три года после смерти Якопо один из представителей его рода, Марко Корнер, стал дожем (1365—1368); сам Якопо назван *egregius et nobilis vir* и носит титул графа Арбского, *comes Arbensis*¹⁸. Политической деятельностью он занимался, с одной стороны, как консул Таны, с другой — в качестве посла, избранного, как полагалось, венецианским Большим советом и утвержденного мандатом дожа (*de ducali mandato*)¹⁹.

Именно эти сведения, сообщаемые эпитафией из Таны, — о консульстве и одновременно о миссии посла, — могут быть освещены благодаря соответствующим письменным источникам²⁰.

Деятельность Якопо Корнаро в связи с его двойным назначением — консулом в Тану и послом в Золотую Орду — протекала в атмосфере еще не вполне налаженных отношений с татарами после войны 1350—1355 гг. между Венецией и Генуей. По мирному договору обе республики обязались не посылать своих кораблей к берегам Черного моря в течение трех лет. Срок запрета истек в июле 1358 г., но уже в марте этого года

¹⁶ J.-B. Rietstap. *Armorial général précédé des termes de blason*, t. I. 2e éd. Gouda, 1884, p. 463.

¹⁷ E. Skrzinska. *Inscriptions...*, p. 97, № 35.

¹⁸ Arbe (или Раб — на сербско-хорватском языке) — небольшой остров в заливе Кварнеро у северной части далматинского побережья близ островов Cherso (Црес) и Veglia (Крк).

¹⁹ Дожем был тогда Джованни Дольфин (1356—1361.)

²⁰ Имеются в виду постановления венецианского сената, касающиеся Романии, т. е. венецианских колоний в Восточном Средиземноморье и на берегах Черного и Азовского морей. Содержание этих документов в виде достаточно подробных регест представил в своем издании французский ученый Фр. Тирье: *Fr. Thiriet. Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie*, I—III. Paris, 1958—1961 (далее — *Thiriet*, номер и дата документа).

венецианский сенат вынес решение о необходимости направить (пока предварительно) к татарскому хану двух послов, которым надлежало добиваться немедленного возобновления договора о территории Таны и прежних привилегий для венецианских кушцов, а также восстановления свободной торговли в татарских областях и безопасности передвижения по степям. Были избраны и согласились на подобную миссию Джованни Кверини и Франческо Бон; они получили от своего правительства сначала «комиссию» (*commissio*), т. е. инструкцию относительно их действий при золотоордынском дворе и переговоров с ханом, а перед самым отъездом им был вручен так называемый «синдикат» (*sindicatus*), т. е. официальный документ, подтверждающий их посольские полномочия. Весной 1358 г. они отбыли в Тану, откуда обычно начинался путь в ханскую ставку ²¹.

Переговоры венецианских послов с ханом были, по-видимому, успешны, потому что правительство республики, стремясь не пропустить срока окончания перерыва плаваний в Тану, поторопилось послать туда первого — после войны 1350—1355 гг. — консула. Им стал Пьетро Каравелло, которому поручили восстановить Тану, как важнейшую колонию в системе венецианской торговли. Ему было разрешено истратить 80 соммов на постройку консульского дома: вероятно, в Тане за три года затишья в торговле подверглись разрушению здания, принадлежавшие венецианцам ²².

Лишь только наладились дела, в Венецию пришло известие об убийстве хана Бердибека (в 1359 г.). При вступлении на престол нового хана полагалось возобновлять все договоры, касавшиеся торговли на территории Татарии, и потому венецианский сенат постановил немедленно направить двух послов к новому правителю Золотой Орды. Однако не нашлось ни одного человека, который согласился бы ехать туда послом. Сенат, чтобы преодолеть это затруднение, решил поручить миссию посла вновь назначенному очередному консулу Таны. На время поездки в ханскую ставку консул должен был оставить в Тане своего заместителя — вице-консула ²³. Консулом-послом и оказался Якопо Корнаро.

На страницах сохранившихся в архивах до нашего времени многочисленных томов регистров, содержащих постановления венецианского сената, нет текста документа о назначении именно Якопо Корнаро консулом в Тану, хотя серия регистров, известная под архивным названием *Misti*, включает интересующие нас годы: это регистры № 29 и 30 за период с апреля 1359 по апрель 1363 г. ²⁴

Можно предположить, что имя Якопо Корнаро вовсе не было названо в соответствующих документах (либо эти документы затерялись), потому что его кандидатура определилась только в последний момент и подготовка документов (посольской «комиссии» и посольского синдиката) происходила в самом спешном порядке. Текст анализируемой эпитафии дает возможность историку узнать, внести в историю дипломатии имя человека, согласившегося взять на себя трудную и — судя по политической обстановке в Орде — опасную роль посла в глубинах донских и волжских степей вместе с постом консула в столь же нелегких условиях жизни в Тане. В этом тексте ясно сообщается об официальном положении умершего, который являлся одновременно и послом Венецианской республики, и консулом одной из наиболее ценных ее колоний. Можно даже думать, что случай подобного «удвоения» дипломатической миссии венецианского представителя в степях Приазовья и Подонья был первым

²¹ *Thiriet*, doc. 324, a. 1358, Mart. 22; doc. 325, a. 1358, Apr. 12—22.

²² *Ibid.*, doc. 335, a. 1358, Iul. 20.

²³ *Ibid.*, doc. 355, a. 1360, Ian. 14; doc. 358, a. 1360, Febr. 27; doc. 363, a. 1360, Maii 21 (эти три документа отражают историю назначения Якопо Корнаро послом к новому хану Золотой Орды).

²⁴ О серии регистров, именуемых *Misti*, см. *Thiriet*, t. I, p. 10—11.

в практике Венеции. Несколько лет спустя, в 1369 г., эта практика была повторена; сенат решил поручить отбывающему в Тану очередному консулу в течение четырех месяцев после прибытия в колонию отправиться послом в Орду. В постановлении сената специально указывалось — по видимому, на основе опыта с Якопо Корнаро, — что консул будет носить звание «посла и консула»²⁵; судя по всему, именно это впервые употребляемое официальное определение, причем в полной, развернутой форме, и выражено в эпитафии Корнаро.

Направление «посла и консула» в далекие восточные страны, где царили весьма запутанные политические отношения, конечно, требовало от него дипломатического искусства. В связи с этим надо отметить, что не только отбираемые для Таны консулы, не говоря уже о послах к татарским ханам, но и проживавшие или временно задерживавшиеся в Тане купцы, люди, закаленные в самых рискованных путешествиях²⁶, были вполне осведомленными в международных делах политиками, которые при надобности становились и дипломатами²⁷. Нельзя не подчеркнуть здесь же, что Тана в силу своего географического положения находилась не только на непосредственном продолжении морского пути, соединявшего Венецию с Византией, но и в орбите самого Константинополя. Отсюда происходил еще больший политический опыт людей, деятельность которых развертывалась в Северном Причерноморье и в Приазовье. К числу таких политических и торговых деятелей венецианской экспансии на среднеазиатском Востоке принадлежал, несомненно, и Якопо Корнаро.

В какой же политической обстановке пришлось действовать этому «послу и консулу»? Что происходило в Золотой Орде в 50—60-е годы XIV в.?

Известно, что при уже сложившейся монгольской империи (а она протянулась от берегов Желтого и Японского морей до Северного Причерноморья и Поднепровья) западная ее часть, так называемый Улус Джучи²⁸, иначе — Золотая Орда, во второй половине XIII в. стала крупным самостоятельным государством. К началу XIV в. она разделялась на две Орды, причем более западная из них, охватившая половецкие степи (Дешт-и Кыпчак), Северное Причерноморье (с Крымом), Северный Кавказ, Поволжье (с Булгаром), и стала той собственно Золотой Ордой, сведения о которой весьма значительны в русских летописях.

Феодално-кочевое государство Золотой Орды за три столетия (XIII—XV вв.) пережило в довольно быстрых темпах периоды становления и начального роста, краткого расцвета, а затем ослабления и падения²⁹. В 1236 г. завоевание монголами основной части Улуса Джучи, а именно всего Дешт-и-Кыпчака, было закончено и во главе нового государства стал его основатель, сын Джучи и внук Чингисхана — Бату, или Батый (1236—1256). А уже с конца 50-х годов XIV в. начался распад Золотой Орды.

²⁵ *Thiriet*, doc. 467, а. 1369, l. un. 3.

²⁶ Из числа этих купцов избирался в Тану совет 12, состоявший при консуле.

²⁷ Наиболее ярким примером купца и дипломата был в XV в. венецианец Иосафат Барбаро, занимавшийся в Тану торговлей в течение 16 лет подряд, а в старости ездивший послом в Персию к Узун-Хасану с труднейшим дипломатическим поручением своей республики. См. *Е. Ч. Скржинская*. Барбаро и Контарини..., стр. 64—85.

²⁸ По имени Джучи, старшего из четырех сыновей (от главной жены) Чингисхана.

²⁹ О политической, социально-экономической и отчасти культурной истории Золотой Орды в советской историографии имеется серьезная книга, крайне полезная для историков различного профиля (специалистов по Древней Руси, Византии, Италии, Северному Причерноморью и Кавказу): *Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский*. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950. А. Ю. Якубовским написаны введение, ч. I (о сложении и расцвете Золотой Орды) и ч. III (об ее падении), что составляет более трех четвертей всего труда. Б. Д. Грекову принадлежит ч. II (об отношениях между Русью и татарами). Солидным исследованием является и монография Б. Шпулера: *B. Spuler*. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland (1223—1502). Leipzig, 1943 (далее — *B. Spuler*).

Итальянские купцы появились и крепко обосновались в Северном Причерноморье, несомненно, благодаря тому, что уже первые золотоордынские ханы (Батый, его брат Берке и др.) в XIII в., а за ними и ряд ханов XIV в. хорошо понимали, какое значение для их государства может иметь международная торговля на его территории и насколько крупным окажется постоянный приток денежных средств в их казну от повсеместного — особенно в морских портах — взимания той или иной торговой пошлины (коммеркия). В течение второй половины XIII в. и большей части XIV в. правительство Золотой Орды активно поощряло торговлю в пределах своих владений, выдавая привилегии иностранным купцам и предоставляя в их распоряжение различные удобные для торговых целей населенные пункты (или же места для основания таковых) на золотоордынской земле.

Период процветания Золотой Орды и усиленного покровительства ее правителей городам и торговле связан с именами знаменитых ханов первой половины XIV в.³⁰ Их имена (хотя и искаженные порой как в итальянских, так и в русских источниках) были хорошо известны в Италии. Правительства итальянских городских республик, в первую очередь Генуи и Венеции, а также ректоры их колоний в Константинополе неустанно следили за политикой правителей Золотой Орды, за их раздорами, за их международными связями. В Венеции и дож, и Большой совет, а особенно сенат, как центр руководства внешней политикой республики, регулярно занимались организацией посольств в Золотую Орду³¹. По преимуществу послам поручалось при переговорах с ханами посредством просьб и поднесения подарков укреплять, а с случае конфликтов налаживать положение торговых колоний, размещавшихся на территории Орды, и особенно добиваться привилегий для купцов, главным образом в области торговых пошлин, влиявших на уровень барышей. Как правило, татары брали самую низкую пошлину с генуэзцев, фактических хозяев торговли в Константинополе и в Крыму. Венецианцы же платили более высокий коммеркий. Подобное «худшее» положение в международной торговле не соответствовало престижу их богатой и могущественной республики перед лицом ее соперницы — Генуи.

К концу 50-х — началу 60-х годов XIV в., т. е. ко времени посольского путешествия Якопо Корнаро в Тану и в татарские степи, политическая обстановка в Золотой Орде резко изменилась. До сих пор жизнь этого государства, хотя и нарушалась иногда феодальной рознью, протекала в рамках достаточно твердой власти хана, признанной на всей относительно прочно объединенной территории. Но после смерти хана Джаныбека (в 1357 г.) к концу недолгого правления его сына Бердибека (до 1359 г.) все расстроилось: началась повсеместная усобица.

Как известно, весьма богатым источником (порой даже единственным), снабжающим нас сведениями по истории Золотой Орды, являются русские летописи³². Для интересующего нас периода существенные сообщения содержат: Троицкая и Никаноровская летописи, Сокращенные летописные своды 1493 и 1495 гг., Московский летописный свод конца XV в. и

³⁰ Тохта (1290—1312); Узбек (1312—1342); Джаныбек (1342—1357); Бердибек (1357—1359).

³¹ *Thiriet*, doc. 138, a. 1342, Mart. 16; doc. 169; a. 1344, Apr. 28; doc. 201, a. 1347, Jun. 19; doc. 203, a. 1347, Jul. 14; doc. 248, a. 1350, Aug. 28.

³² Следует тут же отметить, что, кроме летописей (преимущественно для уточнения неясной хронологии истории Золотой Орды), надежным источником служат дошедшие до нас золотоордынские монеты, которые чеканились в различных пунктах татарских владений, соответственно передвижениям ханских ставок: в Сарае, Гюлистане, Булгаре, Азаке (т. е. в Азове, Тане), даже в персидском Тебризе (когда он был временно захвачен ханом Джаныбеком) Ср. *B. Spuler*, S. 112—121; см. также: *Б. Д. Греков* и *А. Ю. Якубовский*. Указ. соч., стр. 264—265, 271, 274—280 и др.

конечно, обнимающая громадный материал ряда предшествовавших ей летописей Никоновская (иначе Патриаршая) летопись³³.

На страницах обширных летописных текстов в описаниях событий второй половины XIV в. стало часто появляться выразительное слово «замятня», т. е. мятеж, раздор, распря, усобица. Таким образом термином летописцы определяли комплекс явлений беспокойного, полного неопределенности и опасностей времени в условиях либо весьма ослабевшей ханской власти, чуть не ли безвластия, либо дробления ее в среде жестоко враждующих между собой уже не единовластных золотоордынских ханов, а ханов мелких, можно сказать — местных, сидевших на шатких тронах весьма краткие сроки.

Впервые в летописях о «замятне» в Орде для этого периода сообщается под 6865 г. (= 1357 г.) в связи со смертью хана Джаныбека, которого убил его сын и соперник Бердибек: «замятня доспела (настала, приключилась) в Орде», «в Орде тогда замятня была велика», «в то время возсташе вражда и замятня велия в Орде», «замятня во Орде не престапа, но паче воздвизашеся»³⁴. Претенденты на ханский престол убивали предшественников и сами, пробыв у власти немного времени (иногда даже только несколько дней), оказывались жертвой следующих претендентов: «бысть в Орде мятеж силен, мнози цари побиени быша, и царици, и царевичи, и рядци (советники) иссекошася межи себе»³⁵. За двадцатилетие с 1360 по 1380 г. (после чего воцарился Тохтамыш) сменилось 25 ханов³⁶.

В раздираемой «замятней» столь еще недавно сильной татарской державе участились случаи тиранического захвата власти опиравшимися на достаточно многочисленное войско крупными военачальниками — эмирами или нойонами. Особенно яркой фигурой был темник Мамай, властвовавший в татарских степях в течение двух десятилетий (1361—1380). Не являясь представителем династии Чингисхана, он неизменно держал при себе «подставного», и, конечно, бессильного хана-марионетку только по той причине, что тот был чингисид по рождению и потому мог законно сидеть на престоле потомков Джучи.

Одним из следствий «замятни» в Орде были постоянные переходы из рук в руки не обозначенных четко в своих границах территорий. Отсюда — опасность прохождения по неизвестно кому принадлежавшим на каждом данном участке путям, неясность, попадет ли путник (в большинстве случаев купец) со своим имуществом в нужный ему пункт, достигнет ли посольство цели своего путешествия.

В такой-то трудной и сложной обстановке, чреватой политическими неожиданностями, постоянным риском не вернуться на родину, и предстояло действовать венецианцу Якопо Корнаро, послу ко двору неясно какого хана.

В Венеции напряженно ждали известий из Таны, чтобы быть в курсе событий в Орде, но сведения о них в пору анархии были почти всегда сбивчивыми и поступали с большим опозданием. Между тем в Орде появ-

³³ Названные летописи изданы в следующих томах Полного собрания русских летописей (ПСРЛ): Никаноровская летопись и Сокращенные летописные своды — т. 27. М.—Л., 1962; Московский летописный свод — т. 25. М.—Л., 1949; Никоновская летопись — т. 10. М., 1965 (воспроизведение с издания 1885 г.). Оригинал Троицкой летописи сгорел в пожаре 1812 г. в Москве. Эта летопись является существенным источником для истории XIV в.; ею — до ее гибели — пользовался Н. М. Карамзин, когда писал «Историю Государства Российского». В примечаниях к «Истории» Карамзин вносил отрывки подлинного текста Троицкой летописи. При помощи этих выписок Карамзина и материалов некоторых других летописей М. Д. Приселков реконструировал текст Троицкой летописи: М. Д. Приселков. Троицкая летопись (реконструкция текста). М.—Л., 1950.

³⁴ Троицкая лет., стр. 376; Моск. свод, стр. 180; Никон. лет., стр. 229; ср. Никанор. лет., стр. 66; Сокращен. своды, стр. 241 и 326.

³⁵ Никанор. лет., стр. 66; Моск. свод, стр. 181; Никон. лет., стр. 232.

³⁶ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 272.

лялись все новые и новые ханы, неизменно остро соперничавшие друг с другом. Особенно осложняли и без того смутную картину случаи одновременных, параллельных правлений враждующих между собой ханов в разных частях то Приазовья, то Поволжья. А к каждому новому хану — таков был строгий обычай у татар — было необходимо отправить посольство для официального возобновления прав на территории Таны, поступавшей в распоряжение Венецианской республике с персонального разрешения каждого золотоордынского государя. Без возобновления прав пользования территорией колонии или даже небольшой торговой станции на татарской земле невозможно было продолжать торговлю. Это наносило чувствительный удар по экономике метрополии, но одновременно оказывалось пагубным и для Золотой Орды. Одним словом, при смене правителя в Орде на посла, являвшегося к нему с петицией о продлении полномочий на территорию, сдаваемую татарами для использования в торговых целях, ложилась огромная ответственность: он должен был во что бы то ни стало добиться положительного результата переговоров.

Помимо этой основной задачи, послу приходилось решать и другие немаловажные вопросы: ходатайствовать о снижении размера торговых пошлин с ввозимых и вывозимых товаров, в случае необходимости требовать возмещения убытков в пользу потерпевших урон купцов, если ущерб был нанесен в пределах золотоордынских владений, и т. п.

Мы не имеем источников, в которых сообщалось бы о том, что посольство Якопо Корнаро состоялось и что оно достигло цели. Мы располагаем только более чем сжатой информацией, содержащейся в единственном памятнике — надгробии с надписью об умершем в Тане в августе 1362 г. Якопо Корнаро, который, как отмечено в надписи, был консулом в Тане и послом Венеции в Золотую Орду. Тем не менее мы допускаем, что посольство Якопо Корнаро совершилось, что венецианскому послу, несмотря на значительные трудности, удалось побывать в ставке татарского хана и выполнить свою дипломатическую миссию.

В связи с этим можно попытаться ответить на естественно возникающие вопросы:

1. К какому хану мог направиться Корнаро?
2. Каких привилегий добился он для венецианских купцов?

Период, когда Корнаро находился в Приазовье (1360—1362) и исполнял обязанности как консула, так и посла, отличался особенно сильными внутренними волнениями³⁷ в татарском государстве³⁸. Венецианский посол должен был проехать по стране, где царил «глад великий» и «замытия многа» и где эмиры, иначе — темники («князья Ординтии»), вели борьбу как между собой, так и с приходившими из-за Волги царевичами из рода Чингисхана. И темники, и царевичи, добываясь власти и престола, «не престояху межи собою ратующеся, и биющеся, и кровь проливающе»³⁹.

В это смутное время в Орде менялись ханы, часто лишь номинально возглавлявшие государство, а на деле способствовавшие анархии. Хронологические пределы их призрачных царствований трудно установить: они как бы наплывали одно на другое⁴⁰.

³⁷ Шпулер определяет их как гражданскую войну.

³⁸ «Апогей золотоордынской междоусобицы» — так А. Ю. Якубовский определяет начало 60-х годов XIV в. в Орде (указ. соч., стр. 275). Летописи свидетельствуют об анархии в Орде уже с конца 50-х годов, после смерти хана Джаныбека.

³⁹ Моск. свод, стр. 181; Никон. лет., стр. 233.

⁴⁰ К сожалению в современном английском справочнике Босворта (The Islamic Dynasties. A chronological and genealogical Handbook. By C. E. Bosworth. Edinburgh University Press, 1967), недавно вышедшем в русском переводе (К. Э. Босворт. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. Перевод с английского и примечания П. А. Грязневича. М., 1971), на таблице золотоордынских ханов (стр. 203) время с 1357 по 1380 г. названо вообще «периодом анархии»; не выделено, хотя бы приблизительно, время правления отдельных ханов, а их имена даже не перечисляются.

Н
К
Х
М
ТО

СК
Х
ДУ
ПРО
ТО
ДИ
СЕ
СК
Щ
ЧЕ
ПУ
Ш
БЕ
В
О
КО
ОН
Д
ТЕ

П
НИ
Х
СТ
КО
Х

В
П
П
ОБ
А

Х
М
13
Я
СК

В
ПС

ЗВ
СУ
К

СТ

СВ
Ш
С

Вот эти ханы, известные нам главным образом по русским летописям: Науруз, по летописи Наврус (1359—1360)⁴¹; Хызр, по летописи Хидырь, Кидырь (1360—1361); Темир Ходжа, по летописи Темир Хожа, Темир Хозя (один месяц в 1361 г.); тогда же параллельно появились два хана: Мурад (по летописи Мурут, Умарут, Мурат, Амурат) и Абдаллах (по летописи Авдула)⁴².

Мурада, чингисида по рождению, назвали своим ханом «князи Сарайские», которые после убийства хана Хидыря и бегства его сына Темир Ходжи «затворились» в Сарае⁴³ и удерживали за собой татарскую столицу. В летописях⁴⁴ Темир Ходжа, всего на несколько дней завладевший престолом, обычно называется убийцей своего отца. В Троицкой же летописи — ценном источнике для изучения событий XIV в. — сохранилось другое свидетельство об убийстве Хидыря: «убьен бысть царь Кидырь от своего си брата от Мурута»⁴⁵. Татарские военачальники («князи Сарайские») и были, по-видимому, зачинщиками очередной трагедии на фоне общегосударственной «замятни» в Орде: они способствовали устранению Хидыря, взяли в качестве подставного хана необходимого им чингисида Мурата (явного противника убитого Хидыря) и изгнали из Сарая Темир Ходжу, как мешавшего им претендента на ханский престол. Таким образом, через безвозвратно исчезнувший источник (Троицкую летопись) выясняются, в общих, конечно, чертах, ход событий из истории наиболее смутного в Орде 1361 г. и обстоятельства воцарения хана Мурада (1361—1362), с которым связано важное для истории Русского государства известие: он поддержал на великом княжении во Владимире московского князя Дмитрия Ивановича, серьезнейшего впоследствии противника и победителя татар в Куликовской битве (в 1380 г.)

В том же 1361 г. другой чингисид, Абдаллах (Авдула), стал ханом при могущественном темнике Мамае, который быстро набирал силу и влияние в степях, пока в Сарае некоторое время еще сохранял власть Мурад, хан «князей Сарайских». Уже в 1362 г. Абдаллах стал хозяином татарской столицы (именно у него в Сарае снова искал поддержки против соперников Дмитрий Иванович Московский, уже имевший ярлык от предыдущего хана Мурада).

Целью всех боровшихся между собой ханов и их покровителей был захват Сарая, центра «Волжского царства», узла торговых и военных путей. Пока ханам не удавалось стать властителями Сарая, они кочевали в степях, находясь же в Приазовье, приближались и к Тане: свидетельствуют об этом сохранившиеся доныне татарские монеты, чеканенные в Азаке — Азове⁴⁶.

Когда летописцы отмечали имена даже кратковременно правивших ханов и проявляли осведомленность о событиях в приазовских и при-

Мы основываем приводимые нами последовательность и годы правления ханов в 1360—1362 гг. на сообщениях русских летописей и на сведениях Б. Шпулера и А. Ю. Якубовского. Транскрипция ханских имен дается по Якубовскому с указанием «русской» формы этих имен, употребляемой в летописных текстах.

⁴¹ Датировка начала правления Науруза оправдана тем, что в январе 1360 г. в Венеции уже знали о новом хане и в связи с этим венецианское правительство решило послать в Орду двух послов (*Thiriet*, doc. 355, a. 1360, lap. 14).

⁴² На короткий срок возник и «третий царь» по имени Кильдибек, вероятно, самозванец, выдававший себя за сына хана Джаньбека. В общем, по летописям, в 1361 г. существовали даже четыре хана одновременно: Темир Ходжа, Мурад, Абдаллах, Кильдибек.

⁴³ Троицкая лет., стр. 378; Никанор. лет., стр. 67; Моск. свод, стр. 181.

⁴⁴ Никанор. лет., 6869 г. (=1361/62 г.), стр. 67; Моск. свод, под тем же годом, стр. 181; Никон. лет., под тем же годом, стр. 233.

⁴⁵ Троицкая лет., стр. 377. В реконструированном тексте Троицкой летописи это свидетельство следует считать принадлежащим ее оригиналу, так как оно дано в выписках Н. М. Карамзина («История Государства Российского», т. IV, прим. 396) Ср. выше, прим. 33.

⁴⁶ Ср. выше, прим. 32.

волжских степях, то основным, надо полагать, поводом для рассказа о татарском государстве и его правителях были для авторов летописей — при описании тяжелой зависимости Руси от татар — периодические поездки русских князей в Орду к каждому новому хану (начиная с Батыя) за ярлыками на княжение в своих вотчинах и на великокняжеском престоле. В Ипатьевской летописи, в статьях, относящихся еще ко второй половине XIII в., разъяснялось: «Тогда бо бяхуть князи Русции в воли татарьской»⁴⁷. В Московском своде так рассказано о приеме русских князей ханом Наурузом в 1359 г.: «... седе Науруз на царство, и поидоша к нему в Орду вси князи Русские, и бысть им в Орде рздел княженьем их, и придоша вси, каждо их, в свою отчину»⁴⁸. Сообщения о подобных приемах русских князей правящими ханами Золотой Орды в летописях многочисленны.

Нам представляется, что именно эти летописные сведения можно считать косвенным указанием на то, что как раз в один из дипломатических приемов русских князей хан мог принять и венецианского посла. Такие периоды «мирной» деятельности ханов едва ли могли быть длительными, особенно на фоне общей междоусобицы в Орде; надо было с известным искусством выбрать момент для того, чтобы явиться со своими ходатайствами к хану, избегая всевозможных помех и неожиданностей, которые могли случиться чуть ли не на аудиенции. Так, например, при четырех русских князьях, приехавших в Сарай за ярлыками на княжение, был убит хан Хидырь (в 1361 г.)⁴⁹. Понятно поэтому, насколько тщательно следовало разузнать, когда хан будет в столице, когда он займется дипломатическими делами и при этом — насколько крепко сидит он на своем троне. Для приехавшего из Италии дипломата последним этапом, где можно было получить наиболее свежие новости по этим вопросам, была Тана.

Итак, к какому же хану мог направиться Якопо Корнаро с конца лета или с осени 1360 г. по лето 1362 г., т. е. именно тогда, когда в Орде, по словам летописца, были «бренные» времена?

Отправляя посольство в Золотую Орду, венецианские сенаторы, руководившие делами внешней политики своей республики, предполагали, что посол постарается выполнить поручение (представиться хану и провести переговоры) в наиболее короткий срок. По документам видно, что при назначении жалованья послам обычно указывалась сумма 400 ливров на четыре месяца с оговоркой, что каждый добавочный месяц должен оплачиваться уже не 100 ливрами, а половиной этой суммы. Ясно, что сенаторы определяли продолжительность посольства в четыре-пять месяцев⁵⁰, поэтому Корнаро не должен был затягивать срок своей поездки в степь.

К хану Наурузу⁵¹ венецианский посол попасть едва ли мог, так как Науруз принимал русских князей еще весной 1360 г.⁵², а Якопо Корнаро выехал из Венеции не раньше июня этого года. В дальнейшем же поло-

⁴⁷ Ипат. лет.— ПСРЛ, т. II, 1908 (или воспроизведение текста в 1962 г.), стб. 897 и др. О поездках русских князей в Орду см. также Троицкую летопись начиная со стр. 321.

⁴⁸ Моск. свод, стр. 180—181. См. Никанор. лет. (стр. 66): «ходиша вси князи Русские в Орду». Так же в Сокращенных сводах 1493 и 1495 гг., стр. 241—242 и 326. Более подробно см. Никон. лет., стр. 231.

⁴⁹ Никанор. лет., стр. 67; Моск. свод, стр. 181.

⁵⁰ Thiriet, doc. 324, a. 1358, Mart. 22; doc. 363, a. 1360, Maii 21; doc. 369; a. 1361, Jan. 31; doc. 370, a. 1361, Febr. 15.

⁵¹ Мы полагаем, что правление хана Науруза закончилось уже в 1360 г., по видимому, осенью. Якубовский датирует смерть Науруза 1361 г. (указ. соч., стр. 273).

⁵² В летописях, начиная с Троицкой (стр. 377), одинаково передается твердая, ориентирующая нас дата: выехав из Орды весной 1360 г., князь Дмитрий Константинович Суздальский, получивший ярлык на великое княжение от хана Науруза, вступил во Владимир «за неделю до Петрова дня», что соответствует 22 июня (1360 г.), так как день памяти апостолов Петра и Павла отмечался 29 июня.

жение Науруза осложнилось приходом — весной того же 1630 г. — «царя с востока, именем Хидырь», который затем, убив Науруза, занял «царство Волжское»; по-видимому, это произошло к осени 1360 г.

Надо думать, что все внимание Якопо Корнаро было устремлено на поездку в Сарай к воцарившемуся там Хидырю (или Хызру); по всей вероятности, венецианский посол заключил договор о положении Таны именно с этим ханом. По нашему предположению, высказанному выше, возможно, что Корнаро присутствовал в Сарае одновременно с русскими князьями, среди которых был привезенный своими сторонниками малолетний московский князь Дмитрий Иванович⁵³, а также великий князь Дмитрий Константинович, уже имевший ярлык от Науруза, но спешно приехавший к новому хану (Хидырю), чтобы закрепить свои права на великое княжение во Владимире, особенно в связи с претензиями со стороны московского князя. Неизвестно, состоялся ли прием у Хидыря, успели ли русские князья взять свои ярлыки, сумел ли венецианский посол получить нужные ему грамоты, так как в это самое время с новой силой вспыхнула «замятня» в Орде и при находившихся в Сарае русских князьях Хидырь был убит.

Летописные сообщения еще раз подчеркивают необычайные трудности политической обстановки в татарском государстве в те кульминационные годы (1360—1361) «замятни», в которые венецианский посол должен был посетить двор хана и во что бы то ни стало получить грамоты, необходимые для Таны и бывавших в ней купцов. Якопо Корнаро, несомненно, стесняла срочность этих дел, но не менее его затруднял и выбор подходящего момента для ведения переговоров с татарами. Нельзя, однако, забывать, что, будучи послом, он одновременно являлся и консулом Таны. Это обстоятельство, быть может, давало ему возможность, продолжая оставаться в Приазовье, несколько оттянуть — в ожидании лучшей политической ситуации — осуществление своих посольских обязанностей. Поэтому не исключено, что Корнаро исполнил их (если ему не удалось сделать это при дворе Хидыря), побывав в Сарае у хана Мурада, чингисиды «князей Сарайских». Такая поездка в Сарай могла относиться ко времени не позднее лета 1362 г., т. е. к концу жизни Якопо Корнаро (умер 18.8.1362 г.).

Исследование различных источников не позволяет категорически утверждать, что Якопо Корнаро действительно провел порученные ему переговоры о торговой колонии венецианцев в Тане с одним из необычайно быстро сменявшихся в 1360—1362 гг. ханов Золотой Орды. Но некоторые дополнительные данные подкрепляют предположение, что он выполнил свою дипломатическую миссию.

По сохранившимся в архивах Венеции «комиссиям», т. е. инструкциям, которые венецианский сенат вручал послам республики, ехавшим в Орду в 60-х годах XIV в., можно судить о программе дипломатических переговоров преимущественно в тех случаях, когда послы должны были непременно явиться в ставку нового хана в начале его правления.

Первым пунктом, который обычно не вызывал споров, было подтверждение прав Венеции на территорию Таны как торгового порта. Это выражалось в возобновлении пакта между Ордой и Венецией относительно Таны, с включением в него привилегий венецианским купцам в области их торговой деятельности. Особое место в переговорах занимал вопрос о возмещении убытков купцам, пострадавшим от подданных хана в пределах татарских владений. Этот вопрос либо разрешался (целиком или частично), либо откладывался по обоюдному согласию. Наиболее затруднительными, но и наиболее животрепещущими были прения о размере торговых пошлин, иначе коммерция; вопрос этот всегда оставался главным, причем для обеих договаривавшихся сторон. Регулирование про-

⁵³ Дмитрий Иванович родился 12 октября 1351 г., в 1361 г. ему едва было 10 лет.

цента коммеркия, взимавшегося в пользу татар с товаров, потоком проходивших через Тану, требовало от представителя Венеции крайней настойчивости в соединении с дипломатической гибкостью. Сенат предписывал послу добиваться от татарского правительства снижения размера пошлины с 5% (как платили тогда татарам венецианцы) до 4%, а если бы удалось, то и до 3%⁵⁴, т. е. до уровня того наименьшего коммеркия, который в то время платили татарам генуэзцы, постоянные торговые соперники венецианцев.

Не располагая сведениями о результатах вероятных переговоров, которые вел Корнаро с татарами, мы тем не менее имеем основание считать, что при обсуждении размера торговой пошлины был достигнут успех: консулу, ехавшему в 1369 г. в Тану, предлагалось отправиться послом в Мамаю и добиться снижения коммеркия до 3%, но уже не с 5, а с 4%⁵⁵, и, таким образом, уравнивать венецианцев с генуэзцами, давно платившими татарам только 3% со стоимости товаров. Отсюда следует, что Якопо Корнаро в переговорах с татарами во время посольства к хану Хидырю или же к Мураду добился уменьшения коммеркия для венецианцев с 5 до 4%. В сенатском постановлении 1369 г. уже нет упоминания о пятипроцентном коммеркия.

Привлекает внимание и другой документ, датированный январем 1363 г. (пять месяцев спустя после смерти Якопо Корнаро). В постановлении сената объявлялось об увеличении годового жалованья нового (следующего после Корнаро) консула Таны⁵⁶. По-видимому, общее положение этой колонии в условиях серьезных политических осложнений в золотордынском — уже распадающемся — государстве, заставило правительство Венеции учесть и трудность, и опасность деятельности на далекой периферии Средиземноморья. Возможно, что эти соображения были вызваны (или усилены) как отчетами Корнаро, так и его, надо думать, неожиданной смертью. Теперь годовой оклад консула возрос с 70 ливров (большими денариями — grossi) до 110 ливров⁵⁷. Кроме того, консул получил право расширить штат своей свиты и охраны, а также в пять раз увеличить расходы на нужды консульской канторы в Танае.

Наконец, известным доказательством того, что Корнаро действительно провел — и успешно — переговоры в Золотой Орде, является упоминание о мандате дожа послу Венецианской республики, включенное в текст надписи на его надгробной плите. Едва ли торжественные слова *de ducali mandato ambasiator* были бы высечены на мраморном надгробии человека, который не был фактически послом своей родины.

* * *

Завершая исследование надгробной плиты Якопо Корнаро, необходимо отметить одну примечательную особенность в тексте эпитафии. Там полностью приведено официальное звание венецианского дипломата, который был «консулом в Танае и во всей империи Газарии».

⁵⁴ *Thiriet*, doc. 355, a. 1360, Jan. 14. Здесь содержится инструкция двум послам, которых сенат собирался направить в Золотую Орду к новому хану, но не отправил ввиду отказа намеченных лиц; эта же инструкция могла быть затем передана консулу Таны Якопо Корнаро, которому предстояло отправиться из Таны послом к новому хану.

⁵⁵ *Thiriet*, doc. 476, Jun. 3.

⁵⁶ *Thiriet*, doc. 398, a. 1363, Jan. 19. Отмечаем тут же, что одновременно было увеличено и жалованье баюла — главы венецианской колонии в Константинополе: оно возросло до 135 ливров (большими денариями) из расчета 2 шперпера за 1 дукат. См. *Thiriet*, doc. 401, a. 1363, Mart. 11; doc. 406, a. 1363, Maii 13.

⁵⁷ По сохранившимся венецианским документам видно, что в течение ряда лет жалование консулов Таны постепенно возрастало: в 1342 г. с 30 до 60 ливров в год, в 1349 г. — с 60 до 70 ливров, в 1363 г. — с 70 до 110 ливров. См. *Thiriet*, doc. 141, 219, 398.

Что же разумелось в этом соединении названий, явно географических, но и заключавших в себе некое политическое содержание? Полагаем, что подобная дипломатическая формула должна была выражать размах полномочий посланца Венеции в обширном регионе на юге Восточной Европы, т. е. не только в Тане, где на небольшой площади положение венецианцев было узаконено ханом, но и по всей Золотой Орде («Газарии»).

До сих пор указание на представительное положение итальянских консулов в «империи Газарии» было известно только в отношении генуэзских консулов в Таврике. В тексте надписей, помещавшихся на каффинских башнях и стенах, к концу XIV в. употреблялось также определение консула: *honorabilis consul Caffà et Ianuensium in imperio Gazarie* ⁵⁸. Отметим, однако, что на этих парадных монументальных плитах из Каффы (их длина — свыше 2,5 м), с подробными надписями на 15 строках отсутствует прилагательное *totum* при существительном *imperium*.

Современные историки обычно относят название «Хазария» — «Газария» к Крыму, точнее — к его восточной части ⁵⁹. Такое определение Таврики — среди византийцев, а затем среди итальянцев, плававших в Черное море, — явилось, несомненно, отголоском пребывания хазар на Таманском полуострове и на востоке Крыма в пору могущества Хазарского каганата (VIII—X вв.). Естественно предполагать, что название «Хазария» родилось на почве византийского Херсона, область которого, если и не соприкасалась с хазарскими владениями на востоке полуострова, все же была в недалеком соседстве с ними и население Херсона — «херсониты» — общалось с хазарами. Весьма выразительно звучит название «Хазария» у Скилицы-Кедрина ⁶⁰: в 1016 г. византийский морской флот был послан императором Василием II в «Хазарию» (*εις Χαζαρίαν*). Начальник флота Монг подчинил область (или город в этой области) ⁶¹ и взял в плен архонта Георгия Цулу. По дошедшей до нас печати этого архонта ⁶² выяснилось, что он был византийским должностным лицом — протоспафарием и стратегом Херсона. Следовательно, флот был направлен в ту страну, где находился Херсон ⁶³, страну, которая обозначалась понятным тогда для всех именем: «Хазария» ⁶⁴.

Это имя стало надолго привычным в Таврике, а затем и во всем Средиземноморье. В XIII в. (примерно в 60-х годах) в основанной генуэзцами главной их колонии на Черном море — в городе Каффа — итальянские пришельцы слышали ходившее среди местных жителей название и восприняли его. Тогда же в системе учреждений республики Генуи появилось особое ведомство по управлению Газарией (*Officium Gazarie*), т. е. территорией, отведенной татарами генуэзцам в области, именовавшейся

⁵⁸ E. Skrzinska. *Inscriptions...*, p. 49 (N 8), p. 52—53 (N 9), 54 (N 10). Название Caffa (ὁ Καφᾶς) засвидетельствовано у Константина Порфирородного: *Const. Porph., De administrando imperio*. Budapest, 1949, p. 266, 268, 270 (cap. 53). В XIV в. название Caffà употреблялось в несклоняемой форме (*consul Caffà*); в XV в. это название уже склоняется (*consul Caffè*).

⁵⁹ В. Г. Васильевский был склонен признавать «Хазарию» южную часть Крыма. См. Труды В. Г. Васильевского, т. III. Пг., 1915, стр. CLXXXVI.

⁶⁰ *Georgius Cedrenus. Chronicon*, ed. I. Bekker, t. II. Bonnae, 1839, p. 464 (известно, что в хронике Кедрина период с 811 по 1057 г. представлен текстом, буквально заимствованным из сочинения Скилицы).

⁶¹ Слово *χώρα* может обозначать и область, и город, подобно слову *terra* (в средневековом употреблении), которое обозначало либо землю, область, страну, либо город.

⁶² См. нашу рецензию на кн.: А. Л. Яковсон. *Средневековый Херсонес (XII—XV вв.)*. М.—Л., 1950.— ВВ, VI, 1953, стр. 266—267. Ср. И. В. Соколова. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсонесе.— «Палестинский сборник», вып. 23(86), 1971, стр. 66—74.

⁶³ По-видимому херсониты в 1016 г. проявили (вместе со своим архонтом) оппозицию по отношению к византийскому правительству, что случалось неоднократно.

⁶⁴ См. H. Ahrweiler. *Les relations entre les byzantins et les russes au IXe siècle*.— AIEB. Bulletin, V. 1971, p. 44—70.

«Газарией». Венецианцы не замедлили послать своего консула в Каффу; в их документах с конца XIII в. он назывался *consul in Gazaria* ⁶⁵.

Объединенные татарским господством земли Северного Причерноморья (включая и Крым), Приазовья и Поволжья стали называться — у византийцев и итальянцев — тоже «Хазарией», но только это была уже не область, не окружающая или близлежащая страна, а целая обширная «империя», во главе которой стоял татарский «император» ⁶⁶. Теперь название «Хазария» не было связано с отзвуком исторического прошлого, с хазарами забытого каганата; оно выросло из давно существовавшего условного наименования Таврики, но в сильно расширенном и новом политическом смысле, в связи с развитием контактов с татарами и расширением ареала торговой деятельности европейских купцов по всей золотоордынской территории, главным же образом на восток, в сторону нижней Волги, подступом куда служила не столько Каффа, сколько Тана.

Чтобы подчеркнуть иное, расширенное значение давно известного имени «Хазария» — «Газария», чтобы отметить эту специфику (по сравнению с малой, крымской «Хазарией»), к нему прибавили не только качество «империи», но и раздвигающее до предела эту «империю» слово *totum* — вся «империя», без исключений ⁶⁷.

Дипломатическое употребление названия «Хазария» — «Газария» в новом его значении выступило — впервые для современного историка — в тексте эпитафии венецианского посла, который осуществлял свою миссию вне Крыма, вне исконного места, носившего имя «Хазария».

Надо добавить, что новое содержание слова «Хазария» не вытеснило старого и всем привычного его содержания. По-видимому, наблюдалось двойное употребление этого названия: и в отношении Крыма, и в отношении всего Татарского государства в целом.

Иосафат Барбаро, многие годы живший в Тане (с 1436 по 1452 г.), описывая Татарию, сообщал, что к востоку от нее находится Волга, к западу — Польша, к северу — Россия, к югу — области, смотрящие в сторону Черного моря: Алания, Кумания, Газария ⁶⁸.

Еще точнее другое объяснение Барбаро. Описывая области вокруг Азовского моря (начав от Таны и идя к западу, затем к югу), Барбаро, миновав Перекоп, указывает, что на «острове Каффы» (т. е. на Крымском полуострове) после Кумании находится Газария, причем он добавляет, что эта область лежит там, где расположена Каффа ⁶⁹.

Одновременно в одном из венецианских документов (от 21 февраля 1474 г.) говорится, что жалованье консула в Тане должно поступать из суммы сборов с венецианских купцов, торгующих в Газарии, т. е. повсюду на татарских землях ⁷⁰.

Так прослеживается двойное понимание и разное употребление термина «Хазария» — «Газария».

⁶⁵ *Fr. Thiriet. Délibérations...*, rubr. 144, a. 1290, Mart. 23—25 (p. 60); rubr. 176, a. 1293; Febr. 21 (p. 67); rubr. 178, a. 1293, Apr. 21 (p. 67). *Ibid.* doc. 574, a. 1350, Apr. 7 — о венецианском консуле Уголино да Бучча в Каффе. В записках Контарини сказано, что в мае 1474 г. он останавливался в доме венецианского консула в Каффе (Е. Ч. Скржинская. Барбаро и Контарини..., стр. 191 и 213).

⁶⁶ Например: *Thiriet*, doc. 1009, a. 1401, Mart. 24. Обозначение хана «императором» в итальянских документах обычно.

⁶⁷ Подобное выражение употреблялось в отношении Византии (Романии) и всех ее владений на Леванте: *totum imperium Romanie*. Оно встречается в венецианских документах XIV в. См., например: *Thiriet, Délibérations...*, doc. 698, a. 1363, JuI. 24, p. 257, 323—324. Здесь сказано, что в случае невыполнения византийским императором условий перемирия с Венецией константинопольский баюл должен приказывать венецианцам покинуть Константинополь и «всю империю Романии» (*debeant se expedire et levasse de Constantinopoli et toto imperio Romanie*).

⁶⁸ Е. Ч. Скржинская. Барбаро и Контарини..., стр. 114, 137, 165.

⁶⁹ Там же, стр. 128, 154, 178.

⁷⁰ См. N. Jorga. *Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XV s.*, t. I. Paris, 1899—1900, p. 211.

А. И. ИВАНОВ

МАКСИМ ГРЕК И ИТАЛЬЯНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ *

В. Неоплатонизм Максима Грека

Идеи итальянского Возрождения нашли отражение и в философских взглядах Максима Грека.

Нужно сказать, что до Максима на Руси не было оригинальных философских концепций.

Своеобразное учение Нила Сорского об «умном делании», в основе которого лежал интерес к внутреннему миру, нельзя признать характерным для становления русской философской мысли. Идея «умной молитвы» занесена Нилом с Афона, где удерживалось в то время исихастское учение Паламы, являвшееся идеологией оторванного от общества монаха-пустынника.

До XVI в. русские книжные люди в своих писаниях следовали за Иоанном Дамаскином, который в «Источнике знания» утверждал, что источником знания и мудрости служит «божественное откровение», а философия является служанкой богословия⁶⁰. Этот тезис, господствовавший на Востоке, сохранил свою силу и на Западе до эпохи Возрождения.

Философская сторона литературного наследия Максима Грека до сих пор не привлекала внимание исследователей. Между тем по богатству философских тем в сочинениях он занимает первенствующее положение среди русских писателей XVI в. Правда, не осталось ни одного сочинения, специально посвященного философским вопросам. О философских взглядах писателя приходится судить по отдельным высказываниям, рассеянным в его произведениях. Анализ этих высказываний показывает, что философия Максима Грека была двойственна и противоречива.

Двойственность обнаруживается уже в определении места и роли философии среди других наук.

В одном сочинении против латинян он пишет, что только богословию доступна высшая истина, а «внешние» знания, в том числе философия, только затемняют эту истину «диалектическими нуждами и софисмами»⁶¹.

В другом месте Максим указывает, что латиняне утратили истину и извратили догматы, всецело доверившись «Аристотелю и Платону и прочей чреде еллинской»⁶².

В то же время мы встречаем у Максима Грека и другое мнение о философии. Так, в «Послании Федору Карпу Ивановичу» он пишет, что фило-

* Окончание. См. ВВ, 33, 34.

⁶⁰ Иоанна Дамаскина Полное собрание творений, т. I. СПб., 1913.

⁶¹ «Сочинения Максима Грека», I, стр. 249; ср. П. Виллари. Джироламо Савонарола, т. I, СПб., 1913, стр. 83.

⁶² «Сочинения Максима Грека», I, стр. 462. Приведенное выражение Максима Грека напоминает выражение Петрарки: «Имеют Аристотеля вместо Христа, Аввероза вместо Петра» (J. R. Charbonnel. La pensée italienne au XVI-e siècle et le courant libertain. Paris, 1919, p. 178).

софия сама по себе «священна вельми». Без вдохновения пророков философия, конечно, часто заблуждается, однако она предоставляет людям преимущества целомудрия, мудрости и кротости, улучшает нравы добрыми правилами и устанавливает общественный порядок и гражданственность и, вообще говоря, «всяку добродетель и благодать вводит во всем свете. Отсюда же и от древних некий рече: болши ми благотворит житие сие философ муж, нежели царь благий»⁶³.

Из философских воззрений Максима Грека следует отметить прежде всего его идею «самовластия» человека. Эта идея не чужда была русским книжникам до Максима Грека. Она выражена в начале известного «Лаодикийского послания» Федора Курицына (конец XV в.) в словах: «Душа самовластна, заграда ей вера», и трактовалась в смысле свободы воли, «вольного произволения человека»⁶⁴. Однако, вероятнее всего, Максим Грек заимствовал эту идею из философии Савонаролы, решительно выступавшего в защиту свободы воли человеческой, и из знаменитой «Речи о достоинстве человека» Джованни Пико делла Мирандола⁶⁵, у которого он служил в течение двух лет.

Идею «самовластия» человека Максим несколько раз высказывает, как отмечалось выше, в полемических сочинениях против астрологии. Так, в «Слове противу тцщащихся звездозрением предрицати о будущих, и о самовластии человеком» он пишет: «Мы бо самовластни от содетеля бывше и господие нашим есмя деянием»⁶⁶. В другом его сочинении мы читаем: «Мы бо самовластни бывше творцем, властели есмя своим делом»⁶⁷.

Нельзя, конечно, не признать, что в высказываниях Максима Грека «самовластие» представляется в более узком смысле, чем в «Речи о достоинстве человека», где под ним подразумевается свобода как природа разума и души человека. У Максима «самовластие» ограничивается понятием врожденной свободы в выборе между добром и злом. Но и в таком понимании взгляды Максима на «самовластие» являлись передовыми для его времени, тем более что они открывали возможность расширенного толкования «самовластия» и свободы.

Что касается взглядов Максима Грека на роль человеческого разума в деле познания, то мы встречаем у него одно чрезвычайно интересное высказывание о человеческом уме как *tabula rasa*. «Ум всяк человеческий, — пишет он, — аще по образу и по подобию божию глаголется, обаче ничтоже по навыванию разликует воска и бумаги. Якоже бо на тех якова же письма хочет кто начертает, тем же образом и человеческий ум: в нихже ни буди привыкнeshи его обычаеи и учениях или благих или злых, в техже до конца пребывает и любезно водворяется»⁶⁸.

Это высказывание Максима Грека находится в несомненной связи с воззрениями тех итальянских гуманистов, которые считали источником человеческих знаний ощущения и опыт. По поводу данного высказывания О. В. Трахтенберг замечает, что в нем чувствуется нотка материалистического характера⁶⁹.

Общие философские воззрения Максима Грека сложились под влиянием Марсилио Фичино и носят на себе печать господствовавшего тогда в Италии неоплатонизма.

⁶³ «Сочинения Максима Грека», I, стр. 356—357.

⁶⁴ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 172—176.

⁶⁵ А. И. Клибанов. У истоков русской гуманистической мысли. — «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 1, стр. 33—34. В своей статье автор приводит выдержки из сочинений Мирандолы «*Oratio de hominis dignitate*».

⁶⁶ «Сочинения Максима Грека», I, стр. 431.

⁶⁷ Там же, II, стр. 62—63.

⁶⁸ Там же, II, стр. 165. «Главы поучительны начальствующим правоверно».

⁶⁹ О. В. Трахтенберг. Общественно-политическая мысль в России в XV—XVII вв. — Сб. «Из истории русской философии». М., 1951. стр. 80.

Перв
к годам
копииста
дой грек
в дальне
шинство
против I
щипали
возможн
вызывал
конфлик
Глубо
вал в сво
зю Васи
от богов
всажден
Карпу И
ховным»
идеями Г
ну статьи
сты сочи
В кра
В ант
ла и под
углубляе
а есть р
к душе, —
лаянии».
в темниц
чество: «
твоего ра
побежден
начала, д
не отмети
раннего
ском и д
Челов
он стреми
кается м
Его воля
живет в м
созданная
ховный те
ве против
воскресе
Доктр
тона и П

⁷⁰ E. I

⁷¹ Ibid

⁷² «Соч

⁷³ Там

⁷⁴ Перс

⁷⁵ «Соч

⁷⁶ Там

⁷⁷ Там

⁷⁸ М. I

М., 1892, «

⁷⁹ «Соч

Первое знакомство Максима с идеями Платона относится, вероятно, к годам его юности, которые он провел в обществе своего дяди Димитрия, копииста Платона и Плотина и друга Виссариона⁷⁰. Во Флоренции молодой грек уже по-настоящему увлекся платонизмом и остался верен ему в дальнейшем. Аристотелевские концепции он не принимал, хотя большинство греческого клира и представителей русской церкви выступало против Платона. Марк Эфесский, Георгий Схолярый и их ученики защищали Аристотеля против Плифона и его последователей. И. Денисов, возможно, прав, когда утверждает, что неоплатонизм Максима Грека вызывал недоверие к нему среди умов Греции и был одной из причин его конфликта с официальной русской церковью⁷¹.

Глубокое преклонение перед Платоном Максим неоднократно высказывал в своих сочинениях. Так, в самом первом послании к великому князю Василию Ивановичу он пишет: «Платон внешний философ первый или от боговдохновенных писаний научен, или от света словеснаго, исперва всажденнаго в человечестве, просвещен разумом»⁷². В письме к Федору Карпу Ивановичу Максим называет Платона «внешних философов верховным»⁷³. С целью ознакомления русских книжников с некоторыми идеями Платона Максим Грек переводит на русский язык вторую половину статьи из «Словаря» Свида о Платоне, в которой интерпретируются тексты сочинений Платона — «Законов», «Горгия» и «Федона»⁷⁴.

В кратких чертах платонизм Максима Грека сводится к следующему. В антропологии Максим исповедует радикальный дуализм души и тела и подкрепляет это образами, заимствованными у Платона⁷⁵. Дуализм углубляется еще тезисом об унии души и тела. Эта уния — не случайна, а есть результат насилия над душой. «Ниже забывай, — обращается он к душе, — яко привязана еси к лютому зверю, бесящуся на тебе всякими лаянии». Максим развивает далее мысль Платона о душе, упавшей с неба в темницу тела, чтобы затем возвратиться на небо, в свое истинное отечество: «Заточение мни здешнее твое пребывание в неже осужена была еси твоего ради преступления, да аще вторыми борьбами возставиши себе от побеждения своего»⁷⁶. Эта точка зрения признавала тело носителем злого начала, душа же человеческая уподоблялась ангельским духам⁷⁷. Нельзя не отметить совпадения взглядов на природу человека Максима Грека и раннего итальянского гуманиста Колуччо Салютати. В трактате «О мирском и духовном» Салютати рассуждает так.

Человек занимает среднее место между ангелами и животными. Если он стремится к божественному, то приближается к первым, если увлекается мирским, — становится животным. Он обладает свободой выбора. Его воля не только свободна, но и склонна к добру. Но это существо живет в мире, который со всех сторон грозит ему гибелью. Чистая душа, созданная по образу божью, погружена в грязный мир⁷⁸. Поскольку греховный телесный человек не может иметь места в раю, Максим в своем «Слове против Лодовика» высказывает мнение, что человеческие тела после воскресения окажутся лишенными сексуальных частей⁷⁹.

Доктрина Максима Грека о катарсисе также исходит из учения Платона и Плотина. Следуя указанным философам, Максим заявляет, что

⁷⁰ E. Denissoff. Maxime le Grec et l'Occident. Paris — Louvain, 1943, p. 158.

⁷¹ Ibid., p. 308.

⁷² «Сочинения Максима Грека», II, стр. 296.

⁷³ Там же, I, стр. 354.

⁷⁴ Перевод А. И. Клибанова см. ВВ, XIV, 1958, стр. 172—174.

⁷⁵ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 52, 177 и сл.

⁷⁶ Там же, стр. 22.

⁷⁷ Там же, стр. 187.

⁷⁸ М. Карелин. Ранний итальянский гуманизм и его историография, вып. II. М., 1892, стр. 790—795.

⁷⁹ «Сочинения Максима Грека», III, стр. 223.

созерцание бога становится возможным только благодаря очищению, катарсису ума и души. Каждый из нас, пишет он, должен себе сказать: «Образ есмь божествен, достойна тому да мудрствуем, да получим пръвообразныя красоты»⁸⁰. Вместе с Платином Максим считает возможным достижение первоначальной красоты только через отречение от внешней телесной красоты⁸¹. Однако мистицизм Максима вступает здесь в противоречие с его гуманизмом. Максим преклоняется перед богом-творцом, как искусным художником. Поэтому опасная и полная искушения для падшего человека красота творения остается в его глазах божественной. «Сам образ тела, — говорит он, — прям, предобрейше сотворен нарочитым хитрецем» (т. е. премудрым художником)⁸².

Таким образом, в философии Максима Грека сочетаются элементы религиозного аскетизма и западного гуманизма. Возможно, что смелость некоторых его суждений дала повод к нареканиям и обвинениям, выдвинутому против него на судебном процессе. Во всяком случае, индивидуализм Максима Грека и известная независимость его ума в религиозно-философских вопросах являются характерными для века Ренессанса.

2. ГУМАНИЗМ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗГЛЯДОВ МАКСИМА ГРЕКА

Буржуазная историография суживала идейное содержание гуманизма эпохи Ренессанса, отождествляя его с индивидуализмом, с идеей свободы личности и суверенности частной жизни. Буржуазные теории гуманизма, выводя всю культуру Возрождения из индивидуалистического мировоззрения «нового человека», полностью игнорировали главную гуманистическую идею, которая развивалась долгое время в утопических формах, — идею гуманности, человечности общественных отношений. Гуманизм периода Возрождения нельзя рассматривать как целостную идеологическую систему одного определенного класса, в данном случае поднимающегося класса буржуазии. Он представлял собою совокупность идеологических течений различного характера.

Дворянство и зарождающаяся буржуазия видели в свободе прежде всего возможность личного произвола, трудящиеся классы — свободу от угнетения.

Первые в большинстве своем были далеки от народа и даже враждебны к нему. Уже ранние гуманисты — Петрарка, Боккаччо, Салютати и др. — при всей прогрессивности их воззрений, являясь представителями господствующего класса, относились к народным массам с нескрываемым презрением, а иногда с отвращением. «Я по мере возможности избегал городов, презирал толпу и общественные дела, уединялся в лесах, скрывался в безмолвии полей», — пишет Петрарка в «Тайне». Там же он заявляет: «Мнению толпы обо мне я придаю не больше значения, чем тому, что думает обо мне стадо животных».

Колюччо Салютати по поводу восстания Чомпи разражается такой филиппикой: «То были не люди, а самые дикие звери, которые, подпалив город, изгнав столько грандов, разграбили дома богачей».

Такое презрение к народу — характерно для ряда итальянских гуманистов¹.

Другое же течение гуманизма, отражавшее интересы народных масс, представлено одиночками — такими, как Томас Мор, Томмазо Кампа-

⁸⁰ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 5.

⁸¹ Там же, II, стр. 162; III, стр. 213.

⁸² Там же, II, стр. 6.

¹ М. А. Гукковский. Итальянское Возрождение, т. I. Ленинград, 1947; стр. 278—279.

нелла, Томас Мюнцер. Эти деятели выступили с утопическими планами переустройства общества на гуманных началах.

К утопистам-гуманистам следует отнести и Джироламо Савонаролу, пытавшегося установить во Флоренции «полную демократию» и «первоначальное равенство» между людьми.

Максим Грек во время пребывания в Италии воспринял социальные идеи демократического течения гуманизма, которые нашли отражение в его публицистической деятельности. Все его обличительные произведения пронизаны страстным протестом против социальных несправедливостей, глубоким сочувствием к трудящимся массам и решительным осуждением всяких форм феодальной зависимости и эксплуатации.

* * *

Наиболее полно и ярко взгляды Максима на социальные отношения выражены в его сочинениях, посвященных вопросам нестяжательства.

Суть нестяжательского учения сводится к запрещению монахам иметь личную собственность. Во всех сочинениях Максима Грека красной нитью проходит требование полного личного нестяжания иноков. При этом он исходит из евангельской заповеди: «Раздаждь твоя вся убогим»². Поскольку евангельский призыв обращен к последователям Христа вообще, то надо полагать, что Максим Грек считал стяжание пороком, недопустимым не только для монахов, но и для мирян. Богатство он рассматривал как главное зло, которое лежит в основе всех нестроений и преступлений человеческих³.

Второе требование, лежащее в основе нестяжательского учения Максима Грека, заключается в обязанности каждого инока добывать себе пропитание и все необходимое для жизни собственным трудом. Приводя примеры из жизни афонских монастырей, Максим Грек обращается к русским инокам и к каждому читателю его произведений со строгим призывом не пользоваться чужим трудом, а жить своим: «Хлеб бо, рече, свой снеси во вся дни живота твоего в поте лица твоего, ниже стяжи под рукою поселян аки властель, а якоже Христов ученик живи апостольски, руками своими добываючи себе свой хлеб, вся своя прежде раздавши нищим»⁴. «Не уподобляй себя губительным кифином (трутням. — А. И.) чужих трудов, — говорит он в другом месте, — наполняящи всегда чрево свое. Ревнуй же праведнейшим деланием премудрыя пчелы, своих праведных всегда насыщающа»⁵.

В тесной связи с указанными двумя принципами находится третье требование, запрещающее монастырям владеть вотчинами или другим доходным имуществом.

Критика монастырского вотчинного землевладения являлась одним из главных пунктов учения нестяжателей. Самым настойчивым противником монастырских земельных имений был Максим Грек. В своих сочинениях он многократно со всей определенностью осуждал право монастырей владеть доходными имениями⁶.

Но был еще один пункт в учении нестяжателей, который выделил это течение из среды других, придав ему острую социальную направленность, — это вопрос о положении крестьян в монастырских вотчинах. Нестяжатели восставали не только против монастырских имений, но и против жестокой эксплуатации феодально-зависимого крестьянства.

² «Сочинения Максима Грека», II, стр. 30.

³ Там же, стр. 110—111.

⁴ Там же, II, стр. 29.

⁵ Там же, стр. 34, 105.

⁶ Там же, стр. 69—70, 89—118, 402 и др.

И Максим Грек был самым ревностным обличителем бесчеловечного притеснения бедных поселян монастырскими властями. В сочинениях «Слово... Беседует ум к души своей...», «Стезание о известном иноческом жителстве...» и «Слово о покаянии...» он рисует потрясающую картину бедственного положения подвластного монастыря крестьянского населения⁷.

Эта картина по яркости, правдивости и полноте изображения не имеет равных в русской литературе XVI в., как правильно отмечает Н. А. Казакова⁸.

Правда, Максим Грек не выдвигал какого-либо определенного решения «крестьянского вопроса», кроме требования «раздать все имения нищим». Однако едва ли можно согласиться с утверждением Б. Д. Грекова, что Максим «мирился с существующей системой взаимоотношений между землевладельцем и крестьянином» и что «его требования относятся к области морали»⁹. Все выступления Максима Грека пронизаны страстным протестом против угнетения богатыми бедных, против присвоения плодов чужого труда. И это не было простым морализированием¹⁰ или проявлением «совестливости». Признаки «совестливости» можно обнаружить в речах и проповедях многих представителей официальной церкви времен Максима Грека, в том числе у митрополита Даниила и Иосифа Волоцкого, но эти деятели за свою показную «совестливость» не томились всю жизнь в тюрьме.

Обличения Максима были вызваны подлинной заботой о положении трудящихся. Эти обличения проникали в народные массы и способствовали усилению оппозиционных настроений.

Максим Грек не был волевым реформатором, способным произвести крупные изменения в общественной жизни по примеру флорентийского проповедника. Правда, подобной активной реформаторской деятельности вряд ли можно было ожидать от человека, проведшего значительную часть жизни в тюремном заточении, под строгим присмотром.

Распространенный в научной литературе взгляд на Максима Грека, как на идеолога реакционного боярства не находит достаточного подтверждения в его творениях. То же следует сказать, между прочим, и об остальных истинных нестяжателях (Нил Сорский, Вассиан Патрикеев и старец Артемий).

Не находя прямой аргументации в работах нестяжателей, защитники этого взгляда прибегают к соображениям, так сказать, побочного характера:

1. Требование Максима Грека, как и других нестяжателей, ликвидировать монастырские земельные владения соответствовало интересам боярских кругов, которые надеялись путем секуляризации огромных монастырских имений в пользу государства отвести надвигающуюся опасность от собственных земель.

2. Максим Грек, как и другие нестяжатели, не касался вопроса о положении крестьян во владениях светских феодалов, хотя оно было не менее тяжелым.

3. Максим Грек, как и другие нестяжатели, был лично связан с боярскими кругами и, следовательно, выражал их интересы.

Что касается первого тезиса, то он никак не подтверждается источни-

⁷ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 31—32, 38, 98, 130—131, 132 (см. А. И. Иванов. К вопросу о нестяжательских взглядах Максима Грека.— ВВ, XXIX, 1969, стр. 135—147).

⁸ Н. А. Казакова. Максим Грек как нестяжатель.— «История СССР», 1967, № 2, стр. 86.

⁹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Изд. 2-е, кн. 2. М., 1954, стр. 227—228.

¹⁰ См. Н. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, стр. 160.

ками и просто гипотетичен. В источниках мы встречаем другого рода сведения, которые свидетельствуют, что бояре и представители княжеских родов охотно вступали в монастыри со всем имуществом с целью найти там приют, избежать разных повинностей и вместе с тем скрыть в монастыре свои богатства. Еще чаще крупные феодалы передавали под охрану монастырей вотчины в форме дарения с правом последующего выкупа. Такого рода экономические сделки крупной феодальной знати с монастырями приняли в первой половине XVI в. столь широкие размеры, что правительство особой приговорной грамотой от 11 мая 1551 г. запретило монастырям принимать вотчины «без царева великого князя ведома и без доклада», а вотчинникам сдавать свои земли в монастыри и выкупать их»¹¹.

Несостоятельность приведенного довода заключается в том, что защитники его ошибочно считают самым главным пунктом программы нестяжателей требование секуляризации монастырских владений государственной властью. Вполне понятно, что конфискованные монастырские земли и села должны были перейти в руки других владельцев и, как показала история конфискации церковно-монастырских земель Иваном III в Новгороде в конце XV в., этими новыми владельцами должны были стать поместные дворяне, основная опора великокняжеской власти. Естественно, что при передаче монастырских земельных фондов в распоряжение служилого дворянства положение зависимых крестьян не становилось более легким, так как феодальная эксплуатация, которую с такой силой и страстностью осуждали нестяжатели и особенно Максим Грек, в светских феодальных поместьях была не менее жестокой, чем в монастырских. Поэтому нестяжатели не ставили и не могли ставить вопроса о секуляризации монастырских имений. Ни у Нила Сорского, ни у Максима Грека, ни у Артемия мы не находим такого требования.

Максим Грек в своих «Главах поучительных» предлагает, напротив, чтобы царь воздержался от «хищения чужих имений»¹². Точно так же и старец Артемий в послании к Ивану Грозному не советует «нужением и властью» села отнимать у монастырей»¹³. Только у Вассиана Патрикеева встречается одно высказывание в пользу отнятия великим князем церковных и монастырских имений¹⁴. Но это заявление было сделано в пылу полемической борьбы Вассиана против иосифлянского принципа неприкосновенности церковной собственности, в частности положения о том, что даже «венец носящие» не могут посягать на церковные имущества¹⁵. Никаких других данных о выступлениях Вассиана в пользу секуляризации монастырских вотчин мы не имеем.

Требование секуляризации, настойчиво выдвигавшееся идеологами поместного дворянства и предполагавшее неизбежный переход монастырских владений в руки светских феодалов-дворян, не соответствовало принципу евангельской нищеты и братолюбия, который являлся исходным пунктом в учении нестяжателей.

Истинные нестяжатели первой половины XVI в. своей борьбой против монастырских стяжаний и бесчеловечной эксплуатации крестьян в монастырских вотчинах преследовали иные цели, чем идеологи феодальных кругов — дворянства и боярства, и, следовательно, не могли отражать интересов последних. Они хотели, чтобы сами монахи добровольно отказались от своих имений и отдали их неимущим, т. е. разорившимся крестьянам, к чему постоянно и призывали в своих сочинениях, напоминая о евангельской заповеди: «Роздаждь имения твоя вся убогим»¹⁶.

¹¹ «Стоглав». Казань. 1862, стр. 430.

¹² «Сочинения Максима Грека», II, стр. 172—173.

¹³ РИБ, т. IV. СПб., 1878, столб. 1440.

¹⁴ Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 279.

¹⁵ Там же, стр. 263.

¹⁶ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 30; «Слово ответно» Вассиана Патрикеева (Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев..., стр. 257—259) и др.

Правда, под «убогими», «сирыми» и «неимущими» в средневековом обществе подразумевались не только разорившиеся крестьяне, но вообще всякого рода деклассированные элементы. Однако, поскольку здесь речь идет о раздаче монастырских земельных имуществ, надо полагать, что передача их предназначалась, по мысли нестяжателей, — в первую очередь неимущим, безземельным крестьянам¹⁷. Нельзя признать обоснованным и второй тезис. Обличая и осуждая стяжания и жестокую эксплуатацию крестьян в монастырях, Максим косвенно осуждал светских владельцев и феодальную эксплуатацию вообще, указывая, что в данном случае монастыри уподобляются светским господам. «Мирских человек лихоимцов сицева лукава деяния суть, не помнящих отнюдь будущего онного страшного суда и соблюдаемого сицевым негасимаго огня»¹⁸. «Ничтоже бо обыче толь воззверити нас, — говорит он в другом месте, — якоже еже господьски владети стяжаниями»¹⁹.

Кроме того, у Максима Грека есть произведения, в которых он выступает с обвинениями, направленными непосредственно против феодальных верхов, — «Слово о неизглаголинном божии промысле, благости же и человеколюбии, в том же и на лихоимствующах»²⁰, «Слово пространнее излагающе с жалостию нестроения и безчиния царей и властей последнего жития»²¹.

В первом «Слове» Максим обличает беззакония провинциальных феодальных властей, во втором — произвол центральных правителей, готовых во имя личных интересов разорить царство. Эти обличения тем более замечательны, отмечает В. Ф. Ржига, что Максим Грек поддерживал самые тесные культурные связи с некоторыми лучшими представителями московского боярства (Ф. И. Карпов, В. М. Тучков-Морозов, князь П. И. Шуйский и др.), но эта дружба не помешала ему отрицательно отзываться о деятельности правящих кругов²².

Последний довод покоится на убеждении, что Максим Грек, как и другие нестяжатели, был тесно связан с боярскими кругами. Биографические сведения о нестяжателях не подтверждают этого. Из истинных нестяжателей лишь Вассиан Патрикеев являлся выходцем из боярской среды. Но став после принятия монашества ревностным учеником Нила Сорского, он всецело проникся теми вольнодумными оппозиционными нестяжательскими настроениями, которые господствовали среди заволжских старцев.

Больше данных имеется в пользу того, что ряды нестяжателей пополнялись выходцами из низов, главным образом из среды разорывшегося черносопного крестьянства Северной заволжской Руси.

Патриархальное крестьянство русского Севера, особенно сильно страдавшее от наступления церковных вотчинников²³, а также комплектовавшееся из него монашество заволжских пустыней — вот та среда, которая живо воспринимала на протяжении всей первой половины XVI в. идеи нестяжателей, а вместе с тем и сопутствующие им радикальные учения еретиков.

Таким образом, у нас нет оснований зачислять нестяжателей в лагерь боярских идеологов по признаку классового родства. Тем более непри-

¹⁷ См. И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века, стр. 165, 376; Н. А. Казакова. Максим Грек как нестяжатель, стр. 94—95.

¹⁸ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 106.

¹⁹ Там же, 69.

²⁰ Там же, стр. 185—212.

²¹ Там же, стр. 319—327.

²² В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики XVII века. Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, I. Л., 1934, стр. 37.

²³ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, стр. 140—141, 187—194.

меним эт
страны и

Глави
сима в
териалы
обвинени
опально

Но е
литическ
цессах 1
сообразе
и деятел

В по
причина
несостоя
спорном
был осу
роков г

Нест
прониза
осужден
идейным
совреме
Косого
Достато
«Послав
сим пред
стной и
сим зая
чернече
неправе
дей²⁷.

Мате
всех сво
возникл

Бли
Феодоси
ви к бл
о созда
будут т

К пу
характе

²⁴ Е.

717.

²⁵ А.

1968, стр

список «

по сравн

Н. А. Ка

нений и

ская нах

²⁶ Н.

²⁷ С.

t. VI, p

²⁸ М.

Сильвест

²⁹ Д.

рин реле

меним этот признак к Максиму Греку, который был выходцем из другой страны и иной среды, весьма далекой от русского боярства.

Главным и едва ли не единственным основанием для зачисления Максима в партию сторонников реакционной феодальной знати служат материалы его судебного процесса, в частности выдвинутые против него обвинения в политической нецелостности в связи со следственным делом опального боярина Берсена Беклемишева.

Но еще Е. Голубинский авторитетно заявлял, что все обвинения политического характера, предъявленные Максиму Греку на судебных процессах 1525 и 1531 гг., являются клеветой, так как они ни с чем не сообразны и находятся в полном противоречии со всеми высказываниями и деятельностью Максима²⁴.

В последнее время Н. А. Казакова в работе, специально посвященной причинам осуждения Максима Грека, с исчерпывающей полнотой вскрыла несостоятельность выдвинутых против него обвинений и пришла к бесспорному выводу, что «Максим Грек так же, как и Вассиан Патрикеев, был осужден за критику вотчинных прав монастырей, за обличение пороков господствующей феодальной церкви»²⁵.

Нестяжательская публицистическая деятельность Максима Грека, пронизанная глубоким сочувствием к народным массам и решительным осуждением разных форм феодального угнетения, имела много общего с идейным движением западных гуманистов-утопистов и с выступлениями современных Максиму русских еретиков Матвея Башкина, Феодосия Косого и других, которые выражали идеологию общественных низов. Достаточно вспомнить следующие места из сочинений Максима Грека. В «Послании утешительном к некоей княгине скорбящей о смерти сына» Максим предлагает раздать все имение нищим и бедным²⁶. В «Послании неизвестной инокине», намеревающейся перед смертью принять схиму, Максим заявляет, что напрасны надежды «получить спасение одними платми чернеческими и скымою в последнем дыхании», и советует отказаться от несправедливо собранного имущества и отпустить на свободу кабальных людей²⁷.

Матвей Башкин, следуя советам Максима Грека, отпустил на свободу всех своих кабальных людей²⁸. Неудивительно, что в церковных кругах возникло подозрение насчет единомыслия Максима Грека и Башкина.

Близок был к нестяжательской проповеди Максима и другой еретик — Феодосий Косой, который в своем учении, основанном на заповеди любви к ближнему, развивал целую систему взглядов о всеобщем равенстве, о создании общества, в котором не будет богатых и нищих и все люди будут трудиться»²⁹.

* * *

К публицистическим произведениям Максима Грека нестяжательского характера тесно примыкают и его нравоучительные сочинения. Наблюдав-

²⁴ Е. Голубинский. История русской церкви, т. 2, 1-я половина. М., 1900, стр. 715—717.

²⁵ А. Н. Казакова. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. — ВВ, XXVIII, 1968, стр. 109—126; XXIX, 1969, стр. 108—134. Недавно вновь найденный в Сибири список «Судного дела» Максима Грека, более полный и более древний (конец XVI в.) по сравнению с известным до сих пор (XVII в.) не только не противоречит выводам Н. А. Казаковой, но еще яснее подчеркивает лживость предъявленных Максиму обвинений и тенденциозность всего судебного процесса. См. Н. Н. Покровский. Сибирская находка (Новое о Максиме Греке). — «Вопросы истории», 1969, № 11, стр. 129—138.

²⁶ Не издано, См. ГБЛ, ф. 256. Собр. Румянцев, № 264 (XVI в.), лл. 298—299 об.

²⁷ См. там же, лл. 203—204 об. В. Ф. Ржига упоминает об этом послании (BS, t. VI, p. 93—94).

²⁸ Московские соборы на еретиков XVI века. Жалобница благовещенского попа Сильвестра. — «Чтения ОИДР», 1847, кн. III, отд. II, стр. 22.

²⁹ Д. К. Шелестов. Свободомыслие в учении Феодосия Косого. Сб. «Вопросы истории религии и атеизма», II. М., 1954, стр. 203.

шийся в раннем Ренессансе усиленный интерес к вопросам морали связан с индивидуалистическим мировоззрением эпохи Возрождения. Но у одних гуманистов индивидуализм выражался в преимущественном внимании к собственной личности, к ее внутреннему миру, развитию ее способностей и удовлетворению потребностей, к личному нравственному и вообще духовному совершенству, у других он характеризовался интересом к ближнему, к окружающему миру и направлен был на устранение нравственных пороков всего общества. Необходимо, однако, отметить, что представители раннего гуманизма в вопросах морали исходили в большинстве своем не только из гуманистических взглядов на «нового человека» как самодовлеющую личность, но и из средневекового религиозно-аскетического представления о греховности человеческой природы и испорченности мира.

Так, Петрарка в трактатах: «О средствах против всякой фортуны», «Об уединенной жизни» и в автобиографическом сочинении «О презрении к миру» резко выступает против наслаждений земными благами, так как они скоротечны, и призывает стремиться к достижению благ небесных³⁰. Такое же соединение индивидуализма с аскетизмом обнаруживается в философско-моральных трактатах Колуччо Салютати. В трактате «О мирском и духовном» он резко нападает на современное ему общество, в котором процветает порок. Не составляет исключения и церковь, превратившаяся в средоточие греха. По Салютати, борьба с миром, отказ от земных благ, от семьи, богатства, общества — цель существования человека³¹.

Как и у представителей раннего Ренессанса, аскетические мотивы в правоучительных произведениях Максима Грека занимали видное место. В то же время его постоянные призывы к милосердию, любви к ближним, к помощи нуждающимся, его страстные обличения богатых лихоимцев, угнетающих бедных и слабых, исходили из высоких гуманистических побуждений и имели целью устранить социальную несправедливость и улучшить положение трудящихся масс.

Любостяжание и неразрывно связанные с ним лихоимство и ростовщичество в глазах Максима Грека были главными язвами, которые разъедали древнерусское общество. Против этих зол он и ополчался в первую очередь в своих сочинениях.

Из произведений, в которых он специально касается «богомерзкого резоимания и лихоимания», назовем следующие: «Слово душеполезно зело внимающим ему. Беседует ум к души своей в немже и на лихоимство»³². «Словеса, аки от лица пречистыя богородицы к лихоимцом и скверным, всякия злобы исполненным, а каноны всякими и различными песньми угрожаати чающим»³³ и «Слово поучительное»³⁴.

Наряду с лихоимством и ростовщичеством Максим Грек резко выступает против показного благочестия и внешней обрядности. Мы уже указывали, что борьба Савонаролы с лицемерной религиозностью и обрядностью, являясь частью его широкой реформаторской деятельности, была вызвана гуманистическим стремлением освободить человеческую личность от средневековых пут и направить ее усилия на нравственное совершенствование и на благо ближнему.

Теми же мотивами руководствовался и Максим Грек, обличая внешнюю обрядность и лицемерную религиозность. Этому он посвятил несколько специальных сочинений: «Сказание живущим во грехе неотступно,

³⁰ М. Карелин. Ранний итальянский гуманизм и его историография, вып. I. М., 1892, стр. 174—184, 185—186, 205—207.

³¹ Там же, вып. II, стр. 790—800.

³² «Сочинения Максима Грека», II, стр. 5—52.

³³ Там же, стр. 241—244.

³⁴ См. ГБЛ, ф. 256. Собр. Румянцева, № 264 (XVI в.), лл. 262—265.

а каноны всякими и молитвами преподобных молящихся богу во вся дни надеющимся спасение получитьи»³⁵. «Поучение ко иноком о исправлении иноческого жития и кая есть сила великия схимы»³⁶, «Послание к неким инокиням»³⁷.

Кроме того, Максим Грек затрагивал эти вопросы и в ряде других произведений правоучительного характера, таких, как: «Послание неизвестной инокине»³⁸, «О внутреннем посте еже не точию от брашен поститься, но и от всяких страстей душегубительных соблюдатися и отбегати»³⁹.

Как могут угодить богу, говорит он, те, которые «всю надежду спасения полагают во едином лишении мяс и рыб и елей, во время священных пост, а еже обидети и лихоимствовать бедныя подручники и в судилища влачити их и враждебие их ратовати и озлобляти различне не престають»⁴⁰.

Особенно гневно обличает Максим Грек современное ему фарисейство в знаменитом слове, написанном по случаю страшного тверского пожара 1537 г. Максим приводит в качестве примера разорение Греции, которую не спасли от беды «ни благолепное пение», ни «красоты и высоты предивных храмов», ни «даже мощи апостольския и мученическия», в этих храмах скрывавшиеся, понеже там (в Греции. — А. И.) убога возненавидеша и сира убиша» из-за златолюбия, неправосудия и мздоимства⁴¹. Таким образом Максим Грек видел основную причину гибели Греции не в моральных пороках, а в социальных.

3. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ МАКСИМА ГРЕКА

В общественно-политических взглядах Максима Грека прослеживается влияние двух культурных направлений, связанных с византийским и итальянским периодами раннего Ренессанса.

В политических трактатах ранних гуманистов преобладает идея народовластия. Так, Колюччо Салютати в трактате «О тиране», давая яркую характеристику тирании, считает позволительным убивать тиранов, как воров и разбойников¹. Особенно настойчиво пытался обосновать и провести в жизнь идею народовластия Савонарола.

В своих воспоминаниях о Савонароле Максим Грек совершенно не касается политической стороны в деятельности флорентийского проповедника. Возможно, что он опасался высказывать симпатии к республиканско-демократическим идеям Савонаролы, чтобы не вызвать гнева московского князя и правящих верхов и не подвергнуться той же участи, какая выпала на долю Савонаролы. Но, скорее всего, эти идеи остались чуждыми православному греку, воспитанному на византийских традициях. Для него, по-видимому, непререкаемой оставалась теория о высшей власти светской и церковной, изложенная в 6-й новелле Юстинианова кодекса². Византийская формула, выражающая взаимоотношение обеих властей, в передаче Максима Грека гласит: «Два превелии и божественнейша (блага) суть священство и царство, по великому во царех Иустиниану, сице глаголющему: превелиа в человецех суть дарования божия от вышняго человеколюбиа дана священство и царство; священство убо бо-

³⁵ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 213—214.

³⁶ Там же, стр. 220—228.

³⁷ Там же, стр. 394—415.

³⁸ См. ГВЛ, ф. 256. Собр. Румянцева, № 264 (XVI в.), лл. 203—204 об.

³⁹ Там же, лл. 69—70 об.

⁴⁰ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 161.

⁴¹ Там же, стр. 261—263.

¹ М. Карелин. Ранний итальянский гуманизм и его историография, вып. II, стр. 804—806; М. А. Гужовский. Итальянское Возрождение, т. I, стр. 276.

² С. E. Zachariae a Lingenthal. Imp. Justiniani novellae quae vocantur sive constitutiones..., I. Lipsiae, 1881, p. 44—45.

жественным служаще, царство же человеческих вещей начальствующее и промысляющее; и от единого и того же начала обоя исходяща человеческую жизнь украшают»³.

Идея гармонии двух властей резко отличает Максима Грека и от иосифлян, и от заволжских старцев, так как первые защищали принцип подчинения церкви государству, а вторые стояли за независимость церкви⁴. Но, выдвигая эту идею, Максим понимает ее по-своему, явно в гуманистическом духе. Это касается прежде всего сущности и характера царской власти.

Царь в изображении нашего писателя выступает как самодержец. Но признание за ним права на самодержавную власть сопровождается у Максима существенными оговорками и требованиями, которые ведут к ограничению этой власти и идут вразрез со взглядами византийских законодателей и русских книжников, не допускавших никакой критики распоряжений и действий царя, как помазанника божия.

Пределы царской власти Максим Грек ограничивает прежде всего законом. Царь должен «справдою и благозаконием устраяти житейская подручников»; ему надлежит «по спасительным заповедям и законом устраяти вверенное царство и творити всегда суд и правду»⁵. «Ничтоже убо потребнейше и нужнейше правды благоверно царствующему на земли»⁶.

В пример Максим приводит даже иноверных царей западных народов — ляхов и немцев, «иже, аще и латина суть по ереси, но всяким правосудием и человеколюбием правят вещи подручников, по уставленным градских законов»⁷.

Ограничивать самодержавную власть, по Максиму Греку, должны и царские советники.

В «Главах поучительных начальствующим правоверно» он советует великому князю: «Дивна советника и доброхотна твоему царствию оного возми, не иже чрез правду на рати и воевания вооружает тя, но иже советует тебе мир и примирение любити всегда со всеми окрестными соседями богохранимыми ти державы»⁸.

В Слове о «нестроениях и безчиниях царей» жена Василия жалуется, что современные правители «мало общепольное советование принимают доброхотных их» и «поучение старческое ненавидят»⁹.

В «Послании к начальствующим правоверно» Максим большое значение придает «справде и правости соправящих царю православных князех и боярех» и отмечает, что ничто так не содействует крепости государства, как «единомыслие и друголюбие, еже посреде боярех и воеводах»¹⁰.

В «Послании Ивану Грозному» он убеждает: «Сущаго у тебе преосвященного митрополита и боголюбивыя епископы всякия чести спадобляй и береги... и полезная богохранимей державе твоей советующих послушай»¹¹.

Во всех высказываниях Максима Грека о государственной власти проводится одна мысль: единоличное управление государством ведет к гибели.

В литературе высказывалась мысль, что суждения Максима Грека о роли мудрых советников в ограничении самодержавия отражают взгляды

³ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 162, 297.

⁴ В. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916, стр. 254.

⁵ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 157, 168, 324, 348.

⁶ Там же, стр. 159.

⁷ Там же, стр. 201.

⁸ Там же, стр. 162.

⁹ Там же, стр. 320—321, 334.

¹⁰ Там же, стр. 338—339.

¹¹ Там же, стр. 352—353.

реакционного боярства, выступавшего за сохранение привилегии удельной знати и, следовательно, являвшегося противником централизованной государственной власти¹². Но эта мысль не соответствует действительности.

Когда в малолетство Ивана Грозного у власти стояли бояре, Максим не принял участия в их борьбе за власть. Наоборот, именно тогда он пишет знаменитое «Слово, пространнее излагающе, с жалостию, нестроения и безчиния царей и властей последнего жития»¹³, в котором изображает властителей под видом диких зверей — львов, медведей, волков и лисиц, раздирающих царство.

Максим говорит о таких советниках, которые бы, не ослабляя централизованной царской власти, удерживали бы ее от нарушений закона и справедливости. Об этом свидетельствует близость Максима к таким советникам Грозного в первые годы его правления, как митрополит Макарий, Адашев, протопоп Сильвестр. Сохранилось два послания Максима Грека к митрополиту Макарию (1547—1548 гг.)¹⁴, в которых он одобряет деятельность Макария и восхваляет за то, что тот, «обильне учит и советует царю» милосердие ко всем подручником, наипаче же ко требующим милости и заступления сирым и вдовицам и лихоимствуемым без человечески и убогим и приходящим иноземцов странным». Между тем известно, что Макарий был противником бояр и высоко ценил взгляды и литературные творения Максима. Некоторые из них он включил в свои «Великие Четьи-Минеи». В то же время Максим, как указано выше, в послании к Грозному советует «сущего у него митрополита» содержать в чести и прислушиваться к его советам.

Особенно важными являются связи Максима с Сильвестром.

Н. И. Смирнов решительно утверждает, что у Максима Грека не было ничего общего с Сильвестром, так как Максим — представитель реакционной идеологии¹⁵. Но это утверждение следует признать голословным. Известно, что Сильвестр в борьбе с боярством опирался на нестяжательскую оппозицию, в частности, на Максима Грека, который считал Сильвестра другом, называя его в своем послании «благодетелем» и честнейшим во иереях» и прося его ходатайства перед царем за детей покойника Никиты Борисовича, живущих в великой скудости и нужде¹⁶.

По всем данным, с большим уважением относился к Максиму Греку и сам Сильвестр, о чем говорит тот факт, что он собирал и хранил сочинения Максима Грека. Поэтому можно утверждать, что влияние Максима Грека в известной степени сказалось на той преобразовательной и законодательной деятельности 50-х годов XVI в., которая проводилась в период управления Адашева и под влиянием Сильвестра и о которой упоминает К. Маркс¹⁷.

Ограничивая самодержавную царскую власть законами и советом мудрых мужей, Максим предъявляет к самодержавному царю целый ряд других требований не только юридического, но и морального характера. «Царя истинна и самодержавна оного мни,— пишет он великому князю Василию Ивановичу,— который еже правдою и благозаконием устраити житейская подручников прилежит к безсловесным своея души страstem же и похотем одолети тщится всегда, глаголю же ярости и гневу напрас-

¹² Н. И. Смирнов. Очерки политической истории русского государства 30—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958; *его же*. К вопросу о суде над Максимом Греком.— «Вопросы истории», 1946, № 2—3.

¹³ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 319—337.

¹⁴ Там же, стр. 357—367.

¹⁵ Н. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 257.

¹⁶ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 379—381.

¹⁷ К. Маркс. Хронологические выписки.— Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 165.

ному и незаконным плотским похотем. Иже бо сими сицевыми безсловесны одолеваем бывает, несть небесного владыки образ одушевлен, но безсловесного естества человекообразие подобней»¹⁸.

В другом месте Максим заявляет, что истинный самодержец есть тот, кто сам над собой господствует и удерживает себя от всяких страстей и беззаконий, и, прежде всего избегает трех главных страстей: сластолюбия, славолюбия и сребролюбия.

Особенно подчеркивает Максим необходимость для царя избегать лихоимства и иметь заботу о бедных, сиротах, вдовицах и всех нуждающихся¹⁹. Духом милосердия к нищим и убогим, вдовицам и сиротам проникнута вся публицистика Максима Грека.

Поэтому естественно, что подобное милосердие, заступничество за обиженных включаются в число важнейших обязанностей царя²⁰.

В качестве примера Максим Грек ссылается, между прочим, на царство Кира, царя персидского, «которого возвысил бог, хотя нечестив и идолопоклонник был, точию за превелию правду и кротость и милосердие его к подручником своим», а «царство Седекиево и Еханиево, царей иерусалимских, хотя и благоверни бяху отчасти, точию за их всяческое беззаконие и сатанинскую гордость и богомерзкое лихоимание» разорил²¹.

Наконец, Максим предъявлял еще одно весьма важное требование к царской власти — «страннолюбное исправление, сиречь еже человеколюбие и кротце и любочестие прилежати к пришельствующим странным, или купцы суть, или призвани быша от них, и прилежати со тщанием о их добром пребывании во елико время у них пребывают, да яко ниже обидими от тутородых, ниже силою да удержатся и возбраняются возвратитися во своя си. Но леть да есть им доброхотно приходити им и паки невозбранно отходити отпущенным со всяким опаштом и миром и честью». Максим считал, что гостеприимное отношение к иностранцам будет способствовать не только распространению доброй славы о русской державе среди соседних народов, но и притоку в русские города «мужей, всякия премудрости и художества словесного и хитростей житейских искусных. Общй бо обычай всем человеком тамо тщатися понти, идеже слышит каждо живущее в нем художество словесно, ли хитрость житейску в честь мнозе быти»²².

Итак, самодержавие у Максима Грека ограничивалось в двояком смысле: во-первых, юридически — законом и советом мудрых мужей, а во-вторых — нравственно. Такое понимание самодержавия как ограниченной царской власти выражено впервые в русской публицистической литературе.

Предъявляя к царской власти указанные требования, характеризующие его как сторонника просвещенного абсолютизма, Максим Грек в то же время обвиняет современных ему правителей в злоупотреблениях этой властью.

Самым ярким из его обличительных сочинений является «Слово, пространнее излагающе, с жалостию, нестроения и безчиния царей и властей последнего жития»²³. Там Максим Грек в таких красках описывает беззакон-

¹⁸ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 157—158.

¹⁹ Там же, стр. 174—175.

²⁰ Там же, стр. 353.

²¹ Там же, стр. 354—355.

²² Там же, стр. 182—184.

²³ Там же, стр. 319—337. В этом «Слове» Максим, как известно, изображает Московское царство в период малолетства Ивана Грозного в виде сидящей у дороги и горько плачущей женщины, окруженной хищными зверями. Напомним, что Петрарка в письме из Падуи к императору Карлу IV (1350 г.) изображал старейший Рим в образе скорбной вдовы с растерзанными одеждами и растрепанными седыми волосами (В. С. Иконников. Максим Грек и его время, стр. 486).

ния пр
трактат
особенн
Кри
абстрак
венным
Неу
телей
Так
зании
государ
ставите
«верной
венство
сим Гр
«Царь
оскуде
ширеет
Ка
дарств
реблен
рые пр
Ряд
Сильве
суде,
и т. д.)
Вос
на дов
в под
дине 2

Из
прихо
1.
опреде
турны
2.
и нра
Савон
новке
к тем
стрем
еще
Отсю
венно
позна
гиозно

24
25
417—4
26
36—37
И. Бел
беседа

ния правителей, которые очень напоминают описание действий тирана в трактате Колуччо Салютати «О тиране» и в проповедях Савонаролы, а особенно в его трактате об устройстве Флоренции, написанном в 1499 г.²⁴

Критика правителей и защита угнетенных носила у Максима Грека не абстрактный характер, а имела прямое отношение к русским государственным порядкам.

Неудивительно, что его взгляды оказали влияние на многих представителей русской общественной мысли первой половины XVI в.

Так, И. Пересветов в челобитных, поданных царю в 1549 г., и в «Сказании о царе Константине» повторяет многие мысли Максима Грека о государственной власти. Царь у него выступает как глава сословно-представительной монархии, как правитель, постоянно совещающийся с «верной думой», в которую входят знать, военачальники, судьи, духовенство. И. Пересветов предъявляет к царю те же требования, что и Максим Грек. Единственное качество, которое он исключает, — это кротость. «Царь кроток и смирен на царстве своем, — пишет он, — и царство его оскудеет и слава снизится. Царь на царстве грозен и мудр, царство его ширеет, и имя его славно по всем землям».

Как и Максим Грек, И. Пересветов центральное место в делах государственного управления отводит «правде». Говоря о судебных злоупотреблениях и беззакониях правителей, он обращается к примерам, которые приводит Максим Грек²⁵.

Ряд мыслей Максима Грека развивает в своих посланиях и письмах Сильвестр (о мудрых советниках царя, о борьбе с лихоимством, о правом суде, о кротости, о необходимости нравственного совершенствования и т. д.).

Вообще можно сказать, что влияние Максима Грека распространялось на довольно широкий круг лиц, которые в той или иной мере участвовали в подготовке преобразований, проводившихся правительством в середине XVI в.²⁶

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучив отношение Максима Грека к итальянскому Возрождению, мы приходим к следующим выводам.

1. В идейном наследии Максима Грека нельзя выявить единую, строго определенную систему взглядов. В нем нашли отражение разные культурные направления и влияния, иногда взаимно противоборствующие.

2. Для идейного облика писателя характерна глубокая религиозная и нравственно-аскетическая настроенность, внушенная ему проповедями Савонаролы и закрепленная длительным пребыванием на Афоне в обстановке монашеского аскетизма. В этом отношении Максим Грек был близок к тем деятелям раннего Ренессанса (Петрарка, Салютати и др.), которые, стремясь создать «новые критерии жизни», в то же время придерживались еще старых, средневековых религиозно-аскетических представлений. Отсюда его недоверчивость к классической языческой культуре, двойственность взглядов на задачи философии, на роль человеческого разума в познании, на мир и природу человека, на науку. Наиболее наглядно религиозно-аскетическая настроенность Максима Грека проявилась в его дог-

²⁴ П. Виллари. Указ. соч., т. 2, СПб., 1913, стр. 78.

²⁵ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 348—350, 417—418; В. Ф. Ржигза. И. С. Пересветов — публицист XVI в. М., 1908, стр. 42—43.

²⁶ В. Ф. Ржигза. Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, т. I, 1934, стр. 31—32, 36—37, 75—76; А. А. Зимин. Сочинения И. Пересветова. М.—Л., 1956, стр. 307; И. Беляев. Об историческом значении деяний Московского собора 1551 г. — «Русская беседа», 1858, IV, стр. 13.

матико-полемических, экзегетических и некоторых нравоучительных произведениях, в которых он выступал в духе средневекового восточного ортодокса.

3. Помимо средневековых религиозно-аскетических пережитков, в идейном наследии Максима Грека прослеживается сильное влияние византийских культурных традиций. Во время пребывания в монастыре на Афоне Максим углубленно изучал богатое греко-византийское наследие. Читая античных авторов, а также византийских писателей, рассказывавших о былом величии и трагической судьбе Эллады, Максим Грек невольно проникался чувством греческого патриотизма, которое он сохранил и во время пребывания в России, о чем заявлял в «Исповедании»: «Грек бо аз и в гречестей земли и родився и воспитан и постригся в иноки»¹.

Горячей любовью к родине и глубоким убеждением в чистоте греческого православия объясняются его выступления в защиту канонической законности поставлений русских митрополитов и архиереев константинопольским патриархом и святости города Иерусалима, как родины христианства, а также его неоднократные высказывания, что Русь должна взять на себя историческую миссию освобождения православного греческого Востока от турецкого ига.

Изучение книжных сокровищ Афона чрезвычайно обогатило познания Максима Грека. Из обширной церковной литературы черпал он материал для богословско-полемических и обличительных сочинений. На Афоне Максим основательно ознакомился с памятниками церковного и гражданского византийского законодательства, что нашло отражение в его взглядах на взаимоотношения русской церкви с православным Востоком, на соотношение светской и духовной властей и в оценке ряда других вопросов организации церковного и государственного управления.

Таким образом, в литературном наследии Максима Грека греко-византийские традиции сыграли весьма видную роль.

4. Однако едва ли не самой характерной чертой идейного наследия Максима Грека следует признать его гуманистическую направленность. Можно сказать, что гуманистические настроения пронизывают почти все литературные творения писателя. К какому бы разделу его произведений мы ни обратились, мы везде найдем отражение в большей или меньшей степени идей итальянского Ренессанса. Его неоплатонизм, многократные ссылки на авторитет древних, настойчивая пропаганда грамматических знаний и критического отношения к письменным источникам, резкие обличения всевозможных средневековых суеверий, показной религиозности и внешней обрядности, критика разных сторон церковной жизни, и прежде всего суровое порицание духовенства за богатства и роскошную жизнь — все это генетически связано с ранним Ренессансом.

Особенно сильно сказывается гуманистическая струя в публицистических и нравоучительных сочинениях Максима Грека, в которых он обрушивается против социальных несправедливостей, против притеснения богатыми бедных, власть имущими бесправных, против произвола и эксплуатации. Н. К. Гудзий справедливо замечает, что здесь Максим Грек «поднимается выше гуманистов». «Социальная окраска его проповеди, — пишет Н. К. Гудзий, — когда речь идет о любви к угнетенным классам, его истинный демократизм и народолюбие составляли полную противоположность эгоистической, по преимуществу, и аристократической морали гуманистов... Для последних вопросы морали, которые занимали видное место в их мирозерцании, были вопросами личного самоусовершенствования и самопознания, для Максима они носили характер чисто

¹ «Сочинения Максима Грека», I, стр. 36.

альтруистический, основанный на евангельской почве любви к ближнему»².

Но, как отмечалось выше, не все гуманисты проповедовали идею только личной свободы и личного счастья. Существовало гуманистическое течение, отражавшее интересы трудящихся масс. Представители его выступили с утопическими планами и требованиями переустройства общества на началах гуманности. К ним можно отнести и таких деятелей, как Савонарола и Максим Грек. Какими бы эпитетами ни характеризовать их социальные взгляды — морализирование, совестливость, альтруизм и т. п., — ничто не может затушевать их подлинно гуманного характера.

Наконец, гуманистические элементы прослеживаются и в общественно-политических воззрениях Максима Грека. Придерживаясь в основном юстиниановской теории о гармонии двух властей — светской и духовной — при сохранении самодержавных прав первой, Максим Грек в то же время предъявляет верховной власти такие требования юридического и морального характера, которые являются отзвуком передовых политических идей Ренессанса.

Итак, наследие Максима Грека несет на себе следы разных культурных влияний. В творчестве писателя обнаруживаются черты средневековых и ренессансных традиций, византийской и западной образованности. Отсюда двойственность и противоречивость его взглядов, что характерно для большинства передовых деятелей итальянского Возрождения XV—XVI вв.

Анализируя эту характерную для Ренессанса черту, Энгельс в ряде работ с исчерпывающей полнотой раскрыл причины указанных противоречий³. Он считал, что они коренятся, с одной стороны, в уровне материальной культуры, а с другой — в особенностях классовой борьбы XV—XVI вв., когда на исторической арене появляется буржуазия и одновременно — предшественники современного пролетариата «с лозунгом коммунизма на устах»⁴. В противоречиях Ренессанса Энгельс видел не только борьбу старого, схоластического и нового, гуманистического начал; он рассматривал их, как проявление внутренних противоречий в психологии и идеологии той эпохи, как неизбежное следствие двуединой — реакционной и в то же время прогрессивной — природы самой буржуазии как класса-освободителя и класса-поработителя.

Обрисовав возникновение передовых философских воззрений, Энгельс одновременно показал те пережитки прошлого, которые подчас сковывали передовые идеи.

Поэтому культуру эпохи Возрождения надо рассматривать в процессе ее противоречивого развития, чтобы по-настоящему оценить значение отдельных ее деятелей.

Подходя с этой точки зрения к литературной деятельности Максима Грека, мы можем решительно утверждать, что его деятельность, при всей ее противоречивости, пронизана гуманизмом и оказала плодотворное воздействие на развитие русской культуры и общественно-политической мысли.

Во время своего довольно продолжительного пребывания в России Максим Грек откликался почти на все крупнейшие явления русской действительности. Он не только вошел в курс проблем, волновавших мыслящих русских людей первой половины XVI в., но давал этим проблемам

² Н. К. Гудзий. Максим Грек и его отношение к эпохе итальянского Возрождения. — «Киевские университетские известия», 1911, № 7, стр. 16.

³ З. Н. Мелещенко. Энгельс о философии Возрождения. — «Вестник Ленинградского университета», 1956, № 5, Серия экономики, философии права, вып. I, стр. 58—66.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 508.

определенное направление, влиял на умы⁵. Ученик гуманистов, Максим Грек внес дух борьбы за известные идеалы и дух реформы в русское общество. Для современников и ближайших потомков он являлся учителем и вдохновителем, так как его страстная и правдивая критика выдвигала множество актуальных вопросов во всех почти областях жизни. Многие из его идей и начинаний не поняты были современниками или встречены враждебно, особенно представителями правящих консервативных кругов, и принесли свои плоды позднее. В этом отношении недалеко был от истины Хр. Лопарев, который писал: «Максим, явившийся на Руси насадителем классических студий, не был понят и тяжестью заточения искупил невольный грех своего благоговения к эпохе Возрождения»⁶. Во всяком случае, едва ли будет ошибкой признать Максима Грека одним из передовых русских деятелей, который выступил на Руси проводником идей итальянского Ренессанса.

⁵ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, стр. 161—164.
⁶ Хр. Лопарев. Заметки о сочинениях преп. Максима Грека.—«Библиографическая летопись», III, 1917, стр. 65.

и ес
В в
виз
XI
поч
так
в X
дос
109
гор
мен
с о
нос
чис.
ши
но
нер
вое

тии
кии

363.
1946
1948
gocy
of th
M.,

crois
entre
curoj
Etud

прим

Апо
на г
смен
вищ
«Вес
былс

В. А. АРУТЮНОВА

ВИЗАНТИЙСКИЕ ПРАВИТЕЛИ ЭДЕССЫ В XI В.

Сложный путь, который прошла в XI в. феодализация приевфратских городов и ее столица Эдесса, был общим для всех восточных провинций Византии. В начале XI в. Эдесса принадлежала арабам, в 30-х годах ее отвоевали византийцы, в 80-х годах захватили сельджуки, и, наконец, в конце XI в. Эдесса надолго попала в руки крестоносцев. Судеб Эдессы касаются почти все труды общего порядка, посвященные этому периоду¹. Есть также несколько работ, специально рассматривающих историю Эдессы в XI в.² Однако ни в тех, ни в других исследованиях не рассмотрена достаточно подробно хронологическая канва событий в Эдессе с 1032 по 1098 г.³, не проведена последовательная персонализация правителей города и области⁴ и не дается удовлетворительного объяснения ряду моментов в сложных отношениях правителей Эдессы с населением области, с одной стороны, и с правительством Византии, сельджуками и крестоносцами — с другой. Почти все исследователи отмечают наличие большого числа армян в Месопотамии в X—XI вв. Многие указывают, что большинство византийских правителей Месопотамии также были армянами, но исследователи почти не касаются того факта, что армянское население нередко предпочитало своим единоплеменным правителям пришлых завоевателей.

Говоря (и совершенно справедливо) о враждебности армян к Византии и подчеркивая, что армянами управляли в Месопотамии и Каппадокии их «собственные князья»⁵, некоторые исследователи подводят своих

¹ См., например: *E. Honigmann. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches von 363. bis 1071. Bruxelles, 1935, p. 138—146; R. Grousset. L'Empire du Levant. Paris, 1946, p. 170—187; Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III. М.—Л., 1948, стр. 49, 63, 89, 91—95, 107; Г. Г. Микаэлян. История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952, стр. 70—76; К. М. Setton, M. W. Baldwin. A History of the Crusades. Philadelphia, 1955, p. 166—167, 299—304; «История Византии», т. II. М., 1963, стр. 286—287, 290, 314—317.*

² *R. Duval. Histoire politique, religieuse et littéraire d'Edesse jusqu'à la première croisade. Paris, 1842; J. Laurent. Des Grecs aux croisades. Etude sur l'histoire d'Edesse entre 1071 et 1098. — Byz., I, 1924, p. 367—446; idem. Byzance et Antioche sous le comarcalate Philarète. — «Revue des études arméniennes», IX, 1929, p. 61—72; N. Adontz. Etudes arméno-byzantines. Lisbonne, 1965. Le famille de Philarète, p. 147—152.*

³ Наиболее обстоятельно эта работа проделана в исследовании Дюваля (см. прим. 2).

⁴ Это приводит к досадным недоразумениям: идентифицируется армянин Василий Апокап с болгариним Василием Алуцианом (*В. Н. Златарски. Една датирана приписка на гръцки от средата на XI в. — BS, I, 1929, p. 28*). Представитель семьи Апокапов смешивается с Варзваче из рода Торникянов (*Р. М. Бартикян. Относятся ли прозвище Парадобази к магистру Василию в памятной записи монаха Феодула (1059). — «Вестник АН Арм. ССР (общественные науки)», 1959, № 8, стр. 82*). Эти примеры можно было бы умножить.

⁵ *K. M. Setton, M. W. Baldwin. Op. cit., p. 299.*

читателей к абсурдному выводу, что империя ставила на важнейшие посты в ключевых пограничных провинциях своих врагов.

В настоящей статье я попытаюсь выяснить, кому именно доверяла Византия пост правителя Эдессы в XI в.

Эдесса (сир. Орха, арм. Урха, араб. ал-Руха) была крупным, многонаселенным и хорошо укрепленным городом, издавна игравшим значительную роль в торговой, политической, религиозной и культурной жизни Месопотамии. До середины VII в. (до захвата города арабами в 691 г.) в Эдессе, да и во всей Месопотамии, преобладали сирийцы. Были среди населения также греки, персы, арабы, евреи, армяне⁶.

В XI в. через земли Месопотамии прошли две волны армянских переселенцев. Первая была связана с наступлением Византии на Востоке. После падения могущества Арабского халифата Византия далеко отодвинула свои восточные границы, при этом большая часть Месопотамии вновь отошла к империи. Затем Византия начала наступление на земли своих бывших союзников по борьбе с арабами, стремясь поставить Грузию и Армению в отношения вассальной зависимости. С конца X в. начинается прямой захват армянских земель. Опасаясь оставить очаги сопротивления, империя переселяла армянских владетелей в глубь Ромейской державы. Вместе с князьями и их военными отрядами на новые места уходила и часть населения⁷. Эту политику начал проводить еще Василий II Болгаробойца, и ее активно продолжали его преемники. Так появились в Малой Азии владения Арцрунидов⁸ и ширакских Багратидов⁹. Анийский царь Гагик II, последний из Багратидов Ширака, женился на дочери Сенекерима Арцруни и, получив в приданое Кесарию, Цамндав и Хаватанек, стал управлять обширной территорией, где преобладало армянское население¹⁰.

Григор Пахлавун, передав императору Константину IX владения своего дома, получил взамен чин магистра, а также «деревни и города в пределах Месопотамии»¹¹. А в 1065 г. Гагик Карсский передал свои владения Византии. Константин X Дука пожаловал ему взамен Карсского царства земли в Малой Армении с городами Цамндав, Амасия и Комана¹².

Под напором сельджукского нашествия на земли Месопотамии и Каппадокии хлынула вторая волна армянских переселенцев. Матфей Эдесский свидетельствует, что эта волна захлестнула «Эдессу и ее область, Антиохию и всю Киликию — Тарс, Мараш, Длук»¹³. К началу первого крестового похода армяне были широко распространены в Сирии, Киликии и Каппадокии. Среди населения Эдессы, например, в этот период подавляющее большинство составляли армяне¹⁴. Эти армяне в основной массе придерживались монофиситского вероисповедания, оставались верны родному языку и обычаям и были поэтому так же враждебны империи на новых местах, как некогда в родной стране. Известно, что, захва-

⁶ Н. В. Лигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита, как исторический источник. М.—Л., 1940, стр. 32, 30, 65.

⁷ Не следует забывать, что среди армянских переселенцев, несомненно, находились не только армяне-монофиситы, составлявшие большинство армянского населения, но и армяне-халкидониты (о широком ареале распространения халкидонитства в Армении см. В. А. Арутюнова. К вопросу об армянах-халкидонитах. — «Вестник АН Арм. ССР (общественные науки)», 1971, № 3.

⁸ Скилица пишет, что взамен Васпуракана, переданного империи в 1021 г. Сенекеримом Арцруни, последний получил города Севастию, Лариссу (малоазийскую), Авару и «много других владений» (Skylitz.—Cedr., II, р. 464).

⁹ Skylitz.—Cedr., II, р. 559. 6—8; ср. Матфей Эдесский. Хроника Валаршапат. Ереван, 1898 (далее — Матфей), стр. 95 (на др.-армянск. яз.).

¹⁰ Матфей, стр. 162.

¹¹ «История Аристакаса Ластивертци». Ереван, 1963, стр. 62 (на др.-армянск. яз.).

¹² Матфей, стр. 151.

¹³ Там же, стр. 217.

¹⁴ J. Laurent. Des Grecs..., р. 446.

тив армян
насаждают
Того же
лившихся
например
новых вл
чинить а
борьбе п
пользова
Учиты
XI в. в М
рассмотр

Арабы
1032 г.,
протоспа
Евфрата

По-ви
фратских
1031 по 1
пости вск
времени
сой и Ев
тийскими
Мания

тора²¹. Е
только то
ниака, п
Арабские
хватил Э
По миру
ново отс
Преем
Эдессы с
пытку ар

¹⁵ А. I
1952, стр. 1
R. W. Th
in Exile in
Oxford, 19

¹⁶ О Е

«Всемирна

¹⁷ Мал

¹⁸ Н. I

армянах-х

¹⁹ «Ист

Joannis Zo

Матфей, с

Op. cit., р

летописи

²⁰ Е. I

²¹ Sky

²² Ibid.

²³ Ibid.

²⁴ Enc

²⁵ См.

²⁶ Sky

в заговоре

ibid., II,

тив армянские земли, Византия принялась преследовать монофиситов и насаждать халкидонитство — официальное вероисповедание империи¹⁵. Того же курса придерживалась Византия и в отношении армян, переселившихся на новые места (на Балканы¹⁶, в Малую Азию). Известно, например, что Гагику II Анийскому пришлось отправиться из своих новых владений в Константинополь, чтобы противостоять попыткам подчинить армянскую церковь греческой¹⁷. Следует учесть также, что в борьбе против армянской монофиситской церкви империя обычно использовала армян-халкидонитов¹⁸.

Учитывая все вышеизложенное относительно этнических перемен в XI в. в Месопотамии вообще и в районе Эдессы в частности, перейдем к рассмотрению истории Эдессы с середины до конца XI в.

* * *

Арабы безраздельно владели Эдессой четыре столетия — с 641 по 1032 г., когда город был взят выдающимся византийским полководцем протоспафарием Георгием Маниаком, стратигом в области Верхнего Евфрата с резиденцией в Самосате¹⁹.

По-видимому, Эдесса стала вместо Самосаты столицей фемы Приевфратских городов. Э. Хонигман предполагает, что территория этой области с 1031 по 1098 г. не была особенно обширной, поскольку основные ее крепости вскоре были потеряны под натиском турок-сельджуков, и с этого времени только ближайшие окрестности города — местность между Эдессой и Евфратом у Самосаты, Лтар, Ошин и Нисибин — оставались византийскими²⁰.

Маниак вскоре был послан в Италию в качестве стратига-автократора²¹. Во главе Эдессы оказался Лев Лепендрин²², о котором известно только то, что его полководческие таланты далеко уступали талантам Маниака, поскольку во время его правления арабы опустошали фему²³. Арабские источники сообщают, что в 1036 г. эмир Ибн-Ватаб даже захватил Эдессу и ее правителя, хотя крепость оставалась в руках греков. По миру 1037 г. Эдесса окончательно перешла к Византии и была заново отстроена²⁴.

Преемником Лепендрини был ишхан Апокап²⁵. В 1038 г. стратигом Эдессы становится протоспафарий Варазваче, успешно отразивший попытку арабов вновь захватить Эдессу²⁶.

¹⁵ А. Манандян. Критический обзор истории армянского народа, т. III. Ереван, 1952, стр. 24, 25. Ср. А. А. Васильев. Лекции по истории Византии. Пг., 1917, стр. 289; R. W. Thomson (Cambridge). The Influence of their Environment on the Armenians in Exile in the Eleventh Century. — «XIII International Congress of Byzantine Studies». Oxford, 1966, p. 138.

¹⁶ О попытке обращения в халкидонитство армян-монофиситов Фракии см.: «Всемирная история Вардана Великого». М., 1861, стр. 163—164.

¹⁷ Матфей, стр. 162.

¹⁸ Н. Я. Марр. Аркаун, монгольское название христиан, в связи с вопросом об армянах-халкидонитах. СПб., 1905, стр. 34—37.

¹⁹ «История Аристакеза...», стр. 44—45. Skylitz.—Cedr., II, p. 500. 16—23—501. 1—15; Joannis Zonarae. Epitome historiarum. Bonnae, 1897 (далее — Zon.), III, p. 580. 6—10; Матфей, стр. 58—64; ср. Ф. И. Успенский. Указ. соч., т. III, стр. 49; E. Honigmann. Op. cit., p. 134—135; В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883, стр. 72.

²⁰ E. Honigmann. Op. cit., p. 146.

²¹ Skylitz.—Cedr., II, p. 541. 16—17.

²² Ibid., p. 512. 11—12.

²³ Ibid., p. 515. 16—22; Zon., III, p. 590. 8—12.

²⁴ Encyclopaedia des Islam. Leiden — Leipzig, 1936, t. III, p. 1076.

²⁵ См. ниже, стр. 141.

²⁶ Skylitz.—Cedr., II, 520. 12—33—521. 1—6. Об участии Варазваче и Георгия в заговоре Константина Диогена (1029) против Романа III Аргира (1028—1034) см. ibid., II, p. 488. 2—10.

Варазваче принадлежал к знатному армяно-халкидонитскому роду Торникянов из Тайка ²⁷.

В конце 50-х годов XI в. на посту правителя Эдессы оказался Аарон из болгарского царского дома ²⁸. Сохранилась печать магистра Аарона, дуки Эдессы ²⁹. Попытаемся выяснить, в течение какого времени он занимал этот пост. Известно, что в 1047—1048 гг. Аарон был правителем Васпуракана ³⁰. Затем он сменил Катакалона Кекавмена на посту правителя фемы Иверия, где и оставался до 1057 г. ³¹, когда Михаил Стратиготик (1056—1057) назначил его помощником Феодора, полководца правительственных войск, высланных против Исаака Комнина ³². А в 1059 г. Аарон уже был проэдром Месопотамии ³³. Он мог быть, следовательно, правителем Эдессы с 1057 по 1059 г., а если принять утверждение В. Н. Бенешевича, что Аарон на посту правителя Месопотамии был непосредственным преемником Григора Пахлавуня, умершего в 1058 г. ³⁴, то срок правления Аарона в Эдессе сокращается до одного года (1057—1058).

В памятной записи монаха Феодула правителем Эдессы в 1059 г. назван Иоанн Дукица ³⁵. Это сообщение находит подтверждение в «Хронографии» Матфея Эдесского, где, впрочем, есть некоторые неточности.

Матфей Эдесский рассказывает, что в 505 (1056) г. Команос (Исаак Комнин), царь греков, поняв, что держава ромеев предназначена не ему, передал свой престол «дуке города Урхи, которого звали Тукицом, поскольку он был знатного рода» ³⁶. В этом сообщении, помимо хронологической ошибки в три года, так как Исаак Комнин царствовал в 1057—1059 гг., содержится еще идентификация Дукицы, правителя Эдессы, с Константином X Дукой (1059—1067) ³⁷.

После Дукицы Матфей Эдесский называет правителем города дуку Даватаноса, отважно сражавшегося с турками-сельджуками и погибшего под Амидой в 1062 г. ³⁸

Этот Даватанос, может быть, принадлежал к роду Даватинов, упо-

²⁷ Представители рода Торникянов принимали деятельное участие в важнейших политических событиях в Армении и Византии на протяжении ряда столетий. Сведения о представителях этого рода встречаются в греческих, армянских и грузинских источниках. О Торникянах, подвизавшихся в XI в., см. *Skylitz.—Cedr.* II, p. 561—566; *Michel Psellos. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance* (976—1077). Paris, 1928, t. II, p. 14—30; *Zon.*, III, p. 628—631; «Всеобщая история Степаноса Таронского по прозвищу Асолик». СПб., 1885, стр. 192, 193, 251, 265, 269. Сведения о представителях этого рода встречаются в колофоне Иоанна Торника (*Analecta Bollandiana*, t. L. Paris, 1932, p. 361 sq.), в «Житии святых Иоанна и Евфимия» (*Analecta Bollandiana*, t. XXXVI—XXXVII. Bruxelles — Paris, 1917—1919). О генеалогии Торникянов см. *N. Adontz. Op. cit.*, p. 310—318.

²⁸ *Skylitz.—Cedr.*, II, p. 470; *Zon.*, III, p. 566.

²⁹ *G. Schlumberger. Sigillographie de l'empire byzantine*. Paris, 1884, p. 316—317. ср. *В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове*, т. II. София, 1934, стр. 131—132.

³⁰ *Skylitz.—Cedr.*, II, p. 570—571, 573—580; *Zon.*, III, p. 636—637, 638—641; *Att.*, p. 44; *Матфей*, стр. 107—108; «История Аристархаса...», стр. 80—82.

³¹ Надпись Аарона над Анийском соборе см.: *В. Н. Бенешевич. Три анийские надписи XI в. Из эпохи византийского владычества*. Пг., 1924, стр. 9—11.

³² *Skylitz.—Cedr.*, II, p. 632.

³³ *В. Н. Бенешевич. Завещание византийского боярина XI в.— ЖМНП*; 1907, май, стр. 220.

³⁴ *В. Н. Бенешевич. Три анийские надписи...*, стр. 8.

³⁵ *В. Н. Бенешевич. Завещание византийского боярина XI в.*, стр. 220.

³⁶ *Матфей*, стр. 126—127.

³⁷ Ф. И. Успенский подтверждает эту идентификацию (указ. соч., т. III, стр. 63. Ср. *Е. Honigmann. Op. cit.*, p. 139). Однако у Пселла есть сведения о том, что Константин Дука постоянно находился при Исааке Комнине и был одним из его первых советников. Н. Скабаланович разрешает это противоречие, предполагая, что сведения Пселла относятся к более раннему времени (*Н. А. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в.* СПб., 1884, стр. 88).

³⁸ *Матфей*, стр. 142.

минаемых Анной Комниной. Один из Даватинов в начале царствования Алексея I Комнина (1081) был топотиритом Ираклии Понтийской и Пафлагонии и одним из немногих восточных топархов, которые еще противостояли натиску турок³⁹. Даватин назван в числе лучших полководцев Алексея наряду с Георгием Евфорином и Константином Умбертоцулом⁴⁰. Затем Даватин был дукой Трапезунда, предшественником Григория Таронита⁴¹.

В 1065 г. правителем Эдессы стал Апокап. Источники сообщают об Апокапах в следующей хронологической последовательности. В 1030 г., по данным Матфея Эдесского, один из офицеров армии Романа III Аргира (1028—1034), совершавшего поход в Сирию, сообщил императору о готовящемся в войске заговоре⁴². Матфей называет этого офицера «ишхан (князь) Апокап, который раньше был «стражем шатра» Давида Куропалата»⁴³. Затем Матфей говорит, что Апокап получил от Романа III в управление Урху⁴⁴, т. е. он был непосредственным преемником Лепендрины в Эдессе. Это событие могло произойти только между 1036 и 1038 гг., ибо в 1038 г. стратигот Эдессы стал Варазваче Торникян⁴⁵. Апокап был придворным Давида Куропалата, который умер в 1000 г.⁴⁶ В 1000 г., следовательно, ему было, по меньшей мере, 15—20 лет, значит в 1036 г. ему могло быть немногим более 50 лет.

Скилица рассказывает, что в 1054 г. обороной Манцикерта от сельджуков руководил патрикий Василий Апокап⁴⁷; и Скилица, и Аристакес говорят о необычайной энергии и предприимчивости правителя города, успешным действиям которого Манцикерт обязан был своим спасением⁴⁸. Вряд ли мог это быть Апокап Матфея Эдесского, которому в момент осады Манцикерта уже должно было быть около 70 лет. Кроме того, Апокап Матфея Эдесского назван не Василием, а отцом Василия⁴⁹. Разумеется, стратигот Манцикерта в 1054 г. мог быть его сын Василий Апокап, который упоминается в источниках как архонт фемы Придунайских городов. Это, однако, требует дальнейшего рассмотрения.

В 1065 г. узы перешли Дунай и разбили войска правителей пограничной фемы Придунайских городов Василия Апокапа и Никифора Вотаниата. Василий Апокап попал в плен к узам⁵⁰. Матфей Эдесский в эпизоде, посвященном этому событию, называет Василия «полководцем армянских воинов» и рассказывает об его удачном побеге из плена, после чего он прибыл к отцу в Эдессу⁵¹. В 1065 г., следовательно, Апокап, бывший придворный Давида Куропалата, был вновь (после почти тридцатилетнего

³⁹ *Anne Comnène. Alexiade. Paris, 1937—1945, cap. III, p. 131.*

⁴⁰ *Ibid.*, cap. X, p. 193.

⁴¹ *Ibid.*, cap. XII, p. 75.

⁴² *Матфей*, стр. 142.

⁴³ Там же, стр. 153.

⁴⁴ Там же, стр. 119.

⁴⁵ См. выше, стр. 139.

⁴⁶ Данные армянских источников («Всеобщая история...», стр. 275) расходятся с данными грузинских на один год («Картлис Цховреба». Тбилиси, 1955, т. I, стр. 271, 302). Первые указывают, что Давид умер в 1000 г., последние — в 1001 г.

⁴⁷ *Skylitz.—Cedr.*, II, p. 591—593.

⁴⁸ «История Аристакеса...», стр. 90—94.

⁴⁹ В армянских родах одинаковые имена обычно носили дед и внук, но не отец и сын.

⁵⁰ *Skylitz.—Cedr.*, II, p. 654; *Att.*, p. 85; *Zon.*, III, p. 678; В. Н. Златарский полагает, что правителем фемы Придунайских городов (между Дунаем и Старой Планиной) был Василий Апокап, а Никифор Вотаниат был его «экстраординарным» помощником. Вообще двоеначалие в управлении не практиковалось в Византии, поскольку это противоречило бы основному принципу ее фемного устройства, однако нередко, в случае особенной опасности, угрожавшей той или иной области, в помощь ее правителю высылались «внештатный» помощник («История на Българската държава...», стр. 493—494; ср. *Petre Diaconu. Le Petchénégues au Bas-Danube. Bucarest, 1970, p. 82—99.*)

⁵¹ *Матфей*, стр. 152—153.

перерыва) правителем Эдессы. В это время ему было около 80 лет. И он, по-видимому, умер на этом посту (может быть, даже в том же году, так как его имя не упоминается Матфеем в рассказе о нападении Слар-Хорасана на Эдессу в 1065 г.).

В одном из пассажей Матфея Эдесского говорится, что в 1077 г. «Василий, сын Апукапа, того, что был прежде стражем шатра Давида Куропалата, собрал по приказу Филартоса (Филарета Врахамия) всадников и пошел на город Урху... А прежде отец его Апукап жил в городе Урхе, и он благоустроил [его] и владел всеми областями»⁵². Матфей, как видим, особенно подчеркивает, что этот Василий Апокап — сын именно того Апокапа, который был «стражем шатра» Давида Куропалата. Это сделано, очевидно, для того, чтобы не спутать его с каким-то другим Василием Апокапом.

Известно, что в армянских родах были излюбленные личные имена, которые повторялись из поколения в поколение. Так, носители имени Меружан или Сенекерим в большинстве случаев оказывались представителями рода Арцруни. Имена Торник, Варазваче и Чордванел характерны для членов семьи тайкских Торникянов. Они переходили от деда к внуку, причем в одно и то же время часто действовали одноименные двоюродные братья или дядья и племянники, и тогда историки подчеркивали семейные связи данного лица, чтобы не спутать его с тезкой.

Кто же был другой Василий Апокап, с которым можно спутать нашего Василия Апокапа — магистра, архонта фемы Придунайских городов в 1065 г. и правителя Эдессы в 1077 г.?

Для того, чтобы выяснить этот вопрос, нам придется вспомнить полемику вокруг идентификации личности дуки Михаила и его сыновей: магистра Василия и вестарха Фаресмана, упомянутых в завещании Евстафия Воилы⁵³. Магистр Василий назван также в памятной записи монаха Феодула (писца завещания Воилы), находящейся в той же рукописи Парижской Национальной библиотеки, что и само завещание (Cod. Paris. Coislin № 263). В течение 15 лет Воила признавал своим главой дуку Михаила, а после его смерти в течение восьми лет — сына Михаила, магистра Василия⁵⁴. Завещание было составлено в 1059 г., значит, Воила прибыл в Кларджию, где находились его владения⁵⁵, в 1036 г. В 1051 г. дука Михаил, очевидно, уже умер, а его полномочия, каковы бы они ни были, перешли к его сыну Василию. Принято считать, что дука Михаил и магистр Василий являлись правителями фемы Иверия, куда входили земли Воилы. Этого, однако, быть не может. Фема Иверия была образована в 1001 г. из земель последнего тайкского династа Давида Куропалата. Далеко не все его земли вошли в эту фему. Она состояла из Южного Тайка, а также земель Византийской Армении, пожалованных Давиду Василием II за помощь против Варды Склира (Чормайри и Мардали, Халтойарич с Клисурою, Карин, Басен, Харк и Апахуник с Маназкертом), позже в эту фему вошла Кларджия, а после падения Ани и земли Ширакского царства. Правителями этой фемы последовательно были: с начала 30-х годов по 1047 г. — вест Михаил Иасит, в 1047—1049 — Катакалон Кекавмен, затем до 1056/57 г. — Аарон Болгарин, а после него — Иоанн Монастириот⁵⁶. Но если Михаил и Василий и не были прави-

⁵² Матфей, стр. 216. Интересно, что понятие «владел» в тексте передано словом *senioreal*, т. е. «был сеньором».

⁵³ S. Vryonis. The Will of a provincial Magnate Eustathius Boilas (1059). — DOP, 11, 1957, p. 272.

⁵⁴ Ibid., p. 264.

⁵⁵ Ibid., p. 274.

⁵⁶ В. А. Арутюнова. Из истории северо-восточных пограничных областей Византийской империи (в печати).

т. И он,
оду, так
р-Хора-

1077 г.
Давида
я) всад-
в городе
Матфей,
п — сын
палата.
другим

имена,
имени
едстави-
арактер-
деда к
ые дво-
ркивали

нашего
родов в

ть поле-
вей: ма-
Евста-
монаха
иси Па-
l. Paris.
ой дуку
ихаила,
т, Вои-
В 1051 г.
бы они
Михаил
входили
образо-
тропала-
Южного
Давиду
ардали,
кертом),
или Ши-
и: с на-
— Ката-
него —
прави-

по словом
) — DOP,
й Визан-

телями Иверии, то они, во всяком случае, занимали в этой феме высокое положение⁵⁷, может быть даже — помощников правителя⁵⁸.

Личность магистра Василия из памятной записи монаха Феодула и завещания Воилы вызвала большую полемику. В. Н. Златарский полагал, что Василий из записи монаха Феодула не имеет ничего общего с Василием Апокапом, архонтом фемы Придунайских городов и что прозвище *Παραδουνάβης* указывает на болгарское происхождение его носителя, каковым, по мнению В. Н. Златарского, был Василий Алусиан, правитель Эдессы в 1068 г.⁵⁹ Однако в завещании Воилы отцом Василия назван Михаил, а не Алусиан, следовательно, такая идентификация не может быть верной⁶⁰. Н. Бэнеску в ряде работ доказывает, что *Παραδουνάβης* является не прозвищем, а титулом магистра Василия, и отождествляет его с Василием Апокапом, архонтом фемы Придунайских городов⁶¹. Того же мнения придерживается С. Врионис, который идентифицирует дуку Михаила с Апокапом, придворным Давида Куропалата, а Василия-магистра, его сына, — с Василием — архонтом Паристриона; Фаресмана же, брата Василия, — с Фаресманом Апокапом — правителем Иерополя в 1069 г. Идентификация эта в основном построена на редком имени Фаресман, общем для веста правителя Иерополя и вестарха — брата Василия-магистра, а также на прозвище *Παραδουνάβης*, относящемся к Василию-магистру⁶².

Р. М. Бартикяну удалось убедительно доказать, что *Παραδουνάβης* относится не к Василию-магистру, а к Аарону Болгарину. Р. М. Бартикян справедливо отмечает, что дука Михаил не мог быть отцом Василия, архонта фемы Придунайских городов, поскольку дука Михаил к 1059 г. уже умер, а отец Василия-архонта благополучно здравствовал и управлял Эдессой еще в 1065 г. Вест Фаресман также, действительно, не идентичен вестарху Фаресману. Однако стоит ли на этом основании так категорически отказываться от возможности установления родства между этими лицами, как делает Р. М. Бартикян, который утверждает, что они не могут иметь между собой ничего общего⁶³. Напротив, вполне логично было бы предположить, что на бывших землях Давида Куропалата (позже в феме Иверия) остались родственники его придворного, которые, как люди знатного рода, заняли высокое положение во вновь образованной феме. Василий, сын дуки Михаила, занимал это положение в феме с 1051 г., а в 1054 г. Василий, ишхан города Манцикерта, который был одним из важнейших городов фемы Иверия, отразил нападение сельджуков. Есть, следовательно, основания полагать, что Василий, защитник Манцикерта, был сыном дуки Михаила, а не сыном правителя Эдессы. И тогда фамилия Апокап (*ἀπὸ Κάλης*), засвидетельствованная Скилицией, может быть отнесена ко всем трем аристократам из завещания Воилы: к дуке

⁵⁷ Воила жалуется на то, что у него было безвозмездно взято имение Варта магистром Василием и не был отдан долг покойного дуки Михаила в 25 литр (*S. Vryonis. Op. cit.*, p. 272).

⁵⁸ Следует особенно отметить, что факт двойственности власти в феме Иверия не был единичен. Очевидно, в связи с часто возникающей опасностью для этой пограничной фемы, особенно с конца 40-х годов XI в., в помощь ее правителям высылались помощники (см. В. А. Арутюнова. О личности «царского раба» в «Истории» Михаила Атталиата. — «Вестник АН Арм. ССР (общественные науки)», 1968, № 9.

⁵⁹ В. Н. Златарски. Една датирана приписка на гръцки от средата на XI в. — *BS*, I, 1929.

⁶⁰ См. возражения: Р. М. Бартикян. Критические заметки о завещании Евстафия Воилы (1059 г.). — *ВВ*, XIX, 1961, стр. 35.

⁶¹ N. Bănescu. A propos de Basile Apocapes, duc de Paradounavis (Paristrion). La notice du moine Théodule (1059). — «*Revue des études sud-est européennes*», t. 1, 1963, p. 153—158. Библиографию его работ, посвященных этому вопросу, см. *ibid.*, p. 155; см. также: *BZ*, 59, 1961, p. 195.

⁶² *S. Vryonis. Op. cit.*, p. 274—275.

⁶³ Р. М. Бартикян. Критические заметки..., стр. 36—37.

Михаилу, магистру Василию и вестарху Фаресману. Очевидно, имена Василий и Фаресман были родовыми в семье Апокапов.

Атталиат рассказывает о походе Романа Диогена в 1069 г.: Император решил населить город Иерополь и послать туда стратига, чтобы в короткое время был и новый город для ромеев, и местопребывание армян. И стратигом поставил некоего Фарасматия, веста Апокапа, ведущего род от армян»⁶⁴.

Скилица называет дуку Иерополя «вестом Фаресманом Апокапом»⁶⁵. Разумеется, Фаресман-вест в 1069 г. не идентичен Фаресману-вестарху в 1059 г., но возможно, что посетители этого редко встречающегося в источниках имени принадлежат к одному роду, по свидетельству Атталиата, — к армянскому роду Апокапов⁶⁶.

Каково было их вероисповедание? С уверенностью можно полагать, что люди, достигшие столь высоких государственных постов в Византии, исповедовали халкидонитство. Кроме того, Апокапы почти везде названы армянами, но один источник называет Фаресмана Апокапа «ивером»⁶⁷. Член армянской семьи, к тому же в параллельном источнике названный армянином, мог быть назван здесь «ивером» по вероисповеданию, т. е. Апокапы исповедовали халкидонитство грузинской ориентации, что вполне закономерно для уроженцев Тайка. В этой области, пограничной с Грузией, жило много армян, воспринявших халкидонитство от грузинской церкви⁶⁸.

Апокапы, вероятно, были умеренными халкидонитами, терпимо относящимися к монофиситскому вероисповеданию своих соотечественников. К такому выводу можно прийти на основании свидетельств армянских историков — приверженцев национальной церкви. Их отзывы о членах семьи Апокапов обычно панегирического характера. Апокап, защитник Манцикерта, — «муж благочестивый» и мужественный⁶⁹; Василий Апокап, сын стража шатра Давида Куропалата, — «человек добрый и боголюбивый, милостивый к сиротам и вдовам, миротворец и создатель»⁷⁰.

После Апокапа правителем Эдессы, по Матфею Эдесскому, становится некий Пигонит, который из-за тщеславия и зависти отказал в помощи правителю Антиохии во время набега сельджуков и был смещен⁷¹.

В 1068 г., власть над Эдессой и областью находилась в руках дуки Василия, сына царя болгар Алусиана, которому в 1068 г. пришлось отстаивать Эдессу от сельджуков⁷².

Начиная с 60-х годов XI в. области Сирийской Месопотамии, где была расположена Эдесса, приобретают особое значение для Византийской империи. Они становятся областями, пограничными с сельджуками. К этому времени земли Великой Армении, вошедшие в начале XI в. в состав пограничных фем Византии, были утрачены империей. Фема Васпуракан, Тарон (кроме Сасуна) и Иверия по существу перестали существовать. От всей фемы Иверия оставалась небольшая территория (типа энклава), включавшая в себя земли Южного Тайка, Карса и Карина, под

⁶⁴ *Att.*, р. 116.1—11.

⁶⁵ *Skylitz.—Cedr.*, II, р. 676.1.

⁶⁶ Трудно установить, кем приходился вест Фаресман всем вышеупомянутым Апокапам.

⁶⁷ *Skylitz.—Cedr.*, II, р. 676.1.

⁶⁸ В. А. Арутюнова. К вопросу об армянах-халкидонитах, стр. 89.

⁶⁹ «История Аристахеса...», стр. 94.

⁷⁰ Матфей, стр. 216. Такие отзывы об армянах-халкидонитах у армянских историков чрезвычайно редки.

⁷¹ Там же, стр. 157—158.

⁷² Там же, стр. 195—197. Василий Алусиан, сын болгарского царя Алусиана от его брака с армянкой, выдвигается в царствование Романа IV Диогена (1068—1071), своего зятя (Роман был женат на его сестре до брака с Евдокией (*Skylitz.—Cedr.*, II, р. 678.22—24; см. E. Honigmann. *Op. cit.*, р. 140; В. Н. Златарски. История на България-тата държава..., стр. 127).

на
ор
ое
а-
от
35
ку
ч-
—
Б,
и,
гы
17.
ий
е.
зе
у-
ий
т-
и-
ix
ix
кк
3-
о-
о-
я
и
х
ь
а
й
г-
г-
г-
д

управлением Григория Пакуриана, но и эти земли были утрачены Византией между 1072 и 1074 гг.⁷³ Опустошение сельджуками фем Иверия, Веспуракан, Арменияк Скилица и Атталиат объясняли гневом божьим против еретиков-монофиситов, которые населяли эти земли⁷⁴. «Когда бедствие постигло и православную область, — пишет Скилица, — были приведены в смущение все исповедующие ромейскую веру»⁷⁵. Фема Приевфратских городов имела в своем составе и халкидонитов, и монофиситов. Ф. И. Успенский отмечал, что византийскому правительству в этот период было чрезвычайно важно «удержать в своей власти доступы к Месопотамии и Сирии» и что здесь происходили «имеющие всемирное значение военные столкновения между Романом Диогеном и Альп-Арсланом»⁷⁶. Последнее их столкновение закончилось несчастной для Романа битвой при Манцикерте (1071). Роману пришлось заключить очень тяжелый мир с сельджуками, по условиям которого империя должна была выплатить огромную сумму туркам и отдать им Манцикерт, Мамбидж, Антиохию и Эдессу, за что Альп-Арслан гарантировал неприкосновенность восточных границ Византии⁷⁷, которые, как мы видим, должны были значительно отодвинуться на запад.

Итак, Эдесса должна была отойти к сельджукам. Этого, однако, не произошло. Центральное византийское правительство отказалось ратифицировать договор. Эдесса осталась во владении империи. В год битвы при Манцикерте проэдром и катепаном Эдессы был некий Павел, о котором нам почти ничего не известно. Из короткого сообщения Скилицы ясно только то, что он не был другом императору Роману Диогену и, оставив его, возвращающегося из турецкого плена, бежал в Константинополь⁷⁸.

Его преемником на посту правителя Эдессы стал, по сообщению Матфея Эдесского, «Левон, брат Даватаноса» (бывшего правителя Эдессы в 1062 г.), который находился на этом посту до 1077 г.⁷⁹ Я уже говорила, что эти Даватаносы, — возможно, Даватины (Диаватины), упоминаемые Анной Комниной. Известен некий Лев Даватин, правитель Месемврии в 1080 г., которому удалось заключить мирный договор с печенегами и куманами⁸⁰. Может быть, это то же лицо, что и Левон Даватанос.

Статут Эдессы в промежутке между 1071 и 1098 гг. вызывает совершенно разноречивые мнения. Некоторые исследователи полагают, что в течение всего этого периода Эдесса находилась не только de facto, но и de jure под властью сельджуков, была в вассальной зависимости от них⁸¹. Утверждают также, что Эдесса все это время являлась анклавом византийской территории среди сельджукских владений⁸².

Как уже отмечалось выше, во всяком случае с 1071 по 1077 г., Эдесса была областью Византии⁸³. Судьба Эдессы в течение следующего десятилетия связана с одной из самых замечательных фигур второй половины XI в. — с полководцем и дипломатом Филаретом Врахамием (Варажнуни).

Источники, а вслед за ними и исследователи дают совершенно различные характеристики Филарету. Анна Комнина рассказывает, что «им-

⁷³ См. В. А. Арутюнова. Из истории северо-восточных пограничных областей.

⁷⁴ Skylitz.— Cedr., II, p. 687.10—13; Att., p. 96.

⁷⁵ Skylitz.— Cedr., II, p. 687.14—19.

⁷⁶ В. И. Успенский. Указ. соч., т. III, стр. 89.

⁷⁷ «История Византии», т. II, стр. 287.

⁷⁸ Skylitz.— Cedr., II, p. 702.1—5.

⁷⁹ Mamфей, стр. 216.

⁸⁰ Skylitz.— Cedr., II, p. 743.1—4.

⁸¹ J. Laurent. Des Grecs..., p. 378—379, 439—440. Лоран также высказывает мнение, что с 1077 до 1085 г. Эдесса была фактически автономна (ibid., p. 398—400).

⁸² E. Honigmann. Op. cit., p. 145; ср. также: «История Византии», т. II, стр. 290.

⁸³ В это время византийским наместником в Антиохии был Исаак Комнин (J. Laurent. Des Grecs..., p. 385).

ператор Роман Диоген возвел в сан доместика некоего армянина по имени Филарет, который был человеком замечательного мужества и ума»⁸⁴. Матфей Эдесский не признавал за ним ни того, ни другого. По его мнению, это был «нечестивец», изменивший вере своих отцов и принявший халкидонитскую (греческую) веру, который «стал деспотом и овладел многими странами и городами, безжалостно погубив многих именитых князей». Матфей называет Филарета и «первенцем сатаны», и «предтечей антихриста», и одержимым злыми бесами⁸⁵. Такое яростное осуждение, может быть, можно объяснить тем, что халкидонитство Филарета было, видимо, недавним. Отец его был последователем национальной церкви⁸⁶.

Следуя за Матфеем Эдесским, исследователи считают Филарета жестоким деспотом, выскочкой, которого презирали соотечественники. Н. Адонц в небольшом этюде, посвященном семье Врахамиев, показывает, что выскочкой он, во всяком случае, не был⁸⁷. Но ни Н. Адонц, ни другие исследователи не обращали внимания на то, что презрение соотечественников навлекалось на Филарета прежде всего его «греческой верой»⁸⁸.

Филарет в числе других армянских полководцев выдвинулся при Романе IV Диогене (1068—1071)⁸⁹. После трагической гибели Диогена его соратники оказались в оппозиции к правительству Михаила VII Дуки (1072—1077). Куропалат Филарет, занимавший пост великого доместика, имел в своем распоряжении значительные силы — в основном из армян. Он укрепился в труднодоступных горных районах, захватил ряд городов и не подчинялся Михаилу VII⁹⁰. По свидетельству Михаила Сирийца, он владел многими областями Киликии, Северо-Западной Месопотамии и Северной Сирии⁹¹. Территория, подвластная Филарету, простиралась от Сасуна до Антиохии. Сасун остался во владении Торника Мамиконяна, успешно отразившего попытку Филарета захватить Сасун⁹². Основной причиной успехов Филарета⁹³, помимо его несомненных полководческих талантов, было своеобразное «междущарствие», сложившееся на захваченных им землях. Турки-сельджуки, двигаясь с востока на запад, захватывали и заселяли области, лежащие к северу от линии Кесария — Мелитена, доходя почти до Босфора; земли же, лежащие к югу от этой линии, подвергались лишь эпизодическим набегам. Турки-сельджуки еще не пришли на эти земли, а Византия уже не могла их защищать.

Завоевав эти территории, Филарет столкнулся с трудностями внутреннего порядка. Население, состоявшее в большинстве своем из армяно-монофиситов, неприязненно относилось к халкидониту Филарету, и национальная церковь отказалась освятить его власть. Филарет стремился поставить в вассальную зависимость армянских царей и князей, чьи владения находились на контролируемой им территории. Однако для Багратидов, Арцрунидов и Мамиконянов Варажнуни не был достаточно

⁸⁴ *Anne Comnène*. Alexiade, cap. VI, p. 64.

⁸⁵ *Матфей*, стр. 206, 222.

⁸⁶ Там же, стр. 206. К тем армянам, чье халкидонитство было традиционным, идущим от дедов, Матфей относился гораздо терпимее. Вспомним хотя бы характеристику Апокапов (см. выше); ср. также отзыв Матфея о Смбае Вхаци (см. ниже).

⁸⁷ *N. Adontz*. Op. cit., p. 147—152.

⁸⁸ Возможно, что он, как всякий неопит, был более нетерпим к монофиситам, чем те армяне, чье халкидонитство было традиционным.

⁸⁹ *Skyllitz*.— *Cedr.*, II, p. 681.17—19.

⁹⁰ *Ibid.*, p. 741.9—16.

⁹¹ *Chronique de Michel le Syrien*. Caris, 1899—1905, t. III, p. 173.

⁹² *Матфей*, стр. 206—209.

⁹³ Подробно деятельность Филарета Варажнуни была мною рассмотрена в докладах «Политическая деятельность Филарета Варажнуни» (на IX Всесоюзной сессии византинистов в Ереване в мае 1971 г.) и «Политическая деятельность Филарета Варажнуни в юго-восточных районах Византии» (на XIV Международном конгрессе византинистов в Бухаресте в сентябре 1971 г.) (в печати, там же см. библиографию). Здесь поэтому я излагаю только выводы, важные для темы настоящей статьи.

знатен, и они противились его притязаниям, не подкреплённым ни церковным, ни светским авторитетом.

Изменившиеся внешнеполитические условия помогли Филарету на некоторое время упрочить свое положение внутри страны. Во-первых, Византия заключила мирный договор с Румским султанатом, а во-вторых, на престол империи вместо Михаила VII Дуки, ненавидимого Филаретом, взошел Никифор III Вотаниат (1078—1081). В том же 1078 г. Филарет объявил себя вассалом нового императора. Этот ловкий дипломатический шаг обезопасил его владения от притязаний как Византии, так и сельджуков, и, кроме того, часть армянских владетелей добровольно признала власть Филарета, подкреплённую авторитетом Византии, а остальных Филарет силой привел к покорности.

В 1076 г. Филарет завладел Антиохией⁹⁴. В 1077 г. Василий Апокап по приказу Филарета осадил Эдессу. В это время горожане подняли мятеж против дуки Эдессы Льва Даватаноса. Сам Лев спасся бегством, а его ближайший помощник был убит⁹⁵.

«И в тот же день отдали Урху Василию, сыну Апукапа, человеку добродушному и боголюбивому... И было это в 526 (1077) году армянского летоисчисления»⁹⁶. В 1078 г. Филарет официально признал себя вассалом византийского императора; Эдесса, таким образом, оставалась если не прямо, то в силу вассальной присяги Филарета под властью империи. Василий Апокап управлял Эдессой, как ставленник Филарета. Мы здесь видим, следовательно, три ступени вассалитета: Византийский император — Филарет Врахамий — Василий Апокап.

Филарет владел огромной территорией, где пользовался неограниченными правами. Наиболее ярким свидетельством власти Филарета является его вмешательство в дела церкви. Вардан Великий пишет, что он «приказал... рукоположить в Месопотамии католика Сергия... А по смерти Католика Сергия приказал на его место посадить какого-то Феодора»⁹⁷.

В течение ряда лет Филарету в постоянной борьбе удавалось отстаивать свои владения. В 1081/82 г. эмир Хосров с большим войском прошел огнем и мечом по приевфратским областям и пытался взять Эдессу⁹⁸. В 1083 г. (532 г. арм. летоисчисления) умер Василий Апокап⁹⁹, и дукой Эдессы стал Смбат Вхкаци, «мужественный боец против персов» (турок). Он оставался дукой полгода, а затем один из вельмож города замыслил, как пишет Матфей Эдесский, «отнять пост дуки у армян», отправился к Филарету и восстановил его против Смбата. Филарет явился в Эдессу, сместил и ослепил Смбата¹⁰⁰. Смбат также принадлежал к известному армяно-халкидонитскому роду из Тайка. Его отец — Багарат Вхкаци —

⁹⁴ Вардан Великий называет 525 г. армянского летоисчисления (1076 г.). Греки убили правителя Антиохии Васака Пахлавуну, и армянское войско Васака вызвало «Филартоса, армянина по происхождению, захватившего в то время в свои руки многие области» («Всемирная история Вардана Великого», стр. 130).

⁹⁵ Матфей, стр. 216.

⁹⁶ Там же. Интересно, что помощник Даватаноса назван у Матфея «проксимос» (Э. Гликаци-Арвейлер и В. Лоран рассматривают это как факт проникновения латинских терминов в византийскую титулатуру. См. V. Laurent. La chronologie des gouverneurs d'Antiochie sous la seconde domination byzantine. — «Mélanges de l'Université Saint Joseph», t. 38, 1962, p. 226; H. Glycatzi-Ahrweiler. Recherches sur l'administration de l'empire byzantine aux X—XI siècles. Athènes, Paris, 1960, p. 6.

⁹⁷ «Всемирная история Вардана Великого», стр. 430; ср. там же, стр. 133.

⁹⁸ Матфей, стр. 222; E. Honigmann. Op. cit., p. 143.

⁹⁹ «И был траур великий в стране Урхинской и всех областях ее, ибо [подданные] лишились такого приятного и доброго владыки, так как был он как отец родной для больших и для малых и с доброй памятью ушел из этого мира ко Христу» (Матфей, стр. 223).

¹⁰⁰ Там же.

был катапаном Востока и правителем фемы Иверия с резиденцией в Ани в 1064 г.¹⁰¹ Родовым их владением был Вихик в Южном Тайке¹⁰².

В 1084 г. Филарет потерял Антиохию. «В 533 г. армянского летоисчисления... некий эмир Сулиман, сын Дэллмиша¹⁰³, который жил в городе Никее, в стране бютанийцев (Вифинии), граничащей с морем-Океаном собрался тайно и дальней дорогой пошел, и тайно же достиг города Антиохии, и ночью неожиданно со стороны Халеба захватил город Антиохию. Филартос же находился в городе Урхе, но в то время не было в городе конного войска... Филартос ничего не мог поделать; вздыхал и горько сожалел. И овладел Сулейман Антиохией и всей Киликийской страной...»¹⁰⁴. Стольным городом Филарета стала Эдесса.

Положение Филарета, со всех сторон теснимого турками, становилось все сложнее, а империя ничем не могла помочь своему вассалу. Вплоть до 1085 г. Византия вела войну с норманнами на Балканах. Алексей I Комнин заключил союз с султаном, чтобы не воевать на два фронта, и признал все завоевания сельджуков в Малой Азии. После окончания норманнской кампании Византия также не могла начать большую войну с сельджуками. В это время на территории Малой Азии существовало множество эмиратов, формально подчинявшихся султану. Наиболее значительными среди них были эмираты Смирны, Никей, Каппадокии, а также Иконийский султанат на востоке Малой Азии.

Алексей I в это время мог только совершать недолгие и стремительные походы или вести сложную дипломатическую игру, натравливая одних эмиров на других с тем, чтобы вернуть имперские города на Понте. В 90-х годах империя пережила нашествие печенегов, а в 1096 г. начался первый крестовый поход¹⁰⁵.

В 1086 г., следовательно, Эдесса не могла рассчитывать на помощь империи. Филарет решил признать сюзеренитет султана, видимо, надеясь взамен обеспечить безопасность своих владений. Анна Комнина полагает, что «он решил перейти к туркам и совершить обрезание, так как турки тревожили его владения»¹⁰⁶. Матфей Эдесский при всей своей недоброжелательности к Филарету все же не обвиняет его в том, что он заранее решил перейти в мусульманскую веру. У Матфея это изображено как *ultima ratio* Филарета, чтобы завоевать милость султана. Матфей называет Филарета апоген за то, что он был халкидонитом, говорит, что он «печестиво придерживался христианской веры», но все же подчеркивает тот факт, что Филарет «отправился на поклон к султану-миродержку Мелик-шаху просить его о благоволении и мире всем верующим во Христа... Филартос взял с собой много сокровищ; золото и серебро, породистых коней и мулов, изысканные и роскошные одежды, и поехал

¹⁰¹ О Багарате Вхкаци см. *Н. М. Bartikjan. La généalogie du magistros Bagarat cateran de l'Orient et des Kékauménos.* — «Revue des études arméniennes», t. II, 1965; *К. Н. Юзбашян.* Греческая надпись патрикия Григория КНХКАТЗИ 1006/1007 г. и проблема авторства «Стратегикона». — Сб. «Эллинистический ближний Восток, Византия и Иран», 1967. Интересно, что Матфей Эдесский Смба́та считает, видимо, более значительной личностью, чем его отец. Повествуя о сдаче Ани, он определяет ишханов — правителей города — следующим образом: «Багарат, отец Смба́та, и Григор, сын Бакураца» (*Матфей*, стр. 148).

¹⁰² Об армянах-халкидонитах Вихика см. *Н. Я. Марр.* Об армянской иллюстрированной рукописи из халкидонитской среды. — «Известия имп. Академии наук». СПб., 1841, стр. 1297—1299.

¹⁰³ Кутулмышна.

¹⁰⁴ *Матфей*, стр. 224. Интересно, что Анна Комнина связывает захват Антиохии турками с фактом перехода Филарета в мусульманство. По ее сведениям, туркам помог сын Филарета, не довольный решением отца предать христианскую веру (*Анна Комнина. Alexiade*, cap. VI, p. 64). Однако переход Филарета в мусульманство совершился двумя годами позже (см. ниже).

¹⁰⁵ «История Византии», т. II, стр. 314—315.

¹⁰⁶ *Анна Комнина. Alexiade*, cap. VI, p. 64.

к султану в страну персов»¹⁰⁷. Правителем Эдессы Филарет поставил «великого князя ромейского, которого звали Паракаманосом»¹⁰⁸, — так, возможно, звучит у Матфея высокий византийский придворный титул паракимомена (*παράκοιμηνος*).

Провизантийский политический курс Филарета, постоянное его вмешательство в дела армянской церкви и его халкидонитство породили недовольство большинства его армянских подданных, реально проявившееся, как только у Филарета начались внешнеполитические затруднения.

В отсутствие Филарета один из князей по имени Парсам составил заговор, убил Паракаманоса и сам стал дукой Эдессы¹⁰⁹. Матфей Эдесский утверждает, что весть об этом событии лишила Филарета уважения и расположения султана, и тогда «Филартос отрекся от христианской веры, которой он нечестиво придерживался и надеялся, что из-за этого персы его возвеличат, однако он не был возвеличен. И одну лишь пользу получил он, что распространилась молва об его отречении от Христа и стали его презирать и ненавидеть и бог, и люди»¹¹⁰. Переход Филарета в мусульманство не принес безопасности его владениям. Впоследствии он вернулся к христианству и умер в каком-то монастыре.

Мелик-шах назначил правителем Эдессы эфира Бузана¹¹¹. Он «взял Урху и по предательству доносчиков убил лучших из князей армянских»¹¹². По-видимому, это высказывание Вардана Великого означает, что в Эдессе было подавлено сопротивление армянской аристократии, отдавшей пост правителя города Парсаму.

С 1086 г. власть над Эдессой перешла к сельджукам. После гибели Бузана Эдессой завладел Тутуш и утвердил правителем города Тороса, сына Гетума, который в свое время был ближайшим сподвижником Филарета. В цитадели города стоял турецкий гарнизон. Однако Торос, получив город в лен от турок, вскоре избавился от турецкого гарнизона¹¹³.

Статут Тороса, правителя Эдессы, вызвал полемику. Ж. Лоран полагает, что Торос был вассалом сельджуков. Лоран признает, что в источниках Тороса называют «греческим куропалатом» и «ромейским правителем», но считает, что это не более чем дань традиции, поскольку Византия к тому времени совершенно потеряла влияние в Малой Азии¹¹⁴. В «Истории крестовых походов» (под ред. К. М. Сеттона) утверждается, что куропалат Торос был всего лишь должностным лицом империи, как и другие армянские аристократы, правившие в это время в областях Малой Азии, такие, как: Татул в Мараше, Габриэл в Мелитене, Ошин в Лампроне и т.д.¹¹⁵ Некоторые исследователи полагают, что он был самостоятелен. Э. Хонигман считает, что он был автономен, а позже империя признала его греческим правителем Эдессы и пожаловала титул куропалата¹¹⁶.

Независимость Тороса от турок, на мой взгляд, не вызывает сомнений. Он изгнал из города турецкий гарнизон и стойко отражал все попытки сельджукских отрядов вновь захватить город.

«В 544(1095) году... Сукман, сын Артуха, и эмир Самосатский Балдух, сын Газе, пошли на Урху, откуда возвратились покрытые позором. Ку-

¹⁰⁷ Матфей, стр. 233.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Армянское имя заговорщика не оставляет сомнения в его происхождении.

¹¹⁰ Матфей, стр. 233; ср. *Chronique de Michel le Syrien*, t. III, p. 173. Ср. также: «Всемирная история Вардана Великого», стр. 133.

¹¹¹ Матфей, стр. 236; *J. Laurent. Des Grecs...*, p. 401; *E. Honigmann. Op. cit.*, p. 144.

¹¹² «Всемирная история Вардана Великого», стр. 135; Матфей, стр. 236; *E. Honigmann. Op. cit.*, p. 144.

¹¹³ Матфей, стр. 261.

¹¹⁴ *J. Laurent. Des Grecs...*, p. 406—407.

¹¹⁵ *K. M. Setton, M. W. Baldwin. Op. cit.*, p. 299, 303.

¹¹⁶ *E. Honigmann. Op. cit.*, p. 145.

ропалат Теодорос с такою мудростью и мужеством защищал город, что даже султан Радуан не мог его покорить»¹¹⁷. Торос с успехом сопротивлялся Радиуану Халебскому, и Алусиану Антиохийскому, и Алп-Ярку¹¹⁸. Самым ярким подтверждением независимости Тороса от турок является рассказ Матфея Эдесского о заговоре против Тороса. «Коварные и злонамеренные люди сговорились с графом [Балдуином] убить куропалата Тороса, чего он вовсе не заслужил своими благородными делами: ведь это благодаря его прозорливой мудрости, умению, изобретательности и мощной силе освобождена была уже Урха от податей и от злой и горькой неволи племени турок»¹¹⁹.

Был ли он византийским чиновником? Разумеется, нет, поскольку Эдессу он получил от сельджуков, а избавился от них без всякой помощи со стороны империи. Однако в 1096—1097 гг. Византия, используя движение крестоносцев, начала отвоевывать прежние области в Малой Азии и восстанавливать там свое влияние. Торос, по-видимому, принял титул куропалата на тех же основаниях, на каких его принял, например, Давид Тайкский. Он был правителем области и вассалом Византии.

В вассальной клятве Боэмунда Алексею I упоминается Эдесса, которая в отличие от других областей, названных в этом документе, должна быть не пожизненным, а наследственным владением Боэмунда. Он может «передавать ее тому, кому сам пожелает, если, разумеется, тот, кто ее получит, будет подчиняться приказам и воле вашей царственности, как вассал той же власти и той же империи, и будет разделять и признавать мое соглашение с вами»¹²⁰. Такой статут Эдессы (может быть, продиктованный византийской стороной), очевидно, не был реальностью в этот период, но, возможно, сложился ранее и был памятен в империи по временам Филарета и Тороса.

Однако Византия не могла оказать Торосу помощи. Турки были с ним во враждебных отношениях. Большинство населения составляли армяне-монофиситы и сирийцы, враждебно относившиеся к халкидониту Торосу. Желание укрепить свое положение и приобрести союзника в борьбе с сельджуками, очевидно, и заставило Тороса с энтузиазмом встретить появление крестоносцев¹²¹.

«В 547 (1098) году пришел один граф по имени Пахтин (Балдуин), — рассказывает Матфей Эдесский, — и со ста всадниками захватил город, называемый Тлпашар (Тель-Башар). Услышав об этом, князь ромеев Торос, находившийся в городе Урхе, преисполнился великой радости и послал в Тлпашар к франкскому графу [людей] и призвал его к себе на помощь против своих врагов из-за притеснений, чинимых ближайшими эмирами. И граф Пахтин прибыл с шестьюдесятью всадниками в Урху..., и была радость для всех верующих. Куропалат Торос выказал большую любовь [графу], преподнес много даров и утвердил союз с ним»¹²².

Торос, Балдуин и Константин Рубенид одержали большую победу над сельджуками у Самосаты¹²³. Торос усыновил Балдуина и назначил его своим преемником. Несмотря на это, Балдуин, вернувшись в Урху, вступил в заговор горожан против Тороса. На пятой неделе великого поста горожане во главе с заговорщиками разгромили дома князей, при-

¹¹⁷ «Всемирная история Вардана Великого», стр. 136.

¹¹⁸ E. Honigmann. Op. cit., p. 145.

¹¹⁹ Матфей, стр. 261. Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность сотруднице Матенадарана Л. Ханларян, занимающейся Матфеем Эдесским, советы которой были весьма ценны для меня.

¹²⁰ Anne Compté. Alexiade, cap. XIII, p. 136—137.

¹²¹ О приходе «огромной рати крестоносцев» см. Матфей, стр. 257—258; ср. также: K. H. Setton, M. W. Baldwin, Op. cit., p. 299—300; J. Laurent. Des Grecs..., p. 407.

¹²² Матфей, стр. 260.

¹²³ Там же, стр. 261.

верженцев Тороса, а сам он был осажден в нижней крепости города. Торос потребовал от Балдуина клятвы, что ему позволят беспрепятственно уехать с семьей в Мелитену, если он сдаст цитадель. Балдуин принес страшную клятву и нарушил ее. Торос погиб от руки заговорщиков. Балдуин стал правителем Эдессы¹²⁴. Крестоносцы владели Эдессой до 1144 г.

* * *

Почти все правители Эдессы носили звание дуки или катепана (кроме Маниака и Варазваче, которые были стратигами), что подчеркивает важность данной области для империи¹²⁵.

Титулатура этих правителей охватывала почти все самые высокие титулы византийской табели о рангах: от севаста до протоспафария. Интересно, что первые три правителя Эдессы были стратигами, а затем только дуками и катепанами. То же самое происходит и с их титулами. Если Маниак и Варазваче были протоспафариями, то последующие правители не имели чина ниже магистра, а Филарет был даже севастом. Это наглядное свидетельство возрастания важности Эдессы для империи.

Из 17 правителей Эдессы¹²⁶ четверо: Лепендрин, Пигонит, Иоанн Дукица и проэдр Павел — несомненно, греки; двое — Аарон-магистр и Василий Алусиан — болгары, Георгий Маниак, возможно, тюркского происхождения¹²⁷, национальность Даватаносов и Паракаманоса неизвестна, а остальные сем лиц — армяне, причем шестеро — армяне-халкидониты. До 70-х годов XI в. правители-армяне перемежаются с неармянами, но с 70-х годов на посту дуки в Эдессе — почти исключительно лица армяно-халкидонитского происхождения, причем, за исключением Филарета и Тороса, все они — представители виднейших родов тайкской армяно-халкидонитской аристократии — Торникянов, Апокапов, Вхкаци.

Интересно провести сравнение с положением в феме Иверия, в которую входили и земли Южного Тайка. До конца 40-х годов, т. е. до первого большого нашествия турок-сельджуков, правителями Иверии были в основном греки, а армянские князья с их отрядами и частью населения переселялись в глубь империи. Однако наступление сельджуков отрезвило византийских политиков. Они поняли, что армяне могут преградить дорогу наступающим кочевникам. Но империи были нужны не просто армянские князья, готовые самоотверженно бороться с сельджуками, но люди, преданные империи, т. е. исповедующие халкидонитство. На посту правителя фемы Иверия начиная с 1047 г. сменяют друг друга Катакалон Кекавмен, Аарон Болгарин, Иоанн Монастириот, Багарат Вхкаци, Григорий Пакуриан. Из этого армяно-халкидонитского списка выпадает только Аарон Болгарин.

Этот новый политический курс Византии в отношении армян проявляется не только в феме Иверия, но даже в Антиохии, где с 1069 г. (т. е. когда турки-сельджуки захватили значительную часть Малой Азии и

¹²⁴ Там же, стр. 262—263; «Всемирная история Вардана Великого», стр. 138. Даже Матфей Эдесский, враждебно относившийся к халкидонитам, считает великим грехом убийство Тороса и полагает, что страшный голод, постигший Эдессу, был возмездием от бога за клятвопреступление (Матфей, стр. 271; J. Laurent. *Ges Grecs...*, p. 147).

¹²⁵ Н. А. Скабаланович. Византийское государство и церковь, стр. 187. Звание дуки было самым высоким званием для правителя провинции, затем шли звания катепана и стратига. Иногда дук и катепанов называли стратигами (но не наоборот). Дуками были правители наиболее важных, чаще всего пограничных фем. Э. Гликаци-Арвайлер полагает, что звания дуки и катепана были синонимами (Н. Glykatzis-Arweiler. *Op. cit.*, p. 6; ср. также: V. Laurent. *La chronologie...*, p. 226).

¹²⁶ В списке 18 человек, но Апокап, отец Василия, дважды занимал этот пост.

¹²⁷ G. Moravcsik. *Byzantinoturcica*, t. II. Berlin, 1958, p. 181.

эта область приобрела особенно важное значение для империи) большинство правителей были армянами ¹²⁸.

Византии в этих сложных политических условиях нужны были, по-видимому, энергичные правители, знающие местные условия, способные говорить с населением на одном языке и преданные Византии. Кроме того, очевидно, учитывался и тот факт, что эти правители могли говорить с армянским населением, но не могли с ним сговориться из-за догматических разногласий ¹²⁹.

Население Эдесской области по большей части было армянским. С конца 70-х годов Эдесса становится областью, пограничной с турками-сельджуками. И в это время пост правителя Эдессы занимают преимущественно армяне-халкидониты ¹³⁰.

Мы не можем считать такое положение вещей прямым следствием нового политического курса Византии, поскольку Эдесса только de jure оставалась под протекторатом империи, а de facto находилась под властью Филарета. Однако и Филарет в силу своей провизантийской ориентации и вероисповедания мог положиться только на единоверцев. И потому все сподвижники Филарета, правившие от его имени в Эдессе, вышли из среды армян-халкидонитов. Армяно-халкидонитская аристократия, очевидно, являлась главной силой, на которую опирался Филарет при основании своего недолговечного государства.

АПОКАНЫ

Князь Апокап

Дука Михаил

Магистр Василий

Магистр Василий

Вестарх Фересман

Вест Фаресман

Князь Апокап	— придворный Давида Куропалата в 1000 г., правитель Эдессы в 30-х годах XI в. и в 1065 г.	Дука — Михаил	— с 1036 по 1051 г. занимал видное положение в феме Иверия
Магистр Василий	— архонт фемы Придунайских городов в 1065 г. Правитель Эдессы 1077—1083 гг.	Магистр Василий	— Был вторым лицом в феме Иверия и, видимо, защищал Манцикерт в 1054 г.
Вест Фаресман	— стратиг Иерополя в 1069 г.	Вестарх Фаресман	

- 1. Пр
- 2. Ле
- 3. Кв
- 4. Пр
- 5. Ма
- 6. Ио
- 7. Да
- 8. Кв
- 9. Пи
- 10. В
- 11. П
- 12. Л
- 13. М
- 14. С
- 15. С
- 16. П
- 17. К
- 18. К

¹²⁸ V. Laurent. La chronologie..., p. 247—251.

¹²⁹ Действительно, армянские источники, отдавая иногда должное уму, храбрости и административным способностям того или иного деятеля из армян-халкидонитов, все же почти всегда (за редким исключением) относились к ним враждебно. Для историков-монофиситов они были нечестивцами, т. е. халкидонитское вероисповедание этих правителей, дающее гарантию верности империи, отталкивало от них армянское население. Армяне-халкидониты оказались чужды армянскому (монофистическому) миру; впрочем, они не сделались своими и в мире исконно халкидонитском — грузинском и греческом. Классическое определение армянина-халкидонита греческой ориентации отнесено Матфеем Эдесским к ненавидимому им Филарету Врахамию: «Его не признавали ни армянином, ни греком, ибо он по образу жизни и по религии был греком, а по отцу и матери армянином» (Матфей, стр. 206).

¹³⁰ Паракаманос — неясного происхождения, а Парсам — по-видимому, последователь национальной армянской церкви.

Византийские правители Эдессы 1032—1098 гг.

1. Протоспафарий Георгий Маниак, стратиг	1032
2. Лев Лепендрин	1032—1036
3. Князь Апокап	1037—1038
4. Протоспафарий Варазваче Торникян, стратиг . . .	1038
5. Магистр Аарон, дука	1057—1058
6. Иоанн Дукица, катепан	1059
7. Даватанос (Диаватин?), дука	1062
8. Князь Апокап, дука	1065
9. Пигонит	1066—1067
10. Василий Алусиан, дука	1068—1070
11. Проэдр Павел, катепан	1071
12. Левон Даватанос (Лев Диаватин?)	1072—1077
13. Магистр Василий Апокап, дука	1077—1083
14. Смбат Вхкаци, дука	1083 (6 ме- сяцев)
15. Севаст, куропалат Филарет Врахамий, дука . .	1083—1086
16. Паракаманос (паракимомен), дука	1086
17. Князь Парсам, дука	1086
18. Куропалат Торос Гетумид, дука	1094—1098

С. П. КАРПОВ

ТРАПЕЗУНДСКАЯ ИМПЕРИЯ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIII—XV ВВ.

В 1204 г. на руинах павшей под ударами крестоносцев Византии на далеком Понте, имевшем давние традиции самостоятельного развития, возникла Трапезундская империя. Многие события из ее истории известны нам по произведениям византийских писателей XIII—XV вв., которые чаще всего были далеко не беспристрастны к новому государству. Наша цель — не анализировать все сведения византийских писателей о Трапезунде, но лишь проследить эволюцию их отношения к империи, поставив в центре внимания «пробный камень» — признание и непризнание императорского титула трапезундских правителей. Последнее обстоятельство, вызванное рядом причин, среди которых само международное положение Трапезунда занимает не последнее место, весьма интересно и как показатель эволюции доктрины императорской власти в самой Византии.

Никита Хониат — первый по времени византийский историк, писавший об образовании Трапезундской империи. Наряду с Анной Комниной и Зонарой именно Хониат приводит свидетельства сепаратистских тенденций области Понта задолго до образования там государства¹. Однако в его сочинениях мы не найдем ничего, кроме презрения к самой империи и к ее основателям, потомкам ненавистного историку Андроника I. Трапезундская империя в момент ее образования — лишь плод губительного сепаратизма, разъединявшего единство эллинов в борьбе с латинянами, а правители ее — мальчишки, замыслившие называться «тиранами» от непомерной гордыни. Историк отрицал всякое их право не только на императорский титул, но и на именование «правитель»².

Эфесский митрополит Николай Месарит, писавший почти одновременно с Хониатом, часто по горячим следам событий, не менее непримире-

¹ *Nicetae Choniatae Historia*, rec. I. Bekker. Bonnae, 1835 (далее — *Nic. Chon.*, p. 45. Автор писал, что Константин Гавра χρόνον ἤδη συχρὸν τὴν Τραπεζοῦντα ἀποπολεσάμενον καὶ ἤθεσι τυραννικοῖς αὐτὴν διαξάγοντα.

² Правители Понта и Пафлагонии названы в лучшем случае лишь по имени: *Nic. Chon.*, p. 828.4: ὁ δ' ἐκ Κομνηνῶν Δαβίδ; p. 828.8; 828.12; 16, p. 842.13—14; p. 844.9; κατὰ τοῦ ἐν Πόντῳ Δαβίδ; p. 844.10, 12, 14, 21, 25; p. 845.25. Но в речах Хониата, там, где риторические красоты требовали большей гиперболизации, нравственное ничтожество и военное бессилие Комнинов оказываются в центре повествования: *K. N. Sathas. Μεσαιωνικὴ βιβλιοθήκη*, т. А'. Ἐν Βενετία, 1872 (далее — *Sathas*, I), сэл. 105: τὰ τὸν Εὐξείνιον δεικνύοντα κακοῦς μισράκια, сэл. 115: τὰ δ' ἀμφοτέρωθεν τὸν Πόντον μισράκια, сэл. 126, 127; ритор подчеркивает их немощь и трусость, о Давиде говорит, как о νεονία... στήθοντι τὸ σῶμα γυναικῶδες λαϊότητι (*Sathas*, I, сэл. 119), он неохотно переносит шум оружия, зеленеет от страха при звоне лука, по-женски прячется за стенами, лишь бы только укрыться от победоносного Давида, Давида по подвигам, не по имени, — Феодора Ласкаря (сэл. 123, 124, ср.: сэл. 119, 126). Подробнее см. в нашей статье: «Сочинения Никиты Хониата как источники по истории Трапезундской империи». — Сборник научных работ аспирантов исторического факультета «Проблемы всеобщей истории». М., 1971, стр. 133—156.

мо относился к независимости Трапезунда³. Апологетизируя правление никейского императора Феодора Ласкаря еще больше, чем Хониат, Месарит с такой же недоброжелательностью относился и к предку основателем империи Андронику Комнину. И хотя в Эпитафии на кончину Иоанна Месарита (брата писателя) он применяет к Андронику более мягкие выражения, чем Никита Хониат⁴, в Отчете о политических и церковных событиях 1214 г. он очень резко отзывался об Андронике и его племени — «ехиднином порождении», «драконовом исчадье» (ὁ ἐχιδναῖος γένος, τὸ δρακόντιον ἀποβόημα)⁵. Положение авторов при никейском дворе, видимо, заставляло их недоброжелательно отзываться об основателе враждебной династии.

И снова та же тенденция: от недоброжелательного отношения к Андронику — такое же отношение и к его внукам, Алексею и Давиду, и к самой Трапезундской империи, которая не признается Месаритом. Месарит никогда не называет правителей Понта и Пафлагонии каким-либо титулом, лишь в одном случае употребляя слово «кир», и то не от себя, а от лица монахов⁶. Об Алексее Комнине речь идет как о «происходящем из вредоносного и наполненного великой спесью рода Комнинов, тайно замышлявшем худое против власти ромеев»⁷. Подобно Хониату, Эфесский митрополит противопоставляет стойкость, мужество, разум Ласкаря слабости тех, кто вместо ума и крепости тела предпочитал надеяться на защиту крепостных стен и непроходимость дорог. Совсем как Хониат, Месарит осуждает тех, кто «из царской собственности крал и присваивал ромейскую землю, как собственный надел, предпочитая подчиняться итальянцам, чем братьям по крови и родству»⁸. И так же, как Хониат, Месарит описывает только блистательные победы никейского оружия⁹.

Но если первые никейские историки не признавали за Комнинами никакого титула, то признавали ли его в начале XIII в. в других греческих землях? Во всяком случае, Навпактский митрополит Иоанн Апокавк в письме патриарху Мануилу назвал Давида Комнина лишь «киром»¹⁰.

Георгий Акрополит писал свой исторический труд спустя несколько десятилетий после Хониата и Месарита, когда отношения между двумя империями начали стабилизироваться в силу ряда причин: во-первых, с 1261 г. был окончательно решен практический вопрос восстановления Византии. Притязания Комнинов на роль императоров ромеев, т. е. всей Византии, после отвоевания Константинополя потеряли свой смысл. Во-вторых, с 1214—1215 гг., когда Комнины потеряли Пафлагонию и Синоп¹¹, обе империи не имели более ни общих сухопутных границ, ни территориальных притязаний друг к другу.

³ О трапезундских сюжетах у Месарита см. *A. A. Vasiliev. Mesarites as a source.* — «Speculum», XIII (2), 1938, p. 180—182. См. также комментарий издателя его сочинений А. Гейзенберга.

⁴ *А. П. Каждан.* Никифор Хрисоверг и Николай Месарит. Опыт сравнительной характеристики. — ВВ, 30, 1969, стр. 103.

⁵ *A. Heisenberg. Neue Quellen zur Geschichte des Lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion.* — SBAW, Phil.-hist. Kl., 1923, N 3 (далее — NQ), S. 33.17.

⁶ NQ, I, 1922, S. 62.

⁷ NQ, III, 1923, S. 11.12—13: ὁ Κομνηνόθεν ἔλκων τὸ γένος Ἀλέξιος, ὁ κατὰ τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς πολλὰ βυρσοδομαζὼν καὶ ὥς. Далее в тексте рукописей лакуна, см.: NQ, III, S. 6.

⁸ NQ, III, S. 25; Ср. *Nic. Chon.*, p. 842—843.

⁹ NQ, II, S. 27; NQ, III, passim.

¹⁰ *В. Г. Васильевский.* Epirotica saeculi XIII. Из переписки Иоанна Навпактского. — ВВ, III, вып. 2, 1896, стр. 275. 28—29.

¹¹ Правда, в 1254 г. трапезундскому императору Мануилу I (1238—1263) удалось на короткий срок (до 1265 г.) вернуть Синоп, за что Панарет назвал его «величайшим и счастливейшим полководцем»: Μιχαὴλ τοῦ Παναρέτου περὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν, ἐκδ. Ο. Λαμπρίδης — «Ἀρχαῖον Πόντου», 22, 1958 (далее — *Панарет*), 3, сел. 61. О взятии Синопа см. (архим. *Антоний*). Заметки XII—XV века, относящиеся к крымскому го-

Сам Акрополит участвовал в важных византийско-трапезундских переговорах 1281—1282 гг.¹², но свою «Историю» он довел только до 1261 г. При этом все внимание в описании событий, связанных с Трапезундом, уделяется 1204—1215 гг. В значительной мере автор следует здесь за Хониа-том. Отделенная от Никей владениями Румского султаната, Трапезундская империя в середине XIII в. не представляла для автора интереса, да и ее история не служила целям повествования. Вспомним, что и сам император Михаил VIII Палеолог, перечисляя все свои победы и над деспотом Фессалии, и над латинянами, и над болгарями, и над сельджуками, ни словом не обмолвился о военных или политических успехах в борьбе с Трапезундом¹³. Акрополита прежде всего интересует сам факт образования империи, ее борьба с Никеей за гегемонию в греческом мире. Хотя Акрополит, как и его предшественники, гневно осуждал смуты, вспыхнувшие среди ромеев после 1204 г., в которых был повинен и Трапезунд¹⁴, именно он впервые в византийской литературе называет трапезундского императора (Алексея I) Великим Комнином, т. е. употребляет часть его официального титула¹⁵. Интересно, что этим титулом назван только Алексей, но не его брат Давид, именуемый *κράτης*ς, *κράτος*ς (Асгор., 18 (209)). Между тем в трапезундской литературе титул *Μέγας Κομνηνός* распространялся на всех непосредственных родственников императора¹⁶.

К Акрополиту очень близки тексты *Σύνοψις Χρονική*, изданной К. Сафой¹⁷, и стихотворной компиляции Ефрема начала XIV в.¹⁸ Впрочем, в версии *ὁνοψις Χρονική* встречается дефиниция к Акрополиту: не *ἐς καὶ Μέγας ὀνομάζεται Κομνηνός*, как у Акрополита, а *ὁν Μέγαν ὀνόμαζον Κομνηνόν*¹⁹.

Автор важного для нас сочинения «О царствовании Михаила и Андроника Палеологов» Георгий Пахимер (1242—1310) свидетельствует уже о настоячивых попытках Михаила VIII установить прочный союз с Трапезундом. В подтверждение мы располагаем более ранним документом — Синодальной грамотой константинопольского патриарха Никифора II

роду Сугдее (Судаку), приписанные на греческом синаксаре. — ЗООИД, V, стр. 617, № 148; *M. Nystazopoulou. La dernière reconquête de Sinope par les grecs de Trébizonde (1254—1265).* — РЕВ, XXII, 1964, p. 241—249.

¹² *Georgii Pachymeris De Michaelis et Andronico Palaeologis libri XIII, rec. I. Bekker, vol. I. Bonnae, 1835, VI, 34 p. 521.*

¹³ Автобиография императора Михаила Палеолога и отрывок из устава, данного им монастырю св. Димитрия, по рукописи Московской синодальной библиотеки за № 363 издал проф. И. Троицкий (СПб., 1885, ос. VII—IX, стр. 6—9). *H. Grégoire. Imperatoris Michaelis Palaeologi de vita sua. — Byz., XXIX—XXX, 1960, p. 447—476).*

¹⁴ Отмечается, что, помимо латинян, Феодора Ласкаря тревожили и сами ромеи, так как их предводители, ведя друг с другом войну, захватывали друг у друга целые области. См. *Georgii Acropolitae Opera, rec. A. Heisenberg, v. I. Lipsiae, 1903, 7, S. 12.5—10.* Впрочем, некоторых правителей призывали для своей защиты и сами жители (Асгор., 12.9—10). Примечательно, что сразу за этим идет повествование о жителях Пафлагонии и Трапезунда (*ibid.*, S. 12.13—17).

¹⁵ Асгор., S. 12.13—14 (204): *Παφλαγονίας δὲ πάσης ἐγκράτης ἦν Δαυὶδ, ἀδελφὸς ὢν Ἀλεξίου τοῦ τῆς Τραπεζούντος κρατήσαντος, ὃς καὶ Μέγας ὀνομάζεται Κομνηνός.*

¹⁶ *Παναρεт. 16, σελ. 69.12—13; 17, σελ. 70.20—21; 38, σελ. 76.2—3; 39, σελ. 76.15—16; 48, σελ. 78.12—14; 55, σελ. 81.11; 56, σελ. 81.19—20; 57, σελ. 81.25—26.* Титул употреблен не только для жен и дочерей императора, но и для его сыновей и братьев (ср. комментарий О. Ламбсидиса, стр. 108).

¹⁷ *Sathas, VII, 1894, σελ. 453.4—5: Ἀλεξίου τοῦ ἐν τῇ Τραπεζούντῃ ἐξουσιάζοντος, ὢν Μέγαν ὀνόμαζον Κομνηνόν; σελ. 453. 3—4: Παφλαγονίας δὲ πάσης ὁ Δαυὶδ ἐκράτει; σελ. 457. 11—12: τοῦ τῆς Παφλαγονίας κρατοῦντος Δαυὶδ.*

¹⁸ *Ephraemus. Opera, ex rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1840, p. 304. 7521—7524:*

Δαβὶδ Κομνηνός Παφλαγονίας ὅλης,
Ἀλεξίου σύναμιος ὢν τοῦ πρό χρόνον
κατατυραννήσαντος Τραπεζούντιων
ὅστις ἐπωνόμαστο Κομνηνός μέγας.

¹⁹ О ее смысловом значении см.: О. Ламбсидис. *Le Titre Μέγας Κομνηνός («Grand Comnène»).* — Byz., 37, 1967, p. 115—116.

трапезу
зует о т
заклуч
в часте
воедино
чтобы л
святой
сын на
прави
при по
сыном»
левсом.
и нейт
Мануи:
избран
митроп
присут
должны
немало
Мот
ратора
с древи
зундск
Михаи:
нов вми
брак п
пошла
ционно
ток и
Пахими
Но
против
ключе
вратил
недово.
ской д
тору²⁴
с виза
Огерие

²⁰ I
taine de

²¹ T
²² C

Евфими
1966, p

²³ I
Сирике
Очерки

²⁴ E
clergé b

La socié
byzantin
ry», v.

²⁵ I
D. M. A

tarius o
1962, p

хаила V
L. Sch

трапезундскому митрополиту от 1 января 1261 г.²⁰ Грамота свидетельствует о том, что Михаил VIII, будучи еще никейским императором, пытался заключить брачный союз с династией трапезундских Комнинов. Патриарх, в частности, писал: «Державный и святой мой самодержец, собирающий воедино все разрозненные куски и части государства Ромеев, призывает, чтобы владыка Трапезунда со всеми его землями, возлюбленный брат его святой царственности наибогороднейший Великий Комнин и желанный сын нашей мерности кир Мануил не только посредством грамоты, но и, отправив посольство, приобрел с ним еще большее родство, соединившись при помощи брака с его святой царственностью и став его самым родным сыном»²¹. Заметим, что трапезундский император, хотя и не назван василевсом, но упомянут как *Μέγας Κομνηνός* и обращение к нему почтительное и нейтральное — *Κοιζόβοντα τῆς Τραπεζοῦντος*. В грамоте упомянуто, что Мануил I обращался с просьбой совершать на месте, в его государстве, избрание и рукоположение главы местной церкви — трапезундского митрополита, что и было даровано патриархом при условии неперемennого присутствия при миропомазании патриаршего представителя (хиротония должна была совершаться последним, если он был архиереем). Это была немаловажная уступка²².

Мотивы предполагающегося сближения со стороны никейского императора ясны: укрепление положения царя-узурпатора при помощи родства с древним императорским родом; возможно, обеспечение помощи трапезундского флота при отвоевании Константинополя. Но главной целью для Михаила оставалась ликвидация императорского титула Великих Комнинов вместе с их притязаниями на византийскую корону. И хотя задуманный брак при Мануиле I не стал реальностью²³, правящая верхушка Никеи пошла на уступки, отойдя от непримиримого курса непризнания, традиционного для первых Ласкарей. Происшедшая перемена наложила отпечаток и на позицию близкого ко двору писателя, каким был Георгий Пахимер.

Но наряду с тенденциями, способствовавшими сближению, были и противоположные, также сказавшиеся на произведении Пахимера. С заключением Лионской унии 1274 г. и особенно после 1277 г. Трапезунд превратился в один из центров оппозиции униатам, и значительная часть недовольной греческой знати и духовенства обращалась к далекой понтийской династии, ища в ней замену императору-униату, императору-узурпатору²⁴. Об этом свидетельствует Отчет о переговорах папских посланцев с византийским императором, составленный по-латыни протонотарием Огерием²⁵. Отчет довольно точно передает речь самого Михаила VIII,

²⁰ L. Petit. Acte synodal du patriarche Nicéphore II sur les privilèges du métropolitain de Trébizonde (1-er janvier 1260). ИРАИК, 1903, вып. 8, стр. 163—171.

²¹ Там же, стр. 170.22—28.

²² См. там же, стр. 165. Ср. Правила избрания епископов, изложенные в трактате Евфимия Сардского (J. Darrouzès. Documents inédits d'ecclésiologie byzantine. Paris, 1966, p. 108—115, и рец. А. Каждана. — ВВ, 30, 1969, стр. 282).

²³ По Панарету, женами императора Мануила были только Анна Ксилалоя, Ирина Сирикена и Русудан из Иверии (Панарет, 4. 5, сел. 62—63; ср. Ф. И. Успенский. Очерки из истории Трапезунтской империи. Л., 1929, стр. 65).

²⁴ H. Evert-Kappesowa. Une page de l'histoire des relations byzantino-latines. Le clergé byzantin et l'Union de Lyon (1274—1282). — BS, XIII, 1952, p. 68—92; *idem*. La société byzantine et l'Union de Lyon. — BS, X, 1949, p. 28—41; D. M. Nicol. The byzantine reaction to the Second Council of Lyons, 1274. — «Studies in Church History», v. 7. Cambridge, 1971, p. 113—146.

²⁵ L. Wadding. Annales minorum, v. V. Romae, 1733, p. 65—68. См. о документе: D. M. Nicol. The Greeks and the Union of the Churches. The Report of Ogerius, Protonotarius of Michael VIII Palaiologos. — «Proceedings of the RIA», v. 63, sec. C, № 1, 1962, p. 1—16. Кроме Огерия, об эмиграции в Трапезунд недовольных униатством Михаила VIII сообщал и Никифор Григора: *Nicephori Gregorae. Byzantina Historia*, cura L. Schopeni, v. 1. Bonnae, 1829; v. 2, p. 127—128.

являясь официальным документом²⁶. Михаил VIII пытался оправдаться перед папой Николаем III в том, что обязательства, принятые на Лионском соборе, выполняются с трудом из-за широкой оппозиции, в которую были вовлечены даже родственники императора. Сообщается, что отказавшиеся принять унию прибыли к трапезундскому правителю (*Princers ipsius Terrae Trapesundae*) и склонили его к оппозиции и к принятию официального императорского титула. И этот правитель был провозглашен императором и коронован²⁷.

Наукой уже установлено, что императорский титул употреблялся Комнинами с момента образования государства на Понте²⁸. Однако самый факт коронации был расценен как антивизантийская акция именно из-за того, что вновь подчеркивались права Великих Комнинов на византийский престол, а молодой император Иоанн II (1280—1297), вступавший на престол, по-прежнему именовался «императором ромеев». При этом игнорировались посольства и предложения Михаила VIII²⁹, а на коронации присутствовали представители столичной оппозиции.

Все же после длительных и многократных переговоров Михаилу Палеологу удалось добиться согласия Иоанна II и его приближенных на брак трапезундского императора с дочерью Михаила Евдокией. Описывая приезд Иоанна II в Византию и сложение им императорских одежд перед встречей с Палеологом, Пахимер заведомо искажает факты, утверждая, что Иоанн II вовсе утратил императорский титул³⁰. У нас есть многочисленные свидетельства обратного в трапезундских документальных источниках: императорский титул по-прежнему употреблялся в Трапезунде, правда, в несколько отличной форме: *N. ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ πάσης Ἀνατολῆς Ἰβήρων καὶ Περσείας ὁ Μέγας Κομνηνός* («Во Христе Боге верный император и самодержец всего Востока, Иверии и Ператии, Великий Комнин») ³¹.

²⁶ Это отметил и сам Огрий: «Ergo illa, quae locutus est vobiscum Dominus meus sanctus Imperator referenda sanctissimo Domino summo Pontifici, sic se habent» (*L. Wadding. Annales...*, v. V. p. 65).

²⁷ Ibid., p. 66—67.

²⁸ Впервые это сделал Я. Фальмерайер в полемике с Ш. Дюканжем и Э. Гиббоном: *J. Fallmerayer. Geschichte des Kaiserthums von Trapezunt. München, 1827, S. 63—83; 141—143*; см. также: *Ф. И. Успенский. Очерки...*, стр. 31; *G. Finlay. A History of Greece from its conquest by the Romans to the present time. B. C. 146—to A. D. 1864, v. 4. Oxford, 1877, p. 319—320*; *W. Miller. Trebizond. The Last Greek Empire. London, 1926, p. 15*; *A. A. Vasiliev. The Foundation of the Empire of Trebizond (1204—1222).—«Speculum», 11 (1), 1936, p. 30—37*; *E. Janssens. Trébizonde en Colchide. Bruxelles, 1969, p. 64, 65, 87*. О происхождении титула *Μέγας Κομνηνός* в литературе есть несколько предположительных суждений. Помимо указанной литературы, см. заметку Дальгера: *BZ, 36, 1936, S. 223*, а также: *O. Lampsidis. Le Titre...*; *B. Hemmerdinger. ΜΕΓΑΣ ΚΟΜΝΗΝΟΣ, calque de Hohenstaufen.—Byz., 40, 1970, p. 33—35*; *O Lampsidis. ΜΕΓΑΣ ΚΟΜΝΗΝΟΣ — Hohenstaufen.—Ibid., S. 543—545*; *idem. Bessarions Zeugnis über den Titel ΜΕΓΑΣ ΚΟΜΝΗΝΟΣ.—«Ἀρχαῖον Πόντου», 30, 1970, σελ. 386—397*; *D. Polemis. A note on the Origin of the Title «Megas Komnenos».—«Neo-Hellenica», I. Austin, Texas, 1970, p. 18—22*; *P. Schreiner. Zur Bezeichnung «Megas» und «Megas Basileus» in der byzantinischen Kaisertitulatur.—«Βυζαντινά», 3, 1971, σελ. 175—192*.

²⁹ *Pachym.*, VI, 34, S. 520—521.

³⁰ Ibid., S. 523. О значении договора 1282 г. см.: *Ф. И. Успенский. История Византийской империи*, т. III. М., 1948, стр. 741.

³¹ До 1282 г. трапезундские императоры употребляли титулатуру византийских василевсов: *N. ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων* (см. в надписи Мануила I в церкви св. Софии.—*G. Finlay. A History...*, v. IV, p. 340—341, n. 2; *G. Millet. Les monastères et les églises de Trébizonde.—BCH, 19, 1895, p. 430*. Ср. *K. Treu. Byzantinische Kaiser in der Schreibernotizen griechischer Handschriften.—BZ, 1972, 65, S. 26*. С 1282 г. титул изменяется и принимает вышеуказанную форму. См. Хрисовул Алексея III монастырю Сумела (декабрь 1364 г.).—*J. Ph. Fallmerayer. Original-Fragmente, Chroniken, Inschriften und anderes Materiale zur Geschichte des Kaisertums Trapezunt.—«Abhandlungen der historischen Klasse der BAW», Bd. 3. München, 1843, S. 100-III, V p. 276*; Хрисовул Алексея III монастырю св. Дионисия (1375).—*Actes de Dionysiou, éd. diplomatique par N. Oikonomides, t. I. Texte, t. 2. Album. Paris, 1968, N 4 (Archives de l'Athos, IV)*. Надписи см.: *J. Ph. Fallmerayer. Original-Frag-*

Пах
Михаил
и недо
ру³². П
ми пра
власть
(Pachy
Конста
только

Но
логии
«киром
нашей
ем Отч
его пра
Точно
ἄρχων
и
потому
тии. П
Важ

XIV в.
Отноше
мы зна
писыва
поддер
время
господс
ности в

mente...
empegeu
93; Sp.
κράτορος
chrysobu
«Ἀρχαῖον
чается в
καὶ αὐτο
Γοτθικός,
ский, В.
ского и
стр. 60-
нения («
заимство
и честь
нов, над
императо
32 J.
33 J.
34 P.

Andronic
ὁ τῶν Λα
упомяну
ством);
лен в ос
Andronic
зывает л
ператоры
р. 521.14
императо
35 См.
Ioannis C
р. 171.
36 См.

Пахимер не расходился с основными тенденциями внешней политики Михаила VIII. Уже Я. Фальмерайер отмечал его крайнюю пристрастность и недоброжелательность к Трапезунду в угоду византийскому императору³². Пахимер полностью отвергал правомерность принятия трапезундскими правителями императорского титула. По его словам, императорская власть вовсе не принадлежала бахвалившемуся ей Иоанну Комнину (Pachym., I, p. 520.20), но лишь византийскому василевсу, правителю Константинополя. А греческий владыка Трапезунда для Пахимера — только варвар (Pachym., I, 520.10).

Но сдвиг в дипломатической практике сказался на позиции и терминологии историка. Как мы видели, Никифор II в 1260 г. назвал Мануила I «киром», «наиблагороднейшим Великим Комнином», «желанным сыном нашей мерности», «владыкой Трапезунда». Равным образом и Огерий в своем Отчете назвал Алексея I Dominus, что равнозначно греческому *хор*, а его правнука Иоанна II — Princeps, что соответствует греческому *ἄρχων*³³. Точно так же и Пахимер чаще всего называл трапезундского императора *ἄρχων* или *ἀρχηγός*³⁴. Термин *ἄρχων τῶν Λαζῶν* не случаен и употреблен потому, что Трапезунд не осознавался уже как органическая часть Византии. Правителем ромеев был византийский василевс.

Важнейшее значение для изучения трапезундской истории в начале XIV в. имеет «Ромейская история» Никифора Григоры (ок. 1290—1360). Отношение Григоры к Трапезунду лишено недоброжелательности. Как мы знаем, Григора был хорошо осведомлен в трапезундских делах, переписываясь с трапезундскими государственными деятелями и учеными, поддерживал с ними добрые отношения³⁵. А для Трапезунда описываемое время было наполнено острой политической борьбой, охватившей весь господствующий класс и широкие слои населения³⁶. Византия по возможности внимательно следила за происходящими событиями, но далеко не

mente..., S. 101—103; N 1, II, V; D. A. Zakythinos. Le chrysobulle d'Alexis III Comnène empereur de Trébizonde en faveur des Vénitiens. Paris, 1932, p. 37. 173—175, cp. p. 92—93; Sp. P. Lampros. Ἀνέκδοτον χρυσόβουλλον Ἀλεξίου Γ' τοῦ Μεγάλου Κομνηνοῦ αὐτοκράτορος Τραπεζούντος. — „Νέος Ἑλληνομνημον“, II, 1905, σελ. 198; V. Laurent. Deux chrysobulles inédits des empereurs de Trébizonde Alexis IV — Jean IV et David II. — „Ἀρχαῖον Πόντου“, 18, 1953, σελ. 258.2—4; 272. 24—25. Более полный титул встречается в грамоте Алексея III (1386 г.): Ἐλέω θεοῦ ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ πάσης Ἀνατολῆς, Ἀλέξιος ὁ Μέγας Κομνηνός, Γερμανικός, Ἀλαμανικός, Γοτθικός, Ἀνδαλικός, ἑνδοξος, νικητής, τροπαιούχος, πιστός, ἀντισέβαστος. — Ф. И. Успенский, В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV веков. Л., 1927, № 103, стр. 60-ММ, V, p. 468. В отношении подлинности этой грамоты были высказаны сомнения («Вазелонские акты...», стр. XXIII: в титуле трапезундского императора — заимствования из титула Юстиниана I). Но даже если признать хрисовул подлинным и считать возможным столь далекие исторические реминисценции Великих Комнинов, надо отметить, что не встречается более основного титулования византийского императора — «самодержец ромеев», закрепленного теперь лишь за Палеологами.

³² J. Fallmerayer. Geschichte..., S. 139.

³³ J. Wadding. Annales..., V, p. 66, 67.

³⁴ Pachym., I, VI, 34, p. 520. 1—2: τῆς τῶν Λαζῶν ἀρχοντι ἡρώωνη; p. 521.1; II. De Andronico, III, 29, p. 270.9—10; ἡρώωνης... ὁ τῶν Λαζῶν ἀρχηγός; V, 29, p. 448. 9—11: ὁ τῶν Λαζῶν ἀρχηγός... τῇ δεσποτικῇ σεμνυνόμενος μοῖρα (Пахимер не упускает случая упомянуть, что Михаил VIII получил трапезундского императора деспотским достоинством); II, p. 449, 8: ὁ ἀρχηγός τῆς χώρας. Любопытно, что термин *ἄρχων* употреблен в основном в I части труда Пахимера (De Michaelae), а *ἀρχηγός* — во второй (De Andronico). В принципе значение этих двух слов одинаково. Отмеченное явление указывает лишь на одновременность написания двух частей. Часто трапезундские императоры названы Пахимером просто по имени: Pachym., I, VI, 34, p. 520. 19—521.1; p. 521.14—15; p. 522. 19; p. 523.8. В одном случае Пахимер называет Алексея, сына императора Иоанна II, τῷ κατὰ Λαζοὺς πατρί Ἀλεξίῳ (II, IV, 7, p. 287.13).

³⁵ См. Corrèspondance de Nicéphore Grégoras, ed. R. Guillaud. Paris, 1927, p. 92; Ioannis Cantacuzeni Historiarum libri IV, ed. J. Schopen, v. 3. Bonnae, 1832, IV, 24, p. 171.

³⁶ См. Ф. И. Успенский. Очерки..., стр. 75—81; 99—113.

всегда могла активно в них вмешиваться. Григора не был официальным историком, но его взгляды характерны для определенной части господствующего класса Византии.

В отличие от Пахимера, Григора никогда не называет трапезундских императоров *ἄρχων* или *ἀρχηγός*, хотя часто употребляет термин *ἡ ἀρχή* в значении «государственная власть» в Трапезунде³⁷. Для обозначения трапезундских императоров XIII в. Григора употребляет причастия *κρατήσας*³⁸ или *τυραννήσας*³⁹, но в этих случаях он идет от уже ранее сложившейся традиции, и указанием на это служит выражение «властитель лавов», как у Пахимера. Далее, Григора никогда не называл трапезундских императоров властителями *лавов*, а чаще всего — *колхов*. В своих первых книгах Григора следовал за Акрополитом и Пахимером. Но далее, когда он писал вполне независимо, картина меняется. Современных ему трапезундских императоров Григора называл *ἡγεμών*, а их государство *ἡγεμονία*⁴⁰. До Григоры таких обозначений не вводил никто из византийских историков. Более того, Григора называет трапезундскую императрицу Ирину, жену Василия I и незаконную дочь византийского императора Андроника II *ἡ βασιλίσ*⁴¹. Отчасти такое словоупотребление можно было бы объяснить происхождением Ирины из царского рода Палеологов. Но, во-первых, она — незаконная дочь; во-вторых, она названа *βασιλίσ τῶν Τραπεζουντίων*. Подтверждением того, что титул не случаен, служит прямое упоминание Григорой *императорской* власти в Трапезунде⁴². Сам Трапезунд им назван *βασιλεία*⁴³. Эти факты говорят о том, что в византийской литературе укоренялась, хотя и с большими трудностями, тенденция к признанию императорского титула Великих Комнинов. Григора пошел дальше своего предшественника Пахимера, не говоря уже об об историках XIII в.⁴⁴

То же самое явление наблюдается в начале XIV в. и в византийской дипломатической практике. Константинопольский патриарх в своих грамотах неизменно называет трапезундского императора *αὐθέντης τῆς Τραπεζούντος ὁ Μέγας Κομνηνός*⁴⁵, демонстрируя новые уступки на пути к признанию. Но окончательный перелом происходит со второй половины XIV в. и отражен в дипломатических документах. С этого времени трапезундские правители начинают величаться *василевсами*⁴⁶, а само обращение к ним со стороны патриарха отрицает всякую возможность какого то

³⁷ Greg., V, 7, p. 149.2: *πρὸς τὴν ἰδίαν ἀρχὴν ἧς τὰ βασίλεια Τραπεζοῦς*; p. 149. 4—5 *Ἀλέξιον τὸν νέον Κομνηνόν· ὃς δὲ καὶ διάδοχος ὕστερον γεγένηται τῆς ἐκείνου ἀρχῆς*; VI, 9, p. 202.18—19: *...Ἀλέξιον...τὴν πατρικὴν περιέπειν ἀρχήν*; XI, 3, p. 536. 10—11; XIII, 41, p. 679.7; p. 681. 22; также: *ἄρχομαι* — XI, 3, p. 536.8.

³⁸ Greg., v. I, 4, 2, p. 13.18—19: *τῆς Κολχίδος κρατήσαντος γῆς Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ*; ср. у Акрополита: S. 12(204): *Ἀλεξίου τοῦ τῆς Τραπεζούντος κρατήσαντος*. Как видим, Григора употребляет здесь терминологию своего предшественника в применении к тому же лицу, что и Акрополит. Далее такого термина у Григоры не встречается.

³⁹ Greg., V, 7, p. 148.19—22: *Ἰωάννης γὰρ ὁ τοῦ ῥηθέντος Ἀλεξίου ἀπόγονος...τῆς τῶν Κόλχων καὶ Λαζῶν τυραννήσαντος γῆς*.

⁴⁰ Greg., XIII, p. 679.15—16: *πρὸς μὲν τῆς τῶν Τραπεζουντίων ἡγεμονίδος Εἰρήνης*. *ἡγεμών* — p. 681.22—23; p. 682.5. *ἡγεμονία* — XI, 8, p. 550.18; XIII.41, p. 678.23; p. 679.23; p. 680.6 (*εἰς τὸ τῆς ἡγεμονίας πρόσχημα*), p. 681.5—6 (*εἰς τὴν τῶν Τραπεζουντίων ἡγεμονίαν*); p. 681.15. *ἡγεμονικός* — p. 682.3, 7, 17; *ἡγεμονία* — p. 682.9—10, 16, 18; p. 683.3 (*τὰ τῆς ἡγεμονίας σκήπτρα*).

⁴¹ Greg., XI, 8, p. 549.8; p. 549.18—19; p. 550.20—21; p. 551.10.

⁴² Ibid., XI, 8, p. 549.21—22: *ἐὰν πάσης τῆς βασιλικῆς ἐξουσίας*, XIII, 41, p. 683.1—2: *αὐτοκρατορικῆς ἐξουσίας*.

⁴³ Greg., V, 7, p. 149.2; XI, 8, p. 549.20—22.

⁴⁴ Григора старался быть беспристрастным и при описании событий внутренней борьбы в Трапезунде. Вопросы, связанных с наименованием трапезундских императоров у Григоры, частично касался Р. Гийин: R. Guillard. Recherches sur les institutions byzantines, t. 2. Berlin und Amsterdam, 1967, p. 11-REB, 17, 1959, p. 70.

⁴⁵ MM, I, XXXVIII (1317 г.), p. 70; XCIV (вторая половина 30-х годов XIV в.), p. 199, 200, 201.

⁴⁶ MM, II, CCCLVI (1382 г.), p. 45: *τὸν βασιλέα τῆς Τραπεζούντος*.

юридическ
κρατίστου
тате βασι
τῆς ἡμῶν
констант

Таки
номическ
хранить
титул д
Трапезу
такого г
смут, в
тировали
и Канта
ков⁵⁰.
доктрин
туре XV

Все
Трапезу
ние к эт
только
ни турец
ни эмир
Трапезу
плача о
зантийс

Виза
безусло

47 М
48 См
сею II (1
49 Ср
50 Ва
кратора
Давид —
ского им
олога.

51 Т
bizantina
p. 429.26
В одном
Κομνηνοῦ
снять ск
ные к тра
грамота
empeleur
же в вен
εἰς τῶντος κ
тах: J. J.
IV, 1896
пезундск
См. E. J.
своей сл
52 М
Узун Ха
ὁ τῆς Σκ
53 D
54 G
Melissen
1, p. 74.
p. 128, :

юридического неправомочия такого именованя. Περιόθητε συμπένδρε τοῦ κρατίστου καὶ ἀγίου μου αὐτοκράτορος, εὐχένεσθαι, ἀδοξέσθαι, ἀνδρικέσθαι, φρονιμώ-
τατε βασιλεῦ τῆς Τραπεζοῦντος καὶ πάσης Λαζικῆς, ἐν ἀγίῳ πνεύματι ποθεινότεα οὐκ
τῆς ἡμῶν μετριότητος, κὺρ Μανουὴλ Μέγα Κομνηνέ, — обращается патриарх
константинопольский Матфей к императору Мануилу III (1390—1417) ⁴⁷.

Такие перемены вовсе не неожиданны: при ослаблении Византии эконо-
мическое значение Трапезунда росло, он сумел в значительной мере со-
хранить свои позиции в торговле. Право его правителя на императорский
титул давно признавалось соседними государствами и даже папой ⁴⁸.
Трапезундско-византийские отношения также развивались в сторону
такого признания: со второй половины XIV в., после кровопролитных
смут, в Трапезунде закрепилось влияние тех кругов знати, которые ориен-
тировались на сближение с Византией ⁴⁹. Между родом Великих Комнинов
и Кантакузинами и Палеологами был заключен ряд династических бра-
ков ⁵⁰. Наибольшую трудность представляло преодоление традиционной
доктрины императорской власти, завершившееся в византийской литера-
туре XV в.

Все византийские писатели XV в. единодушно называли правителей
Трапезунда императорами, а их царство — βασιλεία. Однако их отноше-
ние к этому титулу и его употребление различны. Для Дуки василевс —
только византийский и трапезундский императоры ⁵¹, так не именуется
ни турецкий султан, чаще называемый ἡγεμὼν, ни хан Персии Узун Хасан,
ни эмир Синопа Измаил ⁵². Дука вполне бесстрастно относится к судьбе
Трапезунда, и лишь констатирует его падение (какой контраст на фоне
плача о падении Константинополя) ⁵³. Но титулы трапезундского и ви-
зантийского императоров равны.

Византийский писатель и дипломат Георгий Сфрандзи, подобно Дуке,
безусловно признает императорский титул Великих Комнинов ⁵⁴. Часто

⁴⁷ MM, II, DCLXXIII, p. 541—542.

⁴⁸ См., например, письмо папы Иоанна XXII трапезундскому императору Алек-
сею II (1329 г.): *L. Wadding. Annales...*, t. VIII, p. 100; см. также прим. 51.

⁴⁹ Ср. Ф. И. Успенский. Очерки..., стр. 100—114.

⁵⁰ Василий I был женат на Ирине Палеолог, Алексей III — на дочери севасто-
кратора Никифора Кантакузина Феодоре, Алексей IV — на Феодоре Кантакузине,
Давид — на Елене Кантакузине. Дочь Алексея III Евдокия стала женой византий-
ского императора Иоанна V; Мария дочь Алексея IV, — женой Иоанна VIII Пале-
олога.

⁵¹ Титулование трапезундского императора василевсом см.: *Ducas. Istoria turco-
bizantina*, ed. V. Grecu. București, 1958, XX, 7, p. 139.15—16; XLV, 19, p. 429.24;
p. 429.29; p. 431.3; XLV, 19, p. 429.25: τὴν βασιλείαν p. 429.28: σὺν τῇ βασιλείᾳ.
В одном случае (XXII, 9, p. 165.1) встречается интересная форма: Ἀλεξίου τοῦ
Κομνηνοῦ, βασιλέως Τραπεζοῦντων. Употребление мн. числа Τραπεζοῦντων мы склонны объ-
яснять скорее латинским влиянием. Ср. официальные латинские документы, обращен-
ные к трапезундскому императору: Указ. письмо Иоанна XXII (1329), а также: папская
грамота того же года (*J. Fallmerayer. Geschichte...*, S. 164; *U. Lamprosidis. Alexis II
empereur de Trébizonde* (1297—1330) et l'Eglise de Rome. — BZ, 36, 1936, S. 328. Так
же в венецианской дипломатической переписке: *Sp. P. Lampros. Ἡ ἀλωσις τῆς Τραπε-
ζοῦντος καὶ ἡ Βεσντία*. — «Νέος Ἑλληνομνήμων», II, 1905, σελ. 326; в геновских докумен-
тах: *J. Jorga. Notes et Extraits pour servir à l'histoire des croisades au XVe siècle*. — ROL,
IV, 1896, p. 58, 62, 90—91, 587—588, 619; V, 1897, p. 364, 376. Так же назван и тра-
пезундский император Давид в латинском тексте его письма к бургундскому герцогу.
См. *E. Janssens. Trébizonde...* p. 147. Так как Дука был на геновской дипломатиче-
ской службе, он, вероятно, позаимствовал отсюда такую формулу.

⁵² Мехмед II — ἡγεμὼν (*Ducas, XXXIV, 12, p. 307.5; XLV, 17, p. 429.1 и др.*);
Узун Хасан — δεσπότης (*ibid.*, XLV, 10, p. 425. 2—3); эмир Синопа Измаил —
ὁ τῆς Σινώπης ἡγεμὼν (*ibid.*, XLV, 17, p. 429.2).

⁵³ *Ducas, XLV, 19, p. 429—431.*

⁵⁴ *Georgios Sphrantzes. Memorii 1401—1477, in anexă Pseudo — Phrantzes: Macarie
Melissenos Cronica 1258—1481*, ed. V. Grecu. București, 1966, XIV, 3, p. 20, 3; XXX,
1, p. 74.16—17; XXX, 4, p. 76.8, XXXI, 3, p. 78, 28; XXXVI, 8, p. 102.9; XLII, 2,
p. 128, 3; p. 128.7—8.

перед их именем встречается почтительное «кир»⁵⁵. Обращение к трапезундскому императору — точно такое же, как и к византийскому, — βασιλεία σου⁵⁶, δέσποτά μου⁵⁷. Большая хроника, приписываемая Макарию Мелиссину, полностью повторяет все выражения Малой⁵⁸. Правда, трапезундский император дополнительно назван κρατός⁵⁹ и употреблено причастие βασιλεύων,⁶⁰ что не вносит существенных изменений в уже нарисованную картину. Однако Сфрандзи называет василевсом и иверского царя Георгия⁶¹. Но турецкий султан называется «эмиром»⁶², и императорского титула за ним, как и за христианским правителем Сербии⁶³, не признается. Дипломат Сфрандзи следует официальной практике титулования. Между его авторским текстом и произнесенными им речами нет различий в употребленной титулатуре. Своего отношения к Трапезунду Сфрандзи прямо не высказал, кроме, пожалуй, одного случая, когда писатель возмущался тем, что никто из христианских правителей — ни трапезундский император, ни правители влахов и иверов — не пришел на помощь осажденному Константинополю⁶⁴. Не ясно и предпочтение, отданное Сфрандзи предполагаемому браку своего друга и повелителя Константина XI с дочерью иверского царя перед браком его с трапезундской принцессой⁶⁵. Подобно Дуке, Сфрандзи очень кратко сообщил о захвате Трапезунда турками⁶⁶.

Несколько иную картину мы найдем у страстного филолога Лаоника Халкокондила. Прежде всего, надо учитывать, что в сочинении Халкокондила сведения по истории Трапезундской империи приводятся как непосредственно автором, так и источником трапезундского происхождения, включенным, видимо, самим Лаоником в текст его произведения. Два фрагмента этого источника обработаны с разной степенью тщательности: вторая интерполяция, в отличие от первой, явно несет на себе следы авторской правки, хотя и в ней сохранились многие особенности использованного источника, сведения которого уникальны для историка Трапезунда⁶⁷. В данном случае нас интересует отношение самого писателя к Трапезунду. Уже факт использования трапезундского источника заставляет говорить о том интересе, который Халкокондил проявлял к далекой империи. Он, как и другие историки XV в., прямо называет правителя Трапезунда василевсом⁶⁸. Г. Диттен отметил, что этот титул легко применялся Халкокондилом ко всем возможным христианским королям и мусульманским монархам, усматривая в этом архаизирующую традицию, воз-

⁵⁵ *Sphr.*, XIV, 3, p. 20.2—3; XXIV, 3, p. 62.9—10; XXX, 1, p. 74.17; XLII, 2, p. 128.7—8.

⁵⁶ *Ibid.*, XXX, 4, p. 76.10—11; p. 76.13.

⁵⁷ *Ibid.*, XXX, 5, p. 76.18.

⁵⁸ *Pseudo-Sphr.*: βασιλεύς — I, 23, p. 232.27—28; II, 1, p. 262.10—11; III, 1, p. 350.24—25; p. 354.16; p. 356.15—16; p. 358.3,20; IV, 19, 15, p. 552.15; p. 552.21; κός — II, 1, p. 262.10; II, 17, p. 332.14; III, 1, p. 350.24—25; IV, 19, 15, p. 552.21; Η βασιλεία σου — III, 1, p. 354.19.21; p. 356.20 (ср. обращение к византийскому императору η βασιλεία σου; III, 1, p. 358.11); Δέσποτά μου — III, 1, p. 354.27.

⁵⁹ *Ibid.*, III, p. 356.19—20.

⁶⁰ *Ibid.*, IV, 19, 15, p. 552.14.

⁶¹ *Sphr.*, XXX, 1, p. 74.16: εἰς τὸν τῆς Ὑβηρίας μέγαν ἡγουν βασιλέα Γεώργιον (все же на первом месте μέγαν, а βασιλέα — как пояснение). Ср.: *Pseudo-Sphr.*, III, 1, p. 350.23—24 (ὁ παρ' ἡμῶν ῥῆξ λέγεται).

⁶² *Sphr.*, VII, 1, p. 88.22; VIII, 2, p. 12.7; IX, 1, p. 12.23 и т. д.

⁶³ *Ibid.*, XXXVI, 2, p. 99.28; εἰς τὸν τῆς Σερβίας δεσπότην Γεώργιον.

⁶⁴ *Ibid.*, XXXVI, 8, p. 102.9—11.

⁶⁵ *Ibid.*, XXXII, 1, p. 82.

⁶⁶ *Ibid.*, XLII, 2, p. 128; Cp. *Pseudo-Sphr.*, IV, 15, p. 552.

⁶⁷ Речь идет об отрывках: *Laonici Chalcocondylae Historiarum demonstrationes*, rec. E. Darkó. Budapestini, 1927, v. II, p. 219.12—222.21; p. 246.19—249.31.

⁶⁸ βασιλεύς Κολχίδος — *Chalc.*, I, p. 76.1; II, p. 218.19; ὁ βασιλεύς Τραπεζοῦτος — II, p. 218.17—18; p. 243.11—12; p. 246.16—17; p. 269.19; p. 274.18; p. 275.2; p. 178.16—17; πρὸς βασιλέα Κολχίδος τῆς Τραπεζοῦτος. Βασιλεύς + имя: *Chalc.*, II, p. 219.11; p. 243.13—16.

врат к пр
дается в с
дил не на
лишь киге
сила креп
манских в
соперника
действител
им титул
эволюция
реальных
многих ви
ского титу
«Прибыв т
чил от мес
зунд в Ко
имея элли
кокондил
интересуя
Терминолог
власти ан
нием того
император
оказал вли

Однако
Кривовул.
в первую
ских истор
Криво
ский импе
Хасан⁷⁵.
Трапезунд
происхожд
Комнинама
сударства
зависевше
Криво
чины, обу

⁶⁹ H. D.
Länder und
«Klio», 43—

zantinischer
Byzantines

⁷⁰ *Chalc.*

⁷¹ *Ibid.*

⁷² *Ibid.*

⁷³ Βασ

p. 221.2, 5—

20, 20; p. 2

31; p. 249.

Γλαгол βασ

⁷⁴ *Crito*

V. Grecu. I

p. 279, 10;

IV, 9, 1, p.

5, p. 29.10

⁷⁵ *Crito*

⁷⁶ *Ibid*

⁷⁷ *Ibid*

трапе-
кому, —
ая Ма-
Правда,
требле-
и уже
и ивер-
м»⁶², и
ем Сер-
практике
речами
папезун-
и, когда
ей — ни
шел на
ние, от-
ля Кон-
ундской
захвате

Лаоника
Халко-
ся как
схожде-
ия. Два
ности:
еды ав-
пользо-
папезун-
к Тра-
ставляет
й импе-
Трапе-
менялся
мусуль-
ю, воз-

XLII, 2,

II, 1, p.
хор — II,
υλεια σου
ου η βασι-

Γεώργιον
hr., III,

rationes,

с — II, p.
178.16 —
; p. 243.

врат к практике до императора Ираклия⁶⁹. Однако это положение нуж-
дается в существенном уточнении. Во-первых, ряд правителей Халкокон-
дил не называет василевсами. Султан Синопа и Кастамона Измаил назван
лишь «игемоном», хотя с почтением описывается богатство его владений и
сила крепостных стен его столицы⁷⁰. Второй по могуществу среди мусуль-
манских владык Малой Азии хан Персии Узун Хасан, много лет успешно
соперничавший с Мехмедом II, назван вообще без титула⁷¹. Халкокондил
действительно проявлял стремление к архаизации, но объяснять только
им титулование правителей не приходится — перед нами своеобразная
эволюция взгляда на византийское единодержавие, основывающаяся на
реальных исторических изменениях. Ведь Халкокондил — один из не-
многих византийских историков, кто признал существование император-
ского титула в Трапезунде с самого начала образования там государства:
«Прибыв туда, он (основатель империи Алексей I Комнин. — С. К.) полу-
чил от местных жителей власть над Колхидой и перенес царство в Трапе-
зунд в Колхиде. И с этих пор они там царствовали, живя далеко от нас,
имея эллинское происхождение и обычаи и говоря по-эллински»⁷². Хал-
кокондил относится к Трапезунду, как к греческому государству, глубоко
интересуясь его судьбой, привлекая для его истории местный источник.
Терминология последнего по отношению к императорам и императорской
власти аналогична терминологии самого Лаоника, разве что за исключе-
нием того, что I отрывок трапезундского источника не называет местных
императоров императорами Колхиды⁷³. Вероятно, что этот источник
оказал влияние и на подход самого писателя к Трапезунду.

Однако Халкокондил, как и другой автор середины XV в. — Михаил
Критовул, применяет царский титул и к мусульманским правителям,
в первую очередь к турецкому султану. Это было немыслимо для византий-
ских историков XIII — XIV вв., да и для многих писателей XV в.

Критовул идет дальше Халкокондила: для него василевс и трапезунд-
ский император⁷⁴, и иверский царь, и, в отличие от Халкокондила, Узун
Хасан⁷⁵. Критовул, как и Халкокондил, со вниманием относился к судьбе
Трапезунда; он приводит интересный, хотя и не во всем точный, экскурс о
происхождении империи⁷⁶, признает изначальность принятия Великими
Комнинами императорского титула и мирный характер образования го-
сударства⁷⁷. Это указывает на самостоятельность труда Критовула, не
зависевшего от византийских писателей XIII—XIV вв.

Критовул весьма объективно показал важные, если не главные, при-
чины, обусловившие неизбежное и скорое падение Трапезунда: захват тур-

⁶⁹ H. Ditten. Bemerkungen zu Laonikos Chalkokondyles, Nachrichten über die
Länder und Völker an den europäischen Küsten des Schwarzen Meeres (15 Jh. u. Z.). —
«Klio», 43—45, 1965, S. 187—188; *idem*. Βάρβαροι, Ἑλληνες und Ρωμαῖοι bei den letzten by-
zantinischen Geschichtsschreibern. — «Actes du XIIe Congrès Internationale des Etudes
Byzantines», II, 1964, p. 277—278.

⁷⁰ Chalc., II, p. 239.7.

⁷¹ Ibid., II, p. 241.8; p. 243.10—12; p. 243.15, 16, 18, 19; p. 244. 10, 12, 15.

⁷² Ibid., II, p. 218. 24—219.5.

⁷³ Βασίλειος — Chalc., II, p. 219.13, 20—21, 24; p. 220.5.9—10, 10, 15, 17, 18;
p. 221.2, 5—6, 21—22, 25—26, 28; p. 223, 2, 3. Обработка Халкокондила: p. 246. 19—
20, 20; p. 247. 7, 7—8, 17—18 (ὁ βασιλεὺς Κολχίδος), 19—20, 21, 31; p. 248.2, 15, 22—23,
31; p. 249.1, 1—2, 3, 7, 8, 11, 21. Ἡ βασιλεια (царская власть); p. 220. 21; p. 246.23.
Глагол βασιλεύω — p. 246.23.

⁷⁴ Critobul din Imbros. Din domnia lui Mahomed al II-lea anii 1451—1467, ed.
V. Grecu. București, 1963; Βασίλειος — IV, 1, 4, p. 271.9; IV, 1, 6, p. 271. 28; IV, 4, 4,
p. 279, 10; IV, 7, p. 285, 12, 16; IV, 7, 6, p. 285. 27; IV, 7, 8, p. 287. 3; IV, 8, 2, p. 287.13;
IV, 9, 1, p. 289.4; Τὸ βασιλεῖον — p. 271.5; Ἡ βασιλεια — p. 271.8. Посвятительное письмо,
5, p. 29.10 (в значении «империя»); Βασιλεῖος — IV, 1, 4, p. 271.6.

⁷⁵ Critobul, IV, 1, 7, p. 271.33—273.1.

⁷⁶ Ibid., IV, 1, 2—5, p. 269—271.

⁷⁷ Ibid., IV, 1, 4, p. 271.

ками проливов и Константинополя. Уплата дани после 1453 г. была первым этапом подчинения Трапезунда⁷⁸. Несмотря на туркофильство Критовула, он с состраданием и симпатией относился к завоеванным турками странам, хотя и стремился скрыть это⁷⁹. Критовул с жалостью писал о невзгодах безвременья, застигнувших Трапезунд в столь критический момент его истории. Он подчеркивает, что Трапезунд, как мог, сохраняя свободу, и «не вредил никому из соплеменников»⁸⁰. Так презрение и недоброжелательство сменились признанием и сочувствием к судьбе Трапезунда, тем сочувствием, которое было испытано и нашими соотечественниками в XV в.⁸¹

Мы видели также, как медленно и постепенно наблюдался отход византийских писателей от старой традиции, по которой лишь Византия была империей *par excellence*, как постепенно положения, укоренявшиеся в дипломатической практике, переходили на страницы исторических сочинений. Факт признания императорского титула за греческим же правителем, не обладавшим Константинополем, свидетельствует о коренном изменении самого представления об императорской власти.

⁷⁸ *Critobul*, IV, 1, 6, p. 271.

⁷⁹ Ср. З. В. Удальцова. К вопросу о социально-политических взглядах византийского историка XV в. Критовула. — ВВ, XII, 1957, стр. 191—196; Л. Радонић. Критовул — византийский историк 15 в. — «Глас Српске Краљевске Академије», т. 138, ч. 2, 73. Београд, 1930, стр. 66, 70.

⁸⁰ *Critobul*, IV, 1, 6, p. 271.22—24.

⁸¹ ПСРЛ, т. 12, 1965, стр. 202 (1481 г.): «Да не узрятъ очи ваши разлѣпленіа домовъ вашихъ... якоже пострадаша и иніи величїи и славніи земли отъ Турковъ, еже глаголются Болгари, и Сербї, и Грецы, и Трапезонъ, и Амморей... и скитаются по чужимъ странамъ бѣднѣ во-истину и страннѣ и много плача и слезъ достойно, укоряеми и поношаеми и оплюваеми, яко немужьствени...» См. также: ПСРЛ, т. 8, стр. 207; т. 22, ч. 1, стр. 501—502, т. 23, стр. 182; т. 24, стр. 201—202; т. 28, стр. 151, 316.

П. ТИВЧЕВ

ЛЕОНТИЙ МАХЕРА КАК ИСТОРИК КИПРА

У острова Кипра — богатая и интересная средневековая история. Благодаря особому географическому положению на границе между Востоком и Западом этот остров играл огромную экономическую и политическую роль. Расположенный на перекрестке морских путей, Кипр имел исключительное значение в торговле между западными странами и Левантом. В то же время эта греческая земля подвергалась частым нападениям и опустошениям. Ее измученный народ должен был отстаивать с оружием в руках свою свободу и независимость. Кипрское население становилось жертвой пиратских нападений со стороны арабов и турок, которые грабили богатый остров, оставляя после себя смерть и разрушение. Их корабли, нагруженные добычей, увозили и многочисленных пленников, продававшихся потом на рабских рынках Востока.

В столкновении между Востоком и Западом, между исламом и христианством острову Кипру выпала особая роль. В результате крестовых походов в нем утвердилось династия Лузиньянов (1192 г.), господство которой длилось несколько столетий. Так кипрские греки очутились под властью западных, латинских феодалов, которые эксплуатировали их самым жестоким образом. Вплоть до перехода под власть османских турок (1571 г.) кипрское население страдало не только от латинского владычества, но и от алчности генуэзцев и венецианцев, которые грабили остров.

Главным источником по истории Кипрского королевства с конца XII до середины XV в. (точнее — с 1190 по 1432 г.) служит «Кипрская хроника», Ἐξήγησις τῆς γλυσείας χώρας Κύπρου ἢ ποῖα λέγεται Κρόναχα, τοῦτέστιν Χρονικόν.

В первой части ее сжато повествуется об истории Кипрского королевства до начала правления короля Петра I (1359—1369). Более подробно изложены события с 1359 до 1432 г. В конце добавлена еще одна часть, которая включает события до 1458 г. Это сделано, вероятно, неизвестным позднейшим переписчиком¹.

¹ О Леонтии Махере и его хронике см. следующую литературу: К. Σάβας. Μαχαωνική βιβλιοθήκη II. Ἐν Βενατίᾳ, 1873; К. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 900—903; R. M. Dawkins. Notes on the Vocabulary of the Cypriot Chronicle of Leontios Makhairas.— BNJb, 3, 1922, p. 137—155; idem. On a Hagioraphical Source used by Leontios Makhairas.— «Κυπριακά Χρονικά», 9, 1935, p. 10—23; idem. The Nature of the Cypriot Chronicle of Leontios Makhairas. The Taylorian Lecture. 1945. Oxford, 1945; Α. Πάλλης. Τὸ χρονικὸν τοῦ Λεοντίου Μαχαίρα.— «Κυπριακά Γράμματα», 13, 1948, σ. 355—365; Κ. Σπυριδάκης. Κυπριακά τοπωνύμια παρὰ Λεοντίῳ Μαχαίρᾳ.— ΕΕΒΣ, 23, 1953, σ. 168—192; Φ. Μιχαλόπουλος. Λεόντος Μαχαίρας.— «Φιλολογικὴ Πρωτοχρονία», 1954, σ. 87—91; Ν. Λανίτης. Λεόντιος Μαχαίρας.— «Κυπριακά Γράμματα», 14, 1949, σ. 50—57; Ε. Κριαρᾶς. Ἐνα νέο χειρόγραφο τοῦ χρονικοῦ τοῦ Λεοντίου Μαχαίρα.— «Ἐπιστημονικὴ Ἐπετηρὶς τῆς φιλοσοφικῆς Σχολῆς Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης», 7, 1956, σ. 43—47; Κ. Π. Κύρρης. Κυπριακά ἀγιολογικά καὶ μοναστηριακά

О жизни Леонтия Махеры известно сравнительно мало и то преимущественно благодаря сведениям, которые он сам сообщает о себе и своем семействе в «Кипрской хронике». Он жил во второй половине XIV в. (родился, вероятно, около 1380 г.)² и первой половине XV в. Точная дата его рождения и смерти неизвестна. Он был кипрским греком, представителем рода Махера, который принимал активное участие в политической жизни Кипрского королевства. По всей вероятности, члены этого рода, как и многие другие местные греческие феодалы, перешли на службу к новым, латинским хозяевам. Леонтий Махера и его родственники находились в тесных связях с правившей на острове французской династией Лузиньянов.

Ставринос Махера, его отец, был весьма уважаемым священником, близким ко двору; после смерти короля Петра II (1382) ему предложили перед советом аристократии высказать свое мнение о том, кого следует избрать королем Кипра. Ставринос Махера сказал, что королем не может быть избран кто-либо иной, кроме Жака Лузиньяна, конетабля Кипра, и этим повлиял на решение совета³.

Павел Махера был королевским чиновником и в качестве сопровождающего ездил выполнять королевское поручение в 1360 г.⁴ То же самое имя упоминается и при обороне крепости Кирении во время осады ее генуэзцами. Этот Павел Махера служил у конетабля Жака Лузиньяна. Будучи хорошим бойцом, конетабль дал свое оружие Павлу Махере и послал его вместе с еще одним рыцарем на единоборство с генуэзцами, но последние от этого отказались⁵.

По всей вероятности, Павел Махера был братом Леонтия, хотя хронист об этом точно не пишет. О Павле Махере сообщается в 1382 г., что он являлся секретарем сира Жана де Невилля, висконта города Левкозии⁶.

Старший брат Леонтия, Николай Махера, также участвовал при защите Кирении в войне с генуэзцами в 1373—1374 гг. Он отличился как прекрасный стрелок из лука, и его меткими стрелами было убито и ранено много генуэзцев⁷.

Леонтий Махера сообщает еще об одном своем брате, Петре Махере, который был королевским служителем (ρηγανικὸν βαχλιώτην). В 1427 г. его послали вместе с другими латинскими феодалами подавлять крестьянское восстание, которое вспыхнуло на острове. Возглавлял восставших парик Алексей, которого провозгласили крестьянским королем. Петр Махера вместе с латинскими аристократами Бадином де Норесом и Генрихом де Жибле выступили с войском и заняли Левкозию. После этого Генрих де Жибле вместе с Петром Махерой направился в Лемесо и подавил восстание⁸.

Когда в 1402 г. был организован заговор в Фамагусте с целью убить генуэзского коменданта, а город сдать кипрскому королю, в этой операции

μελετήματα.— «Ἐταιρεία Κυπριακῶν Σπουδῶν» 27, 1963, σ. 181—222; *M. E. Colonna. Gli storici bizantini dal IV al XV secolo. I. Storici profani. Napoli, 1956, p. 72—73; Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, Berlin, 1958², S. 409—410; К. П. Кόρρης. Τὸ πραγματικὸν νόημα ἑνὸς χωρίου τοῦ Λεοντίου Μαχαίρα.— «Ἐταιρεία Κυπριακῶν Σπουδῶν», 27, 1963, σ. 225—235; E. Miller — C. Sathas. Λεοντίου Μαχαίρα Χρονικὸν Κύπρου. Paris, 1882, I (Publications de L'Ecole des langues orientales vivantes, 11e série, vol. II. Chronique de Chypre, text grec, 1). Критическое издание: *Leonlios Makhairas. Recital Concerning the Sweet Land of Cyprus* entitled Chronicle. Edited with a Translation and Notes by R. M. Dawkins, I—II. Oxford, 1932.*

² Ср. *R. M. Dawkins. The Nature of the Cypriot Chronicle...*, p. 3.

³ *См. L. Makhairas. Op. cit.*, I, p. 598.16—25.

⁴ *Ibid.*, p. 96.23—27.

⁵ *См. ibid.*, 486.37—488.8.

⁶ *См. ibid.*, p. 602, 24—31.

⁷ *См. ibid.*, p. 458.19—31; 482.4—31.

⁸ *Ibid.*, p. 674, 1—21 ср. *П. Тивцев. Страници от социалната история на Кипър през XIV—XV в.— «Исторически преглед», XXVII, 1971, кн. 5, стр. 38—41.*

участвовал и Петр Махера. О себе хронист пишет, что он был секретарем Жана де Нореса. Леонтий Махера был вместе с тем и его приятелем. Однако попытка киприотов вернуть оккупированный генуэзцами город из-за предательства потерпела неудачу, и Жан де Норес помог Петру Махере выбраться из Фамагусты⁹.

Под 1401 г. в хронике сообщается о приезде маршала Бусико и о приеме, который ему оказал Георгий Били, регент Кипра. Леонтий Махера называет его своим двоюродным братом¹⁰.

В 1426 г. Леонтий Махера принимал участие в битве против мамлюков, которые вторглись на Кипр. Королевское войско было плохо снабжено. В лагере при Хирокитии не оказалось необходимого количества хлеба и вина. Вместе с Бадином де Норесом Леонтий Махера в качестве его секретаря был послан туда, чтобы доставить армии вино¹¹. О том, принял ли наш автор непосредственное участие в сражении, в котором королевское войско потерпело жестокое поражение от мамлюков, а кипрский король попал в плен, в хронике не сообщается.

В 1432 г. новый король Жан II (1432—1458) направил Леонтия Махера к туркам в Конию (Иконий), к их властителю Ибрахиму-беку из династии Караманов¹².

Кроме родного языка, Леонтий Махера хорошо знал и французский¹³. Как он пишет, до того как латиняне захватили Кипр и обосновались на нем, на острове было два естественных его хозяина: светский — константинопольский император и духовный — патриарх в великой Антиохии. Поэтому киприотам было необходимо хорошо знать греческий язык, чтобы посылать письма императору, и сирийский, — чтобы обращаться к патриарху. И дети киприотов учили оба языка. После установления господства Лузиньянов киприоты начали учить французский и варваризированный греческий языки^{13а}. В своей хронике, как мы увидим, Леонтий Махера употребляет много французских слов.

* * *

«Кипрская хроника» представляет собой объемистое сочинение, охватывающее большой период времени и насыщенное богатым фактическим материалом. Надо еще иметь в виду сжатую форму изложения этого материала. Если бы Леонтий Махера дал более развернутое повествование, то объем хроники возрос бы в несколько раз.

Естественно, что внимание автора привлекают прежде всего политические и церковно-религиозные события. Но наряду с этим хроника содержит сведения по социально-экономической истории, данные о демографических переменах на острове, о стихийных бедствиях и др.

Хроника начинается с упоминания о фактах времени императора Константина Великого. Автор рассказывает, как мать императора Елена по пути к «гробу господню» заехала на остров. По ее распоряжению на холме

⁹ См. *L. Makhairas. Op. cit. I, p. 616.10—618.24.*

¹⁰ *Ibid.*, p. 618.32—620.4.

¹¹ *Ibid.*, p. 658.10—26.

¹² *R. M. Dawkins. The Nature of the Cypriot Chronicle...*, p. 3.

¹³ О том, что Леонтий Махера хорошо знал французский язык, сообщает и Бертрандон де ла Брокьер, который встречался с ним в г. Ларенде (Малая Азия) у турок (ср. *M. L. De Mas Latrie. Histoire de l'île de Chypre. III. Paris, 1855, p. 3; K. Krumbacher. Op. cit., S. 900.* «В Ларенде, — пишет он, — оказался один аристократ с Кипра по имени Лиакин Кастрисио и другой — Леон Маршерас. И оба достаточно хорошо говорили по-французски... Тогда я их спросил, куда они направляются. Они мне ответили, что кипрский король, недавно умерший, всегда жил в мире с великим Караманом, к которому молодой король и его совет их послали, чтобы возобновить и подтвердить существующий договор». Ср. *Бертрандон де ла Брокьер. Западное путешествие. София, 1968, стр. 59.*

^{13а} *L. Makhairas. Op. cit., I, p. 142.1—13.*

Олимпия был построен великолепный храм. Затем прослеживается история Кипра в византийский период, сообщается о нападениях арабов и об обороне острова византийским флотом и войском, об административном устройстве Кипра (от византийского императора посылался дука за налогами, которые кипрское население платило царьградскому правительству), об образовании Иерусалимского королевства во главе с Готфридом Бульонским, об утверждении на острове рыцарей ордена тамплиеров, прибытии Ги де Лузиньяна в качестве владельца Кипра (1192 г.) По его приглашению на Кипр приехало много феодалов из Франции, Англии и Каталонии (вместе с их женами и детьми), получивших земли и привилегии. На Кипре поселилось и много сирийцев, которым были даны торговые привилегии.

Дальше в хронике говорится о Гуго де Лузиньяне и других владельцев Кипра до 1358 г. Описание событий носит обзорный характер. Ценные сведения приводятся об организации государственного управления на Кипре, о распределении феодалов и доходов с них, о феодальном законодательстве и праве (ассизы), о церковном устройстве (усилении католической церкви и ограничении прав и экономической мощи православного духовенства), о строительстве церквей и монастырей, о церковной десятине и т. д. Приводится список различных должностей и титулов, которые существовали в Кипрском королевстве.

Книга вторая посвящена правлению короля Петра I (1359—1369). Здесь уже автор подробно останавливается на важнейших политических событиях и наиболее значительных мероприятиях во внутренней жизни государства. Кипрское королевство в этот период предстает уже как окрепшее государство, которое ведет активную внешнюю политику и добивается успехов в борьбе с турками и арабами. Король развивает оживленную дипломатическую деятельность, укрепляет связи с западными государствами, привлекает союзников и наемников для борьбы против турецких эмиратов, у которых отбирает несколько крепостей (гор. Атталию и др.), дает вассальную клятву папе, договаривается об отношениях с торговыми городами-республиками Венецией, Генуей и т. д.

Кипрский флот совершил успешное нападение на Александрию (1365 г.), что вызвало оживление на Западе и обещания прислать подкрепления флотом и войском для борьбы с арабами. Был подготовлен и поход против Бейрута, но из-за вмешательства венецианцев, торговые интересы которых оказались задетыми, поход был отложен. Предприняты были и новые нападения на Сирию. В книге подробно рассказывается о дипломатических связях и отношениях между Кипром и Каирским султаном, о непрерывных обменах посольствами, о переговорах с Генуей, Венецией, папой и т. п.

Ценные сведения приводятся и о внутреннем состоянии королевства, об экономическом подъеме некоторых городов на Кипре (Фамагуста), которые развивали деятельные торговые отношения с Сирией, в результате чего были накоплены баснословные богатства. Представляют интерес и данные о торговле Венеции и Генуи с Левантом, о соперничестве между этими двумя сильными итальянскими республиками, что отразилось впоследствии и на Кипрском королевстве, об участии каталанов в торговле с Сирией. Достаточно места уделено и борьбе внутри господствующего класса, недовольству феодалов политикой короля, феодальной иерархии, правам короля и баронов, сюзеренитету и вассалитету в королевстве и т. п. В то время папа предпринял попытку обратить в католичество духовенство и население Кипра. Имеются сведения и о налогах, платившихся в царствование Петра I. Книга эта завершается сообщением о заговоре против короля Петра I и его убийстве.

Третья книга посвящена правлению Петра II (1369—1382). Поскольку король был малолетним, сначала было установлено регентство. Враждебные действия против турок и арабов возобновились после того, как пере-

говори
мирный
вали и
удачная

Когд
(корона
Иеруса
греческ
чаю. Б
ции Пе
в резул
Фамагу
дома. Н
между

В х
попытк
высылк
военны
раскры
падени
успешн
сти вой
которы
и много
стороне
Левкоз
крепост
войска
роняем

Про
но для
и одер
ные пол
огромн
ции он
эзский

Во
населен
циальн

Про
нимает
матери
аристок

Леон
которы
охийски
нов на
ние и с

Кни
(1398).
храбры
из Гену
престол
для низ
дения ж
он силь
ние Жа

говоры о мире не дали результатов. Не без труда в 1370 г. был заключен мирный договор с Каирским султаном, в переговорах с которым участвовали и генуэзцы, и венецианцы. Со стороны турок была предпринята неудачная попытка вернуть Атталию.

Когда Петру II исполнилось 15 лет, он начал править самостоятельно (коронация его королем Кипра произошла в январе 1372 г., а королем Иерусалима — в октябре того же года). Король принес клятву баронам и греческим аристократам. Те со своей стороны дали клятву согласно обычаю. Были составлены новые ассизы. Во время пира по случаю коронации Петра II произошли столкновения между генуэзцами и венецианцами, в результате которых были убитые и раненые. Недовольное население Фамагусты напало на генуэзцев и начало грабить их склады, магазины и дома. Несколько генуэзцев было убито. Этот инцидент дал повод к войне между Генуей и Кипрским королевством в 1373 г.

В хронике подробно описываются переговоры между Генуей и Кипром, попытки их примирения со стороны папы, подготовка войны в Генуе, высылка военных кораблей и войска против острова. Детально прослежены военные действия между двумя враждебными сторонами. Леонтий Махера раскрывает тяжелую обстановку, создавшуюся в королевстве после нападения генуэзского флота. Киприоты были вынуждены в целях более успешной обороны острова отказаться от своих завоеваний у турок и отвести войска из Атталии. В военные действия включились рабы и парики, которых привлекло то, что генуэзцы обещали им свободу. Среди них было и много болгар. Позднее они активно участвовали в обороне острова на стороне Кипрского королевства. Генуэзцам удалось захватить Фамагусту, Левкозию и другие селения, но они встретили упорное сопротивление крепости Кирении. Несмотря на продолжительную осаду, генуэзские войска не могли овладеть этой важной кипрской твердыней, храбро обороняемой ее защитниками, среди которых было и много болгар.

Продолжительная война между Генуей и Кипром закончилась неудачно для королевства. Хотя генуэзцам не удалось завладеть всем островом и одержать решительную военную победу и хотя они понесли чувствительные потери, все же они награбили много добычи и получили, кроме того, огромную военную контрибуцию. В качестве гарантии выплаты контрибуции они оккупировали Фамагусту, в которой разместился сильный генуэзский гарнизон.

Во время военного конфликта между Генуей и Кипром среди сельского населения вспыхнуло восстание, для умирения которого был послан специальный военный отряд.

Проследивая ход событий, Леонтий Махера одновременно предпринимает попытку объяснить их причину, определить вину и заслуги короля, матери короля Элеоноры, конетабля Жака Лузиньяна и других кипрских аристократов.

Леонтий Махера рассказывает далее о предательском избиении болгар, которые оказались жертвой борьбы между королевой Элеонорой и антиохийским принцем Жаном Лузиньяном, о прибытии новых наемных воинов на остров, о борьбе между Генуей и Венецией и т. д. Уделено внимание и строительной деятельности Петра I.

Книга четвертая посвящена правлению Жака I Лузиньяна (1382—1398). После смерти Петра II он был избран королем и проявил себя как храбрый и последовательный защитник острова от генуэзцев. Он вернулся из Генуи, где находился в заключении, и после некоторой борьбы занял престол. Зато, что его освободили генуэзцы, он заключил с ними выгодный для них мирный договор, дав им серьезные привилегии. Для освобождения же сына ему необходимо было заплатить огромный выкуп. Поэтому он сильно увеличил налоговое бремя. Страницы, где описывается правление Жака Лузиньяна, полны сетований на рост налогов и ухудшение по-

ложения народа, которое еще усугублялось эпидемией, нашествием саранчи, засухой и другими стихийными бедствиями.

В пятой книге отображено царствование короля Януса (1398—1432). В этот период были предприняты новые, но безуспешные попытки занять Фамагусту и изгнать оттуда генуэзцев. Война с генуэзцами длилась с 1403 по 1406 г. Она потребовала нового напряжения сил, в связи с чем усилился фискальный гнет.

Продолжительные войны вело Кипрское королевство и с арабами. Пиратские нападения с обеих сторон постоянно происходили в 1404—1414 гг. Наконец, в 1414 г. с Каиром был заключен мирный договор. Но независимо от договора некоторые аристократы продолжали поощрять нападения на Сирию. Это вызвало недовольство каирского властителя, который организовал несколько крупных военных походов против острова (1424 и 1425 гг.). Арабы сожгли ряд селений и увезли большое число пленных.

Леонтий Махера подробно рассказывает об арабском походе 1426 г. Каирский султан ал-Мелик ал Ашраф Барсбай (1421—1438 гг.) подготовил флот из 150 военных кораблей и трехтысячную армию. На Кипр высадились 500 мамлюков, 2000 турок и 600 арабов. Королевское войско было разбито в битве при Хирокитии, и король Янус попал в плен. Затем арабы направились к столице Кипра — Левкозии и по пути сожгли и опустошили ряд поместий и сел. В столицу они вошли без боя и разграбили королевский дворец, церкви и монастыри. Предав огню много зданий, они вернулись на корабли с огромной добычей и многочисленными пленниками.

Королевская власть была серьезно расшатана. Леонтий Махера отмечает, что отдельные аристократы попытались захватить престол. В 1426 г. вспыхнуло мощное крестьянское восстание, руководимое париком Алексеем, которое продолжалось до мая 1427 г. Оно было жестоко подавлено феодальной аристократией.

После заключения мирного договора с султаном король Янус вернулся на Кипр.

В этой части хроники говорится и о строительной деятельности Януса, при котором было сооружено много дворцов и крепостей.

Последняя, шестая книга, повествующая о правлении короля Жана II (1432—1458), является короткой и схематичной. В ней в хронологической последовательности упомянуты только самые важные события на Кипре: провозглашение сына короля Януса, Жана, королем Кипра, избрание нового королевского совета и назначение высших должностных лиц, женитьба короля. После смерти королевы Жан II женился на Елене Палеолог, дочери целопоннесского деспота. Леонтий Махера сообщает, что, когда турки захватили Царьград в 1453 г., на Кипре нашли убежище многие византийские аристократы и монахи, о которых весьма заботилась королева. Наряду с описанием дворцовой жизни Леонтий Махера, как и в других книгах, приводит сведения об эпидемии, саранче и других бедствиях, которые постигли остров.

Итак, «Кипрская хроника» весьма разнородна по характеру изложения: иногда она рассказывает подробно о событиях, а иногда — скупой схематично. Наиболее исчерпывающе и детально описаны события, современником которых автор был сам или принимал в них непосредственное участие. При описании более отдаленных событий он зависел от своих источников. И здесь возникает вопрос, какими источниками пользовался Леонтий Махера?

* * *

Как и большинство средневековых летописей, «Кипрская хроника» отнюдь не оригинальна и в значительной части представляет собой компилятивное сочинение, созданное на основе более ранних летописей. По всей

вероятности, материал до 1359 г. почерпнут из старых сочинений. Сведения, относящиеся к более позднему времени, автор брал из сообщений очевидцев или исходил из собственных наблюдений¹⁴.

Леонтий Махера часто замечает, что о том или ином событии он нашел материал в сочинении, хранящемся во дворце, или ссылается на какого-нибудь автора, писавшего до него. Например, когда он начинает рассказ о правлении Петра I, то говорит: «И другое нашел записанным (καὶ ἄλλοῦ ἡῶρα γραμμένον), что после смерти короля Гуго королем был коронован Петр I 24 ноября 1359 г. рукою фра Ги де Жибле, епископа Лемесо, брата господаря Арсуфа, в св. Софии...»¹⁵

Или, когда он говорит о переходе находившейся под угрозой турок армянской крепости Горигос под власть короля Петра I, то сообщает, что нашел сведения об этом во дворце: «Теперь необходимо вам рассказать, как была сдана крепость Горигос вместе с островком под власть короля Петра, как я нашел это записанным в королевском дворце...» (καθὼς τὸ ἡῶρα γραμμένον εἰς τὴν αὐλὴν τὴν ρηγάτικον)¹⁶.

К этому добавлено, что «крепостная стена Горигоса и основания башен видны и сей день»¹⁷.

Перейдя под власть Кипрского королевства, крепость Горигос получала помощь и защиту от турок. «С тех пор по сей день, — пишет Леонтий Махера, — короли и правители Кипра каждый год отправляют два корабля с жалованьем, пищевыми припасами и оружием для горигиотов. Они воевали повседневно с турками и благодаря божьей помощи и чудотворной иконе Богородицы Горигиотиссы охраняли крепость от турок»¹⁸.

Рассказывая историю о большом кресте, который был оставлен Еленой, матерью императора Константина Великого, в церкви на Олимпии, Леонтий Махера добавляет, что он не пострадал, когда арабы сожгли церковь. Это случилось в 1426 г., когда арабы взяли в плен короля Януса¹⁹.

Леонтий Махера сообщает о различных высших титулах и сановниках в королевстве в ранний период истории Кипра и об изменениях, которые были произведены. Он пишет, что король сменил титул «графа», дававшийся первородному королевскому сыну, на титул «принца». Это было сделано Жаком Лузиньяном, «о котором я еще расскажу, когда до него придет время». Он дал своему сыну Янусу, который был назван так, поскольку родился в Генуе, титул «принца», а титул «графа» дал сыну своего брата²⁰.

Для нас важно в данном случае, что автор хроники касается событий более позднего времени. Замечания такого рода как «до сих пор», «с тех пор до этого времени» и др., вставляемые Леонтием Махерой при описании более отдаленного периода, показывают, что он хорошо обработал источники, из которых брал сведения, а не включал их механически в хронику. Это относится и к добавлениям событий позднейшего времени, современником которых был уже сам автор. Повествуя о ранней истории Кипра, Леонтий Махера такими добавлениями обогащал свое изложение и придавал ему более живой характер. По-видимому, он располагал дворцовыми летописями, которые умело использовал, и сделал свое изложение в каком-то смысле более современным, уместно вставляя замечания о более поздних случаях и событиях.

¹⁴ См. K. Krumbacher. Op. cit., S. 900—901; Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, p. 409.

¹⁵ L. Makhairas. Op. cit., I, p. 80. 1—5.

¹⁶ Ibid., p. 98.3—6.

¹⁷ Ibid., 97.14—16.

¹⁸ Ibid., p. 100. 23—29.

¹⁹ Ibid., p. 62.17—22.

²⁰ Ibid., p. 86.26—36.

В Кипрской хронике существуют и указания на то, что ее автор использовал в качестве источника другие сочинения. Так, он перечисляет имена кипрских аристократов, которых взяли в плен и посадили в тюрьму в Генуе после войны 1373—1374 гг. Они попытались бежать из заключения, но были преданы сиром Хамерином ле Моаном, и генуэзцы стали охранять их еще более бдительно, «Об этом рассказано в книге, которую написал сир Жан де Мимарс», — пишет Леонтий Махера²¹.

Леонтий Махера привлек и много документов, так как, вероятно, в его распоряжении находились дворцовые архивы. Некоторые документы приводятся целиком. Например, он пишет, что между королем Петром I и генуэзцами был заключен письменный договор, состоявший из 20 пунктов. Соглашение было написано на латинском языке на пергамене. В хронике цитируются все клаузулы договора²². Очевидно, автор переписал этот договор, который сохранялся в королевском дворце, дословно.

В хронике цитируются документы, письма различных властителей или речи их посланцев, в которых делаются предложения о мирном договоре, официальные распоряжения короля важным государственным чиновникам, воззвания от имени короля, письма членов королевской семьи и др.²³ Леонтий Махера даже процитировал письмо Жана Висконти к королю Петру I от 13 декабря 1368 г., в котором тот сообщает о любовных связях королевы с Жаном де Морфу, графом Руха. По всей вероятности, Леонтий Махера имел на руках полную документацию, связанную с расследованием этого дела и разбором его в королевском совете. Расследование завершилось осуждением Висконти на смертную казнь²⁴.

Весьма возможно, что некоторые из цитированных речей вымышлены или переданы довольно свободно — для большей живости изложения. Однако в основном это, очевидно, документы, которые Леонтий Махера действительно использовал. То, что некоторые из них перефразированы, не умаляет их исторической ценности.

Леонтий Махера использовал устную информацию участников событий, но иногда получал ее и из вторых рук²⁵. Наш автор тщательно собирал и рассказы очевидцев. Например, он, по всей вероятности, расспросил многих людей, чтобы точно узнать, каким образом произошло пленение короля Януса арабами при Хирокитии в 1426 г. Это было исключительно важное событие, которое волновало не только Леонтия Махеру, но и его современников. Чтобы придать ему наибольшую достоверность, он специально отмечает: «как мне рассказал конетабль Кипра» (ὡς γοιὸν μοῦ τὸ εἶπεν ὁ κοντοσταύλης τῆς Κύπρου)²⁶.

О других случаях и событиях он также отмечает, что получил сведения от лиц, которые были их очевидцами: «Это мне сообщила Мария, теща Георгия Нузи Калугера, сокольника сира Генриха де Жибле в селе Галатон..., который об этом знает»²⁷; или: «Как я узнал от госпожи Луизы, матери Иоанна Готвачи, кормилицы дочери сира Симона Антиохийского. Она была крепостная крестьянка (παροίκισσα) графа Руха и была осведомлена в общих чертах о деле...»²⁸.

Оба раза речь идет о фактах из интимной жизни королевского семейства, о которых, естественно, прислуга лиц, близких по двору, была достаточно хорошо осведомлена.

²¹ L. Makhairas. Op. cit., I, p. 544. 12—28.

²² Ibid., p. 134.13—138.38.

²³ См., например, ibid., p. 230.18—232.4, 256.18—258.15, 406.30—408.27, 476.21—480.19, 506.21—508.9, 508.10—24, 508.25—31, 508.32—510.13, 520.25—522.14.

²⁴ Ibid., p. 220.17—222.6.

²⁵ R. M. Dawkins. The Nature of the Cypriot Chronicle..., p. 16—17.

²⁶ L. Makhairas. Op. cit., I, p. 664.7.

²⁷ Ibid., p. 218.17—24.

²⁸ Ibid., p. 228.9—14.

Будучи современником многих событий, Леонтий Махера являлся их свидетелем или участником. Например, о десятине, наложенной в 1393 г., в царствование Жака I Лузиньяна, он замечает как очевидец, что «ее платят по сей день»²⁹. В связи с увеличением в 1403—1406 гг. налогов и повинностей Леонтий Махера пишет: «Об этом я рассказываю вкратце, потому что если бы я стал рассказывать, как это произошло, для меня было бы очень тяжело об этом писать, а для вас — об этом узнать»³⁰.

Леонтий Махера иногда категорически подчеркивает, что то, о чем рассказывает, он «видел своими глазами»³¹. Таким образом, ясно, что для написания хроники он использовал самые различные источники.

* * *

Не лишены интереса и классовые воззрения Леонтия Махеры. Как уже отмечалось, семья Махеры была связана с династией Лузиньянов и многие ее представители находились на службе при королевском дворе. Некоторые из них, подобно Павлу Махере и самому Леонтию, как люди образованные, служили у придворных сановников. Они получали доходы и содержание благодаря королю и аристократии, что в значительной степени определяло их отношение к ним. Некоторые представители семьи Махеры занимали и более высокое положение. Например, старшего брата Николая Махеру Леонтий называет сиром. Это можно рассматривать как дань известного уважения к старшему брату, но не исключено, что так Леонтий подчеркивает социальное положение Николая Махеры. Надо сказать, что сам хронист чувствует себя аристократом, человеком, который вращается в привилегированной среде, и исполнен сознания превосходства над обыкновенными людьми.

Однако его отношение к королю и аристократии различно. Оценкам поступков короля Леонтий Махера уделяет немало внимания. Иногда ясно видна тенденция оправдать любые действия короля. Автор не упускает случая выразить свое восхищение деятельностью верховного правителя, особенно Петра I, которого он называет «великим королем». Короля Януса он награждает эпитетами: мудрый, сильный, красивый и добрый³². Если же автор чем-то недоволен и не находит места для похвалы, тон его становится более нейтральным, а оценки — более объективными. Во всяком случае можно отметить, что нигде Леонтий Махера не позволяет себе прямых нападок на королевскую власть. Возможно, такому отношению способствовала византийская традиция и византийское понимание божественного характера царской власти. Леонтию Махере было трудно усвоить, что кипрский король занимал среди феодалов положение «первого среди равных», что совершенно не соответствовало византийским представлениям о неограниченной власти государя. Вот почему Леонтий Махера с возмущением говорит, что латинские аристократы убили своего короля, как какого-то поросенка³³. Особенное внимание обращает он на то, что совет ограничивал полностью власти короля³⁴.

Леонтий Махера косвенно критикует официальную власть, не одобряя ее фискальную политику, но все же и для нее он находит оправдание:

²⁹ Ibid., p. 610.18—23.

³⁰ Ibid., p. 620.6—19.

³¹ Это сказано по следующему поводу: описав богатства двух братьев, крупных торговцев из Фамагусты, он сообщает, что один из них имел двух сыновей. После его смерти они впали в неопишемую бедность — один его сын убил какого-то человека в Фамагусте и после этого нашел приют в больнице в Левкозии. Другой его сын торговал, также стал бедным, скитался по деревням, а потом ушел к брату. Об обоих Леонтий Махера говорит, что видел их своими глазами (*καὶ εἶδα τὸν μὲν τὰ ῥημάτων*... *καὶ εἶδα καὶ αὐτὸν*). См. *L. Makhairas. Op. cit.*, I. p. 86. 17—26.

³² См. *ibid.*, p. 678.20—30.

³³ Ibid., p. 464.29—30, 466.2—3.

³⁴ Ibid., p. 678, 24—25.

Жак I Лузиньян, например, должен был выкупить своего сына у генуэзцев, а король Янус обложил население тяжелыми налогами в связи с войной, которую он вел против генуэзцев, арабов и т. п.

Леонтий Махера склонен и в моральном плане оправдывать поведение кипрского короля. Он заявляет, что король Петр I очень сильно любил свою супругу, хотя и имел двух любовниц, с одной из которых находился как раз в тот момент, когда заговорщики пробрались к нему в спальню. Понимая, что моральный облик короля довольно противоречив, хронист объясняет это тем, что он был весьма чувствителен и в то же время оставался молодым человеком ³⁵.

Такое отношение к королю и королевской власти не случайно и легко объясняется тем, что семья Махеры была обязана своим благополучием династии Лузиньянов. Ее члены получали содержание прежде всего от короля, от него зависело их продвижение по общественной лестнице. Очевидно, они не располагали значительным имуществом и рассчитывали главным образом на жалованье, получаемое при дворе. Своих братьев Петра и Павла хронист так и называет «королевскими служащими». На него сильное впечатление производило повышение жалованья различным королевским служащим (одному из аристократов были даны 1200 номисм ежегодно, Дмитрию Даниэлю — секретарю королевы Элеоноры, годичное жалованье было повышено на 100 номисм и т. п.) ³⁶.

Люди из рода Махеры выдвигались как служащие при королевском дворе. Не имея огромных имений и привилегий латинских аристократов, а также высоких должностей и титулов, они были необходимы и полезны королю и его двору. Их опыт и знания пригодились и некоторым высшим сановникам, являвшимся в то же время и крупными феодальными собственниками.

Положение, которое занимали королевские служащие, секретари и т. п. при дворе, позволяло им чувствовать себя частью господствующего класса, высшего сословия в королевстве. Вместе с тем Леонтий Махера относился к аристократии, за редкими исключениями, сдержанно или даже враждебно. Это объясняется второстепенной ролью, которую играла местная греческая аристократия в том латинском феодальном государстве, каким являлось Кипрское королевство. Греки, естественно, завидовали латинским аристократам, которые занимали господствующее положение, владели огромными землями и богатствами. К этому у Леонтия Махеры примешивалось еще недовольство политикой латинской аристократии, которая принесла страдания народу Кипра. Как бы ни было притушено его национальное сознание (поскольку он находился под французским влиянием), у него звучат явные патриотические нотки. Для него латинские аристократы являются не только завоевателями, которые ущемили права и привилегии греческой аристократии, а и носителями национального и религиозного гнета. Глубоко православного человека, сына священника, Леонтия Махеру раздражало то, что католики-латиняне пытались навязать догматы папства религиозной совести киприотов.

Все это объясняет отношение Леонтия Махеры к латинской аристократии. Он не упускает случая отметить ее алчность, постоянное стремление приобретать новые села, имения и рабов, получать новые доходы, захватывать добычу. В хронике очень часто подчеркивается нравственный упадок латинских аристократов, их преступное влечение к мальчикам.

Леонтий Махера клеймит поведение части латинских аристократов во время нападения генуэзцев на Фамагусту. Фактически некоторые аристократы просто предали этот важнейший город: «И ворота оказались открытыми. Сразу же замок наполнился генуэзцами. Когда аристократы

³⁵ *L. Makhairas. Op. cit., I, p. 122.7—15.*

³⁶ *Ibid., p. 602.24—604.6; 446.16—19, 498.4—6.*

услышали шум, они оставили крепость и вылезли наружу, и крепость оказалась в руках у генуэзцев. И это было добрым делом, которое аристократы совершили на Кипре»³⁷.

Фамагуста была взята генуэзцами по вине аристократов — из-за их алчности, тайной зависти, их порочности³⁸.

В своем стремлении к увеличению имений и доходов аристократы не останавливались перед насилием и преступлением. В хронике много говорится об их жадности, приводившей к кровопролитию. Таков, например, эпизод с Тибальдом Белфаражем, туркопулиером Кипра. Прежде чем стать латинским аристократом, он был кипрским гражданином. За заслуги перед королевством (он привел 800 наемников для борьбы с генуэзцами, сумел разбить последних и захватить два их корабля) Тибальд получил несколько имений и должность туркопулиера Кипра — начальника войска. Помимо этого, он попросил короля уступить ему имение Элиа и крепость Горигос. Петр II согласился подарить ему это имение, а относительно крепости пребывал в нерешительности. Он посоветовался со своим учителем и советником — священником Филиппом (родственником Леонтия Махеры — Филипп был сыном гречанки, монахини, двоюродной сестры Ставриноса Махеры). Филипп, подученный другими аристократами, которые завидовали Тибальду, дал королю совет, что нецелесообразно уступать эту важную крепость, «правое око твоего королевства», ибо, как начальник войска, тот мог использовать ее против короля и отнять у него власть.

Желание туркопулиера владеть этой крепостью возросло еще больше после того, как он узнал, что пошлина, которая ежегодно оттуда поступала, доходила до 3—4 тыс. дукатов. И он снова попросил у короля крепость Горигос, но тот не хотел уступить ее еще и по другим соображениям. Тибальд мог заставить венецианцев посылать корабли в Горигос, а арабов привозить туда свои товары и тогда Горигос стал бы конкурирующим портом, как Фамагуста, находившаяся в руках генуэзцев. Поэтому король решительно отказал Тибальду.

Узнав, что священник Филипп ему противодействовал, Тибальд решил его устранить. Вместе с критянином Алексонулосом, опытным воином, и еще двумя франками он устроил засаду. Латинского священника провожал виконт Бартелеми Машо. Оба подверглись нападению и были убиты Тибальдом и его людьми (1376 г.) Король Петр II не знал, как поступить, — ведь приходилось считаться с прежними заслугами Тибальда. Однако по совету своей матери, королевы Элеоноры, чтобы внушить страх аристократам и не повторить судьбы своего отца, который стал жертвой феодального заговора, он осудил Тибальда (который, помимо того, был обвинен в убийстве почти 100 чел.)³⁹ и его сообщников на жестокую смерть.

В хронике отмечается, что, кроме всего прочего, Тибальда постигла такая судьба и потому, что он оставил православную веру своих отцов и стал католиком (ἐγκατέλειπεν τὴν πατρικὴν τοῦ πίστεν (τὸ Ῥωμαϊκόν) καὶ ἐγένη λατῖνος)⁴⁰.

Случай с Тибальдом не был единичным. Борьба аристократов за феодальные владения, их просьбы к королю о предоставлении им новых привилегий были обычным явлением.

³⁷ Ibid., p. 390.10—394.14.

³⁸ Ibid., p. 402.3—12; ср. также: П. Тучев. Известия в хрониката на Леонтий Махера за български роби на остров Кипър през втората половина на XIV в. — «Военно-исторический сборник», 1966, кн. 5-6, стр. 51—52.

³⁹ L. Makhairas. Op. cit., I, p. 560. 27—576.5; ср. R. M. Dawkins. The Nature of the Cypriot Chronicle..., p. 19—20.

⁴⁰ L. Makhairas. Op. cit., I, p. 576.17—18; ср. R. M. Dawkins. The Nature of the Cypriot Chronicle..., p. 20 (автор считает, что здесь Леонтий Махера проявил религиозный фанатизм).

Алчность аристократов проявилась и при защите от генуэзцев Кирении. По приказу конетабля Жака Лузиньяна необходимо было доставить в эту жизненно важную для государства крепость продовольствие, которого хватило бы для ее гарнизона на год. Однако припасов не заготовили даже на шесть месяцев. Монтолиф де Верни, который отвечал за эти заготовки, нажил, как сообщает Леонтий Махера, 500 номисм⁴¹. Когда генуэзские войска блокировали крепость, нужда в продовольствии стала ощущаться еще острее, что заставило киприотов начать переговоры о мире.

По-разному относился Леонтий Махера к высшему духовенству и церкви. Как горячий приверженец православия, он относился с симпатией к греческому духовенству. То обстоятельство, что оно оказалось в неравноправном положении, естественно, вызывало еще большее сочувствие Махеры. С утверждением латинян на Кипре католическая церковь завоевала сильные позиции в королевстве. В соответствии с желанием кипрского короля папа посылал в королевство епископов — при условии, что латинские священники будут хорошо обеспечены и получают соответствующие поместья. И они действительно получили земли с сидящим на них зависимым населением. Латинское духовенство собирало, кроме того, церковную десятину.

Кипрские короли и аристократы построили много церквей и монастырей. Были составлены и ассизы, т. е. юридически утверждены феодальные взаимоотношения между латинской церковью и сельским населением. Все это, естественно, ущемляло интересы греческих священников. Под давлением папского духовенства король отнял имущество у греческих епископов («Те села, которые имели ромейские епископы, были отданы латинским», — пишет Леонтий Махера)⁴². Правда, узнав об их стесненном положении и о том, что они не имели церковной десятины, ромейский император предоставил им села и другие доходы. Но и они были отняты у епископов и подарены рыцарям⁴³. Хронист приводит имена 14 греческих архиепископов и епископов на Кипре. С гордостью говорит он о многих православных кипрских святых, об их чудесах, мощах и т. п. Помимо перечисленных, добавляет автор, имелись и другие, не упомянутые, «к которым мы обращаемся с просьбой заступиться перед богом за спасение этого острова от безбожных агарян»⁴⁴. Хронист описывает ряд чудес, которые якобы были совершены православными святыми, и замечает, что латинские священники из зависти утверждали, что никаких чудес не существовало, а все это греки делали благодаря магии⁴⁵. «И поскольку латиняне ненавидят ромеев, — сказано в другом месте, — они скрывают чудеса, которые происходят от икон и от частей священного древа в греческих церквях, не от неверия, а из-за зависти. Поэтому латинские священники говорили, что крест не является честным деревом, а что чудеса совершали преднамеренно»⁴⁶.

По той же причине латинский священник Жан Сантамарин похитил чудотворный крест из Тогни в 1318 г.⁴⁷

Опять-таки из зависти латинский епископ пошел к королю и сказал ему, что греческие священники обманывают народ и заражают его ересью⁴⁸.

Леонтий Махера выражает недовольство действиями латинского духовенства. Так, он сообщает, что в декабре 1359 г. на Кипр приехал папский

⁴¹ *L. Makhairas. Op. cit., I, p. 524.4—19.*

⁴² *Ibid., p. 26. 1—31.*

⁴³ *Ibid., p. 26.31—28.4.*

⁴⁴ *Ibid., p. 28.5—32.9.*

⁴⁵ *Ibid., p. 60.31—62.5.*

⁴⁶ *Ibid., p. 66.5—40.*

⁴⁷ *Ibid., p. 62.7—24.*

⁴⁸ *Ibid., p. 66.11—68.26.*

легат Пьетро ди Томмазо из ордена кармелитов. Он прибыл в Левкозию и был принят с большими почестями. Легат намеревался обратить греков в католичество и сразу же приступил к конфирмации. В храме св. Софии в Левкозии собрались епископы и игумены. Насильственным образом, при запертых на засов церковных дверях была совершена конфирмация одного православного священника. Среди жителей города началось волнение. Народ собрался около церкви, и одни стали выламывать двери бревном, другие разожгли у дверей огонь, чтобы их сжечь.

Этот инцидент способствовал тому, что взаимная религиозная ненависть между греками и латинянами разгорелась с новой силой, и лишь вмешательство короля ликвидировало конфликт. Король распорядился, чтобы православные епископы и священники вели службу в церквях по своему обычаю, а папский легат покинул остров. Те греки, которые были обращены в католичество, отказались от конфирмации и снова стали православными⁴⁹.

Король Петр I отправил трех посланников, которые должны были сообщить папе о смерти прежнего короля, уведомить его о предстоящей коронации и, кроме того, сказать ему, чтобы он не посылал больше легатов на Кипр, дабы не вызывать распри между греками и латинянами⁵⁰.

Грубые действия папского духовенства вызывали отпор у кипрских греков. Леонтий Махера не скрывает своего отрицательного отношения к латинской церкви. Глубоко религиозный человек, он повсюду в хронике защищает православную церковь, канонизированных ею святых. Для него дороги традиции православия, и он остро реагирует на всякое оскорбление религиозных чувств греческого населения.

Заслуживает внимания и отношение Леонтия Махеры к богатым людям и богатству. С патриотической гордостью сообщает он, что Кипр очень богатый остров, что многие его жители состоятельны. Причину этого он видел прежде всего в том, что Кипр играл исключительно важную роль в торговле между Востоком и Западом. Киприоты, особенно жители Фамагусты, разбогатели на транзитной торговле. Христианские корабли, прибывшие с Запада, не торговали в другом месте, кроме Кипра. Купцы останавливались на Кипре и совершали свои сделки, потому что здесь они находились под защитой папы. Таким образом, «жившие на морской скале несчастные киприоты, по одну сторону которых находились арабы, а по другую — турки, имели прибыль»⁵¹. Особенный доход приносила Фамагусте торговля высоко ценившимися в средневековье восточными пряностями (σπέτζες). Поскольку Сирия находится близко от Фамагусты, говорится в хронике, жители ее отправляли туда свои суда с товарами. Когда прибывали корабли из Венеции, Генуи, Флоренции, Пизы, Каталонии и со всего Запада, они всегда находили пряности и, если имели в них нужду, грузили их и уезжали обратно. Благодаря этому жители Фамагусты были богаты и другие завидовали им из-за того, что они жили в столь выгодном месте⁵².

Самыми богатыми были братья Франциск и Николай Лака Несториани. Леонтий Махера заявляет, что он даже не в состоянии описать их богатств. Однажды Франциск пригласил короля Петра I и других аристократов на пир, чтобы показать им часть своих сокровищ. После трапезы он привел их в помещение, где хранил сокровища, и продемонстрировал огромное количество жемчуга, драгоценных камней, золотых и серебряных монет, насыпанных в углах комнаты, как зерно (σιτάριον). При зажженном свете

⁴⁹ Ibid., p. 88.38—90.26.

⁵⁰ Ibid., p. 90.27—34.

⁵¹ Ibid., p. 80.13—82.2.

⁵² Ibid., p. 80.29—82.1. О роли Кипра в торговле между западными странами и Левантом см. W. Heyd. Histoire du commerce du Levant au Moyen - Age, II. Leipzig, 1936, p. 3—23.

эти кучи благородного металла выглядели, как горящие угли. Леонтий Махера (может быть, несколько преувеличивая) замечает, что каждый из жадных аристократов протянул руку и взял то, что ему понравилось. Тем не менее это даже не было заметно — так много там было сокровищ⁵³.

В хронике приводятся еще два курьезных случая. Однажды Франциск Лака, с которым король побратался, отправил в дар Петру I 10 тыс. дукатов и сообщил: «Вчера я совершил одну сделку и заработал на этом 30 тыс. дукатов. Посылаю эту твоему величеству — и не обижайся»⁵⁴.

В другой раз, в 1359 г., один пират, каталанец по происхождению, прибыл со своим кораблем в гавань Фамагусты. Он привез с собой очень красивый перстень с крупным драгоценным камнем, который хотел продать. Не найдя покупателя, он начал поносить Кипр. Об этом сообщили Франциску Лаке. Тот явился на корабль и заявил пирату, что он, дескать, один из самых бедных киприотов и пришел купить перстень. Договорились о цене перстня — 4 тыс. дукатов. В качестве залога Франциск Лака оставил четыре перстня, которые носил на руках. В хронике обстоятельно рассказывается, как торговец насмехался над пиратом, как показал ему свои сокровища (золото, серебро и пряности) и спрашивал, что он хочет получить в уплату за свой драгоценный перстень. Каталанец, чтобы поставить торговца в затруднительное положение, сказал, что продает и свой корабль вместе с перстнем — за 6 тыс. дукатов. Не сумев справиться с Лаком, который над ним надсмехался, каталанец уехал восвояси. На прощанье Франциск Лака предупредил его, чтобы впредь он не говорил плохих вещей о Кипре. Узнав об этой истории с пиратом, король и его приближенные очень веселились⁵⁵.

Всей этой историей, которая звучит анекдотически, Леонтий Махера хотел показать богатство и силу кипрских торговцев и в то же время подчеркнуть величие Кипра, его экономическую мощь.

Однако торговое значение острова и, особенно, его главного порта уменьшилось после войны 1373—1374 гг. с Генуей, когда Фамагуста была оккупирована. «Все эти блага были утеряны и перешли к Сирии, после того как был коронован сын короля Петра — Петр II, из-за распри, которая произошла с генуэзцами»⁵⁶.

Сын своего времени, Леонтий Махера испытывает особенное почтение к знатым и богатым людям. В его хронике постоянно встречается характеристика: «был богатый» (πλούσιος ἦτον), «был очень богатый» (καὶ πλούσιος πολλὰ, ἦτον πολλὰ πλούσιος)⁵⁷.

Педантично приводит хронист имена аристократов, которые присутствовали на той или иной торжественной церемонии или принимали участие в каком-нибудь дворцовом либо военном событии. Напротив, к народным массам он относится с присущим аристократии высокомерием. Описывая подготовку кипрского флота к походу против каирского султана в 1367 г., Леонтий Махера обстоятельно перечисляет, какие корабли в него входили (кипрские, родосские), кто ими командовал, сообщает имена и титулы аристократов, участвовавших в походе. А в самом конце длинного списка имен и титулов указывается, что на кораблях были еще капитаны низкого происхождения, которые здесь не названы⁵⁸.

Комментарии излишни. Внимания заслуживают, согласно хронисту, только лица знатного происхождения и высокого положения.

Рядовых киприотов хронист характеризует как «глухой народ», «глупый и пьяный народ»⁵⁹ и т. п.

⁵³ L. Makhairas. Op. cit., I, p. 82.3—29.

⁵⁴ Ibid., p. 84.3—7.

⁵⁵ Ibid., p. 84.8—86.16.

⁵⁶ Ibid., p. 80.30—82.2.

⁵⁷ Ibid., p. 550.25—27, p. 560.27—29. 638.24—29.

⁵⁸ Ibid., p. 168.25—170.27.

⁵⁹ Ibid., p. 314, 26—28, 628.24 etc.

Тем не менее в хронике немало сведений о положении народа, о высоких налогах, от которых больше всего страдали рядовые подданные королевства ⁶⁰.

Особенно усилилось налоговое бремя после неудачной войны 1373—1374 гг. Генуэзские войска несколько раз подвергали остров разграблению, а кроме того, оккупировали Фамагусту и наложили огромную военную контрибуцию в 900 тыс. дукатов ⁶¹. Доходы королевства в результате потери Фамагусты существенно сократились. Чтобы хоть как-то компенсировать потерю этого города, кипрские короли стали давать привилегии иностранным торговцам, чтобы привлечь их в Кирению. В частности, они освобождались от коммеркия, если их корабли бросали якорь в Кирении ⁶².

В правление Жака I Лузиньяна фискальный гнет стал невыносимым. Чтобы освободиться из генуэзского плена и занять освободившийся кипрский престол, Жак Лузиньян заключил с генуэзцами соглашение на исключительно невыгодных для Кипра условиях. Он был должен заплатить большой выкуп и за своего сына Януса, которого генуэзцы освободили через несколько лет после того, как Жак Лузиньян стал королем Кипра.

Жак Лузиньян, чтобы привлечь на свою сторону аристократов, не скупился на обещания и, вступив на престол, щедро раздавал титулы и феоды ⁶³. Кроме того, он обещал вернуть поместья тем аристократам, которые участвовали в заговоре против короля Петра I и чьи имущества были отняты Петром II ⁶⁴.

Бремя расходов, связанных с внешней политикой, раздачей привилегий и поместий, широким строительством, легло на народ. Аристократия отнюдь не собиралась изменять свой образ жизни. Поэтому расплачиваться пришлось широким слоям кипрского населения.

В хронике содержатся сведения о тяжелом положении рядовых киприотов, страдавших от высоких налогов и повинностей. Но причину всех бед Леонтий Махера видит прежде всего в генуэзцах, с которыми пришлось воевать Кипру. Он даже готов оправдать мятежи и недовольство народа против генуэзцев. Жители Левкозии, например, подняли бунт против налога, собиравшегося для уплаты генуэзцам контрибуции в 1 млн. дукатов. Народ во время этого бунта нес королевское знамя ⁶⁵.

Совсем иначе относится Леонтий Махера к движениям, носившим антифеодальный характер, к восстаниям париков против аристократии. Он осуждает любое проявление недовольства со стороны кипрских крестьян, понимая, что попытки крестьянства уничтожить феодальный гнет и чужеземное латинское господство угрожали интересам и греческих кипрских феодалов.

Автор хроники, рассказывая о восставших, изображает их грабителями и называет «проклятыми крестьянами», которые совершили так много зла, что даже бог не мог этого стерпеть ⁶⁶.

В своей хронике Леонтий Махера подробно говорит о восстании 1426—1427 гг. и о других крестьянских восстаниях на Кипре ⁶⁷.

⁶⁰ *L. Makhairas. Op. cit., I, p. 590.25—30, p. 620.6—19 etc.*

⁶¹ *Ibid., p. 518. 15—520.13.*

⁶² *Ibid., p. 584.29—34.*

⁶³ *Ibid., p. 598.26—34, 608.16—610.7.*

⁶⁴ *Ibid., p. 608.28—31.*

⁶⁵ *Ibid., p. 376.1—380. 6; ср. П. Тивчев. Известия в хрониката на Леонтий Махера..., стр. 45.*

⁶⁶ *См. L. Makhairas. Op. cit., I, p. 672. 12—676.27. О восстании 1426—1427 гг. ср. напр. П. Тивчев. Страници от социалната история на Кипър през XIV—XV в., стр. 22—42.*

⁶⁷ *См. L. Makhairas. Op. cit., I, p. 428.36—430.2. Ср. П. Тивчев. Известия в хрониката на Леонтий Махера..., стр. 47; его же. Страници от социалната история на Кипър, стр. 33—34.*

Встречаются в хронике и упоминания о рабах. На Кипре они были преимущественно восточного происхождения. Их численность возросла, после того как османские турки начали опустошать Византию и другие балканские страны. По словам Леонтия Махеры, оттуда доставили много рабов. Автор отмечает, что их положение было исключительно тяжелым, поскольку они выполняли самую черную и тяжелую работу. «И если хочешь узнать, как была захвачена Фамагуста, — то это из-за грехов наших; и не только Фамагусту, но было бы справедливо, если бы генуэзцы захватили весь Кипр из-за многих грехов наших. И я скажу вам определенно, что первым из всех был грех по отношению к рабам. Когда Византия была опустошена и рабы и пленные доставлены на остров, их господа сделались настолько жестокими к ним, что вешали их в домах и убивали, а других бросали в пропасти. Помимо страшных мучений, от которых они погибали, они умирали еще от голода. Аристократы предали своего господина, своего короля, смерти. Они предали и такого же, как они, сира Жана Висконти королю, и тот его убил. И отошли от бога, который сказал: раб должен тебе служить 6 лет, а на седьмой освободи его... И совершили много зла, и поэтому случилось такое...»⁶⁸

Хронист искренне возмущается бесчеловечным отношением латинских аристократов к рабам. Но он не против института рабства вообще. Он радуется за более человеческое к ним отношение согласно с требованиями христианской морали и нормами христианской церкви.

Но упоминание о жестокостях по отношению к рабам — только повод к тому, чтобы дать отрицательную характеристику западным рыцарям (*καβαλλάριδες*) и латинской аристократии, которая утопала в роскоши, а на рабов смотрела чуть ли не как на животных.

Известная симпатия и терпимость хрониста к рабам может объясняться тем, что многие из них находились на стороне киприотов и сражались за свободу острова. Особенно проявили себя рабы-болгары. Насколько смелыми защитниками острова они были, видно, в частности, из того, что, лишь узнав об уничтожении болгар в крепости Агиос Иларион антиохийским принцем Жуаном Лузиньяном, генуэзцы стали надеяться, что им удастся завладеть крепостью Киренией и всем островом⁶⁹. Очевидно, болгары служили серьезной помехой в осуществлении завоевательных планов Генуэзской республики по отношению к Кипру в 1373—1374 гг.

Во всяком случае, для Леонтия Махеры было нормальным явлением, что даже церкви и монастыри могли иметь рабов, киприоты — продавать многочисленных невольников — арабов и турок — в рабство, осуществлять насильственное крещение⁷⁰ и т. п. *Окончание следует.*

⁶⁸ L. Makhairas. Op. cit., I, p. 464.19—466.10; ср. P. Tivchev. The War between Cyprus and Genoa in 1373—1374 and the Participation of Bulgarians in it. — «Etudes historiques», t. III. Sofia, 1966, p. 136—137; П. Тивчев. Известията в хрониката на Леонтий Махера..., стр. 51—53.

⁶⁹ J. Makhairas. Op. cit., I, p. 552, 25—32, n. 11. Об участии болгар-рабов в войне против Генуи ср. P. Tivchev. The War..., p. 125—144.

⁷⁰ L. Makhairas. Op. cit., I, p. 162, 29—164. 14, 174.9—12, 622.7—12. 656.10—29 etc.

Ф. Д. МАМЕДОВА

О ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ «ИСТОРИИ АЛБАН»
МОВСЕСА КАГАНКАТВАЦИ

Хронологическая система «Истории албан» Мовсеса Каганкатваци не была предметом специального исследования¹. В данной статье мы попытаемся проанализировать ее.

В «Истории албан» Мовсеса Каганкатваци (далее — ИА) нет хронологической таблицы, обычной в некоторых источниках. Однако события в ИА датированы. Здесь, как и в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, «хронологические указания вплетены в ткань повествования»².

Последовательность, систематичность хронологических данных, определенная точность убеждают, что при написании ИА автор или авторы разработали определенную хронологическую систему.

Из 10 царей албанских Аршакидов автор снабжает хронологическими указаниями правления лишь четырех царей — Урнайра, Асвагэна, Вачэ II и Вачагана Благочестивого.

Первая попытка датирования намечается в кн. I, гл. 9, где сообщается, что в Албании при царе Урнайре, родственнике персидского царя Шапура II (309—379), христианство стало государственной религией. Причем автор отмечает, что это произошло в то же время, когда греческий император Константин Великий (324—337) и армянский царь Трдат (287—330) также приняли христианство. Думается, что хронологическое указание об одновременном принятии христианства принадлежит албанскому автору. Следовательно, христианство было принято в Албании в начале IV в., и Урнайр правил в то же время. По сообщению ИА, другой албанский царь, Асвагэн, был современником императора Феодосия младшего (408—450), армянского царя Врамшапура (391—414), персидского царя Иездигерда, очевидно, Иездигерда I (399—420), и создателя письменности Месропа Маштоца (361—440) (кн. II, л. 3). Следовательно, Асвагэн жил не позднее первой половины V в.

О времени царствования другого албанского царя, Вачэ II, автор сообщает: «На 19-ом году царствования Азкерта постигла его кончина. Два сына его, сделавшись соперниками, сражались за власть. Пока они находились в этих смутах, Ваче, царь албанский, восстал» (кн. I, кл. 10). Следовательно, это произошло после 457 г. (год кончины Иездигерда II).

Опираясь на даты царствования Валаршака (484—488), автор датирует воцарение албанского царя Вачагана Благочестивого. «После того, как

¹ Нам известны лишь две статьи, посвященные исследованию хронологической непоследовательности отдельных глав «Истории албан». См. *Robert H. Hewsen. Notes and communication on the chronology of Movsēs Daskurançi.* — BSOAS, XXVII, part 1. London, 1964; З. М. Буниятов. О хронологическом несоответствии глав «Истории албан» Моисея Каганкатваци. — «Доклады АН Азерб. ССР», т. XXI, 1965, № 4.

² Г. Х. Саркисян. О хронологической канве «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци. — Доклады делегации СССР. М., 1960, стр. 1.

злбный Пероз лютою смертью был согнан со света, воцарился брат отца его Валаршак... Албаны с помощью Валаршака воцарили Вачагана, сына Азкерта, брата Вачэ» (кн. I, гл. 17).

Что касается остальных событий во внутренней жизни Албании, то автор пользуется и таким способом датирования: «В то время город Цри, возмущившись против албанского царя, предался царю персидскому» (кн. I, гл. 14). «В то время царь росмосоков во своими войсками и полчищами фовельскими... перешел реку Кур, рассылался по области утийцев...» (кн. I, гл. 29). События датируются также путем упоминания имени албанского царя. Так, в кн. I, гл. 26 сообщается, что Агуэнский собор был созван албанским царем Вачаганом 13 числа месяца марери.

Рассмотрим хронологические данные книги II ИА. Если хронология I книги не твердая, албанские цари датируются лишь как современники персидских царей или византийских императоров и армянских царей, хронология не носит систематического характера, то хронология II книги отличается стройностью, конкретностью, определенностью. Для II книги — с гл. 9 по 34 включительно — характерна непрерывающаяся последовательность датированных событий, систематичность хронологических указаний.

Первые три главы II книги и хронологически, и тематически должны быть включены в I книгу. Главы 4, 6, 7, 8 отражают время правления албанского патриарха тэр Абаса. Хронологические данные об этом следующие: «Тогда, во второй год Хосрова, царя царей, в начале армянского летосчисления перенесли патриарший престол из города Чога в столицу Партаван... Патриархом посадили тэр Абаса, который правил 44 года» (кн. II, гл. 4)³. В данной главе автор пользуется двумя параллельными хронологическими датами, между которыми имеется некоторое расхождение. Второй год Хосрова Ануширвана (= 532/33 г.) не совпадает с началом армянской эры (= 551/552).

С гл. 9 по 19 события датируются по правлениям персидских царей — начиная с 35-го года правления Хосрова II. В гл. 9 автор говорит: «Я начну свой рассказ от первого года 18-го високоса после явления господина нашего Иисуса Христа, месяца мехекан, на 35-м году царя царей Хосрова Ормиздьян».

Первый год 18-го високоса К. Патканов относит к 626—627 гг.⁴, а 35-й год Хосрова II приходится на 625—626 гг. Даты совпадают.

Далее события датируются 36-м годом Хосрова II — 626/627 г. (гл. 12); 37-ым годом правления Хосрова II — 627/628 г. (гл. 12); 38-м годом его же царствования — 628 г. (гл. 11); царствованием царя Кавада (очевидно, имеется в виду Кавад II) (гл. 14); вторым годом правления Ардашира, сына Кавада — видимо, Ардашира III, 629/630 г. (гл. 16); первым и восьмым годами Иездигерда III — 632 г. и 640 г. (гл. 18).

Для уяснения хронологического метода автора следует коротко изложить содержание этих глав.

Гл. 9—16 отражают персидско-византийские войны (624—630 гг.): походы Ираклия (610—614 гг.) на Албанию, Иберию, Армению; союз Ираклия с хазарами; посольство албанского католикоса Виро к хазарам.

³ Нам представляется, что гл. 1 и 4 II кн. являются поздней интерполяцией, так как в них зафиксировано армянское летосчисление. А как установил И. А. Орбели, армянской эрой стали пользоваться значительно позднее. (И. А. Орбели. Шесть армянских надписей VII—X вв. — «Христианский Восток», т. III, вып. 1. Пг., 1914, стр. 83; *его же*. Две строительные надписи Камсаракан. — Там же, т. III, вып. 3, Пг., 1915, стр. 303, прим. 4.) Кроме того, для I и II книг не характерно датирование по армянскому летосчислению. Главы 1 и 4 составляют исключение.

⁴ Автор принимает за исходную точку начало армянской эры в 552 г. по Р. Х., прибавив к этому числу 18 високосных годов, или 74 года, получим 626—627 г. Иракл выступил в персидский поход». См. «История агван Моисея Каганкатваци». Перевод К. Патканова. СПб, 1861. Прим. к гл. IX, стр. 326.

Гл. 18 отражает подвиги албанского князя Джеваншира в персидско-арабских войнах. Таким образом, в этих главах излагаются события внешнеполитической истории Албании в период господства Сасанидов, и автор датирует их по годам правления персидских царей.

В гл. же 19 читаем: «На 20-м году царствования Азкерта (Иездигерда III) совершенно прекратилось существование царства персидского; то был 31-й год всемирных побед агарян и 15-й год господства Джеваншира». 20-й год Иездигерда III по достоверной хронологии соответствует 652 г., а 31-й год «всемирных побед агарян» — также 652/653 г.; 15-й год господства Джеваншира = $637 + 15 = 652$. Даты, указанные автором ИА, исторически достоверны. Он здесь пользуется тремя параллельными хронологическими линиями: 1) правление персидских царей; 2) «господство агарян» (хиджра); 3) правление Джеваншира. Достоин внимания, что автор впервые для датирования пользуется хиджрой, и к этому методу датирования он обращается тогда, когда прекращается существование царства Сасанидов. Очевидно, ввиду того, что исчерпалась возможность датировать события по периодам правления персидских царей, автор в последующих главах пользуется иной хронологией.

Анализ хронологических указаний «Истории албан» убеждает в том, что в зависимости от того, с какой страной больше контактировала Албания в описываемое время (вернее, в зависимости от какой страны находилась Албания), хронологии той страны и придерживается автор при описании внешнеполитических событий. Так, при описании периода господства Сасанидов, в частности периода персидско-византийских войн, автор придерживается хронологии персидских царей. После же падения династии Сасанидов Албания становится данницей Византии и арабов, и потому последующие внешнеполитические события — личные встречи и переговоры Джеваншира, албанского великого князя, с византийским императором Константином III (641 г.), внуком Ираклия, увод войск на запад византийским императором в результате усиления арабского господства, отраженные в гл. 22, 27, 28, датируются автором по годам правления византийского императора и по годам арабского господства. Так, в гл. 22 события датируются 19-м годом царствования Константина III, т. е. 660 г., а в гл. 27-й — «шестым годом перенесения исмаэлитского царства в Ассирию (Сирию)», т. е. $661 \text{ г.} + 6 = 667 \text{ г.}$; в главе 28-й — 30-ым годом царствования Константина, т. е. 671 г.⁵

Таким образом, можно отметить, что для хронологической фиксации внешнеполитических событий с 625 по 671 г. автору служили даты правления царей, сначала — персидских (625—652), затем — византийских императоров, а также годы арабского господства (652—671 гг.).

Остальные главы II книги — 23, 24, 25, 26, 32, 34 — отражают главным образом события внутренней жизни Албании. Метод датирования этих событий иной. Они датируются с помощью синхронизмов, т. е. путем соотнесения одного факта с другим, более известным.

Так, принимая за исходную точку твердую дату, зафиксированную в главе 22-й, 19-й год царствования Константина (660 г.), автор в 23 гл. сообщает: «После того, по прошествии *двух лет*, вышли хазары в Албанию на добычу и грабеж». Таким образом, это событие датируется 662 г. В гл. 24 читаем: «После победы Джеваншира, по истечении *двух лет* после изгнания хазарских войск, окончилось построение храма во имя Бога». Следовательно, это произошло в 664 г. ($662 + 2$). Гл. 25: «Целый год Джеваншир проводил в спокойствии» (т. е. $664 + 1 = 665 \text{ г.}$).

Можно выделить и третий способ датирования — по годам военачальства и правления великого албанского князя Джеваншира. Хронологи-

⁵ Здесь, видимо, автор имеет в виду опять же Константина III, ибо за исходную дату берет 641 г.

ческая линия Джеваншира синхронизирована с линией правления царей (персидских и византийских).

Хронологические указания о правлении Джеваншира зафиксированы в главах 18, 19, 26, 27, 28 II кн.

Гл. 18: «Через 4 года после смерти великого Хосрова, царя персидского, воцарился сын его Азкерт (Иездигерд III). Пройдя Ассирию, агаряне выступают против царя персидского... На восьмом году царствования Азкерта в другой раз выступил неприятель и осадил царя в Тизбоне (Ктесифоне) в продолжение шести месяцев... После того друг за другом последовали битвы... В продолжении семи лет храбрый Джеваншир воевал в этих тягостных войнах».

Иездигерд III, как известно, вступил на престол в 632 г., действительно, через 4 года после смерти Хосрова II, как отмечает ИА. Арабы впервые вторглись в Иран, как известно, в 636 г., в 637 г. осадили Ктесифон. По данным ИА, это произошло на 8-м году Иездигерда, т. е. $632 + 8 = 640$ г. Расхождение с действительной хронологией — 2-3 года. В 642 г. в битве около Нихавенда персидские войска были разбиты, и после этого Иран был завоеван арабами⁶. Семилетнее участие Джеваншира в персидско-арабских войнах также соответствует истинной хронологии — $636 + 7 = 642/643$ г.

Последнее хронологическое указание о правлении Джеваншира засвидетельствовано в гл. 28: «На 30-м году царствования Константина возмущились евнухи и хотели убить его». А завершается глава: «В продолжении этих 33 лет господь делал благочестивого князя албанского победоносным». 30-й год царствования Константина приходится на 670/671 г. А 33-летнее победоносное пребывание албанского князя равно $636/637 + 33 = 670/671$ г.

В гл. 9—28 зафиксированы твердые, систематически исчерпывающие хронологические указания, охватывающие период с 625 по 671 г.: 625 г. (гл. 9), 626 г. (гл. 12), 627 (гл. 12), 628 г. (гл. 11), 630 г. (гл. 16), 632 г. (гл. 18), 640 г. (гл. 18), 642 г. (гл. 18), 652 г. (гл. 19), 660 г. (гл. 22), 662 г. (гл. 23), 664 г. (гл. 24), 665 г. (гл. 25), 666 г. (гл. 26), 667 г. (гл. 27), 671 г. (гл. 28). Этого отнюдь нельзя сказать о периоде правления преемника Джеваншира, Вараз-Трдата, отраженном в гл. 36—45 II кн.⁷ и в гл. 12 III кн. Имеется лишь одна твердая дата в гл. 39: «Тогда, на 62-м году южного царства строптивого Мухаммеда [т. е. в 62 г. хиджры — $622 + 62 = 683$ (84)], Вараз-Трдат, князь албанский, совещался с соплеменниками-князьями и с католиком Егиазаром о тяжелом бремени податей, наложенных на албанский народ арабами и гуннами».

Важным событием в истории Албании является пребывание великого князя Албании Вараз-Трдата в качестве заложника у византийского императора. Автор не сопровождает это описание конкретными хронологическими указаниями. Из гл. 12-й III кн. известно лишь, что это было «после совершенного прекращения царства персидского и при усилении народа южных таджиков», т. е. арабов. Известно также, что Вараз-Трдат находился в качестве заложника пять лет, затем вернулся в Албанию. Сыновья же его по истечении 12-летнего заточения были освобождены византийским императором Варданом-Филиппиком (711—713). Более о Вараз-Трдате ничего не сообщается.

Это можно объяснить еще тем обстоятельством, что в период господства Вараз-Трдата в Албании, видимо, не было особенно крупных, по взглядам того времени, событий, которые бы считались достойными упоминания и соответственно для датирования.

⁶ М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, стр. 320—321.

⁷ Из них непосредственно Вараз-Трдату посвящены гл. 36—39, а гл. 40—45 отражают пребывание албанского епископа Исраила в стране гуннов в годы правления Вараз-Трдата.

Что касается остальных глав II книги ИА, то в гл. 46—49 отражены догматические и иерархические споры, происходившие между церквями в период зарождения христианства и до VIII в. Самое позднее хронологическое указание во II книге относится к 703—711 гг. — упоминание армянского католикоса Егии Арчишеци (гл. 48).

Гл. 50, по всей вероятности, представляет собой самостоятельное сочинение. Она озаглавлена «О житии пустынного Иосифа в Арцахе...». Датируется этот источник временем правления византийского императора Ираклия и албанского великого князя Вараза-Григория, т. е. началом VII в. Видимо, эта глава, как и некоторые другие, расположена хронологически не на месте.

Последние же главы II кн. ИА — 51 и 52 — посвящены зданиям и монастырям, построенным в Иерусалиме. В тексте нет хронологических данных.

Наконец, рассмотрим хронологическую систему III книги. Здесь нет единого метода датирования. В гл. 3, 7, 11, 13, отражающих внутреннюю жизнь Албании, можно усмотреть датирование по годам правления албанских католикосов, что, вероятно, объясняется отсутствием в стране власти великого князя.

«По смерти Егиазара, католикоса алабанского, некто Бакур, из последователей учения халкидонского..., договорился со Спрамой, супругой Вараз-Трдата...» (кн. III, гл. 3). «Симеона сменил на престоле патриаршем блаженный Михаил» (кн. III, гл. 13).

Что касается остальных глав, то гл. 1, 2, 8, 15, 16, 19, 20, 21 и 23 III кн. датированы по армянскому летосчислению. Так, в гл. 16 читаем: «В 145-м году армянской эры Махмед II прибыл в Армению и по стране албан поспешно вступил в Чога» (т. е. $551 + 145 = 696/697$ г.). «...После того увели в Тарон и оттуда в Сирию Шеро, князя албанского, вместе с другими азатами в 153-м году армянской эры» (кн. III, гл. 16), т. е. в 704 г. В этой же гл. 16 сообщается: «Выступил владетель хазар с 80 тыс. мужей и взял Албанию в 158 году», т. е. в 709/710 г.

Гл. 19 озаглавлена: «Что произошло в пределах Албании в 200-м году армянской эры» (751 г.). В ней сообщается: «К концу 270 г. армянской эры вышли тайно из Партавы отборные мужи из таджиков (арабов) и разорили область Амарас...». Это приходится на 821/822 г. Следует отметить, что в книге III только в одной гл. 8, представляющей собой грамоту албанского собора о единстве веры с армянами, событие фиксируется двумя параллельными датами — хиджрой и армянским летосчислением. «Писана грамота эта... 85 года таджиков (арабов) и 148 г. армян». 85-й год арабов соответствует 704 г., а 148-й год арм. эры = $552 + 148 = 700$ г. Во всех же остальных главах III книги — 1, 2, 15, 16, 19, 20, 21, 23 — события датируются только по армянскому летосчислению. Достоин внимания, что даже при изложении истории арабского пророка Мухаммеда автор пользуется армянской эрой: «В конце 65 г. армянской эры явился Махмет в Меданн» (кн. III, гл. 1), т. е. $552 + 65 = 616/617$ г.

Отмеченные главы также насыщены хронологическими указаниями. Освещают они события, совершившиеся в Албании начиная с 145 г. армянского летосчисления (т. е. с 696 г.) до 400 г. (т. е. до 952 г.). Эти главы отражают главным образом походы отдельных арабских войск на Албанию, Армению и Иберию. Они представляют собой голую хронологическую фиксацию фактов, а также хронологические погодные записи: «В 174 г. армянской эры летом был падеж скота, зимой — очередная перепись, что повергло людей и скот и всю страну в иго рабства» (кн. III, гл. 16), т. е. $552 + 174 = 725$ г. «В 175 г. армянской эры был сильный голод» (кн. III, гл. 16) и т. д.

Последовательность отдельных хронологических указаний этих глав следующая: 696 г. (гл. 16), 704 г. (гл. 16), 710 г. (гл. 16), 731 г. (гл. 16),

752 г. (гл. 19), 822 г. (гл. 19), 828 г. (гл. 19), 832 г. (гл. 20), 852 г. (гл. 20), 869 г. (гл. 20), 877—915 г. (гл. 24).

Албания с 654 г. стала данницей арабов, политически подчинялась арабам. В это время она попеременно платила подати также хазарам и Византии. История ее теснейшим образом была связана с историей халифата и Византии. Исходя из хронологической системы автора, принятой в I и II книгах, естественно было ожидать, что при описании событий VIII—IX вв. он будет придерживаться датирования как по годам правления византийских императоров, так и по годам арабского господства (хиджры), как поступал он в кн. II. Однако в кн. III автор пользуется только армянским летосчислением.

Итак, рассмотрев хронологические данные всех трех книг «Истории албан» Мовсеса Каганкатвази, можно сделать некоторые выводы о хронологической системе автора. Методом хронологической фиксации событий являются:

1. Датирование по годам правления царей — персидских, византийских. Линия персидских царей включает Шапура II, Иездигерда II, Пероза, Валаршака, Хосрова II, Кавада, Ардашира III, Иездигерда III. Упоминания персидских царей в «Истории албан» твердо датированы. Среди византийских императоров упомянуты Константин Великий, Феодосий Младший, Маркиан, Зинон, Анастасий, Ираклий, Константин III, Вардан-Филиппик.

Годы правления некоторых византийских императоров в книге названы, тогда как о других говорится лишь как о современниках известных персидских и армянских царей. Этим методом датированы преимущественно внешнеполитические события.

2. Датирование с синхронизацией, что характерно главным образом для первых двух книг. Этим методом автор пользуется в основном при датировании событий внутренней жизни Албании.

3. Датирование по годам правления Джеваншира, албанского великого князя. Хронологические данные о Джеваншире зафиксированы параллельно с линией персидских и византийских царей, с годами арабского господства и синхронизировано с ними. Этот способ датирования применяется в кн. II.

4. Датирование по годам правления албанских католикосов, характерное лишь для нескольких глав III кн.

5. Датирование по одному армянскому летосчислению, характерное для остальных глав III кн.

В применении этих методов датирования существует определенная последовательность. Ранним по времени является датирование по правлению персидских царей. Затем следует датирование по правлению византийских императоров и по годам арабского господства. Сюда же относится линия датирования по Джеванширу. Далее по времени следует линия албанских католикосов. Последним по времени является армянское летосчисление.

Из трех книг «Истории албан» стройностью отличается хронология II кн., особенно с гл. 9 по 34, где, как было показано, наблюдается непрерывная последовательность датированных событий, систематичность хронологических указаний.

На основе хронологической системы «Истории албан» нам представляется совершенно очевидным, что гл. 9—34 II кн. написаны одним автором, вероятно, современником этих событий. Им же написаны или скомпонованы все главы I кн. и первые главы II кн. С небольшой долей вероятности можно предположить, что этим же лицом написаны и остальные главы II кн. (гл. 36—52), а также несколько глав III кн. (гл. 3—7, 9—12). Что же касается гл. 1—2, 15—23 кн. III, то они, на наш взгляд, написаны другим лицом.

С. В. ПОЛЯКОВА

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ МАНЕРОЙ ЕВМАФИЯ МАКРЕМВОЛИТА

Настоящая работа не претендует на то, чтобы дать исчерпывающее описание повествовательных приемов Евмафия (эта задача еще ждет своего разрешения), и рассматривает только черты его стиля, выражающие антиверистические тенденции «Повести», т. е. те приемы, которые либо стирают в повествовании границы действительного и мнимого, либо способствуют поддержанию абстрактной символично-аллегорической атмосферы.

1. ПОВТОРЕНИЯ

Повторение — одна из самых характерных особенностей ведения рассказа у Евмафия: оно пронизывает весь роман, встречаясь на уровне лексических единиц различного объема и целых эпизодов. Вновь и вновь воспроизводятся те же сочетания, фразы, отдельные слова; многократно возникают одинаковые события, которые дублируются при других участниках, предвосхищаются сновидениями и оживают в пересказах. Общее количество повторенного материала так велико, что составляет (на глаз) едва ли не половину всего объема текста.

Склонность к подобной стилистической технике была присуща и послужившему Евмафию образцом роману Ахилла Татия¹, но византийский автор развивает эту тенденцию, намеченную у предшественника, превращая ее в главнейший повествовательный принцип² (он встретил отрицательное отношение в новое время)³.

Мы воздержимся от оценочных суждений и только попытаемся классифицировать типы повторений в романе и определить их функцию.

Повторение ситуаций

Сюжет романа с рядом входящих в него мотивов, развиваясь до определенного момента, затем с небольшими отклонениями повторяется. Первая часть книги до бегства Исмины и Исминия (I—VII, 5)⁴ дублиро-

¹ *Ebbe Vilborg*. Achilles Tatius Leucippe and Clitophon, vol. II, 1962, p. 16.

² RE, Bd. VI, Sp. 1075.

³ Ibidem; *Th. Grässe*. Über d. griechischen Erotiker Eustathius und dessen auf uns gekommenen Roman. — «Jahns Jahrbücher Suppl.» (-Jahns Archiv), 4, 1836, S. 274; *R. Lach*. Der Kostruktionsprinzip der Wiederholung in Musik, Sprache und Literatur. — «Akademie der Wissenschaften in Wien, phil.-hist. Klasse», Sitzungsbericht. 201, Abt. 2, 1925. S. 38). Рассмотрев феномен повторений онто- и филогенетически, автор считает, что архаические по своему происхождению повторения ощущаются современным человеком как нечто утомляющее и даже антиэстетическое.

⁴ Ссылки на роман даются по изд.: *Eustathii Macrembolitae De Hysmines et Hysminiae amoribus*, rec. J. Hilberg. Vindobonae, 1876.

вана второй, т. е. историей вестничества дафнипольского господина Исминия (VII, 18—X, 9). Не повторен только короткий отрезок повествования (VII, 6—VII, 17), посвященный бегству и дальнейшей судьбе Исминия после мнимой смерти его возлюбленной, и финал романа (встреча героев с родителями: X, 17—XI, 1—23), который, впрочем, содержит по преимуществу пересказ эпизодов первой части романа. Таким образом, дважды повторенными оказываются следующие события: проводы из родного города назначенного жребием вестника, торжественная встреча вестника там, куда он был послан, соперничество в гостеприимстве и победа отца молодой девушки, которая влюбляется в вестника или его раба (линия Исмина — Исминий и Родопа — Исминий) и стремится, придумывая всевозможные уловки, вызвать взаимность в чуждающемся любви молодом человеке [эти отношения дублируются еще один раз эпизодами соблазнения Исминия дафнипольской госпожой (VIII, 16—17 и X, 6)], наконец, возвращение вестника на родину (I, 1—VII, 5 = VIII, 18—X, 9).

С однообразным постоянством автор возвращается к одним и тем же ситуациям: пиршественные сцены повторяются 12 раз (I, 8—11; II, 12—13; III, 5; III, 10—IV, 1; V, 9—12; VI, 1—4; IX, 3—4; IX, 7 сл.; IX, 16—20; X, 7; X, 16—18; XI, 2 сл.), любовные свидания в саду — 4 раза (IV, 1—3; IV, 21—23; IX, 12; IX, 21), в спальне Исмины — трижды (V, 15—20; VI, 5—9; VII, 1—4); пять раз Кратисфен и Исминий обсуждают в своей спальне события дня (I, 13—14; II, 14; IV, 12—13; V, 4—5; VI, 16), дважды происходит испытание девственности Исмины (VIII, 7; XI, 17), четыре раза герои передают поцелуй через посредника (V, 13; IX, 16; IX, 18; IX, 21), трижды родители Исмины совершают жертвоприношения, связанные с браком их дочери (VI, 5; VI, 10—11; VII, 1) и т. п. Все это мешает логически упорядочить происходящее и разграничить сходные эпизоды.

Другой формой сюжетного повторения являются сбывшиеся сны, в которых предвосхищены события, наступающие впоследствии (III, 1 = III, 2 сл.; III, 5 = VI, 1; V, 1 = V, 16; V, 1 = VII, 2 и V, 16; V, 1 = V, 11; V, 2 = XI, 19; V, 3 = IX, 21 и X, 11; VI, 18 = XI, 19; VII, 19 = XI, 13; X, 4 = X, 8).

В пересказе другим лицам также дублируются отдельные уже известные события и в конспективном изложении — подчас все содержание романа (I, 14 = I, 8—12; II, 14 = II, 12; III, 3 = III, 1; V, 5 = V, 1; VI, 12 = V, 9 сл.; VII, 18 = VII, 7—15; VIII, 10 = I — VIII, 9; VIII, 13 = I — VIII, 11; IX, 13 = I — VII, 15; XI, 3 — 10 = I — X. Но даже эта последняя разновидность повторений утратила у Евмафия свое первоначальное назначение мнемонического подспорья: очень часто пересказ непосредственно следует за соответствующим эпизодом повествования, а конспект всего бедного событиями романа, помещенный в финале, едва ли был вызван потребностью напомнить его сюжет.

Лексические повторения

На лексические повторения у Евмафия уже было обращено внимание⁵. Ввиду этого, а также потому, что все их типы характерны не столько для дикции автора, сколько для риторического стиля вообще, за исключением оставшихся до сих пор незамеченными формул, которыми, как в эпосе, Евмафий передает однородные ситуации, примеры повторений приводятся выборочно, формулы же учтены с возможной полнотой.

Систематическое воспроизведение тождественного лексического материала тоже способствовало «размыванию» контуров событий и делало сходные

⁵ Шмидт (RE, Bd. VI, Sp. 1075) дает несколько примеров повторений и отмечает их массовый характер.

эпизоды почти неразличимыми, так как своеобразие единичной ситуации еще в большей степени утрачивалось благодаря одинаковому или сходному с аналогичной словесному оформлению.

а) Повторения *небольших отрывков, фраз и сочетаний*: VIII, 13.13 = IX, 13.5 = XI, 6.2; I, 12.3 = I, 14.3 = III, 4.4; V, 6.1 = X, 5.1; III, 10.4 = VII, 5.1 = X, 16.1; I, 2.3 = IX, 13.2 = XI, 3.1; I, 8.3 = IV, 1.1 = V, 9.3.

б) *Повторение отдельных слов в пределах фразы или небольшого колона*: II, 9.1 — слово *καὶ* повторено 4 раза, а слово *λευκή* — 5 раз; VIII, 9.2 — слово *δοῦλοι* и однокоренные *ἐνδοῦλος* и *δουλεία* встречаются 4 раза; III, 9.4 — глагол *φείδω* повторен 6 раз.

в) *Постоянные формулы*. Вступление в брак выражается формулой *παστάδα πῆγνυμι* или *καταπῆγνυμι* (V, 2.1; VI, 6.3; VI, 6.5; VII, 10.5; XI, 18.2), высокая степень какого-нибудь психического состояния — глаголом *βαρύνεσθαι*, чаще с предлогом *κατά* или *ἐκ* (III, 9.2; IX, 9.2; X, 6.2; X, 10.4; XI, 9.2), любовь — изъяснением готовности не расставаться и в смерти *σὺν τινὶ θάνομαι*, *συνθανομαί σοι* (IV, 2.3; V, 18.2; V, 20.1; VI, 8.3; VI, 9.3; VII, 11.4), отсутствие или прекращение чего-либо передается именем с наречием *οὐδαμοῦ* (VII, 8.1; VIII, 1.1; VIII, 5.1; X, 10.7; XI, 17.4; XI, 17.5), множество всегда представляется неисчислимым, т. е. *οὐκ ἐπαρίθμητον*, *οὐκ εὖ ἀριθμοῦμενον* (V, 6.2; VI, 18.1; VIII, 1.1; XI, 1.2; XI, 8.3), начало трапезы вводится именем с несогласованным определением *καιρὸς πότου* *ιδεῖν*, *ἀρίστου* (II, 2.1; II, 9.1; III, 9.7; V, 11.1; VI, 1.1; VIII, 11.4; XI, 2.4) или именем с несогласованным определением в сочетании с глаголом *καλεῖ* типа *πότου γὰρ ἐκάλες καιρὸς* (III, 5.5; V, 10.1; VI, 1.2; X, 16.1); завершение трапезы обслуживания краткой формулой двух родов: а) существительное *τὸ συμπόσιον* с глаголом *λύω* или *καταλύω* (I, 11.3; VI, 5.1; X, 18.4); б) *Nominativus* соответствующего существительного с глаголом *ἔχω*, *λαμβάνω*, *δέχομαι* и прямым дополнением *τέλος* типа *τέλος ἔχει τὰ τῆς τραπέζης* (VI, 15.2; XI, 4.1; XI, 17.1) или расширенной формулой вроде *καὶ μετὰ πολυτελεῖς τὰς τροφὰς καὶ πόσεις καὶ τὰλλ' ὅπως κοσμοῦσιν συμπόσια καταλύετο τὸ συμπόσιον* (IV, 2.1; V, 12.1; V, 13.1; XI, 9.3); оживление в городе, связанное с каким-нибудь торжественным случаем, передается трафаретным сочетанием *ὁρῇ ἢ πόλιν* (I, 2.2; V, 8.1; VIII, 21.4; X, 5.2; XI, 19.1); отплытие корабля — выражением окрылить корабль веслами или парусами (VII, 7.2; VIII, 1.3; VIII, 2.1; VIII, 8.1), обряд жертвоприношения — сочетаниями глаголов *θύω* или *λειτούργω* *τὰ πρόσφορα* (1, 11.1; V, 15.1; VI, 1.1); отход ко сну облекается в формулу *τρέπομαι πρός/περὶ ὕπνον* или *σπένδω τοῖς ὕπνοις* (I, 13.1; I, 14.5; II, 14.6; VIII, 1.3; VIII, 8.3; X, 18.2; XI, 4.2; XI, 9.3; XI, 17.1); смелость в любви выражается посредством комбинации сочетаний *τι ἐρωτικόν/τι ἐρωτικώτερον* с глаголами *πάσχω*, *δράω*, *διακομίζω* (III, 7.7; IV, 22.4; V, 3.2; VI, 3.2; IX, 19.3). В качестве итоговой концовки используется формула *οὕτω μὲν οὖν εἶχον/εἶχε* + *Nominativus* имени (II, 6.1; VII, 8.1; VIII, 5.1; VIII, 8.1; VIII, 9.1; VIII, 15.3; IX, 10.1; IX, 24.1); выражение «в середине чего-нибудь» *ἐν* или *παρὰ μέσῃ*, *μέσαις*, *μέσοις* + *Dativus* имени (один раз встречается *περὶ μέσῃν τράπεζαν*) определяет время или состояние (VI, 15.1; VI, 18.1; VII, 18.1; VIII, 13.3; VIII, 15.3; VIII, 16.4; IX, 8.1; IX, 15.3; IX, 16.2; IX, 20.1; X, 2.1; XI, 6.2; XI, 9.4); красавица характеризуется как *οὕτω καλή* (I, 14.4; III, 3.3; III, 8.2; VII, 18.3), а порабощение свободнорожденного всегда передается плеонастически употребляемым сочетанием *δοῦλος ἐξ ἐλευθέρου* + глагол *γίγνομαι*, *ἐλκομαι* *εἰμί*, *ἐργάζομαι* (V, 18.1; VIII, 8.1; IX, 12.2; IX, 12.3; IX, 13.1; IX, 14.5; IX, 22.5).

В большинстве приведенных случаев Евмафий использует обычные фразы и сочетания, многократное употребление которых превращает их в формулы, напоминающие эпические.

Подводя итоги, можно сказать, что использование повторений в «Повести» своеобразно. Вследствие своей исключительной частоты они не упорядочивают впечатления и не облегчают проникновение в существо описываемого явления. Напротив, одинаковые и лексически сходно оформленные эпизоды, вновь и вновь возникающие с разным составом действующих лиц и в разных формах своего — с точки зрения романной действительности — то первичного, реального, то вторичного, иллюзорного бытия (явь, сон, рассказ-воспоминание), начинают путаться, ускользать, сливаться, так как внимание не может справиться с нагромождением тождеств и вследствие этого невозможным становится отличать реальное от его вариантов или иллюзорных форм. Иными словами, метод повторений используется Евмафием в антиверистических целях, чтобы создать зыбкость переходов от действительно бывшего к иллюзорному.

2. «НЕСООБРАЗНОСТИ» СЮЖЕТА

В «Повести» встречаются несообразности, нарушающие логику повествования, которые, на первый взгляд, могут быть восприняты как следствие забывчивости или неискренности автора. Сюда относится, например, исчезновение со страниц романа друга Исминия — Кратисфена, который до середины VII книги постоянно находился в центре внимания. После того как в VII, 13 Кратисфен умоляет кормчего пощадить Исминю, он неожиданно сходит со сцены, чтобы больше не появляться. Однако затем его имя возникает еще раз в финале, когда Исминий рассказывает жрецу историю своей жизни (XI, 6). Это обстоятельство подтверждает, что подобная странность повествования нарочита и автор не забыл про своего героя и не обнаружил неумения развязать сюжетный узел, так как при желании мог бы сообщить о судьбе Кратисфена, поскольку еще помнил о его существовании в последней книге романа. Аналогичны и другие странности сюжета: родители молодых людей неизвестно почему и каким образом оказываются вдали от своих родных городов, в дафнипольском храме Аполлона, и их появление подается как сам собой разумеющийся и никого не удивляющий факт (X, 10), а молодые люди в XI, 18 без видимой причины перемещаются из Артикомида в Авликомид⁶.

В этой же связи следует рассматривать рассказ о спасении Исминия (XI, 13; IX, 9). Фантастическая для представлений о природе, господствовавших в то время, история о спасении человека дельфином⁷ могла быть введена в роман единственно для того, чтобы, как и в приведенных выше примерах, нарушить житейское правдоподобие⁸ и придать таким образом происходящему оттенок условности, странности, непохожести на то, что бывает на самом деле.

3. ПАРАДОКС

Эту же тенденцию стереть границы действительного и мнимого выражает и парадокс, характерный для натуралистического стиля Евмафия, когда предложение или сочетание складывается из взаимоисключающих друг друга противоположностей, вроде подобных: «язык ее безмолвствует, но

она гово-
сонные
«О, кипи-
даюсь
(XI, 5.3

4. ЭПИ

Встр-
держива

В ст

тератур

с XI в.,

ренно п

Макрем

тофор М

лам и М

ных раз

Олобола

Макрем

У Е

1. О

Деву

пью, не

ка: юно

винной

На э

взором,

время с

застывш

щего и

щего к э

м¹⁴.

Друг

разумом

2. За

Этот

распрост

искать с

ленной у

различн

гласного

знака вс

го о себе

вающего

обходящ

загадок:

⁹ Ср.

¹⁰ Свс

¹¹ Сбс

некоторым

¹² Вир

авторство

¹³ Пер

¹⁴ F.

¹⁵ Ibi

¹⁶ И.

ницы).

⁶ На нелогичность эпизода обратил внимание В. Шмидт (RE, Bd. VI, Sp. 1075).

⁷ Сейчас подобные случаи рассматривают как вполне реальные и объясняют инстинктивной спасательной реакцией животного, вызываемой тонущим телом.

⁸ Особенно посчастливилось этому мотиву в житийной литературе, склонной к описанию разного рода чудес. См., например, мученичества Филимона и Аполлония (AASS, Mart. I, col. 887), Каллистрата (AASS, Sent. VII, col. 192D) жития Мартиниана («Wiener Studien», XVII, 1895, S. 288), Василия Нового (AASS, Mart. II, col. 25*E).

она говорит всем своим обликом и, говоря, безмолствует» (IV, 1.1); «Бессонные мысли об Исмине были моим сном и наслаждением» (V, 14.4); «О, кипение ее души, цепенящее наши души!» (VII, 11.2); «Открыто наслаждаюсь тайной любовью» (IX, 21.3); «Девственник — недевственный» (XI, 5.3, 9) ⁹.

4. ЭНИГМА В «ПОВЕСТИ» И ВИЗАНТИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАГАДКА

Встречающиеся в «Повести» фразы-загадки — одно из средств, под-
держивающих символично-аллегорический характер повествования.

В структуре энигм можно обнаружить параллели с византийской литературной загадкой, составлявшей особый стихотворный жанр, который с XI в., судя по его проникновению в круги читательской элиты, ¹⁰ уверенно прокладывал себе путь в «высокую» литературу. Кроме сборника Макремволита ¹¹, существовали загадки, авторами которых были Христофор Митиленский, Феодор Продром ¹², Василий Мегаломит, Авликалам и Мануил Мосхопул; был распространен также особый жанр стихотворных разгадок — Просуха к загадкам Авликалама и Максима (Мануила), Олобола к загадкам однофамильца романиста, неизвестного нам, по имени Макремволита.

У Евмафия встречаются следующие типы построения фраз-энигм:

1. Объединение исключаящих друг друга противоположностей.

Девушка, как обычно, смешивает вино, а я не как обычно пью и, хотя пью, не пью и, не дотрагиваясь до питья, пью любовь ¹³ (IV, 1.1). Разгадка: юноша касается губами следов губ любимой, оставшихся на краях винной чаши.

На этом же принципе построены загадки Пселла: «Я видел духовным взором, венценосный владыка (Михаил Дука. — С. П.), юношу и в то же время старца, высоко парящего и ступающего по земле, подвижного и застывшего на одном месте, освещающего и приносящего мрак, разрезающего и исцеляющего, одних поднимающего от земли, других прижимающего к земле, спасающего и обрекающего телесной гибели». Разгадка: время ¹⁴.

Другая загадка: «Существо одушевлено, хотя лишено души, озарено разумом, хотя не дышит». Разгадка: корабль ¹⁵.

2. Замена понятия его символом.

Этот тип и у Евмафия, и в византийской литературной загадке наиболее распространен в связи, вероятно, со склонностью византийского человека искать символические связи между явлениями. Даже в широко представленной учено-грамматической энигме, строившейся и решавшейся путем различных операций над словом (отсечение букв, изменение количества гласного в слове или числа слогов), символические связи понятия и его знака все же наличествуют, так как заданное слово в виде рассказывающего о себе или описываемого живого существа оказывается символом скрывающегося в нем понятия. С другой стороны, показательно, что энигмы, обходящиеся без символов и описывающие свой объект по типу русских загадок: «два конца, два кольца, посередине гвоздь» ¹⁶, или мудреного

⁹ Ср. III, 7, 5; IV, 4, 2; VI, 15, 3; IX, 10, 1.

¹⁰ Свой сборник загадок Пселл посвятил императору Константину Дуке.

¹¹ Сборник стихотворных загадок некоего Макремволита ошибочно приписывался некоторыми исследователями Евмафию Макремволиту.

¹² Впрочем, С. Пападимитриу («Феодор Продром». Одесса, 1905, стр. 401) считает авторство Продрома недоказанным.

¹³ Переводы из Евмафия сделаны по указ. изд.

¹⁴ F. Boissonade. Anecdota graeca. Paris, 1831, III, p. 430, № 3.

¹⁵ Ibid., p. 434, № 14.

¹⁶ И. Сахаров. Сказания русского народа, т. 1, 1841, кн. II, стр. 93, № 35 (ножницы).

вопроса: «чего через избу не перекинешь?»¹⁷, не встречаются среди византийских литературных загадок. О подобного рода заменах понятия символом дают представление следующие примеры:

«Не срезай до срока колосьев, не срывай розу, пока она не раскрылась, не тронь зеленого винограда, чтобы вместо нектара не получить укуса. Ты срежешь колос, но когда нива заколосится; сорвешь розу, но когда она раскроется; соберешь виноград, но когда увидишь, что гроздья потемнели» (V, 17.1). Девушка скрывается в образе колоса, розы, неспелого винограда.

Или: «Зевс, отец, не лишай меня глаз, не гаси моего светоча, не подсекай под корень колос, не срезай локон всего моего рода» (VI, 10.4). Под глазами, светочем, колосом и локоном разумеется Исмина.

Аналогично построена загадка Василия Мегаломита: «Существо женского рода наделено голосом и речью, держит и скрывает в своем лоне малюток; они безгласны и не умеют говорить, но речь их отчетлива и громка»¹⁸. Под существом с малютками в лоне автор подразумевает книгу, под малютками — буквы.

Вариантом такого типа структуры является другая энигма Евмафия с более необычной и сложной системой образов:

«Она (Исмина. — С. П.) в этот миг кусает мой рот, все свои зубы зарыв (буквально: посеяв) в него, а у меня в душе вырастают Эроты свирепее гигантов» (IV, 22.1).

В основе этой загадки лежит миф об аргонавтах: Исмина уподоблена Ясону, засевающему землю зубами дракона, а душа рассказчика — земле, из которой вместо свирепых гигантов мифа вырастают Эроты, т. е. любовь.

3. Принцип грамматического ребуса.

«Как живописец сохранил в природе девы ее наименование, так и в наименовании передал ее природу» (II, 6.4).

Здесь речь идет об аллегорической картине, на которой изображена одна из четырех кардинальных добродетелей, мужество, в образе девы-воительницы; поэтому мощное телосложение и воинский убор обличают в этой фигуре воплощаемое ею качество, а наименование (*ἀνδρεία*, мужество — существительное женского рода) — ее пол.

4. Загадки, снабженные отгадками.

Тут же невиданный дотоле огонь, жрец и алтарь; огонь — это море, волны — жертвенник, прекрасный кормчий, послушный морскому обычаю, — жрец, а жертва (о, мое сердце, не разорвись от печали!) — дева Исмина (VII, 12.3).

Проводить параллели из области литературных загадок излишне, поскольку все они непременно снабжались отгадками: последние, судя по *Λύσεις* Просуха и Олобола, могли даже составлять, как уже было сказано, особый литературный вид.

5. Случаи, не связанные с поэтикой загадок, но восходящие к традиции энигм и гриффов.

«Пусть уста моего отца не поглотят у тебя тех нежностей на моих губах, которые тщетно служили нашей любовной игре, пусть не похитят с губ меда, который я, трудолюбивая пчела, напрасно для тебя накопила, пусть не будут столь жадны, чтобы поглотить столько ласк, которые мы, играя, напрасно расточали» (VI, 8.1).

Эта прихотливая и темная словесная связь выражает пожелание Исмины, чтобы ее предстоящий брак с другим, неожиданно объявленный отцом, не заставил Исминия забыть об их любви.

Использование структурных форм литературной энигмы — органичное

Ветх
ских ав
ствовал
историч
ной дре
аллюзии
Ведь мы
реалии
на, цита
чудлива

Даже
чисто ор
торого п
ли событ
ветхозав
эпизоды
и жены
или девс
схемы же
благоже
зом жен
некоторы
пытка со
гинте, у
только м

Е

1. Тут не
говорит ме
она перед
рабыня лк
чего не отг
дорожил л
одну лишь
кале. Как
со мною, к
ня господи
рукой, сл
передать.

19 С. П.

20 Наг
10; III, 7.4
примере, п
вающей по
библейской
1 = Ion.,
21 Н. С

genesischick

13 Византи

¹⁷ И. Сахаров. Сказания русского народа, т. 1, кн. II, стр. 97, № 109 (перо).

¹⁸ F. Boissonade. Op. cit., p. 450—451, № 39.

явление в романе, чей внешний сюжет являлся лишь, как во всякой аллегории, формой внутреннего ¹⁹.

5. ОТРАЖЕНИЯ СЕПТУАГИНТЫ

Ветхозаветный материал влиял на огромное большинство византийских авторов. У Евмафия он был подчинен общему замыслу, т. е. способствовал восприятию происходящих в романе событий и образов как вне исторических данностей или застывших символов. В обстановку абстрактной древней Греции, избранной фоном действия, библейские цитаты и аллюзии вторгались как анахронизмы несколько необычного характера. Ведь мы привыкли к тому, что в произведениях средневекового искусства реалии своего времени проецируются на античные или библейские времена, цитаты же из Ветхого завета в устах древних греков — еще одна причудливая черта экстравагантного романа Евмафия.

Даже отдельные цитаты и лексические ассоциации с Септуагинтой чисто орнаментального характера ²⁰, оказавшись в романе, действие которого приурочено к дохристианской античности, в известной мере ставили события над временем. Особенно же отчетливо их роль видна там, где ветхозаветные модели формируют ситуации и образы. Сюда относятся эпизоды соблазнения Исминия, построенные по образцу истории Иосифа и жены Потифара (Gen., 39), хотя самый мотив соблазнения праведника или девственника принадлежит к числу международных ²¹. Кроме общей схемы событий — соблазнения юноши-раба женой относящегося к нему благожелательно господина, клеветы на юношу оскорбленной его отказом женщины и благополучного разрешения конфликта — совпадают и некоторые частности: душевные терзания чистого героя и напрасная попытка соблазнительницы удержать его, схватив за одежду. Как в Септуагинте, у Евмафия речь идет о ряде попыток соблазнить юношу; перемещен только мотив клеветы, который в романе отнесен к началу истории.

Eumath., VIII, 16 сл.

Gen., 39, 7 сл.

1. Тут нежданно появляется госпожа и говорит мне: «Зачем ты так плачешь? Вот она перед тобой: я — твоя владычица и рабыня любви, буду тебе Исминей». Ничего не ответив, я тотчас убежал, так как дорожил любовью одной лишь Исминии и одну лишь ее отражал в себе, как в зеркале. Как госпожа пыталась заигрывать со мною, как упорно осаждала, как на меня господину клеветала, как грозила мне рукой, словами, кивками, это я боюсь передать.

И обратила глаза на Иосифа жена господина его и сказала: «Ложись со мной». А он не хотел и сказал жене господина: «Если господин мой при мне ни о чем в своем доме не знает и передал все, что есть у него, в мои руки, нет большего, чем я, в этом доме, и ничто он не запретил мне, кроме тебя, ибо ты жена его, как же сделаю такое злое дело и согрешу перед богом?» Когда она говорила с Иосифом ежедневно, а он не хотел ложиться с ней и быть с ней, случился такой день,

¹⁹ С. Полякова. Византийская любовная проза. М. — Л., 1965, стр. 127 сл.

²⁰ Например: II, 23. = Psal. 17.14; II, 2, 4 = Cant., I, 11; II, 14.5 = Psal. 138.7—10; III, 7.4 и V, 14.5 = Is. I, 8 (образ женщины-города, встречающийся в указанном примере, широко распространен в Ветхом завете. Относящиеся сюда места с исчерпывающей полнотой приведены в статье: И. Г. Франк-Каменецкий. Женщина-город в библейской эсхатологии. — Сб. в честь акад. С. Ф. Ольденбурга. Л., 1934); VII, 16. 1 = Ion., 1, 15; IX, 22.4 = Cant., IV, 11; X, 11.8 = Psal. 41.2—3.

²¹ H. Günter. Psychologie der Legende. Studien zu einer wissenschaftlichen Heiligungsgeschichte. Freiburg, 1949, S. 57.

Снова госпожа, словно в исступлении, безумствует от напасти, страсти ко мне, рабу. Бесстыдно обняв меня, она пытается поцеловать. Я от стыда закрыл лицо: мне было совестно, боги свидетели, и своевольной госпожи, и рабыни Исмины, и самого Целомудрия. Но госпожа тащит меня, вцепившись в мой хитон, а я, раб, не давал себя тащить и изо всех сил вырывался.

В обоих случаях, когда Евмафий касается этого сюжета (VIII, 16 сл. и X, 6), изложение носит конспективный характер, и часть эпизодов опускается совсем — автор не мог сомневаться, что всякий с легкостью дорисует хорошо ему известную картину; поэтому события, следующие за сценой искушения в VIII, 16, введены риторической формулой: «Как госпожа... я боюсь передать».

Мы располагаем свидетельствами, что средневековые читатели ощущали подобного рода аллюзии; одно из них таково: в житии Мелетия Минопольского Феодор Продром, повествуя о том, как распутница пыталась искушить монаха, но была им отвергнута, пишет: «Вы видите здесь Иосифа и его египетскую госпожу, ее страсть и ее на нем насилие, притягивание к себе и отталкивание, целомудрие юноши, разрывание хитона и бегство от зла»²².

В обрисовке Исмины сказывается влияние «Песни песен» и это, несомненно, тоже не ускользало от читающего; что дополнительно придавало этому образу антибытовой, отвлеченно-символический характер, сближая ее с фигурой Суламифи:

Eumath., IV, 24, 4
... καὶ ὡς ἐκ σίμβλου τοῦ
χείλους τῆς κόρης μέλι
γλυκάζον ἐτρύγων τοῖς
χείλεσι

VII, 17, 11
μέμουκέ σου τὸ στόμα, τὸ
σίμβλον τοῦ μέλιτος

V.7.1
φῆσαι παρθενίας ἐμῆς... μὴ
(τρυγῆσης) τὴν σταφυλὴν
σομφακίζουσιν

VI.8.3
σὺ τὴν ἐμὴν ταύτην Ὑσμίνην
ἐρωτικῶς κατεχίπτουσας· σὺ
μοι καὶ φραγμὸν περίθου τῷ
κήπῳ, μὴ χεῖρ ὁδοιποροῦντος
ρυγῇσῃ με.

что Иосиф вошел в дом делать свое дело, а там, в доме, не было никого из домашних, она потянула его за гиматий и сказала: «Ложись со мной». И, оставив свой гиматий в руках ее, он побежал и выбежал вон. Она же увидела, что он оставил гиматий в ее руках и побежал, и выбежал вон, вышла и позвала домашних, и сказала: «Глядите, он привел в дом к нам раба-иудея, а тот ругается над нами».

Cant., IV, 11
κηρίον ἀποστάζουσιν χεῖλη
σου, νόμφη,
μέλι καὶ γάλα ὑπὸ τῇ
γλῶσσᾳ σου.

I, 6
ἀμπέλωνα ἐμὸν οὐκ ἐφύλαξα
(под виноградником подразумевается девственность)

IV, 12
κήπος καλλιεσμένος
ἀδελφῇ μου νόμφη.

²² ППС, № 17, 1886, стр. 58, 27.

Г. В. АЛФЕРОВА

КОРМЧАЯ КНИГА КАК ЦЕННЕЙШИЙ ИСТОЧНИК ДРЕВНЕРУССКОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА. ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБЛИК И ПЛАНИРОВКУ РУССКИХ ГОРОДОВ

Вплоть до недавнего времени среди изучающих «Кормчую книгу» не было архитекторов. Этим объясняется, что тексты, связанные со строительством, не были в ней обнаружены и переведены на современный русский язык. Лингвистов эти тексты не заинтересовали. Кроме того, ряд фрагментов «Кормчей книги», как, например, 38-й раздел (грань) 49-й главы, именуемый «Закон градский», заключающий градостроительное законодательство, представлял, как казалось лингвистам, непреодолимые трудности для перевода¹. Эти трудности возникли потому, что в XIX в. понимание древнерусского технического языка было полностью утрачено. Перевести строительный текст XII—XIII вв. только силами лингвистов, без участия историков архитектуры, было действительно невозможно.

Примером плохого перевода градостроительных текстов с греческого на русский, сделанного лингвистами прошлого века без помощи архитекторов, может служить византийский труд — «Шестикнижие», фессалонийского адвоката Константина Арменопула (XIV в.)². Перевод настолько слаб, а порою и просто бессмыслен, что уловить по нему существо византийского градостроительного законодательства почти невозможно.

Следует отметить, что в середине XVII в. законоположения Константина Арменопула переводились на славянский язык Епифанием Славинецким³. Однако этот перевод не был опубликован и совершенно забыт в XIX в.⁴ Таким образом, в период становления истории русской архитектуры как науки градостроительное законодательство, бытовавшее на Руси с глубокой древности, было полностью забыто. Это привело историков архитектуры к неправильным представлениям о методах создания, развития и реконструкции городов Древней Руси, более того — к отрицанию наличия на Руси градостроительного искусства. Укрепилась гипотеза о якобы стихийном возникновении и развитии древнерусских городов и поселений, и, таким образом, градостроительное искусство Древней Руси полностью выпало из поля зрения ученых. Трудности изучения древнерусского градостроительства усугублялись тем, что правительство в конце XVIII в. в практику реконструкции русских городов начало внедрять хорошо изученные западноевропейские градостроительные принципы.

¹ М. Бенеманский. Закон градский, вып. II. М., 1917, стр. 238. Перевод этого текста см. ниже. Градостроительство Древней Руси разрабатывается автором в Научно-исследовательском институте теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры. Натурные обследования городов начали производиться в 1972 г.

² Константин Арменопул. Перевод ручной книги законов, или так называемого Шестикнижия. СПб., 1834, 1854; Одесса, 1908.

³ ЦГАДА, ф. № 181, д. № 289, 1691 г.

⁴ Он был подарен в 1695 г. воеводе Архангелогородскому и увезен на Север. После революции этот перевод поступил на хранение в ЦГАДА.

Начали чисто административным путем заменять западной регулярной геометрической планировкой исконно русскую нерегулярную, живописную планировку городов, возникшую еще в Древней Руси. Эти правительственные мероприятия мотивировались тем, что якобы стихийно сложившиеся планы русских городов нуждались в замене разумной градостроительной системой, в основе которой лежали замысел, расчет и законодательство.

Изучение текстов «Кормчей книги» показывает несостоятельность этой историко-градостроительной концепции и необоснованность градостроительных мероприятий Екатерины II. Внимание архитектора в «Кормчей книге» прежде всего привлекают постановления IV Вселенского Халкидонского собора 451 г., подтвержденные затем поместным Карфагенским и VI Вселенским соборами (680 г.). Они касаются выделения специальных территорий в городах и селах, передаваемых во владение церквям при закладке городов. Из этих постановлений становится ясным наличие в V в. в Византии градостроительного законодательства: «Если поставится... город по царскому повелению, по городскому мирскому уставу, то последует и чин (порядок) церковных наделов»⁵ — гласит 17-е правило соборного постановления IV Халкидонского собора.

В самой ранней «Кормчей книге» X в. — «Номоканоне 14 титулов», получившей широкое хождение на Руси, постановление Халкидонского собора записано немного иначе: «Если же некий город будет обновлен или вторично обновлен, согласно городскому, мирскому закону, то да будет соблюден и чин церковных наделов»⁶.

В первую очередь нас интересует, отразилось ли греко-византийское законодательство на практике русского градостроительства. Из приведенного текста следует, что реконструкция городов, их обновление, происходило на Руси «согласно городскому мирскому закону». Реконструировать русский город по определенным правилам имело смысл только в том случае, если в городе при его закладке осуществлялись определенные градостроительные принципы, которые необходимо было сохранить.

Изучение многочисленных экземпляров «Кормчей книги», имевшихся в разных русских городах⁷, позволяет установить, что 38-й раздел 49-й главы «Закона градского» представляет собой один из тех «Мирских законов», на которые ссылается постановление IV Халкидонского Собора. Закон называется: «О построении новых домов и об обновлении ветхих и других предметах»⁸⁻⁹. Этот закон затрагивает все стороны благоустройства и реконструкции средневекового города. Градостроительное законодательство, которое в составе русских «Кормчих книг» мы неизменно находим начиная с XIII в., имеет значительно более раннее происхождение. В его основе лежит византийский «Прохирон», или «Ручная книга законов», написанная в 878 г. Василием Македонянином. К этой «книге» приложен в византийском подлиннике строительный закон X в. — «Закон Эпарха» (управителя города).

В 1893 г. женевский профессор Ж. Николь открыл в библиотеке Женевы рукопись № 23, в которой содержится градостроительный трактат V в. Юлиана Аскалонита «О законах или обычаях Палестины»¹⁰. Трактат был недавно переведен на русский язык М. Я. Сюзюмовым¹¹. В свою очередь этот трактат, имеющий много общих положений с градостроительным законодательством в составе «Кормчей книги», ссылается на более ранние

⁵ Кормчая книга 1650 г. (Иосифовская), л. 100.

⁶ Номоканон 14 титулов, стр. 120.

⁷ Наиболее полное собрание «Кормчих книг» (около 200) хранится в рукописном отделе Гос. библиотеки им. В. И. Ленина.

⁸⁻⁹ Кормчая книга 1650 г., стр. 695.

¹⁰ J. Nicole. Le livre du Péfet. Genève, 1893, p. 67—75.

¹¹ М. Я. Сюзюмов. О трактате Юлиана Аскалонита. — Сб. «Античная древность и средние века», вып. 3, ч. 1. Свердловск, 1960, стр. 18.

постановления, например на градостроительные постановления императора Зенона, три книги Патиниана и др.¹²

Одним из наиболее важных положений трактата Юлиана Аскалонита является закон апопсии (которого нет ни в римском, ни в западно-европейском законодательствах). Закон апопсии сформулирован в четырех параграфах (47—50): «О виде на местность, который представляется из дома», «Относительно видов на сады», «Относительно общественных памятников», «О виде на горы и море». Согласно этому закону, каждый живущий в городе может не допустить строительства на соседнем участке, если новый дом нарушит взаимосвязи наличных жилых сооружений с природой, морем, садами, общественными постройками и памятниками. Византийский закон апопсии ярко отразился в русском архитектурном законодательстве «Кормчих книг», хотя и не носит в них этого греческого названия.

Анализируя 38-ю грань 49-й главы «Закона градского», действовавшего на Руси, легко выявить градостроительные аспекты, которые рассматриваются в этой главе. В первую очередь внимание закона обращено на взаимосвязь построек города друг с другом и с природой. Иначе говоря, закон апопсии поставлен во главу угла не только в византийском законодательстве, но и в русском.

Русское законодательство начинается с философского рассуждения о том, что каждый новый дом в городе влияет на облик города в целом. «Новое дело творит некто, когда хочет или разрушить, или изменить прежний вид». Поэтому новое строительство или перестройка существующих ветхих домов должна производиться с разрешения местных властей города и согласовываться с соседями: в § 4 закона запрещается лицу, обновляющему старый, ветхий двор, изменять его первоначальный вид, так как если будет надстроен или расширен старый дом, то он может отнять свет и лишит вида («прозора») соседей.

Не случайно примером идеально построенного города «Закон Градский» называет Константинополь. В его создании принимали участие византийские императоры Зенон, Юстиниан и др., оказавшие воздействие на законодательство вообще, в том числе строительное и градостроительное.

В 36-м правиле VI Вселенского собора говорится, что «после Римского старшинства да будет наравне с ним приниматься старшинство Константина города»¹³; а в толковании к этому правилу разъясняется, что «после римского престол Константина града является вторым по времени, а не по старшинству... Поэтому-то царями и боярами (вельможами) читится град сей и [он] принял старшинство наравне с древним Римом»¹⁴.

Закон предписывает брать за образец в русских городах композицию и планировку Константинополя. В § 5 говорится о необходимости, как в Константинополе, неизменно соблюдать между домами расстояние в двенадцать стоп. Это обосновывается тем, что при таком расстоянии одного дома от другого все люди, живущие в городе, получают возможность, даже находясь в своем дворе, видеть природу в Константинополе и море. Здесь же говорится и о том, что если расстояние между дворами будет больше двенадцати стоп, то строить разрешается, ибо тогда «прозор» на природу (море) не будет загорожен.

В § 6 развивается та же мысль. Здесь речь идет о видах на природу из города, с его улиц, площадей, лестниц. В качестве образца опять берется Константинополь и его центр в пределах Ста Столпов. Закон предупреждает, что строящий в центре города в случае несоблюдения расстоя-

¹² Там же, стр. 34.

¹³ Кормчая книга 1650, л. 185 об.

¹⁴ Там же, л. 186.

ния между домами в двенадцать стоп может непредвиденно загорodить соседу вид на природу.

Эти положения, высказанные и в других местах законодательства, позволяют утверждать, что русский город, как и византийский, закладывался с соблюдением модуля. Таким модулем были двенадцать стоп. Размер этой меры длины пока не установлен. Из закона следует, что тому же модулю подчинялись и размеры зданий. В § 9 указывается, что каждый начинающий строить свой дом должен его измерить, и если он будет более двенадцати стоп в длину на тесном или на просторном месте, то строящий ничего не может прирезать к нему от свободного городского пространства, даже в том случае, если закон позволяет, чтобы его дом имел в длину более двенадцати стоп.

Существенное место в древнерусском законодательстве занимает вопрос сквозного проветривания города. Это достигается путем постройки зданий с соблюдением расстояния между дворами согласно установленному модулю. В том же § 9 говорится, что между дворами необходимо соблюдать расстояние двенадцать стоп. Если это расстояние не было соблюдено предыдущими строителями и между ветхими домами воздух «затеснен», увеличивать в размерах постройки в этой части города категорически запрещалось.

Через весь документ проходит запрещение вести в городах строительство так, чтобы одно лицо вредило другому. Особенно это видно в § 13, где говорится, что если кто-либо обновляющий рухнувший двор восстанавливает его так, что отнимет свет у соседских окон, или чем-нибудь еще навредит соседям, то его принудят перестроить новый дом и сделать его таким, каким он был. В законе многократно говорится о том, что не следует новой постройкой или перестройкой творить «пакость соседу». С этих позиций рассматривается вопрос о расположении в доме окон и прорубании новых. § 11 запрещает, в случае если их не было прежде, делать большие окна в новых домах, если между дворами будет менее десяти стоп.

Размеры улиц и площадей русского города также определялись модулем. Земли, отведенные под городские магистрали, в § 9 узаконивались как неприкосновенные, даже в том случае, если они оказывались большими по размерам, чем было установлено законом. Категорическое запрещение прирезать земли, отведенные под улицы и площади, к частным дворам без царского повеления, посланного городскому правителю, записано в § 34. Если же кто-либо осмеливался сделать это, он обязан был захваченную землю вернуть в городское управление.

Значительное внимание уделено совместному владению одним домом. § 3, 4, 7, 11, 13, 14, 15 оговаривают все возможные случаи недоразумений, которые могут возникнуть между владельцами. Если здание принадлежит нескольким лицам и одному из них дано какое-либо «позволение», то считается, что оно законно и относится ко всем владельцам. Если же один из владельцев нарушил закон, то в ответе он один, другие владельцы к ответственности не привлекаются. В § 11 говорится, что общие стены ни один из владельцев не может разрушить или обновлять без согласия совладельцев, ибо он не единственный хозяин. В § 7 указывается, что один из совладельцев не может против воли других принуждать совершать ремонтные работы в общих домах. В градостроительном плане интересен § 14, в котором говорится, что если дом принадлежит нескольким лицам и они владеют различными этажами этого дома, то закон разрешает надстройку верхних этажей, лишь бы нижние стены выдержали это. Однако ни печи, ни поварики никто не может ставить так, чтобы топка проходила через общую стену, так как огонь причиняет ей вред.

О необходимости соблюдения требований гигиены сказано в § 18. Запрещается делать отверстия в доме, из которых выходил бы дым и причинял вред живущим выше. Недопустимо, чтобы проживающие в верхних

этажах лили воду или высыпали нечистоты и причиняли вред живущим внизу. Интересно заключение этого параграфа, которое рекомендует жителям города поступать с соседями так, как они поступают у себя дома, а далее — угроза: «Иначе он подлежит суду за смрадные нечистоты». Заслуживает внимания и отношение к деревьям внутри города. В § 50 рекомендуется сажать маслину и смоковницу на расстоянии девяти стоп от чужой границы, другие же деревья — на расстоянии пяти стоп; в § 20 говорится, что если дерево одного жителя города пустило корни во двор другого, то последний имеет право повелением князя его срубить. Еще раз законодательство говорит о садах в § 24 в связи с прокладкой канализации из гончарных труб. В случае если трубы канализации («истрены»), проходящие через сад, неисправны, хозяин сада обязан выкапывать пропитанную смрадом землю и постоянно очищать сад от зловония.

Вопросам канализации и водопровода русский закон уделяет много внимания. Закон касается как вопросов прокладки труб водопровода и канализации, так и способов их эксплуатации. Так, в § 16 указывается, что если источник, откуда проводят воду, на некоторое время пересохнет, а вскоре вновь возвратится в свое русло и вода опять потечет, то можно продолжать работы по прокладке водопровода на прежних основаниях.

Здесь устанавливаются и законодательные принципы пользования водой. § 35 говорит о том, что водой в городе должны быть обеспечены все и никто не имеет на нее монопольного права.

Предусмотрен вопрос и оплаты за проведенный водопровод. В § 36 сказано, что если один из совладельцев потратился на починку общего водопровода, то он имеет право потребовать, чтобы его сосед принял участие в издержках. Условия проведения водопровода через поле другого хозяина освещены в § 45, 46. В § 47, 51 оговариваются технические условия проведения водопровода.

Не меньше внимания уделено канализации. В § 23 и 24 сказано, что если будет нужно починить подземные гончарные трубы, которые идут от отхожего места («походницы»), то каждый должен исправить трубы, идущие от его отхожего места, и довести их до общей клоаки.

Жители города, согласно § 48, должны содержать в порядке свой дом. В течение 5 — 10-летнего срока владения они обязаны производить ремонт, который от них должно требовать городское управление. Вопросы эти оговариваются при купле и продаже дома.

Подробно и основательно оговариваются сроки давности владения домом и усадьбой, условия их купли и продажи в § 38—41.

Особый интерес вызывает § 55, где говорится о взысканиях за нарушение границ. Судье рекомендуется вести расследование путем опроса лиц, помнящих старые границы, или на основании сохранившихся записей, составленных до начала расследования. «Если границы были изменены различными строителями и по замыслу лиц, временно владеющих, тогда следует принять те границы, которые были установлены строителями, а не первоначальные».

В конце XVIII в. по указу Екатерины II была сделана попытка реконструировать живописные нерегулярные древнерусские города путем наложения на них геометрической сетки улиц. Комиссия И. И. Бецкого¹⁵, которой была поручена эта работа, прежде чем составить проект перепланировки, сняла с 450 древних городов Руси топографические планы¹⁶. Хотя, как правило, проектирование новой сетки улиц производилось без

¹⁵ Иван Иванович Бецкой после восшествия на русский престол Екатерины II разрабатывал и осуществлял план генерального перевоспитания России по западноевропейскому образцу. С 70-х годов XVIII в. он занялся перепланировкой древнерусских городов.

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи. Книга чертежей и рисунков. Планы городов. М., 1837.

учета планировки старого города, однако оно велось на исторической подоснове — топографических планах. На проектах перепланировки древнерусских городов пунктиром был показан старый план города, а поверх него, широкой линией, — проектируемый. Эти совмещенные планы были утверждены правительством. В 1837 г. весь материал был опубликован в Полном собрании законов Российской империи. На основании этого материала, широко известного современным градостроителям, сложилось неверное представление о том, что на Руси не сохранилось ни одного древнего города, не претерпевшего серьезной реконструкции в XVIII и XIX вв. В XIX и XX вв. влияние западных градостроительных традиций в России так возросло, что интерес к градостроительству Древней Руси практически угас. Тем более, что лишь немногие ученые предполагали наличие в нем художественного замысла¹⁷.

Градостроительные ошибки нашего времени, допущенные крупными талантливыми зодчими при реконструкции русских исторически ценных городов, особенно Москвы, заставили автора искать причину этих ошибок. Поиски в этом направлении привели к открытию восточной градостроительной системы, построенной на иных принципах, чем западная¹⁸.

Стало очевидно, что некоторые неудачи возникли потому, что на восточную градостроительную систему, имевшую глубокие исторические традиции, накладывалась несовместимая с ней западноевропейская. В результате в реконструируемых древнерусских городах произошло столкновение двух градостроительных систем, двух градостроительных несовместимых принципов. Победа в этом столкновении западной градостроительной мысли произошла потому, что западноевропейская система оказалась очень хорошо изученной, восточная же — совсем неразработанной. Это одна из причин, почему зодчие и наших дней пошли по пути наименьшего сопротивления.

Анализ многовекового градостроительного искусства говорит о том, что наиболее плодотворные результаты получались тогда, когда последующие поколения в строительной деятельности, исходя из позиций творческой преемственности, понимая свою задачу как продолжение труда предшествующих мастеров, не отвергали всего созданного ранее. При таком подходе к городу как живому организму, созданному поколениями зодчих, он не утрачивал непреходящих ценностей, а напротив, в нем сохранялись градостроительные достоинства¹⁹.

Однако процесс сохранения традиций в сложном организме города в различные периоды его жизни требовал устойчивых градостроительных правил, которые передавались бы из поколения в поколение. Нужны были выработанные и узаконенные методы возведения городов, которые могли возникнуть только при наличии большого градостроительного опыта.

Даже скудные сведения Лаврентьевской и Ипатьевской летописей и ряда документов, касающиеся строительства городов в более позднее время, позволяют предположить наличие в Древней Руси такого градостроительного опыта. Лаврентьевская летопись говорит о закладке Владимиром Святославичем в 991 г. города Белгорода как о чем-то обычном: Владимир «заложил град Бельгород и наруби в нь от инех городов, и много людей сведе в онь, бе бо любя град съ»²⁰. Эта же летопись рассказывает

¹⁷ Л. М. Тверской. Древнерусское градостроительство до конца XVII века. Л.—М., 1953, стр. 20—25.

¹⁸ Г. В. Алферова. Кормчая книга и закон градский. — «Художник», 1971, № 7, стр. 38.

¹⁹ См. К. Ф. Князев. Русское градостроительное наследие, I, 1972, изд-во «Знание», стр. 6, 8.

²⁰ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897, стр. 119.

о строит
он посе
также п
рассказ
иноязыч
жаху ис
меди и

Прие
докумен
дов Вор
сохрани
правлен
князем
острожи
место за
он деи г
с Мяснь

Цель
крестья
постной

В че
ковым
планир
звolyют
и внеш
Илья I

Как
в город

Прея
шие дре
зать пре
вентари
рода жд

Дали
со значи
лярной
регуляр
городе,
то расч
чительно
город за
жествен
городов
жен от
стем гор

Худо
при на
в восточ
строител
ность, ч
тысячел
христиан

21 Та

22 Ле

23 ЦГ

ло выбор
XVI — на

о строительстве в 1032 г. на Руси Ярославом Мудрым городков²¹, в которые он поселял пленных поляков. Картина заселения города Холма в 1259 г. также подтверждает, что он строился по задуманному плану. Летопись рассказывает, что князь Даниил «нача призывати прихожае Немцы и Русь, иноязычники и Ляхы; идяху день и во день, и уноты и мастера всяции бежаху ис Татар, седельници, и лучници, и тульници, и кузнеце железу и меди и серебру»²².

Приемы строительства городов значительно полнее раскрываются из документов XVI в., сохранившихся при закладке на новом месте городов Воронежа и Ельца (после разрушения их татарами в 1590 г.). В делах сохранилась челобитная мастера городского дела Ильи Катеринина, направленная царю Федору Ивановичу в 1592 г.: «Послан он с воеводою со князем Ондреем Звенигородским в 100-м году на Елец для городовые и острожные сметы, и он-де город и острог сметил и под город и под острог место занял. Да он же дейн посылаин к Ывану к Мясному города делать, и он деи город и острог со князем Ондреем Звенигородским, да с Ываном и с Мясным город и острог зделали...».

Целый ряд дел посвящен заселению города казаками и их семьями, крестьянами с детьми и женами, которые в этом случае выходят из крепостной зависимости помещиков.

В челобитных, поданных царю воронежским воеводой Иваном Кобяковым и казачьим головой Борисом Хрущевым, содержатся сведения о планировке города и о ходе строительных работ в 1594 г., которые позволяют ясно представить весь комплекс оборонительных сооружений и внешний облик Воронежа в конце XVI в. Этот город также строил Илья Катеринин²³.

Как же законодательство Древней Руси IX в. нашло свое отражение в городах, сохранивших древнюю, нерегулярную систему планировки?

Прежде всего необходимо выявить города или их районы, сохранившие древнюю планировочную структуру, к которой необходимо привязать пространственную видовую организацию города. «Ландшафтная» инвентаризация города была проведена только в Каргополе. Остальные города ждут своих исследователей.

Дальнейшее изучение нерегулярных городов и их частей сопряжено со значительными трудностями. Период существования на Руси нерегулярной системы планировки охватывает более двух тысячелетий. Если регулярную и нерегулярную систему легко можно отличить в русском городе, да, кроме того, она зафиксирована письменными источниками, то расчленив по эпохам нерегулярную планировочную структуру значительно труднее. Есть еще и другая трудность. Дело в том, что, видимо, город замысливался его строителями в объемно-пространственных художественных закономерностях, план же при таком способе возведения городов становился производным, вторичным. Поэтому исследователь должен от анализа планов перейти к анализу пространственно-видовых систем города.

Художественные образы городов, их силуэты, вписанные в природу, при наличии различных градостроительных законодательств, которые в восточной градостроительной школе не сковывали творческий импульс строителей, видимо, были очень разнообразны. Не исключена возможность, что при широкой градостроительной деятельности славян в первом тысячелетии нашей эры, о которой говорят скандинавские саги, уже в дохристианский период имелись связи с Византией. Для византийского

²¹ Там же,

²² Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871, стр. 558.

²³ ЦГАДА, ф. 141. «Приказные дела старых лет», оп. 1, д. 1, 1592—1594 гг. А. З. Дело выборочно опубликовано Г. Н. Анпиловым («Новые документы о России конца XVI — начала XVII века». М., 1967).

искусства характерно глубокое проникновение в него языческих художественных принципов — в отличие от Западной Европы, где христианство смело античность. Русь, подобно Византии, многое рациональное взяла от язычества и сохранила как в жизни, так и в искусстве. Весьма возможно, что утверждение на Руси норм и правил христианства существенно не изменило градостроительного искусства, поскольку принципы его на Руси были известны задолго до официального принятия греко-византийского градостроительного искусства.

Изучая становление и развитие художественных и пространственно-видовых закономерностей Древней Руси, не следует забывать и того, что Россия пережила четыре крупных исторических периода, существенно отличавшихся друг от друга, которые не могли не отразиться на градостроительном искусстве, даже при соблюдении традиций и преемственности. Эти этапы следующие: дохристианская Русь, Киевская Русь, период феодальной раздробленности и период складывания централизованного Московского государства. Вот что говорит по этому поводу П. П. Смирнов: «Домосковская русская древность знала три основных типа поселков: 1) поселение своеземческое свободных людей на свободной земле; 2) поселение несвободной челяди на территории несвободной и 3) наконец, поселение свободного населения на несвободной владельческой земле. Кроме того, могли быть и смешанного вида поселения. Каждый поселок мог быть укреплен и превращен таким образом в город. С глубокой древности существовали своеземческие «земские», «волостные» и «вечевые» города, так же возникали города «холопы», «владельческие» и «города слободы» или «новые владельческие города»²⁴.

Естественно возникает вопрос: какую планировочную структуру имели все эти города, какие пространственные художественные образы и силуэты возникали в результате строительства городов различными социальными группировками.

Несомненно, что большая часть городов, как правило, закладывалась сразу в определенной градостроительной системе. Только немногие из них перерастали из деревни в город. Дальнейшая их реконструкция и развитие также осуществлялись с определенных узаконенных позиций. Видимо, с момента христианизации Руси это стало более действенно, так как контролировать начала церковь.

Я. Н. Шапов выявил, что «закон градский» имел распространение в X—XIII вв. в основном в церковной среде. С XIV в. он широко используется в светских кругах. Московское государство XVI—XVII вв. неоднократно его вновь переводит. Патриархи Иосиф и Никон в 1650—1653 гг. типографским путем издают наиболее древнюю «Кормчую книгу» Ростовской фамилии 1274 г. Целый ряд параграфов древнерусского градостроительного законодательства включен в Соборное уложение 1649 г.²⁵

Новые градостроительные постановления, в которых, как и в западноевропейских постановлениях, отсутствует всякий интерес к эстетической стороне поселений, издавались Петром I и его преемниками²⁶.

На данном этапе исследования изучать можно пока лишь нерегулярные русские города конца XV—XVII в.

При обследовании автором древнерусских городов выяснилось, что многие из них частично или полностью сохранили древнюю нерегулярную планировочную систему и своеобразный метод расстановки зданий на местности. Таковы Москва, Вязьма (рис. 1), Смоленск, Гороховец,

²⁴ П. П. Смирнов. Города Московского государства, т. I, вып. 1. Киев, 1917, стр. 1—2.

²⁵ Я. Н. Шапов. Распространение Кормчей книги на Руси. — Доклад на заседании сектора Истории АН СССР в 1972 г.

²⁶ А. Г. Введенская. К истории планировки русской деревни XVIII в. и первой половины XIX в. — «Труды Государственного исторического музея», вып. V, М., 1941.

художественное
построение
весьма
шесть
стиль
греческой

венно-го, то, что, в
период
Смир-
посел-
земле;
конеч,
земле,
древ-
евые»
орода

структуру
образы
ми со-
аглась
из
и раз-
иции,
о, так

нение
ко ис-
II вв.
1650—
«книгу»
о гра-
49 г. 25
пано-
ческой

гулар-
б, что
гулар-
зданий
Ховец,

в, 1917,
седании
первой
... 1941.

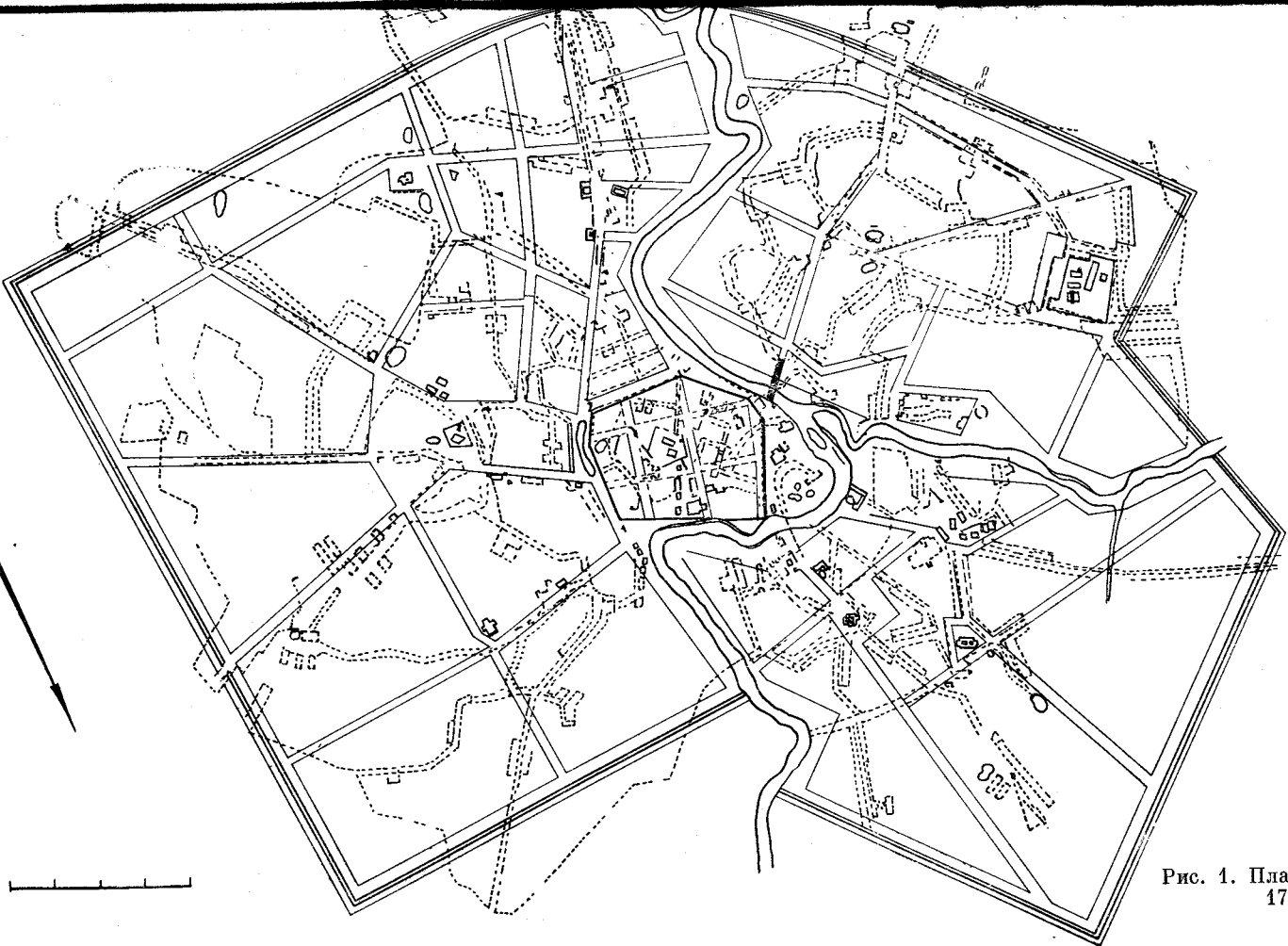

Рис. 1. План города Вязьмы
1770 г.

Вязники (Ярополоч), Владимир, Суздаль, Торжок, Торопец и др. Многие города, при перепланировке XVIII и XIX вв. получившие регулярную сетку улиц, сохранили, однако, свои пространственно-видовые закономерности: ритм высотных ориентиров — церквей, колоколен, башен — и художественную взаимосвязь с окружающей средой. Таковы Каргополь, Великий Устюг, Галич, Солигалич и др.

Анализируя планы городов, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи, можно убедиться, что многие города не принимали во внимание проекты XVIII в., поэтому в начале XIX в. составлялись новые проекты, которые также были включены в этот том законов.

Сличая проекты XVIII в. с проектами XIX в., убеждаешься, что первые были забракованы потому, что в них геометрическая сетка улиц накладывалась на план старого города без всякого учета его исторически сложившегося облика.

В проектах XIX в., что особенно хорошо видно на планах Смоленска, планировщики сохраняли в старом городе древнюю нерегулярную систему: они улучшали планировку старых кварталов, в ряде мест укрупняли кварталы, но сохраняли нерегулярную систему. Регулярная же была допущена только на пустырях в резервных частях города, как, например, на Блонье, у Королевского бастиона, на Покровской горе. Ясно, что нерегулярная планировочная система сознательно сохранялась.

Изучение русских городов в градостроительном разрезе показывает, что проекты перепланировки древнерусских городов, составленные комиссией Бецкого, далеко не всегда осуществлялись, а когда все же осуществлялись, то существенно не затрагивали основного в городе — его пространственно-видовой системы, его художественных закономерностей.

Кроме городов, надо включить в поле нашего зрения и ряд деревень Севера, также сохранивших древнюю планировочную и объемно-пространственную структуру, утраченную в деревнях средней полосы.

Выяснение того, в какой мере древние русские строители следовали указаниям градостроительного закона в «Кормчей книге», еще только начато. Но уже открылись многообещающие перспективы.

Современные села Архангельской области: Большой и Малый Халуи под Каргополом в Ошевенской слободе, Кутаванга на Онеге, Верхний Мудьюг на правом притоке Онеги Мудьюге, Конево на Онеге, Кимжа на Мезени и многие другие — сохранили до наших дней древнюю планировочную структуру. Эти деревни состоят из трех, четырех, пяти улиц, идущих параллельно друг другу, плавно лежащих на местности, как правило, близ реки. Дома на этих улицах обращены в одну сторону, обычно к реке. Каждый дом имеет свой особый разворот.

Из окон домов в этих деревнях видна живописная природа. Окна домов на одной стороне улицы не смотрят в окна домов, расположенных на другой стороне, что типично для деревень XIX в., а расположение и разворот домов великолепно увязаны с природой. Эти многорядные деревни являются своеобразными зародышами городов, в которых первоначально, видимо, была такая же жилая застройка. В III Новгородской писцовой книге XV в. после сообщения о взятии Москвой Ладоги и конфискации боярских и монастырских земель говорится о перепланировке поселений на этих территориях. При этом дается указание вести рядовую застройку, ставить второй ряд позади дворов первого ряда: «Да в Ладозе ж велено давати места на дворы городским людям Ладожанам Семену Порожскому Мартынову сыну Анаткина, а давати ему места от реки от Ладоги от мельницы от Егорьевские, что за стеною, да на могильник что к Варяжской улице, да прямо к часовне, да к Пречистой. А ставити им дворы первый ряд от Пречистые берегом по горе и к Семену святому и ко Воскресению и до Петра святого; а изставят тот ряд, и Семену велети им ставити в другой ряд, позади тех дворов до Варяжской улицы; а мера двору по-

перег 10
города
выгляда
одну ст
паралле

Есть
закон а
блюдали
границ
города,
ют реки
дмир, л
тельного

В пр
рвом и в
ния в ви
в свой с
городов
ныне ви
вается в
стрирук
на), как
стройкаи
ном бер

В Ка
чены и
гополе
ря (рис.
ря (рис.
гу озеро

27 П.
т. 1, вып.

. Мно-
гуляр-
идовые
ен, ба-
Гакоты

ии за-
не при-
ставля-
аконов.
первые
клады-
ложив-

ленска,
ую си-
укруп-
гая же
ак, на-
. Ясно,
лась.

зывает,
ые ко-
ке осу-
— его
ностей.
уревень
остран-

довали
только

Халуй
ий Му-
на Ме-
гровоч-
дущих
авило,
о к ре-

на до-
ных на
и раз-
еревни
началь-
писцо-
фиска-
ке по-
зую за-
Ладозе
ну По-
от Ла-
к Ва-
дворы
оскре-
тавити
ру по-

Рис. 2. Город Кушва. Общий вид с реки.

перег 10 сажень, в длину 15 сажень»²⁷. На гравюре XVIII в., с изображением города Кушвы (рис. 2) у подножья горы Благодатной на Урале, улицы выглядят так, как в древней Ладогe, — с фасадами домов, обращенными в одну сторону, к реке; окна же домов смотрят в прозоры между домами параллельных рядов.

Есть все основания думать, что русским градостроителям был известен закон апопсии. Во всяком случае, планируя населенные места, они соблюдали § 4—6 градостроительного законодательства 49-й главы, 38-й грани «Кормчей книги», хранившейся в соборе каждого города. Некоторые города, расположенные на высоких горах, у подножья которых протекают реки, как, например, Гороховец, Вязники, Смоленск, Вязьма, Владимир, лучше других отражают влияние византийско-русского градостроительного законодательства.

В проектах комиссии Бецкого границы города четко обозначались ровом и валом. Древнерусские города имели ограждения военного назначения в виде каменных или деревянных стен. Посады же городов включали в свой состав, как неотъемлемую часть, уголки природы. Строительство городов великолепно увязывалось с местностью и ландшафтом, что и ныне видно во многих из них (рис. 3). Каждый дом в городе, как указывается в § 4 законодательства, являлся частью целого. Это хорошо иллюстрируют в Гороховце палаты купца Селина. Палаты Селина (или Сери-на), как и остальные постройки XVII в., связаны как с ландшафтом и постройками на горе (рис. 4), так и с рекой и сооружениями на противоположном берегу (рис. 5).

В Каргополе, Гороховце и Торопце в состав города сознательно включены и водные пространства. Это достигается благодаря сооружению в Каргополе на противоположном берегу Онеги Спасского мужского монастыря (рис. 6), в Гороховце на другом берегу Клязьмы — женского монастыря (рис. 7); в Торопце — постановкой на противоположном городу берегу озера Соломен высотных доминант.

²⁷ П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII века, т. 1, вып. I. Киев, 1917, стр. 14.

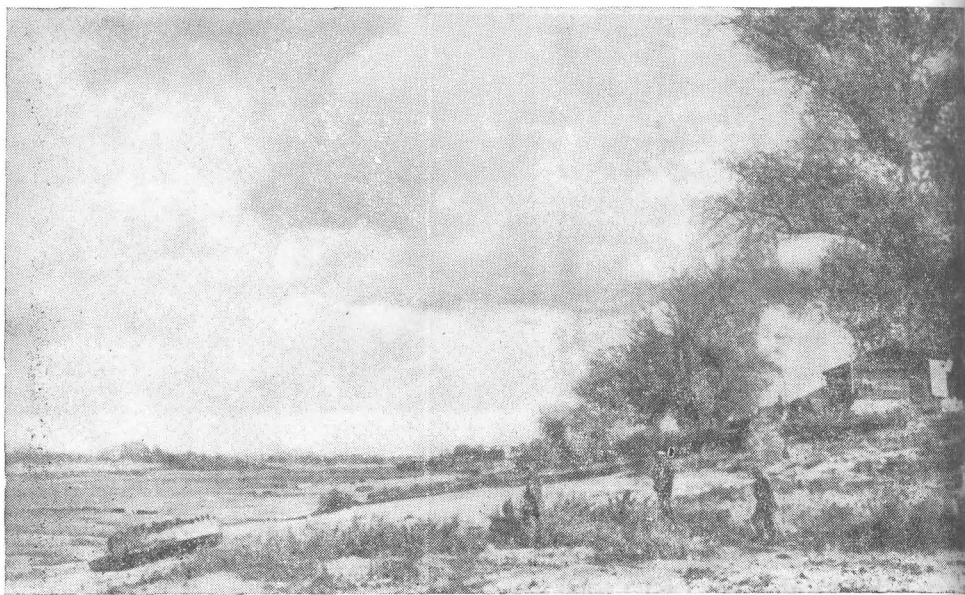

Рис. 3. Гороховец. Вид из города на реку Клязьму, справа видна набережная города.

Великолепные виды на город открываются с лестниц (рис. 8), поднимающихся на горы Гороховца, Вязников, Торопца и др. Несомненно, что эти видовые точки создавались сознательно, согласно § 6. Закон требовал, чтобы строящий в центре города (в пределах Ста Столпов, по образцу Константинополя) соблюдал расстояние в двенадцать стоп между дворами. Великолепен во многих городах и вид этих лестниц (рис. 9).

Видимо, очень стойкими византийскими традициями, перенесенными на русскую почву и зафиксированными в русских законах, следует объяснить и отсутствие в древних городах улиц с домами, идущими строго по красной линии. Об этом свидетельствует набережная в Гороховце, закрепленная каменными домами XVII в. богатого посадского населения. Дома на набережной не стоят в один ряд. Они то отступают в глубину участка, то выходят на красную линию улицы. Ни один дом не мешает другому, создавая впечатление большой ширины улицы. Ту же систему планировки и застройки улиц видим в верхнем городе Вязников — Ярополче, где улица закреплена деревянными домами, в Торжке, Торопце и ряде других городов. Дома на улицах, то отступая в глубь участка, то выступая вперед, создают живописные кулисы, уничтожая монотонность, характерную для улиц с домами, поставленными в один ряд.

В Каргополе и некоторых других городах удалось обнаружить градостроительный модуль: между домами строго соблюдалось узаконенное расстояние (рис. 10). В промежутки («прозоры») между домами и усадьбами с хорошо продуманным расположением зелени просматриваются с далеких и близких расстояний высотные ориентиры, великолепные храмы и колокольни, составлявшие славу и гордость горожан. Этот принцип, сложившийся в глубокой древности, — не закрывать соседу вида на культовые общественные сооружения как с улиц, так и из дворов, — был сохранен планировщиками XVIII и XIX вв., местными землемерами, воспитанными, видимо, на этих древних градостроительных принципах (рис. 11).

Во многих городах (Москве, Каргополе и др.) обнаруживается принцип разграничения архитектурных сооружений — их деление на доминанты

Рис.

Рис. 5. Го

Рис. 4. Гороховец. Расположение в городе палат купца Селина. XVII в.

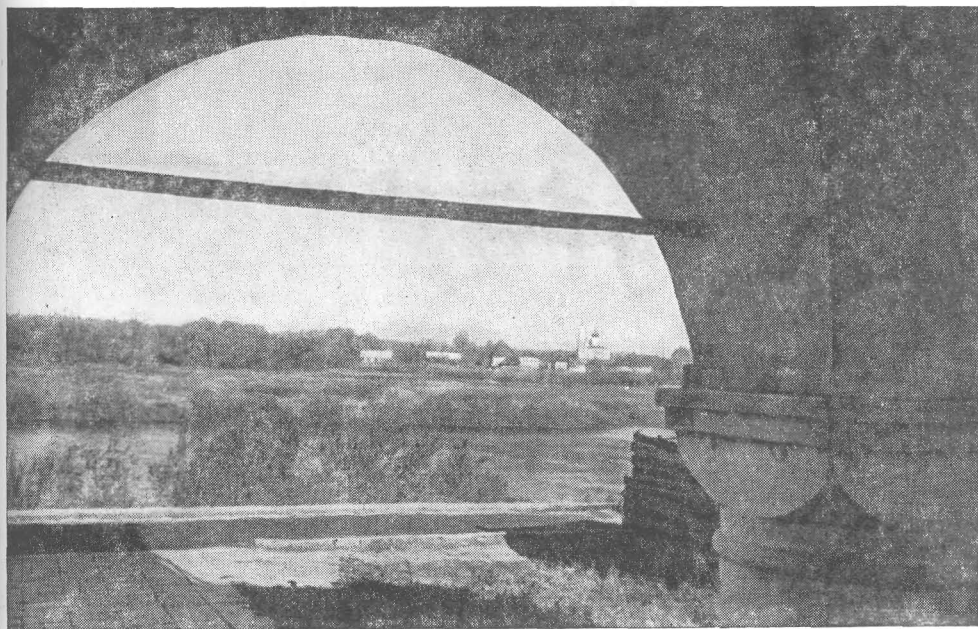

Рис. 5. Гороховец. Связь палат купца Селина с рекой Клязьмой и ее противоположным берегом.

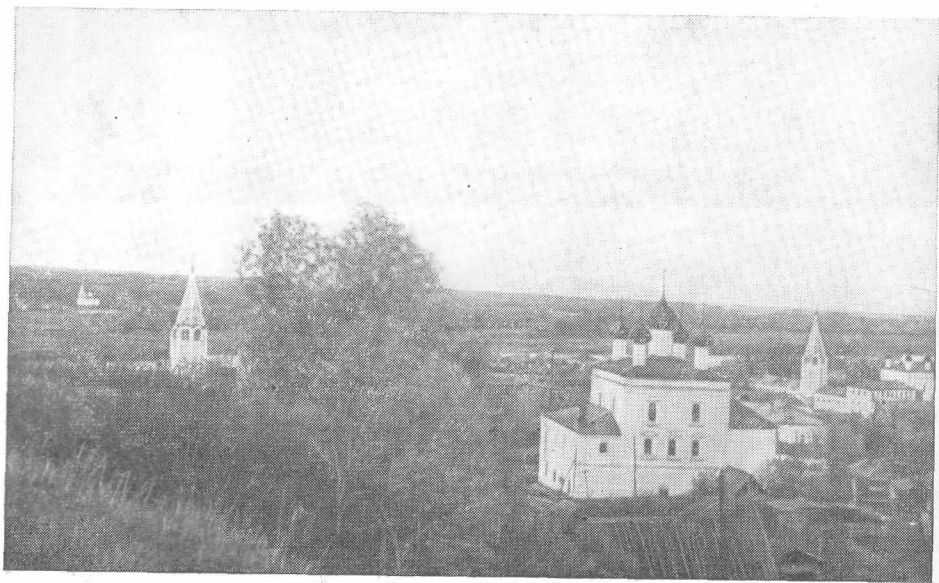

Рис. 6. Гороховец. Общий вид города, на реку Клязьму и женский монастырь на противоположном берегу.

Рис. 7. Каргополь. Общий вид на город, реку Онегу и Спасский мужской монастырь на противоположном берегу.

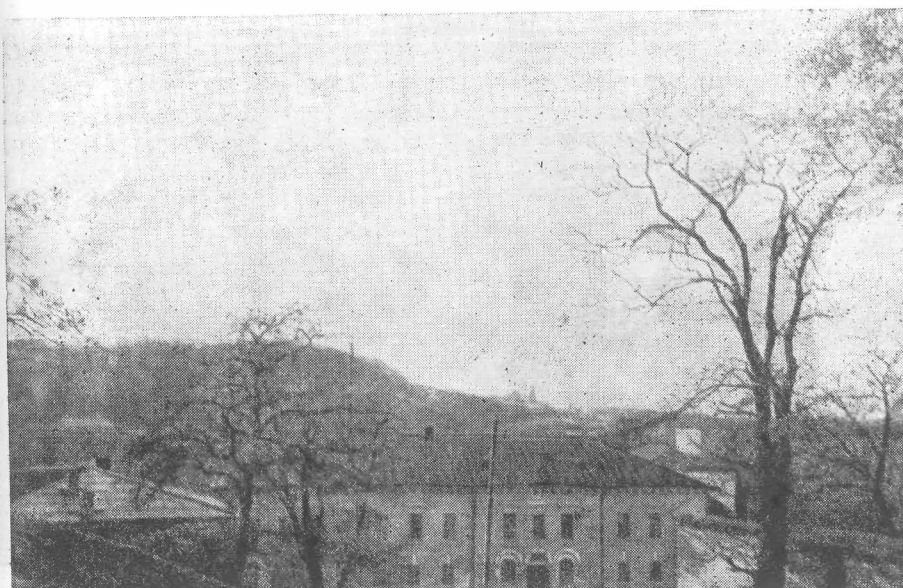

Рис. 8. Вязники. Вид с боярской лестницы Ярополичьей горы на город.

Рис. 9. Вязники. Лестница на Ярополичью гору в центре города.

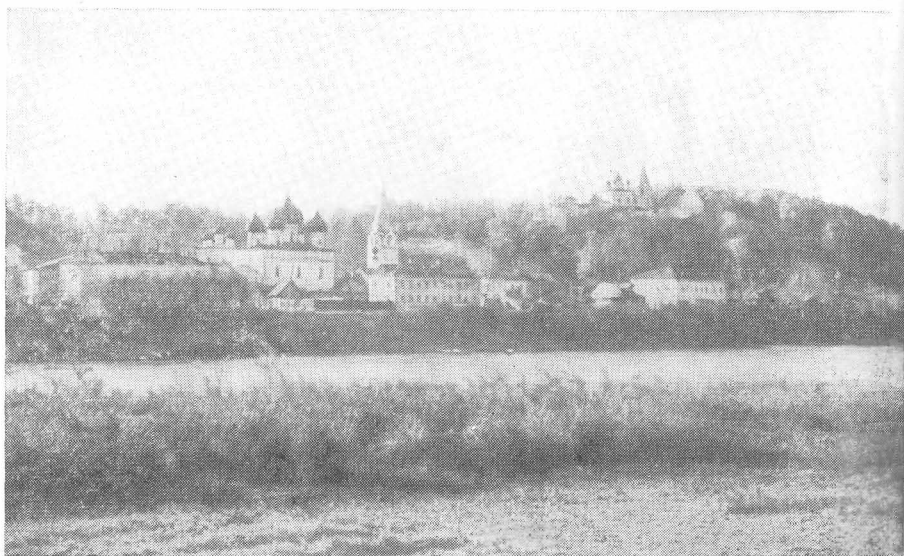

Рис. 10. Гороховец. Прозоры среди жилой застройки на высотные ориентиры.

Рис. 11. Торжок. Вид из двора дома в «прозор» на колокольню города

города (культовые здания), создающие его силуэт, и среду, т. е. жилые и прочие общественные сооружения. Жилье, находящееся у подножия храмов, не должно мешать их восприятию. В Каргополе, например, нет жилых домов выше двух этажей. Такое тактическое соотношение высотности разных типов зданий нарушено в современном Гороховце, где воздвигнуты трехэтажные дома (правда, в этом городе многое объясняется тем, что он расположен на горе). Особенно эффектно взаимосвязь высотных ориентиров со средой выглядит в Замоскворечье (рис. 12).

Отличительной чертой восточного градостроительства является внимание к художественному образу города. Красота была неотъемлемой частью городского комфорта. В то же время восточные принципы градостроительства, регулируя основные направления в организации города, не сковывали творческой инициативы зодчих. Отсюда, видимо, такое необычайное разнообразие планов и силуэтов древнерусских городов и их искусная увязка с ландшафтом (рис. 13).

В древнерусских городах легко проследить влияние градостроительного законодательства, запрещавшего прирезать к своему дому часть улицы или площади. Обнаруженные в ряде городов дома, повторяющие в планах и фасадах все изгибы живописных улиц, отвечают требованиям этого параграфа закона. Такие дома сохранились в Москве (в начале Малой Лубянки), Вязьме (у церкви Петра и Павла), в Вязниках (на улице у подножия Ярополчей горы, у Боярской площадки) (рис. 14). Видимо, подобные дома удастся обнаружить и в других городах, в которых также закон запрещал прирезать землю от улицы для выпрямления фасада. Это законодательство действовало вплоть до XIX в.

В документах XVII в. в описании древних городов можно видеть, как были усвоены постановления IV Халкидонского собора, содержавшиеся как в составе раннего «Номоканона 14 титулов», так и в составе всех «Кормчих книг». Речь идет о выделении в городе специальных территорий для церквей. В описании Вязьмы 1626—1627 гг. перепись начинается с описания церквей во всем городе, монастыря и территорий, занимаемых ими²⁸, затем следует описание «Большого острога», и наконец, посада.

В архитектуре Севера также сохранились бесспорные доказательства, что данное постановление действовало на Руси повсеместно. В «Платежнице» и «Сотной переписи» каргопольских земель XVI и XVII вв.²⁹ описываются погосты, которые, как правило, состояли из двух церквей и колокольни между ними. Погостам отводилось определенное количество земли, которая строго закреплялась за ними. Владение церкви ограждалось забором. На церковной территории жили причетники данного храма. Древние погосты дошли до наших дней, но только в Шильде, Поржском и еще нескольких местах сохранилось ограждение церковных земель. О том, что все погосты Севера имели ограду, свидетельствуют рисунки и фотографии XIX в. К погосту подходили деревни; число их было самое различное. В деревнях, приписанных к определенному посаду, ставились не церкви, а только часовни.

Очевидно, древнерусские города имели водопровод и канализацию. Во многих городах археологи обнаружили поливные глиняные трубы, которые они неизменно датируют XIX в. Верно ли это? Видимо, эти трубы нуждаются в более детальном изучении и тщательной проверке датировки. Около дома боярина Троекурова XVI—XVII вв. в Москве (в Охотном ряду) при строительстве дома Совета Министров экскаватор извлек с большой глубины деревянную трубу диаметром свыше полуметра. Работы на

²⁸ ЦГАДА, ф. 137. Вязьма, д. № 1. Писцовая книга Острога и Посада Вязьмы «Письма и меры» князя И. Ф. Волконского и подьячего Л. Трофимова. Лл. 1—39.

²⁹ ЦГАДА, ф. 137. Каргополь, № 1. Городская книга г. Каргополя и Турчасова. Платежная книга посадов Каргополя и Турчасова, список 1555—1556 гг. и Сотная перепись, список 1607 г. о переписи 1561—1562 гг.

Рис. 12. Москва. Вид на Замоскворечье из Кремля. Видна низкая пойма реки Москвы и городской пейзаж за нею.

Рис. 13. Казань. Общий вид города.

Рис. 14.
тате

древней
археологический
«исторический»
выс. Холм
огромный
тельств

Так
дожест
строено
докуме
компози
таких д
другой
гослова

Зодч
ту шатр
аршин
методы
их восп
проверн
замысли
талям с
де пока
третьей

Втор
русских
Михайл
менной
менных
Рыкачев
ставлен

зо В.
турное на

Рис. 14. Вязники. Дом сложной конфигурации. Подобный план дома возник в результате запрещения прирезать от улиц и площадей города к частным владениям.

древней территории города велись поспешно, механизмами, без контроля археологов, и только случайность позволила автору обнаружить древние «истрены» в глубоких слоях земли в одном из древнейших районов Москвы. Хорошо разработанная водопроводная система имела в Торжке, где огромные деревянные трубы вытаскивают экскаваторы при новом строительстве.

Таким образом, ясно, что в облике древнерусских городов, в их художественных закономерностях не было ничего случайного. Все было построено на расчете, знаниях, законах, опыте. Это подтверждается рядом документов, которые показывают, как каждое новое сооружение в городе композиционно увязывалось с уже существующим ансамблем. Один из таких документов относится к строительству Волоколамского монастыря, другой — к церкви Григория Неокесарийского (раньше — Григория Богослова) на Полянке, в Москве.

Зодчий Волоколамского монастыря Трофим Игнатьев, определяя высоту шатра одной из башен, указывает: «а буде покажется высоко и убавить аршин же, а буде низко — прибавить аршин ж.» — Это позволяет уяснить методы работы зодчего, который сознательно добивался гармонии форм при их восприятии в ансамбле, постоянно обращался к их сопоставлению, к проверке в натуре как наиболее действенному средству уяснения своих замыслов и расчетов. О том же свидетельствует и отношение зодчего к деталям сооружения: «Зделать по две закомарки на стене под шатер ..., а буде покажется часто, и зделать по одной, а буде ретко — и зделать по третьей»³⁰.

Второй документ не менее ценен для понимания творческого метода русских зодчих. В расходных книгах Приказа Тайных дел царя Алексея Михайловича (в дворцовом архиве) сохранились записи о ходе работ каменной церкви Григория Неокесарийского. Руководил работами не каменных дел подмастерье Кузнецник, а полуголова Приказа Тайных дел Иван Рыкачев, который вел с 23 марта 1667 г. работы «по росписи Васильева, составленной в Приказе Бухвостова».

³⁰ В. И. Павличенков. Ансамбль Иосифо-Волоколамского монастыря. — «Архитектурное наследство», 1958, № 10, стр. 133.

Руководя работами, Рыкачев отступил от росписи, о чем написал докладную в Приказ. Он записал: «В Приказ Великого Государя Тайных дел за рукою, сделал он сверх подрядной своей записи у той церкви в прибавку вверх 4 сажени, длиннину $\frac{1}{4}$ сажени, поперек $\frac{1}{8}$ доля сажени, да в двух трапезах в вышину $\frac{1}{2}$ сажени, под колокольную святые ворота, да паперть меж трапезою и колокольною, и за то их прибавочное дело против росписи и сказки 200 рублей из приема Андриюшкина ж»³¹. Позднее Иван Рыкачев делает еще ряд существенных изменений — уменьшает высоту одних частей и увеличивает другие. Все это свидетельствует о творческой увязке нового здания в городе с уже имеющимися сооружениями. Из записи очевидно, что этот метод не вызывал ни у кого возражений. Видимо, он применялся повсюду.

В данной работе я старалась доказать наличие на Руси особой, принципиально отличной от западной градостроительной системы. Я назвала ее восточной, так как она существенно отличается от западноевропейской, уходящей своими корнями в теорию и практику Рима. Корни восточноевропейской системы находятся в античной Греции и Византии.

Таким образом, высокая и утонченная культура Византийской империи оказала влияние не только на литературу, искусство, иконопись, архитектуру и ярко выраженный религиозный ритуал западных и восточных славян, но также и на их градостроительное искусство. Это греко-византийское влияние имело место в разные исторические эпохи и шло на Руси разными историческими путями³².

КОРМЧАЯ КНИГА

Закон градский, глава 49, раздел (грань) 38, «О построении новых домов и об обновлении ветхих и о других предметах», л. 695 *

1. Новое дело творит некто, когда или хочет нечто построить («создать») или разрушить и изменить прежний вид («образ»).

2. Рабу, хорошему строителю, он может нечто поручить. Да не уменьшает и не прибавляет места. Раб же другому строителю не может поручить.

3. Если здание («вещь»), о котором идет речь, принадлежит нескольким лицам и если только одному из них будет дано какое-либо позволение («повелено будет»), то считается, что позволение законно и относится ко всем владельцам. Если же один из владельцев без позволения что-либо перестроит, то не привлекаются за это к ответственности другие («не потязаемы

³¹ М. Беляев. Исторические сведения о Московской Замоскворецкой сороке, Григорие-Неокеассарийской, при Полянке, церкви. М., 1894, стр. 20.

³² Д. С. Лихачев. Движение русской литературы XI—XVII веков по пути к реалистическому изображению действительности. М., 1956; *его же*. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952; «Литературные связи древних славян», Л., 1968; М. Н. Тихомиров. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969; *его же*. Византийские очерки, М., 1961; *его же*. Средневековая Россия на международных путях. М., 1962; «Из истории межславянских культурных связей». М., 1963; В. Н. Лазарев. Византийская живопись. М., 1971; *его же*. Русская средневековая живопись. М., 1972; *его же*. Феофан Грек и его школа. М., 1961; *его же*. Фрески Старой Лавры. М., 1960; М. В. Алпатов. Всеобщая история искусства. т. I—III. М.—Л., 1948—1955; *его же*. Андрей Рублев и его эпоха. М., 1971; Г. А. Курбатов. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1971; «Всеобщая история искусств», т. I. М., 1956, стр. 351—361; т. 2, кн. 1. М., 1960, стр. 30.

* Кормчая книга была впервые издана патриархом Руси Иосифом в 1650 г. и после его смерти дополнена и издана патриархом Никоном в 1653 г. В ее основу была положена Кормчая книга Ростовской фамилии 1274 г. Перевод сделан с Иосифовской редакции 1650 г. Е. Н. Бируковой при участии автора и консультации М. В. Щенкиной. На русском языке перевод публикуется впервые.

бывают»), ибо не подобает пренебрегать тем, что сделано одним, в том не виноваты другие дела.

4. Повелеваем, чтобы обновляющий старый дом («ветхий двор») не изменял первоначального вида («древнего образа») и не отнимал света и не лишал вида («прозора») соседей, если только таковые работы им не совершены по соглашению, или если после прошения не последовало позволения изменить первоначальный вид: совершающий таковую работу да строит беспрепятственно («невозбранно») то, что хочет, если даже и вред («пакость») причиняет соседям, поскольку это совершается по соглашению или ему было дозволено после прошения. Когда же два двора стоят один против другого, то подобает между ними быть двенадцати стопам, и соблюдать это расстояние и у основания здания, и на любой его высоте. Сохраняя это расстояние, всякому позволительно воздвигать свой дом на любую («бесчисленную») высоту и оконца в нем проделывать, из коих хочет смотреть вновь создающий. (То же соблюдать), и обновляя ветхий двор или разрушенный пожаром («огнем»).

5. В этом богатом городе, т. е. в Царьграде, соблюдай расстояние в двенадцать стоп, не лишая вида соседа, чтобы он мог прямо смотреть на море, стоя на своем дворе или сидя на нем, и не приходилось бы ему поворачиваться в сторону, дабы видеть море. Если же между двумя дворами расстояние будет превышать двенадцать стоп, то подобает не возбранять желающему строить и загораживать соседу вид на море.

6. Если некто от поварни или от пекарни, или с лестницы, т. е. с улицы, или с высоко лежащих улиц, где проходят люди, имеет вид на море, то строящий в пределах Ста Столпов может непредвиденно загородить таковой вид, если только не будет соблюдено расстояние в двенадцать стоп между двумя дворами.

Если же имеется соглашение, позволяющее некоему построить дом, то да придерживается он соглашения, хотя бы и причинял вред соседям, лишая их вида на море, независимо от того, сам ли ныне владеющий домом так уговорился или же продавший ему дом, ибо не подобает лиц, вступивших в соглашение, притеснять тяжелыми условиями.

7. Один из совладельцев («обшников») не может другого против его воли принуждать совершать работы в общих домах («налагати работы»).

8. Среди деревьев или в садах постановление о видах (на море) не соблюдается.

9. И в тесном, и на просторном месте измерь свой дом, и если он будет более двенадцати стоп в длину на тесном или на просторном месте, да не отнимешь от свободного пространства и не приложишь к своему дому, перегораживая проезжую дорогу («людской путь»), хотя бы закон позволял твоему дому быть в длину более двенадцати стоп. Но, чтобы не был затеснен воздух, соблюдай между дворами двенадцать стоп. Если же площадь или улица окажутся большего размера, ничего от них не отнимай, но сохраняй городскую площадь в целости. Если же между ветхими дворами чистый воздух затеснен, поскольку расстояние между ними менее двенадцати стоп, то ни одному из владельцев не подобает, изменяя прежний вид, надстраивать («возвышать») свой двор или же проделывать большие окна («прозоры»).

10. Если же между дворами будет не менее десяти стоп, тогда строящему не следует делать больших оконных проемов («прозоров»), из коих можно было бы смотреть, в случае если их не было прежде. Отворяемые же оконца подобает ему делать на высоте шести стоп над полом («помостом»), и никому не дозволяется делать в своем доме дополнительный («должный») пол, посему он может для освещения сделать входную дверь и смотреть из нее.

11. Общей стены один из владельцев не может разрушить или обновлять без согласия совладельца, ибо он не единственный хозяин.

12. На родовом («отчем») месте не возбраняется надстраивать дом («двор»).

13. Если некто, обновляя рухнувший двор, захочет надстроить и отнять свет у соседских окон или что иное сотворить во вред соседу, то его принудят сохранить в прежнем виде и внешний облик, и распорядок старого двора.

14. Если же некто надстраивает дом, то он имеет право возводить его на любую высоту («без меры»), лишь бы части здания, находящиеся под ним, выдержали эту тяжесть.

15. Нехорошо, если некто возбраняет соседу своему отворять ворота на проезжую дорогу, когда дождевая вода стекает с дома, ибо дождь не приносит вреда улице, т. е. проезжей дороге.

16. Если источник, из коего некто проводит воду, на некоторое время пересохнет, но вскоре вновь возвратится в свое русло и вода вновь начнет течь, да продолжает он работы и да устроит себе водопровод («водное течение») в таком же виде, в каком он был ранее.

17. Ни печи, ни поварни никто не может ставить так, чтобы топка проходила через общую стену, ибо огонь причиняет вред общей стене.

18. Если кто сделает оконце, выходящий из коего дым причиняет вред живущим выше него, то могут терпящие вред возбранить ему по законам, дабы не выпускал он дыма. Только в самом необходимом случае можно дозволить ему выпускать дым. Недопустимо также, если проживающие на верхних покровах льют воду или сыпят нечистоты и причиняют вред живущим на нижних, и возбраняется им это делать. Как он поступает у себя дома, так да поступает и с другим и не чинит ему вреда. Иначе он подлежит суду за смрадные нечистоты.

19. Если твоя стена наклонится на мой дом, хотя бы и на полстены, то я могу тебя принудить поправить ее.

20. Если дерево соседа моего, стоящее посреди его двора («дома»), широко раскинет корни и причинит вред основанию дома моего, то да будет принужден сосед мой повелением князя срубить его.

21. Если некто в чужой стене по своей надобности проделает оконце, то будет принужден на свои средства по прежнему образу восстановить стену.

22. Никто не может сыпать нечистот близ чужой стены, если только этого не требуют совершаемые им (строительные) работы.

23. Если будет некая надобность починить («изменить») подземные глиняные трубы, которые идут от отхожего места («походницы»), то каждый да исправляет трубы, [идущие] от своего отхожего места, доколе не достигнет отхожего места другого соседа.

24. Подземные истрены, т. е. глиняные трубы, так подобает очищать и исправлять, чтобы каждый начиная от своего места (и работал), доколе не достигнет места других хозяев, т. е. вышеупомянутых отхожих мест и проходящих внизу труб, сходящихся в общую клоаку. Если же также подземные (канализационные) трубы проходят через сады, то хозяину сада надлежит выкапывать пропитанную тем смрадом землю и постоянно очищать сад от смрада. Подобным же образом владелец такого сада должен содержать его в порядке, дабы сад не распространял зловония.

25. Не допускается такого рода порядок: не подобает мне в доме моем в поварне разводить огонь или зажигать огонь и сидеть или мыться; если же об этом было соглашение, то оно не имеет законной силы.

26. Соглашения, которые будут вопреки законам или добрым обычаям, не должны иметь никакой силы, как отступающие от существующего закона.

27. Если некто, продавая дом, поставит покупателя в известность, что дом требует починки, то он имеет право продать дом, нуждающийся в починке. Посему, если он сам не починил его, то может работу по починке

наложит
чинку еп
оговорит
предъявл
28. Н
соседа, в
29. Е
и он нич
говор с т
30. Л
никакого
31. Е
надстраи
оконца, и
десять ил
городил,
ряю свои
соединенн
покамест
чает зако
заложени
дом, то д
лет я отк
препятств
32. Е
ложить м
щение и
же уберу
ланных м
тыми, ка
останется
жишъ и з
то право
стен сохр
вого, но
совершат
двадцать
ты никак
(своеврем
33. Р
ваться, и
34. Е
телю («е
динив к с
на свою
городское
35. Е
изведя од
участие в
местив ем
36. Е
дующую
тебе пров
воды, ско
37. Н
трубы к о
водить во

наложить на покупателя еще до передачи дома, (и тот) производит починку еще не принадлежащего ему дома. Если же продающий особенно оговорит, что такой-то (покупатель) должен чинить дом, то ему не будет предъявлено никакого упрека.

28. Никому не подобает дым от поварни или от банной печи пускать на соседа, выливать нечистоты или воду, ибо таков установленный порядок.

29. Если некто обязался тебе нечто построить и пройдет долгое время и он ничего не построит, а я нечто построю, то ввиду истечения срока договор с тобой теряет силу.

30. Лестницу я могу приставить к общей стене, ибо от нее не бывает никакого вреда, поскольку ее легко убрать.

31. Если мы с тобою составили договор о том, что ты обязуешься не надстраивать своего дома, отнимая у моего дома свет, который входит в оконца, находящиеся в моей стене, я же ради некоей своей надобности на десять или на двадцать лет заколотил свои оконца или заложил, т. е. загородил, и они оставались заколоченными все оговоренное время, то я теряю свои права в случае, если ты надстроишь свой дом и он простоит в надстроенном виде десять или двадцать лет; ибо я не воспротивился этому, покамест мои оконца оставались загороженными, и твоя надстройка получает законную силу, я же теряю свои права. Если же за время, пока у меня заложены были оконца, ты не сделал ничего нового, т. е. не надстроил свой дом, то договор остается в силе, и если по истечении десяти или двадцати лет я отключу оконца, ты же захочешь надстроить дом, то я могу тебе воспрепятствовать ввиду сохранившегося за мной права.

32. Если мне будет дозволена некая починка (дома) и можно будет проложить мои скрепы сводов («преклады») через принадлежащее тебе помещение и таким образом, пробив твою стену, я проложу мои скрепы, потом же уберу их, и в течение десяти лет не будут ставить моих скреп в проделанных мною скважинах, и если скважины останутся по-прежнему открытыми, как были в то время, когда я вынул из них мои скрепы, то за мной останется право проложить скрепы. Если же я уберу скрепы, а ты заложить и заделаешь скважины и после сего пройдет десять или двадцать лет, то право остается на твоей стороне, ибо за столь долгое время ты уже властен сохранять заделанными скважины. Если же ты не сделал ничего нового, но оставил все в том виде, в каком было прежде, то я всегда вправе совершать работы. И когда я пожелаю, будь то через десять или через двадцать лет, снова проложить скрепы в твоей стене, в тех же скважинах, ты никак не можешь мне воспротивиться, ибо не утвердил за собою право, (своевременно) заложив (скважины).

33. Работа по проведению дороги к могилам никогда не должна прерываться, ибо нельзя лишать людей этой дороги.

34. Если некто без повеления царского, посланного градскому правителю («епарху»), большие площади или некую часть их огородит, присоединив к своим домам, или преградит выходы («притворы»), захватив землю на свою потребу, то без всяких оговорок да передаст их, как прежде, в городское управление.

35. Если один из совладельцев потратится на общий водопровод, произведя один починку, он имеет право потребовать, чтобы его сосед принял участие в издержках, произведенных им одним на общий водопровод, возместив ему часть затрат.

36. Если некто не дозволит тебе почерпнуть потребную тебе воду, находящуюся в его владении, то да будет он принужден против воли дозволить тебе провести воду, в случае если у тебя нет иной возможности почерпнуть воды, сколько тебе потребно.

37. Никому не подобает продельвать, т. е. пристраивать, подземные трубы к общему водопроводу по всей его границе («стенке») и по ним проводить воду.

38. Всякий договор и все права теряют силу в случае, если они не были своевременно предъявлены здесь постоянно живущими людьми в течение десяти лет; если же люди находились в отсутствии, то они теряют силу спустя двадцать лет.

39. Если же некто с полным доверием купит пустую («голую») землю, а потом узнает, что она принадлежала другому, то за ним сохранится только тот участок земли, на котором он нечто построит, подлинный же хозяин земли не должен чинить ему вреда.

40. Если же некто по неведению, с полным доверием купит чужое поле, засеет его или нечто построит на нем, то подобает судье не выносить приговор без расследования, но да разузнает, что это за лица и в чем состоит их вина. Относительно лиц так следует рассудить: если подлинный хозяин поля богат и намеревался там нечто делать и строить или же пахать и засеивать поле, то присудить ему внести деньги, уплаченные за поле, а затем взять поле; насколько было улучшено поле, в той мере должно быть возмещение затрат; все это в случае, если хозяин поля богат и намеревался совершать там какие-либо работы. Приобретшему же с полным доверием поле надлежит, не причиняя вреда полю, убрать все, что он там построил, если только подлинный хозяин поля не согласен уплатить временному хозяину деньги, какие тот выручил бы, продав постройки («вещи») по разрушении таковых. Относительно же вины так подобает рассудить: в случае, если временный хозяин купил землю для продажи, признается за ним вина, даже если он и беден, надлежит возратить ему лишь стоимость земли, находящейся под постройками, но за произведенные им улучшения не получит он возмещения.

41. Если некто что-либо, злонамеренно им себе присвоенное, продаст или подарит, или иным образом отдаст, выдавая себя за хозяина этого имущества («вещи»), и знающий о том до истечения десяти лет, если эти люди постоянно живут на этом месте и до истечения двадцати лет, если они пребывают в отъезде, не засвидетельствует по закону купившему или получившему в дар, или иным образом приобретшему это имущество, то получивший это имущество будет бесспорно им обладать спустя десять лет, если эти люди жили в этом месте, и спустя двадцать лет, если они пребывали в отъезде. Если же не ведает подлинный хозяин проданного имущества, что произошла продажа принадлежащего ему имущества, то он отнюдь не лишается прав на таковое, если только до истечения тридцати лет временный владелец имущества не сможет доказать, что он с полным доверием некогда приобрел это имущество у злонамеренно им завладевшего. О десятилетнем сроке давности находим нужным постановить следующее: если некто в течение упомянутых десяти лет установленного срока несколько лет пребывал дома, а на несколько лет куда-либо далеко уезжал, то надлежит прибавить к этим десяти годам то число лет, во время коих он за эти десять лет пребывал в отлучке.

42. Движимое имущество, если им пользуются в течение трех лет и не предъявляют на то возражения, переходит в собственность.

43. Тот, кто по соглашению с тобою на твоём поле поит и пасет овец, получает право также построить на нем и шалаш.

44. Если некто вознамеривается нечто построить близ чужого гумна и от этого будет вред его хозяину, то последний может ему это возбранить.

45. Если некто проводит воду через чужое поле, а хозяин поля обрабатывает то поле, то установи законный срок, выражающийся в трех годах. Если же по истечении этого срока хозяин поля возбранит ему проводить воду, то хозяин водопровода не может требовать возмещения ему издержек, сопряженных с проведением воды, но хозяин поля становится хозяином того водопровода до тех пор, покамест водопровод стоит в целости.

Когда же он разрушится, то прежний хозяин водопровода может взять трубы («вещи»).

46. Если первый строитель усадьбы или двора не мог возбранить проведение воды, то и купивший и ныне владеющий не может возбранить, ибо он купил (владение), отягченное таким условием.

47. При проведении воды с низменных частей полей на высокие надлежит делать насыпи («молочальная работа»), тогда вода, имеющая тяжесть, получит силу (возможность) подняться на высокое место.

48. Если в течение пяти лет не требовалась починка моей усадьбы и я продам ее другому, то зачитываются эти пять лет купившему. Если же не потребуется починка и в течение следующих пяти лет, то она отпадает; но по истечении этого законного срока починка становится обязательной. Если же усадьба разрушится из-за того, что в течение узаконенного срока не требовали починку, то не будем допытываться, один или несколько человек не потребовали этого.

49. Если некто копает землю, да не переступает границ проезжей дороги или чужого поля.

50. Если некто копает землю, желая построить стену ограды, да отступит от чужой границы на одну стопу. Если же строит дом, за отступит на шесть стоп. Если же копает ров или яму, то да отступит на расстояние, равное ее глубине. Если же копает колодец, да отступит на сажень в случае, если по соседству нет ранее выкопанного колодца, которому новый колодец может повредить. Маслину же и смоковницу следует сажать на расстоянии девяти стоп от чужой границы, другие же деревья — на расстоянии пяти стоп.

51. Если я имею водопровод близ твоей усадьбы и придется делать насыпь, дабы очистилась вода, и нужно будет мне и моим умельцам («хитрецам») свободно к ней подходить для починки водопровода, то ты должен оставить место и с правой, и с левой стороны (насыпи), чтобы мне подходить к струе и сваливать там землю, камни и грязь, выгребаемые из водопровода, а также смолу и песок, требующийся для починки водопровода.

52. Если я продаю часть поля и оставляю за собой право провести через нее воду и пройдет узаконенное время, а я не проложу водопровода, то остаются в силе условия и мои права. Если же я проложу водопровод, но не буду им пользоваться, то теряют силу условия и права.

53. Если составят такие условия проведения водопровода, что он должен быть закончен только за время жатвы или за один месяц, или более чем за год, или более чем за один месяц, то удваивается срок окончания работы («время требования»); так же обстоит дело и при проведении дороги. Если же пройдет более дня или более часа, или один час, или один день, или одна ночь сверх окончательного срока, то соглашение считается нарушенным, ибо работа не выполнена целиком.

54. Когда речь идет о границах и о проведении границ, то судебным путем можно долгое время оспаривать эти границы, и только по истечении тридцати лет участок закрепляется за владельцем.

55. Относительно взысканий, связанных с нарушением границ, подобает судье вести расследование, или допрашивая помнящих нечто лиц, или на основании записей людей, составленных до начала этого дела, если только не окажется, что границы были изменены различными строителями и по замыслу лиц, временно владеющих, тогда следует принять те границы, которые установлены были строителями, а не первоначальные.

56. Когда проезжая дорога будет повреждена или приключившимся землетрясением, или разливом реки, то живущий вблизи хозяин будет принужден дать людям проезд через свои владения.

57. Если река протекает между двумя участками, т. е. между твоим и моим, и мало-помалу и неизвестно когда занесет землю на мой участок, так что нельзя будет установить, сколько земли и в какое время нашего владения

ния было нанесено, то нанесенная земля принадлежит мне. Если же явно, что разлившаяся река отмыла некую часть твоего участка и нанесла на мой участок, то нанесенная земля принадлежит тебе, ибо это можно удостоверить.

58. Если я провожу воду и она течет только до некоего места, но не проходит по всему водопроводу из-за того, что водопровод разрушился посредине, то в тех местах, где водопровод работает, считается работа выполненной.

59. Всякое имущество, оставленное на хранение и приносящее доход честному дому, то есть Церкви, будь то движимое («личное») имущество или недвижимое, как-то: некоторые земли, участки или дома, остается за владельцем только сорок лет, в течение которых подобает таковому честному дому хранить оставленное ему на известный срок.

Перевод Е. Н. Вируковой

лен
лит
нин
Спа
в р
сод
раз
пер

дон

ри:
раз
гел
сма
гея

пис
дем
лик
328
188
«Ка
с по
196
Пос
иск
об п
Вел
стр

обл
ско
исс.
См.
ция
нов
195
и п
т. У
Пре

ябр
стр

Н. К. ГОЛЕЙЗОВСКИЙ
ЕПИФАНИЙ ПРЕМУДРЫЙ
О ФРЕСКАХ ФЕОФАНА ГРЕКА В МОСКВЕ

Высказывания о художественном творчестве, о деятельности прославленных живописцев редко встречаются в произведениях древнерусской литературы. В связи с этим особое место занимает фрагмент не сохранившегося целиком послания иеромонаха Епифания игумену тверского Спасо-Афанасьевского монастыря Кириллу. Отрывок этот чудом уцелел в рукописном сборнике из Анзерского скита Соловецкого монастыря. По содержанию он выпадает из состава сборника, включающего выдержки различного характера, географические и астрономические сочинения, переписанные в XVII и XVIII вв.¹

Автор послания — ученый агиограф, составитель житий Сергия Радонежского и Стефана Пермского².

Известие о Феофане появилось на свет благодаря просьбе игумена Кирилла рассказать о происхождении четырех необычных миниатюр с изображением константинопольского храма Софии, которые он увидел в Евангелии, переписанном Епифанием. Кирилл заметил эти рисунки, когда просматривал книги, увезенные Епифанием в Тверь во время нашествия Едигея на Москву³. Миниатюры оказались епифаниевскими копиями с оригина-

¹ См. И. Я. Порфирьев, А. В. Вадковский, Н. Ф. Красносельцев. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. II. Казань, 1883, стр. 577—580. Отрывок послания Кириллу впервые был опубликован с сокращениями в «Православном собеседнике» (1863, ноябрь, т. III, стр. 321—328). Затем он был полностью напечатан архимандритом Леонидом: ППС, т. V, вып. III, 1887, стр. 3—6. Следующая публикация принадлежала И. Э. Грабарю: «Феофан Грек». — «Казанский музейный вестник», 1922, № 1, стр. 5—6. Текст отрывка был вновь сверен с подлинником. Перепечатано в книге: И. Э. Грабарь. О древнерусском искусстве. М., 1966, стр. 78—82 (цитаты из послания Кириллу даю по этому изданию. Перевод мой). После этого отрывок публиковался в следующих изданиях: «Мастера искусства об искусстве», т. IV. М. — Л., 1937, стр. 15—17; перепечатано в книге: «Мастера искусства об искусстве», т. VI. М., 1969, стр. 26—30; А. А. Строков и В. А. Богусевич. Новгород Великий. Л., 1939, стр. 108—110; В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа. М., 1961, стр. 113—114.

² Авторство Епифания убедительно обосновано в статье: А. Д. Седельников. Из области литературного общения в начале XV века (Кирилл Тверской и Епифаний «Московский»). — ИОРЯС, т. XXXI, 1926, стр. 159—176. За последние годы появился ряд исследований, где рассматриваются различные стороны деятельности Епифания. См., например: В. П. Зубов. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб (к вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского»). — ТОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 145—158; О. Ф. Косновалова. К вопросу о литературной позиции писателя конца XIV в. — ТОДРЛ, т. XIV, 1958, стр. 205—211; А. В. Соловьев. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго». — ТОДРЛ, т. XVII, 1961, стр. 85—106; О. А. Белоброва. О некоторых изображениях Епифания Премудрого и их литературных источниках. — ТОДРЛ, т. XXII, 1966, стр. 91—100.

³ Согласно Софийской второй летописи, войска Едигея подошли к Москве 26 ноября 1408 г. (Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. VI. СПб., 1853, стр. 158); по Тверскому сборнику — 30 ноября (ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стр. 483).

нала, исполненного Теофаном Греком. Об этом случае Кирилл вспомнил шесть лет спустя, а еще через год, т. е. в 1415 г., Епифаний составил ответное послание, отрывок которого дошел до нас.

Факты, изложенные в послании, относятся к московскому периоду творчества живописца. О работах Теофана в других городах Епифаний бегло упоминает⁴; возможно, он знал о них только понаслышке.

Сведения о деятельности Теофана Грека в Москве содержатся в ряде летописей. 4 июня 1395 г. «Теофан иконник, Гръчин философ да Семен Черный и ученици их»⁵ по заказу вдовы Дмитрия Донского Евдокии⁶ приступили к росписи каменного храма Рождества Богородицы с приделом Лазаря в московском Кремле, на дворе великой княгини. Роспись эта не сохранилась. Не дошла до нас и следующая московская работа Теофана—стенопись первоначального кремлевского Архангельского собора. Архангельские фрески Теофан выполнял с учениками, видимо, без участия Семена Черного летом 1399 г.⁷

Как сообщает послание Епифания, Теофан «в Михайле святом на стене написа град, во градце шаровидно подробну написавый; у князя Владимира Андреевича в камене стене саму Москву такоже написавый ...»⁸.

Выражение «у князя Владимира Андреевича в камене стене» вызвало споры среди историков искусства. В. Н. Лазарев видел в этом сообщении указание на роспись Теофаном дворца серпуховско-боровского князя Владимира Андреевича Храброго⁹. В. И. Антонова утверждала, что каменного дворца в Москве у князя Владимира Андреевича не было. Слова Епифания она относил к трапезной церкви Зачатия Анны в Серпухове¹⁰.

Несмотря на то, что в послании соседнее предложение содержит аналогичную форму, но с другим предлогом («в Михайле святом на стене написа град»), исследователи не придали значения предлогу «в» и перевели это предложение как «на стене». Между тем, если внимательно прочесть указанный отрывок, основания для спора отпадут. Предлог «в» говорит о

⁴ «Понеж егда живях на Москве, идеже бяхе тамо муж он живой, преславный мудрок, зело философ хитр, Теофан, гречин, книги изограф нарочитый и живописецъ изящный во иконописех, иже многи различные множае четверодесятчисленных церквей каменных своею подписал рукою, яж по градом, елико в Константино граде и в Халкидоне, и в Галафе, и в Кафе, и в велицем Новогороде, и в Нижнем. Но на Москве три церкви подписал: Благовещения святых Богородицы, Михайло святыи, одну ж на Москве» (И. Э. Грабарь. О древнерусском искусстве, стр. 78).

⁵ См. М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, стр. 445; Московский летописный свод конца XV в. (ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 222); Воскресенская летопись (ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, стр. 65); Пискаревский летописец (ГБЛ, ф. 228, № 176, л. 398); Румянцевский летописец (ГБЛ, ф. 256, № 255, л. 86). В трех последних источниках начало работы датировано 14 июня. Это же сообщение, но без добавления об учениках Теофана Грека и Семена Черного, содержат: Ермолинская летопись (ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, стр. 134); Львовская летопись (ПСРЛ, т. XX, первая половина. СПб., 1910, стр. 214); Софийская вторая летопись (ПСРЛ, т. VI. СПб. 1853, стр. 124); Летописный свод 1497 г. (ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963, стр. 87); Летописный свод 1518 г. (ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963, стр. 251); Никоновская летопись (ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, стр. 157); Софийский временник (ч. I. М., 1820, стр. 405).

⁶ Об этом сообщает Книга степенная царского родословия (ПСРЛ, т. XXI, вторая половина. СПб., 1913, стр. 408).

⁷ Троицкая летопись (стр. 450); Московский летописный свод конца XV в. (стр. 229); Воскресенская летопись (стр. 72); Пискаревский летописец (л. 418); Румянцевский летописец (л. 105—105 об.). То же сообщение, но без упоминания об учениках Теофана Грека содержат: Ермолинская летопись (ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, стр. 137); Львовская летопись (ПСРЛ, т. XX, первая половина, стр. 219); Летописный свод 1497 г. (стр. 89); Летописный свод 1518 г. (стр. 253); Никоновская летопись (ПСРЛ, т. XI, стр. 172); Софийский временник (ч. I, стр. 423).

⁸ И. Э. Грабарь. О древнерусском искусстве, стр. 78.

⁹ В. Н. Лазарев. Теофан Грек и его школа, стр. 13, 70.

¹⁰ В. И. Антонова. О Теофане Греке в Коломне, Переславле-Залесском и Серпухове.— «Материалы и сообщения Гос. Третьяковской галереи», т. II, М., 1958, стр. 26—27.

том, что с «денежная»

Извест
щалась об
находила
Ивана II
казна ук
же лета р
только по
ту кирпич
Поско.
сообщени
не выделе
щалась п
княжеско
домами сс

Итак,
на стене
ностями
казне сам

«Тере
расписал»
ве не был

Если
Теофан у

Такое
украшени

ский пер
в Киеве

постройк
Живописи

домонгол
гатых сод

не знает,
ли спалы

¹¹ См.
СПб., 1903

¹² Н.
Соф.

¹³ Н.
Н.

¹⁴ Н.
«Гр»

¹⁵ «Гр»
и окружен

¹⁶ «Те
(И. Э. Гр

¹⁷ Пер
вы», т. I. М

¹⁸ Постро
ений во в

¹⁹ даются
в

²⁰ Сло
для словар

²¹ рых,— «ку
Такой пер

²² можность
ча. В этом

²³ вошлось н
так называ

²⁴ Оно
тоновой (с

²⁵ «Ис
Отр
1863, стр.

помнил
вил от-
том, что слово «стена» во втором случае имеет утраченное ныне значение «денежная кладовая», «казна» ¹¹.

Известно, что княжеская казна, где хранились драгоценности, помещалась обычно в каменных храмах. Например, казна Софьи Фоминичны находилась в подклете церкви Рождества Иоанна Предтечи, казна Ивана III — в церкви Рождества Богородицы ¹². Известно и о том, что казна украшалась росписью. Так, под 1483 г. летописец сообщает: «Того же лета разруши князь велики Благовещенье на своем дворе, подписаную толко по казну и по подклет, и заложил казну около того подклета и полату кирпичну с казнами» ¹³.

Поскольку разбираемый отрывок послания следует непосредственно за сообщением о росписи Михайловского собора и грамматически отчетливо не выделен, можно предположить, что казна Владимира Андреевича помещалась при этом храме или где-то поблизости, например на территории княжеского двора, находившегося за Архангельским собором, на горе, за домами соборян, по направлению к Тайницким воротам ¹⁴.

Итак, возможный перевод этого отрывка: Феофан «в Святом Михаиле на стене написал город за стенами, окруженный пригородом» ¹⁵, с подробностями написал красками; у князя Владимира Андреевича в каменной казне саму Москву так же написал.

«Терем у князя великого невиданной росписью и с неведомой красотой расписал» ¹⁶, продолжает Епифаний. Между тем каменного терема в Москве не было в то время и у великого князя ¹⁷.

Если слово «терем» понимать буквально ¹⁸, то придется допустить, что Феофан украшал живописью деревянный дворец Василия Дмитриевича.

Такое предположение ¹⁹ не лишено оснований. О том, что живописные украшения каменных светских построек существовали еще в домонгольский период, известно по найденным при раскопках дворцовых строений в Киеве обломкам мозаики и фресок ²⁰. Но вот украшались ли живописью постройки деревянные? И на этот вопрос можно ответить утвердительно. Живописные украшения светских деревянных построек бытовали еще в домонгольское время. Так, в учительном слове XII в. среди обличений богатых содержится упрек: «Ты, живя в дому, повалуши расписал, а убогий не знает, где голову приклонить» ²¹ (поволушами или повалишами называли спальни).

¹¹ См. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, СПб., 1903, стр. 588.

¹² Н. А. Сковрцов. Археология и топография Москвы. М., 1913. стр. 421, 469.

¹³ Софийская вторая летопись (стр. 235).

¹⁴ Н. А. Сковрцов. Археология и топография Москвы, стр. 187, 188, 413.

¹⁵ «Град во градце» — по-видимому, укрепленное поселение, обнесенное стеной и окруженное невысокими постройками посада и пригородных сел.

¹⁶ «Терем у князя великого незнаемую подписью и страннолепно подписаны» (И. Э. Грабарь. О древнерусском искусстве, стр. 78).

¹⁷ Первые каменные палаты появились в Кремле в середине XV в. («История Москвы», т. 1. М., 1952, стр. 67). Впрочем, утверждения об отсутствии светских каменных построек в Кремле до середины XV в., опирающиеся на результаты случайных наблюдений во время земляных работ и на косвенные данные летописных источников, нуждаются в тщательной археологической проверке.

¹⁸ Слово «терем» имело несколько значений (см. И. И. Срезневский. Материалы для словаря..., т. III, стр. 950—951). Во-первых, «высокий дом, дворец», во-вторых, — «купол», в-третьих, — «ризница» (?), наконец, в-четвертых, — «сень, балдахин». Такой перевод представляется мне наиболее правдоподобным, если отвергнуть возможность росписи Феофаном каменного или деревянного дворца Василия Дмитриевича. В этом случае Епифаний говорит о каком-то не дошедшем до нас украшенном живописью навесе над великокняжеским тронем. Представление о подобном навесе дает так называемое «царское место» Ивана Грозного 1551 г. в Успенском соборе Кремля.

¹⁹ Оно выдвигалось, например, в указанной выше (см. прим. 10) статье В. И. Антоновой (стр. 26).

²⁰ «История культуры Древней Руси», т. II. М., 1951, стр. 258.

²¹ Отрывок дан в моем переводе. Древнерусский текст см. ИОРЯС, т. X, вып. 7, 1863, стр. 550.

В русских былинах неоднократно встречаются указания, что стены и потолки теремов расписывались²². Вот обычное былинное описание внутренней росписи «златоверхих» теремов:

*«На небе солнце — и в тереме солнце,
На небе месяц — и в тереме месяц,
На небе звезды — и в тереме звезды,
На небе зори — и в тереме зори;
Все в терему по-небесному»²³.*

Можно полагать, что украшение теремов знати изображениями солнца, луны и звезд было обычным делом. Епифаний акцентирует не самый факт росписи терема, а то, что роспись была «невиданной» и «неведомой» по красоте. А. Д. Седельников рассматривал выражение «незнаемоею подписью и страннолюбно» как своеобразный словесный штамп, характерный для Епифания Премудрого и окружающей его литературной среды²⁴. Наблюдение исследователя служит одним из аргументов в пользу авторства Епифания, но ни в какой мере не подвергает сомнению смысл епифаниевской характеристики росписи великокняжеского терема. Поэтому можно рассматривать эту характеристику как намек на необычность и новизну сюжетов росписи. Не исключено, например, что Феофан прибегнул здесь к аллегориям.

Следом за упоминанием о росписи великокняжеского терема Епифаний говорит об участии Феофана в создании росписи Благовещенского собора Кремля. Летописец под 1405 г. сообщает: «Тое же весны почаша подписывати церковь каменную святое Благовещение на князя великаго дворе, не ту, иже ныне стоит, а мастера бяху Феофан иконник Гръчин да Прохор старец с Городца, да чернец Андрей Рублев, да того же лета и кончаша ю»²⁵. Послание Епифания уточняет, что в Благовещенском соборе Феофан написал только две композиции — «Корень Иессеев» и «Апокалипсис»²⁶.

Из сообщений летописей и письма Епифания можно заключить, что в Москве Феофан создал сравнительно немного фресок. Однако имя его в летописных известиях неизменно стоит на первом месте среди имен сотрудничавших с ним живописцев, в чем можно усматривать указание на руководящую роль Феофана в этих работах.

Трудно сказать, прибыл Феофан в Москву в 1395 г. или это случилось несколько ранее. Думается, однако, что одним из инициаторов приглашения художника был Киприан, пользовавшийся большим авторитетом у великого князя Василия Дмитриевича и его матери, княгини Евдокии. Во всяком случае, даты известных нам московских работ Феофана Грека не выходят за хронологические пределы правления митрополита Киприана (занимал московский митрополичий престол с 1390 по 1406 г.).

²² Сведения о таких росписях собраны в исследовании: С. Шамбинаго. Древнерусское жилище по былинам (К материалам для исследования бытовой стороны русского эпоса). Сб. в честь В. Ф. Миллера. («Труды этнографического отдела», т. XIV). М., 1900, стр. 142—144.

²³ «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», ч. I. М., 1861, стр. 263; ср. стр. 363, 372 и др.

²⁴ А. Д. Седельников. Из области литературного общения в начале XV века, стр. 173.

²⁵ Троицкая летопись (стр. 459). Это известие было включено М. Д. Приселковым в реконструированный им текст Троицкой летописи по ошибке (см. М. Н. Тихомиров. Андрей Рублев и его эпоха. В кн.: М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, стр. 210). О росписи Благовещенского собора сообщают также (но не называя художников): Московский летописный свод конца XV в. (стр. 233); Пискаревский летописец (л. 432 об.); Румянцевский летописец (л. 131 об.). Фрески погибли при перестройке храма в конце XV в.

²⁶ «...И в каменной церкви во святом Благовещении корень Иессеев и Апокалипсис также исписавый» (И. Э. Грабарь. О древнерусском искусстве, стр. 78).

Выск
фан Гре
Коломне
Между
нии Ки
Упомина
ковские
Феофана
щесся с
Молч
объясни
роде тру
писцев,
упомина
еще не
когда ра
славлени
так и л

27 В.
хове, стр.
28 См.
29 Соо
Успение Б
тописец (л
30 Еди
на Ильине
т. III. СПб
XVII в., н
торскую за
К вопросу
Грека в Н

Высказывалось предположение, что по заказу княгини Евдокии Феофан Грек с помощниками мог выполнить роспись Успенского собора в Коломне ²⁷. Однако едва ли этот факт остался бы неизвестным Епифанию. Между тем из русских городов, где Феофан расписывал церкви, в послании Кириллу названы только Великий Новгород, Нижний и Москва ²⁸. Упомянув о росписи храма в Коломне, не называют имени Феофана и московские летописи ²⁹, где, в отличие от летописей новгородских, участие Феофана в украшении местных церквей неизменно отмечалось как выдающееся событие.

Молчание древних новгородских летописцев о Феофане Греке ³⁰ можно объяснить, с одной стороны, тем, что во второй половине XIV в. в Новгороде трудилось много приезжих византийских и южнославянских живописцев, и работа Феофана не казалась чем-то исключительным, достойным упоминания в летописи; с другой стороны, Феофан в те годы, вероятно, еще не обладал такой известностью, как в конце XIV — начале XV в., когда работал в Москве, где имя его могло быть использовано в целях прославления Москвы как патристически настроенным княжеским летописцем, так и летописцем грекофила митрополита Киприана.

²⁷ В. И. Антонова. О Феофане Греке в Коломне, Переславле-Залесском и Серпухове, стр. 14—15.

²⁸ См. выше, прим. 4.

²⁹ Сообщение о том, что в 1392 г. «подписана бысть на Коломне церковь камена Успение Богородици», содержат: Воскресенская летопись (стр. 62); Пискаревский летописец (л. 392 об.).

³⁰ Единственное упоминание о росписи Феофаном церкви Спаса Преображения на Ильине улице сохранилось в позднейшей Новгородской третьей летописи (ПСРЛ, т. III. СПб., 1841, стр. 231). При этом составитель ее, трудившийся во второй половине XVII в., не заимствовал это сообщение из более древней летописи, а скопировал ктиторскую запись, еще существовавшую в его время на стене храма (см. М. К. Каргер. К вопросу об источниках летописных записей о деятельности зодчего Петра и Феофана Грека в Новгороде. — ТОДРЛ, т. XIV, 1958, стр. 566).

Т. А. ИЗМАЙЛОВА

К ВОПРОСУ ОБ АРМЯНСКОМ РЕНЕССАНСЕ

В 1963 г. под редакцией Н. И. Конрада вышла в свет книга В. К. Чалояна об армянском Ренессансе¹. В ней автор стремится представить период X—XIV вв. в истории Армении как эпоху, по своему культурному содержанию и месту в общеисторическом процессе аналогичную итальянскому Возрождению XIII—XVI вв.

Большинством ученых — археологов, историков, искусствоведов — концепция В. К. Чалояна не принята. К числу их принадлежит и автор данной статьи. Академик же Н. И. Конрад в послесловии к книге поддерживает взгляды В. К. Чалояна и других исследователей, приближающихся к его точке зрения. Он считает вполне естественным переносить понятия, выработанные на более глубоко изученных материалах Запада, на сходные явления истории Востока².

Учитывая закономерности одной и той же формации, при всем ее конкретном своеобразии в различных странах, такой метод можно считать законным. Нельзя, однако, применять его механически, тем более недопустимо подгонять отдельные факты под заранее принятую концепцию. Лишь тщательное изучение памятников может привести к выводам, позволяющим наметить достаточно точное соответствие процессов, протекавших на Западе и на Востоке.

Рамки нашей статьи ограничены средневековьем, которое полностью определяет феодальная формация. Хорошо известно, что в течение этой длительной эпохи не раз наблюдалось возрождение интереса к античному наследию. Однако ясно, что не в каждом случае речь может идти о том Ренессансе, каким являлось итальянское Возрождение.

С этой точки зрения большой интерес представляет книга Е. Панофского «Ренессанс и ренессансы в западном искусстве»³. В ней автор противопоставляет итальянский Ренессанс «возрождениям», которые обычно бывают связаны с периодами складывания более или менее значительных ранних политических образований средневековья с характерной для них в области искусства и культуры в целом тенденцией воспроизводить классическое наследие, преломляя его через сознание людей своего времени. На Западе «ренессанс» такого типа был особенно ярко выражен при Каролингах. Это было первое приближение к античности — *renovatio* (термин, употреблявшийся в кругу Карла Великого). Господствующий слой воспринимал общество и государство Каролингов как прямое продолжение Римской империи, а искусство как простое приближение к собственному наследию.

¹ В. К. Чалоян. Армянский Ренессанс. М., 1963.

² Там же, стр. 160.

³ E. Panofsky. Renaissance and renaissances in Western Art. Stockholm, 1960.

К
чало
Е. Па
средст
карол
разом,
ции те
сическ
А.
можно
отмече
всюду
ббльш
в каж
ведени
Ин
однако
чение
слои о
не сос
Нес
как ви
минов,
санса.
ной фо
терес в
средней
Кат
и на ис
жить п
туры,
статье
одну л
класса
Пам
VII вв.
ставле
точенн
мянски
полнен
В мону
ные ко
сивных
товыми
В з
ленный
На ми
ленова
женны
ными
товку.
обитате

4 Ib
5 A.
au onziè

К новому подъему культуры западного средневековья (конец X — начало XI в.) нередко применяют термин «Оттоновское возрождение». Е. Панофский считает, что искусство в то время не обращалось уже непосредственно к античности, но черпало вдохновение из раннехристианских, каролингских и, что очень важно, византийских источников. «Таким образом, — пишет он, — ширилось и углублялось это основанное на традиции течение, которое несло с собой в море средневекового искусства классические мотивы»⁴.

А. Грабар отмечает, что стремление возвращаться к древним образцам можно считать общим для всех явлений художественной жизни, которыми отмечен конец первого тысячелетия. По словам автора, эти попытки, всюду ограниченные, завершались «возрождениями», которые охватывали большую или меньшую территорию, длились короткое время и отличались в каждом отдельном случае своеобразием созданных в этот период произведений⁵.

Интерес к античности после Оттонов пробуждается на Западе в XII в., однако и тогда к ней приближаются как к собственному наследию. Это течение приобретает широкий размах и пронизывает все более широкие слои общества. Но, как и в каролингском искусстве, классическая форма не соответствует вкладываемому в нее средневековому содержанию.

Неоднократное обращение к античному наследию в средние века было, как видим, неоднозначно. Это требует осторожности при перенесении терминов, особенно когда речь идет о возрождении типа итальянского Ренессанса. Античность в искусстве средних веков являлась лишь авторитарной формой, через которую на разных этапах по-разному преломлялся интерес к реальному миру, возникавший в ограниченном религиозной мысли средневекового человека.

Категории и термины, принятые для Запады, распространялись порой и на искусство других стран, в частности на Византию. Мы хотим предложить применительно к этим категориям периодизацию армянской миниатюры, являющейся предметом нашего специального изучения. В краткой статье нельзя дать, конечно, полной картины. Мы акцентируем лишь одну линию, наиболее ярко выражавшую идеологию господствующего класса на различных этапах.

Памятники армянской миниатюрной живописи раннего периода (V—VII вв.) почти не дошли до нас. Более полно армянская миниатюра представлена начиная со второй половины IX в. В тот период в процессе ожесточенной борьбы с завоевателями-арабами возникают самостоятельные армянские царства. В одном из них — Васпураканском — в 851 г. было выполнено иллюстрированное Евангелие царицы Млке (Венеция, № 1144). В монументальных архитектурных хорах пластичные, как бы каменные колонны с позолоченными капителями служат опорой широких массивных арок, украшенных по верху живо трактованными цветами, гранатовыми яблоками и птицами.

В заполнении тимпана двух хоранов вписан нильский пейзаж, излюбленный в позднееллинистических александрийских росписях и мозаиках. На миниатюре Евангелия Млке по черной воде, оживленной серовато-зеленоватыми гребешками, плывут золотые лодки, в которых стоят обнаженные огненно-красные фигурки. Лодки окружены крокодилами и водяными птицами, в значительной мере сохраняющими реалистическую трактовку. В тимпане двух других хоранов на фоне голубой воды плавают обитатели морей — дельфины и рыбы, симметрично расположенные по сто-

⁴ Ibid., p. 54.

⁵ A. Grabar. Les grands siècles de la peinture de la haut Moyen Age du quatrième au onzième siècle. Genève, 1957, p. 17.

ронам осьминога⁶. Подобные «аквариумы» также часто встречаются в позднеантичных мозаиках Африки⁷.

Традиция, столь ярко проявившаяся в сценах нильского пейзажа, характерна и для «портретов» евангелистов. Так, Матфей (табл. I, рис. 1) представлен в естественной величественной позе; свободное расположение складок, эмоционально-выразительное лицо вызывают в памяти образы античных философов. Занавеси фона напоминают трактовку их в росписях Стабианских бань в Помпеях. Мраморный аналой в виде протомы льва находит полную аналогию, например, в подставке, обнаруженной раскопками Херсонеса (I—II вв.) (Государственный Эрмитаж). По-видимому, как в хорах, художник и здесь обращался непосредственно к позднеантичным моделям. Это позволяет видеть в миниатюрах Евангелия Млке армянскую параллель к искусству Каролингского возрождения.

Миниатюрная живопись времени расцвета наиболее мощного царства армянских Багратидов (X — первая половина XI в.) остается совершенно неизвестной.

Во второй половине XI в. исторические судьбы страны в значительной мере определялись военной экспансией Византии. Она завершилась уничтожением самостоятельности Багратидского царства, что не означало еще коренной ломки социально-экономических норм и перерыва в культурной жизни Армении. Именно в этот период (середина и вторая половина XI в.), когда ослабевает строительная деятельность в Ани и окружающих его монастырях, блестящий расцвет переживает миниатюрная живопись, представленная первоклассной придворного типа школой, скриптории которой могли находиться как в самом Ани, так и в расположенных близ него монастырях. Самая ранняя известная нам рукопись анийской школы относится к 1053 г. (Матенадаран, № 3793).

Монуменальность и архитектурность ее хоранов, при всех происходящих в них изменениях (прямоугольное обрамление, в которое включена арка, ббльшая условность в передаче архитектурных элементов), позволяет наметить линию, восходящую к Евангелию Млке. Однако в декоре наблюдается усиление интереса не столько к позднеантичным, сколько к ранним восточнохристианским образцам. В орнаменте встречаются мотивы, известные в убранстве армянских храмов VI—VII вв., а также в Евангелии Рабулы (586 г.); виноградные гроздья на колоннах напоминают орнамент на армянской стеле Касаха (V—VI вв.) и некоторых коптских памятниках. Нет надобности говорить, что традиционные формы подчинены в Евангелии 1053 г. новым задачам и использованы в своеобразно организованных композициях. Художественный образ хоранов отличает торжественная праздничность. Она достигается гармоничностью пропорций, строгостью построения, широкой живописной манерой, нежным и звучным колоритом, еще не совсем утраченной характеристикой объема (табл. II, рис. 5).

«Портреты» евангелистов, монументальные фигуры которых господствуют над архитектурными фонами, распадаются на две группы. Типы 1-й группы — Марк, особенно Лука (табл. I, рис. 2) — относительно близки сидящим евангелистам Евангелия Млке, но модель их была несколько иной. Она восстанавливается по западноевропейским кодексам VIII, IX вв.⁸, где были, по-видимому, приняты образцы раннехристианского восточного искусства, пришедшие из Сирии. Сходные модели могли быть использованы и в не дошедших до нас армянских рукописях, предшествовавших по времени Евангелию Млке.

⁶ М. Чанашян. Армянская миниатюрная живопись (на армян. яз.). Венеция, 1966, Табл. 2—5.

⁷ К. Weitzmann. Die armenische Buchmalerei des X. und beginnenden XI. Jahrhunderts. Bamberg, 1933.

⁸ Т. Измайлова. Художественное убранство армянской рукописи 1053 г. — «Вестник», 1960, № 5, рис. 5.

аются в

жа, ха-
1) пред-
ие скла-
ы антич-
ях Ста-
ва нахо-
копками
, как в
итичным
янскую

царства
ершенно
стельной
сь унич-
ало еще
ьтурной
а XI в.),
его мо-
ь, пред-
и кото-
лиз него
колы от-

к проис-
включе-
, позво-
в декоре
олько к
отся мо-
также в
оминают
оптских
подчине-
но орга-
ает тор-
порций,
чнымко-
, рис. 5).
осподст-
ипы 1-й
ки сидя-
ко иной.
X вв. 8,
сточного
ользова-
вших по

ция, 1966,

Jahrhun-

— «Бан-

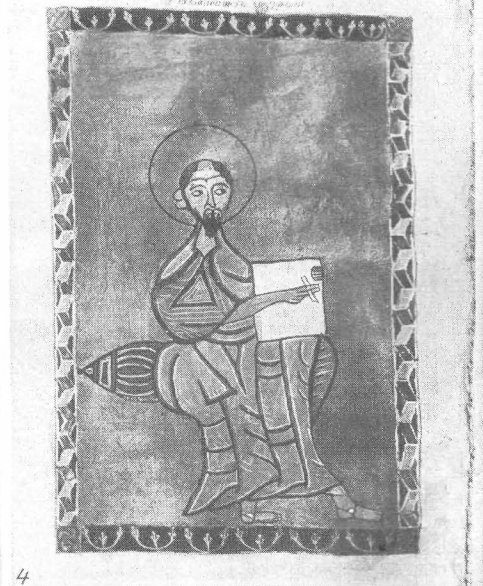
1

2

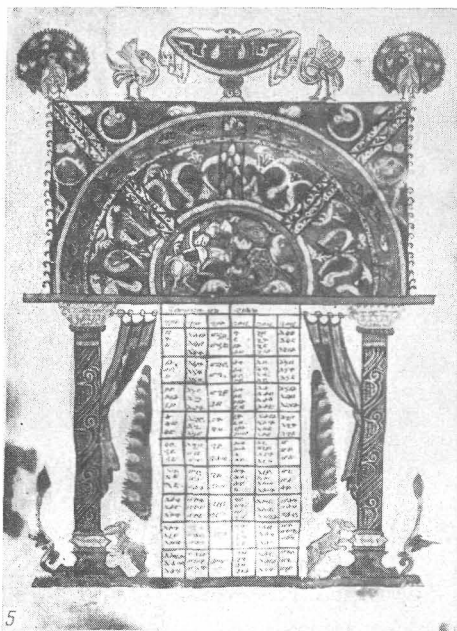
3

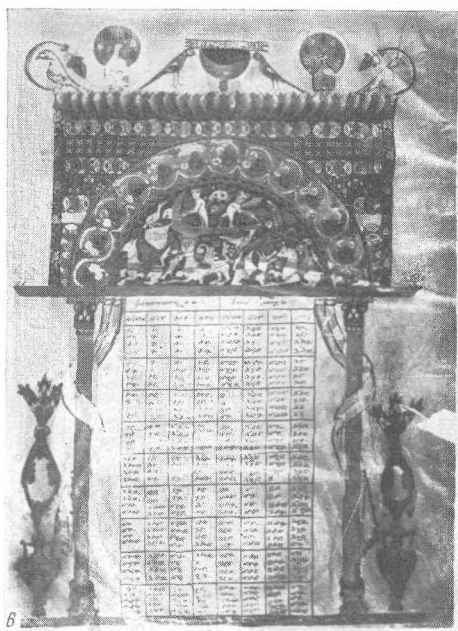
4

Таблица I

- 1 — Евангелист Матфей. Евангелие царицы Млке 851 г. (Венеция, № 1144).
2 — Евангелист Лука. Евангелие 1053 г. (Матенадаран, № 3793).
3 — Евангелист Лука. Евангелие Мугни (Матенадаран, № 7736).
4 — Евангелист Лука. Евангелие 1224 г. (Матенадаран, № 4823).

5

6

7

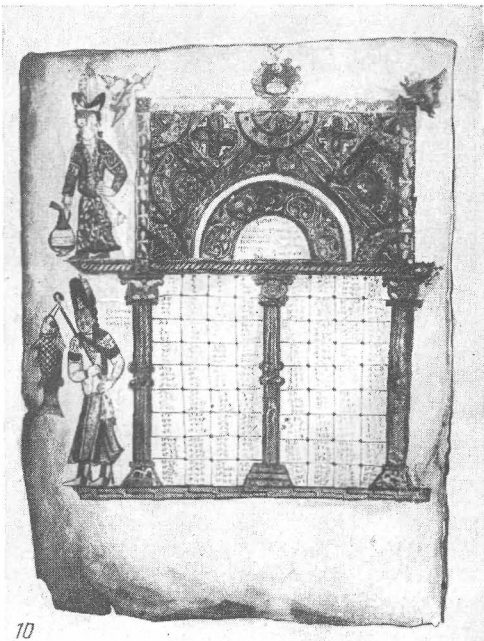
8

Т а б л и ц а II

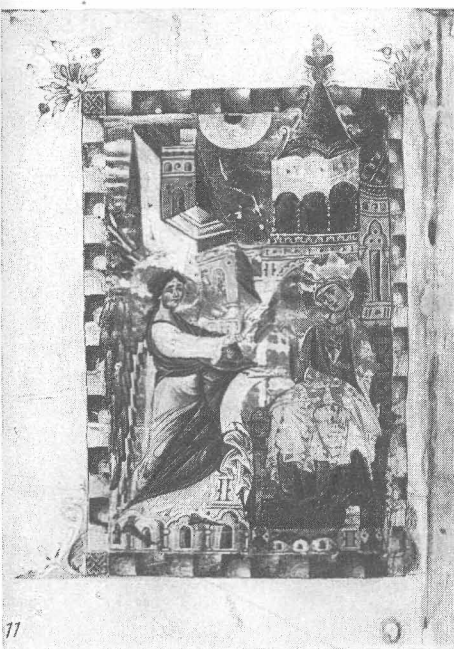
- 5 — Хоран. Евангелие 1053 г. (Матенадаран, № 3793).
 6 — Хоран с «нильским пейзажем». Евангелие Мугни (Матенадаран, № 7736). Конец XI в.
 7 — «Вознесение». Деталь. Евангелие Мугни (Матенадаран, № 7736).
 8 — «Вознесение». Деталь. Сант-Анджело ин Формис. Конец XI в.

9

10

11

12

Т а б л и ц а I I I

- 9 — «Вход Господень в Иерусалим». Ахпатское евангелие 1211 г. (Матенадаран, № 6288).
 10 — Хоран. Ахпатское евангелие 1211 г. (Матенадаран, № 6288).
 11 — «Благовещение». Евангелие 1287 г. Киликия (Матенадаран, № 197).
 12 — Хоран. Евангелие XIII в. (Матенадаран, № 9422).

Во вторую группу евангелистов кодекса 1053 г. мы включаем «портреты» Матфея и Иоанна с учеником Прохором⁹. Иконография и стиль этих миниатюр выдают более близкие контакты с византийским искусством.

Нити, связывающие иллюстрации рукописи 1053 г. с Евангелием Млке, ориентация на раннехристианские, а наряду с этим и византийские образцы позволяют рассматривать этот этап развития армянской миниатюры как известную параллель к так называемому «Оттоновскому возрождению».

Дальнейшее формирование средневекового стиля можно проследить по самой поздней рукописи той же школы — парадному Мугнинскому евангелию (Матенадаран, № 7736) конца XI в. Серия евангелистов, сохраняя сходство с принятой в Евангелии 1053 г., приведена здесь, однако, к полному единству. Из философов евангелисты превращаются в писцов. Художественный образ их становится более отвлеченным, бестелесным; невесомые фигуры подавлены пышными архитектурными ансамблями. Лики аскетичны (табл. I, рис. 3). В хорах все в большей мере проявляется восточная ориентация. Сохраняя ряд приемов, традиционных для школы, сочетая их с некоторыми новшествами, кое от чего отказываясь, он усложняет декор, создает разнообразные, всегда новые композиции, вводит в них значительное количество реальных и фантастических птиц и зверей. Двойственность не только формы, но и содержания, неполное преодоление эллинистической традиции ярко характеризует «нильский пейзаж» в тимпане одного из хоранов. Трансформация сказывается как в общем изменении стиля в сторону большей условности, так и в появлении на первом плане фризовой композиции с типичными для феодального мира фантастическими зверями в геральдических позах. По-видимому, здесь можно говорить о переходе к зрелому средневековому стилю, приближающемуся к романскому (табл. II, рис. 6).

На это дает указание и праздничный цикл, сохранившийся в Евангелии Мугни. Как в иконографии, так и в стиле в нем проявляется сходство с романскими росписями Италии в Сант-Анджело ин Формис (табл. II, рис. 7, 8).

Достаточно вспомнить изображение Иисуса в сцене Вознесения в этих двух памятниках.

В 60-е годы XI в. Армения была завоевана сельджуками, В миниатюрной живописи традиция прерывается. Новый подъем в конце XII в. вызвал оживленную деятельность монастырских скрипториев, где художественное оформление рукописей подчинялось новым стилистическим нормам. Это было время роста городов. Городская культура несла с собой более реальное отношение к миру. Однако оно не выходило за рамки идеалистического мышления и вследствие этого не способно было создать новое качество. Заметим, что армянский город никогда не стал даже свободной коммуной.

Тем не менее в наиболее прогрессивных произведениях миниатюрной живописи Центральной Армении того времени религиозное содержание получает выражение в формах, приближающихся к окружающей действительности, при все усиливающейся восточной ориентации и, как правило, отказе от античной традиции. В качестве наиболее яркого примера приведем миниатюру Ахпатского евангелия 1211 г. (Матенадаран, № 6288), тесно связанного с Ани (табл. III, рис. 9). Тема «Входа господина в Иерусалим» имеет здесь ряд жанровых черт, близких к современному этой иллюстрации искусству Востока с характерной для него условностью стиля. То же подтверждает и убранство хоранов Ахпатского евангелия. На одном из них представлены светские персонажи в одеждах, типичных для того времени. Однако и здесь реалистическая тенденция ограничена условной формой феодального искусства (табл. III, рис. 10).

⁹ Там же, рис. 3, 4.

Подъем духовной жизни страны, мощный толчок которому был дан развитием городов, неправильно было бы уподоблять итальянскому Ренессансу. Считаем уместным привести здесь слова В. Н. Лазарева, которыми он характеризует сходный этап развития феодального города на Западе: «Эти сдвиги не перерастают средневековых рамок, они не приносят с собой победу нового светского духа, на их базе не возникает мощное реалистическое движение. Искусство продолжает быть традиционно религиозным, оно сохраняет условность и отвлеченность, присущую феодальному искусству»¹⁰.

Уже с XIII в. начинается реакция на все то, что принес с собой XII век. В это время в миниатюрной живописи Центральной Армении выдвигается крупный художник Игнатиос, работавший по заказу феодализирующейся городской верхушки. Его творчество вполне абстрактно, полностью удалено от чувственного восприятия мира. Отвлеченно-декоративные, совершенные по своей законченности композиции заглавных листов изысканы и по колориту, в котором большую роль начинает играть золото. В качестве примера приведем заглавную страницу Евангелия 1214 г. (Венеция, № 151/134)¹¹.

Абстрактность и трансцендентальность нашли еще более яркое выражение в консервативных скрипториях, удаленных от города. Крайнего выражения эти черты достигают в миниатюрах Евангелия 1224 г. (Матенадаран, № 4823), заказчицей которого была Ванени, внучка Хахпака II, представителя молодого феодального рода. В серии евангелистов легко устанавливается связь с кодексами анийской школы XI в., при глубоко отличном решении их образа — полном отказе от античных реминисценций и какого-либо соприкосновения с реальным миром (табл. I, рис. 4).

Золотым фоном, графической геометризацией складок, пренебрежением к характеристике объема мастер стремится подчеркнуть заложенную им в образе евангелистов мистическую идею. Ирреальная функция — восприятие божественного слова — акцентирована размером уха. Поднятые кверху зрачки глаз придают лицам одухотворенность, сочетание светлых ярких красок одежд с золотом — необыденную «осиянность».

Монгольское завоевание искусственно оборвало блестящий подъем, пережитый Центральной Арменией в XII—XIII вв. Поступательное движение в несколько иных формах, для которых характерен новый взлет античной традиции, прослеживается в миниатюрной живописи Киликийского царства, сохранившего свою самостоятельность до XIV в.

Кульминацией в развитии этой области искусства в Киликии обычно считается творчество Тороса Рослина (вторая половина XIII в.). Ему приписывались ранее и миниатюры ряда рукописей последней четверти того же столетия. Ныне установлено, что они принадлежат безымянным мастерам, произведения которых и завершают прогрессивный путь развития киликийской живописи. В качестве примера приведем сцену «Благовещения» из Евангелия 1287 г. (Матенадаран, № 197) (табл. III, рис. 11). Усиливающийся интерес к передаче объема, пространства, движений, светотени, свидетельствующий о новых веяниях в искусстве этого времени, сочетается с известной манерностью поз и жестов, нагромождением архитектурных композиций, разрывающих рамку миниатюры, сложностью рисунка, золотом фонов. Такое решение позволяет сблизить эту иллюстрацию скорее с произведениями поздней готики, чем с памятниками итальянского Ренессанса.

Мастер Евангелия второй половины XIII в. (Матенадаран, № 9422), украшая хоран (табл. III, рис. 12), вполне иллюзорно передает изображения животных, ракурскачущих на льве и коне обнаженных всадников, прекрасно

¹⁰ В. Н. Лазарев. Происхождение итальянского Возрождения, т. I. М., 1956, стр. 15

¹¹ М. Чанацян. Указ. соч., табл. 68, 69.

3- владеет свето-теневой характеристикой. Однако он инкорпорирует обра-
3- зы реального мира в чисто декоративную композицию, заполняя ее наряду
и с ними фантастической флорой и фауной. Не в силах преодолеть абстракт-
3: ные, условные нормы средневекового искусства, художник лишь услож-
й няет форму, придает ей особую напряженность, безусловно изменяет, но
и не ломает ее. На приведенных крайних в своих выражениях образцах мы
и продемонстрировали основные этапы развития средневековой армянской
и миниатюры, к которым пытались найти параллели в категориях и терми-
и нах, применяемых к искусству западного средневековья. Ни одна из ми-
и ниатюр на всем протяжении этого длительного периода не дала возмож-
и ности сопоставить ее с памятниками итальянского Возрождения XIII—
и XVI вв.

и Не исключено, что при более благоприятных исторических условиях к
и сходным явлениям могло бы привести развитие общества и искусства в
и Киликийском царстве. Однако этот вопрос еще ждет своих исследовате-
и лей.

и Последующее развитие армянской миниатюры (XIV—XVII вв.) пред-
и ставлено рядом интересных национальных школ. Однако параллели с
и западноевропейским искусством могут быть намечены лишь для XVII в.,
и при этом нередко в плане прямых влияний.

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ, Ш. С. ТАШХОДЖАЕВ

ОБ ОДНОЙ ТЮРКО-СОГДИЙСКОЙ МОНЕТЕ
С ХРИСТИАНСКИМИ СИМВОЛАМИ

В июне 1968 г. при археологических раскопках крупного средневекового здания в юго-восточной части городища Афрасиаб в помещении № 3 на глубине шестого яруса была найдена медная монета довольно хорошей сохранности.

Лицевая сторона. В круге из крупных точек, чередующихся с более мелкими, погрудное изображение правителя впрямь с небольшим поворотом лица влево. Лицо с монголоидными чертами, скулы высокие, щеки полные, уголки глаз приподняты, зрачки переданы точками. Нос короткий и тупой, рот закрыт усами, опущенными концами вниз. На голове башлыкообразный убор, опускающийся на уши. В левом ухе серьга с одним камнем. На груди ожерелье из бус, переданных точками.

В правой руке (?), поднятой на уровне плеча, большой крест, вертикальная перекладина которого длиннее горизонтальной. Концы креста расширены. Над крестом S-образный значок.

Справа от головы, в поле на уровне уха, — небольшой равноконечный крест со слегка расширяющимися концами. Над ним неясный значок.

Оборотная сторона. В центре монеты тамга, с трех сторон от которой полустертая надпись, выполненная согдийским письмом: — А; Д — 2,5 см.; вес — 3,1.

За последнее время благодаря О. И. Смирновой издано большое количество тюрко-согдийских монет, найденных в Пенджикенте. Среди них есть монета, на которой имеется изображение правителя в головном уборе, во многом похожего на изображение правителя на афрасиабской монете¹. Аналогичны здесь также тамга и, видимо, надписи. На пенджикентской монете тамга имеет в верхней части два боковых отростка, тогда как на афрасиабской их нет. Однако общая основа этих тамг идентична. Что касается надписи, которую О. И. Смирнова читает как $\text{rgr}\beta\gamma\gamma\text{u}$, то, видимо, она на обеих монетах одинакова. При этом сходстве, на пенджикентской монете отсутствуют кресты, которые на афрасиабской видны очень отчетливо.

Последняя, несомненно, выпущена в пределах Средней Азии, возможно в Чаче, на что в первую очередь указывает помещенная на оборотной стороне тамга в виде «скорпиона», характерная для монет тюркских правителей этой области. Но совершенно неожиданным является наличие на лицевой стороне крестов, размещенных по обе стороны от головы правителя.

Из находок на территории Средней Азии до обнаружения афрасиабской монеты были известны три медные монеты местного чекана, на которых имеются изображения крестов.

¹ О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963, стр. 135, 786.

Одна из этих монет, найденная на городище Пенджикент, имеет в центре оборотной стороны прямой четырехконечный крест с расширяющимися концами, рядом помещен династийный знак согдийского владетеля. Вторая, происходящая с городища Варахша, вблизи Бухары, на лицевой стороне имеет изображение фантастического зверя, идущего вправо, а в центре оборотной стороны крест, аналогичный кресту на пенджикентской монете.

Изучавшая эти монеты, О. И. Смирнова считает, что они, вероятнее всего, выпущены согдийскими князьями-христианами или главой христианской общины или монастыря².

Третья монета найдена в дворце уструшанских афшинов, на городище Калаи Кахкаха I. На ее лицевой стороне — погрудное изображение мужчины в короне, над короной — луна и солнце. На реверсе тамга и крест, концы креста заметно расширены³.

Однако на всех рассмотренных выше монетах кресты помещены на оборотной стороне, тогда как на афрасиабской монете кресты находятся на лицевой стороне, по обе стороны от головы правителя.

Подобный принцип размещения крестов в сочетании с явно тюркским обликом правителя, насколько нам известно, не зафиксирован еще ни на одной монете, выпущенной в Средней Азии и сопредельных странах в раннее средневековье, и не имеет соответствующих традиций.

При таком положении, как нам представляется, наиболее вероятно то, что фигуры крестов могли быть скопированы с монет христианской Византии, с соответствующим принципом расположения крестов. Такие медные монеты, на которых слева от головы помещен крест, вертикальная перекладина которого длиннее горизонтальной, а справа в поле небольшой равноконечный крест, т. е. точно так же, как и на афрасиабской монете, известны в монетном чекане Юстиниана I (527—565)⁴. На территории Средней Азии находки монет Юстиниана I, как медных, так и золотых, нередки⁵. Из последних находок наиболее интересен найденный неподалеку от Ташкента солид Юстиниана I с изображением волчицы и двух близнецов на оборотной стороне. Заметим к тому же, что в Средней Азии известны многочисленные находки индикаций и подражаний византийским монетам, в том числе и монетам Юстиниана I, которые, несомненно, изготовлялись на месте, а это говорит о том, что среднеазиатские мастера монетного дела были на практике знакомы с византийскими монетами и особенностями помещенных на них изображений⁶. Изучая тюрко-согдийские монеты со спаренными бюстами правителя и правительницы, М. Е. Массон усмотрел в

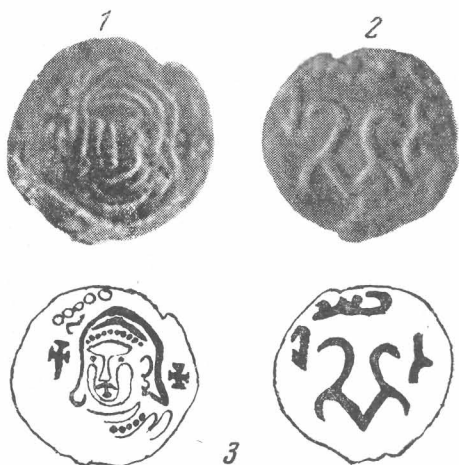

Рис. 1. Тюрко-согдийская монета с христианскими символами.

- 1 — лицевая сторона;
2 — оборотная сторона;
3 — прорисовка.

² О. И. Смирнова. О двух группах монет владетелей Согда VI—VIII вв. — «Известия Отделения ОН АН Тадж.ССР», вып. 14. Душанбе, 1957, стр. 132—133.

³ Б. А. Литвинский. Археологические работы Института истории АН Таджикской ССР. — «Археологические открытия. 1966». М., 1967, стр. 318.

⁴ И. И. Толстой. Византийские монеты, вып. IV. СПб., 1913, стр. 374, № 431, 433, 435, 445, 502.

⁵ М. Е. Массон. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики. — «Труды САГУ», новая серия. XXIII. Гуманитарные науки, кн. 4. Ташкент, 1951, стр. 97.

⁶ Там же; В. И. Козенкова. Новый источник для изучения связей Византии и Средней Азии. — СА, 1967, № 1, стр. 266—270.

них определенное копирование византийских монет, где спаренное изображение впервые появляется на медных монетах Юстина II (565—578), изображенного вместе с царицей Софией⁷. Если это так, то в афрасиабской монете отмечается второй случай перенесения мотивов византийской монетной иконографии на тюрко-согдийские монеты, на что намекают все приведенные выше данные.

Помещая на своих монетах кресты, неизвестный нам тюркский правитель тем самым возвещал о том, что он придерживается христианского вероучения. Кем он был, православным или несторианином, ответить очень трудно. Фигуры крестов с слегка расширяющимися концами несколько напоминают несторианские. Учитывая при этом, что несторианство было широко распространено в Средней Азии⁸, можно было бы предположить, что данный правитель придерживался несторианства. Однако не исключено, что он был и православным, что могло быть связано с мотивами чисто политического характера, поскольку в Византии, с которой у тюрков Западно-тюркского каганата были налажены дипломатические сношения и политический союз — еще со времен Юстина II (не всегда, правда, постоянный), православная церковь являлась господствующей⁹.

В этой связи напомним, что еще В. В. Бартольд, написавший до сих пор не превзойденный очерк о христианстве в Средней Азии в домонгольский период, полагал, что христианство к тюркскому племени гузов, обитавших по Сыр-Дарье, могли частично занести византийские миссионеры¹⁰. Помимо несториан, в Средней Азии, в частности в Хорезме, были и православные — яковиты. С. П. Толстов на основе *Notitia Episcopatum*, документа VIII в., считал, что в состав Хазарской митрополии входила также особая Хвалисская, т. е. Хорезмская, христианская епископская кафедра¹¹. Если тождество Хвалисской и Хорезмийской епископских кафедр правильно, то это, на наш взгляд, может служить доказательством связи хорезмийских христиан не только с Хазарией, но и с Византией, поскольку деятельность византийских миссионеров в Хазарии общеизвестна.

Фактов же распространения христианства несторианского толка у тюрков и других народов Средней Азии в период раннего средневековья известно немало. Приведем только те, которые касаются непосредственно тюрков. В середине VII в. при мервском патриархе Илье была обращена в христианство группа тюрков, обитавших близ Мервского оазиса¹².

По данным сирийских хроник, патриарх Тимофей (780—819) получал письма от тюркского кагана и других царей, якобы обращенных им в христианство. Посланный им в прикаспийские области миссионер Субхальешу проник затем в глубь Средней Азии и далее в Китай, так что путь его пролегал как раз через земли, населенные тюркскими племенами¹³.

Эти известия письменных источников по времени наиболее близки к датировке афрасиабской монеты тюркского правителя, которая, судя по стратегическим наблюдениям — она найдена в одном горизонте с монетами согдийского ихшида Чишпира (642—656), — восходит ко второй половине VII в. Таким образом, описанная монета является по существу первым и очень наглядным вещественным памятником, ценнейшим историческим документом, свидетельствующим о том, что во второй половине VII в. один из тюркских правителей Средней Азии был христианином.

⁷ М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 99.

⁸ В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. — Соч., т. II, ч. 2. М., 1964, стр. 275.

⁹ См. «Византийские историки». СПб., 1860, стр. 375 и сл.

¹⁰ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 286.

¹¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 227—229; его же. Новогодний праздник «каландас» у хорезмийских христиан начала XI в. — СЭ, 1946, № 2, стр. 87—108.

¹² «История таджикского народа», т. II, кн. 1. М., 1964, стр. 90.

¹³ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 275.

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ БЕНЕШЕВИЧ

(к 100-летию со дня рождения)

Сведения о научной деятельности В. Н. Бенешевича (1874—1943) и важнейшие биографические данные о нем кратко и вместе с тем достаточно полно были изложены в «Записке», составленной четырьмя виднейшими русскими учеными в связи с избранием В. Н. Бенешевича членом-корреспондентом Российской Академии наук.

Приводим эту «Записку» полностью, так как к ней могут быть сделаны лишь незначительные дополнения¹.

«Профессор Владимир Николаевич Бенешевич родился в 1874 г. в Дисненском уезде Виленской губернии, среднее образование получил в Виленской первой гимназии, которую окончил в 1893 г. с золотой медалью. Высшее образование проходил в Санкт-Петербургском университете по юридическому факультету, который окончил в 1897 г. с дипломом первой степени. Будучи оставлен в университете для приготовления к профессорскому званию, В. Н. Бенешевич провел два года за границей, где занимался специальными вопросами по разным отделам истории права под руководством профессоров Елинека, Куно Фишера, Рудольфа Зомы, Фридберга, Вундта и Гарнака. По возвращении из командировки в 1900 г. В. Н. главное свое внимание посвятил научной работе, уделяя ей все время, остававшееся от преподавательской деятельности в университете и других высших учебных заведениях. Изучение некоторых памятников древнеславянского и древнерусского права привело его к мысли о необходимости детальной и самостоятельной разработки ряда вопросов из истории права и литературы греко-римской эпохи. Этот начальный период работы дал определенное направление всей последующей ученой деятельности В. Н. Уже во время поездок для занятий в западноевропейских библиотеках ему удалось частью открыть много совершенно новых памятников, частью найти новые редакции уже известных; но он, не ограничиваясь западными библиотеками, с неослабной энергией продолжал свои исследования и на Востоке². Многократные поездки на Афон, Синай, в Египет, Грецию, Малую Азию и Палестину и работа в Петрограде и Москве дали в его руки громадное собрание рукописного материала, важного для проверки и новой постановки вопроса изучения греко-римских и славяно-русских юридических памятников. Эта особенность научного направления В. Н. Бене-

¹ Ф. И. Успенский, В. П. Бузескул, И. Ю. Крачковский, Н. Я. Марр. Записка об ученых трудах В. Н. Бенешевича. — «Известия Российской Академии наук», VI серия, т. XVIII, 1924, июнь — декабрь, вторая часть. Л., 1924, стр. 536—538.

² В автобиографии В. Н. Бенешевич указывает, что во время этих заграничных поездок он посетил 49 (!) библиотек. См. Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР, ф. 192, оп. 3, № 184, лл. 18—21. Часть архива В. Н. Бенешевича хранится в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР, ф. 261.

Владимир Николаевич Бенешевич.

шевича — стремление к возможной полноте и точности материала — отвечает лучшим традициям русской ученой среды и объясняется, помимо этого, влиянием немецкой школы, сказавшимся и в методике его работы. Собрание массы сырого материала произведено В. Н. Бенешевичем по заранее выработанному плану с тою целью, чтобы заново построить всю историю греко-римского права. И большие работы В. Н. Бенешевича, посвященные разработке истории двух основных юридических сборников VI века, показывают, что автор имеет силы для осуществления самых широких замыслов. Магистерская диссертация под названием «Канонический сборник XIV титулов»³ появилась в 1905 г. и сопровождалась рядом приложений в особой книге, среди которых главное место занимает собрание 754 толкований к правилам, а в 1907 г. закончен был печатанием и большой том (в 840 страниц), содержащий издание самого сборника в XIV титулах по трем редакциям его с тем древнеславянским переводом, введение которого в научный оборот, даже без указания греческого оригинала, считалось одной из важных заслуг известного русского ученого А. С. Павлова. В 1914 г. появилась докторская диссертация, посвященная изучению «Синагоги в 50 титулах и других юридических сборников Иоанна Схоластика»⁴. Оба указанных сборника уже не раз до В. Н. были предметом внимания ученых и западных, и русских, но ни один из его предшественников не ставил вопроса о происхождении, составе и развитии сборников на такую широкую и прочную основу детального изучения всего сохранившегося материала и разностороннего изучения его. Само по себе стремление объяснить происхождение и состав древнейших собраний источников греко-римского права, получивших каноническое значение в церкви,

³ Список трудов, № 11.

⁴ Список трудов, № 42.

встречает крайние трудности как в чрезвычайной разбросанности, а иногда и фрагментарности рукописного материала, так и в недостатке критических работ. Не смущаясь затруднением, автор задумал решить попутно кардинальной важности вопрос о том, каким путем и когда в церковную практику начало вливаться светское законодательство как элемент, равносильный канонам.

Вчитываясь и вдумываясь в содержание обширных трудов Бенешевича, дельзя не приходиться в изумление перед разнообразием и богатством средств, приложенных автором для преодоления трудностей. Не только каждая из глав его труда, но и отдельные параграфы, а иногда и примечания в этих главах могли бы быть и со временем будут развиты в самостоятельные монографии, для которых им и материал, и основные мысли уже проработаны и подготовлены. Как справился В. Н. с трудностями своей работы, можно лучше всего судить теперь только по отзывам иностранных специалистов. Отзыв одного из авторитетнейших германских исследователей канонической литературы, Эдуарда Шварца, другим авторитетом в той же области, английским ученым С. Н. Turner, характеризуется как полный энтузиазма (*Schwartz speaks with real enthusiasm of the value of Beneschewitsch's work*); другие, как, например, G. Bortolucci, A. Yülicher, H. Schmid, приветствуют в лице В. Н. авторитетнейшего исследователя и издателя памятников византийского права и даже уподобляют его научную фигуру такому первоклассному знатоку источников римского церковного права, как Fg. Maasen. Афинский национальный университет в 1912 г. избрал В. Н. почетным доктором прав, Страсбургская академия наук в 1914 г. избрала его в свои члены. Магистерская и докторская диссертации В. Н. Бенешевича удостоены были Академией наук Уваровской премией.

Профессор В. Н. Бенешевич умеет ставить широкие цели своей работе, умеет и организовать общую работу: стоит вспомнить о том участии, которое он принимал в создании и ведении «Христианского Востока», «Русского исторического журнала», «Русской науки», «Науки в России». При этом следует отметить, что В. Н. проявлял и проявляет необычайную энергию и редкую настойчивость в достижении раз поставленной цели, какой-бы ни казалась она отдаленной и трудной. В многочисленных заметках, справках, дополнительных статьях он продолжает углублять и расширять свои исследования в разнообразных областях истории, археологии, права и литературы Византии и славянства. Более 60 работ уже напечатано, но как раз среди набирающихся и ждущих набора находятся такие важные предприятия, осуществление которых имело бы громадную важность для науки. Из многочисленных работ последнего времени обращают на себя внимание две: одна касается истории одного из главнейших источников наших сведений о византийской табели о рангах IX—X века⁵, другая сообщает важные и новые сведения для характеристики положения евреев в Византии VI—X вв. и вскрывает такие имена еврейских писателей этой эпохи, которые не удавалось разгадать авторитетнейшим исследователям того же вопроса⁶.

Все работавшие с проф. Бенешевичем в академических и университетских комиссиях научились высоко ценить и его обширные знания, и научную школу, и неустанную энергию в научной работе.

Ввиду всего вышеизложенного нижеподписавшиеся считают избрание В. Н. Бенешевича в члены-корреспонденты Российской Академии наук справедливым актом признания ученых заслуг этого выдающегося исследователя.

⁵ Список трудов, № 80.

⁶ Список трудов, № 74.

Без даты. Подписи: Ф. И. Успенский, В. П. Бузескул, И. Ю. Крачковский, Н. Я. Марр⁷.

В этой «Записке» остался недостаточно освещенным интерес В. Н. Бенешевича к памятникам древнегрузинской и армянской письменности и к древней славяно-русской литературе — словом, к письменности и литературе народов византийского культурного круга. Напомню лишь некоторые из работ, посвященных этой тематике. Древний грузинский перевод Четвероевангелия впервые был издан именно Бенешевичем, причем в своей рецензии на это издание крупнейший грузинский ученый К. С. Кекелидзе отметил, что Бенешевич первым из русских византистов изучил древнегрузинский язык⁸.

Для истории армянской литературы и ее связей с древнерусской литературой чрезвычайно важно введение в научный оборот армянского перевода «Сказания о Борисе и Глебе»⁹. Что же касается славяно-русской переводной литературы, то здесь В. Н. Бенешевича интересовали переводы самых разнообразных текстов: юридических, канонических, хронологических, ученых и других¹⁰.

Не названы также в вышеприведенной «Записке» две любопытные находки В. Н. Бенешевича, а именно «Завещание византийского боярина XI века»¹¹ и так называемые «Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века». «Завещание» было опубликовано самим В. Н. Бенешевичем, а «Отрывки», находящиеся на одном из листов греческой рукописи Ватиканской библиотеки № 840, издали (с русским переводом и подробным комментарием) М. Д. Приселков и М. Р. Фасмер¹².

В заключение несколько слов о педагогической деятельности В. Н. Бенешевича: она не была обширной. В дореволюционные годы он занимался преподаванием канонического права и истории права, а позднее вел в Ленинградском гос. университете эпизодические курсы по истории Византийской империи. Среди его последних учеников были А. В. Банк, Е. Э. Гранстрем. Здесь уместно напомнить, что именно В. Н. Бенешевич первым из византистов советского времени вел занятия по греческой палеографии. Будучи в течение ряда лет хранителем фонда греческих рукописей Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде, он ясно понимал, что традиция изучения греческих рукописей в нашей стране не должна быть прервана. В 1935 г. он также выступал официальным оппонентом в ГАИМК на диспуте, связанном с защитой диссертации выдающимся советским византистом Е. Э. Липшиц под названием «Земледельческий закон и проблема сельской общины в Византии».

С 1925 по 1937 г., с некоторыми перерывами, В. Н. Бенешевич работал в Отделе рукописей Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде, где занимался исследованием отдельных рукописей и подготовкой печатного каталога всего собрания в целом. Одновременно ему была поручена организация фотокабинета. В те годы в Публичной библиотеке намечались обширные работы по изучению и раскрытию ее рукописных богатств, проводившиеся по замыслу академика Н. Я. Марра, который был директором библиотеки с 1924 по 1929 г. В. Н. Бенешевич особенно интересовался фотографирова-

⁷ Позднее В. Н. Бенешевич был избран также членом-корреспондентом Баварской Академии наук в Мюнхене (март 1927 г.) и Прусской Академии наук в Берлине (30 мая 1929 г.). Выдержки из «Записки» немецких академиков по этому поводу см. в статье: И. Ирмиш. Русские исследователи античности в Берлинской Академии. — ВДИ, 1967, № 2, стр. 112—113, а также архив: ф. 192, оп. 3, № 103. Диплом Прусской Академии см. ф. 192, оп., 3, № 104, л. 11.

⁸ Список трудов, № 29. Рец. К. С. Кекелидзе см.: «Закавказье», 10/III 1910.

⁹ Список трудов, № 25.

¹⁰ Список трудов, № 2, 16, 21, 24, 51, 73 и др.

¹¹ Список трудов, № 17.

¹² М. Д. Приселков, М. Р. Фасмер. Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века. — ИОРЯС, т. XXI, 1916, кн. 1.

нием палимпсестов и выявлением содержащихся в них смытых текстов.

Список трудов В. Н. Бенешевича публикуется впервые¹³; он составлен на основании списков, хранящихся в архиве автора (ф. 192, оп. 3, № 184, лл. 38—79). Названия трудов, не учтенных самим автором и найденных библиографическим путем, сопровождаются примечанием: «В списке автора отсутствует»¹⁴.

СПИСОК ТРУДОВ В. Н. БЕНЕШЕВИЧА

1. Биографии Царевского, Цейера, Церма, Челядниных, Чемодановых, Черкасских. — «Русский биографический словарь», т. 22. СПб., 1901, стр. 451—452, 471—472, 480—481; т. 23. СПб., 1905, стр. 132—138, 142—147, 175, 177—183, 195—198, 209—216, 220—224.
2. Два списка славянского перевода Синтагмы Матфея Властаря, хранящиеся в Санкт-Петербургской синодальной библиотеке. Описание их и тексты неизданных статей. — ИОРЯС, 1901, т. VI, кн. 4, стр. 150—227.
3. Отчет о командировке в 1902 году на остров Патмос. Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук за 1902 год. Приложение, стр. 94—102. — «Известия имп. Акад. наук», 1903 т. XVIII, № 3 и 4.
4. Kirchenrecht. Bibliographischer обзор русской литературы в: «Jahrbuch der Internationalen Vereinigung für vergleichende Rechtswissenschaft und Volkswirtschaftslehre zu Berlin». Bd. V, 2. Abt., 1899. Berlin, 1902, S. 997—1024; Bd. VI, 2. Abt., 1899—1901. Berlin, 1904, S. 1336—1347.
5. Кормчая Никифорова. Описание. — «Известия имп. Академии наук», 1903, т. XVIII, № 4, стр. 021—045.
6. Codex Justineus? — «Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanist. Abt.», Bd. XXIV, 1903, S. 409—414.
7. Рец. на кн.: А. И. Алмазов. Канонические ответы Иоасафа, митрополита Ефесского (Малоизвестный памятник права греческой церкви XV в.). Текст и перевод с предварит. очерком и примечаниями. Одесса, 1903; его же. Неизданные канонические ответы константинопольского патриарха Луки Хрисоверга и митрополита родосского Нила. Одесса, 1903. — ЖМНП, ч. 351, 1904, январь, стр. 231—244.
8. Рец. на кн.: А. И. Алмазов. Законоправильник при русском требнике. Критико-библиографич. очерк по поводу книги проф. А. С. Павлова «Номоканон при Большом Требнике» (М., 1897). СПб., 1902 (отдельный оттиск из «Христианского чтения», 1902, июль—декабрь). — ЖМНП, ч. 353, 1904, июнь, стр. 397—425.
9. Сведения о греческих рукописях канонического содержания в библиотеках монастырей Ватопеда и Лавры св. Афанасия на Афоне. — ВВ, XI, 1904, приложение № 2.
10. К «Ответам» Иоасафа Ефесского Георгию. — ВВ, XI, 1904, стр. 866—868; XII, 1906, стр. 525.
11. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 года. К древнейшей истории источников права грековосточной церкви. СПб., 1905—1907 (с приложениями).
12. Библиография отдела «Право» в сб. «Византийский временник». — XI, 1905, стр. 245—256, 685—689; XII, 1906, стр. 347—357.
13. Определение 1027 года патриарха Алексия. — ВВ, XII, 1906, стр. 515—517.
14. Определение патриарха Михаила Керуллария. — ВВ, XII, 1906, стр. 517—518.
15. Ответы хартофилакса Никифора на вопросы монаха Максима. — ВВ, XII, 1906, стр. 518—524.
16. Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований. I. СПб., 1906—1907 (вышел только первый том в трех выпусках).
17. Завещание византийского боярина XI века. — ЖМНП, н. с., ч. 9, 1907, отд. клас. сич. филологии, стр. 219—231.
18. «Видение» Диадоха, епископа Фотикийского в Эпире. — «Записки имп. Академии наук по историко-филологич. отделению», т. VIII, № 11. СПб. 1908, стр. 1—9.
19. Дополнения и указатели в кн.: «Памятники древнерусского канонического права. Часть первая. Памятники XI—XV вв.» Изд. 2-е. СПб., 1908 («Русская историческая библиотека», т. VI).

¹³ В архиве (ф. 192, оп. 3, № 238) хранится письмо нидерландского ученого А. Дунса (A. Doens) к вдове В. Н. Бенешевича от 17 января 1961 г., в котором говорится о намерении Дунса напечатать статью о В. Н. Бенешевиче и список его трудов; сведений о выходе такой статьи в свет найти не удалось.

¹⁴ О работах В. Н. Бенешевича см. также: З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет. М., «Наука», 1969 (страницы по указателю); Г. В[ернадский]. 25-летие научно-литературной деятельности В. Н. Бенешевича. — «Seminarium Kon-dakovianum», I. Prague, 1927, p. 312—313.

20. Записка об издании «Архива древне-русской письменности» (12 октября 1908 г. в Протоколах Комиссии по изданию памятников древне-русской письменности).
21. Молитва отцов Никейского первого вселенского собора. — «Известия имп. Академии наук», 1908, стр. 73—74.
22. Отчет о поездке в Синайский монастырь св. Екатерины летом 1908 г. — «Известия имп. Академии наук», 1908, стр. 1145—1148.
23. Синайский список отцов Никейского первого вселенского собора. — «Известия имп. Академии наук», 1908, стр. 281—306; перепечатано в кн.: *F. Haase. Altchristliche Kirchengeschichte nach orientalischen Quellen*. Leipzig, 1925, S. 257—269.
24. Die «Gebote der heiligen Väter» nach dem Euchologium Sinaiticum. — *Jagié — Festschrift*. Berlin, 1908, S. 591—596.
25. Армянский пролог о свв. Борисе и Глебе. — ИОРЯС, т. 14, 1909, кн. 1, стр. 201—236.
26. Ответы Петра Хартофилакса (конца XI века). — «Записки имп. Академии наук, по историко-филологич. отделению», т. VIII, № 14, СПб., 1909, стр. 1—19.
27. Прохирон (ὁ πρὸχυρος νόμος) в новейшей русской литературе. — «Юридические записки». Ярославль, 1909, вып. 1 (III), стр. 102—110.
28. Отзыв о книге свящ. Д. Ф. Стефановича «Стоглав: его происхождение, состав и значение в истории древнерусского церковного права и богослужения». — «Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской духовной академии за 1909—1910 учебный год». СПб., 1910, стр. 318—324.
29. Четвероевангелие в древнем грузинском переводе по рукописям 913 и 995 годов, под ред. В. Н. Бенешевича. Вып. I—II. СПб., 1909—1911.
30. Обзорение трудов по славяноведению. 1908—1913. Сост. В. Н. Бенешевич, В. И. Срезневский, М. Р. Фасмер, А. А. Шахматов. Под ред. В. Н. Бенешевича. СПб. — Пг., 1909—1918; 1908—1909. Вып. 1—4. — ИОРЯС, 1909, т. XIV, кн. 1—4; 1910. Вып. 1—2. — Там же, 1910, т. XV, кн. 2—3; 1911. Вып. 1—2. — Там же, 1911, т. XVI, кн. 1, 4; 1912, т. XVII, кн. 1—2; 1912. Вып. 1—3. СПб. — Пг., 1913—1914, 536 стр., 1913. Вып. 1—3. Пг. 1915—1918, 685 стр. Именные указатели к «Обозрению» за 1908—1910-е гг. печатались в ИОРЯС, 1910, т. XV, кн. 1, 4. Указатель за 1911 г. вышел отдельным изданием (Пг., 1915).
31. Орывок греческой литургии в латинской транскрипции. К истории Синайского монастыря. — «Известия имп. Академии наук», 1910, № 15, стр. 1233—1244.
32. М. И. Горчаков (некролог). — ЖМНП, н. с., 32, 1911, март, современная летопись, стр. 1—17.
33. Описание греческих рукописей монастыря св. Екатерины на Синае. Т. I. Замечательные рукописи в библиотеке Синайского монастыря и Синаеджуванийского подворья (в Каире), описанные архим. Порфирием Успенским. СПб., 1911; т. III, вып. 1. Рукописи 1224—2150. Пг., 1917.
34. Отчет о поездке за границу летом 1911 года. — «Известия имп. Академии наук», 1911, стр. 1097—1104.
35. Записка об основании органа для изучения христианской культуры народов Азии и Африки. — «Христианский Восток», 1912, т. I, вып. 1, стр. 1—5 (совместно с Н. Я. Марром и Б. А. Тураевым).
36. Изображение грузинского царя Давида Строителя на иконе Синайского монастыря. — «Христианский Восток», т. I, вып. 1. 1912, стр. 62—64.
37. О древнем нерусалимском списке грузинской миней-четьей. — «Христианский Восток», т. I, вып. 1, 1912, стр. 65—88.
38. Очерки по истории Византии. Под ред. и с предисловием В. Н. Бенешевича. Вып. 1—4. СПб., издание Студенческого издат. комитета при истор.-филол. факультете СПб. университета, 1912—1915 (выпуск IV содержит хронологич. таблицы, библиографию и указатели).
39. Памятники Синая археологические и палеографические. Под ред. В. Н. Бенешевича. Вып. 1, Л., 1925; вып. 2, СПб., 1912.
40. Грузинский великий номоканон по спискам Тифлисского церковного музея. — «Христианский Восток», т. II, № 3, 1913, стр. 349—377; т. V, № 2, 1916, стр. 112—127.
41. К изучению Перецепинского клада. — «Известия имп. Археологической комиссии», вып. 49. СПб., 1913, стр. 101—116.
42. Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб., 1914 («Записки классич. отделения имп. Русского Археологического общества», т. VIII).
43. Сборник памятников по истории церковного права, преимущественно русской церкви до эпохи Петра Великого. Составил В. Н. Бенешевич. Вып. I—II. Пг., 1914—1915.
44. Рец. на: Н. М. Петровский. Письмо патриарха Константинопольского Феофилакты царю Болгарии Петру. ИОРЯС, 1913, кн. III, стр. 361—368. — «Библиографическая летопись», II, 1915, стр. 8—11 (по пагинации раздела «Критика и библиография»).
45. Список трудов А. И. Пападопуло-Керамевса, составленный проф. В. Н. Бенешевичем. — В кн.: Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμῆς. Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη, V. Ἐν Πέτρουπόλει, 1915, приложение, σελ. 607—641 (в списках автора отсутствует).

48. Рец. на кн.: А. И. Покровский. Соборы древней церкви эпохи первых трех веков. Историко-каноническое исследование. Сергиев Посад, 1915.— ЖМНП, н. с., ч. 59, 1915, октябрь, стр. 422—424 (в списке автора отсутствует).
47. Номоканон Иоанна Комнина, архиепископа Ахридского.— ВВ, XXII, 1915/1916, стр. 41—61.
48. «Канонист»-критик.— «Церковь и жизнь», 1916, № 23, стр. 349—351.
49. Новогреческая литература.— «Новый энциклопедический словарь», т. 28.
50. Протоиерей Т. И. Буткевич в роли канониста.— «Речь», 1916, № 95.
51. «Заповеди св. отца» до-монгольского периода.— ИОРЯС, т. 22, 1917, кн. 1, стр. 10—15 (доклад, читанный 12 февраля 1916 г. в Обществе любителей древней письменности и 20 апреля того же года в Историческом Обществе при Петроградском университете).
52. Митрополита Алексия «Слово о новых постах». — «Библиографическая летопись», III, 1917, стр. 105—110.
53. Московский собор конца XVI века о церковном вине.— ИОРЯС, т. 22, 1917, кн. 1, стр. 1—9 (доклад, читанный 12 февраля 1916 г. в Обществе любителей древней письменности и 20 апреля того же года в Историческом обществе при Петроградском университете).
54. Тактикон Никона Черногорца. Греческий текст по рукописи № 441 Синайского монастыря св. Екатерины. Вып. I. Пг., 1916, стр. 1—120 (Записки историко-филологич. факультета Петроградского университета), 139)*.
55. Corpus monumentorum juris canonici ecclesiae graecae orientalis.— Записка, представленная в Историко-Филологическое отделение Академии наук 15 сентября 1919 г.— I приложение к протоколу X заседания ИФО 17 сентября 1919 г., стр. 77—79.
56. Памятник древнерусского канонического права. Ч. 2, вып. I. Пг., 1920. Под ред. В. Н. Бенешевича (Русская историческая библиотека), т. XXXVI).
57. Die türkischen Namen der Tore von Konstantinopel.— BZ, Bd. XXXIII, 1920, S. 408.
58. Алексей Александрович Шахматов (некролог).— «Русский исторический журнал», кн. 7, 1921, стр. 7.
59. Заметка об издании: Тактикон Никона Черногорца по рукописи № 441 Синайского монастыря св. Екатерины. Вып. 1.— Там же, стр. 180—181 (без подписи).
60. Заметка о памятниках древнерусского канонического права. ч. II, вып. 1.— Там же, стр. 181—184 (без подписи).
61. Заметка о кн.: Г. И. Булаков. Западнорусские православные церковные соборы как органы церковного управления. Курск, 1917.— Там же, стр. 185—187.
62. Заметка о кн.: В. В. Безобразов. Очерки византийской культуры. Пг., 1919.— Там же, стр. 187.
63. Заметка о кн.: И. Берлин. Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Пг., 1919.— Там же, стр. 188.
64. Заметка о кн.: М. С. Попов. Французская революция и религия. Пг., 1919.— Там же, стр. 188.
65. Скорбная летопись.— Там же, стр. 229—261.
66. Три анийские надписи XI века из эпохи византийского владычества. Пг., 1921. Анийская серия, VII.
67. Антисемитизм в древнем мире. Рец. на кн.: С. Лурье. Антисемитизм в древнем мире. Пг., 1922.— «Анналы», № 3. Пг., 1923, стр. 246—248.
68. Рец. на кн.: H. F. Schmid. Die Nomokanonübersetzung des Methodius. Leipzig, 1922 (Veröffentlichungen des Baltischen und Slavischen Instituts an der Universität Leipzig. Bd. I).— «Slavia», t. II. 1923, p. 135—138.
69. Положение германской науки (Die Not der deutschen Wissenschaft und der geistigen Arbeiter Geschehnisse und Gedanken zur Kulturpolitik des Deutschen Reiches von D. Dr. Georg Schreiber. Leipzig, 1923).— «Анналы», № 4. Л., 1924, стр. 330—333.
70. Byzantinische Studien in Ehemaligen Russland (1914—1923).— BNgJbb., V, 1924.
71. Sur la date de la mosaïque de la Transfiguration au mont Sinaï.— Byz., I, 1924, p. 145—172.
72. Russisch-Byzantinische Historisch-Lexikalische Kommission der Russischen Akademie der Wissenschaften.— BZ, Bd. XXV, 1925, S. 507—509.
73. Spuren der Werke des Ägypters Rhetorios, des Livius Andronicus und des Ovidius in alt-slavischer Uebersetzung.— BZ, Bd. XXV, 1925, S. 310—312.
74. К истории евреев в Византии VI—X веков.— «Еврейская мысль», 1926, стр. 197—224 и 305—318.
75. Кодекс Альда Мануция в Российской Публичной библиотеке.— Сборник статей в честь С. А. Жебелева. Л., 1926, стр. 463—472 (машинопись, экземпляр Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде; напечатан этот сборник не был).
76. Русско-византийская комиссия Glossarium Graecitatis.— ВВ, XXIV, 1926, стр. 115—130.

* Издание не было закончено.

77. Хроника.— ВВ, XXIV, 1926, стр. 111—113.
78. Das Original der Ausgabe «Sophoclis tragoediae septem» 1502 von Aldus Manutius.— «Philologische Wochenschrift», 1926, № 41/42, стб. 1145—1152.
79. Рец. на кн.: Δημήτριος Α. Πετραλάκης. Τὸ μοναχικὸν πολιτεῖμα τοῦ Ἁγίου Ὁρους Ἀθῶ. Leipzig, Liebsisch, 1925.— ВЗ, Bd. XXVI, 1926, S. 399—400.
80. Die byzantinischen Ranglisten nach dem Kletorologion Philothei (De Cer., I, II, с. 52) und nach den Jerusalemser Handschriften zusammengestellt und revidiert.— ВNgJbb., V, 1926/27, S. 97—167.
81. Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XII—XV вв. Л., 1927 (Гос. Публичная библиотека в Ленинграде. Серия V, Orientalia № 2) (совместно с Ф. И. Успенским).
82. Заметки к текстам Notitiae episcopatum.— «Seminarium Kondakovianum», I, Prague, 1927, p. 65—72.
83. Новые данные для исторической географии Ближнего Востока (из греко-сирийского списка отцов Никейского первого вселенского собора).— «Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе», т. II (1917—1925), Тбилиси, 1927, стр. 111—134.
84. Рец. на кн. Korn. Kekelitz. Geschichte der georgischen Literatur. Bd. I. Die Alte Literatur. Tifflis, 1923.— ВNgJbb., V, 3. und 4. (Doppel =) Heft, 1927, S. 461—462 (в списках автора отсутствует).
85. Русско-византийская историко-словарная комиссия в 1926—1927 годах.— ВВ, XXV, 1927, приложение, стр. 165—170 (в списках автора отсутствует).
86. Monumenta Vaticana ad jus canonicum pertinentia.— «Studi Bizantini», 2, 1927, p. 121—186 (описано по библиографической заметке: ВЗ, Bd. XXIX, 1929, S. 475).
87. Раздел «Chronique. Russie».— «Revue d'histoire ecclésiastique». Louvain, XXIII, 1927, p. 453—463, 724—730, 956—959; XXIV, 1928, p. 288—298, 562—567, 799—805, 980—985.
88. Из истории переводной литературы в Новгороде конца XV столетия.— Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928, стр. 378—380 (ОРЯС, т. 101, № 3).
89. Nachträgliches zu byzantinischen Ranglisten.— ВNgJbb., VI, 1928, S. 143—145 (в списках автора отсутствует).
90. Ф. И. Успенский как основатель и руководитель русско-византийской комиссии Академии наук.— В сб.: «Памяти Ф. И. Успенского». Л., 1929, стр. 67—74.
91. Рец. на кн.: С. Л. Епифанович. Материалы к изучению жизни и сочинений св. Максима. Киев, 1917.— ВNgJbb., VIII, 1931, S. 374—376 (в списках автора отсутствует).
92. Ф. И. Успенский. Список ученых трудов.— В сб.: «Памяти Ф. И. Успенского». Л., 1929, стр. 3—23. Перепечатан без изменений с параллельным переводом на французский язык в сб.: L'art byzantin chez les Slaves. Recueil dédié à la mémoire de Th. Uspenskij. T. II. Paris, 1932, p. IX—XXXII.
93. Théodore Uspensky. Essai de biographie.— Ibid., p. I—VI.
94. Anastasios Nausios.— ВNgJbb., X, 1933, 3. und 4. (Doppel =), Heft, S. 351—368.
95. Melanchtoniana. Ein Beitrag zur Literaturgeschichte des byzantinischen Rechts in Westeuropa 1521—1560. München, 1934 (SBAW, Philos.-Hist. Abt., 1934, H. 7).
96. Ein neuer Codex der Acta Patriarchatus Constantinopolitanus.— ВЗ, Bd. XXXIV, 1934, S. 479 (в списках автора отсутствует).
97. Corpus scriptorum juris graeco-romani tam canonicum quam civilis.— Actes du IVe Congrès International des études byzantines. Sofia, 1935, p. 137—144 («Bulletin de l'Institut archéologiques bulgare», t. IX).
98. Заметка о предполагаемом издании: Syntagma XIV titulorum sine scholiis secundum versionem palaeoslovenicam adjecto textu graeco e vetustissimis codicibus manuscriptis exarato. Consilio et auctoritate Academiae Scientiarum Leninopolitanae edit V. N. Benešević. Tomi II, fasc. 1. Leninopoli, 1928.— ВЗ, Bd. XXXV, 1935, S. 439—441 (издание это не было опубликовано).
99. Zur slavischen Scholie angeblich aus der Zeit der Slavenapostel.— ВЗ, Bd. XXXVI, 1936, S. 101—105.
100. Joannis Scholastici synagoga L titulorum ceteraque ejusdem opera iuridica. T. I. München, 1937 (SBAW, Philos.-Hist. Abt., N. F.).
101. Les manuscrits grecs du Mont Sinaï et le monde savant de l'Europe depuis de XVIIe siècle jusqu'à 1927. Athènes, 1937 (=«Texte und Forschungen zur byzantinisch-neugriechische Philologie», № 21).

Работы, указанные автором как готовящиеся к печати

1. Древнеславянская Кормчая без толкований, т. II, вып. 1. См. ф. 192, оп. 1, № 36 и 38 и оп. 3, № 149*.
2. Четвероевангелие в древнегрузинском переводе, вып. 3, См. ф. 192, оп. 1, № 49.
3. Полное собрание деяний русских церковных соборов, т. I. Материалы по этой теме хранятся в ЛОИИ, ф. 261, № 12.
4. Памятники древнерусского канонического права, ч. II, вып. 2, См. ф. 192, оп. 3, № 1—41, 15.
5. Обзорение трудов по славяноведению за 1914 год, вып. 1—2. См. ф. 192, оп. 1, № 17**.
6. Описание греческих рукописей Синайского монастыря св. Екатерины, т. II. Рукописи 1—1223. См. ф. 192, оп. 1, № 26, и оп. 3, № 51—54, 112—115, 182.
7. *Johannis Scholastici Synagoga L titulorum*, t. II. См. ф. 192, оп. 1, № 1—9, 119 и оп. 3, № 67.
8. Печатная Кормчая 1650—1653 годов. Текст с предисловием, критическими примечаниями и указателями (в архиве В. Н. Бенешевича не найдено).
9. Кормчая митрополита Киприана. К истории славянского влияния на древнерусское право XIV—XV вв. Издание Белградской Академии наук. См. ф. 192, оп. 1, № 34.
10. Хроника Петра Александрийца начала X века. (Об этой работе см.: З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского. — ВВ, XVIII, 1961, стр. 150—153.)
11. Замечательный юридический сборник Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде — греческая рукопись № 66. См. ф. 192, оп. 1, № 25, а также: Е. Э. Гранстрем. Каталог греческих средневековых рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 2, № 121. — ВВ, XVIII, 1961, стр. 256—259.
12. Известия византийских источников о народах СССР (в архиве В. Н. Бенешевича не найдено).

* В настоящее время эта работа подготавливается к печати Ю. К. Бегуновым и Я. Н. Щаповым в Болгарии.

** Машинописная копия этой работы хранится в Отделе рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина под шифром: ОР, 71.12. См. «Гос. Библиотека СССР им. В. И. Ленина. Записки Отдела рукописей», вып. XII. М., 1951, стр. 147, № 354.

СООБЩЕНИЯ

Э. И. ЧУДИНОВСКИХ

ДАЛМАТИНСКИЙ НОТАРИАТ
И ЕГО ВИЗАНТИЙСКИЕ КОРНИ *

Избранная тема представляет интерес с точки зрения изучения византийского влияния на развитие правовых норм в общественной жизни далматинских городов XIII—XIV вв. Именно с этой стороны тема мало изучена ¹.

Как византийский нотариат IX в. с его развитой системой, так и далматинский нотариат XIII—XIV вв. являются в известной мере типологическими объектами, сравнение которых позволит вскрыть закономерности развития этого важного общественного института, действующего в условиях товарного производства в Византии и Далмации ².

Еще в 1966 г. на научной сессии, посвященной итогам и задачам изучения генезиса феодализма в Западной Европе, в докладе А. Д. Люблинской о типологии раннего феодализма на Западе, а также в выступлениях по докладу были указаны разные варианты путей формирования западноевропейского феодализма. Для одних стран большую роль сыграло так называемое «варварское» начало, в других развитие феодализма шло в условиях преобладания римских элементов.

Генезис феодализма в Далмации протекал под воздействием сложного комплекса факторов. Элементы новой формации (рост техники производства при наличии в руках производителя средств производства) сочетались с достижениями античного мира (товарное производство, право, основанное на принципе частной собственности). Особенно это видно на развитии городов, где прочно удерживался муниципальный строй, восходивший к римским порядкам.

Значительную роль в развитии феодального города в Далмации сыграло византийское влияние, которое заметно проявилось после включения Далмации в византийскую фему (X в.). Сохранив города, товарное хозяйство, морскую торговлю, Византия оказала огромное экономическое воз-

* Доклад, прочитанный на VIII всесоюзной конференции византинистов в Свердловске.

¹ Наиболее полное исследование о нотариате появилось в 1875 г.: Н. Ляпидевский. История нотариата, т. 1. М., 1875. В работе приводился ценный фактический материал о нотариате древнего Рима, у варваров, в средневековой Италии и Германии. Оценивая роль нотариата в истории права, автор, к сожалению, не смог связать его с интересами определенных классов и общественных групп. О развитии нотариата в далматинских городах см.: G. Čremošnik. Dubrovačka kancelarija do godine 1300 i naistarije knjige dubrovačke arhive.— «Glasnik Zemaljskog Muzeja», XXXIX, 1927, s. 231—253; J. Slipišić. Razvoj splitske notarske kancelarije.— «Zbornik historijskog instituta JAZU», vol. 1. Zagreb, 1954, s. 113—117; A. Marinović. Razvitak vlasti u srednjovjekovnom Kotoru.— «Historijski zbornik», god. X, 1959.

² В докладе не ставилась цель сравнить далматинское нотариальное делопроизводство с византийским, так как главное внимание сосредоточивалось на изучении корней далматинского нотариата.

действие на развитие далматинского города. Товарное обращение для развития феодального строя было необходимо еще в большей мере, чем для строя античного.

Так же как и в Византии, в далматинских городах правительство проводило политику строгого регулирования и контроля ремесла и торговли. Действующее в Византии торговое морское право («Морской закон») нашло отражение во всех правовых документах далматинских городов, особенно в их статутах. Положения о византийских товариществах, хреокинониях, как, они представлены в «Морском законе», послужили образцом для организации сообществ предпринимателей по принципу коллегаций в далматинских городах.

Наиболее убедительным доказательством византийского влияния на далматинский город XII—XVI вв. является право, основанное на принципе частной собственности, а вместе с ним — институт нотариата. Характерно, что исходные принципы возникновения нотариата как правового института одинаковы как для Византии³, так и для далматинских городов.

Товарное обращение в далматинских городах, как и в Византии, не могло развиваться без нотариально оформленных соглашений. Нотариусы должны были заверять акты о купле и продаже, завещания, дарственные и т. п. С помощью нотариусов правительство далматинских городов осуществляло охрану законов частной собственности и нерушимости обязательств и соглашений. В «Книге Эпарха» читаем⁴, что нотариус-табулярий должен «обладать необходимыми познаниями в законах», не должен допускать в своей деятельности ничего противозаконного, иначе он будет лишен должности.

Развитие нотариата как института в далматинских городах относится к середине XIII в. Городская управа Дубровника в 1275 г. издала закон, по которому все кредитные операции, которые превосходили 10 перперов, должны оформляться письменно и должник обязан дать полноправных свидетелей «*carta notarii*» в срок до 8 дней⁵.

Понятие «нотариус» (*notarius*) употребляется в городских куриях уже в XI в.⁶ Функции нотариуса, как правило, исполняют священники или епископы из королевского окружения. В 1200 г. в Которе нотариусом Веча был священник Юний. В 1204 г. в Дубровнике встречается подпись: *Ego clericus Gataldus et communis iurati*⁷. Позднее в далматинских городах нотариусами стали выходцы из Анконы, Кремоны и других итальянских городов. Они приносили с собой итальянскую практику нотариального дела. В некоторых далматинских городах, например в Задаре в XIII—XIV вв., прочно сохранялись традиции римского права, документация

³ О происхождении и развитии нотариата в Византии до X в. известно мало. Когда возникает нотариат как институт в Византии, сказать трудно. Н. Ляпидевский полагает, что оформление нотариата вообще в средневековой Европе завершилось при Юстиниане (*Н. Ляпидевский. Указ. соч., стр. VI*). В Кодексе Юстиниана имеются сведения о положении и обязанностях нотариусов. Можно, однако, сказать, что, не будь в распоряжении историков такого источника, как «Книга Эпарха», где определенно указывается на наличие коллегий нотариусов — табуляриев, мы бы фактически не знали о существовании нотариата в Византии.

⁴ «Византийская Книга Эпарха». Перевод, комментарии, вступительная статья М. Я. Сюзюмова. М., 1962, стр. 45—46.

⁵ *Monumenta historico-juridica slavorum meridionalium* (далее — МНЈSM), vol. IX, lib. VIII, cap. 22.

⁶ *Rački. Hrvatska dvorska kancelarija i knjezine isprave za vladavine narodne dinastije*. — «Rad JASU», kn. 35, 1876.

⁷ *T. Smičklas. Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae*, vol. II, 341; vol. III, 42; *Statuta et lages civitatis Cathari. Venetiis, 1616*, cap. 128. Службу нотариев в Дубровнике характеризовал Г. Чремошник: *G. Čremošnik. O dubrovačkom notaru Paskulu*. — «Glasnik Zemaljskog Muzeja», L, sv. 11, 1938; *его же, Дубровачки нотар презбитер Иоханес (1284—1293)*. — «Глас САН», 171, други разряд, 88, 1936.

составлялась по римскому образцу. Видный югославский историк В. Новак считает, что приглашение нотариуса-иностранца было вызвано потребностью обеспечить беспристрастие при оформлении документов⁸.

Рассмотрим положение и обязанности нотариусов по статутам трех далматинских городов — Дубровника, Трогина, Котора. Все статуты далматинских городов строго регламентировали функции нотариусов, обслуживающих как государственные учреждения, так и частных лиц. По статуту Дубровника различались *notarius summus*, функции которого выполнял *presbyter Pascalis*⁹, и *notarius juratus*¹⁰. Возможно, что «общинный нотариус» — это должностное, сохранившаяся в далматинских городах в XIII в. как пережиток существовавших до XII в. так называемых *jurati notarii communis*¹¹. Известен «нотариус коммуны» и трогирскому статуту. *Notarius communis* избирается Великим вечем, ему же нотариус и подотчетен¹². Ежегодно коммуна из своей казны выплачивала нотариусу 400 либров, кроме этого, за составление частных актов и различных сделок нотариус получал отдельную плату¹³. Трогирский статут налагал штраф и наказание на нотариуса за нарушение устава: за подделку протокола взымался штраф до 100 либров, за искажение законов нотариусу отсекали руку¹⁴.

После 1330 г. в Трогире нотариусом коммуны становился нотариус, привезенный князем из Венеции. Срок его службы определялся в 2 года. Без разрешения князя нотариус не имел права выехать за пределы Трогира¹⁵.

Можно отметить случаи, когда специальность нотариуса передавалась по наследству, от отца к сыну. Например, в 1329—1330 гг. нотариусом в Которе был Петр Витов, после смерти которого дела вел его сын Марк¹⁶.

По далматинским статутам, а также по материалам нотариальных актов городов Дубровника, Трогина, Котора (XIII — XIV вв.) легко предать характер деятельности нотариусов¹⁷. Они оформляли самого различного рода акты — куплю-продажу недвижимости¹⁸, дарения, завещания¹⁹ и т. п. Для каждого рода сделок существовал особый формуляр. Обычно контракт начинался с даты — год, месяц, число; за датой следовали имена свидетелей, содержание самой сделки, указывался ее характер (продажа, соглашение, долговое обязательство), условия; запись заканчивалась так называемым *actum*, т. е. указанием на место составления документа. Такова, например, была форма соглашений об основании торговых компаний²⁰. В ней приводились дата заключения договора, имена свидетелей, имена и число лиц, вступавших в товарищество. Место действия торговых операций компаний и срок, на который заключено торговое общество, обычно не определялись или определялись весьма приблизительно. Зато в обязательном порядке в протоколе формулы указывались либо взносы участников компании, либо обязательства некоторых из них непосредственно вести торговые операции компании. В центре внимания согла-

⁸ V. Novak. Zadarski kartular samostana sveti Marije. Zagreb, 1959, str. 128.

⁹ MHJSM, vol. IX, lib. VIII, cap. 42.

¹⁰ Ibid., lib. III, cap. 42.

¹¹ Sufflay. Die dalm. Privatkunde. — «Sitzber.», 147. Wien, 1904, S. 14.

¹² MHJSM, vol. X, lib. I, cap. 58.

¹³ Ibid., lib. I, cap. 87; Ref. II, 71.

¹⁴ Ibid., vol. X, lib. II, cap. 28.

¹⁵ Ibid., lib. II, 88.

¹⁶ Kotorski spomenici, kn. I, 1326—1335, ured. A. Mayer. Zagreb, 1951, s. 6—7.

¹⁷ Spisi dubrovačke cancelarije, kn. I (1278—1282), ured. G. Cremonšnik. Zagreb, 1951; Trogirski spomenici, d. I—III (1263—1299), ured. M. Barada. Zagreb, 1948; Kotorski spomenici (см. прим. 16).

¹⁸ MHJSM, vol. X, Ref. I, 65; II, 32.

¹⁹ Ibid., vol. IX, lib. III, cap. 41, 42; lib. VIII, cap. 42.

²⁰ Форма соглашений об основании торговых компаний была нами восстановлена по материалам трогирских нотариальных актов, изданных М. Барадой (см. прим. 17).

шения находилось распределение прибыли от торговых операций между членами компании. Доля прибыли зависела от суммы взноса и величины риска для тех участников соглашения, которые непосредственно вели торговые дела. Форма соглашений предусматривала также обещание членом компании честно исполнять взятые на себя обязательства и признание им нерушимости заключенного договора.

Много внимания уделено в статутах составлению завещаний. Завещание записывается нотариусом в присутствии двух свидетелей и экзаменатора²¹. Протокол текста завещания находится у нотариуса²². Оглашение завещания происходило через месяц после смерти завещателя²³; позже срок соглашения был увеличен до двух месяцев²⁴. При чтении статутах далматинских городов остается неясным, почему в них отсутствуют указания на наличие коллегий нотариусов, подобных коллегиям, существовавшим в итальянских городах Рима, Кремоне, Ферраре и других, или, скажем, в Византии. Этот факт нельзя объяснить ни объемом деловых операций, ни числом жителей далматинских городов (следует учесть, что в далматинских городах проживало много чужеземцев). Можно предположить, что оформление нотариата как института находилось здесь в то время в процессе складывания.

Каждый нотариус был обязан сохранить и оставить преемникам материалы своей работы в виде имбревиатур — кратких записей содержания составленных им и скрепленных его подписью в присутствии одного экзаменатора (в отличие от итальянского делопроизводства, где ставились специальный знак и подпись нотариуса) актов. Эти наброски текста документов заносились в особые «книги», или «тетради имбревиатур», из которых черпались данные для повторения или возобновления документов. Правительство в городах заботилось о регулярном составлении имбревиатур и своевременном занесении их в нотариальные книги, а также о хранении этих книг. При канцелярии коммуны был архив.

Нотариус имел в своем распоряжении писарей — *scribae*, их число в статутах не определяется. В далматинских городах, в частности в Дубровнике, до 1278 г. должность писаря исполнял сам нотариус. Позднее, видимо, с ростом потребностей в оформлении различных сделок, нотариусы не могли справляться с работой писарей, и появилась специальная должность. В XIII — XIV вв. специальность писарей была распространенной. Они являлись официально уполномоченными от судебной курии на кораблях.

Кроме нотариусов, оформлением нотариальных документов в далматинских городах в XIII—XIV вв. занимались экзаменаторы. Экзаменаторы — это чиновники *intrinseci*, которые обычно присутствовали при составлении документов и затем ставили свою подпись, как бы подтверждая действительность акта. По Трогирскому статуту, экзаменаторы назначались князем сроком на 1—2 года²⁵. Всего в Трогире до 1426 г. было шесть экзаменаторов. Обязательным являлось требование, чтобы среди них не было сородичей²⁶. В определенных случаях они были членами судебной курии²⁷. Экзаменаторы могли предварительно провести опрос лиц, обратившихся к нотариусу для составления акта. За такое предварительное ознакомление с делом и соответствующий опрос экзаменатор получал 6 денариев (за каждый отдельный случай) с жителя Трогира и 3 солида с иностранца²⁸.

²¹ MHJSM, vol. X, Ref. I, 32, 33, 34.

²² Ibid., Ref. I, 33.

²³ Ibid., Ref. II, 45; Statut., lib. II, cap. 103.

²⁴ Ibid., Ref. I, 40.

²⁵ Ibid., vol. X, lib. I, cap. 58, 59.

²⁶ Ibid., Ref. II, 11.

²⁷ Ibid., Ref. II, 49.

²⁸ Ibid., Ref. I, 28.

Вполне естественно, что только в рамках существования полной частной собственности могло развиваться товарное хозяйство, без которого невозможно развитие самого феодального строя. Далматинские города, включенные в состав Византийской империи с X., жили по сложившимся в Византии правовым нормам. Являясь центрами ремесла, денежных операций и транзитной торговли, далматинские города фактически санкционировали действующее византийское гражданское право с его институтами. Сущность нотариата как института выражена в юридической защите основ частной собственности. По своей природе далматинский нотариат ничем не отличается от византийского или итальянского. В этой связи можно говорить об известной параллели между ними и генетической связи их развития.

Рассматривая положение А. Д. Люблинской о типологии феодализма применительно к истории нотариата далматинских городов, мы столкнулись с вопросами, которые нельзя было решить, исходя из обычных представлений. В частности, кажется странным, что, в отличие от Византии, в далматинских городах, где существовало развитое товарное обращение с широким распространением ростовщической деятельности и где было сильно влияние византийского гражданского права, отсутствовали нотариальные коллегии. В то же время деятельность далматинских нотариусов находилась под строгим контролем государственного аппарата, как и в Византии. В XIII—XIV вв. на развитии института нотариата в далматинских городах стало сказываться итальянское влияние.

Таким образом, с одной стороны, далматинские города — это область византийского влияния (преимущественно до XI в.), а с другой — область итальянского влияния (с XIII в.). Если учесть, что Византия и Италия входили некогда в состав Римской империи и составляли одно целое, то нетрудно заключить, что далматинские города испытывали на себе «романский вариант» развития феодализма.

Г. Л.
рода в

Ре
ций т
Само в
IV—V
конкр
ное из
следов
чение
пок, у
Ра
Г. Л.
глави
эконом
Г.

подписа
деляло
римско
земель
античп
тичного
ных от
центра
с интер
имений
способс
нужды
сельско
монасты
между
водства
были ве
ных свя
во-реме
тор пол
лений,
целом,
Изме
основн
рабовла
словия
чение сл
верхуш
алов в
ремесла
города,
в IV—V
значени
кусстве
опорой

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Г. Л. Курбатов. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. (конец античного города в Византии).

Л., Издательство ЛГУ, 1971, 220 стр.

Рецензируемая монография представляет собой объединенный единой концепцией труд, ценность которого состоит прежде всего в широте исследуемой проблемы. Само выявление общих тенденций внутреннего развития ренневизантийского города IV—VII вв. в работе Г. Л. Курбатова неразрывно связано с анализом и обобщением конкретного материала. В этом отношении монография сочетает сугубо самостоятельное изучение целого комплекса вопросов и критическое восприятие результатов исследований по данной теме советских и зарубежных ученых. Весьма ценно привлечение наряду с уже известными источниками новых данных археологических раскопок, убедительно подтверждающих ряд положений автора.

Разложение и ломка структуры позднеантичного города рассматриваются Г. Л. Курбатовым на значительном хронологическом этапе. Но поставленные в заглавии временные рамки не мешают автору вкратце проследить (до X в.) изменения экономической и социальной жизни византийского общества.

Г. Л. Курбатов акцентирует внимание на внутренней эволюции позднеантичного полиса и его округи. По его мнению, именно внутреннее, естественное развитие определяло важнейшие сдвиги в экономике и социальных отношениях города Восточноримской империи данного периода. Поэтому исследование начинается с анализа земельных отношений в рамках городской округи. Автор подчеркивает, что упадок античной формы собственности выражался прежде всего в упадке аграрной основы античного города, муниципальной собственности. Внутренняя перестройка хозяйственных отношений и переход земельных участков из рук в руки в IV—VI вв. вели к концентрации земли у крупных собственников, в том числе и монастырей, мало связанных с интересами полиса (стр. 24—25). По мнению Г. Л. Курбатова, развитие крупных имений нового типа параллельно с упадком полиса и оттоком из него ремесленников способствовало укреплению в этих имениях ремесла, удовлетворявшего в основном нужды самих имений, а также «посаженных на землю рабов и колонов и окрестного сельского поселения» (стр. 27). На той же базе росло в конце IV—V в. и собственное монастырское производство. Г. Л. Курбатов считает, что внутренний взаимобмен между владениями крупного собственника, вызванный специализацией в них производства, рост значения больших свободных деревень и монастырского производства были взаимосвязаны с ростом местного, деревенского рынка и с сокращением рыночных связей с городом. Деревня становится конкурентом полиса, «подрывая его торгово-ремесленное значение» (стр. 38), постепенно освобождаясь от его господства. Автор полагает, что своеобразие Византии состояло «в сохранении значения крупных селений, часть из которых могла затем развиться в города, но существование которых в целом, видимо, задержало их формирование» (стр. 43).

Изменения в аграрной округе определяли упадок мелких полисов, исчезновение основной массы которых, подчеркивает Г. Л. Курбатов, являлось показателем крушения рабовладельческих отношений. Соответственно автор рисует картину эволюции сословия куриалов. В начале IV в. оно еще контролировало городской рынок, но в течение столетия куриалы среднего достатка исчезают, а немногочисленная зажиточная верхушка сословия переселяется в крупные города (стр. 51—52). С разорением куриалов в мелких полисах свертываются производство и торговля. Естественный упадок ремесла обусловил и бегство ремесленников из мелких городов IV—V вв. в крупные города, сельскую округу и монастыри. Очень важен вывод автора о том, что там, где в IV—VII вв. мелкие полисы «не приобретали особого военного или религиозного значения, они постепенно приходили в упадок, исчезали» (стр. 63). Государство искусственно поддерживало их в ряде случаев, ибо, «хотя и разлагавшийся, полис был опорой существующего строя» (стр. 67). Существование же преемственности в обще-

ственных отношениях Византии Г. Л. Курбатов связывает не с сохранением массы городов, а с сохранением компактного греческого населения, государства, старых навыков и традиций, сбереженных этим населением и в условиях исчезновения старых городов (стр. 74).

Глава о развитии крупных городов Византии IV—VII вв., пожалуй, самая лучшая в книге. Автор убедительно вскрывает процессы, обусловившие временную стабилизацию и последующий упадок провинциальных центров. Очень важны замечания о роли государства в стимулировании для IV — начала V в. подъема крупных городов (стр. 83, 96). В целом автор подчеркивает определенное сходство в развитии средних полисов с провинциальными центрами; причины, подорвавшие значение небольших городов (размыв средних слоев и падение спроса на городские ремесленные изделия, упадок производства и торговли), хоть и позже, имели место и здесь. Удачна характеристика развития ремесла в крупных центрах (эволюция от мелкого, свободного — к зависимому). По мнению автора, большинство крупных городов утратило свое экономическое значение к середине VII в. В конце V — начале VI в. важную роль в экономике играли лишь наиболее крупные центры, но в VII — начале VIII в. и они переживают аналогичный упадок.

Глава четвертая посвящена изменению социальной структуры городского населения. Г. Л. Курбатов справедливо основное внимание сосредоточивает на эволюции различных категорий рабов и плебса. Автор считает, что обретение рабами хозяйственной самостоятельности несколько сближало их с массой городского свободного населения. С другой стороны, в домах городских крупных собственников возрастает значение рабской челяди, прямой агенты господствующего класса. По мнению Г. Л. Курбатова, VII в. — грань, «когда в империи окончательно исчезает массовое рабовладение и рабство утрачивает свое прежнее значение в жизни общества и города» (стр. 131). Зато возрастает значение рядовых свободных элементов в составе городского плебса. Автор подчеркивает динамичность плебейского сословия, его дифференциацию, заключающуюся в обеднении массы городских ремесленников и торговцев и включении их верхушки в правящие группировки города. С этим процессом Г. Л. Курбатов связывает укрепление в IV—V вв. корпораций и рост в VI в. «нового» люмпен-пролетариата.

Много внимания уделено динамике городских правящих слоев, особенно формированию в V—VII вв. провинциальной знати, бывшей, по мнению автора, в известной мере новым провинциальным образованием, «скорее всего, переходного характера» (стр. 156). Характеризуется эволюция социальной борьбы: ее сосредоточение в крупных центрах, усиление народного характера городских движений, роль партий. Очень важен вывод автора относительно тенденции массы населения «к более активному участию в массовых религиозных движениях, чем непосредственно к борьбе партий», в силу замыкания последних и возрастания в них роли имущих слоев (стр. 167).

В заключительной главе Г. Л. Курбатов рассматривает разложение античной муниципальной организации, связанное с упадком и исчезновением экономической базы полиса. Особое внимание уделено возрастанию роли в городских финансах государственной кассы, а в общественной жизни — государственной администрации, что вызывалось утратой муниципальной организацией руководства городом. В городе растет влияние независимых крупных собственников, церкви; на смену курии в реальном управлении приходит непостоянный совет провинциальной знати. Роль церкви для города в этот период, по мнению Г. Л. Курбатова, огромна. Именно то, что она была крупнейшим собственником в мелких городах, возможно, и спало их от превращения в «совокупность территориальных владений нескольких лиц» (стр. 203).

Признавая сохранение в Византии значительной преемственности и традиции, Г. Л. Курбатов подчеркивает определенное качественное отличие от античных, новизну элементов, возникших в V—VII вв. в производстве, торговле и социальной жизни городов. Последние, по мнению автора, — скорее угасающие позднеантичные города, нежели раннесредневековые. Их упадок продолжается и после ломки рабовладельческих порядков, до середины — конца VIII в. Исчезают они, полагает Г. Л. Курбатов, «чаще всего навсегда или на время, утратив свой городской характер, за исключением небольшого числа крупных центров внутреннего и международного производства и торговли и, в специфических условиях, ряда более мелких городов» (стр. 212). На вторую половину IX—X в., по мнению автора, приходится начало возрождения городской жизни в Византии (стр. 75).

В монографии чувствуется определенное смещение понятий города как общественного института и города античного. Например, в Киррах VI в., по мнению Г. Л. Курбатова, «умирала городская жизнь, а вместе с ней и античный город» (стр. 56). Однако разве существование даже немногих крупных центров означало перерыв в существовании города как общественного института? Один Константинополь оказывал огромное влияние в пору своего наибольшего упадка на самую отдаленную периферию. Указанное смещение в основном происходит из-за акцентирования автором внимания на тех сторонах жизни города, которые обуславливают его существование как центра ремесла и торговли. Хотя Г. Л. Курбатов полагает, что функционирование основной массы городов Византии в раннее средневековье как административных, военных и религиозных центров не имело места (стр. 6), однако в ряде случаев он прямо или кос-

венно признаёт, что указанные функции сохраняли город как таковой (стр. 63, 70, 73, 104—105, 110, 163, 200).

Признавая сохранение города как религиозного центра только в специфических случаях, автор сомневается в тождественности городам многих центров епархий VII—VIII вв. (стр. 66). Но ведь, кроме функций религиозных, епархии несли и правовые функции. Являясь центром публичного права, местом концентрации лиц непроизводственных профессий, обслуживаемых ремесленниками, центр епархии был городом.

Малоубедителен пример Кирр, приводимый автором в качестве «образца естественного развития» мелкого ранневизантийского города. Общим и нормальным условием для большинства городов Восточноримской империи IV—V вв. была не спокойная эволюция местной экономической и общественной жизни, а ее неровный ритм в силу влияния внешних, военных и внутренних, социальных факторов. В Византии данного периода практически не было города, не затронутого в той или иной мере варварским вторжением или чрезвычайным государственным налогом. Автор не подтвердил фактами положения, что в Киррах не было чиновников и военных (стр. 54), а упадок в них ремесленного производства в V в., да и самого города вообще, аргументирует в основном высказываниями епископа Феодорита. Скорее всего, Феодорит представлял императрице и влиятельным сановникам положение Кирр бедственным, будучи заинтересован в отвлечении внимания правительства от беспокойной пренесторианской епархии. Да и сам Феодорит упоминает в одном письме факт постройки им в городе, наряду с прочим, портика (стр. 81), бывшего явно не украшением, а ремесленной или торговой точкой.

Уделяя основное внимание внутренним процессам развития городов и признавая определенное воздействие на них внешнего фактора, автор все же иногда недооценивает влияния последнего. Видимо, следовало бы подробнее остановиться на правительственных мерах по отношению к городам, например на конфискации муниципальной земельной собственности. Вряд ли государство «вынуждено» было принять ее в свои руки вследствие естественного упадка города (стр. 202—203). Скорее, императоры укрепляли свою социальную базу в лице крупных собственников за счет истощавших в этом отношении возможности имуществ позднеантичных городов. Слабо освещен и такой важный фактор влияния на городскую экономику, как перемещение торговых путей — в силу внешних причин (разрыв сухопутных коммуникаций на западе германцами, войны с Ираном, возникновение арабской опасности).

В монографии недостаточно четко определены хронологические рамки «конца» античного города в Византии. Наряду с положением о наибольшем *упадке* массы мелких городов в VII в. (стр. 63) имеются высказывания, что упадок городов *продолжался* до середины — конца VIII в. (стр. 212), что большинство мелких полисов *исчезло* к VII или в VII в. (стр. 207). На странице 72 говорится, что «*угасание* малых городов продолжалось, по-видимому, до конца VIII в.», а на странице 68, — что позднеантичный полис был «*добит*» варварами в VI в. (курсив везде наш. — А. К.).

В этом отношении неясно, когда, по мнению автора, в Византии завершилось отделение землевладения от города (стр. 207), если в VII в. «отрыв» города от земледелия «нарастал» (стр. 70). Но было бы вернее сказать, что с VII в. землевладение стало связываться не только с городом и окончательного «отделения» в Византии так и не произошло.

Г. Л. Курбатов справедливо отмечает для IV—VI вв. еще значительный вес в имениях городской округи труда рабов. Но из этого отнюдь не следует, что «поступления от рабского труда были большими» в сравнении с трудом прочих земледельцев (стр. 26). Приводимые автором данные юридических источников показывают лишь, что часть крупных землевладельцев пыталась вести хозяйство отживавшими методами.

В рамках аграрных отношений неясна разница между «среднекрупным землевладением» IV—VI вв. (в констатации его автор следует за Р. Ремондоном) провинциального типа (стр. 25) и типом «деревни-имения» VI—VII вв. (стр. 29). Ведь оба типа, если исходить из тезисов автора, образуются за счет старых средних вилл и свертывания собственного господского хозяйства.

В монографии содержится интересное, но, к сожалению, весьма краткое наблюдение, касающееся развития проастия IV—VII вв. (стр. 101—102). Объемное рассмотрение «подгородного хозяйства», не защищенного стенами города, но в значительной степени определяющего характер городской экономики, в работе фактически отсутствует.

Рассматривая отношение плебейского сословия крупных городов к рабовладельческим порядкам, Г. Л. Курбатов допускает противоречие: отношение это характеризуется то как индифферентное (ибо в V—VI вв. плебеи уже утратили в экономическом и в социальном плане связь с античным гражданским коллективом) (стр. 143), то как враждебное (поскольку рабовладельческое общество, по мнению автора, пыталось окупить невыгодность труда рабов усилением гнета над мелким свободным населением) (стр. 144). Думается, отношение это было иным. С одной стороны, конкуренция рабского труда настраивала свободного труженика враждебно к рабу, с другой, плебс выступал против *конкретных* налогов и чиновников. Деятельность же государства объективно не способствовала не мелкому производству как таковому, а *данному*

состоянию мелкого производства, обусловленному притоком в крупные города IV—VI вв. массы свободных, создававших конкуренцию рабскому труду и накалявших социальную обстановку. Поэтому не следует, видимо, называть в целом прогрессивной борьбу массы горожан за существование, когда для них все средства были хороши и движение зачастую руководилось реакционнейшими представителями господствующего класса.

Думается, не совсем точна характеристика, данная автором варварским завоеваниям как фактору, способствовавшему упадку поздневизантийских городов (стр. 42—43). Скорее варвары способствовали упадку не полиса, а города вообще. Славяне и арабы «доросли» до понимания ценности не городов (ср. стр. 72), а тех центров, что соответствовали их потребностям и уровню развития. С другой стороны, если мелкие города представляли для славян ценность как центры сосредоточения военно-земледельческого населения, то арабы рассматривали их как центры территориальной военно-административной эксплуатации. И то и другое, безусловно, снижало социально-экономический потенциал города.

По мнению Г. Л. Курбатова, к VII в. формируется новая провинциальная византийская знать. Но не совсем ясно, кем были по своему социальному облику как «богатые местные землевладельцы, не связанные с городом», так и «городская служилая землевладельческая знать». Можно согласиться с тезисом, что это были социальные образования переходного характера, однако какие же их слои и группы продолжали цепляться за старые формы, а какие нет? Ведь террор Фоки коснулся и крупнейших землевладельцев провинций, связанных с городами.

Монография как бы подводит читателя к вопросу о городских социальных движениях этого периода в полном объеме, о кризисе и упадке старой идеологии и культуры, связанных с позднеримским полисом. Видимо, все эти вопросы будут затронуты в последующих работах автора.

В заключение следует сказать, что в целом работа Г. Л. Курбатова является, безусловно, важным и ценным исследованием, несмотря на спорность многих положений, обогащающим советскую византийистику. Широта и важность проблемы, ясность и красочность языка (особенно удачны в этом отношении третья и четвертая главы) делают эту книгу интересной и доступной для широкого круга исследователей и читателей.

А. С. Козлов

Theodori Prodrumi De Manganis, ed. S. Bernardinello. —

«Università di Padova. Studi bizantini e neogreci», 4. Liviana editrice in Padova, 1972, p. VIII+138

Итальянский филолог С. Бернардинелло, занимавшийся до сих пор рукописной традицией «Метафизики» Аристотеля, издал 12 стихотворений Феодора Продрома, связанных общей темой — пожалованием поэту так называемого адельфа в Манганском монастыре. Стихотворения эти содержатся в двух рукописях: Миланской (Ambros. 0 94 sup, первая половина XV в.) и Венецианской (Marc. XI.22, XIII в.). По мнению Бернардинелло (стр. 8 и сл.), обе рукописи независимы друг от друга как по составу, так и по характеру текста. При этом Миланская рукопись, по мысли издателя, располагает стихотворения в общем в целом в хронологической последовательности, тогда как Венецианская группирует их в соответствии с иерархически-генеалогическим принципом — в зависимости от значения адресатов стихотворных посланий Продрома.

Манганские стихотворения Продрома давно известны, но до сих пор были изданы лишь частично (С. Д. Пападимитриу, Э. Миллером) и исключительно по Венецианской рукописи. Бернардинелло публикует полный греческий текст с критическим аппаратом (стр. 29—80), итальянский перевод с указанием библейских цитат (стр. 81—129) и индексы редких слов и собственных имен (стр. 131—138). Издание лишено реального комментария. Не выделены в нем и устойчивые формулы (стереотипы), характерные для византийской риторики XII в. и повторяющиеся у самого Продрома. Во введении, помимо краткой характеристики рукописей и принципов публикации, издатель детально рассматривает вопрос о датировке этой серии стихов Продрома (стр. 9—19).

Как известно, Манганские стихотворения не содержат внешних хронологических указаний: определить время написания можно лишь по их содержанию, риторичность которого, однако, делает попытки подобного рода спорными. Нет ничего удивительного, что Бернардинелло расходится в датировке с тем, что предлагал в свое время С. Д. Пападимитриу, но и его собственные даты подчас вызывают сомнения. Вернемся еще раз к этому вопросу.

Стих. I—II адресованы севастократорисе, в которой издатель предположительно усматривает Ириниу, жену севастократора Андроника Комнина, сына Иоанна II (стр. 10). Бернардинелло предполагает, что стихи написаны при жизни Андроника,

т. е. е.
к сев
ториса
четки
титул
August
протос
(стр. 1
восток
сын с
племя
на тур
В
севаст
случае
писанс
Ст
1146 и
ния о
Однак
гает, ч
Но те
вей и
родная
Можно
второг
1160 г.
Сл
В нем
несущи
упоми
рийско
кой ле
Ст
еще ре
к 1152-
услови
Ст
динелло
(стр. 14
но пред
жениях,
ложить.
Цел
императ
менем д
№ 1395
относят
рами у
об успе
лись в д
но к эт
вливает
тивы. В
тирана
нов, вт
имеется
дал кон
XII в.
тирован
Ст
должно
чие Ман

1 С.
X, 1903.
2 Р.
3 С.
4 Ja
5 А.
9, 1966,

т. е. еще до 1142 г. (стр. 14). Это предположение ошибочно: поэт отнюдь не обращается к севастократору — лишь в лемме стих. II сказано, что севастократор и севастократориса обещали поэту адефат. Мне кажется, что недоразумение возникло из-за нечетких представлений издателя-классика о византийской титулатуре: он переводит титул севастократориса как Augusta, хотя августа — это императрица, а словом Augustus, Augustissimo передает как ранг севастократора, так и следующий за ним — протосебаста (см. стк. 83, 85). Протосебаст, к которому обращается поэт в стих. II (стр. 15), — не севастократор, а сын севастократора: он назван «точным образом севастократора» (стк. 40) и «проявлением отцовского характера» (стк. 38). Протосебаст, сын севастократора, — это, без сомнений, Иоанн, сын Андроника и Ирины, любимый племянник Мануила I. Так как он получил титул протосебаста в утешение за ранение на турнире в 1153 г., стих. II (и видимо, стих. I) не могло появиться ранее 1153 г.

В стих. I есть еще один пункт, важный для хронологии: поэт говорит, что служит севастократорисе 12 лет (стк. 8); так как он застал в живых Андроника и, во всяком случае, написал стихи на смерть Андроника в 1142 г.¹, стих. I вряд ли могло быть написано много позднее 1154 г.

Стих. III, обращенное к Мануилу I, Бернардинелло датирует временем между 1146 и 1151 гг. (стр. 11—13). Основным аргументом служит ему отсутствие упоминания о Марии, дочери Мануила I, рождение которой обычно относят к марту 1152 г. Однако кто та «багрянородная госпожа», которая названа в стк. 69? Издатель полагает, что Берта Зульцбахская, жена Мануила, названная так «по восточному обычаю». Но термин «багрянородный» имел в Византии четкое значение — так называли сыновей и дочерей императора, рожденных в Багряной палате. В таком случае «багрянородная госпожа» — либо одна из сестер Мануила, либо, скорее, его дочь Мария. Можно было бы высказать гипотезу, что стихи написаны после смерти Берты, но до второго брака Мануила, когда Мария была «первой дамой» государства, т. е. около 1160 г.

Следует обратить внимание на географический колорит этого стихотворения. В нем назван Евфрат (стк. 51. Ср. IV, 53), дважды говорится о благодетельном Ниле, несущем золото (стк. 5, 37), — в том контексте, в каком обычно византийские риторы упоминали Пактол (ср. IV, 176, V, 6); наконец, говорится о Египте (стк. 38). Эта сирийско-египетская географическая номенклатура была бы естественной в риторической лексике после похода Мануила на Антиохию в 1159 г.

Стих. IV датируется по упоминанию единственной дочери Мануила, которая еще ребенок (стк. 166—169). Бернардинелло вслед за С. Д. Пападимитриу относит его к 1152—1153 гг. (стр. 13). Эта дата кажется наиболее достоверной — впрочем при условии, что Мария действительно родилась в марте 1152 г.

Стих. V завершается пожеланием Мануилу наследника (стк. 120—121). Бернардинелло делает из этого вывод, что оно написано до рождения Алексея II в 1168 г. (стр. 14). Не говоря о том, что П. Вирт отнес рождение Алексея к 14.IX 1169 г.², трудно представить, что поэт осмелился пожелать Мануилу наследника, когда Мария и ее жених, деспот Алексей-Бела, считались наследниками престола. Нельзя ли предположить, что стих. V появился раньше стих. IV, накануне рождения Марии?

Центральное место в манганском цикле занимает стих. VI, где поэт благодарит императора за пожалование ему адефата. С. Д. Пападимитриу датировал стихи временем до декабря 1153 г.³ Ф. Дельгер отнес пожалование примерно к 1154/5 г. (Reg., II, № 1395). Бернардинелло коренным образом меняет датировку: по его мнению, стихи относятся к 1165 г. (стр. 15). В этих стихах упомянуто о победе императора над варварами у Диоклейского холма, более высокого, чем Эта и Олимп (стк. 249—251), т. е. об успехах Мануила в Сербии. Действительно, в 1165 г. византийские войска вторглись в Далмацию⁴, но можно ли быть уверенным, что слова поэта относятся непременно к этому моменту, а не к какому-нибудь более раннему? Бернардинелло не останавливается на других аллюзиях стих. VI, а они заставляют внести кое-какие коррективы. Во-первых, поэт пишет о господстве Мануила на море и о торжестве над флотом тирана (стк. 345—350), что могло быть отнесено к морской победе над флотом норманнов, вторгшемся в район Константинополя в 1158 г.⁵ (может быть, это же событие имеется в виду и в стих. XII). Во-вторых, император, по словам панегириста, обуздал коня с горделивой шеей (стк. 265—270); гордый конь в византийской лексике XII в. (в частности у Никиты Хониата) — синоним латинянина; в таком случае цитированная фраза могла бы относиться к походу Мануила I в Сирию в 1159 г.

Стих. VII, где идет речь о том, что распоряжение императора не осуществляется, должно было последовать за стих. VI (стр. 15 и сл.). Стих. VIII прославляет красноречие Мануила I; Бернардинелло усматривает в нем намек на собор 1166 г. (стр. 16),

¹ С. Д. Пападимитриу. *Ο Προδρομος του Μανικαίου κώδικος* XI, 22.—ВВ, X, 1903, стр. 116 (см. стих. LXIV).

² P. Wirth. Wann wurde Kaiser Alexios II. Komnenos geboren?—BZ, 49, 1956.

³ С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром. Одесса, 1905, стр. 31 и сл.

⁴ Ја. Ферлуга. Византиска управа у Далмацији. Београд, 1957, стр. 130—133.

⁵ А. П. Каждан. Братья Айофеодориты при дворе Мануила Комнина.—ЗРВИ, 9, 1966, стр. 88.

но никаких оснований для этого нет: более того, поэт прямо говорит, что император выступал в синклите (стк. 42. Ср. IX, 56), а не на соборе.

Стих. IX написано в связи с падением императора вместе с лошастью, которое издатель идентифицирует с упомянутым у Киннама и случившимся в начале 1167 г. (стр. 17). Трудность, правда, состоит в том, что поэт многословно скорбит о сломанном бедре (стк. 3—6), тогда как Киннам (Cinn., p. 264. 12—17) сообщает о повреждении бедра и руки. Но даже если дата Бернардинелло верна, это не имеет значения для нашей задачи, так как стих. IX не касается вопроса об адельфате.

В стих. X, связанном все с той же затяжкой выдачи поэту адельфата, названо лишь одно событие, поддающееся датировке, — первая встреча с «сатрапом Икония» (стк. 7), т. е. с Килич-Арсланом II, которая состоялась в Константинополе в 1162 г. Правда, в словах поэта об императоре, обagrившем своей кровью пурпурный сапог (стк. 3—4), издатель видит намеки на падение Мануила в 1167 г., оплаканное в стих. IX (стр. 17); намеки, однако, слишком неопределенны, чтобы служить основанием для датировки.

В стих. XI упомянут, помимо протосеаста (стк. 4), сеаст и зять императора (стк. 5), в котором издатель хочет видеть Алексея Белу, жениха Марии (стр. 18). Идентификация ошибочна, ибо Бела был деспотом, а не сеастом, титул «сеаста и царского зятя» жаловался обычно мужьям племянниц василевса. Решить, кто именно из них имеется здесь в виду, невозможно. Опорных пунктов для датировки нет.

Стих. XII завершает весь цикл. Оно начинается с замечания, что прошло уже три года с того момента, как поэт поблагодарил государя за пожалование (стк. 1—4), т. е. с момента написания стих. VI. Бернардинелло датирует его на этом основании 1168 г. (стр. 18 и сл.). Он, однако, не рассматривает прямых намеков стих. XII на политические события. Это прежде всего упоминание о том, что император осыпал золотом сатрапа Икония (стк. 43), что естественнее всего связывать с приездом Килич-Арслана в Константинополь в 1162 г. (ср. стих. X). Далее идет речь о посылке драгоценностей в Галлию (стк. 48), о наделении золотом «племен элоров» (стк. 65), — видимо, сицилийцев, об испуге короля Аламании (стк. 71). Вся ситуация могла бы подойти к началу 60-х годов, когда Мануил I и в самом деле искал союза Франции и Сицилии против Фридриха Барбароссы. Подробно описанную победу под Авидом над вражеским флотом (стк. 115—174) трудно связать с каким-либо известным событием, разве только с набегом 1158 г. (см. стих. VI). Загадочной фигурой остается тот «потомок сеаста и тагматарха» (стк. 78), об успехах которого говорится в стих. XII. Скорее всего, сеаст и тагматарх — это сеаст и великий домашний Иоанн Аксух, сын которого Алексей был протостратором при Мануиле. Если отождествление верно, стих. XII не могло быть написано позднее 1167 г., когда Алексея обвинили в занятиях магией и постригли в монахи.

Я далек от оптимистической уверенности в том, что манганский цикл датирован мною окончательно и точно. Напротив, цель моих замечаний иная — обратить внимание на трудности этой датировки. Мне, во всяком случае, представляется, что стихи об адельфате были написаны за более узкий отрезок времени, чем предположенный издателем период от 1142 до 1168 г.

Манганские стихотворения — интересный памятник византийской общественной мысли. Они важны и для установления биографии самого поэта, и тут прежде всего возникает вопрос, принадлежали ли они Продрому или Псевдо-Продрому. Кто тот Продром, «милый мне Продром», которого упоминает автор в стих. X (стк. 47. Ср. стк. 27)? Издатель обходит проблему и, может быть, поступает правильно: видимо, следует сперва издать всю совокупность стихов, дошедших под именем этого поэта, и потом уже в новом свете ставить и решать проблемы, связанные с его жизнью и творчеством. Новое издание — при всей спорности введения к нему — приближает нас к этой цели.

А. К.

A. Gadolin. A Theory of History and Society with special reference to the
Chronographia of Michael Psellos; 11-th Century Byzantium.]
Stockholm, Göteborg, Uppsala, 1970

Распадающийся на две части заголовок рецензируемой книги («Теория истории и общества и «Хронография» Михаила Пселла») идеально соответствует ее общей структуре. Почти каждый раздел, глава и даже маленький параграф разделены надвое, причем первая часть обычно носит название «Теория», вторая — «Постановка вопроса в «Хронографии» Пселла». В первой излагаются античные представления о тех или иных сторонах общественной и частной жизни, во второй — взгляд на них Михаила Пселла. В последнем, пятом разделе содержатся выводы и устанавливается степень зависимости Пселла от античности. Шесть веков, отделяющих византийского философа и писателя от античной древности, опускаются вовсе с соответствующим объяснением, что V—X вв. — «темные века» византийской истории, не оставившие почти никакого следа в интеллектуальной жизни.

Что же имеется в виду под весьма широкими понятиями «теория истории» (скорее — «теория историографии» в трактовке автора) и «теория общества»? Проблемы историографии разбираются в разделе, нарочито повторяющем название известного трактата Лукиана «Как писать историю». Всякий историк, — пишет А. Гадолин, — в отличие от автора чисто художественного произведения стремится убедить читателя в справедливости своей версии событий и с этой целью пользуется тремя системами доводов (так мы переводим английское *proof*): этической (внушение доверия к себе, как к личности), эмоциональной (автор заручается доверием к себе и к своим намерениям историка) и логической (риторические средства убеждения). Тому, как эти системы доводов применялись в античности и у Пселла, и посвящен раздел.

«Теория общества» — предмет раздела под названием «Государственный деятель» («The Political Man»). Там дается сводка представлений как античных авторов, так и Пселла о том, каким должен быть государственный деятель, каковы должны быть его внешность, предки, образование, отношения с окружающими, качества главы государства, верховного военачальника, вершителя правосудия и т. д.

Результаты сопоставления взглядов Пселла и античных писателей можно суммировать примерно следующим образом: 1. Нет существенной разницы между тем, что Пселл сообщает о самом себе, и тем, что можно было бы, согласно «теории», ожидать от него как историка. Иными словами, историк XI в. пользуется теми же «средствами убеждения», что и его античные предшественники; 2. Система общественных ценностей не претерпела существенных изменений во времена Пселла по сравнению с античностью. Коротко говоря, определенные мировоззренческие стандарты, созданные в античной — а вернее, еще в греческой — древности, без заметной трансформации были усвоены византийским писателем XI в. Ничего нового в таком заключении нет. Классическая наука десятилетиями отказывала византийской культуре в оригинальности, рассматривая ее лишь как деградацию античной. Однако отсутствие новизны в концепции — отнюдь не аргумент для того, чтобы а priori отказаться от серьезного к ней отношения. Старые положения, как известно, могут вполне убедительно быть доказаны новыми методами и фактами. В данном случае этого, однако, не происходит...

Широко привлекая для своих сопоставлений античность, А. Гадолин воспринимает эту тысячелетнюю эпоху как нечто цельное и во времени неизменяемое. На одном уровне и «единым дыханием» цитирует автор Гомера, Цицерона, Гермодена и других авторов. При этом, вероятно, имеется в виду, что столь же недифференцированно, как некое *Gemeingut*, воспринималась античность и в сознании византийцев. Мнение это, однако, справедливо только отчасти, и не только потому, что в античности существовали противоборствующие философские, исторические, риторические и прочие школы. К какой школе примкнуть, какую традицию продолжить, — отнюдь не маловажная проблема для образованного византийца XI в. Вспомним хотя бы приобретшую политическую окраску борьбу вокруг отношения к Платону и неоплатоникам, страстным приверженцем которых был Пселл.

Второе из наиболее уязвимых мест аргументации А. Гадолина заключается в следующем. Стремление во что бы то ни стало соблюсти двучленную композицию книги (вытекающую, как мы видели, из основного метода автора) приводит к сопоставлению практически несопоставимых явлений из древности и средневековья. Яркий пример в этом отношении — трактовка античного остракизма. Этот известный древний обычай вызывает в памяти автора многочисленные факты «зависти» византийских императоров и сановников к незаурядным своим современникам и их жестокие расправы с возможными претендентами на престол (см. стр. 143 сл.). Уничтожение действительных или мнимых соперников — обычный способ действия деспотов всех времен и народов. Сопоставлять его с остракизмом — ненужная лезть в адрес тиранов. Некоторое внешнее сходство здесь, как и в других случаях, — не причина для проведения исторических параллелей.

Очень многообразный и потому фрагментарный материал «античной» части книги — естественно, только прелюдия к ее «византийскому» разделу, от которого следовало бы ожидать и полноты, и законченности. Эти ожидания, однако, оправдываются далеко не полностью. Суть дела не в довольно многочисленных неточностях, допущенных автором и редактором: Симон (Метафраст) вм. Симеон (стр. 19), Скилица (вм. Продолжатель Скилицы) (стр. 53, 60), *Byzantini Turcica* вм. *Byzantinoturcica* (стр. 17, имеется в виду известное справочное издание Д. Моравчика) и т. д. Много важнее, что материал привлеченных источников фрагментарен, а подбор используемой научной литературы случаен. Так, история XI в. в Византии излагается главным образом на основании очень почтенной, но уж очень старой «Истории Византийской империи» Лебо, появившейся задолго до первой публикации «Хронографии» Пселла. В главе о биографии Пселла используется хорошая, но тоже очень старая работа Рамбо, краткое и поверхностное введение к изданию «Хронографии» Рено и достаточно новая, но крайне ненадежная статья П. Иоанну¹. Полностью доверять этим исследователям опасно; высказанные ими гипотезы после повторения могут приобрести в глазах читателя значение непреложного факта. Так это и случилось, например, с установленным П. Иоанну и приведенным уже без всяких оговорок А. Гадолиным «фактом» второй

¹ P. Joannou. Psellos et le Monastère ta Narsou. — BZ, 44, 1951.

опалы и заточения Пселла в монастырь Та Narsou, якобы имевшим место сразу после прихода к власти Константина Дуки в 1059 г. (см. стр. 52). Простая проверка источников, на которые ссылается недавно умерший исследователь, показывает необоснованность этого утверждения².

Однако именно использование источников — наиболее уязвимое место рецензируемой книги. «Хронография», разумеется, цитируется много и часто, но подавляющее большинство речей, писем, трактатов Пселла не приводится даже в списке литературы. Такой важнейший памятник, как «Энкомий матери», цитируется из вторых рук. Дело тут, видимо, не в простой неосведомленности автора, А. Гадюлину «принципиально» не нужны никакие другие источники, помимо «Хронографии». Сведениям и взглядам, содержащимся в историческом сочинении Пселла, он доверяет абсолютно и не испытывает потребности в коррекции их другими источниками, хотя в византийском средневековье вряд ли найдется другой столь же противоречивый и непостоянный в своих суждениях автор, как Михаил Пселл.

Одни из суждений автора книги представляются нам справедливыми, другие — спорными, третьи — неверными, но почти все они одинаково бездоказательны. Если бы А. Гадюлин даже оказался прав во всех частностях, его основной вывод о полной зависимости идей «Хронографии» от античности не мог бы считаться правомерным: неоригинальность элементов, из которых строится «Хронография», — отнюдь не доказательство неоригинальности произведения в целом, кирпичи разрушенного здания могут, как известно, быть прекрасным материалом для новых построек. Античные элементы нередко используются в Византии в новом контексте и функционируют в ином качестве.

В большинстве случаев мы не касались сути основных положений книги, обсуждение постоянных проблем увело бы нас далеко за рамки рецензии. Мы старались показать только недостаточность основного метода авторской аргументации.

Книга А. Гадюлина может служить в некоторых своих частях сводкой данных «Хронографии» о тех или иных сторонах общественной жизни Византии XI в. Этим, по нашему мнению, ограничивается ее значение.

Я. Н. Любарский

F. H. Tinnfeld. *Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Niketas Choniates*. München, 1971, S. 205

Сквозь четкие строки, писанные рукой средневекового каллиграфа, неясно проступает портрет императора Фоки (602—610). Свинцовая печать, на которой он изображен, сохранила для нас в обобщенном, стилизованном виде внешний облик василевса, прославившегося своей жестокостью. О делах же его, вернее лишь о толике кровавых деяний Фоки, рассказывает небольшой лист пергамента, воспроизведенный вместе с моливдулом на обложке книги Ф. Тиннефельда — фрагмент из «Сокращенной истории» Иоанна Зонары (первая половина XII в.). Впрочем, не только государи, стяжавшие, подобно Фоке, славу тиранов, но и более умеренные в своих поступках василевсы ромеев не избегали зачастую суровой критики современников или потомков. Что порождало критику в каждом конкретном случае, в какие формы она облекалась, — об этом книга западногерманского византиниста.

Уточняя во введении тему и объем монографии, Ф. Тиннефельд сразу же оговаривается: для изучения элементов критики привлекается только историческая литература, памятники иных жанров рассматриваются в порядке исключения (стр. 12). Исследование охватывает эпоху с VI до начала XIII в., от Прокопия до Никиты Хониата. Что же касается выбора источников, то он ограничен не только жанром: для решения поставленной перед собой задачи Ф. Тиннефельд использует сочинения византийских историографов и хронистов постольку, поскольку они дают существенный для его темы материал. Из компиляций во внимание принимаются лишь те, которые «сохранились полностью и до известной степени самостоятельны или, по крайней мере, передают значительную часть утерянных первоисточников» (стр. 14). Таким образом, в книге не учитываются «Хронография» Иоанна Малалы, «Пасхальная хроника», «Сокращенное изложение» Иоанна Киниама, «Хроника» Михаила Глики, «Историческое обозрение» Константина Манасии и ряд анонимных хроник IX в.

На первый план при анализе выдвигается вопрос о категориях критики императоров, при этом внимание исследователя обращено не столько на негативные факты как таковые, сколько на те побуждения, интересы, представления, которые порождали в течение столетий критику византийских автократов. Из буквального смысла (aus dem Wortlaut) критики и ее контекста, а также с помощью известных биографических данных пытается Ф. Тиннефельд выяснить мотивы, вызывавшие к жизни критические замечания византийских историков (стр. 12). Византинист ищет ответ на по-

² См. наши замечания: ВВ, 34, 1973, стр. 77—78.

ставленный им вопрос в характере византийского общества, стремится выявить социальные корни критики императоров — одного из существенных и относительно хорошо сохранившихся элементов идеологии оппозиции. Среди причин, побуждений (Anliegen) критики Ф. Тиннефельд выделяет прежде всего ее социальную обусловленность: социальное положение автора, его сословную принадлежность. Разумеется, от писателя к писателю, от эпохи к эпохе реальное содержание этих категорий изменялось: например, критика Юстиниана I (527—565) Прокопием объясняется положением историка в армии Велесария (стр. 19—20), особым интересом к судьбам сенаторского сословия (стр. 23—24), в то время как порицание того же императора Евагрием Схоластиком, кроме сходных с мотивами Прокопия моментов (стр. 44—45), включает в себе и критику императора с позиций антиохийского патриарха (стр. 45—46). Тем не менее, и это очень важно, сознание первостепенности роли социальной мотивированности критики, будь то принадлежность Никиты Хониата к аристократии (стр. 160—163) или положение Михаила Пселла при императорском дворе (стр. 125—131), не покидает Ф. Тиннефельда. Исследователь не ограничивается общими социальными характеристиками (происхождение, принадлежность к сословию, положение в административной системе), он идет дальше, пытаясь, хотя бы приблизительно, обозначить границы социальных групп, объединенных, к примеру, общностью настроений. Так появляется столь немаловажная в критике императоров категория, как критика «уставшего от войн поколения» в главе о Никифоре и Феофане (стр. 58—59). Можно спорить о том, насколько справедливо причисление к этому социальному слою одновременно и Никифора и Феофана, но правомерность самой попытки вычленил в византийском обществе конца VIII — начала IX в. такого рода социальную группу не вызывает сомнений.

Мы не найдем в монографии специального раздела, посвященного месту идеологии в критике императора, но важность идеологического момента в критике осознается Ф. Тиннефельдом. Мы постоянно сталкиваемся с категориями этого плана: критический взгляд Прокопия на православие (стр. 27—28) и, наоборот, критика Юстиниана I с позиций православия Евагрием Схоластиком (стр. 45), критика императоров-иконоборцев иконопочитателями (стр. 61—69), религиозная позиция Никиты Хониата и его христианская гуманность (стр. 161—171), сознание превосходства ромей над варваром у историков от Прокопия (стр. 26—27) до Хониата (стр. 163—166) с заметным ослаблением этого чувства превосходства у Михаила Пселла (стр. 130) и т. д.

Важны для западногерманского византиниста и художественные средства, используемые византийскими авторами в критике императоров (стр. 12), хотя, как подчеркивает сам Ф. Тиннефельд, постановка проблемы в его работе носит скорее исторический, чем литературно-исторический характер (стр. 13). И все же автор не обходит молчанием эту сторону вопроса: выделяются «общие места» диффамации императора у Прокопия (стр. 29—33), отдельно рассматривается риторическая фигура «псого» у того же историка (стр. 33—35), прослеживается влияние Прокопия на характер критических высказываний Агафия (стр. 37—39), появление новых категорий у Евагрия Схоластика — «метафизическое развенчание» (стр. 48). С точки зрения историка литературы важны наблюдения Ф. Тиннефельда над критикой императора Михаила III (842—867), литературный портрет которого создан под влиянием античных образцов (стр. 98—101).

Обращает на себя внимание исследователя остроумие, ирония и сатира такого большого художника и стилиста, как Михаил Пселл (стр. 131—134). В этом отношении беднее глава о Никите Хониате, где из стилистических приемов фигурирует только сравнение (стр. 177—179). Да и сама категория сравнения представлена у Ф. Тиннефельда схематично: византинист отмечает лишь ее присутствие в критике Прокопия (стр. 31), Феофана (стр. 81—82), Хониата, не ощущая при этом качественных изменений внутри категории. У Прокопия император сравнивается с ослом, с чумой, с явлениями конкретной действительности; сравнения Феофана (с библейским Фараоном, Мидасом, Иудой) — иного свойства, они лишают предмет конкретности, нивелируют в нем частное и подчеркивают общее. Одно и то же традиционное сравнение (с кораблем, попадающим в бурю) у Михаила Пселла и Никиты Хониата употребляется по-разному, с разной эмоциональной нагрузкой: оптимистической у Пселла (корабль благополучно достигает гавани) и пессимистической у Хониата (корабль разбивается).

Ф. Тиннефельд сосредоточил внимание на изучении специфического в критике императоров (стр. 13), оставив тем самым вне поля зрения стереотипы диффамации императоров, важность привлечения которых диктуется не только интересами историко-литературоведческого порядка (роль традиции в истории византийской литературы), но и тем, что в этих стереотипах, клише отложился многовековой пласт византийской официальной идеологии. Не надо далеко ходить за примерами, чтобы показать продуктивность такого подхода к изучению памятников: сошлемся хотя бы на работу Г. Хунгера об элементах *Kaiseridee* в преамбулах византийских грамот¹.

¹ H. Hunger. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Prooimion. Wien, 1964.

Подводя в заключении итоги, Ф. Тиннефельд объясняет своеобразие критики императоров в византийской историографии спецификой исторических условий: социальной мобильностью, богословскими разногласиями, конфликтом между «консервативно-догматической ограниченностью и просвещенной терпимостью», сознанием превосходства империи ромеев над другими государствами, антагонизмом столицы и государства (стр. 189—190). В неспособности византийцев к абстрагированию в области истории кроется, по Ф. Тиннефельду, причина конкретности критики: она не выходит за рамки порицания отдельных императоров, не поднимается до критики системы, и лишь Никита Хониат приближается к этому (стр. 190).

Книга Ф. Тиннефельда, несомненно, успех западногерманского византиниста. Она восполняет собой заметный пробел в византиноведении, но значение ее не только в обращении к новой тематике, важен самый подход к решению проблемы: попытка выявления социального момента в критике императоров. В выдвигании на первый план социальных мотивов нельзя не заметить влияния советской историографии. Статьи сказать, автор хорошо знаком с работами различных советских историков: А. П. Дьяконова, М. В. Левченко, М. Я. Сюзюмова. Более того, многократно цитируемые статьи А. П. Каждана о византийской историографии X—XI вв. оказали влияние и на постановку вопроса в соответствующих разделах монографии. На характере главы об историках периода иконоборчества сказалось влияние статьи К. Н. Успенского². Однако неизученность проблемы, с одной стороны, и широта хронологического охвата—с другой, неизбежно влекут за собой некоторые пропуски, неточности в оценках и характеристиках. Нашими наблюдениями в связи с избранной Ф. Тиннефельдом темой мы и хотели бы здесь поделиться.

Для более подробного анализа мы избрали главу об историографии эпохи иконоборчества. Выбор наш не случаен, он определен следующими соображениями: во-первых, пристальным, как нам кажется, вниманием самого автора к этому периоду (ему в монографии отведено больше всего места), и во-вторых, тем обстоятельством, что по новизне используемой научной литературы (мы имеем в виду исследование, посвященное «Хронографии» Феофана) именно этот раздел занимает едва ли не последнее место в работе Ф. Тиннефельда. Статья К. Н. Успенского, на которую византинист часто ссылается (стр. 60—65, 67, 69, 72), хотя и появилась в печати в начале 50-х годов, написана все же до 1917 г.

Выясняя причины негативной характеристики императора Маврикия (582—602) Феофаном (сообщения о конфликтах между василевсом и армией), Ф. Тиннефельд ставит вопрос таким образом: если в «Истории» Феофилакта Симокатты (основном источнике «Хронографии» Феофана) именно этот раздел занимает едва ли не последнее место, то чем вызвано отклонение Феофана от позитивной оценки Симокатты? Причину тому ученый видит в тенденциозности другого, не использованного Феофилактом и не дошедшего до нас источника, который был привлечен Феофаном. О существовании такого источника писал еще О. Адамек³, и Ф. Тиннефельд ссылается на его статью (стр. 56, прим. 136, 137). Это неизвестное сочинение было, по-видимому, составлено в оппозиционных Маврикию армейских кругах (стр. 56—57).

Исследователь останавливается на этом, и он вправе так поступать, но перед читателем встает вопрос, в чем мотивы критики Маврикия компилятором, ибо использование оппозиционного Маврикию источника в оценке императора — это проявление критического отношения Феофана к василевсу. При создании компилятивной части «Хронографии» в этом, да и не только в этом, случае Феофан имел дело с памятниками противоположной политической направленности, но что определяло выбор тенденции хронистом? Вопрос можно было бы оставить без ответа лишь при условии трактовки несамостоятельной части «Хронографии» как механического соединения идейно и политически разнородных первоисточников, но это, в свою очередь, требует проведения исследования, от которого отказывается Ф. Тиннефельд, а именно — нужно проследить работу Феофана-компилятора над сохранившимися оригиналами.

Едва ли к достоинствам книги можно отнести пропуски в анализе критики Феофаном режима Юстиниана II (685—695 и 705—711). Между тем этот император по враждебности к нему хрониста с успехом может соперничать с ненавистным Феофану императорами-иконоборцами или Никифором I (802—811), и ограничиваться здесь критикой внешней политики, как сделано в монографии (стр. 58—59), не стоило бы. Практически у Ф. Тиннефельда опущено все, что касается возвращения на престол и второго правления Юстиниана, хотя рассказ именно об этом период — богат и разнообразнее по содержанию и форме критических высказываний историка. Ничем не прикрывается осуждение Феофаном жестокости василевса. Юстиниан жесток, наказывая своих противников, ему и в голову не приходит пощадить кого-либо из них по возвращении в Константинополь; Юстиниан жесток, наказывая жителей Херсона и помня о попытке херсонитов выдать его Тиберию Аписмару (698—705); даже гибель послан-

² К. Н. Успенский. Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII—IX вв. Феофан и его Хронография. — ВВ, III, 1950, стр. 396—438; IV, 1951, стр. 211—262.

³ О. Адамек. Beiträge zur Geschichte des byzantinischen Kaisers Mauricius. Sonderabdr. aus d. Bericht. d. Gymn. Graz, 1890.

ного им в Херсон ромейского флота не пробуждает сострадания у императора. Важна также и характеристика взаимоотношений Юстиниана с варварами: болгарами и хазарами. В письме хазарского кагана Юстиниану (вопрос о подлинности или ложности которого, кстати сказать, небыл интересен в связи с выявлением побуждений Феофана) без труда улавливается неприязнь автора послания к своему адресату. Наконец, тем же целям служит сообщение о реакции встретивших Юстиниана бранью константинопольцев на возвращение в столицу некогда свергнутого императора⁴.

Далее, отнесение Феофаном удач Льва III (717—741) и Константина V (741—775) в войнах с арабами и болгарами за счет вмешательства бога трактуется Ф. Тиннефельдом как стремление хрониста развенчать успехи военной политики императоров-иконоборцев (стр. 65—66). Думается, что ключ к правильному пониманию того, как освещаются эти события в «Хронографии», — не в желании Феофана преуменьшить роль побед, одержанных Исавами, а в христианском мировоззрении автора, воспринимающего происходящее как волю Божию. Недаром возвращающийся из победоносного похода василевс следовал в триумфальном шествии за колесницей, на которой везли икону богородицы, как бы давая понять тем самым, что действительная заслуга принадлежит не ему, а заступничеству святой девы. С литературным воплощением адекватного понятия мы и сталкиваемся, скорее всего, в «Хронографии». Ту же мысль мы встречаем и в повествовании о походе Никифора I в 811 г. на болгар. Окрыленный удачным началом кампании Никифор, по словам хрониста, приписал победу не богу, а удачливости и мудрости своего сына Ставракия⁵, чем, вполне понятно, вызвал недовольство Феофана. Этот пример любопытен также и тем, что Феофану нет нужды скрашивать здесь успех похода, и без того окончившегося разгромом ромеев и гибелью императора. Кроме того, объяснить успешность военной политики Льва III и Константина V божественным предопределением значит метафизически снять вопиющее для средневекового историографа противоречие: нечестивый император творит благие дела.

Наряду с этим не следует забывать и о том, что повествование о правлении иконоборцев разворачивается на широком историческом фоне, так что события царствования Льва III и Константина V невольно воспринимались в сравнении, и сравнение это (мы имеем в виду внешнюю политику) было явно в пользу гонителей православия. Достаточно вспомнить поражения Византии в войнах с болгарами при Никифоре I и Михаиле I (811—813), которые представляют собой контраст к сравнительно стабильному положению при первых Исавах.

И еще одна деталь. Феофан, разумеется, субъективен при характеристике Льва III и Константина V, в изложении фактов, нам кажется, довольно объективен. Критическое отношение к Константину V не мешает ему сообщать такие подробности, которые сами по себе свидетельствуют о популярности Копронима в армии, о небывалой славе его как победоносного полководца. Спустя более десяти лет после смерти Константина армия все еще остается верной «ереси своего учителя», т. е. покойного императора, и разгоняет собор иконопочитателей, созданный Ириной (797—802) по требованию патриарха Тарасия (784—806)⁶. Прошло около 40 лет со смерти Константина V, а в Константинополе еще ходят легенды о победах василевса над болгарами, а после поражения 813 г. в войне с ними константинопольцы устремляются к могиле преданного уже анафеме императора, призывая его восстать из гроба и отпраздновать на болгар⁷.

Представление об искажении Феофаном военных успехов Льва III и Константина V иллюстрируется у Ф. Тиннефельда сравнением с аналогичными фрагментами в «Бревиарии» Никифора. Слов нет, сопоставление с «Бревиарием» в ряде случаев продуктивно, но, когда речь заходит о военной политике Исаврийской династии, положение дел меняется и вот почему. «Бревиарий» был создан, вероятно, до 787 г., Феофан же писал «Хронографию» где-то между 810 и 814 гг.; за это время многое изменилось в политической ситуации, и если Феофану победы первых императоров-иконоборцев виделись сквозь поражения Никифора I и Михаила I, то сочинение будущего патриарха лишено такой исторической перспективы. Поэтому сравнение с «Бревиарием» возможно лишь при известных оговорках.

Заканчивая, хотелось бы еще раз подчеркнуть и важность затронутой Ф. Тиннефельдом темы, и плодотворность подхода к ее решению, и, наконец, фундаментальное знание автором историографии, в том числе советской.

И. С. Чичуров

⁴ История возвращения Юстинианом II престола и расправы с херсонитами обстоятельно изложена Феофаном. См.: Theophanis Chronographia rec. C. de Boor, v. I, Lipsiae, 1883, 372.26—375.28, 377.22—380.8.

⁵ Ibid., 490.18—19.

⁶ Ibid., 461—462.

⁷ Ibid., 501.3—12.

АННОТАЦИИ

Ἀλκμήνης Σταυρίδου-ζαφράκα Ἡ συναντήση Συμεὼν καὶ Νικολάου Μυστικοῦ (Ἀδελφός 913).

Στά πλαίσια τοῦ βυζαντινοβουλγαρικοῦ ἀνταγωνισμοῦ. — «Κέντρον Βυζαντινῶν Ἑρευνῶν», 1972. σ. 130.

Монография Алкмены Ставридии-Зафрака посвящена византино-болгарским отношениям после смерти императора Александра. Предварительно осветив внешнюю и внутреннюю политику Византии в последние годы правления Льва VI и Александра, автор главное внимание обращает на деятельность Николая Мистика, который после смерти Александра оказался фактически во главе Византии. Появление Симеона с армией у стен Константинополя в августе 913 г. и его встреча с патриархом — основная тема монографии.

Автор выступает против положения А. П. Каждана о том, что византино-болгарская война началась уже при Александре. На основании новой (впрочем, не особенно убедительной) датировки некоторых писем Николая Мистика (стр. 51—54) автор доказывает, что война с Болгарией началась только после смерти Александра, точнее — в августе 913 г.

В дальнейшем монография касается только спорной проблемы характера и значения свидания Симеона с патриархом Николаем Мистиком в Константинополе. Автор считает, что все помыслы Симеона, судя по письмам Николая Мистика, сводились к стремлению овладеть византийским тронem, используя тяжелое положение династии: император-ребенок, не вполне законорожденный, как бы не имел права на престол. Ввиду исключительной скудности источников в исторической литературе создано несколько концепций. В источниках говорится, что патриарх совершил особый обряд в храме — возложил на голову болгарского князя, «как говорят», вместо короны епирриптарий. Автор приводит широкую дискуссию вокруг значения этой части одевания патриарха (по мнению автора, это нечто вроде плаща с накидкой на голове). Весь вопрос заключается в том, был ли совершен обряд коронации или же имел место обман со стороны патриарха Николая.

Ставридия-Зафрака энергично оспаривает правильность выдвинутых историками концепций: В. Златарского, который считает, что совершен был обряд возведения Симеона в сан кесаря, и Г. Острогорского, который, признавая факт совершения коронации василевсом, полагает, что впоследствии (стр. 70) сам Николай Мистик придумал версию о недействительности совершенного обряда. Отвергает автор и толкование события Ф. Дольгером о совершении обряда духовного усыновления Симеона византийским императором. Отвергается вообще мысль о предоставлении болгарскому князю титула автократора, поскольку по византийской идеологии может быть только один император, наместник бога на земле. Кроме того, автор приводит соображение из «Книги церемоний», что при возведении в императоры чисто церковная обрядность не имела особого конституционного значения, что решающим моментов в церемониях двора являлись ритмические возгласы и словословия со стороны войска, синклита и димов. Согласно автору, на свидании с патриархом Симеон ничего не добился, никакой коронации не было; патриарх только совершил обряд благословения Симеона, как понимал хронист Зонара (XII в.). Именно это благословение, совершенное авторитетнейшим лицом, притом в Константинополе, было моральным возвышением болгарского князя, который, в сочетании с его военной мощью, смог решиться впоследствии (после 917 г.) провозгласить себя императором болгар и римлян.

Нам, однако, кажется, что автор несколько недооценивает показания источников. Как бы то ни было, с обманом или без обмана, но Продолжатель Феофана, близкий по времени источник, и Скилица-Кедрин говорят именно о том, что совершался обряд коронации, при котором («как говорят») Николай совершил обман: вместо короны (ἀντὶ στεφάνου, ἀντὶ στεφάνου) возложил епирриптарий. В монографии детально разобраны события и историография вопроса, но основной вывод нам не кажется вполне убедительным.

Монография написана не на привычной катаревусе, а на димотике.

М. Я. Сюзюмов

Раб
свойств
занятий
экономи
конкрет
глубоки
Сомног
ное госу
вековой
мости г
«сверхн
на един
Кн
сточное
его суш
Отл
му обл
«Георга
неоднок
лин и 1
тически
ность р
контек
ва», по
ные явл
ном в о
ние Бал
области
ляет ор
ная ро
являлся
Др
восточн
составл
церкви
приобре
смавив
лицкой
с монго
которые
церквям
Наи
ность и
«парадо
содруж
речивое
сопроти
рядом с
жизни;
сл.), та
Пе
Основн
вание Е
лишь у
с серед
импер
Х и Х
рирова
Сле
ленные
степи и
крещен
импер
над Рус
От
ского с
к глоба
(«Связи

Работе Д. Оболенского, профессора русской и балканской истории в Оксфорде, свойственна несколько необычная постановка вопроса. По мнению автора, между Византией и рядом стран Восточной Европы существовали определенные политические, экономические, культурные и религиозные связи, которые определялись не только конкретно-историческими интересами, действовавшими в данный момент, но более глубоким и более общим принципом. Этот принцип Оболенский характеризует словом Commonwealth, «содружество», и сближает его с римским понятием foederatio, «союзное государство». Этот принцип, полагает Оболенский, отличался от западной средневековой идеи вассальных связей, как и от современных нам представлений о зависимости государств. Византийское содружество государств Оболенский понимает как «сверхнациональную общность», основанную прежде всего, хотя и не исключительно, на единстве православной веры (стр. 277).

Книга как раз и посвящена становлению, истории и структуре византийско-восточноевропейского содружества государств на протяжении тысячелетнего периода его существования.

Отличительной чертой книги является прежде всего ее интерес к географическому облику исследуемого ареала. Это проявляется не только в наличии особой главы «Географическая обстановка» (стр. 5—41), но и в том, что Оболенский в дальнейшем неоднократно возвращается к рассмотрению той системы морских и речных путей, доли и горных проходов, которая составляла, так сказать, материальную базу политического и культурного общения входивших в содружество стран. Другая особенность работы — рассмотрение отдельных событий и фактов в широком историческом контексте, охватывающем не только совокупную историю «Византийского содружества», но и историю других народов и стран. Взятые в таком широком контексте отдельные явления из сферы славяно-византийских отношений предстают закономерным звеном в общем процессе исторического развития. Например, аваро-славянское завоевание Балканского полуострова, по мысли Оболенского, лишает Византию Иллирика, области, дававшей на протяжении ряда столетий лучшие контингенты войск, и заставляет ориентироваться на Кавказские области, и прежде всего на Армению; колоссальная роль армии (начиная с VI в.) в византийской армии и государственном аппарате явилась, таким образом, «косвенным результатом славянского вторжения».

Другим результатом этого вторжения было взаимное отчуждение западных и восточных областей Римской империи, поскольку славяне как раз заняли провинции, составляющие «мост» между Византией и Западом (стр. 58). Стремление католической церкви в первой половине XIII в. распространить свое влияние на славянские земли приобретает в изображении Оболенского особую четкость именно потому, что он рассматривает в совокупности тенденции папства к подчинению Болгарии, Сербии и Галицкой Руси, увязывая это как с политическим разгромом Константинополя, так и с монгольским завоеванием Восточной Европы; вместе с тем он отмечает те уступки, которые Константинопольское патриаршество должно было сделать всем славянским церквям (стр. 237—243).

Наконец, характерной особенностью книги является стремление отметить сложность и противоречивость действительности — Оболенский даже говорит иной раз о «парадоксальности» (см., например, стр. 104). Самое отношение периферийных стран содружества к его центру и к созданной в центре культуре осмысливается как противоречивое и парадоксальное, ибо активное усвоение греческого влияния сочетается с сопротивлением этому влиянию, а усиление политического самосознания сплошь и рядом облачается в форму «византинизации» политического устройства и культурной жизни; Оболенский отмечает это явление как для Болгарии начала X в. (стр. 114 и сл.), так и для Сербии в конце XIII столетия (стр. 251 и сл.).

Первые главы книги рассматривают становление «Византийского содружества». Основными этапами этого процесса были варварское (прежде всего славянское) завоевание Балканского полуострова, приведшее к тому, что Византия удерживала здесь лишь узкую прибрежную полосу (стр. 55); византийская реконкиста, начинающаяся с середины IX в., которую автор связывает с экономическим и культурным подъемом империи (стр. 69); кризис византийского «империализма», преодоленный на рубеже X и XI вв., когда балканские славяне оказываются в своем большинстве инкорпорированными Византией (стр. 133).

Следующие главы рассматривают распространение содружества на страны, удаленные от византийских границ, а именно на Моравию, Венгрию, причерноморские степи и на Русь. При этом Оболенский подчеркивает, что византийцы рассматривали крещение Владимира как значительный успех, и считает, что Владимир признал за императором «основанную на божественном праве метаполитическую юрисдикцию над Русью» (стр. 201).

От конкретного и фрагментарного рассмотрения истории становления «Византийского содружества» в VI—X вв. Оболенский стремится перейти, как он прямо пишет, к глобальному и синоптическому (стр. 203). Названия глав во второй половине книги («Связи внутри содружества», «Факторы культурной диффузии» и т. п.) как будто

подтверждают наличие этой тенденции. Однако тенденция остается осуществленной не до конца, и главы эти, как правило, распадаются на параграфы, посвященные или отдельным странам (для нашего читателя особый интерес представляют параграфы, касающиеся русско-византийских отношений в XI—XII и в XIII—XV вв.), или отдельным сторонам религиозных и культурных взаимосвязей (монашество, культ святых князей, каноническое и светское право, литература, изобразительное искусство). Во всех этих главах много интересных частных наблюдений, но, как ни странно, в книге нет специальной главы о структуре и природе «Византийского содружества», нет, собственно говоря, целостной характеристики этого существенного понятия, введенного автором.

Но прежде чем коснуться понятия «Византийское содружество», мне хотелось бы обратить внимание на то, что Оболенский предлагает чересчур ограниченное толкование его географических рамок. В самом деле, содружество не ограничивалось только Балканами, северным побережьем Дуная и Северным Причерноморьем, но включало в себя Италию, Кавказ и Приевфратье, не говоря уже о тех этнических группах, которые размещались на собственно византийской территории. Пренебрежение западными и восточными границами Византии дает себя знать уже в главе «Географическая обстановка», где нет не только Италии, но и Малой Азии, т. е. основного ядра империи. Расширение рамок имело бы двойного рода последствия: во-первых, еще отчетливее можно было бы видеть, что состав содружества не носил исключительно греко-славянского характера; во-вторых, в рамках содружества могли найти место не только «православные» страны, но и те, где вероисповедание носило иные оттенки (монофиситы или сторонники западной церкви). Тем самым развиваемый Оболенским тезис о православии как идеологическом стержне содружества оказывается небесспорным.

На чем же в таком случае зиждилась византийская *foederatio*? Не следует ли предположить, что в ее основе лежало противоречивое стремление средневекового общества к натуральному самоограничению и к универсализму, к «вселенности»? Средневековые государства при всей их тенденции к экономической, политической и культурной автаркии (и, может быть, в возмещение этой тенденции) не переставали ощущать себя звеньями в системе универсальной империи. Эта идейно-политическая действительность средневековья, даже оформляемая в терминах зависимости, не имела ничего общего с реальной зависимостью. Иерархия «Византийского содружества» была скорее фактором самосознания, нежели политического подчинения, фактором объединения, а не унижения. Такая иерархия прослеживается и на Кавказе, и в Италии.

Кроме того, следует учитывать размытость средневековых границ, наличие широкой приграничной полосы, «ничьих земель», возможность фактического служения двум государствам, что еще более осложняло картину средневекового содружества стран.

Носителем принципа универсализма была в раннесредневековой Западной Европе церковь (папство), в Византии же — императорская власть. Собранный Оболенским материал показывает, как к XIV в. положение здесь меняется и патриаршество в большей мере, нежели вассилевс, становится проводником универсалистской идеи и оплотом содружества. Может быть, это обстоятельство следовало бы подчеркнуть в книге с большей определенностью.

А. К.

A. Guillou. *Studies on Byzantine Italy.*
London, 1970

Книга представляет собой сборник статей известного французского византиниста А. Гийу.

До сих пор византийская история остается, как правило, историей Константинополя и константинопольского двора. Отсутствие источников делает почти невозможным изучение византийской провинции. Многолетние исследования Гийу в Италии, позволившие ему опубликовать ряд новых памятников¹, пробивают брешь в традиционном подходе и освещают жизнь одной из удаленных от центра областей. При этом следует отметить одно обстоятельство: история византийской Италии, когда она затрагивалась предшественниками Гийу, изучалась в следующих аспектах: внешняя политика, административная история, монашество и изобразительное искусство. Значение трудов Гийу состоит в том, что он стремится восстановить социально-культурный облик византийской Италии, что он изучает общественные отношения в византийской провинции.

Публикуемые статьи распределяются на две неравные группы. Две работы посвящены ранневизантийскому периоду: «Экзархат и Пентаполь, психологический очерк

¹ См. аннотации: ВВ, XXVIII, 1968, стр. 291—292; ВР, 32, 1971, стр. 257.

византийской Италии» (№ 2) и «Демография и культура в Равеннском экзархате» (№ 3). Основная масса статей касается Южной Италии в IX—XI вв. Среди них большая группа носит источниковедческий характер: «Греческие документальные источники для Италии византийского и норманского периодов» (№ 4), «Греческие архивы монастыря св. Марии делла Матина» (№ 5), «Архивы монастыря св. Марии ди Бордопаро» (№ 6), «Две грамоты катепанов из Трикарико» (№ 7: совместно с В. Хольцманом) и, наконец, «Памятник, касающийся провинциального управления. Метрическая надпись из Бари исторического содержания (1011 г.)» (№ 8). Специальное внимание уделено исторической географии и этнографии Южной Италии: «К вопросу о греческом населении Сицилии и Калабрии в средние века» (№ 9), «Византийская Лукания. Историко-географический очерк» (№ 10), «Округ Лао в XI в. К вопросу о византийской микрогеографии» (№ 11). Уже в этих статьях поставлен ряд проблем социальной истории — более широко они трактуются в других исследованиях, а именно: «Заметки об общественном устройстве в Итальянском катепанате XI в.» (№ 13), «Византийская Италия, *douleia* и *oikeiosis*» (№ 1) и «Греки в Южной Италии и Сицилии в средние века. Монашество» (№ 12)². Наконец, последняя статья озаглавлена: «Агония греческой провинции. Южная Италия в XI в.» (№ 14).

Статьи, написанные преимущественно по-итальянски и по-французски, но также по-немецки (№ 7) и по-английски (№ 3), в своем большинстве уже были опубликованы и воспроизводятся в сборнике методом репринта с сохранением пагинации подлинника. Только одна работа (№ 8) публикуется впервые: Гийу переиздает надпись из Бари, которую первый издатель (Ф. Бабудри) датировал IX в. и отнес к царствованию Василия I. Гийу предлагает теперь остроумную реституцию надписи, которая оказывается стихотворной, и показывает, что Василий бариийской надписи — не Василий I, а Василий Месардонит, византийский наместник Италии начала XI в. На основании хроники Луки Протоспафария Гийу отождествляет Василия Месардонита с Василием Аргиром и считает его братом будущего императора Романа III. Он восстанавливает — впрочем, не без гипотетических натяжек — жизненный путь Василия Месардонита-Аргира, а самое его прозвище, Месардонит, считает персидским (!) вариантом патронима Аргир.

Книга снабжена иллюстрациями и картой Южной Италии, воспроизведенной вместе со статьями № 10 из журнала «Византион», — к сожалению, технически несовершенной. Разнобой шрифтов также придает сборнику несколько неряшливый облик. Небольшой список *errata* позволяет исправить кое-какие погрешности в старых публикациях, а общий индекс облегчает пользование книгой.

А. К.

D. Jacoby. La féodalité en Grèce médiévale. Les «Assises de Romanie». Sources, application et diffusion.

«Documents et recherches sur des pays byzantins, islamiques et slaves et leurs relations commerciales au Moyen âge», sous la direction de P. Lemerle, X.

Paris, La Haye, 1971, p. 358.

Так называемые «Ассизы Романии», сборник норм феодального права, отредактированный в Море между 1333 и 1346 гг. (см. стр. 87), был опубликован Ж. Рекура в 1930 г. Д. Якоби, как можно понять из рецензируемой книги, подготавливает в настоящее время новое издание Ассиз, поскольку, как он пишет (стр. 15), Рекура допустил ряд погрешностей при чтении рукописей, а также поскольку теперь доступны две рукописи — Филадельфийская (XVI в.) и Вашингтонская (второй половины XV в.), не привлеченные первым издателем. Рецензируемая работа и представляет собой своего рода введение к будущему изданию.

Центральная часть книги — обзор рукописей и установление рукописной традиции (стр. 115—174), которая сводится в стемму, отличную от предложенной Рекура. При этом Якоби полагает, что сохранившиеся рукописи дают возможность судить не о французском оригинале 1333—1346 гг., но лишь о венецианском переводе, который возник, во всяком случае, до 1416 г., а скорее всего еще во второй половине XIV в. (стр. 170—173). Древнейшая рукопись, хранящаяся ныне в Британском музее, была переписана в Венеции в 1423 г. (стр. 116—123), однако другие манускрипты, особенно Венецианский 1443 г. (стр. 123—126) и Венецианский 1440 г. (переписанный на острове Корфу), дают самостоятельные версии.

Якоби освещает также процесс формирования Ассиз. В этой связи для нашего читателя особенно интересна глава о тех элементах, которые оказали влияние на становление морейского права. Это прежде всего западноевропейское феодальное право,

² Ср. еще его работу «Il monachesimo greco in Italia Meridionale e in Sicilia nel Medioevo». — «Atti della Seconda Settimana internazionale di studio Mendola». Milano, 1965, p. 355—381.

наряду с которым сказывались и другие правовые системы, в том числе византийская. Якоби прослеживает византийское происхождение ряда ассиз, а именно о виллане, который становится человеком другого сеньора, если проживает на его земле 30 лет; о наследовании земель «по греческим нормам», когда феодалы греческих архонтов и ста- си вилланов не переходили старшему сыну, а разделялись поровну между всеми сы- новьями; об исполнении договора; о штрафах за нарушение контракта (стр. 32—38).

Ассизы не получили официального утверждения в Морее, но тем не менее они при- обрели популярность и широко распространились в латинских государствах на ви- зантийской территории — при всем многообразии их политической и правовой струк- туры. Последнее наблюдение, хотя и не относится непосредственно к теме книги, имеет большое значение. Якоби отмечает, во-первых, особенности венецианского государ- ственного права, которое исходило из наличия государства — обладателя политиче- ских, юридических и фискальных прерогатив, и во-вторых, многообразие форм отноше- ния греческих архонтов с завоевателями: на Негропонте число греков в составе нового господствующего класса было невелико, в Морее и на островах Архипелага они соста- вили существенный элемент класса феодалов, а в некоторых случаях (на островах Тинос и Микон) этот класс состоял преимущественно из греков, феодальная иерархия не сложилась и земельные собственники рассматривались как прямые вассалы пра- вителя острова (стр. 309 и сл.; ср. стр. 246 и сл., где идет речь о пронии на Тиносе и Миконе).

После византийского завоевания Морей Ассизы были вытеснены оттуда, но со- хранили свое значение в других областях, в том числе на Корфу, где они засвидетель- ствованы в XV в. (стр. 253—270). Венеция также использовала в своих владениях по- ры морейского права (стр. 295—308).

В Приложении публикуются 20 отрывков из неизданных постановлений венеци- анского сената XIV—XVI вв., касающихся «Ассиз Романии» (стр. 315—333), а так- же глоссарий из уже упомянутой Филадельфийской рукописи (стр. 33).

А. К.

**D. Podskalsky. Byzantinische Reichsideologie. Die Periodisierung der Weltgeschie-
chte in den vier Grössreichen (Daniel, 2 und 7) und dem Tausendjährigen Friedensrei-
che (Apok., 20). Eine motivgeschichtliche Untersuchung.**

«Münchener Universitäts-Schriften. Reihe der philosophischen Fakultät», 9. Wilhelm
Fink Verlag. München, 1972, S. XII + 114.

Уже в заглавии книги молодого мюнхенского социолога Г. Подскальского обна- руживается противоречие, которое присуще и самой работе. С одной стороны, это исследование двух литературно-мифологических (библейских) образов, эволюции их понимания в раннехристианской, византийской, средневековой греческой и славян- ской литературе; с другой — ряд замечаний о характере имперской идеологии в Византии, замечаний, имеющих общее значение и, как мне кажется, выходящих да- леко за пределы того довольно ограниченного материала, который содержится в ви- зантийских толкованиях видений в книге Даниила (гл. 2 и 7) и в Откровении Иоанна (гл. 20).

По своей структуре монография четко распадается на две части (я имею в виду не ее формальное разделение автором на два раздела, из которых первый посвящен книге Даниила (стр. 4—76), а второй — Откровению (стр. 77—103), но ее внутренний, сущностный строй): подавляющее количество страниц отдано последовательному об- зору толкований книги Даниила и Откровения, но в двух параграфах, соответственно озаглавленных «Эсхатология или идеология?» (стр. 70—76) и «Утопия или суеверие?» (стр. 101—103), содержатся выводы или выходы в характеристику политического мыш- ления Византийской империи.

Обзор написан, я бы сказал, с соблюдением лучших и худших традиций мюнхен- ской филологической школы. Тщательно выверенные факты, обширная библиография, привлечение рукописей — все это делает книгу Подскальского надежным и удобным справочником. Вместе с тем традиционный для филологической науки «жанровый» принцип распределения материала и вырывание исследуемых произведений из исто- рического контекста обедняет картину и затрудняют понимание эволюции византий- ской общественной мысли. В самом деле, Подскальский рассматривает в двух местах (стр. 11 и сл., стр. 35 и сл.) трактовку видения Даниила у Евсевия Кесарийского: вы- деление второго параграфа вызвано тем, что фрагменты из Евсевия дошли до нас в составе сборника катен Иоанна Друнгария. В результате этого Евсевий (как и неко- торые другие авторы, включенные в сборник Иоанна) характеризуется после Феодо- рита Киррского, писавшего, на самом деле, позднее его. Напротив, ряд авторов IX—X вв.: Георгий Монах (стр. 58 и сл.), Псевдо-Афанасий Синаит (стр. 44 и сл.), Василий, епископ Новый Патр (стр. 38 и сл.) — разбираются в соответствии с их жанровой при- надлежностью в разных частях книги, отчего имеет тенденцию улетучиться то общее, что их всех объединяет: четкая трактовка Византийской империи как христианского

государства. Эта общность воззрений авторов, принадлежащих одной эпохе, грозит ускользнуть еще и потому, что Подскальский индифферентно относится к хронологической привязанности того или иного автора: о времени жизни Георгия Монаха не говорится вовсе, а время жизни Василия, епископа Новых Патр, определяется только в примечании (прим. 242).

Далее, справедливое суждение о компилятивной природе толкования Арефы Кесарийского на Откровение (стр. 88—91) несомненно выиграло бы в свете общего суждения о творчестве Арефы, более того — обо всей эпохе, когда писал Арефа (начало X в.), эпохе формального компилирования, достигающего апогея в деятельности окружения Константина VII. И точно так же концепция Иоанна Зонары, констатирующего, в связи с анализом видения Даниила слабость государства ромеев (стр. 59 и сл.), стала бы яснее, если учесть критическое отношение к правлению Алексея I не только самого Зонары, но и определенных кругов чиновничества и высшего духовенства того времени (можно вспомнить в этой связи хотя бы инвективы Иоанна Антиохийского).

Короче говоря, классификация материала по жанрам препятствует, как мне кажется, выяснению исторически обусловленного движения общественной мысли и способствует упрочению иллюзии о неизменно стабильной византийской структуре мышления. В соответствии с этим в обобщающих параграфах книги Подскальского фактор времени практически отсутствует: автор утверждает, что сложившаяся к V в. система взглядов в дальнейшем стандартизуется. «Фикция непрерывного единства имела тенденцию прикрыть бесспорный упадок [политической мысли]» (стр. 70 и сл.).

Основы византийской имперской идеологии были заложены, по мнению Подскальского, Евсевием Кесарийским, который принял сирийскую экзегезу книги Даниила с ее ориентацией на историю, а не на будущее: с правлением Константина I уже установилось царство благочестия, идеальный порядок (христианская империя) уже оказывается воплощенным. Эту метаморфозу Подскальский называет «идеологизацией византийской имперской эсхатологии» (стр. 71). Понятие «идеология» употребляется автором в узком и для нашего читателя непривычном смысле: это — сумма представлений, с помощью которых общество, опираясь на ложные воззрения и устаревшие формы мышления, оправдывает себя (стр. 73). Если эсхатология и миф оставляли место для критического отношения к данной действительности (переноса идеал в будущее), то идеология, рационализировав историю и освободив ее от мифа, претендует на то, что современность есть окончательный момент в мироздании (стр. 72 и сл.). Оба типа византийского толкования книги Даниила — «политический» (Рим есть воплощение «царства вечного») и «религиозный» (вечное царство есть слияние Рима и царства Христова) — исходили из принципа, что монархия — единственно мыслимая форма государства. Ни одна ересь не поставила под сомнение принцип «византийской имперской идеологии» (стр. 73 и сл.).

Соответственно этому тысячелетнее царство, о котором идет речь в Откровении, понималось в Византии как продолжение существующего, а не как «революционная утопия», не как «анархический корректив к иерархическим структурам» (стр. 101 и сл.).

Книга Подскальского интересна по двум причинам: как первый опыт «вертикального» прослеживания судьбы данного литературно-мифологического образа и как (крайне редкая пока еще) попытка приложить к Византии ряд социологических понятий, выработанных вне византиноведения. Однако оба эти направления не «сошлись» в книге: выводы не вытекают из материала, и более того — они слишком значительны, чтобы их можно было построить на таком ограниченном материале, как экзегеза двух библейских образов. Действительно «идеологизация эсхатологии» имела место в Византии, действительно в Византии политические дискуссии не достигали той драматической остроты, которая на Западе выливалась то в анафему Каноссы, то в канонизацию королей (стр. 74 и сл.), — в этом, видимо, проявлялась относительная уравновешенность византийского мышления, но думается, что Подскальский абсолютизирует частные наблюдения или, вернее, распространяет на Византию некий вне и до источников созданный априорный образ, когда он вовсе отрицает возможность возникновения здесь принципиальной критики существующего порядка. Богомильский дуализм, критика императорской власти у Никиты Хониата, трагическое восприятие разрыва идеи «христианского государства» и политической катастрофы у историков XV в., попытка реформы зилотов — все это, разумеется, стоит вне «узкой» темы Подскальского, но, как мне кажется, противоречит его «широким» выводам.

А. К.

И. Заимов. Битолски надпис на Иван Владислав самодържец български. Старобългарски наметник от 1015—1016 година.
София, 1970, стр. 164+11 табл.

Надпись болгарского царя Ивана-Владислава (1015—1018) была найдена в 1956 г. в г. Битоля (Юго-Западная Македония) и издана сперва А. Бурмовым, а затем В. А. Мошиным¹. И. Заимов издал ее текст заново. Так как мраморная плита была использована в свое время как строительный материал и при этом повреждена, издателю приходится восстанавливать как целиком первую строку надписи, так и части других строк. В ряде случаев Заимов расходится со своими предшественниками в реституции текста. Некоторые лакуны так и остаются незаполненными.

В надписи говорится, что Иоанн, самодержец болгарский, с помощью богородицы и апостолов начал укреплять «град» Битоля ради спасения болгар 20 октября, а также что самодержец был родом болгарин, сын Арона, брата Самуила-самодержца, что Арон и Самуил разбили войска царя Василия [II] и что сам Самуил потерпел поражение в 6522 (1014) г. По мнению Заимова (стр. 15—17), тексту предшествовала строка, датировавшая начало строительных работ в Битоле 1015 г. (обоснование даты см. стр. 108—111. Согласно В. Мошину, строительство крепости началось в 1016 г.).

Мне кажется, что при издании следует четче отделять достоверное от гипотетического. Как ни правдоподобны эмендации Заимова, они все-таки не единственно возможные. В частности, не только дата в первой строке, но и само существование первой строки остается под вопросом.

Издатель характеризует палеографические особенности надписи, считая, что ее графика имеет общеполгарский характер (стр. 61). При этом возникает один общий вопрос: в какой мере правомерно сопоставление письма эпиграфического памятника с письмом рукописей? Принципы работы писца и резчика были настолько различными, что всякие умозаключения, основанные на сопоставлении столь разнохарактерных памятников, оказываются рискованными. Поэтому Битольская надпись вряд ли может послужить обоснованием для пересмотра датировки раннеславянских манускриптов (стр. 62). Напротив, ее сравнение с русскими надписями XI в. из Софии может быть плодотворным.

Заимов характеризует также языковые особенности надписи Ивана-Владислава (стр. 63—76) и предлагает индексы встречающихся в надписи слов (стр. 88—95).

Общая оценка надписи дана в двух главах: одна написана Заимовым и называется «Значение надписи как памятника староболгарского языка и истории» (стр. 77—87), другая принадлежит В. Заимовой и озаглавлена «Иван-Владислав и его надпись» (стр. 97—112). В первой из них подчеркнуто, что нового вносит издаваемая надпись в наши знания о болгарской истории на рубеже X и XI вв. Во-первых, мы узнаем, что Арон (Аарон) участвовал вместе с братом в битве с византийцами у Ихтимана 17 августа 986 г. Во-вторых, что после падения Охрида Битоля стал столицей Западнотолгарского царства. В-третьих, в надписи употреблен титул «самодержец» (калька с греческого «автократор»), который до сих пор не был засвидетельствован в титулатуре болгарских царей. Особое значение Заимов придает употребляемому в надписи термину «болгарин»: не только Иван-Владислав называет себя болгаринот по происхождению (в связи с этим Заимов полемизирует с теорией армянского происхождения последних болгарских царей — стр. 83 и сл.), но и своих подданных он именует болгарамн²; последнее обстоятельство позволяет считать, что население Битольской округи смотрело на себя как на болгар.

Во второй главе В. Заимова анализирует данные надписи в свете политической истории на рубеже X и XI вв., и прежде всего болгаро-византийской войны.

Книга завершается резюме на русском, французском, немецком и английском языках.

А. К.

St. I. Kuruses. Μανουήλ Γαβαλάς εἰτα Ματθαῖος μητροπολίτης Ἐφέσου (1271—1355/60). Α'—Βιογραφικά. Ἀθήναι, 1972, р. XV+403+26 tab.

Матфей, митрополит Эфеса, живший на рубеже XIII и XIV вв., оставался до последнего времени сравнительно малоизвестной фигурой. Теперь С. Курусис собрал о нем данные, сохранившиеся как в изданных, так и в неизданных источниках, и обрисовал на их основе жизненный путь этого византийского интеллектуала.

Книга Курусиса состоит из двух частей, неравных по размеру. Первая, охватывающая почти 300 страниц,— обзор источников для биографии Матфея (стр. 3—292), вторая, в пять раз меньшая,— сама биография (стр. 295—354), завершающаяся краткой, на одну страницу, и довольно банальной характеристикой Матфея как человека,

¹ А. Бурмов. Новоначерен староболгарски надпис в НР Македония.— «Пламък», III, 10, 1959, стр. 84—86; В. Мошин. Битольска плоча из 1017. године.— «Македонски јазик», 17, 1966, стр. 51—61.

² См. также: Д. Ангелов. Образуване на българската народност. София, 1971, стр. 335 и сл.

преданного изучению античного наследия, которого автор ставит в один ряд с Никифором Хумном и Феодором Метохитом (стр. 355), что, пожалуй, значительно преувеличивает роль героя Курусиса.

Наиболее интересна первая часть книги. До сих пор почти все, что мы знали о Матфее, черпалось из его сочинений, сохранившихся в рукописи Vindob. theol. 174, которую в свое время исследовал М. Трой, признавший ее автографом Матфея (стр. 159). Она включает богословские (стр. 164—168), филологические (стр. 168—171), философские (стр. 171—172), риторические (стр. 172—191) сочинения, в том числе две речи к Андронику II, датированные соответственно 1325 и 1326 гг. Особенно важны для биографии Матфея его 63 письма (стр. 191—292). Курусис рассматривает письма одно за другим и устанавливает их даты (за одним исключением — № 20 — они были написаны между 1317 и 1351 гг.). По его мнению, первая тетрадь Венской рукописи содержала письма, размещенные в хронологическом порядке, тогда как в дальнейшем автор вписывал их на оставшихся свободными местах без соблюдения последовательности — только три письма в 11-й тетради расположены (может быть, случайно?) в соответствии со временем их написания (см. еще оглавление Венской рукописи: стр. 369—375).

Помимо Венского корпуса, Курусис атрибутирует Матфею 19 неизданных посланий из рукописи Paris. 2022, которые до сих пор приписывались патриарху Иоанну XIII Глике (стр. 140—158). Исследователь аргументирует как тождество почерков Парижской и Венской рукописей, из которых вторая признана автографом Матфея, так и их содержанием и фразеологией. Письма Парижской рукописи относятся ко времени между 1309/10 и 1313 гг. Далее, Курусис считает Матфея автором девяти писем, датированных 1315—1316 гг., которые также включены в Paris. 2022 (стр. 122—139) и были изданы Ж. Гуайаром как анонимные (ранее их атрибутировали Иоанну Хилу).

Наконец, источником для восстановления биографии Матфея могут служить письма его современников. Курусис привлекает в этой связи две эпистолярные серии. Во-первых, это неизданные послания Михаила Гавра, содержащиеся в Венецианской рукописи Marc. 446, писанной двумя писцами, одним из которых исследователь считает самого Гавра (стр. 6). Письма Гавра Курусис относит к 1307—1327 гг. (стр. 18). Гавр был корреспондентом Матфея Эфесского, но среди его собственных посланий нет ни одного, адресованного Матфею. Отмечая это противоречие, Курусис остроумно доказывает, что Гавр писал Матфею еще до его пострижения, когда тот носил мирское имя, оставшееся до сих пор неизвестным, — теперь Курусис отождествил его с Мануилом Гавалом, адресатом многих писем Гавра (стр. 47—49). Развивая эту мысль, исследователь установил ряд парных писем в корреспонденции Гавра и Гавала, т. е. таких, одно из которых возникло как ответ на другое (стр. 50—66). Выявление подобных пар позволило Курусису в некоторых случаях исправить леммы рукописи: так, он пришел к выводу, что письмо Гавра № 332 было адресовано не Филиппу Логару, а Мануилу Гавалу (стр. 55 и сл. В книге публикуются письмо Мануила и ответ Гавра).

Во-вторых, это сборник писем во Флорентийской рукописи Laur. S. Marci 356, по большей части неизданных. Автор этих писем до сих пор не был установлен. Курусис показывает, что одним из корреспондентов анонима был Мануил Гавал, а затем, применяя тот же метод выявления пар писем, определяет, что имя анонима Флорентийской рукописи — Инеот (стр. 101—105).

Вся эта огромная и остроумная работа по идентификации и датировке массы писем, к сожалению, не вознаграждается адекватной информацией. Биография Мануила Гавала, как она восстановлена Курусисом, бедна конкретными фактами, и автор время от времени вынужден отклоняться в сторону, говоря, например, не об учебных годах будущего митрополита, а о византийском образовании вообще (стр. 305 и сл.). Наиболее значительный факт биографии Гавала — его борьба с филадельфийским митрополитом Феопитом (стр. 316—330), который сохранял свой пост, несмотря на открытое сопротивление Константинополю. Этот эпизод, характерный для распада византийской централизованности в первой половине XIV в., был уже предметом специального изучения¹; Курусис вносит лишь некоторые уточнения, устанавливая, например, что Феопит умер в конце 1322 г., а не в 1324—1326 гг., как думали до сих пор (стр. 339).

Скучны и те новые данные по политической истории, которые Курусису удалось извлечь из переписки: упоминается осада Филадельфии в 1310 г., неизвестная по другим источникам (стр. 312); имеются некоторые дополнительные данные о таких крупных деятелях, как Мануил Тагарис, стратиг Филадельфии (стр. 285—289), или пинкеры Алексей Филантропин (стр. 212—219, 284 и сл.). Причина этой скудости — риторичность византийской эпистографии XIV в., уходящей, как правило, от конкретной действительности. Но, может быть, изучать письма следует с иных позиций, выявляя видоизменение стереотипов и стараясь проникнуть через стереотипы к социальной психологии эпохи, которая столь же властно отражается в творчестве «малых» писателей, как и больших.

А. К.

¹ V. Laurent. Les crises religieuses à Byzance. Le schisme antiarsénite du métropolitaine de Philadelphie Théolepte. — REB, 18, 1960.

Предметом современных просопографических исследований, наряду с изучением истории отдельных фамилий (что сближает просопографию с генеалогией) и составлением фамильных и должностных списков, является восстановление индивидуальной биографии, поскольку совокупность отдельных жизнеописаний способствует более четкому и живому представлению об эпохе.

Монография греческого ученого Аф. Ангелопулоса «Николай Кавасила Хамает. Жизнь и труды», изданная салоникским Патриаршим институтом по изучению патристики в серии «Ἀνάλεκτα Βλατάδων», посвящена, по определению автора, «проблеме личности» (стр. 7). Исследователь объясняет свое обращение к биографии Николая Кавасилы необходимостью изучения духовной и политической жизни Фессалоники. Рецензируемая книга продолжает начатые этим автором ранее работы по изучению деятельности Николая Кавасилы¹.

Сочинение Ангелопулоса четко делится на две главы: «Жизнь» (стр. 18—74) и «Труды» (стр. 75—95). Внимание автора в соответствии с подзаголовком книги — «К вопросу о македонской византийской просопографии» — обращено преимущественно на исследование основных жизненных вех его героя. Первая глава разделена на шесть разделов, из которых два посвящены происхождению и обучению Николая Кавасилы, а остальные — фессалоникским (1342—1347 гг.; 1363—1364 гг.) и константинопольским (1347—1362 гг.; с 1364 г. до смерти) периодам его деятельности. В хронологию жизни Николая Кавасилы Ангелопулос не вводит чего-то нового: он суммирует в этом отношении все, что сделано С. Салавилем, И. Шевченко, Р. Ланергцем.

Особое внимание уделяет Ангелопулос последнему, самому неясному периоду биографии Николая Кавасилы. Он пытается решить вопрос, кем же был известный мистик и теолог в конце своей жизни? Как известно, сначала его считали епископом Фессалоники (Фабрициус, Крумбахер); постепенно пришли к выводу, что он никогда не был клириком (Салавиле), а сейчас склоняются к признанию его монахом (Шевченко). Ангелопулос в связи с этим подробно исследует вопрос о надписи на фреске из часовни Претечи в храме Протата на Афоне, прочитанной некогда Г. Милле как «Николай Кавасила». Ангелопулос, недавно исследовавший фреску, доказывает, что в верхней левой части фрески написано не «Николай Кавасила», а «святый Кавасила»; в верхней же правой части, которая не привлекла внимания Милле, после проведенной очистки известки была обнаружена надпись «Константин» (стр. 68, рис. 3, 4). Кроме того, сравнение этой фрески с более старой — в храме Перивленты в Охриде (рис. 5, 6) доказывает, что на них изображено одно и то же лицо — архиепископ Охрида Константин Кавасила. Таким образом, Ангелопулос еще раз опровергает старую версию о епископстве Николая².

Основным аргументом исследователя в пользу того, что Николай Кавасила в конце жизни — в соответствии с византийскими обычаями — принял монашество, являются слова Иоанна Кантакузина о нем, «бывшем еще частным лицом» в 1353 г., когда его кандидатура была предложена для избрания на патриарший престол. Ангелопулос считает ἐτι во фразе Иоанна Кантакузина, писавшего мемуары во время патриаршества Филофея Коккина, доказывающим, что Николай должен был стать монахом до 1370 г., в противном случае наречие лишено логического смысла (стр. 71). В целом приводимая Ангелопулосом система доказательств представляется убедительной, однако местами эмоциональный момент превалирует над логическим, особенно там, где он апеллирует к ощущению, что «Жизнь во Христе» и «Истолкование св. литургии» писались священником (стр. 72).

Поскольку основной канвой для изучения жизненного пути Кавасилы послужил эпистолярный материал, Ангелопулос представляет читателю биографию своего героя не изолированно, а в его отношениях с современниками: Иоанном Кантакузином, Димитрием Кидонисом, Дорофеем Влатом, Исидором, Дукопулом Маниките-сом, Синадином, Пасидони, Досифеем Карандином, Тарханютом, Иосифом Вриением, Мануилом Палеологом и др. Нити интеллектуального общения, соединяясь, создают картину духовной жизни империи нескольких десятилетий XIV в.

Книга Ангелопулоса содержит значительный исторический материал — зачастую он нужен автору не только для того, чтобы создать фон общественной жизни империи, но и для заполнения «пустот» в восстанавливаемой им биографии (к примеру, подробно излагаемая на стр. 63—66 жизненная судьба Мануила Палеолога мало что добавляет к изучению жизни Николая). Автор подробно характеризует суть споров

¹ A. A. Angelopoulos. Ἡ περὶ τῆς θείας εὐχαριστίας ὡς θυσίας καὶ ἀγιασμοῦ διδασκαλία τοῦ Νικόλαου Καβάσιλα. — «Ὁρθόδοξος Ἐπιστάσια», 123—125, 1965; *idem*. Ἡ ἐν Χριστῷ ζωὴ κατὰ τὸν Νικόλαον Καβάσιλαν. — *Ibid.*, 14 — 150, 1967.

² Эту устаревшую точку зрения продолжает разделять «Журнал Московской патриархии». См.: «Изъяснение божественной литургии архиепископа Фессалоникийского Николая Кавасилы». — ЖМП, 1971, № 1, 3, 5, а также редакционные замечания; № 5, стр. 75.

паламитов и варлаамитов, гражданской войны на различных ее этапах, детализирует ситуацию в Фессалонике в период зилотского движения. Определяя состав партий Иоанна Кантакузина и Апокава в период зилотского восстания (стр. 35—36), Ангелопулос полагается на сообщение Иоанна Кантакузина³: сторонниками последнего он объявляет аристократов, а приверженцами Апокава — людей низкого происхождения, а также монахов. Однако, как известно, Апокава в борьбе против Иоанна Кантакузина тоже опирался на поддержку династов наряду с торгово-ростовщическими слоями городского населения. Причисляя к сторонникам Апокава монахов, Ангелопулос не делает оговорок, что разные группы византийского монашества в ходе гражданских войн занимали часто диаметрально противоположные политические позиции.

Вторая глава книги состоит из четырех разделов, характеризующих отдельные виды сочинений Николая Кавасилы, а также небольшого введения, предпосланного им. Предваряя анализ трудов Кавасилы, Ангелопулос называет Николая историком и ритором, язык сочинений которого «прост по форме и интимен по содержанию» (стр. 75). Разумеется, признать Кавасилу историком, да еще наделенным таким качеством, как «беспристрастная убежденность», очень трудно: он остается во всех своих «светских» сочинениях прежде всего ритором, не «опускавшимся» до жанра летописания. Нельзя согласиться с Ангелопулосом, что сочинения Кавасилы дают ясную характеристику духовных, религиозных и политических течений столетия (стр. 17): его сочинения присущ экзотеризм, спрятанный в одежды парадной риторики. Прочтение отдельных фрагментов его сочинений требует тщательной дешифровки.

Ангелопулос делит сочинения Николая Кавасилы на теологические (раздел 1), так называемые «социологические» (раздел 2), сочинения о латинянах (раздел 3), а также толковательные, литургические, похвальные, стихи и письма (раздел 4). Исследование сочинений сводится к указанию рукописей, переводов и изложению краткого содержания трудов. В характеристике сочинений изучаемого автора Ангелопулос не выходит за пределы известной литературы.

В кратком анализе тех сочинений, которые были порождены «духовными тревогами и надеждами эпохи» (стр. 85), Ангелопулос подчеркивает влияние на Николая Кавасилу теологического наследия, в том числе христocентризма апостола Павла и трудов Иоанна Златоуста. Вызывает возражение причисление памфлета «Против пелепостей Григоры» к духовным сочинениям, поскольку он, как известно, не содержит обсуждения теологических проблем, а скорее выражает личное отношение его автора к Никифору Григоре как представителю противоположной политической и идейной группировки.

Ангелопулос считает, что главное в «социологических» сочинениях Николая Кавасилы — обращение к теме «экономического и социального нищетоства бедного народа» (стр. 85). Думается, что интерпретация произведений Кавасилы, направленных против ростовщичества, не может быть столь определенной, поскольку он нигде не говорит о социальной принадлежности «бедных», — возможно, что в его понимании это были всего-навсего разорившиеся династы либо интеллигенция «средней руки»⁴. Несомненно, Ангелопулос преувеличивает радикальность социальных воззрений Николая Кавасилы, когда пишет, что «откровенность, с которой он развивает аргументы в условиях деспотического режима, является героической деятельностью одного человека, защитника и соратника тех, кто в этой земной жизни испытал угнетения всех видов династов и страдал от несправедливости законодательства» (стр. 87). Нельзя согласиться с тем, что Николай Кавасила сознавал необходимость «социального восстания для ниспровержения правящих классов». Аргументация Кавасилы обычно очень традиционна и не выходит за пределы известных юридических норм, много раз повторяемых богословами разных времен, начиная с Иоанна Златоуста, основных догматов священного писания.

Наряду с работами о ростовщичестве и «Словом об алтаре» к «социологическим» сочинениям в книге Ангелопулоса отнесено и «Слово об архонтах, беззаконно дерзающих в отношении святых», хронология которого вызывает оживленные дискуссии со времени опубликования полного его текста и по сей день⁵. Ангелопулос в решении этого вопроса стоит ближе всего, пожалуй, к первой из трех предложенных И. Шевченко датировок: он относит работу приблизительно к 1347 г., когда Кавасила возвращается из Фессалоники в Константинополь (стр. 90). Ангелопулос считает невозможным датировать это сочинение более ранним временем, поскольку Николай был тогда слишком молод и недостаточно авторитетен в делах двора (стр. 90—91). Вместе с тем он не допускает возможности написания трактата Кавасилой в последние годы его

³ *Cant.*, III, p. 219, 279.

⁴ *I. Ševčenko. Society and Intellectual Life in the XIVth Century.*—«XIVe Congrès International des Etudes byzantines». Rapports, I. Bucarest, 1971, p. 9; *C. P. Kyrris. Eléments traditionnels et éléments révolutionnaires dans l'idéologie d'Alexios Makrembolites et d'autres intellectuels byzantins du XIVe siècle.*— *Ibid.*, Résumés-Communications, p. 35—37.

⁵ Из последних замечаний о времени написания этого Слова см.: *P. Charanis. Observations on the «Anti-Zealot» Discourse of Cabasilas.*— *RESEE*, IX, 1971, p. 369—376.

жизни, поскольку тот к этому времени уходит из общественной жизни, отдавшись геолого-мистическим темам. Аргументируя свою датировку трактата, Ангелопулос апеллирует главным образом к особой политической активности Николая Кавасилы в 1347—1363 гг. Кроме того, он усматривает не только тематическую, но также филологическую и языковую близость четырех названных работ, являющихся, по Ангелопулосу, плодом одного периода: между 1347 и 1354 гг. (стр. 92). Однако все эти аргументы, будучи достаточно интересными, остаются гипотетическими, поскольку лишены веских доказательств.

Анализируя сочинения, объединенные в разделе «О латинянах», Ангелопулос проводит мысль о том, что Николай Кавасила был сторонником тех, кто защищал ортодоксию от римского влияния.

В разделе «Другие сочинения» Ангелопулос объединил очень несходные по жанру и тематике работы Николая Кавасилы. Это и толкования на речи пророка Иезекииля, и литургические описания, и стихотворные надписи в честь св. Димитрия, св. Феодора, св. Евдокима и других святых (всего 13) и письма.

Приложение («Неизданные сочинения Николая Кавасилы») содержит два небольших отрывка из Парижской рукописи 1213 и один из кодекса 372 библиотеки Ивирского монастыря. Последний был опубликован ранее Минем⁶.

Монография Ангелопулоса впервые представила читателю ранее лишь фрагментарно исследованное жизнеописание одного из видных мыслителей XIV в. Она подвела итог отдельным изысканиям в области биографии Кавасилы (но не его трудов!) и выявила те неизбежные лакуны, которые оставляют место для будущих исследований.

М. Поляковская

K.-P. Matschke. Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert.

Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354.

— «Berliner byzantinische Arbeiten», Bd. 42. Akademie-Verlag.

Berlin, 1971, S. 264

В то время как восстанию зилотов в Солуни многие исследователи уделяли специальное внимание, политическая борьба, развернувшаяся в те же самые годы в Константинополе, затрагивалась, как правило, лишь бегло. Конечно, это объяснимо: солунские события носят и более красочный, и более радикальный характер. Однако то, что происходило в середине XIV в. в византийской столице, может быть еще более существенно для понимания социальной структуры и социальных противоречий в Византии, нежели зилотская «революция».

Книга лейпцигского византиниста К.-П. Мачке, ученика Э. Вернера, восполняет эту лакуну, рассматривая место Константинополя в так называемой гражданской войне 1341—1354 гг. — от смерти Андроника III до отречения Иоанна VI Кантакузина. Значение и назначение книги — не в расширении фактологической базы; автор сам отмечает, что ему не удалось привлечь неизданные источники (стр. 29); описание событий жидется прежде всего на давно известных сочинениях Григория и Кантакузина с привлечением некоторых иных (тоже уже ранее введенных в оборот) памятников, как, например, анонимный хронограф, впервые изданный Б. Т. Горяновым, или «Разговор богатых и бедных» Алексея Макремволита. Плодотворно, на мой взгляд, привлечение нумизматического материала для характеристики политики Алексея Апокавка (стр. 157), но наблюдение над эмиссией монет Анны Савойской (само по себе, кстати, не совсем бесспорное) принадлежит не Мачке, а итальянским нумизматам Л. Брунетти и Т. Бертеле, на которых Мачке и ссылается (стр. 187, прим. 34). Нет в книге и аргументации новой последовательности событий или новых датировок, и если, скажем, Мачке относит убийство Алексея Апокавка к 15 июня 1345 г. (стр. 166) вместо традиционного 11 июня¹, то это, видимо, результат небрежности, а не сознательного пересмотра. Повторяю, ценность и новизна книги — не в ее фактологии, а в ее концепции.

Мачке последовательно рассматривает события 1341—1354 гг. с точки зрения борьбы классов и социальных слоев. Этой идее подчинена вся структура книги, которую автор начинает с характеристики социально-экономических отношений в Византии вообще и в Константинополе в частности (стр. 37—123); затем он анализирует «социальную статистику» Константинополя — расстановку социальных сил («партий»)

⁶ PG, t. 150, col. 553, B—D, 557 D—560AB (p. 114.14.26. и p.115. 31—34. 47—48. 51—52 в издании Ангелопулоса содержат разночтения по сравнению с текстом, опубликованным Минем).

¹ См. G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1963, S. 427; «The Cambridge Medieval History», vol. IV, pt. 2. Cambridge, 1966, p. 360; «История Византии», т. III. М., 1967, стр. 145; D. M. Nicol. The Byzantine Family of Kantakouzenos. Washington, 1968, p. 59.

пакануне 1341 г. (стр. 122—152) — и социальную динамику политической борьбы 1341—1354 гг. (стр. 153—220), в которой он затем выделяет четыре этапа (стр. 245—249). Книга завершается обобщающей главой, которая носит то же название, что и вся работа: «Прогресс и реакция в Византии в середине XIV в.» (стр. 221—264).

Концепция Мачке сводится к следующему. Конфликт 1341—1354 гг. был вызван обострением противоречий, имманентных феодальному обществу, но усугубленных нарастанием товарно-денежных отношений, порождавшим активизацию борьбы за ренту внутри господствующего класса. Поэтому на переднем плане конфликта стоят две феодальные клки, однородные по своей социальной природе, — Палеологи и Кантакузины. Высшая знать легко переходит с одной стороны на другую, руководствуясь лишь соображениями выгоды, а не избранной социальной позицией. Однако в ходе событий логика борьбы приводит большую часть высшей знати в лагерь Кантакузина (стр. 226). Низшая знать («стратиоты», как обычно называют их Мачке) не стала в Византии XIV в. опорой императорской власти в борьбе против магнатов (стр. 229): значение этого слоя было подорвано после потери греками малоазийских земель, где как раз и имело место последнее выступление стратиотов с их собственными требованиями — движение Алексея Филантропина в 1296 г. (стр. 47). Во время событий 1341—1354 гг. низшая знать не обнаружила своего определенного лица.

Однако Мачке не сводит политическую борьбу, развернувшуюся после смерти Андроника III, к соперничеству двух клки знати, опиравшихся на свои «этерии» — нестабильные, подвижные, легко менявшие ориентацию. Он остроумно подмечает, что лагерь Кантакузина отличался гомогенностью, тогда как состав окружения Палеологов был более пестрым (стр. 230). Сюда, помимо обеих названных категорий феодальной знати, входили «остатки придворной знати особого рода», а также тот слой, который Мачке обозначает (на мой взгляд, несколько вольно) западным термином «патрициат» и который характеризует как «группу в господствующем классе, которая соединяла собственность на землю в городах и пригородных районах со значительной торговой и денежной активностью» (стр. 230). В этой связи любопытно замечание Мачке (стр. 138) о том, что источники не сохранили сведений о земельных владениях Алексея Апокавка; из этого он делает (с должной осторожностью) вывод о том, что центр тяжести экономических интересов Апокавка приходился не на эксплуатацию феодальной земельной собственности, а на использование им своего места в государственном аппарате².

«Патрициат» был, согласно Мачке, более открытым (динамичным) слоем, нежели высшая знать. Его политика была теснее связана с денежной активностью (привлечение наемников, увеличение выпуска монеты, стремление удерживать в руках экономически важный район Хиоса — Фокеи, строительство флота³).

В событиях 1341—1354 гг. активное участие приняли и народные массы, в составе которых Мачке выделяет два разряда: мелких самостоятельных тружеников и городскую бедноту. Народные массы, хотя и не выступали со своей программой (кроме утопического предложения Макремволита уничтожить имущественное неравенство при помощи браков между богатыми и бедными), оказывали, однако, серьезное воздействие на ход борьбы (стр. 235 и сл.). Мачке констатирует, наконец, участие крестьян в классовой борьбе середины XIV в. (стр. 238 и сл.).

Своеобразие (и вместе с тем ограниченность) константинопольского движения отчетливо проявляется при его сопоставлении с восстанием зилотов в Солуни: в Константинополе власть ни разу не переходила в руки радикальных «средних» слоев (стр. 177), что, по мнению Мачке, объясняется консерватизмом константинопольского патрициата и сильным влиянием в столице иноземного купечества (ср. о Солуни, стр. 49 и сл.).

Работа Мачке привлекает наше внимание к вопросам, нередко остававшимся в тени, и прокладывает новые пути исследования. Нужно только быть более осторожным при оперировании фактами, особенно почерпнутыми из других исследований. Например, на стр. 50 Мачке аргументирует важную мысль о роли солунского купечества в местной торговле только ссылкой на работу Б. Т. Горянова, но как раз в цитированном им месте идет речь исключительно о внешней торговле солунян⁴. На стр. 59 автор делает очень далеко идущие выводы об изменении социальной программы народной литературы на основании довольно зыбкого разграничения типов «гадательных книг» в работе М. А. Андреевой, где этому разграничению придан скорее жанровый, чем временной характер⁵.

² Интересную параллель к наблюдениям Мачке дает работа: Г. Г. Литавин. Относительные размеры и состав имущества провинциальной византийской аристократии во второй половине XI в. — «Византийские очерки» (2). М., 1971, стр. 152—168, построенная, правда, на более раннем материале.

³ Следует, впрочем, учитывать, что, по свидетельству Григоры (Gregoras, II, p. 842, 847, 870) и Кантакузин предпринимал шаги к развитию флота.

⁴ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм. М., 1962, стр. 273 и сл.

⁵ М. А. Андреева. К истории византийско-славянских гадательных книг. — BS, 5, 1933—1934, стр. 120—161.

Социальный анализ в книге Мачке опирается, как правило, лишь на выборочные данные, на «метод примеров». Было бы желательно от анализа примеров перейти к опытам статистического обследования там, где это возможно, т. е., к примеру, при изучении состава господствующего класса. Было бы плодотворным, далее, выяснить те принципы социальной стратификации, какими пользовались сами византийцы: это может дать иногда неожиданные результаты. Следовало бы шире учитывать силу традиции, сломать которую подчас не позволяли даже социальные интересы влиятельных групп: это относится в первую очередь к консервативной византийской государственности, коренным образом отличной от западной сословной монархии. Наконец, было бы важно проследить, как отразилась социальная структура общества на структуре церкви и монашества (известно, например, что в XII в. высшее духовенство почти не рекрутировалось из аристократической элиты), а социальная борьба — на идеологической (краткие замечания Мачке об отношении разных слоев к паламизму не исчерпывают проблемы).

Однако все это — темы для серии исследовательских работ.

А. К.

B. Krekić. Dubrovnik in the 14th and 15th Centuries: a City between East and West.
Norman, University of Oklahoma Press, 1972

Бариша Крекич посвятил свою новую книгу (третью после «Dubrovnik i Levant (1280—1460)», 1956 и «Dubrovnik (Raguse) et le Levant au Moyen Age», 1961) общей характеристике жизни города в XIV—XV вв. Именно жизни, а не истории. Налицо очерк природных условий, в которых создавался город, коммунального строительства, борьбы горожан с эпидемиями, интеллектуальной жизни Дубровника, книжной и художественной культуры и городского быта, и только в первой главе эскизно очерчена история первых веков существования коммуны. Книга предназначена для западного читателя, который недостаточно знаком с историей Дубровницкой республики, к нему и обращен подзаголовок — «Город между Востоком и Западом». Ради популярности изложения снят и научный аппарат.

Автор начинает с первых проявлений политической независимости Дубровника от Византии, когда горожане в 1081—1085 гг. поддержали норманнов в борьбе с империей, с ранних актов коммерческой самостоятельности — серии договоров, заключенных с итальянскими городами в 1148—1211 гг. С 1186 г. коммуна вступает в договорные отношения и со своими континентальными соседями (с Сербией): кстати, в договоре с Боснией 1189 г. слово «Рагуза» впервые заменяется именем «Дубровник». Переход под венецианскую супрематию 1205 г., по мнению Б. Крекича, дал Дубровнику значительные выгоды: возможность приглашать специалистов из Венеции, активная связь с венецианским судоходством. Отношения же с Сербией в XIII в. портятся, в 1252 г. дело доходит до открытой войны, однако со второй половины столетия дубровчане приобретают стимул к сохранению добрых отношений с балканскими государствами: в Сербии, а с 1330 г. и в Боснии начинается разработка рудных месторождений. Скоро они становятся основными поставщиками металлов на европейский рынок. В XIII — начале XIV в. дубровницкая торговая политика все больше ориентируется на Балканы, тем более что венецианцы активно оттесняют город от морских операций¹.

Во второй главе автор пишет о тесных связях Дубровника с остальными далматинскими городами, о связях с Балканами, откуда идет приток повопоселенцев, о полосе дружбы в отношениях с Сербским государством, пришедшей на смену «сербской экспансии» при Милутине и Стефане Дечанском. Добрые отношения поддерживаются в течение всего царствования Стефана Душана. Отмечается значительная роль эмигрантов из итальянских городов (не только венецианцев, но и флорентийцев), греков, албанцев, левантийцев и — с конца XV в. — выходцев из Испании и Португалии. Автор привлекает проблема формирования патрициата, но он преувеличивает его численность, насчитывая в составе патрицианских семей (в середине XV в.) ок. 1100 чел. (при общей численности городского населения в 5—6 тыс. жителей). Впрочем, он не ошибается, указывая на то, что это была по преимуществу земельная аристократия. Б. Крекич верно отмечает значительный вес крестьянского населения в составе горожан, назревание новых форм зависимости в деревне после «Черной смерти» 1347—1348 гг. и сохранение элементов рабства.

Возникновение патрицианской администрации в Дубровнике, по мнению автора, относится ко второй половине XIII в., а по отношению к XIV в. он считает возможным

¹ Эту же мысль развивает и Й. Лучич в серии статей о морской торговле Дубровника в XIII в. (см. «Pomorski zbornik», br. 4. Zagreb, 1966; br. 5, 1967; br. 6, 1968; br. 7, 1969; br. 8, 1970).

говорить уже о «патрицианской демократии». Именно патрициат заключает в 1358 г. договор с Венгрией, положивший конец венецианскому господству над городом. Проникновение турок на Балканы во второй половине XIV в. не мешает развертыванию коммерческой деятельности дубровницких купцов в Боснии и усилению морской активности Дубровника в последней четверти этого столетия. Приход турок застаёт дубровчан глубоко вклинившимися в сербскую государственную систему (в качестве финансистов, дипломатов, чиновников) и городскую жизнь — в роли колонистов на рудниках (стр. 51—52). Экономический рост Дубровника идет параллельно с его политическим усилением — с начала XV в. он именуется уже не «коммуной», а «республикой».

III глава значительно более специальна — она посвящена градостроительству. Автор описывает застройку самой древней части (*sextarium*) города, позднее возводится *Castellum*. В XII в. город интенсивно заселяют славяне, отстраивается предместье — *Burgus*, происходит организация новых *sexteria* и, как следствие, возведение еще одного пояса стен (во второй половине XIII в.). Затем горожане засыпают старый ров, включая его в черту города и превращая в главную улицу — Плачу. В 1329 г. закладываются арсенал (верфь), в середине XV в. пояс стен достигает его окончательной длины — 2160 м, в годы турецкого завоевания он станет почти единственной защитой города. Автор делает интересные наблюдения по поводу жилого строительства: первые здания возводятся из камня и извести, затем — из дерева, и только после пожара 1408 г. происходит переход к каменному строительству.

Любопытная подробность: автор посвящает целую главу дубровницкому здравоохранению (гл. IV, стр. 90—111): находясь на стыке оживленных торговых путей, город должен был принять ряд мер по защите от эпидемий. И. Тадич как-то заметил, что «благодаря усилиям своих граждан Дубровник достиг выдающегося положения в области гигиены». Видимо, так и было, если проказа, бывшая грозой средневековых городов, в дубровницких документах уже не упоминается к началу XVI в. Город содержит на жалование врачей, обязанных бесплатно лечить коренных жителей (но не чужеземцев!); многие из них прибыли из Италии, а некоторые отправляются и далее — в Сербию. Для Б. Крекича это еще одно доказательство связующей роли Дубровника на путях между Востоком и Западом. К числу лекарей автор не забывает отнести и цирюльников, напоминая тем самым, что в портовых городах Далмации роль брадобреев всегда была значительна (отсюда и гипертрофия этого вида ремесла в городских актах). Город часто посещала чума, во время «Черной смерти» 1348 г. на территории республики, где проживало 25 тыс. чел., умерло 6 тыс., в 1377 г. здесь создается карантин. Нужно было найти защиты и от малярии, и в 1407 г. в городе начинается мощение улиц, а сточные воды направляются в море. Важно, что автор уделит внимание и характеристике стола дубровчан — подвозу зерновых из Италии, Албании, Греции, выращиванию спаржи и капусты в окрестностях города, импорту дорогих вин (мальвазии).

Двумя моментами датирует Б. Крекич поворот в развитии городского делопроизводства — фиксации статута 1272 г. и началом хранения городских документов ок. 1278 г. (гл. V. «Интеллектуальная жизнь и культура», стр. 112—144). Эта жизнь в этническом отношении была достаточно сложна — итальянский был здесь языком коммерческих связей, часть населения говорила на романском диалекте (его дубровницком варианте), но уже с первой половины XIII в. в городе действует канцелярия, изготавливающая документы на славянском языке, а на рубеже XIII и XIV вв. городских глашатаев обязывают делать объявления и на латинском, и на славянском языках.

В 1433 г. в городе создается школа, которую автор считает возможным назвать «высшей», и возникает ученая элита, которая позднее будет питать гуманистическую образованность в республике. По мнению Б. Крекича, она опирается на итальянские и славянские основы — автор снова возвращается к идее сочетания «западного» и «восточного». Интересна характеристика выдающихся деятелей дубровницкой культуры — богослова Ивана Стойковича, теоретика коммерческого дела Бенко Котрулевича, астронома Ивана Газулича, оставившего замечательную библиотеку в дар городу. К XV в. относится деятельность поэтов, писавших на славянском языке: Шишко Менчетича, Дьоре Држича; в это же время работают историки Филипп де Диверсис и Юниус Растич. Жаль только, что их характеристика в книге предельно кратка, так же, впрочем, как и строки, посвященные мастерам дубровницкой живописи и скульптуры. Автор не обходит вниманием и взаимоотношения добрых католиков-дубровчан с православной церковью и их стремление помешать католической церкви подчинить себе всю жизнь города (нельзя ли здесь найти параллели с венецианской политической относительно веротерпимости?).

Книга завершается главой о городском быте («повседневной жизни»), воссоздающей средиземноморский облик города, с его многоязычием, шумной гаванью, обилием купечества. Читатель знакомится с одеждой и украшением, мебелью, убранством домов, тавернами и лавками, с ролью женщины в семье и общественной жизни, с перепиской и книгами. Автор даже пытается определить систему духовных ценностей, впрочем, с достаточно скромным результатом («в каждом патриции существовала двойная личность: политик и купец») (стр. 155—156).

Б. Крекич намеренно не довел своего изложения до времени расцвета республики, т. е. до XVI в. Но данная им характеристика достаточно выразительна — автор удачно выбрал самые важные стороны жизни республики и написал полнокровный и яркий очерк. Непонятно лишь, почему в нем так не повезло социальной истории: нет ни среза общественных отношений на едином хронологическом уровне, ни их развития. Отказался автор и от описания системы обложения в Дубровнике, а жаль — она дала бы хоть какой-то материал для суждения о характере эксплуатации в этом далматинском городе.

М. М. Фрейденберг

Grégoire de Nazianze. La passion du Christ. Tragédie.
Introduction, texte critique, traduction, notes et index de A. Tuilier.
Paris, 1969, p. 364 (Sources chrétiennes, № 149).

Издаваемое А. Тюилье сочинение было опубликовано впервые в 1542 г. Оно переиздавалось неоднократно, и еще в 1846 г. Ф. Дюбнер выпустил в свет критическое издание трагедии о страстях Христовых¹. Внимание к этому памятнику закономерно, ибо трагедия — уникальное явление в византийской литературе. Византия практически не знала театра, драма была чужда византийскому художественному творчеству, и появление драматического произведения, даже не рассчитанного на сценическое воспроизведение, весьма симптоматично. Что перед нами — механическое подражание античным образцам (тезис, который как будто бы подтверждается обильным заимствованием стихов из трагедий Еврипида) или же попытка приспособить античный жанр к новым эстетическим принципам²?

Тюилье издал греческий текст трагедии с французским переводом и комментарием. Для издания им использованы 24 рукописи от XIII до середины XVI в. Он разделяет их на две «семьи». Первая представлена по сути дела одним манускриптом (Paris. 2875), датируемым второй половиной XIII в. и содержащим лучший текст (стр. 78, 82). Его копией является поздняя рукопись Monac. 154 (середина XVI в.), значение которой состоит лишь в том, что она сохранила первоначальное надписание трагедии, уничтоженное в ее оригинале (стр. 31 и сл., 80 и сл.).

Вторая семья в свою очередь распадается на две группы. Первая опять-таки представлена одной рукописью (Paris. 2707), переписанной Михаилом Синадином к 1301 г. (стр. 83 и сл.), тогда как вторая восходит к утерянному манускрипту, который Тюилье обозначает сиглом γ и ориентировочно датирует XII в. (стр. 85). Редакция γ представлена большим числом списков XIV—XVI вв., объединяемых в несколько подгрупп.

Эта классификация рукописей имеет существенное значение для понимания общих закономерностей византийской кодикологии. Лучшая рукопись (являющаяся к тому же древнейшей) стоит особняком от основной массы сохранившихся манускриптов. По-видимому, такое явление не приходится считать исключительным: мне кажется, например, что рукописная традиция «Гимнов» Симеона Богослова обнаруживает ту же картину³.

Изучение рукописной традиции позволило Тюилье, в частности, установить, что традиционное название трагедии «Христос страждущий» (Χριστὸς πάσχων) не восходит к архетипу или к древнейшим манускриптам: оно появляется только в ватиканских списках (Vatic. 2261 и 2275), скопированных незадолго до 1540 г. и послуживших наборным оригиналом для первого издания (стр. 115).

Атрибуция трагедии и время ее написания долгое время были предметом дискуссии. Ее относили то к IV в., то к XII в., и среди ее возможных авторов называли Аполлинария Лаодикийского⁴, Константина Манасси, Феодора Продрома, Иоанна Цеца. Тюилье подробно разбирает этот вопрос и утверждает с большой категоричностью, что автором трагедии был Григорий Назианзский или Богослов. Суть его аргументации сводится к следующему.

¹ F. Dübner. Christus patiens, Ezechieli et christianorum poetarum reliquiae dramaticae. Parisiis, 1846 (как приложение к Fragmenta Euripidis, ed. F. G. Wagner). На стр. 16 Тюилье ошибочно относит это издание к 1848 г.

² Об эстетических принципах трагедии см. С. С. Аверинцев. Попытка обновления формы античной трагедии в византийской литературе. — «VII Всесоюзная конференция византистов в Тбилиси. Тезисы докладов». Тбилиси, 1965, стр. 99 и сл. Работа Аверинцева издателю не известна, да и вообще проблем эстетического значения трагедии Тюилье не затрагивает. См. о ней теперь: С. С. Аверинцев. На перекрестке литературных традиций. — «Вопросы литературы», 1973, № 2, стр. 154 и сл.

³ См. рецензию на издание «Гимнов», подготовленную И. Кодером (ВВ, 34, 1973)

⁴ Эту точку зрения, в частности, развивал К. Катауделла еще в 1969 г. См. Q. Cataudella. Cronologia e attribuzione del Christus patiens. — «Atti del III Congresso Internazionale di studi sul dramma antico, 22—24 maggio 1969». Roma, Siracusi, s. d.

Трагедия должна была быть написана в IV—V вв., так как автор цитирует Еврипида не в поздней (установившейся к XII в.) традиции, но в соответствии с прямой античной традицией, засвидетельствованной папирусами (стр. 35—38). Следы использования трагедии заметны не только у автора XI в. Иоанна Мавропода (стр. 49), но и у поэта VI столетия Романа Сладкопевца, прямо ссылавшегося в трактовке эпизода с появлением Марии Магдалины у гробницы Христа (эпизод, по-разному трактованному в евангелии от Иоанна и у синоптиков) на авторитет «Богослова» (стр. 45 и сл.).

Биограф Григория Назианзского Григорий Пресвитер⁵ свидетельствует, что его герой проявил себя во всех поэтических жанрах, в том числе в трагедии и комедии, и повсеместно внедрил благочестивые сюжеты (ὁποῖοις θεοσεβεῖς), что, по мнению Тюилье, соответствует наименованию трагедии в рукописях второй семьи — ὁποῖοις δραματικῇ (стр. 56—58). Рукописная традиция единодушно приписывает авторство Григорию Богослову (стр. 28—34), и несторианская традиция, сохраненная митрополитом Эбеджесу (начало XIV в.), но восходящая, по Тюилье, к V в., перечисляет «книгу трагедии» среди его сочинений (стр. 60—62). Тюилье специально подчеркивает ортодоксальный характер взглядов автора и усматривает в трагедии прямую полемику с монофиситскими убеждениями Аполлинария (стр. 71 и сл.).

Хотя весомость этих аргументов далеко не равнозначна и многие из них вызывают сомнения (в частности, свидетельство Григория Пресвитера слишком неопределенно, рукописная традиция — очень поздняя, а антиаполлинаризм трагедии довольно вызок — хотя бы уже потому, что автор не пользуется термином «богородица»)⁶, в целом аргументация Тюилье заслуживает самого серьезного внимания.

А. К.

Arethae Archiepiscopi Caesariensis Scripta minora,

rec. L. G. Westerink. Vol I—II.

Lipsiae in aedibus B. G. Teubneri, 1968—1972

Для нашего читателя сочинения Арефы Кесарийского имеют особый интерес, поскольку лучшая рукопись их, писанная Максимом Маргунием в XVI в., хранится в Москве (ГИМ, 315/441).

Арефа давно привлекает внимание византинистов: как экзегет (прежде всего как автор толкования на Откровение Иоанна¹ и катен на ряд других библейских текстов), схолиаст² и автор речей и писем, весьма существенных для понимания политической борьбы и культурной жизни Византии на рубеже IX и X вв. Однако сочинения Арефы, изданные разными исследователями в разное время, разбросаны по многим, подчас трудно доступным журналам: Л. Вестеринк впервые издал если не полный «корпус Арефы», то во всяком случае его риторическое и эпистолографическое наследие.

Издание Вестеринка распадается на три части. Первый том составляет «Московский Арефа»: 56 сочинений, собранных в свое время Маргунием. Значительная часть их была уже издана А. И. Панадопуло-Керамевсом, М. А. Шангиным, С. П. Шестаковым, А. Сонни, И. Компернасом, С. Кугеасом, П. Карлин-Хейтер и некоторыми другими³. № 7, 9, 10, 13, 15, 16, 20, 22, 23, 33, 34, 42, 48, 49, 50 и 56 публикуются впервые⁴.

Вторая часть — произведения Арефы (№ 57—82), не входящие в московский сборник и известные по другим рукописям (Marc. 524, Cosinitsae 1, Paris. suppl. 384); сюда включено также похвальное слово патриарху Евфимию, сохранившееся только в латинском переводе XVI в. Эти памятники все были изданы ранее А. И. Панадопу-

⁵ См. о нем: J. Compennass. Gregorios Presbyter. Bonn, 1907. К библиографии Тюилье (стр. 117—121) можно добавить, помимо названного: E. A. Pullig. Χριστός πάσχων. Der leidende Christus.—«Programm der Oberrealschule zu Bonn», 1893; S. Lampros. Βυζαντινὰ καὶ σχολιαστικὰ διὰ τὴν διδασκαλίαν τοῦ Χριστοῦ.—NE, 13, 1916/7; O. Cataudella. Saggi sulla tragedia greca. Messina, Firenze, 1969; J. Geffken. Der Begriff des Tragischen in der Antike.—«Vorträge der Bibliothek Warburg», 7, 1927/8; A. Xyngorulos. Αἱ παραστάσεις τοῦ ἐκατοντάρχου Λογγίνου καὶ τῶν μετ' αὐτοῦ μαρτυρησάντων δόο στρατιωτῶν.—ΕΕΒΣ 30, 1960/61.

⁶ Критику датировки Тюилье см. J. Grosdidier de Matons. A propos d'une édition récente du Χριστός πάσχων.—«Travaux et mémoires», 5, 1973, p. 363—372.

¹ Опыт социологического анализа толкования Арефы см. G. Podskalsky. Byzantinische Reichsideologie. München, 1972, S. 88—91.

² О схолиях Арефы см. теперь также: P. Lemerle. Le premier humanisme byzantin. Paris, 1971, p. 220—237.

³ В библиографии следовало бы учесть, что № 2 был издан также архим. Арсеваем в «Чтениях в Обществе любителей духовного просвещения» (1891).

⁴ О № 7 см. также: B. Laurdas. Ἀρέθας περὶ εἰκονομαχίας.—«Θεολογία», 25, 1954.

лю-Керамевсом, Р. Дженкинзом, В. Лаурдой, С. Манго, П. Карлин-Хейтер, а № 79—81 входят в «Греческую антологию».

В третью часть Вестеринк включил письмо первопрестольного архиепископа Константины VII Багрянородному (№ 83), изданное уже С. Ламбросом и Ф. Дикампом, которые допускали, что его автором мог быть Арефа. Напротив, слово о мире с болгарями, которое М. А. Шангин считал принадлежащим Арефе, Вестеринк исключает (т. II, стр. IX и сл.), ибо для такой атрибуции нет оснований (Ж. Даррузес относил его к трудам Никиты Магистра, И. Дуйчев и Р. Дженкинз — Феодора Данфиопата). Сюда же входят и письма Никиты Пафлагонца; большая часть их была издана С. Ламбросом и Х. Лопаревым, а № 89 публикуется впервые.

Критическое издание Вестеринка снабжено, как всегда в тейбнеровской серии, подстрочными разночтениями (по рукописям и по прежним публикациям), а также указанием на скрытые цитаты. Кроме того, нарушая строго филологическую традицию тейбнеровских изданий, Вестеринк предваряет каждое сочинение латинским введением, где раскрывает содержание и указывает (по возможности) время написания. Может быть, придет время, когда тейбнеровская серия допустит и реальный комментарий.

Вестеринк дал удобное и надежное издание, снабженное библиографией⁵ и индексами. Возникают, впрочем, два вопроса. Во-первых, в какой мере оправдан отказ от публикации других сочинений Арефы? Это, во всяком случае, диктовалось не соображениями темы, ибо три эпиграммы включены, а остальные опущены; некоторые экзегетические работы публикуются (например, № 4: толкование на 35-й псалом), большинство же нет. Во-вторых, правом ли принцип расположения материала? Вестеринк исходит из рукописной традиции — это возможный, но не единственно возможный принцип, особенно если учитывать позднее время составления сборника Маргуния и наличие других манускриптов. Во всяком случае, вопрос этот заслуживал обсуждения.

А. К.

E. Trapp. *Digenis Akrites. Synoptische Ausgabe der ältesten Versionen*
(«Wiener Byzantinische Studien», Bd. VIII).
Wien, 1971, 393 S.

Синоптическое издание эпоса о Дигенисе Акрите, подготовленное Э. Трапом, включает три параллельных столбца: Эскуриальскую версию, Гротта-ферратскую версию и так называемую компилированную версию Z. В четвертом столбце издатель указывает параллельные места как из этих трех версий, так и из других (более поздних) версий эпоса, а также из акритских песен и других сочинений, будь то евангелия или античные романы. Критический аппарат содержит эмендации — как сделанные предшествующими исследователями, так и принадлежащие самому Трапу. Издатель использовал Эскуриальскую, Гротта-ферратскую и Андросскую рукописи эпоса.

Издание предшествуют две вводные статьи: первая характеризует отдельные сохранившиеся рукописи и потерянные версии, вторая излагает содержание архетипа эпоса, каким его восстанавливает Трап. По мнению Трапа, этот архетип возник в X—XII вв. на основании сказаний, причем автор считает, что эти героические сказания нашли отражение не только в эпосе, но и в так называемых акритских песнях (стр. 45). Теорию павликианского происхождения эпоса Трап называет ошибочной (стр. 7), хотя и не аргументирует этот вывод. От архетипа происходят три первоначальные редакции: одна, обозначаемая сиглом ξ, дала в конечном счете древнерусскую версию («Девгениево деяние») и Гротта-ферратскую версию; вторая (ε) послужила источником компилированной версии Z (стр. 30). Протоэскуриальскую версию Трап датирует XIII в., протогротта-ферратскую — XIV в., а версию Z, составителем которой был некто Евстафий (о личности которого мы ничего не знаем), относят к XV столетию (стр. 24—29).

Характеризуя древнерусскую версию, Трап отмечает, что она отличается от греческого оригинала утерей конкретно-исторической привязанности: исчезают имена и географические названия; напротив, появляются сказочно-чудесные образы. Вместе с тем Трап polemизирует с В. Д. Кузьминой, по мысли которой, «Девгениеву деянию» была чужда жестокость героев греческого эпоса (стр. 43).

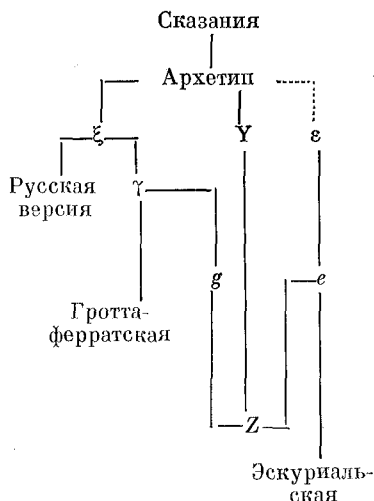
Все остальные сохранившиеся рукописи (Андросская XVI—XVII вв., Трапезундская XVI в., прозаический текст 1632 г., Оксфордская 1670 г.) восходят к версии Z.

⁵ Вестеринк указывает обычно не только издания, но и критические статьи к ним. В связи с этим по поводу издания К. Триандафилопулом № 29 следовало бы отметить: *P. Karlin-Hayter. Aréthas et la droit d'asile.* — *Byz.*, 34, 1964, p. 613—617, где дан французский перевод письма Арефы и предпринята попытка его датировки (около 899 г.).

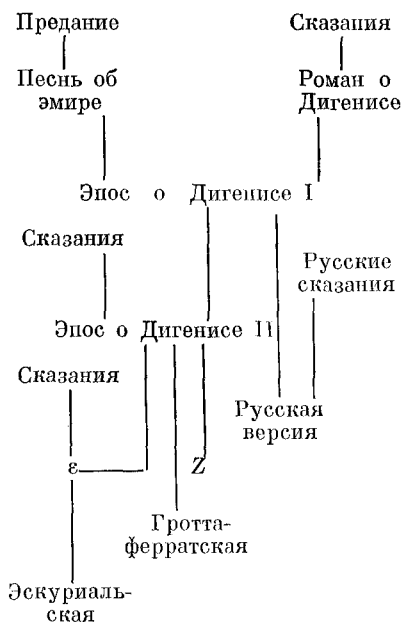
Основные эпизоды архетипа Трап располагает следующим образом: Дочь Андроника, Мать эмира и ее переезд из Сирии (по мнению Х. Г. Бека, эти два эпизода составляли первоначально особое произведение — «Песнь об эмире») ¹. Охотничьи подвиги Дигениса, Встреча Дигениса с апелатами, Дочь стратига, Встреча Дигениса с императором, Дочь Апшоравда, Победа над драконом и львом, Столкновение с Филопаном и Максимо, Строительство дворца, Смерть Дигениса. Эта последовательность эпизодов практически не отличается от общепринятой ².

В заключение привожу стемму эпоса, как ее представляет Трап (с некоторыми упрощениями), и параллельно — стемму, составленную Бекем.

СТЕММА ТРАПА

СТЕММА БЕКА

Различие в стеммах очевидно.

А. К.

Michel Italikos. *Lettres et discours*,
édités par P. Gautier. — «Archives de l'Orient chrétien», 14.
Paris, 1972, p. 334.

До последнего времени мы знали о Михаиле Италике очень мало. Серия писем, изданная Дж. Крамером, была атрибутирована Италику только в 1895 г. ¹ Другие его сочинения, известные еще К. Крumbaхеру, долгое время оставались в рукописи: когда Р. Браунинг в 1962 г. составил список созданного Италиком, он мог прибавить к серии Крамера только два письма, адресованные Продрому ².

Лишь совсем недавно началась подготовка корпуса Михаила Италика. При этом, как ни странно, подготовка проводилась независимо и параллельно в двух центрах: с одной стороны, в Неаполе, в школе А. Гарсиа, с другой — в Париже, в Византиноведческом институте. В результате этой несогласованности к тому моменту, как П. Готье выпустил в свет «Письма и речи» Михаила Италика, почти все наследие этого писателя оказалось изданным учениками А. Гарсиа в форме журнальных статей в итальянской и греческой периодике. Таким образом, исследователь получил сразу два *неточных* текста важнейших произведений Италика. Это, разумеется,

¹ H. G. Beck. *Geschichte der byzantinischen Volksliteratur*. München, 1971, S. 71—74.

² См., например: Г. М. Бартикан. Византийский эпос о Дигенисе Акрите и его значение для арменоведения. Ереван, 1970, стр. 22—26.

¹ M. Treu. Michael Italikos. — BZ, 4, 1895, S. 1—22.

² R. Browning. The Patriarchal School at Constantinople in the XIIth Century. — Byz., 32, 1962, p. 194 f.

непозволительная роскошь, свидетельствующая о недостаточной организованности международной византистики.

Сочинения Италика сохранились в ряде рукописей: главным образом в Баргоссе, 131 (первая половина XIV в.), а также в Escorial. Y-II-10 (XII в.), Paris. 2872 (XIII в.), Bononien. 2412 (XIII в.) и Sinait. 482 (1117), датированной XIV в. Ни одно из этих собраний не является ни сводным, ни систематизированным — можно говорить поэтому о случайно уцелевших остатках его творчества.

Книга Готье состоит из греческого текста 45 произведений Италика (стр. 57—301), введения (стр. 7—56) и индексов (стр. 303—332). Каждому письму и речи предшествует французское резюме, разбитое на параграфы, что облегчает ориентацию в греческом тексте. Критический аппарат включает как филологический, так и реальный комментарий — очень подробный, подчас, на мой взгляд, чрезмерно: так, вряд ли в научном издании следует объяснять, да еще со ссылкой на Афиней, кто такие сибариты (стр. 156, прим. 4).

В комментарии, к сожалению, крайне неясно и далеко не всегда указывается, где было издано данное сочинение. Здесь необходимы следующие дополнения:

1. Письмо Феодору Продрому. Отрывки изданы также: С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром. Одесса, 1905, стр. 202—204, прим. 170—176'. Ср. стр. 116, прим. 10.

2. Речь к патриарху Михаилу Окситу. Фрагмент опубликован: С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 199, прим. 167.

3. Монодия Андронику Комнину, сыну Алексея I. Издана: U. Criscuolo. Due monodie inedite di Michele Italico. — «Accademia Nazionale dei Lincei. Rendiconti della Classe di Scienze morali, storiche e filologiche». Ser. VIII, vol. 26, f. 3—4, 1971, p. 156—161.

4. Письмо брату о смерти Константина Айофеодорита. Издано полностью: U. Criscuolo. Du enuove epistole di Michele Italico. — «Le parole e le idee», vol. XI, № 3—4, 1969, p. 334 sg. Частично: С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 280, прим. 1; 281 и сл.

5. Письмо Ирине Дукене. Издано полностью: U. Criscuolo. L'epistola di Michele Italico ad Irene Ducas. — ЕВВЗ 38, 1971, p. 66—70. Фрагмент письма: С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 162, прим. 104. Ср. стр. 137, прим. 41; 164, прим. 106.

6. Письмо Феодору Продрому. Издано: U. Criscuolo. Due nuove epistole..., p. 336—338.

8. Завещание Анны Комниной. Частично издано: С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 148, прим. 68.

10. Речь в связи с назначением Италика учителем евангелия. Издано полностью: U. Criscuolo. La «Prolusione» di Michele Italico. — «Bollettino del Comitato per la preparazione dell'Edizione Nazionale dei Classici Greci e Latini», 19, 1971, p. 29—39. Фрагмент: С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 200, прим. 168.

11. Монодия Андронику Комнину, сыну Иоанна II. Издана полностью: U. Criscuolo. Due monodie..., p. 162—165. Отрывок: С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 193, прим. 147.

13—40. Письма разным лицам. Серия, изданная Дж. Крамером. Готье не указывает ни этого издания (оно цитируется только в связи с письмом 12: стр. 136, прим. 1), ни того, что некоторые из них были переизданы С. Д. Пападимитриу (например, письмо 31: Цикноглу — см. С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 153, прим. 84).

42. Письмо Продрому. В данном случае Готье ссылается на издание: С. Д. Пападимитриу. «Феодор Продром». Но приводимые им страницы неверны: вместо 321—322, надо читать 295—296 (ср. еще там же, стр. 205 и сл., прим. 178—180).

43. Речь к Иоанну II Комнину. Издана: F. Fusco. Il panegirico di Michele Italico per Giovanni Comneno. — ЕВВЗ, 37, 1969/70 (работа указана в библиографии, p. 2).

44. Речь к Мануилу I Комнину. Издана полностью: A. M. Collesi, U. Criscuolo, F. Fusco, A. Garzya. Il panegirico inedito di Michele Italico per Manuele Comneno. — «Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia della Università di Macerata», 3, 1970 (работа также указана в библиографии). Фрагмент этой речи: R. Browning. The Death of John II Comnenus. — Byz., 31, 1961, p. 232.

Отсутствие четких и полных указаний на предшествующие издания затрудняет выделение тех памятников, которые публикуются Готье впервые: сюда относятся, если я не ошибаюсь, № 9. Монодия Пантехни и № 45. Послание сакеларию Против армян, или О рождестве Христовом. Лишь во фрагментах был до сих пор известен № 2. Как уже сказано, ряд памятников появился в процессе подготовки издания Готье, и эти публикации не были им учтены вовсе или только включены в последний момент в библиографический список.

Готье не отмечает отличия своего прочтения от чтения предшественников: не только неаполитанских филологов (с их работами он мог ознакомиться лишь поздно), но и более ранних, как К. Хорна и Р. Браунинг. Кажется, лишь в одном случае (стр. 106) он замечает, что Э. Курц не отметил лакуны. По поводу издания С. Д. Пападимитриу Готье пишет, что оно изобиловало ошибками (стр. 237, прим. 1). Такое суждение несправедливо. Пападимитриу действительно сохраняет ряд рукописных чтений там, где Готье предлагает конъектуру, но это вряд ли можно считать ошибкой. К тому же мне неясно, почему на стр. 238. 8 ἀναστρέφειν надо исправлять на ἀνασ-

τρέφον: цитата из Быт., 3, 19 здесь не буквальная (там ἀναστρέφαι σε εἰς τὴν γῆν) и автор вполне мог говорить о «возвращении в землю» в настоящем времени, имея в виду повторяющееся явление. Не вижу также нужды и в постановке вместо рукописного ἄξιον (стр. 237. 7) и δεύτερον (стр. 238. 6) (так — Пападимитриу) мужского рода. Нельзя считать «ошибкой» и написание Σολομῶντα [у Готье Σολομῶνα (стр. 238. 5)]. Ἀποθεῖ Пападимитриу столь же правомерная форма, как и ἀποθῇ Готье (стр. 237. 1). Где же эти многочисленные ошибки Пападимитриу, о которых так пренебрежительно говорит французский ученый?

Переходим теперь к действительным трудностям разбираемого письма. Их, если не ошибаюсь, четыре: непонятное κατ'ἄδων (стр. 237. 6), что отмечают, не исправляя, оба издателя; пропущенное αἰ (стр. 238. 3), ими обоими восполненное; бессмысленное ἡ σὺ κρεῶν или ἡδὺ κρεῶν (стр. 238. 9), что оба они исправляют на ἡδὺκρεῶν — только Готье в тексте, а Пападимитриу в аппарате. Думаю, что слава Готье не уменьшилась бы, отметь он, что обе эмendaции принадлежат его предшественнику; он же пишет Supplevi, «я восполнил» — вместо Supplevit Papadimitriu. Четвертая трудность — то место, которое Готье читает πάλαι πτην, а Пападимитриу πάλαι πτη. В том и другом случае текст бессмыслен и нуждается в конъектуре. Готье предлагает: τῆν Παλαίτορον [Φοινίκων (р. 238. 1), ссылаясь на существование города Палетира. Пападимитриу эмендирует иначе: τῆν πάλαι παρά τῇ Φοινίκων, что кажется мне менее искусственным и более близким к рукописи, чем конъектура Готье. Но какую бы поправку ни выбирать, думается, Готье следовало в аппарате отметить предложенное Пападимитриу исправление.

Сравнение с текстом, изданным неаполитанскими филологами, обнаруживает немало разночтений. В ряде случаев чтение Готье предпочтительней, как, например, в письме Продрому № 6:

Готье

Крискуоло

стр. 99. 3	κτίσμα	κτίστου
стр. 100. 2	πόλεως	πόλεων
стр. 100. 5	Ἰνδῶν	Ἰνδῶν
стр. 100. 7	εἰς πέντε	εἰς πᾶν τε
стр. 100. 15	ἐντετυχηκα	ἐντετυχηκώς

В других случаях оба варианта представляются возможными, как в послании Ирине Дуке № 5, где, кстати, в первой же строке у Готье опечатка: ἀγαπαχτῶν.

Готье

Крискуоло

стр. 93. 4	τᾶληθους	τᾶληθῇ
стр. 94. 2	κλίνης	κλίνην
стр. 95. 4	καφαλήν	ψυχῇν
стр. 95. 6	συνεγράφατο	συνδισγράφατο
стр. 97. 12	κρηττεύεις	κρητίζεις

Таким образом, читатель вынужден сейчас сам проделывать колляцию обоих изданий и самостоятельно принимать решение о выборе того или иного варианта.

Внутренние цитаты выделены особым шрифтом и раскрыты в критическом аппарате. Пожалуй, У. Крискуоло отмечает их более подробно, хотя кое-где им опущено то, что заметил Готье. И в этом случае кооперация усилий пошла бы на пользу читателю.

Титулы сочинений Италика Готье восстанавливает нередко очень смело. № 12 озаглавлен (стр. 135): «Севасту и логофету Григорию Каматиру», № 14: «Кесарю Никифору Вриению» (стр. 141). Однако в греческом нет ни того, ни другого имени, и как бы ни казалась вероятной идентификация Готье (особенно во втором случае), имена должны были стоять в скобках подобно тому, как стоит в скобках имя Стефана Мелита в титуле № 19 (стр. 160). Наоборот, в титуле № 20 (стр. 164) Готье вообще оставляет: «Логофету», хотя в примечании отмечает, что имеется в виду Стефан Мелит; и в самом деле, в тексте адресат прямо назван логофетом Мелитом (стр. 165, 2—3); в этом случае восполнение титула было бы правомерным.

Вводная статья, помимо характеристики рукописей, содержит сводку данных о самом Италике и его адресатах. Готье тщательно собирает данные о curriculum vitae Италика, о его роли в качестве преподавателя риторики, философии, медицины, о его участии в посольстве в Рим [Готье отождествляет это посольство с миссией 1126 или 1137 гг. (р. 24), не допуская, видимо, мысли, что его герой мог участвовать в какой-то нам не известной поездке; ниже, на стр. 175, Готье относит миссию Италика к 1126 г., хотя и под вопросом], о его назначении учителем евангелия и митрополитом Филиппополя.

Готье — один из лучших знатоков византийской просопографии XI—XII вв., выпустивший ряд работ на эту тему. В вводной статье он сообщает сведения о ряде лиц из византийской знати, прежде всего о севастократоре Андронике Комнине, сыне

Алексея I (в частности, он датирует смерть Андроника примерно 1130/31 г.— р. 34), о севастократоре Андронике Комнине, сыне Иоанна II, о Григории Каматире, Иоанне Аксуге, Константине Айофеодорите и некоторых других. Интересно прямое свидетельство Италика (стр. 72. 18—19) о происхождении патриарха Михаила Куркуаса из Армении (стр. 53). К сожалению, информация Италика обычно слишком скудна, чтобы расширить наши знания об этих людях, и, может быть, следовало ограничиться отсылкой к литературе вопроса. Как ни странно, соответствующая литература приводится в книге неполно и, как мне кажется, несколько односторонне (в основном работы школы В. Лорана).

Так, об Андронике Комнине Младшем см. прежде всего К. Heilig. *Ostrom und das Deutsche Reich um die Mitte des 12. Jh.*—«Kaisertum und Herzogsgewalt im Zeitalter des Friedrichs I». Stuttgart, 1952, S. 255 f.; Б. Ферпанчий. Севастократоры у Византии.—ЗРВИ, 11, 1968, стр. 158 и сл. О его жене Ирине см. В. Г. Васильевский. О севастократориссе Ирине.—ЖМНП, 285, 1893, стр. 183—185. Стихи Продрома на рождение их сына Алексея изданы: А. П. Каждан. Два новых византийских памятника XII столетия.—ВВ, XXIV, 1964, стр. 79—83. Кстати, я сомневаюсь, что Алексей, бывший протостратором, находился при Мануиле I «на втором плане», как пишет Готье (стр. 37, прим. 20).

О Григории Каматире см. В. С. Шандровская. Григорий Каматир и его печать в собрании Государственного Эрмитажа.—ВВ, XVI, 1959, стр. 173—182. Отождествление его с сыном Василия Каматира и с Каматиropулум (р. 39) отнюдь не бесспорно.

Об Айофеодоритах (р. 50, п. 9) см. А. П. Каждан. Братья Айофеодориты при дворе Мануила Комнина.—ЗРВИ, 9, 1966, стр. 85—94, где использован ряд неизданных текстов, и в частности свидетельство об эпархе Иоанне (Айофеодорите), не известном Готье.

Издатель справедливо говорит о скудости данных, содержащихся в сочинениях Италика. То, что можно собрать в них относительно политической истории царствования Иоанна II (1118—1143), Готье сделал в вводной статье и в комментарии. Он мог бы привлечь в этой связи также мою статью «Еще раз о Киннаме и Никите Хониате» (BS, 24, 1963, р. 4—31), где уточняется ряд дат и дается (на основании рукописной традиции Хониата) новая трактовка отношения Иоанна II к «героизму» Мануила под Неокесарией (о чем подробно пишет Италик — см. стр. 286 и сл.). Для датировки похода Иоанна II в Сирию важно письмо, изданное S. D. Gotein. *A Letter from Seleucia (Syria)*.—*Speculum*, 39, 1964, № 2, р. 300, откуда следует, что Антиохия была взята к июлю 1137 г.

Кое-что можно было бы найти в сочинениях Италика и для изучения внутренней истории Византии. Он довольно подробно говорит о красивом деле (стр. 111. 25—27), упоминает проноитов (стр. 94. 22), которые в его представлении, подобно логариастам, ведают доходами или расходами средств. Более существенны те данные, которые рисуют духовную жизнь византийских интеллигентов, их «умственное застолье», на котором подают «олена по-философски и зайца физиологического», как говорит Италик (стр. 156. 2—8). Особенно интересно в этой связи его послание к Ирине Дукене, вдове Алексея I, чим «рабом» он сам себя называл (стр. 269. 19—20). В этом послании Италик развивает идею активной роли ученого, который воздвигает города и строит дома, упорядочивает нравы и благоустраивает людскую жизнь (стр. 93. 8—9). Ты обвиняешь философов, говорит он, в том, что они далеки от всего земного (стр. 94. 17—18), а на самом деле они всё понимают лучше логариастов и проноитов, не владеющих ни счетом, ни геометрией. Если ты сведешь меня со звезд, я установлю законы и справедливость (р. 95. 7—10). Может быть, именно под этим углом зрения, в аспекте истории общественной мысли, и надо было бы изучать Италика?

Готье сделал большое дело, собрав воедино, тщательно издав и прокомментировав скудное наследие византийского ученого и оратора. Если бы он, чуть помедлив, учел работу неаполитанской школы и с несколько большим уважением отнесся к своим предшественникам, его труд только выиграл бы.

А. К.

J. L. van Dieten. Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie.

—«Supplementa byzantina», Bd. 2. Walter de Gruyter.
Berlin, New York. 1971, S. X+194 S.

Подготовка давно обещанного собрания сочинений Никиты Хониата постепенно подвигается к желанной цели. В 1970 г. Я.-Л. ван Дитен выпустил книгу, содержащую характеристику богословского сочинения Хониата — «Догматического всеоружия»¹, затем вышел рецензируемый комментарий к речам и письмам. По всей види-

¹ J. L. van Dieten. *Zur Überlieferung und Veröffentlichung der Panoplia Dogmatike des Niketas Choniates*.—«Zetemata byzantina», H. 3. Amsterdam, 1970.

мости, греческий текст речей и писем уже подготовлен и в ближайшее время следует ждать его публикации (как известно, немецкий перевод речей и писем Хониата, выполненный Ф. Граблером по подготовленному ван Дитеном тексту, был издан уже в 1966 г.)².

Книга состоит из двух самостоятельных частей. Первая — биография Никиты Хониата, описанная с максимальной подробностью и с очень большой осторожностью. Скупные сведения о крупном византийском историке тщательно собраны, точки зрения предшествующих ученых детально анализируются, датировки отдельных событий проверены и уточнены. Один пример: Г. Штадтмюллер, автор последней биографии Никиты Хониата, относит рождение писателя примерно к 1150 г., обосновывая дату лишь краткой отсылкой к одному туманному свидетельству Михаила Хониата.³ Ван Дитен разбирает этот вопрос на трех страницах (стр. 18—20): от отмечает разногласия исследователей, устанавливает год смерти Никиты и продолжительность его жизни и уже на основании полученных цифр приходит к выводу, что Никита родился в 1155/57 г., примыкая к датировке Ф. И. Успенского, о которой Штадтмюллер даже и не упоминал.

Позволю себе несколько дополнений к приводимым ван Дитеном данным.

Стр. 6 и сл. Ван Дитен предлагает остроумное объяснение патронима Акоминат, приписанного Никите Иеронимом Вольфом. По мнению ван Дитена, патроним мог возникнуть из ошибочной заметки в латинском каталоге, где «История» Никиты называлась «*A Comminatibus usque ad Angelos*» («От Комнинов до Ангелов») — и непонятное *A Comminatibus* (или *A Comminatis*) могло превратиться в Акомината. Однако существование патронима Акоминат засвидетельствовано грамотами — правда, лишь около 1600 г.⁴, и это обстоятельство, не известное ван Дитену, осложняет проблему.

Стр. 8—15. Ван Дитен собирает скудные сведения о родне Никиты Хониата. В этой связи следовало бы привлечь помету 1199 г. на рукописном фрагменте из собрания Ленинградской Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, где говорится о Михаиле Хониате, его брате Константине и их женах — Анне и Платѡ. Михаил (явно не старший брат Никиты, ибо тот, митрополит, не мог быть женатым) подарил богородичному храму в деревне Педзии книгу «Пролог»⁵.

Стр. 23. Ван Дитен (как и Штадтмюллер) относит начало службы Никиты к «понтйским областям», к Пафлагонии. Однако заключение это не бесспорно. Уже Ф. И. Успенский, не аргументируя своей мысли, предположил, что письмо Михаила Хониата к Пигониту, которое исследуется в данной связи ван Дитеном, помещало Пигонита (и подчиненного ему Никиту Хониата), «в одной из соседних с Русью областей»⁶. В самом деле, Михаил Хониат заявляет, что Пигонит находится вблизи от гипербореев и посещает области Понта, известные в древности дурным обращением с чужеземцами, что по другую сторону пролива от него лежит Тавроскифия. «Негостеприимный Понт» — в античной традиции Таврика, и я старался показать, что Пигонит и Никита осуществляли свои функции на Боспоре Киммерийском⁷. Моя работа, однако, осталась ван Дитену неизвестной.

Стр. 28, прим. 29. Ван Дитен с полным основанием скептически относится к попытке Штадтмюллера атрибутировать Никите Хониату печать Никиты (без патронима!), протоспафария, начальника китона, судьи Ипподрома и претора Адрианополя. Решающий аргумент, однако, не приведен исследователем: титул протоспафария не пережил XI столетия, и Хониат в конце XII в. не мог носить его. По этой же причине нельзя идентифицировать с писателем и владельца другой печати — протоспафария и начальника *οὐκιστοῦ* Никиту Хориата.

Очень тщательно восстанавливает ван Дитен послужной список Хониата, используя для этого, в частности, леммы к его речам. Полутно он характеризует те должности, которые занимал Никита. Вряд ли нужно было это делать: история византийской администрации — сложная и не всегда разработанная тема, и нет ничего удивительного, что в характеристиках ван Дитена встречаются погрешности. Так, он говорит на стр. 38, что должность логофета секретов была весьма высокой и большинство этих логофетов приходилось зятьями императору; однако, насколько я знаю, из 8 извест-

² F. Grabler. Kaisertaten und Menschenschicksale im Spiegel der schönen Rede.— «Byzantinische Geschichtsschreiber», Bd. XI. Graz, Wien, Köln, 1966. Пока эта аннотация печаталась, греческий текст был издан. Рецензия на него будет опубликована в одном из ближайших номеров ВВ.

³ G. Stadt Müller. Zur Biographie des Niketas Choniates.— «Byzantinische Forschungen», Bd. I, 1966, S. 321.

⁴ См. об этом: O. Lampsidis. Nochmals der Name AKOMINATOC.— ВЗ, 64, 1971, S. 26 f. Работа О. Лампсидиса появилась одновременно с книгой ван Дитена.

⁵ Е. Э. Гранстрем. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ.— ВВ, XXIII, 1963, стр. 174, № 324.

⁶ Ф. Успенский. Незаданные речи и письма Михаила Акомината.— ЖМНП, 1879, январь, стр. 390.

⁷ А. П. Каждан. Византийский податной сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в.— Сб. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, стр. 97—101.

ных нам логофетов секретов времени Комнинов и Ангелов только один Михаил (внучатый племянник Кирулария) был зятем царя.

Говоря о конце жизни Никиты, ван Дитен справедливо отмечает, что в Никее тот уже не играл политической роли (стр. 48); это нужно подчеркнуть, поскольку и по сей день встречаются предположения, что писатель оставался в ту пору великим логофетом⁸.

Скудность прямых сведений о жизни Никиты Хониата препятствует восстановлению его биографии. В самом деле, что знаем мы о нем, кроме нескольких дат, названий должностей и глухих известий о его семейной жизни и дружеских связях? Возникает вопрос о возможности привлечения косвенных сведений, которые могут пролить какой-то свет на жизненный путь историка. Под косвенными сведениями я понимаю такие свидетельства «Истории», которые не относятся непосредственно к Хониату, но в силу своей субъективной окрашенности освещают его личность. География Хониата субъективна: она концентрируется, с одной стороны, вокруг Хон и долины реки Меандр, его родины, а с другой — вокруг Филиппополя, центра его наместничества. Его интерес к определенным общественным слоям также окрашен его личностью. Так, судебские вообще и особенно судьи вила постоянно фигурируют на страницах «Истории», и это объясняется тем, что сам Никита был судьей вила. Попробую показать, какие перспективы может сулить изучение таких косвенных сведений.

У книги о Мануиле I посвящена неожиданному образом Андронику Кондостефану: его победе над венграми в 1167 г. (Nik. Chon., 194—206), походу на Дамиегу в 1169 г. (р. 208—219) и столкновению с венецианским флотом в 1171 г. (р. 222—226). Образ Андроника выписан с явным сочувствием и прямо противопоставлен образу Мануила I. Само по себе сочувствие к Кондостефану не было бы удивительным, но если учесть, что земельные владения Кондостефанов находились как раз в районе Меандра⁹, связь между Хониатом и этой аристократической фамилией приобретает особую окраску.

Первая часть книги завершается характеристикой личности Хониата (стр. 51—55). Если биография историка представляется мне вполне добротной и надежной, то эта завершающая характеристика выглядит поверхностной и весьма спорной. Заслуга ван Дитена в том, что он, никак не идеализируя Хониата, тем не менее отвергает негативные оценки Никиты как бесчестного лицемера, типичные для XIX столетия, — однако собственные суждения ван Дитена, скажем мягко, не исчерпывают проблемы. Дело не только в том, что ван Дитен не ставит вопрос о социальной принадлежности и социальных интересах писателя, — и в этом отношении его очерк значительно уступает вышедшей в то же время работе Ф. Тиннефельда¹⁰, — прямые оценки взглядов Хониата у него односторонни и неточны. Так, на стр. 53 ван Дитен подчеркивает, что Хониат не был «гражданином мира» и что варвары оставались для него варварами. Но достаточно сравнить описание II крестового похода у Киннама и у Хониата, достаточно вспомнить его преклонение перед Фридрихом I Барбароссой, чтобы понять, насколько Хониат отличался от подавляющего большинства византийцев своей широтой и терпимостью к «варварам». Рисуя Хониата глубоко верующим и даже суеверным человеком (стр. 55), ван Дитен не замечает, как религиозность (традиционная религиозность) Хониата бывает прорвана скепсисом, сомнениями, терминологическими вольностями. Я бы сказал, подводя итоги первой части книги, что если внешняя биография Хониата представлена ван Дитеном почти исчерпывающим образом, то характеристику историка, его мировоззрения и его литературного таланта еще предстоит дать.

Сильные стороны творчества ван Дитена — обстоятельность и тщательность — проявляются особенно отчетливо во второй части книги, где он последовательно комментирует 18 речей и 11 писем Никиты Хониата. Всякий раз указывается рукописная традиция, издание и литература, описывается содержание памятника, даются его интерпретация и датировка, после чего следует реальный комментарий к отдельным пассажам. С присущей ему осторожностью ван Дитен рассматривает вопросы датировки, сплошь и рядом пересматривая традиционные даты византийской истории конца XII и начала XIII в. В частности, исследование ван Дитена заставляет по-новому представить исследовательность ряда событий византино-болгарских и византино-сербских отношений конца XII в.

Он показывает, что осада Константинополя Алексеем Враном могла иметь место не ранее апреля 1187 г. (стр. 75), отвергая в связи с этим предложенную И. Дуйчевым датировку начальных событий восстания болгар против Византии. Он относит победу над сербами при Мораве, вопреки утвердившемуся мнению, к 1192 (или в 1191).

⁸ См. например: С. П. Карнов. Сочинения Никиты Хониата как источники по истории Трапезундской империи. — «Сборник научных работ аспирантов Исторического факультета «Проблемы всеобщей истории» (МГУ, вып. 3). М., 1971, стр. 134.

⁹ A. Carile. Partitio terrarum imperie Romanie. — «Studi veneziani», 7, 1965, p. 218. Ср. комментарий — ibid., p. 246.

¹⁰ F. H. Tinnfeld. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie. München, 1971, S. 158—179.

а не к 1190 г. (стр. 85). Он датирует мятеж Иоанна Комнина Толстого 1200 г. (стр. 127), а не 1201 г., как было принято до последнего времени¹¹. Таких поправок много.

Отмечу несколько неточностей в комментарии ван Дитена.

Стр. 89. Феодора Комнина, вдова Андроника Лапарды, названа племянницей Мануила — она была, видимо, вучкой его сестры.¹²

Стр. 130. Мануил Камица ван Дитен считает племянником царя. Ἐξαίτερος, как он именуется в леммах речей Хониата, может означать и двоюродного брата.

На печати Мануил назван ἑξαίτερος по материнской линии государя Комнина-дуки, т. е. Исаака II или Алексея III¹³. Он, видимо, был сыном Константина Камица и Марии Комниной, тетки Исаака II и Алексея III.

Стр. 139. Ван Дитен утверждает, что Димитрий Торник назван логофетом дрома уже в грамоте 1188 (ММ, VI, р. 123. 16—17). Это двойное недоразумение: во-первых, в цитированной грамоте назван не Димитрий, а Константин Торник — его сын. Во-вторых, грамота датирована декабрем VII индикта и может быть отнесена как к 1188, так и, скорее, к 1203. Ж. Даррузес предпочитает вторую дату¹⁴.

В некоторых случаях следовало бы пополнить библиографию. Так, на стр. 90 опущена основная работа по генеалогии Ангелов: Г. Острогорский. Возвышение рода Ангелов. — Юбилейный сборник Русского археологического общества в Королевстве Югославии. Белград, 1936. На стр. 105, говоря о Евфросинии, жене Алексея III, следовало бы отослать не к старой книге Дюканжа, а к монографии: D. Polemis. The Doukai. London, 1968, р. 131. Речь Никиты к епископу Филиппополю рассмотрена в статье: W. Hecht. Byzanz und die Armenier nach dem Tode Kaiser Manuel I. (1180—1196). — Byz., 37, 1967 (1968), р. 70—72.

Принципы составления комментария не бесспорны. Если в нем отсутствуют указания на скрытые цитаты и параллельные места в сочинениях Никиты, то этого можно ожидать в подстрочном критическом аппарате к тексту. Однако отсутствие комментария литературного характера вряд ли оправдано. Ван Дитен ограничивается по существу реальным комментарием, в котором иной раз можно заметить пропуски.

Так, в VII речи говорится о пребывании Алексея Ангела в Тарсе, Аназарбе, Антиохии — место, которое заслуживало бы пояснения. Еще более досаждает пропуск в комментарии к IX речи, где Хониат упоминал тавроскифов ἐκ Βορβόνης: загадочные выходы из Бордоны-Бордоны истолковываются в нашей литературе обычно как бродники¹⁵.

В книге разбросано много намеков на новое истолкование структуры и характера «Истории» Хониата. Они возбуждают жадное любопытство, но говорить об этих построениях и идеях ван Дитена нужно будет, вероятно, уже в связи с выходом нового издания этой книги, которое, без сомнения, с благодарностью примут все византисты.

А. К.

Codices graeci Bibliothecae Vaticanae selecti, temporum locorumque ordine digesti, commentariis et transcriptionibus instructi.

Edidit Henrica Follieri (Exempla scripturarum, IV). Apud Bibliothecam Vaticanam, 1969

Альбом Э. Фольери продолжает традицию выходившего двумя изданиями (в 1910 и 1929 гг.) альбома Р. Franchi de' Cavalieri — I. Lietzmann, Specimina codicum graecorum Vaticanorum; он включает образцы датированных и локализованных греческих рукописей Ватиканской библиотеки IV—XVI вв. Альбом состоит из 70 таблиц, на которых представлены 69 рукописей, и отдельной тетради (111 стр.) с описанием рукописей и транскрипцией текста. Материал расположен в следующем порядке.

I. Рукописи, написанные майюскулом (унциалом) и относящиеся к IV—X вв. (табл. 1—11). Здесь представлены знаменитые рукописи, не раз досконально изучавшиеся и издававшиеся: Ватиканский кодекс Библии (сер. IV в.), «Римская история»

¹¹ Так датировал и я — вслед за А. Гейзенбергом. См. А. П. Каждан. Никифор Хрисоверг и Николай Месарит. — ВВ, 30, 1969, стр. 96. Верная дата дана уже Ж. Даррузесом (J. Darrouzès. Les discours d'Euthyme Tornikès (1200—1205). — REB, 26, 1968, р. 51) в работе, не использованной ван Дитеном.

¹² L. Stiernon. Théodora Comnène et Andronic Lapardas, sébastes. — REB, 24, 1966, р. 89 sq.

¹³ V. Laurent. Les bulles métriques dans la sigilligraphie byzantinés. Athènes, 1932, № 319.

¹⁴ J. Darrouzès, in: Georges et Démétrios Tornikès. Lettres et discours. Paris, 1970, р. 34.

¹⁵ См. в последнее время: М. Ф. Котляр. Русь на Дунаї. — «Україн. істор. журнал», 1966, № 9, стр. 19.

Диона Кассия (V в.), фрагмент Евангелия, принадлежащий к пурпурному «кодексу N» (VI в.), фрагмент греко-коптского Евангелия (V—VI вв.), cod. Marchalianus (ок. 700 г.! — о датировке см. ниже), Евхологий Барберини (VIII в.), написанная в Риме в 800 г. рукопись «Диалогов» Григория Великого и некоторые другие.

II. Рукописи, написанные минускулом (IX—XVI вв., табл. 12—70); они разделяются на 4 периода.

1. Codices vetustissimi (IX-сер. X вв., табл. 12—19). Первым среди древнейших минускульных рукописей в альбоме приводится cod. Vat. gr. 2200 (VIII—IX вв.), одна из самых первых греческих рукописей, написанных на бумаге. Табл. 13—16 представляют константинопольские рукописи, три из которых написаны в Студийском монастыре и одна — в скриптории монаха Ефрема, табл. 17 — кодекс, происходящий из Моневасии, табл. 18—19 — две книги из библиотеки Арефы Кесарийского.

2. Codices vetusti (сер. X — конец XII в., табл. 20—39). Здесь (как и далее) выдержан тот же принцип расположения материала, что и в первом разделе «Минускульных рукописей», — сначала идут рукописи константинопольские (табл. 20—25), а затем — созданные на периферии, причем рукописи расположены в порядке локализации по мере удаления от столицы империи: кодекс, написанный в монастыре τὸν Γαλακτρυῶν близ Константинополя (табл. 26), автограф писца Ивирского монастыря на Афоне монаха Феофана (табл. 27), критская рукопись (табл. 28), 11 образцов греческого книгописания различных областей Южной Италии (табл. 29—39).

3. Codices recentiores (XIII-сер. XV в., табл. 40—62). Табл. 40—48 дают представление о константинопольских писцах указанного времени, причем здесь мы находим автографы племянницы Михаила VIII Палеолога Феодоры Раулены (между 1261 и 1282 гг., табл. 40), Никифора Григоры (табл. 44), Димитрия Кидониса (табл. 46), Иоанна Хортасмена (табл. 47), известных константинопольских писцов монаха монастыря Одигитрии Иоасафа (табл. 45) и Георгия Хрисококка (табл. 48). Вслед за этим перед нами проходят рукописи, писанные близ Эфеса, в Сирии, в Трапезундской империи, на Кипре, две рукописи, написанные в России, 7 кодексов из Южной Италии.

4. Наконец, последний раздел составляют греческие рукописи, написанные после падения Константинополя (табл. 63—70); это — автографы Михаила Апостолиса, Константина и Иоанна Ласкарисов, Аристоула Апостолидиса, Ангела Вергикии и др.

Характер описания рукописей, транскрипция текста и схолий с обязательным исправлением в аппарате ошибок писцов, публикация колофонов рукописей (отсутствующих, как правило, на таблицах), определение типа письма — все это свидетельствует о том, что альбом предназначен прежде всего для студентов, изучающих греческую палеографию. И нужно отметить, что начинающие изучение этой сложной и интересной науки получили в свое распоряжение прекрасное пособие, позволяющее по датированным и локализованным манускриптам знакомиться с письмом и текстом выдающихся памятников греческой культуры, понимать и анализировать встречающиеся в рукописях трудные места, быть в курсе всей основной специальной литературы, как старой, так и новейшей.

Однако важное значение альбом Э. Фольери имеет и для исследователей греческих рукописей. Его 70 таблиц являются хорошим дополнением к существующим факсимильным воспроизведениям ватиканских греческих рукописей: хотя со многими рукописями мы знакомы уже по альбомам П. Франки де Кавальери — И. Литцмана, К. и С. Лэйк, А. Турина и др., Э. Фольери расширяет наше знакомство с кодексами Ватиканской библиотеки, всякий раз обязательно приводя снимки других — по сравнению с предыдущими изданиями — листов рукописей.

Альбом Э. Фольери появился в то время, когда наши представления о греческом книгописании стали более полными, когда ряд специальных работ (в том числе и самой составительницы альбома) позволил наметить пути для более точного датирования рукописей, когда мы имеем некоторый материал для исследования локальных типов греческого средневекового письма, знаем индивидуальные почерки многочисленных писцов. Современный уровень развития греческой кодикологии позволил Э. Фольери изменить ряд уже ставших традиционными датировок некоторых рукописей (например, cod. Marchalianus, который обычно относился к VI в.), расположить материал с учетом локализации манускриптов, насытить библиографию рукописей новыми специальными исследованиями.

В заключение остановимся на некоторых вошедших в альбом рукописях.

Табл. 3 (стр. 12). К перечисленным в прим. 9 и находящимся в восьми разных хранилищах частям «кодекса N» нужно добавить фрагмент из Археологического музея Фессалоники: Α. Πολίτης. Τό νέο ἀπόκτημα τοῦ μουσείου Θεσσαλονίκης. «Ἐνα φύλλο ἀπὸ τὸν Πορφύρο Κώδικα τῆς Πετροπόλεως». — 29.5.1966; *idem*. «Ἐνα φύλλο τοῦ Πορφύρο Κώδικα Πετροπόλεως». — «Ελληνικά», 20, 1967, σ. 451—452.

Табл. 18 (стр. 28—29). К литературе, посвященной библиотеке Арефы Кесарийского, можно добавить теперь две важные работы: P. Lemerle. Le premier humanisme byzantin. Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle. Paris, 1971, p. 205—241; L. G. Westerink. Marginalia by Arethas in Moscow Greek Ms. 231. — Byz., t. XLII, 1972, p. 196—244.

Табл. 19 (стр. 32—33). На табл. 19, дающей образец письма кодекса Ω Платона, Э. Фольери ставит знак вопроса в подписи о принадлежности рукописи Арефе. Это сомнение, высказанное в предшествующей литературе, вероятно, основано на некоторой разнице почерка схолий *cod. Vat. gr. 1* и схолий *cod. Urb. gr. 35* (табл. 18), которые являются бесспорным автографом Арефы. Нам трудно, основываясь лишь на анализе факсимиле, делать решительные выводы; ограничимся только замечанием, что при исследовании почерка Арефы нужно обязательно привлечь писанные безусловно его рукой и в несколько приемов (о чем свидетельствуют разные чернила и небольшие отклонения в почерке) схолии московской рукописи ГИМ, 231.

Табл. 27 (стр. 42, прим. 90). К числу автографов писца Иверского монастыря Феодана можно добавить московскую рукопись ГИМ, 388: Б. Л. Фонкич. Переводческая деятельность Евфимия Святогорца и библиотека Иверского монастыря на Афоне в начале XI в.—«Палестинский сборник», вып. 19 (82), 1969, стр. 167—168.

Табл. 40 (стр. 60—62). До сих пор *cod. Vat. gr. 1899* (Речи Элия Аристиды) был единственной рукописью, переписанной Феодорой Рауленой. Публикация вслед за А. Турином еще одного листа из этой рукописи в альбоме Э. Фольери позволила нам определить вторую — московскую — рукопись, вышедшую из-под пера Феодоры: ГИМ, Муз. 3649, Толкования Симплиция на «Физику» Аристотеля.

Табл. 52 (стр. 75—76). Большой интерес представляют опубликованные первоначально А. Турином и теперь Э. Фольери образцы почерка трапезундского писца Василия (1301 г.). Нам кажется, что если сопоставить письмо рукописи *Vat. gr. 1743* с почерком первой части возникшей на территории Трапезундской империи рукописи ГИМ, 436 (см. Г. Г. Литаврин. «Советы и рассказы» Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века. М., 1972, стр. 11—35), относящейся, по-видимому, к середине или второй половине XIV в., то можно говорить о некоторых чертах, свойственных письму трапезундских рукописей XIV столетия. Это предположение нуждается в исследовании с привлечением всего известного трапезундского материала рукописных книг и документов XIII—XV вв.

Табл. 55 (стр. 79—80). *Cod. Vat. gr. 779* является одной из немногих греческих рукописей, написанных в XV в. в Москве. Она давно привлекает к себе внимание исследователей греческой культуры в России и была подробно описана еще в 1885 г. (Н. Красносельцев. Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки. Казань, 1885, стр. 39—48). Однако познакомиться с почерком написавшего ее в 1408 г. бывшего трапезундского епископа Феодула впервые предоставила нам возможность только Э. Фольери. Публикация автографа Феодула позволяет исправить сделанное нами в статье «Греческая рукопись митрополита Фотия» («Древнерусское искусство. Рукописная книга». М., 1972, стр. 190) предположение: исследуя рукопись ГИМ, 284, мы пришли к выводу, что Триодь постная и цветная, принадлежавшая митрополиту киевскому и всея Руси Фотию, была написана в Константинополе. Между тем рукопись ГИМ, 284 писана, несомненно, рукой писца *Vat. gr. 779*, т. е. трапезундским епископом Феодулом. Так как время написания московской рукописи устанавливается достаточно точно — конец 1408 — начало 1409 г., то следует сделать вывод, что рукопись ГИМ, 284 писана не в Константинополе, а в Москве: она появилась вслед за *cod. Vat. gr. 779*, законченным Феодулом в русской столице в августе 1408 г.

Б. Ф.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ К СБОРНИКУ «ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕНИК»
ЗА 1959—1969 гг. (Т. XVI—XXX)

Социально - экономическая история

1. Вернер Э. Народная ересь или движение за социально-политические реформы? Проблемы революционного движения в Солуни в 1342—1349 гг.— ВВ, 1960, XVII, с. 155—202.
2. Каждан А. П. Византийская деревня VII—XV вв. в освещении западно-европейской и американской историографии (1917—1960).— ВВ, 1963, XXII, с. 127—198.
3. Каждан А. П. Еще раз об аграрных отношениях в Византии IV—XI вв. (По поводу новой работы П. Лемерля).— ВВ, 1959, XVI, с. 92—113.
4. Лихев С. Несколько замечаний по поводу статьи М. Я. Сюзюмова «О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону».— ВВ, 1959, XVI, с. 250—256.
5. Медведев И. П. Некоторые вопросы общественно-экономических отношений в поздневизантийском городе Мистре.— ВВ, 1969, XXIX, с. 77—87.
6. Мутафчиева В. П. К вопросу о землевладении в Сирии в XIV—XVI вв.— ВВ, 1965, XXVI, с. 58—66.
7. Сюзюмов М. Я. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии.— ВВ, 1960, XVII, с. 3—16.
8. Сюзюмов М. Я. Рец. на: J. Karayannopoulos. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates.— ВВ, 1961, XX, с. 259—267.
9. Талис Д. Л. Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет.— ВВ, 1961, XIX, с. 240—259.
10. Фихман И. Ф. К характеристике корпораций византийского Египта.— ВВ, 1960, XVII, с. 17—27.
11. Франчес Э. Исчезновение корпораций в Византии.— ВВ, 1969, XXX, с. 38—47.
12. Хвостова К. В. Античные элементы в поздневизантийских аграрно-правовых отношениях.— ВВ, 1967, XXVII, с. 107—130.
13. Хвостова К. В. Некоторые вопросы истории иммунитетных грамот македонских монастырей в XIV в.— ВВ, 1961, XIX, с. 38—59.
14. Хвостова К. В. О некоторых особенностях византийской прони.— ВВ, 1964, XXV, с. 212—230.
15. Хвостова К. В. Ρίζα χωρίου в XIV в. (К вопросу об особенностях налогообложения в Византии).— ВВ, 1965, XXVI, с. 46—57.
16. Аннот. к: И. Манкен. Дубровачки патрицијат у XIX в.— ВВ, 1963, XXIII, с. 302—304.

Внутренняя история, политическая история, политическое, государственное и административное устройство, военная история

17. Бартикян Р. М. К истории взаимоотношений между Византией и Киликийским армянским государством в конце XII в.— ВВ, 1960, XVII, с. 52—56.
18. Бартикян Р. М. Критические заметки о завещании Евстафия Воилы (1059 г.).— ВВ, 1961, XIX, с. 26—37.
19. Бенедикти Р. Взятие Рима Аларихом (К вопросу об историографическом методе Прокопия Кесарийского).— ВВ, 1961, XX, с. 23—31.
20. Бенедикти Р. Экскурс о Фуле у Прокопия Кесарийского (К вопросу об арханизации при этнографических описаниях в византийской литературе).— ВВ, 1964, XXIV, с. 49—57.
21. Бешевлиев В. К вопросу о награде, полученной Тервелом от Юстиниана II в 705 г.— ВВ, 1959, XVI, с. 8—13.

22. Брюсова В. Г. К вопросу о происхождении Владимира Мономаха. — ВВ, 1968, XXVIII, с. 127—135.
23. Воронин Н. Н. Андрей Боголюбский и Лука Хризостом (Из истории русско-византийских отношений XII в.). — ВВ, 1962, XXI, с. 29—50.
24. Винклер С. Рец. на: В. Rubin. Das Zeitalter Justinians. Persönlichkeit, Reichsidee, Ostpolitik. — ВВ, 1963, XXIII, с. 248—262.
25. Гийан Р. Исследования по административной истории Византийской империи (Заметки о некоторых классах чиновников в IV—VI вв.). — ВВ, 1969, XXIX, с. 88—98.
26. Гийан Р. Очерки административной истории Ранневизантийской империи (IV—VI вв.). — ВВ, 1964, XXIV, с. 35—48.
27. Гранстрем Е. Э. Рец. на: V. Grumel. La Chronologie. (Traité d'études byzantines, publié par P. Lemerle. I. Bibliothèque byzantine). — ВВ, 1961, XVIII, с. 289—291.
28. Гусейнов Р. А. Последствия сражения при Манцикерте (1071 г.) для Закавказья. — ВВ, 1969, XXIX, с. 148—152.
29. Дворецкая И. А. Организация управления в Остготском королевстве. — ВВ, 1962, XXI, с. 3—28.
30. Диттен Г. Известия Лаоника Халкокондила о России. — ВВ, 1962, XXI, с. 51—94.
31. Заборов М. А. Еще одна католическая фальсификация истории крестовых походов. (Рец. на: R. Rousset. Histoire des croisades). — ВВ, 1963, XXIII, с. 273—286.
32. Заборов М. А. Крестовые походы в работах русских историков начала XX в. — ВВ, 1964, XXV, с. 121—141.
33. Заборов М. А. Крестовые походы в русской историографии первой половины XIX в. — ВВ, 1962, XXI, с. 183—197.
34. Заборов М. А. Крестовые походы в русской историографии последней трети XIX в. — ВВ, 1963, XXII, с. 227—259.
35. Заборов М. А. История крестовых походов в трудах западногерманских историков. — ВВ, 1961, XVIII, с. 291—311.
36. Заборов М. А. Современники-хронисты и историки крестовых походов. — ВВ, 1965, XXVI, с. 137—161.
37. Заборов М. А. Рец. на: A History of the Crusades. Vol. I. The first hundred years. — ВВ, 1960, XVII, с. 263—273.
38. Зимин А. А. Рец. на: А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. — ВВ, 1962, XXI, с. 225—230.
39. Каждан А. П. Из истории византийской хронографии X в. 1. О составе так называемой «Хроники Продолжателя Феофана». — ВВ, 1961, XIX, с. 76—96.
40. Каждан А. П. Из истории византийской хронографии X в. 2. Источники Льва Дякона и Скилицы для истории третьей четверти X столетия. — ВВ, 1961, XX, с. 106—128.
41. Каждан А. П. Из истории византийской хронографии X в. 3. «Книга Царей» и «Жизнеописание Василия». — ВВ, 1962, XXI, с. 95—117.
42. Каждан А. П. Загадка Комнинов (Опыт историографии). — ВВ, 1964, XXV, с. 52—98.
43. Каждан А. П. Новые исследования по византийской демографии. — ВВ, 1969, XXIX, с. 307—310.
44. Каждан А. П. Новые работы по византийской просопографии. — ВВ, 1969, XXX, с. 254—259.
45. Каждан А. П. Рец. на: Е. Э. Липшиц. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — первая половина IX в. — ВВ, 1963, XXIII, с. 232—248.
46. Каждан А. П. Рец. на: Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica. I. Die Byzantinische Quellen der Geschichte der Türkvölker. Zweite durchgearbeitete Auflage. — ВВ, 1959, XVI, с. 271—287.
47. Карышковский П. О. Лев Дякон о Тмутараканской Руси. — ВВ, 1960, XVII, с. 39—51.
48. Кауфман С. А. Рец. на: А. I. Festugière. Antioche Païenne et chrétienne. Libanius, Chrysostome et les moines de Syrie. — ВВ, 1961, XX, с. 267—278.
49. Кечакмадзе Н. Н. Из истории общественной мысли Византии в XI в. — ВВ, 1969, XXIX, с. 170—176.
50. Кобищанов Ю. М. Кто убил хымьяритского царя Зу — Нуваса? — ВВ, 1964, XXV, с. 234—235.
51. Корсунский А. Р. От Восточной Римской империи к Византии. (Рец. на: I т. «Истории Византии»). — ВВ, 1969, XXIX, с. 300—304.
52. Курбатов Г. Л., Рутенбург В. И. Рец. на: «Античная древность и средние века». Сборник статей по истории древнего мира и средних веков кафедры всеобщей истории Уральского гос. университета им. А. М. Горького, вып. 1—5, под ред. проф. М. Я. Сюзюмова. — ВВ, 1969, XXX, с. 243—247.
53. Курбатов Г. Л., Рутенбург В. И. Зилоты и чомпи. — ВВ, 1969, XXX, с. 3—37.

54. *Кучма В. В.* «Тактика Льва» в исторической литературе (Историографический обзор).— ВВ, 1969, XXX, с. 153—165.
55. *Липшиц Е. Э.* Некоторые вопросы истории Византии VIII — первой половины IX в. (ответ рецензенту).— ВВ, 1965, XXVI, с. 248—266.
56. *Липшиц Е. Э.* Рец. на: И. Ф. Фихман. Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV — середине VII в.— ВВ, 1969, XXX, с. 247—252.
57. *Литавин Г. Г.* Еще раз о походе русских на Византию в июле 1043 г.— ВВ, 1969, XXIX, с. 105—107.
58. *Литавин Г. Г.* Песелл о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г.— ВВ, 1967, XXVII, с. 71—86.
59. *Литавин Г. Г., Каждан А. П.* По поводу книги П. Лемерля о «Советах и рассказах» Кекамена.— ВВ, 1961, XX, с. 279—296.
60. *Любарский Я. Н.* Замечания к хронологии XI книги «Алексиады» Анны Комниной.— ВВ, 1963, XXIII, с. 47—56.
61. *Любарский Я. Н., Фрейденберг М. М.* Девольский договор 1108 г. между Алексеем Комнином и Боймундом.— ВВ, 1962, XXI, с. 260—274.
62. *Любарский Я. Н.* Рец. на: Феофилакт Симокатта. История.— ВВ, 1959, XVI, с. 244—250.
63. *Люблинская А. Д.* Рец. на: М. А. Заборов. Введение в историографию крестовых походов. (Латинская хронография XI—XIII вв.).— ВВ, 1969, XXX, с. 252—254.
64. *Мацулесич Л. А.* Войсковой знак V в.— ВВ, 1959, XVI, с. 183—205.
65. *Моравчик Д.* Греческая грамота мамлюкского султана византийскому императору.— ВВ, 1961, XVIII, с. 105—115.
66. *Неусыхин А. И.* Рец. на: Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). Вступительная статья, перевод, комментарии Е. Ч. Скржинской.— ВВ, 1963, XXII, с. 304—319.
67. *Нунубидзе Ш.* Ареопагитская литература за последнее пятилетие.— ВВ, 1963, XXIII, с. 214—219.
68. *Осипова К. А.* Аллиленгий в Византии в X веке.— ВВ, 1960, XVII, с. 28—38.
69. *Половой Н. Я.* О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г.— ВВ, 1961, XX, с. 90—165.
70. *Поляковская М. А.* Городские владения провинциальных монастырей в поздней Византии.— ВВ, 1964, XXIV, с. 202—208.
71. *Поляковская М. А.* Монастырские владения в городе Серры и пригородном районе в XIV в.— ВВ, 1967, XXVII, с. 310—318.
72. *Секиринский С. А., Когонашвили К. К.* Рец. на: А. Л. Якобсон. Средневековый Крым. Очерки истории материальной культуры.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 256—260.
73. *Соколов Н. П.* Рец. на: Freddy Thiriet. La Romanie Vénicienne au Moyen âge. Le développement et l'exploitation du domaine colonial vénitien (XII—XV siècles).— ВВ, 1961, XIX, с. 329—350.
74. *Сюсюмов М. Я.* Византийский город (середина VII — середина IX в.). — ВВ, 1967, XXVII, с. 38—70.
75. *Сюсюмов М. Я.* К вопросу о характере выступления зилотов в 1342—1349 г.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 15—37.
76. *Сюсюмов М. Я.* Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории. (В порядке дискуссии).— ВВ, 1969, XXIX, с. 32—44.
77. *Сюсюмов М. Я.* Основные направления историографии истории Византии иконоборческого периода.— ВВ, 1963, XXII, с. 199—226.
78. *Сюсюмов М. Я.* Рец. на: Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм.— ВВ, 1964, XXV, с. 236—243.
79. *Сюсюмов М. Я.* Рец. на: А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв.— ВВ, 1962, XXI, с. 209—217.
80. *Сюсюмов М. Я.* Рец. на: Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.).— ВВ, 1964, XXV, с. 243—249.
81. *Сюсюмов М. Я.* Рец. на: Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв.— ВВ, 1963, XXII, с. 298—304.
82. *Сюсюмов М. Я.* Рец. на: З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в.— ВВ, 1961, XIX, с. 283—293.
83. *Талис Д. Л.* Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет.— ВВ, 1961, XIX, с. 240—259.
84. *Талис Д. Л.* Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья.— ВВ, 1961, XVIII, с. 54—73.
85. *Тиханова М. А.* Рец. на: А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры.— ВВ, 1961, XIX, с. 294—307.
86. *Тылькова — Заимова В.* Нападение «варваров» на окрестности Солуни в первой половине VI в.— ВВ, 1959, XVI, с. 3—17.
87. *Удальцова З. В.* Законодательные реформы Юстиниана.— ВВ, 1965, XXVI, с. 3—45; 1967, XXVII, с. 3—37.

88. *Удальцова З. В.* Из истории русского буржуазного византиноведения XX века (К. Н. Успенский).— ВВ, 1961, XX, с. 32—63.
89. *Удальцова З. В.* Мировоззрение византийского историка VI в. Агафия Миринейского.— ВВ, 1969, XXIX, с. 153—176.
90. *Удальцова З. В.* Мировоззрение Аммиана Марцеллина.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 38—59.
91. *Удальцова З. В.* О мировоззрении византийского историка VI в. Евагрия.— ВВ, 1969, XXX, с. 63—72.
92. *Удальцова З. В.* Положение рабов в Византии VI в. (преимущественно по данным законодательства Юстиниана).— ВВ, 1964, XXIV, с. 3—34.
93. *Фихман И. Ф.* К развитию патрониев в византийском Египте.— ВВ, 1969, XXIX, с. 45—52.
94. *Франчес Э.* Византийское государство и левобережье Дуная в VI в.— ВВ, 1961, XX, с. 14—22.
95. *Франчес Э.* Народные движения осенью 1354 г. в Константинополе и отречение Иоанна Кантакузина.— ВВ, 1964, XXV, с. 142—147.
96. *Фрейденберг М. М.* О феодальной вотчине в Византии XI—XII вв.— ВВ, 1961, XVIII, с. 8—29.
97. *Фрейденберг М. М.* Рец. на: Г. Л. Курбатов. Византия в VI столетии.— ВВ, 1963, XXII, с. 319—321.
98. *Фрейденберг М. М.* Рец. на: J. M. Hussey. The Byzantine World.— ВВ, 1959, XVI, с. 287—293.
- 98а. *Шитиков М. М.* Константинополь и венецианская торговля в первой половине XV в. по данным книги счетов Джакомо Бадоера (Деловые круги Константинополя).— ВВ, 1969, XXX, с. 48—62.
99. *Шапов Я. Н.* Рец. на: F. Dvornik. Byzantine Political Ideas in Kievan Russia.— ВВ, 1959, XVI, с. 293—300.
100. *Юзбашли К. Н.* «Варяги» и «прония» в сочинении Аристархоса Ластивертци.— ВВ, 1959, XVI, с. 14—28.
101. *Якобсон А. Л.* О некоторых спорных вопросах истории раннесредневекового Херсонеса. (По поводу статьи Д. Л. Талиса «Вопросы периодизации истории Херсонеса в эпоху раннего средневековья»).— ВВ, 1964, XXIV, с. 226—229.
102. *Якобсон А. Л.* О численности населения средневекового Херсонеса.— ВВ, 1961, XIX, с. 154—165.
103. Аннот. к: Вопросы истории славян. Вып. I.— ВВ, 1964, XXV, с. 273.
104. Аннот. к: Два сборника статей Ф. Дэльгера.— ВВ, 1964, XXIV, с. 248—249.
105. Аннот. к: Иоанн Итал. Сочинения. Редакция и предисловие Н. Н. Кечакмадзе.— ВВ, 1969, XXX, с. 273—274.
106. Аннот. к: С. Линев. За генезиса на феодализма в България.— ВВ, 1964, XXV, с. 270—271.
107. Аннот. к: Одиннадцать сборников по истории Венеции.— ВВ, 1969, XXX, с. 275—276.
108. Аннот. к: Н. П. Соколов. Образование венецианской колониальной империи.— ВВ, 1964, XXV, с. 271—272.
109. Аннот. к: H. Antoniadis-Bibicou. Recherches sur les douanes à Byzance.— ВВ, 1964, XXV, с. 267—269.
110. Аннот. к: H. Ahrweiler. Byzance et la mer.— ВВ, 1969, XXIX, с. 316—317.
- 110а. Аннот. к: H.-G. Beck, Konstantinopel. Zum Sozialgeschichte einer früh-mittelalterlichen Hauptstadt.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 293—296.
111. Аннот. к: J. Bompaire. Actes de Xéropotamou.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 291—292.
112. Аннот. к: Conciliorum oecumenicorum decreta.— ВВ, 1964, XXV, с. 263—264.
113. Аннот. к: Deno J. Geanakoplos. Byzantine East and Latin West to Worlds of Christendom in Middle Ages and Renaissance.— ВВ, 1969, XXX, с. 287—289.
114. Аннот. к: J. Dujčev. Les slaves et Byzance.— ВВ, 1963, XXIII, с. 296—297.
115. Аннот. к: Eustazio di Tessalonica. La espugnazione di Tessalonica.— ВВ, 1964, XXIV, с. 254—257.
116. Аннот. к: H. Evert-Kappesowa. Studia nad historia wsi bizantyńskiej w VII—IX wieku.— ВВ, 1965, XXVI, с. 283—286.
117. Аннот. к: E. Francès. La disparition des corporations byzantines.— ВВ., 1968, XXVIII, с. 293—296.
118. Аннот. к: P. Gautier. Le discours de Théophylacte de Bulgarie à l'autocrator Alexis I-er Comnène (6 janvier 1088).— ВВ, 1964, XXV, с. 269—270.
119. Аннот. к: H. Glykatzis — Ahrweiler. La concession des droits incorporels. Donations conditionnelles.— ВВ, 1967, XXVII, с. 344—346.
120. Аннот. к: Ph. Grierson. Coinage and Money in the Byzantine Empire. 498 — 1090.— ВВ, 1964, XXIV, с. 258.
121. Аннот. к: A. Guillou. Les actes grecs de s. Maria di Messina.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 291—292.
122. Аннот. к: H. Hunger. Reich der neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur.— ВВ, 1969, XXX, с. 276—278.

123. АННОТ. К: H. Hunger und K. Vogel. Ein byzantinisches Rechenbuch des 15. Jahrhunderts.— BB, 1965, XXVI, c. 281—282.
124. АННОТ. К: R. Jenkins. Byzantium: the Imperial Centuries ad. 640—1071.— BB, 1969, XXX, c. 289—291.
125. АННОТ. К: O. Jurewicz. Andronik I. Komnenos.— BB, 1964, XXIV, c. 253—254.
126. АННОТ. К: Konstantin i Metodije Solunjani. Jzvori, priredili F. Grivec i F. Tomišić.— BB, 1964, XXV, c. 261—262.
127. АННОТ. К: H. Köpstein. Zur Sklaverei im ausgehenden Byzanz.— BB, 1969, XXIX, c. 315—316.
128. АННОТ. К: B. Krekič. Dubrovnik (Raguse) et Levant au Moyen âge.— BB, 1963, XXIII, c. 301—302.
129. АННОТ. К: A. Kriesis. Greek Town Biding.— BB, 1968, XXVIII, c. 293—296.
130. АННОТ. К: P. Lemerle. La Chronique improprement dite de Monemvasie: Le contexte historique et légendaire.— BB, 1965, XXVI, c. 280—281.
131. АННОТ. К: P. Lemerle. Thomas de Slave — «Centre de recherche d'histoire et civilisation byzantines. Travaux et memoires».— BB, 1969, XXX, c. 278—280.
132. АННОТ. К: S. Mazzarino. Si può parlare di rivoluzione sociale alla fine del mondo antico? — BB, 1964, XXV, c. 262—263.
133. АННОТ. К: Gy. Moravcsik. Ἀνάγνωμον ἀφισρωτικὸν ποίημα παρὶ τοῦ αὐτοκράτορος Βασιλείου Α. Εἰς μνήμην Κ. Ι. Ἀμάντου.— BB, 1963, XXIII, c. 300—301.
134. АННОТ. К: Gy. Moravcsik. Sagen und Legenden über Kaiser Basileios I.— BB, 1963, XXIII, c. 300—301.
135. АННОТ. К: O. Maull. Der Einfluss geographischer Faktoren auf die Geschichte des Byzantinischen Reiches.— BB, 1965, XXVI, c. 282—283.
136. АННОТ. К: D. M. Metcalf. The Slavonic Threat to Greece circa 580: Some evidence from athens.— BB, 1965, XXVI, c. 286—287.
137. АННОТ. К: Procopii Caesariensis opera omnia recognovit Jacobus Haury, addenda et corrigenda adiecit Gerhard Wirth.— BB, 1968, XXVIII, c. 292—293.
138. АННОТ. К: Pseudo-Kodinos. Traité des offices. Introduction, texte et traduction par I. Verpeaux.— BB, 1969, XXX, c. 281.
139. АННОТ. К: A. V. Riasanovsky. The Embassy of 838 Revisited: Some comments in connection with a «Normanist» source on early Russian history.— BB, 1964, XXV, s. 258—259.
140. АННОТ. К: G. L. Seidler. Soziale Ideen in Byzanz.— BB, 1963, XXIII, c. 297—299.
141. АННОТ. К: I. Sevčenko. Etudes sur la polémique entre Théodore Métochite et Nicéphore Choumnos.— BB, 1964, XXIV, c. 257.
142. АННОТ. К: I. Sorlin. Les traités de Byzance avec la Russie au X-e siècle.— BB, 1964, XXIV, c. 251—252.
143. АННОТ. К: T. Talbot Rice. Every day Life in Byzantium.— BB, 1969, XXX, c. 286—287.
144. АННОТ. К: F. Thiess. Die Griechischen Keiser. Die Geburt Europas.— BB, 1964, XXIV, c. 250.
- 144a. АННОТ. К: P. Tivchev. The War between Cyprus and Genoa in 1373—1374 and the Participation of Bulgarians in it.— BB, 1969, XXX, c. 174—275.
145. АННОТ. К: L. Vâradý. Contributions to the Late Roman Military Economy and Agrarian Taxation.— BB, 1964, XXV, c. 265.
146. АННОТ. К: L. Vranoussis. Deux historiens Byzantins qui n'ont jamais existé: Comnénos et Proclos.— BB, 1969, XXX, c. 284—285.
147. АННОТ. К: S. Vryonis. Byzantine Δημοκρατία and the guilds in the Eleventh Century.— BB, 1968, XXVIII, c. 293—296.
148. АННОТ. К: S. Vryonis. The Question of the Byzantine Mines.— BB, 1964, XXV, c. 259—261.
149. АННОТ. К: W. Wołska. La Topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustès Théologie et Science au VIe siècle.— BB, 1964, XXV, c. 264—265.
150. АННОТ. К: P. Wirth. Untersuchungen zur byzantinischen Rhetorik des zwölften Jahrhunderts mit besonderer Berücksichtigung der Schriften des Erzbischofs Euthathios von Thessalonike.— BB, 1963, XXIII, c. 304—306.

Право

151. Леман Н. Н. Обзор работ проф. Д. С. Ангелова и проф. М. Н. Андреева по истории Болгарского государства и права феодального периода.— BB, 1961, XIX, c. 319—329.
152. Мурьянов М. Ф. Пять рукописей Корпуса Юстиниана в Собрании Ленинградского университета.— BB, 1967, XXVII, c. 306—309.
153. Наумов Е. П. Некоторые проблемы истории законодательства в Сербо-Греческом царстве. (О новом издании Законника царя Стефана Душана).— BB, 1965, XXVI, c. 271—277.
154. АННОТ. К: М. Н. Андреев. Ватопедската грамота и въпросите на българското феодално право.— BB, 1968, XXVIII, c. 289—291.
155. АННОТ. К: N. G. Svoronos. La Synopsis Major des Basiliques et ses appendices.— BB, 1967, XXVII, c. 339—340.

Археология

156. *Джанполадян Р. М.* Два стеклянных сосуда из Новогрудка.— ВВ, 1961, XIX, с. 166—171.
157. *Кауфман С. А.* Раннехристианская археология в ультракатолическом освещении. (P. Testini. Archeologia cristiana).— ВВ, 1964, XXIV, с. 229—241.
158. *Кауфман С. А.* Рец. на: A. Khatchatrian. Les baptistères paléochrétiens (Plans, Notices et Bibliographie).— ВВ, 1964, XXV, с. 249—257.
159. *Трапш М. М.* Археологические раскопки в Анакопии в 1957—1958 гг.— ВВ, 1961, XIX, с. 260—282.
160. *Яковсон А. Л.* Средневековые сельские поселения Юго-Западного Крыма.— ВВ, 1962, XXI, с. 165—177.
161. *Аннот. к: Керамика и стекло древней Тмутаракани.*— ВВ, 1965, XXVI, с. 287—289.

Топография

162. *Медведев И. П.* Вопросы истории византийского города на научной сессии в Ленинграде.— ВВ, 1969, XXX, с. 312—315.
163. *Медведев И. П.* Из истории Мистры.— ВВ, 1967, XXVII, с. 131—141.

Источникведение и публикации

164. *Бартикан Р. М.* Некоторые уточнения к переводу сочинения Иоанна Камениаты «Взятие Фессалоники».— ВВ, 1961, XIX, с. 315—319.
165. *Бартикан Р. М.* Петр Сицилийский и его «История Павликиан».— ВВ, 1961, XVIII, с. 323—358.
166. *Бегунов Ю. К.* К изучению истории текста «Беседы на новоявившуюся ересь Богомилу» болгарского писателя X в. Козмы Пресвитера.— ВВ, 1969, XXX, с. 166—189.
167. *Брайчевский М. Ю.* По поводу одного места из Константина Багрянородного.— ВВ, 1960, XVII, с. 144—154.
168. *Браунинг Р.* Новые издания неопубликованных византийских источников.— ВВ, 1963, XXIII, с. 69—84.
169. *Гумилев Л. Н.* Великая распря в Первом Тюркском каганате в свете византийских источников.— ВВ, 1961, XX, с. 75—89.
170. *Гумилев Л. Н.* Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокатты и в действительности.— ВВ, 1965, XXVI, с. 67—76.
171. *Каждан А. П.* Два новых византийских памятника XII столетия.— ВВ, 1964, XXIV, с. 58—90.
172. *Каждан А. П.* Критические заметки по поводу изданий византийских памятников.— ВВ, 1961, XVIII, с. 275—287.
173. *Кучкин В. А.* Один из источников Еллинского летописца второго вида.— ВВ, 1967, XXVII, с. 319—324.
174. *Лебедева И. Н.* Списки хроники Псевдо-Дорофея в собраниях Советского Союза.— ВВ, 1965, XXVI, с. 100—109.
175. *Литавин Г. Г.* 'Ο πάππος τοῦ Κεχαριμένου — ὁ ἐχθρὸς τῆς Ῥωμανίης (Реплика).— ВВ, 1968, XXVIII, с. 151—158.
176. *Лихачева В. Д.* Четвероевангелие XI в. в собрании Ленинградской Публичной библиотеки.— ВВ, 1961, XIX, с. 144—153.
177. *Лишев С.* Термин «работник» в Рильской, Мрачской и Виргинской грамотах XIV в.— ВВ, 1964, XXIV, с. 198—201.
178. *Любарский Я. Н., Сыркин А. Я.* Рец. на: Две византийские хроники X в. «Псаммафийская хроника». Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники.— ВВ, 1961, XIX, с. 307—314.
179. *Любарский Я. Н.* Об источниках «Алексиады» Анны Комниной.— ВВ, 1964, XXV, с. 99—120.
180. *Матве М. Э., Фихман И. Ф.* Рец. на: П. В. Ернштедт. Коптские тексты Гос. Эрмитажа; Коптские тексты Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.— ВВ, 1962, XXI, с. 218—225.
181. *Меликсет-Бек Л. М.* Об армяно-грузино-латино-русской версиях греческих гомилий, связываемых с именем Иоанна Златоуста.— ВВ, 1960, XVII, с. 70—77.
182. *Мошин В. А.* Сербская редакция «Синодика в неделю православия». Анализ текстов.— ВВ, 1959, XVI, с. 317—394; 1960, XVII, с. 278—356; 1961, XVIII, с. 359—360.
183. *Нунубидзе Ш. И.* О начальных источниках «Книги о причинах» (Liber de causis).— ВВ, 1961, XX, с. 156—163.
184. *Половой Н. И.* К вопросу о первом походе Игоря против Византии (Сравнительный анализ русских и византийских источников).— ВВ, 1961, XVIII, с. 85—104.
185. *Прончатов Н. Ф.* О значении термина «изременани» в Новгородской летописи.— ВВ, 1967, XXVII, с. 325—327.
186. *Прохоров Г. М.* Публицистика Иоанна Кантакузина 1367—1371 гг.— ВВ, 1969, XXIX, с. 318—341.

187. Самодурова З. Г. К вопросу о малых византийских хрониках (По рукописям московских собраний).— ВВ, 1962, XXI, с. 127—147.
188. Самодурова З. Г. Малые византийские хроники и их источники.— ВВ, 1967, XXVII, с. 153—161.
189. Самодурова З. Г. Хроника Петра Александрийского.— ВВ, 1961, XVIII, с. 150—197.
190. Синицына Н. В. Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей (1518—1519 г.).— ВВ, 1965, XXVI, с. 110—136.
191. Сюзюмов М. Я. Рец. на: Bilderstreit und Arabersturm in Byzanz. Das 8. Jahrhundert (717—813) aus der Weltchronik des Theophanes übersetzt, eingeleitet und erklärt von Leopold Breyer.— ВВ, 1960, XVII, с. 257—260.
192. Фонкич Б. Л. Иерусалимский патриарх Досифей и его рукописи в Москве.— ВВ, 1969, XXIX, с. 275—299.
193. Фрейденберг М. М. Труд Иоанна Киннама как исторический источник.— ВВ, 1959, XVI, с. 29—51.
194. Хвостова Р. В. Рец. на: F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. Bearbeitet von F. Dölger.— ВВ, 1963, XXIII, с. 268—273.
195. Щапова Ю. Л. Древнерусские стеклянные изделия как источник для истории русско-византийских отношений в XI—XII вв.— ВВ, 1961, XIX, с. 60—75.
196. Аннот. к: Г. В. Абгарян. «История Себеоса» и проблема анонима.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 287—288.
197. Аннот. к: Анна Комнина. Алексиада. Вступительная статья, перевод, комментарий Я. Н. Любарского.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 286—287.
198. Аннот. к: «Армянская книга канонов», т. I. Предисловие, научно-критический текст и примечания В. Акопяна.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 288—289.
199. Аннот. к: Киракос Гандзакеди. История Армении. Текст подготовил и снабдил предисловием К. А. Мелик-Оганджян.— ВВ, 1963, XXIII, с. 296.
200. Аннот. к: Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. Введение, перевод с греческого и комментарии Е. Э. Липшиц.— ВВ, 1963, XXIII, с. 295—296.
201. Богомолов И. Аннот. к: Роман Миминошвили. Грузинские переводы «Изложения». Иоанна Дамаскина.— ВВ, 1969, XXIX, с. 312—313.
202. Аннот. к: Повествование Аристакаса Ластивертци. Текст подготовил и снабдил предисловием К. Н. Юзбашян.— ВВ, 1964, XXV, с. 274.
203. Аннот. к: Сведения византийских писателей о Грузии, т. V. Греческие тексты с грузинским переводом издал и примечаниями снабдил С. Г. Каухчишвили.— ВВ, 1965, XXVI, с. 278—279.
204. Аннот. к: А. Я. Сыркин. Поэма о Дигенисе Акрите.— ВВ, 1967, XXVII, с. 337—339.
205. Аннот. к: Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, vol. II: Commentary.— ВВ, 1967, XXVII, с. 335—337.
206. Аннот. к: J. Darrouzès. Documents inédits d'ecclésiologie Byzantine.— ВВ, 1969, XXX, с. 281—284.
207. Аннот. к: Guillaume de Pouille. Le Geste de Robert Guiscard, édition, traduction, commentaire par M. Mathieu avec une préface de H. Grégoire.— ВВ, 1964, XXV, с. 266—267.
208. Аннот. к: The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci, translated by C. J. F. Dowsett.— ВВ, 1967, XXVII, с. 353—354.
209. Аннот. к: D. M. Metcalf. The Aegean Coastlands under Threat: Some coins and coin hoards from the reign of Heraclius.— ВВ, 1966, XXVI, с. 286—287.
210. Аннот. к: E. Sargologos. La vie de saint Cyrille le Philéote moine Byzantin.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 302—304.
211. Аннот. к: Syméon le Nouveau Théologien. Catéchèses, t. I—III.— ВВ, 1967, XXVII, с. 340—344.

Византия и южные славяне

212. Ангелов Д. Рец. на: А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин. Очерки истории Византии и южных славян.— ВВ, 1960, XVII, с. 226—236.
213. Богдан Д. П. О византизмах в славяно-румынских текстах.— ВВ, 1963, XXIII, с. 57—68.
214. Брайчевский М. Ю. Проблема славяно-византийских отношений до IX века в советской литературе последних лет.— ВВ, 1963, XXII, с. 80—99.
215. Брайчевский М. Ю. К истории расселения славян на византийских землях.— ВВ, 1961, XIX, с. 120—137.
216. Кондов Н. К. К вопросу о системе полеводства в болгарских и соседних с ними землях Балканского полуострова в средние века.— ВВ, 1961, XX, с. 3—13.
217. Липшиц Е. Э. К истории «Земледельческого закона» в Византии и в средневековых балканских государствах.— ВВ, 1969, XXIX, с. 53—62.
218. Литаврин Г. Г. Рец. на: Г. Данкова-Петкова. За аграрните отношения в средновековна България XI—XIII в.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 260—266.

219. Лишев С. О работе семинара по проблемам болгарского феодализма в XIII—XIX вв.— ВВ, 1961, XX, с. 310—314.
220. Наумов Е. П. К истории сербо-византийской границы во второй половине XIV в.— ВВ, 1964, XXV, с. 231—234.
221. Наумов Е. П. Новая работа по истории сербо-византийских отношений в XIV в. (Рец. на монографию Т. А. Острогорского «Серрская область после смерти Душана»).— ВВ, 1969, XXIX, с. 304—307.
222. Петров П. Хр. О титулах «севаст» и «протосеваст» в средневековом болгарском государстве.— ВВ, 1959, XVI, с. 52—64.
223. Тивчев П. Изучение истории Византии и средневековой Болгарии в Народной Республике Болгарии в 1954—1957 гг.— ВВ, 1959, XVI, с. 300—307.
224. Францес Э. Византиноведение в Румынской Народной Республике (1948—1958).— ВВ, 1959, XVI, с. 308—316.
225. Фрейденберг М. М. К истории общины на Балканах (Проблемы общины в югославской историографии).— ВВ, 1962, XXI, с. 198—209.
226. Фрейденберг М. М. Рец. на: Д. Ангелов. «Аграрните отношения в Северна и Средна Македония през XIV в.»— ВВ, 1960, XVII, с. 241—249.
227. Цанкова-Петкова Г. Восстановление болгарского патриаршества в 1235 г. и международное положение Болгарского государства.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 136—150.
228. Цанкова-Петкова Г. Социальный состав населения болгарских земель в период византийского господства.— ВВ, 1963, XXIII, с. 3—22.
229. Цанкова-Петкова Г. Феодальная рента в болгарских землях под византийским владычеством.— ВВ, 1961, XIX, с. 3—25.
230. Цанкова-Петкова Г. О территории Болгарского государства в VII—IX вв.— ВВ, 1960, XVII, с. 124—143.
231. Цончев Д. К изучению особенностей строительства болгарских и византийских крепостей эпохи развитого феодализма.— ВВ, 1961, XVIII, с. 206—215.
232. Шустрович Э. М. Древнеславянский перевод хроники Иоанна Малалы (История изучения).— ВВ, 1969, XXX, с. 136—152.
233. Аннот. к: Д. Ангелов. Богомилството в България.— ВВ, 1963, XXIII, с. 299—300.
234. Аннот. к: Ю. В. Бромлей. Становление феодализма в Хорватии (К изучению процесса классообразования у славян).— ВВ, 1969, XXIX, с. 311—312.
235. Аннот. к: Гръцки извори за българската история, т. II, III, IV.— ВВ, 1964, XXIV, с. 247—248.
236. Аннот. к: Byzantinobulgaria, I.— ВВ, 1964, XXIV, с. 242—243.

Култура, литература, фольклор

237. Арутюнова В. А. К вопросу об «*ἄνθρακας*» в «Типике» Григория Пакуриана.— ВВ, 1969, XXIX, с. 63—76.
238. Бартикян Р. М. Заметки о византийском эносе о Дигенисе Акрите.— ВВ, 1964, XXV, с. 148—166.
239. Иванов А. И. К вопросу о нестяжательских взглядах Максима Грека.— ВВ, 1969, XXIX, с. 135—147.
240. Каждан А. П. Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский.— ВВ, 1967, XXVII, с. 78—106; 1968, XXVIII, с. 60—84; 1969, XXIX, с. 177—195.
241. Каждан А. П. Григорий Антиох. Жизнь и творчество одного чиновника.— ВВ, 1965, XXVI, с. 77—99.
242. Каждан А. П. Никифор Хрисоверг и Николай Месарит. Опыт сравнительной характеристики.— ВВ, 1969, XXX, с. 94—112.
243. Казакова Н. А. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека.— ВВ, 1968, XVIII, с. 109—126; 1969, XXIX, с. 108—135.
244. Кечакмадзе Н. Н. Грамматико-логический трактат Иоанна Итала.— ВВ, 1967, XXVII, с. 197—205.
245. Копыленко М. М. Из исследований о языке славянских переводов памятников византийской литературы. (Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Александрии»).— ВВ, 1959, XVI, с. 82—91.
246. Копыленко М. М. О языке древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (Глагольно-именные фразеологизмы).— ВВ, 1961, XX, с. 164—183.
247. Копыленко М. М. Рукописная греческая грамматика братьев Лихудов.— ВВ, 1960, XVII, с. 85—92.
248. Любарский Я. Н. Критский поэт Стефан Сахликис.— ВВ, 1959, XVI, с. 65—81.
249. Любарский Я. Н. Михаил Пселл. Личность и мировоззрение. (Некоторые итоги изучения проблемы).— ВВ, 1969, XXX, с. 73—93.
250. Любарский Я. Н. Рец. на: Дигенис Акрит. Перевод, статьи и комментарий А. Я. Сыркина.— ВВ, 1963, XXII, с. 321—324.

251. *Меликсет-Бек Л. М.* Из истории армяно-византийских отношений. («Маврикийевы легенды» в памятниках культуры древней Армении).— ВВ, 1961, XX, с. 64—74.
252. *Мецкерский Н. А.* К вопросу о византийско-славянских литературных связях.— ВВ, 1960, XVII, с. 57—69.
253. *Мецкерский Н. А.* К истории текста славянской книги Еноха. (Следы памятников Кумрана в византийской и старославянской литературе).— ВВ, 1964, XXIV, с. 91—108.
254. *Нущубидзе Ш. И.* К происхождению греческого романа «Варлаам и Иоасаф». (Обзор критических замечаний).— ВВ, 1960, XVII, с. 250—257.
255. *Полякова С. В.* К вопросу о датировке романа Евматия Макремволита.— ВВ, 1969, XXX, с. 113—123.
256. *Соколова Т. М.* Михаил Апплухир и его «Δριάτιον».— ВВ, 1969, XXX, с. 124—131.
257. *Сыркин А. Я.* К истории изучения «Дигениса Акрита».— ВВ, 1960, XVII, с. 203—226.
258. *Сыркин А. Я.* Некоторые проблемы византийского эпоса.— ВВ, 1961, XIX, с. 97—119.
259. *Сыркин А. Я.* Об историчности персонажей «Дигениса Акрита».— ВВ, 1961, XVIII, с. 124—149.
260. *Сыркин А. Я.* Сведения «Дигениса Акрита» о византийском быте и памятниках материальной культуры.— ВВ, 1962, XXI, с. 148—164.
261. *Сыркин А. Я.* Социально-политические идеи эпоса о Дигенисе.— ВВ, 1961, XX, с. 129—155.
262. *Фонкич Б. Л.* О рукописной основе текста Альдовского издания трагедий Софокла.— ВВ, 1964, XXIV, с. 109—120.
263. *Шульц Ю. Ф.* Паллад Александрийский.— ВВ, 1964, XXIV, с. 259—289.
264. Эпиграммы Павла Силенциария и Македония Консула.— ВВ, 1969, XXX, с. 292—311.
265. Аннот. к: С. Г. Каухчишвили. История византийской литературы.— ВВ, 1967, XXVII, с. 334—335.
266. Аннот. к: Н. Hunger. Prooimion Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 298—300.
267. Аннот. к: G. Karlsson. Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie Byzantine.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 298—300.
268. Аннот. к: Romanos le melode. Hymnes. Préface de P. Lemerle. Introd., texte critique, traduction et notes de I. Grosdidier de Matons.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 304—306.
269. Аннот. к: Sancti Romani melodi cantica. Cantica genuina. Ed. by P. Maas and C. A. Trypanis. Introd. by C. A. Trypanis.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 304—306.

Искусство (архитектура, живопись, мозаика, иконография)

270. *Антонова В. И.* К вопросу о первоначальной композиции иконы Владимирской Богоматери.— ВВ, 1961, XVIII, с. 198—205.
271. *Банк А. В.* Два памятника мелкой пластики из Фессалоники.— ВВ, 1969, XXIX, с. 265—268.
272. *Банк А. В.* Несколько византийских камней из собрания Гос. Эрмитажа.— ВВ, 1959, XVI, с. 206—215.
273. *Банк А. В.* Международная выставка византийского искусства в Эдинбурге — Лондоне.— ВВ, 1960, XVII, с. 366—372.
274. *Банк А. В.* Труды по византийскому искусству в Dumbarton Oaks Papers.— ВВ, 1963, XXII, с. 260—279.
275. *Банк А. В.* Рец. на: J. Beckwith. The Art of Constantinople. An introduction to byzantine art.— ВВ, 1963, XXIII, с. 286—290.
276. *Белоброва О. А.* Статуя византийского императора Юстиниана в древнерусских письменных источниках и иконографии.— ВВ, 1960, XVII, с. 114—123.
277. *Брунов Н. И.* К вопросу о средневизантийской архитектуре Константинополя.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 159—191.
278. *Вагнер Г. К.* К судьбам византийского наследия во владими́ро-суздальской пластике.— ВВ, 1964, XXIV, с. 121—138.
279. *Вагнер Г. К.* Легенда о семи спящих эфесских отроках и ее отражение во владими́ро-суздальском искусстве.— ВВ, 1963, XXIII, с. 85—104.
280. *Вагнер Г. К., Воронин Н. Н.* Рец. на: Р. О. Шмерлинг. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 266—273.
281. *Вздорнов Г. И.* Иллюстрации к хронике Георгия Амартола.— ВВ, 1969, XXX, с. 205—225.
282. *Голейзовский Н. К.* Заметки о творчестве Феофана Грека.— ВВ, 1964, XXIV, с. 139—149.
283. *Голейзовский Н. К.* Исихазм и русская живопись XIV—XV вв.— ВВ, 1969, XXIX, с. 196—210.

284. *Голейзовский Н. К.* «Послание иконописцу» и отголоски исихазма в русской живописи на рубеже XV—XVI вв.— ВВ, 1965, XXVI, с. 219—238.
285. *Джантоладян Р. М.* Новые материалы по истории византийского стеклоделия.— ВВ, 1967, XXVII, с. 248—257.
286. *Жеребцов Е. Н.* К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса.— ВВ, 1963, XXIII, с. 205—213.
287. *Закарян П. П., Лекинадзе В. А.* Шухутская баня.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 225—237.
288. *Залеская В. Н.* Часть бронзового креста-складня из Херсонеса.— ВВ, 1964, XXV, с. 167—175.
289. *Измайлова Т. А.* К вопросу об иллюстрациях рукописи греч. 210 Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— ВВ, 1969, XXX, с. 190—194.
290. *Измайлова Т. А.* Образ богини в армянских миниатюрах XI в.— ВВ, 1967, XXVII, с. 205—228.
291. *Измайлова Т. А.* Рец. на: Л. Р. Азарян. Киликийская миниатюра XII—XIII вв.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 274—283.
292. *Измайлова Т. А.* Рец. на: Miniatures arméniennes. Texte et notes de Lidia A. Dourpovo.— ВВ, 1963, XXIII, с. 290—294.
293. *Ильин М. А.* Изображение иерусалимского храма на иконе «Вход в Иерусалим» Благовещенского собора (К вопросу о художественных взаимоотношениях Феофана Грека и Андрея Рублева).— ВВ, 1960, XVII, с. 105—113.
294. *Какошкин А. Я.* К вопросу о скверском складне 1293 г.— ВВ, 1969, XXX, с. 195—204.
295. *Кауфман С. А.* Архитектура средневековья в трудах югославских ученых.— ВВ, 1963, XXII, с. 324—337.
296. *Кауфман С. А.* О взаимосвязях ранневизантийских сводчатых покрытий с позднеримскими.— ВВ, 1961, XX, с. 184—224.
297. *Кауфман С. А.* Рец. на: The Great Palace of the Byzantine Emperors. Second report, edited by D. Talbot Rice.— ВВ, 1962, XXI, с. 233—252.
298. *Кресальский Н. И.* Новые исследования северо-западной башни Софии Киевской.— ВВ, 1969, XXX, с. 211—231.
299. *Лазарев В. Н.* Константинополь и национальные школы в свете новых открытий.— ВВ, 1960, XVII, с. 93—101.
300. *Лазарев В. Н.* Рец. на: Hugo Buchthal. Miniature painting in the Latin Kingdom of Ierusalem.— ВВ, 1960, XVII, с. 273—277.
301. *Лазарев В. Н.* Рец. на: Paul A. Underwood. The Kariye Djami Vol. 1. Historical introduction and description of the Mosaics and Frescoes, 321 pp.; Vol. 2. The Mosaics; Vol. 3. The Frescoes.— ВВ, 1969, XXX, с. 262—267.
302. *Левицкая В. И.* Материалы исследования палитры мозаик Софии Киевской.— ВВ, 1963, XXIII, с. 105—157.
303. *Лекинадзе В. А.* Материалы по истории и архитектуре Апсарской крепости.— ВВ, 1961, XX, с. 225—242.
304. *Лихачева В. Д.* Роль бытовых реалий и пейзажа в миниатюрах рукописи Гос. Публичной библиотеки. Гр. № 243.— ВВ, 1967, XXVII, с. 229—242.
305. *Лихачева В. Д.* Художественная функция бытовых предметов в иконе «Троица» Гос. Эрмитажа. (К вопросу о развитии элементов реализма в византийской живописи).— ВВ, 1965, XXVI, с. 239—247.
306. *Лихачева В. Д.* Рец. на: Милко Бичев. Стенописате в Иваново.— ВВ, 1969, XXX, с. 259—262.
307. *Мацулевич Л. А.* Мозаики Бир-аль-Кута и Пицунды.— ВВ, 1961, XIX, с. 138—143.
308. *Овчинникова Е. С.* Миниатюрная мозаика из собрания Гос. Исторического музея.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 207—224.
309. *Попов А. Н.* Являются ли остатки каменных балок в стене северной церкви Фенари-Исса в Стамбуле остатками опор балкона? — ВВ, 1968, XXVIII, с. 192—194.
310. *Постникова-Лосева М. М.* К вопросу об отражении византийской художественной культуры в золотом и серебряном деле Древней Руси. (Серебряный оклад иконы Дмитрия Солунского 1586 г.).— ВВ, 1969, XXX, с. 233—242.
311. *Ротач А. Л.* К изучению мозаичного пола крестообразного храма в Херсонесе.— ВВ, 1967, XXVII, с. 328—333.
312. *Сивак С.* Рец. на: G. Mathew. Byzantine aesthetics.— ВВ, 1969, XXX, с. 267—272.
313. *Смирнова Э. С.* Рец. на: В. Н. Лазарев. Фрески Старой Ладogi.— ВВ, 1964, XXIV, с. 219—226.
314. *Стоякович А.* Об изучении архитектурных форм на материале некоторых русских икон.— ВВ, 1961, XVIII, с. 116—123.
315. *Филатов В.* Портативная мозаика «Св. Николай» Киевского музея.— ВВ, 1969, XXX, с. 226—232.
316. *Хускивадзе Л. З.* Византийская пластина слоновой кости из церкви Корого.— ВВ, 1967, XXVII, с. 258—267.

317. *Шелковников Б. А.* Стекло Киевской Руси X—XIII веков.— ВВ, 1959, XVI, с. 114—126.
318. *Шуринова Р. Д.* Коптская ткань V—VI вв. с изображением святого.— ВВ, 1967, XXVII, с. 243—247.
319. *Якобсон А. Л.* К изучению раннесредневековой болгарской архитектуры (армянские параллели).— ВВ, 1968, XXVIII, с. 195—206.
320. Аннот. к: Л. Р. Азарян. Киликийская миниатюра XII—XIII вв.— ВВ, 1967, XXVII, с. 352—353.

Нумизматика

321. *Абрамишвили Т. Я.* Нокалаевский клад.— ВВ, 1963, XXIII, с. 158—165.
322. *Абрамишвили Т. Я.* Клад монет из Двири.— ВВ, 1961, XVIII, с. 226—235.
323. *Голенко К. В.* К некоторым вопросам хронологии монет позднего Боспора.— ВВ, 1964, XXV, с. 176—183.
324. *Голенко К. В.* Клад византийских монет VII в., найденный близ Анапы.— ВВ, 1965, XXVI, с. 162—165.
325. *Голенко К. В.* Клад монет из села Тобаниери.— ВВ, 1959, XVI, с. 127—172.
326. *Голенко К. В.* Клад позднебоспорских монет, найденный в Керчи в 1961 г.— ВВ, 1967, XXVII, с. 268—272.
327. *Голенко К. В.* Монеты из раскопок Анаконийской крепости в 1957—1958 гг.— ВВ, 1964, XXIV, с. 159—165.
328. *Голенко К. В.* Новые материалы к изучению таманских подражаний византийским монетам.— ВВ, 1961, XVIII, с. 216—225.
329. *Гилевич А. М.* Новый клад херсоно-византийских монет.— ВВ, 1964, XXIV, с. 150—158.
330. *Камера М. И., Голенко К. В.* Ленинанаканский клад сасанидских и византийских монет (1956 г.)— ВВ, 1961, XIX, с. 172—193.
331. *Кропоткин В. В.* Новые находки византийских монет на территории СССР.— ВВ, 1965, XXVI, с. 166—189.
332. *Маслев Стоян.* О некоторых вопросах, связанных с византийскими памятными монетами.— ВВ, 1961, XVIII, с. 236—253.
333. *Най Ся.* Золотая византийская монета, найденная в могиле периода династии Суй.— ВВ, 1962, XXI, с. 178—182.
334. *Соколова И. В.* Находки византийских монет VI—XII вв. в Крыму.— ВВ, 1969, XXIX, с. 254—264.
335. Аннот. к: A. R. Bellinger, Ph. Grierson. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection, Vol. I.: A. R. Bellinger. Anastasius I to Maurice.— ВВ, 1969, XXX, с. 285—286.

Сигиллография

336. *Шандровская В. С.* Памятники византийской сфрагистики в Эрмитаже.— ВВ, 1969, XXIX, с. 244—253.
337. *Шандровская В. С.* Григорий Каматир и его печать в собрании Гос. Эрмитажа.— ВВ, 1959, XVI, с. 173—182.
338. Аннот. к: V. Laurent. Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin. t. V: L'Eglise, 1: L'Eglise de Constantinople, A: Hiérarchie.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 300—302.

Эпиграфика

339. *Кауцхишвили Т. С.* Греческая надпись из Казрети.— ВВ, 1969, XXIX, с. 269—274.
340. *Скряжинская Е. Ч.* Греческая надпись из Тмуторокани.— ВВ, 1961, XVIII, с. 74—84.
341. *Скряжинская Е. Ч.* Греческая надпись из средневековой Алании (Северный Кавказ).— ВВ, 1962, XXI, с. 118—126.

Медицина

342. Аннот. к: O. Temkin. Byzantine Medicine: Tradition and Empiricism.— ВВ, 1965, XXVI, с. 289—290.

Палеография

343. *Гранстрем Е. Э.* Палимпсесты Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— ВВ, 1960, XVII, с. 78—84.
344. *Гранстрем Е. Э.* Унциальный период византийской письменности.— ВВ, 1969, XXIX, с. 232—243.
345. *Измайлова Т. А.* Армянская рукопись, написанная в Генуе в 1325 г., и ее серебряный оклад 1347 г.— ВВ, 1961, XX, с. 243—258.

346. *Филман И. Ф.* Египетский архив середины IV в. н. э.— ВВ, 1967, XXVII, с. 295—305.
 347. *Фонкич Б. Л.* Греческие писцы эпохи Возрождения.— ВВ, 1965, XXVI, с. 266—271; 1968, XXVIII, с. 283—285.

История церкви, богослужение

348. *Воронин Н. Н.* Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в.— ВВ, 1965, XXVI, с. 190—218.
 349. *Красавина С. К.* Дука и Сфрандзи об унии православной и католической церквей.— ВВ, 1967, XXVII, с. 142—152.
 350. *Лазарев В. Н.* Три фрагмента расписных эпистилиев и византийский темплон.— ВВ, 1967, XXVII, с. 162—196.
 351. *Попля А. В.* Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 85—108; 1969, XXIX, с. 95—104.
 352. *Сюсюмов М. Я.* Рец. на: I. Meyendorff. Introduction à l'Etude de Grégoire Palamas.— ВВ, 1963, XXIII, с. 262—268.
 353. *Хвостова К. В.* Взаимоотношения Хиландарского монастыря и некоторых его метохов в XIV в.— ВВ, 1961, XVIII, с. 30—53.
 354. Аннот. к: R. Browning. The Patriarchal School at Constantinople in the Twelfth century.— ВВ, 1967, XXVII, с. 350—352.
 355. Аннот. к: R. Janin. Le monachisme byzantin au moyen âge. Commende et typica (Xe — XIve siècle).— ВВ, 1967, XXVII, с. 349—350.
 356. Аннот. к: P. Lemerle. L'Orthodoxie byzantine et l'oecuménisme médiéval: les origines du «schisme» des Eglises.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 296—297.
 357. Аннот. к: D. Savramis. Zur Soziologie des byzantinischen Mönchtums.— ВВ, 1967, XXVII, с. 346—349.

Каталоги библиотек

358. *Гранстрем Е. Э.* Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 1—6. Рукописи X—XIV вв.— ВВ, 1959, XVI, с. 216—243; 1961, XVIII, с. 254—274; 1961, XIX, с. 194—239; 1963, XXIII, с. 166—204; 1964, XXIV, с. 166—197; 1964, XXV, с. 184—211; 1967, XXVII, с. 273—294; 1968, XXVIII, с. 238—255.
 359. *Гранстрем Е. Э.* Рец. на: Bibliothèque Nationale, département des manuscrits. Catalogue des manuscrits grecs — 3-me partie.— ВВ, 1961, XXI, с. 230—233.
 360. *Гранстрем Е. Э.* Рец. на: M. Richard. Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs. 2me éd.— ВВ, 1961, XVIII, с. 287—289.
 361. *Измайлова Т. А.* Рец. на: Каталог армянских рукописей библиотеки Честер Битти.— ВВ, 1962, XXI, с. 252—259.
 362. *Скрябинская Е. Ч.* Рец. на: M. E. Colonna. Gli storici bizantini dal IV al XV secolo. 1: Storici profani.— ВВ, 1960, XVII, с. 260—263.
 363. Аннот. к: Каталог рукописей Матенадарана имени Маштоца.— ВВ, 1969, XXIX, с. 314—315.

Агиография

364. *Воронин Н. Н.* «Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения второй половины XII в.— ВВ, 1963, XXIII, с. 23—46.

Византиноведение

365. *Бенедикти Р.* Новые работы по истории Византии, опубликованные в Венгрии в 1955—1960 гг.— ВВ, 1963, XXII, с. 124—126.
 366. *Бенедикти Р.* Византиноведение в Венгрии (1946—1959).— ВВ, 1961, XX, с. 296—310.
 367. *Гранстрем Е. Э., Дворецкая Н. А.* Конференция молодых специалистов — «Вопросы изучения славянского и греческого рукописного наследия» (текстология, палеография, кодикология, источниковедение и др.).— ВВ, 1968, XXVIII, с. 314—318.
 368. *Живойнович М., Николаевич Ч.* Обзор югославских работ по византиноведению в 1957—1961 гг.— ВВ, 1964, XXIV, с. 209—218.
 369. *Ирмшер И.* Развитие византиноведения в Германской Демократической Республике за последнее пятилетие.— ВВ, 1963, XXIII, с. 219—231.
 370. *Ирмшер И.* О новых справочных книгах по древней истории и о их значении для византиноведения.— ВВ, 1969, XXX, с. 132—135.
 371. *Курбатов Г. Л., Филман И. Ф.* О работе секции византиноведения и смежных дисциплин на XXV Международном конгрессе востоковедов.— ВВ, 1961, XX, с. 315—335.
 372. *К. Ю.* Вопросы византиноведения на страницах «Вестника Матенадарана».— ВВ, 1960, XVII, с. 236—240.

373. *Мещерский Н. А.* Рец. на: Aus der byzantinistischen Arbeit der Deutsche Demokratischen Republik, Bd. I. Hrsg. von Johannes Irmischer.— ВВ, 1959, XVI, с. 262—270.
374. Некоторые задачи советского византиноведения в свете трудов В. И. Ленина.— ВВ, 1961, XVIII, с. 3—7.
375. *Осинова К. А.* Сессия Отделения исторических наук АН СССР по проблемам византиноведения.— ВВ, 1960, XVII, с. 357—366.
376. *Поляковская М. А.* Студенческие работы по истории Византии в Уральском гос. университете в 1962/63 учебном году.— ВВ, 1964, XXV, с. 283—284.
377. *Сюзюмов М. Я.* Рец. на: Aus der byzantinistischen Arbeit der Deutschen Demokratischen Republik, Bd. I. Hrsg. von Johannes Irmischer.— ВВ, 1959, XVI, с. 256—262.
378. *Тимова З. Д.* Указатель статей к сборнику «Византийский временник».— ВВ, 1961, XIX, с. 351—364.
379. *Тимова З. Д.* Указатель статей к журналам «Византийский временник» и «Византийское обозрение» за 1910—1928 гг.— ВВ, 1961, XVIII, с. 312—322.
380. *Тимова З. Д.* Указатель статей по византиноведению в «Журнале Министерства народного просвещения».— ВВ, 1963, XXIII, с. 306—318.
381. *Тимова З. Д.* Указатель статей по византиноведению в изданиях периферийных университетов.— ВВ, 1964, XXV, с. 275—282.
382. *Тимова З. Д.* Указатель к статьям по византиноведению, опубликованным в «Известиях Русского археологического института в Константинополе».— ВВ, 1967, XXVII, с. 355—359.
383. *Удальцова З. В.* Международный конгресс византинистов в Мюнхене.— ВВ, 1959, XVI, с. 395—401.
384. *Удальцова З. В.* Византиноведение в СССР после Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1934 гг.).— ВВ, 1964, XXV, с. 3—31.
385. *Удальцова З. В.* Встреча византинистов в Афинах.— ВВ, 1963, XXIII, с. 319—320.
386. *Удальцова З. В.* Пятидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции и советское византиноведение.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 3—14.
387. *Удальцова З. В., Литаврин Г. Г.* Советское византиноведение в 1955—1960 гг.— ВВ, 1963, XXII, с. 3—79.
388. *Удальцова З. В.* XII Международный конгресс византинистов в Охриде.— ВВ, 1963, XXII, с. 280—297.
389. *Удальцова З. В.* Научные итоги XIII Международного конгресса византинистов.— ВВ, 1968, XXVIII, с. 307—313.
390. *Фрагачес Э.* Византиноведение в Румынской Народной Республике в 1956—1961 гг.— ВВ, 1963, XXII, с. 108—123.
391. *Церан В.* Польское византиноведение в 1957—1961 гг.— ВВ, 1963, XXII, с. 100—107.
392. Аннот. к: «Ελληνικά», XII—XVII, 1952—1962.— ВВ, 1964, XXIV, с. 243—247.

Персоналия

393. *Банк А. В.* Леонид Антонович Мацулевич (1886—1959).— ВВ, 1960, XVII, с. 373—375.
394. *Банк А. В.* Ф. И. Шмит. (К 90-летию со дня рождения).— ВВ, 1969, XXX, с. 318—320.
395. *Горянов Б. Т.* Николай Степанович Лебедев (1893—1959).— ВВ, 1961, XVIII, с. 361—364.
396. *Гранстрем Е. Э., Шандровская В.* Петр Викторович Ернштедт (Некролог).— ВВ, 1968, XXVIII, с. 319—323.
397. *Гращенков В. Н.* Виктор Никитич Лазарев. (К семидесятилетию со дня рождения).— ВВ, 1969, XXIX, с. 3—31.
398. К семидесятилетию члена-корреспондента АН СССР Н. В. Пигулевской.— ВВ, 1964, XXIV, с. 290—291.
399. К семидесятилетию М. Я. Сюзюмова.— ВВ, 1963, XXIII, с. 321.
400. *Карышковский П. О.* Артемий Григорьевич Готалов-Готлиб.— ВВ, 1962, XXI, с. 275—276.
401. *Кечакмадзе Н. Н.* (1917—1967).— ВВ, 1969, XXX, с. 316—317.
402. *Куסיцкий И. К.*— ВВ, 1967, XXVII, с. 363—364.
403. *Лазарев В. Н.* Лидия Александровна Дурново.— ВВ, 1963, XXIII, с. 322—323.
404. *Лазарев В. Н.* Николай Петрович Сычев.— ВВ, 1965, XXVI, с. 291—292.
405. *Мацулевич Ж. А.* Список трудов Л. А. Мацулевича.— ВВ, 1960, XVII, с. 375—378.
406. Памяти М. Н. Тихомирова.— ВВ, 1967, XXVII, с. 360—362.
407. *Сюзюмов М. Я.* Научное наследие Б. А. Панченко.— ВВ, 1964, XXV, с. 32—52.
408. *Юрченко Е. А.* Список основных научных работ Н. С. Лебедева.— ВВ, 1961, XVIII, с. 364—365.
409. *Ю. У.* Академик Евгений Алексеевич Косминский.— ВВ, 1959, XVI, с. 403—407.

Составитель З. Д. Тимова

ОБЩИЙ АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК АВТОРОВ

- Абрамишвили Т. Я.— 321, 322
 А[веринцев] С. [С.] — 268, 269
 Алексидзе А.— 203, 265
 Ангелов Д.— 212
 Антонова В. И.— 270
 Арутюнова В. А.— 237
 Банк А. В.— 271, 272, 273, 274, 275, 393, 394
 Бартиян Р. М.— 17, 18, 164, 165, 196, 198, 199, 202, 208, 238, 320, 363
 Бегунов Ю. К.— 166
 Белоброва О. А.— 276
 Бенедикти Р.— 19, 20, 365, 366
 Бешевлиев В.— 21
 Богдан Д. П.— 213
 Богомолов И.— 201
 Брайчевский М. Ю.— 167, 214, 215
 Браунинг Р.— 168
 Брунов Н. Н.— 227
 Брюсова В. Г.— 22
 Вагнер Г. К.— 278, 279, 280
 Вернер Э.— 1
 Вадорнов Г. И.— 281
 Винклер С.— 24
 Воронин Н. Н.— 23, 364
 Гийан Р.— 25, 26
 Гилевич А. М.— 329
 Голейзовский Н. К.— 282, 283, 284
 Голенко К. В.— 323, 324, 325, 326, 327, 328, 330
 Горянов Б. Т.— 395
 Гранстрем Е. Э.— 27, 343, 344, 358, 359, 360, 367, 396
 Гращенков В. Н.— 397
 Гумилев Л. Н.— 169, 170
 Гусейнов Р. А.— 28
 Дворецкая И. А.— 29
 Джанполадян Р. М.— 156, 285
 Диттен Г.— 30
 Жеребцов Е. Н.— 286
 Живойинович М.— 368
 Заборов М. А.— 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 197
 Закарян П. П.— 287
 Залеская В. Н.— 288
 Зимин А. А.— 38
 Иванов А. И.— 239
 Измайлова Т. А.— 289, 290, 291, 292, 345, 361
 Ильин М. А.— 293
 Ирмшер И.— 369, 370
 Каждан А. П.— 2, 3, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 104, 105, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 154, 155, 161, 171, 172, 205, 206, 209, 210, 211, 233, 236, 240, 241, 242, 266, 267, 335, 338, 342, 354, 355, 356, 357, 392
 Казакова Н. А.— 243
 Каковкин А. Я.— 294
 Камера М. И.— 330
 Карышковский П. О.— 47, 400
 Кауфман С. А.— 48, 157, 158, 295, 296, 297
 Каухчишвили Т. С.— 339
 Кечакмадзе Н. Н.— 49, 244, 401
 Кобишанов Ю. М.— 50
 Когонаншвили К. К.— 72
 Кондов Н. К.— 216
 Копыленко М. М.— 245, 246, 247
 Корсунский А. Р.— 51
 Красавина С. К.— 349
 Кресальный Н. И.— 298
 Кропоткин В. В.— 331
 Курбатов Г. Л.— 52, 53, 371
 Кусикьян И. К.— 402
 Кучкин В. А.— 173
 Кучма В. В.— 54
 Лазарев В. Н.— 299, 300, 301, 350, 403, 404
 Лебедева И. Н.— 174
 Левицкая В. И.— 302
 Леквинадзе В. А.— 287, 303
 Леман Н. Н.— 151
 Липшиц Е. Э.— 55, 56, 217
 Литаврин Г. Г.— 57, 58, 59, 175, 218
 Лихачева В. Д.— 176, 304, 305, 306
 Лишев С.— 4, 177, 219
 Любарский Я. Н.— 60, 61, 62, 118, 178, 179, 204, 207, 248, 249, 250
 Люблинская А. Д.— 63
 Маслев С.— 332
 Матье М. Э.— 180
 Мацулевич Л. А.— 64, 307, 405
 Медведев И. П.— 5, 162, 163
 Меликсет-Бек Л. М.— 181, 251
 Мецкерский Н. А.— 252, 253, 373
 Моравчик Д.— 65
 Мошин В. А.— 182
 Мурьянов М. Ф.— 153
 Мутафчиева В. П.— 6
 Най Ся — 333
 Наумов Е. П.— 152, 220, 221, 234
 Неусыхин А. И.— 66
 Николаевич Ч. — 368
 Нуцубидзе Ш. И.— 67, 183, 254
 Овчинникова Е. С.— 308
 Осипова К. А.— 68, 375
 Петров П.— 222
 Половой Н. Я.— 69, 184
 Полякова С. В.— 255
 Поляковская М. А.— 70, 71, 376
 Попов А. Н.— 309
 Поппэ А. В.— 351
 Постникова-Лосева М. М.— 310
 Прончатов Н. Ф.— 185
 Прохоров Г. М.— 186
 Ротач А. Л.— 311
 Самодурова З. Г.— 187, 188, 189
 Секиринский С. А.— 72
 Сивак С.— 312
 Синицына Н. В.— 190
 Скржинская Е. Ч.— 340, 341, 362
 Смирнова Э. С.— 313
 Соколов Н. П.— 73
 Соколова И. В.— 334
 Соколова Т. М.— 256
 Стоякович А.— 314
 Сыркин А. Я.— 257, 258, 259, 260, 261
 Сюжюмов М. Я.— 7, 8, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 144, 191, 352, 377, 407
 Талис Д. Л.— 9, 83, 84
 Тивчев П.— 223
 Титова З. Д.— 378, 379, 380, 381, 382
 Тиханова М. А.— 85
 Траппи М. М.— 159
 Тышкова-Займова В.— 86
 Удальцова З. В.— 87, 88, 89, 90, 91, 92, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389
 У[льянов] Ю.[Р.] — 409
 Филатов В.— 315
 Фихман И. Ф.— 10, 93, 346
 Фонкич Б. Л.— 192, 262, 347
 Франчес Э.— 11, 94, 95, 224, 390
 Фрейденберг М. М.— 16, 96, 97, 98, 193, 225, 226, 235
 Хвостова К. В.— 12, 13, 14, 15, 103, 106, 128, 194, 200, 353
 Хускивадзе Л. З.— 316
 Цанкова-Петкова Г.— 227, 228, 229, 230
 Церан В.— 391
 Цончев Д. К.— 231
 Шандровская В. С.— 336, 337
 Шелковников Б. А.— 317
 Шитиков М. М.— 98а
 Шульц Ю. Ф.— 263
 Шуринова Р. Д.— 318
 Шусторович Э. М.— 232
 Шапов Я. Н.— 99
 Шапова Ю. Л.— 195
 Юзбашян К. Н.— 100, 372
 Юрченко Е. А.— 408
 Якобсон А. Л.— 101, 102, 160, 319

ХРОНИКА

МИХАИЛ ЯКОВЛЕВИЧ СЮЗЮМОВ

(К восьмидесятилетию со дня рождения)

Михаил Яковлевич Сюзюмов — старейшина советского византиноведения. Его первые статьи — «Об историческом труде Феодора Дафнопата» и «Об источниках Льва Диакона и Скилицы» — были опубликованы в начале нашего века, в 1916 г. И с юношеских лет, когда он впервые встал на путь византиноведческих штудий, до своего восьмидесятого года он пронес страстную увлеченность поиском научной истины, смелость в научных обобщениях, желание спорить и сомневаться во имя науки.

Научные труды М. Я. Сюзюмова имеют свой почерк. Великолепный знаток источников древности, он в то же время подлинный энциклопедист в сфере истории и культуры средневековья. Необычайная широта эрудиции позволяет ему сочетать конкретные — вплоть до терминологического анализа — исследования с теоретическими обобщениями в больших временных срезах. В его трудах синтезируются лучшие из методов источниковедческого анализа русской школы византиноведения и марксистские методологические принципы. Имя М. Я. Сюзюмова произносят с уважением все медиависты. Труды его снискали известность в научных кругах византинистов зарубежных стран.

* * *

М. Я. Сюзюмов родился 20 ноября 1893 г. в Ставрополе в семье ветеринарного врача. Окончив в 1911 г. с золотой медалью гимназию, он поступил на историко-филологический факультет университета в Юрьеве (Тарту). Студент Михаил Сюзюмов встретился здесь с крупными учеными: профессорами М. Н. Крашенинниковым, Е. В. Тарле, В. Е. Регелем, А. А. Васильевым, И. И. Лаппо. За работу «Южноитальянские норманны и Византия», написанную в семинаре у В. Е. Регеля, ему была присуждена золотая медаль.

После окончания университетского курса с дипломом кандидата истории М. Я. Сюзюмов был оставлен при университете в качестве профессорского стипендиата для завершения научной работы. Октябрьская революция застала молодого ученого в Петрограде, где он работал над магистерской диссертацией по Дафнопату. Начавшаяся гражданская война прервала его научно-исследовательскую деятельность: М. Я. Сюзюмов вступил в ряды Красной Армии.

После гражданской войны М. Я. Сюзюмову не пришлось вернуться к научным занятиям. Перед Советской республикой наряду со многими другими стояла проблема народного образования — и М. Я. Сюзюмов стал учителем истории в школах Златоуста и Свердловска, а затем преподавателем в вузах.

Все эти годы М. Я. Сюзюмов не оставлял занятий избранной в молодые годы областью науки — византиноведением. В 1940 г. появилась его небольшая статья о происхождении слова «Россия», а в 1943 г. он защитил при МГУ кандидатскую диссертацию «Социальная сущность иконоборческого движения в Византии». Его исследования в этот период необычайно широки как по объему проблем (и экономика, и политика, и право), так и по хронологическим рамкам. В мае 1954 г. М. Я. Сюзюмов защитил при Институте истории АН СССР докторскую диссертацию «Производственные отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма».

Следующее за этим 20-летие — самый плодотворный этап в жизни М. Я. Сюзюмова. С 1955 г. он возглавил кафедру всеобщей истории в Уральском университете. В том же году он был введен в состав редакционной коллегии сборника «Византийский временник». По инициативе М. Я. Сюзюмова в Уральском университете был организован выпуск сборников «Античная древность и средние века» (под его руководством к настоящему времени вышло девять выпусков). Ученый выступал с докладами на Все-

союзных конференциях византинистов и медиевистов в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Ереване, Перми, на XIII Международном конгрессе исторических наук, он был одним из авторов доклада «Город и деревня в Византии в IV—XII вв.», представленного советской делегацией на XII Международном конгрессе византинистов в Югославии. В 1969 г. благодаря плодотворной научно-педагогической деятельности М. Я. Сюзюмова и созданию им в Уральском университете целой группы молодых ученых-византинистов Свердловск был избран местом проведения VIII Всесоюзной конференции византинистов; ее безупречная организация является несомненно заслугой М. Я. Сюзюмова.

* * *

Значительным вкладом М. Я. Сюзюмова в историческую науку явились осуществленные им публикации византийских источников. Знаток древних языков, он умеет найти неожиданное прочтение сложных фрагментов текста, уловить тончайшие нюансы мысли древнего автора. Перевод М. Я. Сюзюмовым уникального памятника — «Книги Эпарха», сопровождаемый обстоятельным комментарием, стал значительным событием в византиноведении. Этот источник благодаря предложенной М. Я. Сюзюмовым интерпретации его был широко введен в научный оборот как памятник, позволяющий говорить о своеобразных формах организации византийского ремесла и торговли в X в.

О широте эрудиции М. Я. Сюзюмова свидетельствует обращение его к переводам очень несходных по характеру источников самых различных периодов византийской истории. Переведенный им трактат Юлиана Аскалонита «О законе и об обычаях Палестины» говорит о принципах градостроительства, применявшихся в VI в. Перевод «Морского закона» был вкладом в изучение организации византийской торговли. Прочтение текста энкомия Льва Диакона в честь императора Василия II свидетельствует о тонком умении ученого дать ценную интерпретацию риторического опуса.

Серьезная источниковедческая работа сопровождает не только переводы М. Я. Сюзюмова, она пронизывает все его научные изыскания. От первой его статьи о текстах Льва Диакона и Скилицы до одной из последних — «О понятии «трудящийся» в Византии» принцип «ad fontes» проявился в полной мере.

Весомую часть научных трудов М. Я. Сюзюмова составляют терминологические исследования. Оригинальное толкование терминов *νομία*, *ἐντεία*, *τραχύνω* послужило ему основой для статьи «О запрете накопления наличными деньгами в Византии»; большой научный интерес вызвало и толкование М. Я. Сюзюмовым терминов *νεφέλειν*, *μερίσθαι*, *ἐπιβολή* по Земледельческому закону.

Великолепное знание источников самых различных жанров, относящихся ко всему периоду существования Византийской империи (а также античных), позволяет ученому быть во всеоружии в любом научном споре. Большой запас аргументов, цитирование экспромтом греческих текстов говорят о его каждодневной и многолетней работе над источниками.

* * *

Говоря о сфере научных интересов М. Я. Сюзюмова, трудно определить какую-то одну, ведущую тему в его исследованиях. Своеобразие Сюзюмова как ученого — в многогранности и разнообразии сюжетов его изысканий.

М. Я. Сюзюмову принадлежит приоритет в марксистском изучении экономики византийского города. Им исследованы вопросы происхождения, спецификации города как института, роли товарно-денежных отношений в городской экономике, корпоративности ремесленного производства, своеобразия предпринимательства в системе феодальной экономики, сущности производственных отношений в византийских эмпориях. М. Я. Сюзюмов убедительно показал, что в отличие от Западной Европы византийский город всегда был центром экономики окружающего его района. Анализ общественных отношений VII—IX вв. привел ученого к выводу о широком распространении товарно-денежного хозяйства в «темные века» византийской истории. В своих работах М. Я. Сюзюмов выступает против абстрагирования основной экономической функции города от политически-правовой, идеологической и культурной при определении города как общественного института.

Одним из первых среди советских византинистов приступил М. Я. Сюзюмов к марксистской разработке связи византийского города с деревней. Он показал, как город через налоговый аппарат и торговлю эксплуатировал деревню и, насколько было возможно в тех условиях, задерживал торжество сеньориальных форм эксплуатации.

В течение многих лет внимание М. Я. Сюзюмова привлекает проблема генезиса феодальных отношений в Византии. Считая Византию страной, где процесс генезиса феодализма был классическим, М. Я. Сюзюмов усматривает в обществе приходящего в упадок античного мира две тенденции: одну — ведущую к укреплению мелкого хозяйства, другую — ведущую к развитию крупного землевладения. Интересным представляется наблюдение о самоорганизации крестьянства и укреплении общины в VII—VIII вв. как о временном отходе от тех элементов феодализации, которые уже были в римском обществе, как *conditio sine qua non* для извлечения в будущем феодальной ренты. Конкретное изучение экономики византийской деревни и социального статуса

крестьянина в период становления феодализма позволило М. Я. Сюзюмову на материале византийской истории подтвердить те закономерности общественного развития, которые были отмечены Ф. Энгельсом на основе истории Франции.

М. Я. Сюзюмовым создана оригинальная концепция столкновения различных путей формирования феодализма в Византии. Поскольку генезис феодальных отношений в Византийской империи проходил в более сложных условиях, чем во Франкском государстве, эксплуататорский класс в Византии не был столь монолитен, как на Западе. Возможность различных путей феодализации («каролингского», «венецианского», пути «восточноазиатской деспотии»), по Сюзюмову, определялась тем, какая из прослоек господствующего класса — столичная или провинциальная знать — возьмет верх.

Значителен вклад М. Я. Сюзюмова в изучение такого сложного социально-политического и религиозного движения VIII—IX вв., как иконоборчество. Ученый, вопреки господствовавшей в нашей науке концепции К. Н. Успенского, не считает иконоборчество формой борьбы светского и церковно-монастырского землевладения. По М. Я. Сюзюмову, иконоборчество, возникнув в гуще народных масс, как антицерковная ересь, превратилось в VIII в. в широкое социально-религиозное движение. Основной опорой иконоборчества в этот период была знать византийских провинций, выступавшая против господства константинопольской городской знати.

Много творческих сил отдано М. Я. Сюзюмовым изучению византийской идеологии и политики. Для научного почерка ученого характерно стремление усмотреть в частных фактах и ситуациях проявление общих тенденций исторического развития. Так, смутное время правления Андроника I Комнина М. Я. Сюзюмов рассматривает как попытку установления в Византии централизованной феодальной монархии типа абсолютизма. К несомненным научным заслугам ученого относится попытка дать новую оценку значения движения зилотов. Отказавшись от находившего общее признание тезиса о проявлении в фессалоникийском восстании антифеодальной борьбы городских плебейских масс, М. Я. Сюзюмов рассматривает зилотское движение как попытку предпринимательских кругов поздневизантийского города преодолеть феодальную раздробленность через установление союза с центральным правительством Анны Савойской и Апокавка.

Излюбленной сферой научных штудий для М. Я. Сюзюмова является право. Знатоком римских и византийских юридических источников, он настойчиво отстаивает тезис о жизнестойкости рецептированного римского права в условиях Византийской империи. Немало страниц в его исследованиях посвящено выявлению юридического статуса угнетенных слоев населения империи. Интересную юридическую аргументацию содержит большая статья «Трудовые конфликты в Византии», подготовленная М. Я. Сюзюмовым к XIV Международному конгрессу византистов.

Полемичны и остры историографические работы М. Я. Сюзюмова, в частности его статья «Научное наследие Б. А. Панченко», а также многочисленные рецензии на работы советских и зарубежных византистов.

Широкий научный диапазон и эрудиция позволяют М. Я. Сюзюмову на основе конкретных исследований проводить сравнительный анализ разновременных явлений, обобщать и классифицировать византийский исторический материал. Свою точку зрения на проблему генезиса феодализма, на пути феодального развития Византии и закономерности эволюции византийского города он сформулировал в статье «Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории». В этой работе получила дальнейшее развитие выдвинутая М. Я. Сюзюмовым теория континуитета исторического развития; при этом континуитет понимается им как преемственность, когда при переходе к новым отношениям конструктивное сочетается с деструктивным, когда развитие совершается на базе достижений старого строя при отмирании его тормозящих прогресс основ.

* * *

Научному стилю трудов ученого присуща полемичность. В начале 50-х годов в статье «Об основном экономическом законе феодальной формации» он изложил свои взгляды на ряд спорных вопросов феодальной экономики. Приняв участие в известной дискуссии 50-х годов о падении рабовладельческого строя в Римской империи, М. Я. Сюзюмов опубликовал статью «К вопросу о процессах феодализации в Римской империи», где, относя начало феодализации Византии ко времени не ранее VII в., выступил против тезиса о гибели рабовладельческого строя в III—IV вв. Не отрицая значения славянских вторжений на территорию Византийской империи, ученый считает византийскую общину VII—VIII вв. поселением мелких частных собственников, объединенных коллективной собственностью на неподеленные земли. В эти же годы М. Я. Сюзюмов выступил против тезиса о существовании централизованной ренты в IX—X вв., отмечая различие между рентой и налогом.

Творческая мысль ученого постоянно устремлена к поиску научной истины. Во имя нее он способен не соглашаться с самим собой, пересматривать положения своих давних работ (как, например, в оценке колоната). Он никогда не замыкает живой материал истории в догматически мертвую схему, всегда ищет новый угол зрения, не отступая при этом ни на йоту от марксистского учения об обществе.

М. Я. Сюзюмову, крупному ученому и замечательному педагогу, человеку большой души, исполняется 80 лет. Годы не отняли у него ни присущей ему энергии и увлеченности в научных исканиях, ни зоркости и острой критичности ума. Впереди много научных планов. Первый из них — подготовка к печати «Истории» Льва Диакона с обширной вводной статьей и комментариями. М. Я. Сюзюмов исследует проблему так называемого синтеза в переходе к феодализму, размышляет над вопросами двойственности христианского богословия IV—V вв. Пусть сбудутся все его планы!

М. А. Поляковская

Список трудов М. Я. Сюзюмова

1916

1. Об историческом труде Феодора Дафнопата. — «Византийское обозрение». Юрьев, 1916.
2. Об источниках Льва Диакона и Скилицы. — «Византийское обозрение», Юрьев, 1916.

1940

3. К вопросу о происхождении слова «Россия». — «Вестник древней истории», 1940, № 2, стр. 121—122.

1947

4. О запрете накопления наличными деньгами в Византии. — ВВ, I, 1947, стр. 267—269.

1948

5. Проблемы иконоборческого движения в Византии. — «Ученые записки СГПИ». Свердловск, 1948, вып. IV, стр. 48—110.

1949

6. Книга Эпарха. — «Ученые записки СГПИ». Свердловск, 1949, вып. VI.

1951

7. Еще раз о юридических источниках для истории колоната. — «Вестник древней истории», 1951, № 4, стр. 83—88.
8. Ремесло и торговля в Константинополе. — ВВ, IV, 1951, стр. 11—41.

1952

9. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи VI в. — «Ученые записки УрГУ». Свердловск, 1952, вып. 11, стр. 84—134.
10. Рец. на кн.: А. Handjiniolau-Marava. Recherches sur des esclaves dans le monde Byzantin. Athènes, 1950. — ВВ, V, 1952, стр. 280—283.

1953

11. О социальной сущности законодательства Василика. — ВВ, VI, 1953, стр. 72—87.
12. Рец. на кн.: Ф. Я. Полянский. Очерки социально-экономической политики цезарей. — «Вопросы истории», 1953, № 7, стр. 162—166.
13. Рец. на кн.: А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии. Тула, 1951. — ВВ, VI, 1953, стр. 281—284.
14. Рец. на кн.: М. В. Левченко. Синезий и его речь о царстве. Л., 1951. — ВВ, VI, 1953, стр. 279—281.
15. Рец. на кн.: J. Vogt. Constantin der Grosse. München, 1949. — ВВ, VII, 1953, стр. 330—337.

1954

16. Об основном экономическом законе феодальной формации. — «Вопросы истории», 1954, № 7, стр. 117—122.
17. Производственные отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма. — Автореферат докторской диссертации. Свердловск, 1954.

1955

18. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи. — «Вестник древней истории», 1955, № 1, стр. 51—67.
19. О правовом положении рабов в Византии. — «Ученые записки СГПИ». Свердловск, 1955, вып. 11, стр. 165—191.

20. Contributii la problema procesului de feudalizare a imperiului roman.— «Annale romano-sovietico, Seria istoria». București, 1955, N 3 (11).

1956

21. Разделение церквей в 1054 г.— «Вопросы истории», 1956, № 8, стр. 44—57.
22. Роль городов-эмпориев в истории Византии.— ВВ, VIII, 1956, стр. 26—41.
23. Рец. на кн.: *Агафий*. О царствовании Юстиниана. Перевод, статьи и примечания М. В. Левченко. М., 1953.— ВВ, IX, 1956, стр. 250—254.
24. О характере и сущности византийской общины по земледельческому закону.— ВВ, X, 1956, стр. 27—47.
25. Экономика пригородов византийских крупных городов.— ВВ, XI, 1956, стр. 55—81.
26. Zur Frage der Feudalisierung-prozesse in Römerreich.— «Sowjetwissenschaft». Berlin, 1956, N 3.

1957

27. Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 году.— ВВ, XII, 1957, стр. 58—74.
28. Zur Frage der Feudalisierung-prozesse in Romerreich.— «Bibliotheca Classica Orientalis». Berlin, 1957, № 1.

1958

29. Василики как источник для внутренней истории Византии.— ВВ, XIV, 1958, стр. 67—75.
30. О наемном труде в Византии.— «Ученые записки УрГУ». Свердловск, 1958, вып. 25, стр. 147—173.
31. О наемном труде в период кодификации римского права.— «Вестник древней истории», 1958, № 2, стр. 132—142.
32. Об эволюции свободной крестьянской общины в Византии в период генезиса феодализма.— «Научные исследования исторического факультета УрГУ за 1958 г.». Свердловск, 1959.
33. Экономические воззрения Льва VI.— ВВ, XV, 1958, стр. 33—49.
34. Рец. (в соавторстве с И. С. Черновой) на кн.: *Klaus Herman*. Der Brand von Byzans. Weimar, 1956.— ВВ, XIII, 1958, стр. 290—292.
35. Le schisme de 1054.— «Recherches internationales à la lumière du marxisme». Paris, 1958, III—IV.

1959

36. Некоторые проблемы истории Византии.— «Вопросы истории», 1959, № 3, стр. 98—117.
37. Рец. на кн.: *Aus der byzantinischen Arbeit der Deutschen Demokratischen Republik*, Bd. 1.— ВВ, XVI, 1959, стр. 256—262.
38. Le schisme de 1054.— «Recherches internationales à la lumière du marxisme». Paris, 1959, VI.
39. Рец. на кн.: *F. Pringsheim*. Zum Plan einer neuen Ausgabe des Basiliken. Berlin, 1956.— ВВ, XV, 1959, стр. 255—262.

1960

40. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии.— ВВ, XVII, 1960, стр. 3—16.
41. О трактате Юлиана Аскалонита.— Сб. «Античная древность и средние века». Свердловск, 1960, вып. 1, стр. 3—34.
42. Андроник I.— СИЭ, т. 1, стб. 577.
43. Андроник II.— СИЭ, т. 1, стб. 577—578.
44. Афонские акты.— СИЭ, т. 1, стб. 968.

1961

45. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии.— «Византийские очерки», 1961, стр. 34—63.
46. Деревня и город в Византии IX—X вв.— Из коллективного доклада делегации советских ученых на XII Международном конгрессе византинистов. Белград — Охрид, 1961.
47. Рец. на кн.: *I. Karayannopoulos*. Das Finanzwesen des Frühbyzantinischen Staates. München, 1958.— ВВ, XX, 1961, стр. 261—267.
48. In jurul problemei particularităților genezei și desvoltării feudalismului în Bizant — «Analele romino-soviet, ser. istorie». București, 1961, 4 (36), p. 68—82.
49. Рец. на кн.: *З. В. Удальцова*. Италия и Византия в VI веке. М., 1959.— ВВ, XIX, 1961, стр. 283—293.
50. Византийская книга эпарха. М., 1962.

1962

51. Рец. на кн.: *А. П. Каждан*. Деревня и город в Византии в IX—X вв. Очерки истории византийского феодализма. М., 1960.—ВВ, XXI, 1962, стр. 209—217.

1963

52. Великий раскол.— СИЭ, т. 3, стб. 145—146.
 53. Византия.— СИЭ, т. 3, стб. 439—463.
 54. Проблема социально-политической сущности арианства.— «Сборник материалов научной сессии вузов Уральского экономического района (февраль 1963 г.) Исторические науки». Свердловск, 1963.
 55. Основные направления историографии истории Византии иконоборческого периода.— ВВ, XXII, 1963, стр. 199—226.
 56. Рец. на кн.: *Е. Э. Липшиц*. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII — первая половина IX в.). М.—Л., 1960.— «Вопросы истории», 1963, № 4, стр. 146—149.
 57—58. Рец. на кн.: *J. Meyendorff*. Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. Paris, 1959.—ВВ, XXIII, 1963, стр. 262—267.
 59. Рец. на кн.: *Г. Г. Литаверин*. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960.—ВВ, XXII, 1963, стр. 298—304.
 60. Таблицы по хронологии.— Свердловск, 1963.

1964

61. Десятина.— СИЭ, т. 5, стб. 135—136.
 62. Диссиденты.— СИЭ, т. 5, стб. 241—242.
 63. Догматы.— СИЭ, т. 5, стб. 269—270.
 64. Докетизм.— СИЭ, т. 5, стб. 274.
 65. Доместик.— СИЭ, т. 5, стб. 286.
 66. Записка греческого топарха.— СИЭ, т. 5, стб. 622.
 67. Зилоты.— СИЭ, т. 5, стб. 688.
 68. Жития святых.— СИЭ, т. 5, стб. 553—555.
 69. Индикоплов.— СИЭ, т. 5, стб. 844.
 70. Индикт.— СИЭ, т. 5, стб. 845.
 71. Иконоборчество.— СИЭ, т. 5, стб. 783.
 72. Рец. на кн.: *Г. Л. Курбатов*. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л., 1962.—ВВ, XXV, 1964, стр. 243—249.
 73. Рец. на кн.: *Б. Т. Горянов*. Поздневизантийский феодализм. М.—Л., 1962.—ВВ, XXV, 1964, стр. 236—243.
 74. Научное наследие Б. А. Панченко.— ВВ, XXV, 1964, стр. 32—52.
 75. Аннот. на кн.: *F. Thiers*. Die griechischen Kaiser. Hamburg — Wien, 1959.— ВВ, XXIV, 1964, стр. 250.
 76. Zur Frage der Besonderheiten der Entwicklung des Feudalismus in Byzanz.— Bibliotheca Classica Orientalis. Berlin, 1964.
 77. Календарь.— СИЭ, т. 6, стб. 841—851.
 78. Канон.— СИЭ, т. 6, стб. 961.

1965

79. Противоречия между плебейскими массами и зилотами в 1342—1348 годах в Фессалониках.— VII Всесоюзная конференция византистов в Тбилиси. 13—18 декабря 1965 г. «Тезисы докладов». Тбилиси, 1965.
 80. О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе.— Сб. «Античная древность и средние века». Свердловск, 1965, вып. 3, стр. 5—16.

1966

81. Новое исследование о восстании самаритян в 529—530 гг.— «Вопросы истории», 1966, № 4, стр. 197—198.
 82. Откуда пошло наше летосчисление.— Календарь-справочник Свердловской области, 1966, стр. 14—15.
 83. Предпринимательство в византийском городе.— Сб. «Античная древность и средние века». Свердловск, 1966, вып. 4, стр. 230.
 84. Проблема возникновения средневекового города.— «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе. Тезисы докладов». М., 1966, стр. 17—23.
 85. Социальная сущность движения зилотов в Фессалонике в 1342—1349 гг.— «Доклады и сообщения по древней истории и истории средних веков на 2-й научной сессии вузов Уральского экономического района». Пермь, 1966, стр. 86—92.

1967

86. Византийский город (середина VII — середина IX в.).— ВВ, XXVII, 1967, стр. 38—70.
 87. Христианская церковь в IV—VI вв.— В кн.: «История Византии», т. I. М., 1967, гл. VI.

88. Внутреннее и внешнее положение византийского государства в IV в.— Там же, гл. VII.
89. Внутренняя и внешняя политика Византии и народные движения в первой половине V в.— Там же, гл. VIII.
90. Внутренняя и внешняя политика Византии и народные движения во второй половине V в.— Там же, гл. IX.
91. Основные источники по истории Византии конца VII — середины IX в.— Там же, т. II. М., 1967, гл. I.
92. Социально-экономические отношения и государственный строй в Византии в конце VII — середине IX в. Город.— Там же, гл. II, § 2.
93. Социально-политическая борьба и внешнее положение империи в конце VII — начале VIII в.— Там же, гл. III.
94. Первый период иконоборчества.— Там же, гл. IV.
95. Второй период иконоборчества.— Там же, гл. V.
96. Философия и богословие.— Там же, т. III. М., 1967, гл. XV.
97. Новое исследование о восстании Фомы Славянина. Travaux et Mémoires. Paris, 1965, № 1.— «Вопросы истории», 1967, № 3, стр. 202—204.

1968

98. К вопросу о характере выступления зилотов в 1342—1349 гг.— ВВ, XXVIII, 1968, стр. 15—37.
99. Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории (в порядке дискуссии).— ВВ, XXIX, 1968, стр. 32—44.
100. Почему обижен месяц февраль.— Календарь-справочник Свердловской области. Свердловск, 1968, стр. 36—37.
101. Проблема возникновения средневекового города в Западной Европе.— «Средние века», 1968, вып. 34, стр. 77—87.
102. Таблицы по хронологии (Пособие к специальному курсу «Техническая хронология»), 2-е изд. Свердловск, 1968.
103. Всеобщая история в Свердловске перед юбилейным годом.— «Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917—1967. Материалы 3-й научной сессии вузов Уральского экономического района (исторические науки)». Свердловск, 1968, вып. 2, стр. 3—12.

1969

104. Морской Закон.— Сб. «Античная древность и средние века». Свердловск, 1969, вып. 6, стр. 3—54.

1970

105. Андроник I.— БСЭ, т. 2, стб. 52, стр. 22.
106. Андроник II.— БСЭ, т. 2, стб. 52, стр. 22.
107. VIII Всесоюзная сессия византинистов.— «Вопросы истории», 1970, № 8, стр. 168—172.
108. Венеты и прасины.— БСЭ, т. 4, стб. 1507—1508, стр. 507.

1971

109. Мировоззрение Льва Диакона.— Сб. «Античная древность и средние века». Свердловск, 1971, вып. 7, стр. 127—148.
110. Трудовые конфликты в Византии.— «Византийские очерки». М., 1971.

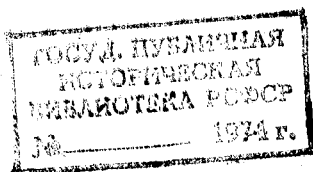
1972

111. Дофеодальный период.— Сб. «Античная древность и средние века». Свердловск, 1972, вып. 8, стр. 3—41.
112. О понятии «трудящийся» в Византии.— ВВ, XXXIII, 1972, стр. 3—6.
113. Рец. на кн.: З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969.— ВВ, XXXIII, 1972, стр. 230.
114. Хронология всеобщая. Пособие к практическим занятиям для студентов.— Свердловск, 1971, изд. 3-е.

Составитель Н. И. Бармина

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ — Античная древность и средние века
 ВВ — Византийский временник
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВИ — Вопросы истории
 ВО — Византийские очерки
 ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина
 ГСУ — Годовик на Софийский университет
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ЗРВИ — Сборник Радова. Византологический Институт
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности
 ИП — Исторически преглед
 ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе.
 НАА — Народы Азии и Африки
 ОИДР — Общество истории и древностей российских
 ППС — Православный палестинский сборник
 ПС — Палестинский сборник
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 РИБ — Русская историческая библиотека
 СА — Советская археология
 САГУ — Среднеазиатский государственный университет
 САН — Српска Академија Наука
 СЭ — Советская этнография
 ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
 AASS — Acta Sanctorum
 AIEB. Bulletin — Association Internationale des études byzantines. Bulletin d'information et de coordination
 BCH — Bulletin de correspondance hellénique
 Bibl. gr. — K. Sathas. Bibliotheca graeca medii aevi
 BNJbb — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher
 BS — Byzantinoslavica
 BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies
 Byz. — Byzantion
 BZ — Byzantinische Zeitschrift
 CJ — Codex Justinianus
 CTh — Codex Theodosianus
 DOP — Dumbarton Oaks Papers
 ЕΕΒΕ — Ἑπετηρίς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
 Jus — K. Zachariae von Lingenthal. Jus graeco-romanum
 MM — F. Miklosich — J. Müller. Acta et diplomata graeca medii aevi
 PG — Patrologiae cursus completus. Series graeca
 RE — Paulŷ — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
 REB — Revue des études byzantines
 REG — Revue des études grecques
 RESEE — Revue des études sud-est européennes
 SBAW — Sitzungsberichte der Bayerische Akademie der Wissenschaften
 SKAW — Sitzungsberichte der Kaiserliche Akademie der Wissenschaften

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

М. Я. Сюзюмов (Свердловск). Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада	3
Г. Л. Курбатов (Ленинград). Разложение античной городской собственности в Византии IV—VII вв.	19
Г. Е. Лебедева (Ленинград). Кодексы Феодосия и Юстиниана об источниках рабства	33
Г. Г. Литаеврин (Москва). Проблема государственной собственности в Византии X—XI вв.	51
З. В. Удальцова (Москва). Философские труды Виссариона Никейского и его гуманистическая деятельность в Италии	75
Я. Н. Любарский (Ленинград). Пселлы в отношениях с современниками (Пселл и семья Кирулариев)	89
Е. Ч. Скржинская (Ленинград). Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Якопо Корнаро 1362 г.)	103
А. И. Иванов (Ленинград). Максим Грек и итальянское Возрождение (окончание)	119
В. А. Арутюнова (Ереван). Византийские правители Эдессы в XI в.	137
С. П. Карпов (Москва). Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII—XV вв.	154
П. Тивчев (София). Леонтий Махера как историк Кипра	165
Ф. Д. Мамедова (Баку). О хронологической системе «Истории албан» Мовсэса Каганкатваци	181
С. В. Полякова (Ленинград). Некоторые наблюдения над повествовательной манерой Евмафия Макремволита	187
Г. В. Алферова (Москва). Кормчая книга как ценнейший источник древнерусского градостроительного законодательства. Ее влияние на художественный облик и планировку русских городов	195
Н. К. Голейзовский (Москва). Елифаный Премудрый о фресках Феофана Грека в Москве	221
Т. А. Измайлова (Ереван). К вопросу об армянском Ренессансе	226
Э. В. Ртвеладзе, Ш. С. Ташигоджаев (Ташкент, Самарканд). Об одной тюрко-согдийской монете с христианскими символами	232
Е. Э. Гранстрем (Ленинград). Владимир Николаевич Бенешевич (к 100-летию со дня рождения)	235

Сообщения

Э. И. Чудиновский. Далматинский нотариат и его византийские корни	244
---	-----

Критика и библиография

Р е ц е н з и и

А. С. Козлов. Г. Л. Курбатов. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. (конец античного города в Византии). Л., Изд-во ЛГУ, 1971	249
А. П. Каждан. Theodori Prodromi de Manganis, ed. S. Bernardinello. — «Università di Padova. Studi bizantini e neogreci», 4	252
Я. Н. Любарский, A. G a d o l i n. A Theory of History and Society with special reference to the Chronographia of Michael Psellos; 11-th Century Byzantium. Stockholm, Göteborg, Uppsala, 1970	254
И. С. Чичуров. F. H. T i n n e f e l d. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Niketas Choniates. München, 1971	256

Ἀλκμήνης Σταυρίδου-Ζαφράκα Ἡ συνατήρη Σύμωον καὶ Νικολάου Μυστικῶ (Αὐγουστος 913). Στα πλαίσια τοῦ βυζαντινοβουλγαρικοῦ ἀνταγωνισμοῦ.— «Κέντρον Βυζαντινῶν Ἑρευνῶν», 1972	260
D. O b o l e n s k y. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500—1453. London. Weidenfeld and Nicolson, 1971	261
A. G u i l l o u. Studies on Byzantine Italy. London, 1970	262
D. J a c o b y. La féodalité en Grèce médiévale. Les «Assises de Romanie». Sources, Application et diffusion.— «Documents et recherches sur des pays byzantins, islamiques et slaves et leurs relations commerciales au Moyen âge», sous la direction de P. Lemerle, X. Paris, La Haye, 1971	263
D. P o d s k a l s k y. Byzantinische Reichsideologie. Die Periodisierung der Weltgeschichte in den vier Grossreichen (Daniel, 2 und 7) und dem Tausendjährigen Friedensreiche (Apok., 20). Eine motivgeschichtliche Untersuchung.— «Münchener Universitäts-Schriften. Reihe der philosophischen Fakultät», 9. Wilhelm Fink Verlag. München, 1972	264
И. З а и м о в. Битолски надписъ на Иван Владислав самодържец български. Старобългарски паметник от 1015—1016 година. София, 1970	266
St. I. K u r u s e s. Μανουήλ Γαβαλάς εἰς τὰ Ματθαῖος μητροπολίτης Ἐφέσου Α'—Βιογραφικά. Ἀθήναι, 1972	266
A. A. A n g e l o p o u l o s. Νικόλαος Καβάσιλας χαμαστός. Ἡ ζωὴ καὶ τὸ ἔργον αὐτοῦ. Θεσσαλονίκη, 1970	268
K. P. M a t s c h k e. Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert. Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354.— «Berliner byzantinische Arbeiten», Bd. 42. Akademie-Verlag. Berlin, 1971	270
B. K r e k i ě. Dubrovnik in the 14th and 15th Centuries: a City between East and West. Norman, University of Oklahoma Press, 1972	272
G r é g o i r e d e N a z i a n z e. La passion du Christ. Tragédie. Introduction, texte critique, traduction, notes et index de A. Tuilier. Paris, 1969	274
A r e t h a e Archiepiscopi Caesariensis Scripta minora, rec. L. G. Westerink. Vol. I—II. Lipsiae in aedibus B. G. Teubneri, 1968—1972	275
E. T r a p p. Digenis Akrites. Synoptische Ausgabe der ältesten Versionen («Wiener Byzantinische Studien», Bd. VIII). Wien, 1971	276
M i c h e l I t a l i k o s. Lettres et discours, édités par P. Gautier.— «Archives de l'Orient chrétien», 14. Paris, 1972	277
J. L. v a n D i e t e n. Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie.— «Supplementa byzantina», Bd. 2. Walter de Gruyter. Berlin, New York, 1971	280
Codices graeci Bibliothecae Vaticanae selecti, temporum locorumque ordine digesti, commentariis et transcriptionibus instructi. Edidit Henrica Follieri (Exempla scripturarum, IV). Apud Bibliothecam Vaticanam, 1969	283
З. Д. Титова. Указатель статей к сборнику «Византийский временник» за 1959—1969 гг. (т. XVI—XXX)	286

Χ ρ ο ν ι κ α

Μιχαήλ Яковлевич Сюзюмов (Κ οςμίδεκαετηριετιῶν со дня рождения)	300
Σπiсок сокращений	307

Византийский временник, том 35

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории АН СССР*

Редактор **Ф. Н. Арский**
Художественный редактор **Н. Н. Власик**
Технический редактор **Н. Н. Плохова**

Сдано в набор 27/VI 1973. Подписано к печати 5/IX 1973
Усл. печ. л. 27,562. Уч.-изд. л. 30,8. Бумага № 1.
Формат 70×108 1/16. Тираж 1600 экз. Т-11769. Тип. зак. 2552
Цена 1 р. 95 к.

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подосенский, 21

2-я типография издательства «Наука», 121059, Москва Г-59, Шусинский пер., 10

**ПРЕДЛАГАЕМ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ
КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

Византийский временник. Т. 22. 1963. 339 стр. 1 р. 95 к.

Том посвящен вопросам историографии. Первый раздел тома знакомит читателя с достижениями византинистов Советского Союза и зарубежных социалистических стран; во втором разделе читатель найдет критический обзор состояния изучения некоторых основных проблем византиноведения в современной буржуазной историографии. Особый раздел посвящен международному конгрессу византиноведов в Охриде. Помещены также рецензии на некоторые работы советских ученых

Византийский временник. Т. 28. 1968. 326 стр. 1 р. 98 к.

28-й том «Византийского временника» состоит из двух разделов. В первом — «Статьи» — печатаются материалы, посвященные в основном двум проблемам: классовой и идейной борьбе в Византийской империи; византино-русским и византино-славянским отношениям. Публикуется «Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ», вып. 6.

Второй раздел — «Критика и библиография» — содержит обзор «Тактика Льва» в исторической литературе» (В. В. Кучма), рецензии и аннотации на новые работы византинистов, вышедшие в СССР и за рубежом.

Среди авторов статей и рецензий — ученые Москвы, Ленинграда, Свердловска, Тбилиси, Симферополя, болгарская византистка Г. Цанкова-Петкова и польский историк Древней Руси А. В. Поппе.

Сборники рассчитаны на византинистов, медиевистов, историков Древней Руси, искусствоведов, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

МОСКВА, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; **Баку**, ул. Джапаридзе, 13; **Днепропетровск**, проспект Гагарина, 24; **Душанбе**, проспект Ленина, 95; **Иркутск**, 33, ул. Лермонтова, 303; **Киев**, ул. Ленина, 42; **Кишинев**, ул. Пушкина, 31; **Куйбышев**, проспект Ленина, 2; **Ленинград**, Д-120, Литейный проспект, 57; **Ленинград**, Менделеевская линия, 1; **Ленинград**, 9 линия, 16; **Москва**, ул. Горького, 8; **Москва**, ул. Вавилова, 55/7; **Новосибирск**, Академгородок, Морской проспект, 22; **Новосибирск**, 91, Красный проспект, 51; **Свердловск**, ул. Мамина Сибиряка, 137; **Ташкент**, Л-29, ул. Ленина, 73; **Ташкент**, ул. Шота Руставели, 43; **Томск**, наб. реки Ушайки, 18; **Уфа**, Коммунистическая ул., 49; **Уфа**, проспект Октября, 129; **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42; **Харьков**, Уфимский пер., 4/6.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
97	3 сн.	1977	1967
146	8 сн.	Caris	Paris
149	4 сн.	261	250
149	1 сн.	145	144
151	9 сн.	147	417
151	3 сн.	6	64
152	8 сн.	монофистическому	монофиситскому
153	2 св.	1032	1032—1035
153	3 св.	1032—1036	1035—1036
153	8 сн.	1072—1077	1072—1078